

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

*Под редакцией
Н.Н. Кабытовой, Н.С. Кабытова, В.В. Кондрашина*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2014

УДК 947.084.21
ББК 66.017.717
А25

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов, д-р ист. наук, проф. А.С. Синявский

Научный руководитель проекта д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова

А в т о р ы :

Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, В.В. Кондрашин, Е.П. Баринаова,
Г.А. Куршева, О.А. Сухова, В.А. Юрчёнков

А25 Аграрная история XX века: историография и источники: монография /
под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. – Самара:
Изд-во «Самарский университет», 2014. – 486 с.

ISBN 978-5-86465-643-3

В настоящей монографии представлены биографии историков-аграрников XX века. Анализируются их научные труды, прослеживается взаимообусловленность их концептуальных построений от социально-политической ситуации в стране, что оказывает влияние на проблематику научных исследований. Большое внимание уделено анализу реализации международных проектов, в выполнении которых участвовали российские и зарубежные историки. Подчеркивается роль дискуссий 60-х гг. XX в. в становлении новой генерации историков 70–90-х гг., принявшей активное участие в разработке современных направлений и проблем аграрной истории.

Предназначена для преподавателей высших учебных заведений, студентов-историков, всех, кто интересуется историей России.

УДК 947.084.21
ББК 66.017.717

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-00081

ISBN 978-5-86465-643-3

© Авторы, 2014
© ФГБОУ ВПО «Самарский
государственный университет», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Раздел 1. Историки-аграрники России	
Глава 1. Проблемы аграрной истории конца XIX – начала XX века в трудах историков-аграрников	10
§ 1. Сергей Митрофанович Дубровский – исследователь аграрной истории России начала XX века	10
§ 2. Андрей Матвеевич Анфимов – выдающийся историк-аграрник XX века	13
§ 3. Аграрная история в научных трудах В.Г. Тюкавкина	19
§ 4. Проблемы аграрной истории в научных трудах Г.А. Герасименко	46
§ 5. Куйбышевский историк Е.И. Медведев	66
§ 6. Казанский историк И.М. Ионенко	74
§ 7. Самарский историк Н.Л. Клейн	80
§ 8. Петр Серафимович Кабытов – патриарх аграрной историографии Поволжья	85
§ 9. Проблемы эволюции аграрного капитализма в трудах П.И. Савельева	96
§ 10. Уфимский историк М.И. Роднов	103
§ 11. Аграрная история Поволжья в трудах Н.Ф. Тагировой	122
§ 12. Аграрная история Мордовии в сочинениях Н.В. Полина	129
Глава 2. Историографические проблемы истории крестьянства советской эпохи	163
§ 1. Виктор Петрович Данилов – выдающийся историк аграрной истории России XX века	163
§ 2. Николай Алексеевич Ивницкий – летописец трагедии советской деревни	181
§ 3. Илья Евгеньевич Зеленин – исследователь актуальных проблем аграрной истории России XX века	199
§ 4. Николай Яковлевич Гушин – патриарх аграрной историографии Сибири XX века	210
§ 5. Сергей Альбертович Есиков – историк тамбовской деревни	218

§ 6. Владимир Андреевич Ильиных – историк сибирской деревни	232
§ 7. Геннадий Егорович Корнилов – историк уральской деревни	243
§ 8. Виктор Викторович Кондрашин – историк советского крестьянства	251
§ 9. Аграрные исследования Валерия Анатольевича Юрчёнкова	267
§ 10. История коллективизации советского хозяйства в трудах Тимофея Викторовича Надькина	272
§ 11. Аграрная история Мордовии в сочинениях Льва Герасимовича Филатова	276
§ 12. Ольга Александровна Сухова – исследователь крестьянской психологии в эпоху революционных потрясений	282
§ 13. Проблемы истории мордовского крестьянства в трудах Владимира Кузьмича Абрамова	288
§ 14. Виктор Евгеньевич Малязев – летописец повседневной жизни русской деревни XX века	295
§ 15. Алла Александровна Тархова о культуре русской деревни	298

Раздел 2. Международные проекты по аграрной истории России XX века

§ 1. Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция	341
§ 2. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: к итогам российско-французского проекта	348
§ 3. Историки-аграрники в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) в рамках российско-британского международного проекта	363
§ 4. Влияние международных проектов Института российской истории РАН по истории крестьянства России в XX веке на развитие региональной аграрной историографии	368
§ 5. Японские исследования аграрной истории России XX века	373
§ 6. Историки Украины и России о голоде и «голодоморе» в Советской Украине в 1932–1933 гг.	379

Раздел 3. Региональная аграрная историография

§ 1. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография	401
§ 2. Взаимоотношения дворянских обществ и крестьянской общины на рубеже XIX–XX веков	411
§ 3. Проблемы изучения и воссоздания дворянских усадеб	417
§ 4. Новейшие исследования по аграрной истории Поволжья второй половины XIX – начала XX века	427
§ 5. Сельская поземельная община в период реализации Столыпинской аграрной реформы (обзор научной литературы)	434
§ 6. Крестьянские организации 1917 года в трудах отечественных историков	438
§ 7. Общественно-политические функции общины в 1917 году	444
§ 8. Аграрная политика сталинизма в региональной историографии: опыт Мордовии	449
Заключение	462

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается новое историографическое исследование, в котором представлен процесс изучения истории крестьянства и сельского хозяйства России, аграрной политики верховной власти в дореволюционный период, в годы функционирования советской системы и становления новой российской государственности. Данные проблемы рассматриваются также через призму взаимоотношений власти и общества. Как известно, аграрный вопрос и аграрная история России в XIX и в XX–XXI вв. находилась в центре внимания российского общества. В этой связи особое значение имела стратегия правящей коммунистической партии, осуществлявшей индустриальную модернизацию России в XX веке, реализовавшей в крестьянской среде за счет мобилизации материальных и человеческих ресурсов российской деревни в условиях авторитарного советского режима.

В этой связи мы вновь акцентируем внимание на том, что без учета аграрной специфики России на протяжении двух последних столетий невозможно понять исторические корни современных ее проблем, в том числе в области сельского хозяйства и народной культуры. В данном контексте особую значимость приобретает и аграрная историография, ее достижения, современное состояние и перспективы. В России сложилась мощная отечественная школа историков-аграрников, а сама аграрная история представляет собой одно из самых успешных и динамично развивающихся направлений в современной российской исторической науке. Его изучение – задача не одного поколения исследователей. Научная значимость проблемы состоит в необходимости обобщения лучших достижений отечественной историографии, к числу которых принадлежит и аграрная историография XX века, в которой представлены большое количество научных школ и направлений. В новейший период существенно расширилось международное сотрудничество ученых, а потому к числу актуальных проблем относится изучение зарубежного опыта осмысления ключевых проблем аграрной истории России. Мы не можем не учитывать огромную работу, которую проделали в последние десятилетия зарубежные исследователи истории крестьянства и сельского хозяйства России в XX – начале XIX вв. Во второй половине XX в на Западе возникло и успешно развивается авторитетное в настоящее время науч-

ное направление – крестьяноведение. Его сторонники активно изучают историю мирового крестьянства и сельского хозяйства. Многие западные ученые-крестьяноведы ведут научную разработку проблем аграрной истории России и добились в ее изучении несомненных успехов. В постперестроечное время они плодотворно сотрудничали с российскими коллегами в рамках различных международных проектов, организованных Российской академией наук (проектов В.П. Данилова, Теодора Шанина и др.). Их итогом стали многотомные публикации сборников документов по аграрной истории России XX века, коллективные монографии и статьи. Сравнительный анализ подходов к проблеме российских и зарубежных историков-аграрников, сильных и слабых сторон их оценок и концепций – важная научная проблема. Комплексный подход к творческому наследию мировой историографии аграрной истории России XX века с акцентом на отечественных исследователей актуален и научно значим.

Это и обусловило включение в наше исследование статьей, характеризующих реализацию совместных проектов российских и зарубежных историков.

В настоящем издании предпринят анализ творческого наследия отечественных и зарубежных исследователей аграрной истории России XX века. Авторский коллектив предпринял попытку анализа наиболее значимых аспектов проблемы. Ставилась цель выявить вклад в изучение аграрной истории России наиболее крупных отечественных историков-аграрников XX века (А.М. Анфимова, В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, В.Г. Тюкавкина, Н.Я. Гущина, Г.А. Герасименко), которые генерируя новые научные идеи задавали своим ученикам новые векторы научной работы. В этой связи подчеркнута значимость аграрной историографии на определение проблематики исследований процесс формирования новых концептуальных представлений. В рамках данного исследования предусматривалось акцентировать внимание на содержательной стороне творческого научного наследия российских и зарубежных историков-аграрников. В центре внимания оказались такие ее аспекты, как: тематика, методология, оценочные суждения и концепции, источниковая база исследований. На основе их анализа выявлены наиболее дискуссионные и актуальные вопросы аграрной истории России XX века, охарактеризованы попытки их решения в отечественной и зарубежной историографии с помощью авторских подходов и изученной источниковой базы. В ходе работы прослеживалось влияние на формирование новых концептуальных представлений творческого наследия историков и экономистов начала XX в.: А.В. Чайнова, И.П. Макарова, Н.П. Огановского и др., а также научных трудов Н.М. Дружинина, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова и др., что позволило проследить влияние традиций, сложившихся в отечественной аграрной историографии, на исследователей аграрной ис-

тории России XX века (методологии, организации научных форумов, коллективного междисциплинарного и международного сотрудничества ученых). Важное значение имела также задача определения степени эффективности разработок отечественной исторической наукой наиболее важных проблем аграрной истории России XX века, выявления ее достижений, проблем, перспектив дальнейшего развития.

Так, в ходе изучения материалов сессий Симпозиума по изучению аграрной истории Восточной Европы установлено, что это объединение историков-аграрников выполняло ведущую роль по координации научных исследований по аграрной истории. И если на первых сессиях, как правило, участники этого форума обсуждали проблемы истории крестьянства X – первой половины XIX вв., то под воздействием дискуссий 60-х гг. об особенностях аграрного строя России XIX – начала XX в. и многоукладности экономики России исследовательское поле участников Симпозиума значительно расширилось, и на сессиях увеличился удельный вес докладов по аграрной истории периода капитализма и социалистического переустройства советской деревни. Важно отметить, что в ходе деятельности сессий Симпозиума была осознана необходимость создания региональных объединений историков-аграрников. Эта идея была успешно реализована профессором Екатериной Иосифовной Индовой в Среднем Поволжье, где на конференциях историков-аграрников принимали участие помимо Е.И. Индовой, А.М. Анфимов, Н.А. Ивницкий и другие сотрудники Института истории СССР АН СССР. К числу несомненных достижений Симпозиума следует отнести подготовку и издание многотомной истории крестьянства.

Отмечено также и то, что многие историки апробировали свои научные результаты в ходе работы сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, что нашло отражение в биографических очерках, представленных в этом издании.

В книгу включены биографии историков-аграрников, которые внесли существенный вклад в аграрную проблематику, а анализ их научных трудов дает возможность проследить изменения в проблематике исследований, эволюцию их концептуальных представлений, что свидетельствует о том, что изучение аграрной истории не находилось в состоянии статичности. Отмечено также, что на развитие отечественной аграрной историографии позитивное воздействие оказало взаимодействие с ведущими историками Америки и Европы, что способствовало быстрейшему преодолению кризисных явлений в методологии исследований и переходу к новой проблематике.

Надеемся, что наше историографическое исследование даст новый импульс в изучении аграрной историографии XX–XXI вв.

В работе над настоящим изданием участвовал авторский коллектив: «Введение»: Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, В.В. Кондрашин. Раз-

дел 1, глава 1: параграфы 1–4, 6, 7, 9–11 – П.С. Кабытов, параграф 5 – Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, параграф 8 В.В. Кондрашин, параграф 12 – В.А. Юрченков. Глава II параграфы 1-7,11-13 В.В. Кондрашин, параграф 8 – Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, О.А. Сухова, параграф 9 – П.С. Кабытов, Г.А. Куршева, параграф 10, 14, 15 – В.А. Юрченков. Раздел II – В.В. Кондрашин. Раздел III параграфы 1, 2 – Е.П. Барина, параграф 3 – Е.П. Барина, П.С. Кабытов, параграфы 4–5 – П.С. Кабытов, параграфы 6, 7 – Н.Н. Кабытова, параграф 8 – В.А. Юрченков. «Заключение» – Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, В.В. Кондрашин.

Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, В.В. Кондрашин

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИКИ-АГРАРНИКИ РОССИИ

ГЛАВА 1.

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ-АГРАРНИКОВ

§ 1. Сергей Митрофанович Дубровский – исследователь аграрной истории России начала XX века

Видный советский историк Сергей Митрофанович Дубровский относится к числу первых исследователей истории аграрной революции начала XX в. Его перу принадлежит большое число монографических исследований по крестьянскому движению в период Первой российской революции, Столыпинской аграрной реформе, крестьянству периода революции 1917 г. В начале 20-х гг. в связи с юбилейной датой он выступил составителем документального сборника (совместно с женой Б.Б. Граве) по истории революционного движения в 1905–1907 гг. Итоговой работой стала его монография, работа над которой завершилась за несколько дней до его смерти¹.

Биография С.М. Дубровского нашла отражение на страницах Википедии², журнала «Вопросы истории» (некролог)³, во вступительной статье профессора Г.А. Арутюнова, председателя комиссии по изданию научных рудов С.М. Дубровского⁴.

С.М. Дубровский (2 марта 1900 г. – 19 октября 1970 г.) родился в с. Короськово, Кромского уезда Орловской губернии. В 1916 г. шестнадцатилетний Дубровский влился в состав «Группы социалистической молодежи» в Орле, стал штудировать работы К. Маркса «Капитал» и В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Летом 1918 г. он вступил в коммунистическую партию⁵, а в период Гражданской войны находился в рядах Красной Армии на политической работе.

Изучением истории аграрных отношений и классовой борьбы в деревне в начале XX в. С.М. Дубровский стал заниматься на студенческой скамье Института красной профессуры, который был создан по инициативе В.И. Ленина. Так, в 1920 г. он приступил к работе по изучению документальных материалов по проблемам истории Первой

русской революции. А в 1922 г. издательством наркомадела «Новая деревня» была опубликована монография историка «Очерки русской революции», которая была переиздана в 1923 г.⁶

Педагогическая, общественная и научная деятельность С.М. Дубровского в 20-е г. носила многогранный характер. После завершения учебы в Институте красной профессуры с 1924–1927 гг. молодой историк работал профессором и деканом экономического факультета Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве. Дубровский инициировал создание аграрной секции Коммунистической академии, которая была преобразована в Международный аграрный институт, где он выполнял обязанности заместителя директора по науке. По его инициативе были созданы журналы «На аграрном фронте», «Аграрные проблемы». Одновременно он состоял в секции русской истории РАНИОН, сотрудничал с Истпартом. Кроме того С.М. Дубровский с 1927 г. был членом Крестьянского интернационала и как член Президиума Крестьянтерна входил в состав деревенского отдела Исполкома Коминтерна.

Г.А. Арутюнов отмечает, что С.М. Дубровский во время VI Конгресса Коминтерна принимал участие в разработке его решений. Он также был привлечен к работе в составе комиссии по подготовке решений по аграрному вопросу накануне созыва XV съезда ВКП(б)⁷.

Одновременно он занимался совместно с женой Б.Б. Граве выявлением в архивах документов по крестьянскому движению 1905–1907 гг.⁸, этот проект авторы выполнили по плану Центрального Истпарта в связи с 20-летием первой русской революции. В состав издания вошли документы из фонда Департамента полиции. Привлекает внимание включенная в состав сборника диаграмма, которая дает представление о динамике выступлений крестьян и стачечного движения рабочих в городах, что по мнению составителей указывает на зависимость крестьянского движения от борьбы пролетариата.

Фундаментальный характер имела также монография С.М. Дубровского о Столыпинской реформе, которая первым изданием вышла в Ленинграде в 1925 г., вторым – в Москве в 1930 г.⁹ Монография написана на основе широкого привлечения архивных материалов, впервые введенных в научный оборот. Историк использовал также обширный документальный материал, извлеченный из статистических изданий, прессы, воспоминаний участников событий. Эту работу по изучению Столыпинской аграрной реформы он продолжил во второй половине 50-х – начале 60-х гг. В конечном счете этот труд завершился в 1963 г. публикацией третьего издания монографии, в которой документальная база была еще более расширена. Отметим, что С.М. Дубровскому в целом удалось показать состояние российской деревни накануне проведения Столыпинской реформы и проанализировать ее ход и итоги. Он однозначно говорит о крахе реформы. Как справедли-

во отмечает В.Г. Тюкавкин, оценивая это исследование Дубровского, что он «основной упор сделал на недостатки в проведении реформы, нередко не подтверждая их фактическим материалом»¹⁰. Он также отмечает, что «монография его крайне политизирована и тенденциозна и по отбору материала и по выводам»¹¹. В этой книге как и в ходе дискуссий 60-х гг. С.М. Дубровский выступает в качестве ортодоксального защитника ленинских положений, которые содержатся в произведениях вождя большевистской партии по аграрному вопросу и аграрной истории России. И в этой связи С.М. Дубровский писал: «... нельзя весь аграрный строй дореволюционной России характеризовать как преобладающий полукрепостнический и писать, что даже в годы Столыпинской перестройки деревни господствующими оставались полукрепостные производственные отношения»¹².

Отметим также и монографию С.М. Дубровского, в которой дан анализ крестьянского движения в революции 1917 г.

С.М. Дубровский принял в 1927 г. участие в дискуссии Коминтерна о путях развития восточных стран и опубликовал книгу об азиатском способе производства¹³, в которой была дана критика троцкистских воззрений. Он выступал также во второй половине 20-х гг. с критикой концепции А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Марова, А.Н. Челинцева и других историков и экономистов, которые в 20-е годы, по мнению правоверных ленинцев, затушевывали социальные противоречия в российской деревне.

Но ортодоксальные взгляды и непримиримая критика оппонентов не спасли С.М. Дубровского от репрессий. В 1935 г. С.М. Дубровский переезжает в г. Ленинград, где работает профессором, а затем деканом исторического факультета Ленинградского государственного университета. Но в 1936 г. он был обвинен в связях с Л.Д. Троцким и приговорен 25 декабря 1936 г. за организацию контрреволюционной деятельности к 10 годам исправительных трудовых лагерей и 5 годам лишения политических прав. Во время следствия и суда вину свою не признал.

Отбывал С.М. Дубровский наказание на Соловках, где читал лекции для заключенных. Переведен в Норильлаг, а затем Каларгон с последующим расстрелом. Возвращен в Норильск, за примерное поведение его срок наказания был снижен на 8 месяцев, а затем еще на 6 месяцев. Освобожден условно-досрочно 30 мая 1946 г. Жил в Казани, работал ученым секретарем в Государственном музее ТАССР. В Казани в 1949 г. был вновь арестован и сослан на поселение в Енисейск, где работал водоносом, а затем консультантом по построению экспозиции в музее, участвовал в разработке технико-экономических планов.

Освобожден в 1955 г. и последние годы жизни работал в Институте истории АН СССР (Институт российской истории РАН), где активно включился в научно-исследовательскую работу. «С.М. Дубровский при-

нимал активное участие во многих научных сессиях, симпозиумах и международных советских учениях, являлся членом советской делегации на VII и VIII международных конгрессах историков.. Он избирался в Президиум Комитета по высшему образованию, в котором работал под руководством Г.М. Кржижановского, был также членом ВАК»¹⁴.

И на закате жизненного пути он продолжал оставаться на позициях марксистско-ленинской методологии. Это ярко проявилось в ходе дискуссии об особенностях аграрного строя России, где в эмоционально насыщенной форме он отстаивал свою концепцию о значительном развитии аграрного капитализма в российской деревне¹⁵.

Как мы уже указывали выше, в начале 60-х гг. издательство «Наука» опубликовала монографию С.М. Дубровского, в которой он вновь подчеркнул свою приверженность ленинским оценкам аграрного строя России. «Правильная оценка остатков крепостничества – основа для верного понимания предпосылок первого демократического этапа революции. В то же время правильное представление о степени развития капитализма дает возможность верно оценить и наличие предпосылок второй социальной войны...»¹⁶

Социально-политическая ситуация 50-х XX в. – первая оттепель не повлияли на эволюцию взглядов С.М. Дубровского. В силу инерции он оставался на прежних позициях. Безусловно, это было связано как с возрастом и лишениями в Гулаге, но и с той романтикой революционной эпохи, которая совпала с самым плодотворным периодом научной и общественно-политической деятельности С.М. Дубровского.

А потому и в заключительной, итоговой монографии, изданной в 1975 г., он оставался на прежних позициях¹⁷. Как и ранее, эта монография носит ярко-выраженный политизированный характер. Она по существу отражает уровень развития советской аграрной историографии, которая продолжала воссоздавать исторический процесс на основе марксистско-ленинской методологии. Тем не менее современный историк-аграрник не может не учитывать историографических фактов, которые были созданы талантом одного из ведущих советских историков.

§ 2. Андрей Матвеевич Анфимов – выдающийся историк-аграрник XX века

Научное наследие Андрея Матвеевича Анфимова, выдающегося российского историка-аграрника, велико. Его жизненный путь нашел отражение в кратком очерке А.П. Корелина и И.Н. Слепнева, который был опубликован в сборнике, посвященном памяти А.М. Анфимова¹⁸.

В этом очерке приведены данные биографического характера. Отмечается, что он родился 28 октября 1916 г. в селе Полтевы Пеньки

Тамбовской губернии в крестьянской семье, которая в 1933 г. попала под раскулачивание. Биографы отмечают, что к тому времени Анфимов окончил 7 классов, работал год в начальной школе, затем поступил в ФЗУ в г. Горьком. Но в связи с раскулачиванием семьи он вынужден был вернуться в свой район, где работал бухгалтером дорожного отдела райисполкома¹⁹. Далее биографы сообщают об учебе в Московском дорожно-механическом техникуме, службе на Дальнем Востоке и в Бурятии в Красной армии, участии в Великой Отечественной войне, учебе на истфаке МГУ, службе офицера А.М. Анфимова в железнодорожных войсках в послевоенный период. Они повествуют о его учебе в аспирантуре Московского государственного университета, где под руководством профессора А.Л. Сидорова он подготовил и защитил в 1955 г. кандидатскую диссертацию²⁰.

В 1956 г. он был принят в качестве научного сотрудника в Институт истории АН СССР (Институт Российской истории РАН), где прошел все ступени карьеры от научного сотрудника до руководителя сектора истории России периода капитализма. В этом Институте он работал вплоть до 1995 г.

Научное наследие А.М. Анфимова включает в себя серию фундаментальных исследований по истории российского крестьянства пореформенного периода, начала XX в. и Первой мировой войны. Кроме того, его перу принадлежат монографии о крупном помещичьем хозяйстве Европейской России (по этой проблеме он защитил докторскую диссертацию), земельной аренде. Цикл его работ посвящен сельской поземельной общине, деятельности Крестьянского поземельного банка, П.А. Столыпину и Столыпинской аграрной реформе.

Особое место в творчестве Анфимова занимают труды по методологии аграрной истории, историографии и методике изучения крестьянского движения и социальной структуры деревни. Весьма значима его деятельность как археографа, редактора и составителя фундаментальных публикаций документов и материалов, вошедших в сборники серии «Крестьянское движение» в конце XIX – начала XX вв., сельской общины. В качестве составителя он участвовал в издании сборника документов «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» (части II и III).

Им написаны очерки о выдающихся советских ученых: Н.М. Дружинине, С.Г. Струмилине, В.К. Яцунском²¹.

Новейшие биографы – А.М. Анфимова, А.П. Корелин и И.Н. Слепнев – отмечают его заслуги в организации «сессий симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы»²². По нашим подсчетам он участвовал в организации 21 сессии симпозиумов по истории Восточной Европы, начиная с первой сессии, которая состоялась в 1958 г. в г. Таллине, и включая XXI сессию в Казани в 1986 г. На этих форумах он выступал с докладами, которые стимулировали ход многолетней

дискуссии о характере аграрного строя России конца XIX – начала XX в. Совместно с профессором Е.И. Индовой он принимал участие в организации Средневожского объединения историков-аграрников, редактировал материалы научных конференций, которые были проведены в Йошкар-Оле (1976 г.) и Саранске (1978 г.). Он также многие годы являлся редактором «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР», «Ежегодников по аграрной истории Восточной Европы»²³. Он принимал участие в редактировании трехтомной истории крестьянства России с древнейших времен до 1917 г., ряда региональных монографий, опубликованных в сериях «Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма», «Истории северного крестьянства», четвертого тома «Истории Украинской ССР» (Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма XIX в.), «Истории крестьянства Западного региона РСФСР» и др. Отметим А.М. Анфимова как научного редактора монографий краснодарского историка – его ученика – В.Н. Ратушняка, башкирского историка Х.Ф. Усманова, а также исследований его коллег по Институту истории СССР АН СССР А.Я. Авреха, П.Н. Зырянова, М.С. Симоновой и др.

Значительное место в научном наследии А.М. Анфимова занимают труды по истории Столыпинской аграрной реформы и его исследования о жизни и деятельности последнего реформатора Российской империи П.А. Столыпина. Следует также выделить его научные труды, в которых дана характеристика царствования императора Николая II. И в этой связи особо отметим его вклад в качестве редактора и составителя такого уникального издания, как «Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник», который был издан в 1995 г. в Санкт-Петербурге совместно с главным научным сотрудником Института российской истории РАН Авениром Павловичем Корелиным. А.М. Анфимов в конце 80-х гг. XX в. инициировал подготовку и издание заключительного тома серийной документальной публикации, которая в дореволюционное время издавалась И.Ф. Макаровым²⁴. Он инициировал совещание в Институте истории СССР, в работе которого принимали участие историки-аграрники из Краснодара, Самары и других городов России.

В данном очерке можно перечислять и перечислять проблематику исследований А.М. Анфимова. Мы подчеркиваем, что его научная деятельность носила многогранный характер. Он одновременно мог выполнять несколько проектов. Писал монографии и статьи, рецензии на научные труды историков, редактировал монографии и сборники статей, выявлял в архивах и библиотеках страны документы и материалы, которые затем были включены в сборники документов и материалов и другие документальные публикации, занимался организацион-

ной работой. Был внимателен к коллегам по Институту и отечески опекал аспирантов и докторантов. Подчеркнем и такое замечательное качество историка – умение вести дискуссию и аргументировано обосновывать свои концептуальные построения.

Оглядываясь в прошлое, отмечу, что для нас, студентов 60-х гг., монографии и статьи А.М. Анфимова имели ключевое значение в становлении как историков-профессионалов. Во-первых, нас привлекала концепция А.М. Анфимова, суть которой состояла в том, что в аграрном строе Российской империи сохранились живые остатки крепостничества. В 60-е гг. в дискуссиях с С.М. Дубровским А.М. Анфимов сумел выстроить стройную систему доказательств, которая была основана на новом прочтении работ В.И. Ленина. В ходе этих дискуссий возникло новое направление в советской исторической науке, которое противостояло марксистско-ленинской концепции аграрной истории России. Новейшие биографы А.М. Анфимова правомерно считают, что для развития советской исторической науки особое значение имел анализ историком ленинского наследия, который носил «характер далеко не только историографического изыска, был по тем временам весьма смелым шагом. Он показал, что можно и нужно рассматривать ленинские идеи не только в их развитии, но и корректировать их с учетом позднейших высказываний»²⁵. Нас, молодых историков, восхищало то, что вступая в дискуссию с С.М. Дубровским и другими историками, он способствовал формированию новой историографической ситуации. Несмотря на то, что дискуссия велась традиционно, так как сторонники нового направления – А.М. Анфимов, К.Н. Тарновский, В.П. Данилов, П.Г. Галузо, П.В. Волобуев, Л.М. Иванов, И.Ф. Гиндин, В.В. Адамов, М.Я. Гефтер, как и ортодоксальные советские историки – С.М. Дубровский, И.Д. Ковальченко – свои выводы о характере аграрного капитализма и типах аграрной эволюции обосновывали цитатами из произведений В.И. Ленина²⁶. Тем не менее, дискуссия 1960 г., также как и дискуссии о мелкотоварном производстве²⁷ и многоукладности экономики России²⁸, по существу придали мощный импульс формированию новой проблематики и активизировали ход научных разработок по аграрной истории в регионах России.

Правда «нарушителям спокойствия» – представителям нового направления в советской историографии – пришлось заплатить слишком дорогую цену за новое прочтение ленинского наследия и создание новых концептуальных построений. Суть их концепции сводилась к тому, что нельзя выводить социалистическую революцию из зрелости российского капитализма, что в аграрном секторе модернизационные процессы шли замедленными темпами из-за наличия крепостнических пережитков, что необходимо признать роль стихийности в ходе аграрной революции 1917 г. Эти и другие выводы были негативно восприняты официальной историографией. «По согласованию

с отделом науки ЦК КПСС в 1972 г. была проведена дискуссия, на которой противники «нового направления» остались в меньшинстве. В июле 1972 г. бюро отделения истории Академии наук СССР по инициативе академика и партийного деятеля П.Н. Поспелова приняло постановление, осуждавшее «новое направление». В марте 1973 г. состоялось совещание в отделе науки ЦК КПСС, на котором «новое направление» было охарактеризовано как ревизионизм в марксизме, заведующий отделом С.П. Трапезников заявил, что «новое направление» представляет собой покушение на теоретические, программные, стратегические и тактические основы ленинизма»²⁹. Член-корреспондент АН СССР П.В. Волобуев был освобожден от поста директора Института истории СССР АН СССР. Эти решения в значительной степени воссоздавали эпоху 30-х гг., когда партийные органы грубо вмешивались в научный процесс, а административные репрессии, по сути, означали возврат к сталинским методам руководства научными исследованиями. Это грубое администрирование по отношению к А.М. Анфимову и другим участникам «нового направления» было осуждено лишь во второй половине 80-х гг. XX в.

В условиях грубого административного нажима А.М. Анфимов (он был освобожден от должности заведующего сектором) вынужден был отказаться от своих концептуальных выводов, которые в завершеном виде были представлены им в фундаментальных монографиях об эволюции земельной аренды и российской деревне в период Первой мировой войны³⁰.

К числу пионерских монографических исследований следует отнести также монографию А.М. Анфимова об эволюции крупного помещичьего хозяйства Европейской России³¹.

Для меня эта монография А.М. Анфимова имела огромное значение, так как под влиянием выводов этой монографии я принял решение обратить особое внимание на разработку проблем истории дворянства России и социально-экономического строя помещичьих хозяйств, что успешно реализовали мои ученики: П.И. Савельев, Н.Ф. Тагирова, Е.П. Барина, О.А. Куреева, З.М. Кобозева, Г.А. Третьякова. Но обратимся вновь к монографиям А.М. Анфимова, который, как и в прежних работах 60-х гг., продолжал обосновывать тезис о преобладании в аграрном строе России остатков крепостничества.

Так, в 1980 г. издательством «Наука» была опубликована монография А.М. Анфимова, во «Введении» которой автор был вынужден «указать на ошибочность высказанного нами в 1959 г. тезиса о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской деревне»³². В этом исследовании, как и в вышедшей в 1984 г. монографии, в которой дан глубокий анализ экономического положения и классовая борьба крестьян³³, рассмотрен широкий комплекс вопросов, воссоздающих панораму жизни российской деревни. «С высочайшим профессионализмом ученый исследовал в частности поземель-

ное устройство крестьян, основные структурные составляющие их хозяйства, баланс доходов и расходов, что позволило глубже раскрыть внутренний экономический строй крестьянского хозяйства, выявить причины, формы крестьянских выступлений, методически обосновать и уточнить их статистику»³⁴.

Парадоксально, но факт. Официально отказавшись от своей концепции, в этих монографиях весь пафос и их содержание объективно доказывает, что историк по-прежнему при анализе многих проблем аграрной истории пореформенной России оставался на прежних теоретических позициях.

К числу важнейших проблем, которые находились в центре внимания А.М. Анфимова, относятся Столыпинская аграрная реформа и личность П.А. Столыпина – последнего российского реформатора. Укажем, что Столыпинскую аграрную реформу историк стал изучать еще на студенческой скамье. Он написал дипломное сочинение о деятельности Крестьянского поземельного банка и в 1955 г. опубликовал по этой теме статью в академическом журнале «Вопросы истории»³⁵. Две статьи о Столыпинской аграрной реформе и ее крахе были опубликованы в 1965 г. в многотомной «Истории СССР»³⁶. Он выступал рецензентом материалов сборника документов и материалов, подготовленного к печати С.М. Сидельниковым³⁷. В 90-е гг. эти проблемы выходят на первый план в творчестве историка. По нашим подсчетам в это время им было опубликовано 12 научных статей в журналах «История СССР», «Беларусска байка», «Вопросы истории» и в других изданиях, а также в 2002 г. он подготовил к печати монографию «Столыпин и российское крестьянство»³⁸. Отметим, что А.М. Анфимов в своих исследованиях традиционно считал, что Столыпинская аграрная реформа потерпела крах. При этом он обосновывал свой вывод на данных о выходе крестьян из общины. Так, сокращение числа выделенцев в 1910 г. он характеризовал так: «Это падение можно назвать катастрофическим для Столыпинских реформаторов»³⁹.

В 90-е гг. А.М. Анфимов принял участие в редколлегии серии «Памятники экономической мысли», в которой были изданы биографии А.В. Чаянова⁴⁰ и Н.Д. Кондратьева⁴¹, В.В. Новожилова⁴².

Наконец, следует отметить факт признания научных трудов А.М. Анфимова зарубежной историографией. Он участвовал в ряде международных научных конференций. «Ряд его трудов были переведены и опубликованы в США, ФРГ, Италии, Венгрии и Румынии»⁴³.

Несомненно одно, что научное наследие А.М. Анфимова продолжает занимать центральное место в современной аграрной историографии, а его концептуальные представления обогатили отечественную историческую науку. Монографии А.М. Анфимова воссоздают широкую панораму жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. и донныне сохраняют свою научную значимость.

§ 3. Аграрная история в научных трудах В.Г. Тюкавкина

Имя лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки РФ Виктора Григорьевича Тюкавкина, широко известно российским историкам как одного из выдающихся историков-аграрников. Его жизнь и творческая биография отражена на страницах энциклопедий и биографический изданий, вышедших в новейшее время. Как правило, среди авторов статей и очерков преобладают ученики и коллеги Виктора Григорьевича. Особо выделим работы Л.М. Дамешек⁴⁴, А.В. Лубкова⁴⁵. Из новейших изданий отметим мемуары доктора исторических наук, профессора А.Ф. Киселева, в которых в разделе «Создатель» воссоздан портрет В.Г. Тюкавкина и приведены биографические сведения о его жизни в Чите, Иркутске и Москве⁴⁶. О В.Г. Тюкавкине писал и автор настоящих страниц⁴⁷. Ценные сведения о жизни историка содержится в ряде статей, опубликованных в энциклопедиях и справочных изданиях Иркутской области⁴⁸ и Сибири⁴⁹. В 2000 г. были опубликованы статьи, в которых освещается творческий путь В.Г. Тюкавкина. Речь идет о публикациях Л.В. Зандановой⁵⁰, А.Ф. Киселева.⁵¹ Сведения о деятельности В.Г. Тюкавкина по сохранению историко-культурного наследия г. Иркутска мы находим в статье Н. Полуниной⁵², а также в его воспоминаниях о первых шагах Иркутского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры⁵³. Важное значение имеют также его биографические сведения, которые он включил в монографию «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа». Кроме того, при написании настоящей статьи использованы материалы устной истории – воспоминания доктора экономических наук, профессора Самарского государственного университета Николая Михайловича Тюкавкина⁵⁴.

Важнейшим источником, позволяющим проследить эволюцию взглядов историка по аграрной истории конца XIX – начала XX в., является его творческое наследие, в состав которого входят его монографии по истории крестьянства Сибири, Столыпинской аграрной реформы, а также проблемам историографии и методологии аграрной истории.

Биография В.Г. Тюкавкина распадается на 3 периода. Он родился 31 июля 1928 г. в Забайкалье в селе Александровский завод (в те годы районный центр) Сретенского округа Дальневосточного края. В Википедии указан Читинский округ. Его отец Григорий воспитывался в большой семье. Он был вторым по старшинству. Кроме него было еще три брата и сестра – Прокофий, Иван, Акулина и Александр⁵⁵. Семейные мифы донесли предания о том, что Тюкавкины вместе с другими переселенцами – русскими людьми – прибыли в Забайкалье из Польши, Белоруссии и Украины во второй половине 50-х гг. XVIII

в. Позднее В.Г. Тюкавкин указывал, что его отец Григорий Ефремович в 20-х гг. учился в Иркутске на рабфаке и окончил 4 курса юридического факультета. Судьба отца трагична. Он вместе с семьей переехал в 1930 г. в Читу, где в 1941 г. был арестован и реабилитирован лишь в 1955 г. Внезапный арест отца и начавшаяся Великая Отечественная война в буквальном смысле перевернули жизнь семьи Тюкавкиных. Но тринадцатилетний подросток, оказавшийся в экстремальной ситуации выживания, сумел преодолеть жизненные невзгоды.

Уже 30 июня 1941 г. его мобилизовали на сельскохозяйственные работы в колхоз «Светлый путь» Читинского района. В 1942 г. его направили в совхоз «Красный великан». Позднее он вспоминал: «Там я освоил весь цикл работ и познакомился с дореволюционной сельхозтехникой: работал на американских конных сенокосилках и граблях Мак-Кормика и Диринга, крутил веялки Кейтона (в селах их называли «клеветнами»). Профессор РГГУ М.А. Давыдов также пишет о том, что В.Г. Тюкавкин вспоминал как он работал на «американских» сеялке и жатке производства еще 1912–1913 гг.⁵⁶ Не избежал В.Г. Тюкавкин и тяжелой работы на лесозаготовках в лесхозе «Ингодинский» (1943 г.). Зимой он приобретал знания на школьной скамье. Одновременно он осваивал типографские работы, что не мешало ему учиться на «отлично». И вот наступил завершающий год учебы в школе. Он претендовал на золотую медаль, что могло вызвать недовольство со стороны властных структур. Администрация школы лихорадочно искала выход из этого положения. И на выпускном экзамене по русскому языку ему поставили четверку. «Наградить золотой медалью за успехи в учебе сына репрессированного сочли опасным для школы, и Виктор довольствовался аттестатом с отличием»⁵⁷.

Несмотря на то, что над В.Г. Тюкавкиным как дамочков меч висело клеймо сына репрессированного отца, тем не менее он принял решение продолжить учебу. И даже в тех сложнейших жизненных ситуациях необходимы были воля, выдержка и вера в то, что можно преодолеть все преграды на жизненном пути.

В 1947 г. завершился читинский период, и В.Г. Тюкавкин принимает решение поступать на исторический факультет Иркутского государственного педагогического института. На собеседовании с секретарем приемной комиссии Г.С. Мальцевым он дал правдивый ответ на вопрос об отце. «Я сказал, что мой отец, арестован, и он достал какую-то анкету и сделал там пометку (впоследствии это спасло меня от исключения из комсомола и из университета)», — писал он позднее в своем дневнике⁵⁸.

Как бы там ни было, но уже в сентябре 1947 г. В.Г. Тюкавкин стал студентом Иркутского государственного пединститута. Жизнь в Иркутске принимала другие очертания. Помимо повседневных работ, связанных с учебой, он не мог не восхищаться архитектурными комплек-

сами города, его зеленым нарядом: но более всего восхищала Ангара, которая в его представлении выступала в качестве величавой красавицы, несущей свои чистейшие воды в реку Енисей.

В биографической литературе отмечено, что В.Г. Тюкавкин выделялся среди других студентов. Он стремился вникнуть в суть научных проблем и уже на студенческой скамье он планировал поступать в аспирантуру. Но эти планы в условиях культа личности Сталина были не сбыточны. В связи с тем, что ему отказали в приеме в аспирантуру, В.Г. Тюкавкину предстояло сделать выбор вектора своей деятельности. Но вот наступил 1953 г. Смерть вождя народов изменила ситуацию как в обществе, так и в высшей школе. Виктор Григорьевич поступает в аспирантуру, где под руководством родоначальника сибирской школы историков Всеволода Ивановича Дулова, который специализировался по истории Восточной Сибири и сибирского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. В.Г. Тюкавкин избрал в качестве темы кандидатской диссертации «Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период Столыпинской реформы». Выбор темы был не случаен. Во второй половине 40-х гг. XX в. интерес к Столыпинской аграрной реформе усилился. Заметно возросло количество защищенных кандидатских диссертаций, в которых была предпринята попытка дать анализ всех направлений реформы и показать причины ее так называемого «краха». Конечно, многие авторы, изучая эту проблему, традиционно оставались в плену тех концептуальных представлений, которые были сформулированы в работах вождя большевистской партии В.И. Ленина и зафиксированы в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». Диссертация В.Г. Тюкавкина была написана в условиях первой советской оттепели, что не могло не повлиять на мировоззрение молодого историка. На ход научной работы оказало воздействие реабилитация в 1955 г. отца В.Г. Тюкавкина. Диссертантом была скрупулезно изучена историография проблемы, выявлены и введены в научный оборот материалы Российского (Центрального) государственного исторического архива, госархивов Красноярска и Иркутска, что позволило В.Г. Тюкавкину представить оригинальное научное исследование. Вместе с тем в нем органично сочетаются традиционные представления, и в тоже время появились новые подходы в оценке итогов новой имперской политики.

В.Г. Тюкавкин изучал эту проблему около 6 лет, так как в 1954 г. он был избран ассистентом, а затем старшим преподавателем кафедры истории педагогического института. Работа над диссертацией была завершена в 1958 г. и представлена в диссертационный совет Иркутского государственного университет им. А.А. Жданова. Обосновывая актуальность и научно-практическую значимость изучаемой проблемы, В.Г. Тюкавкин акцентирует внимание на том, что его исследование «имеет большое значение и помогает более правильному пониманию

таких важнейших проблем, как развитие капитализма вширь, Столыпинской аграрной реформы...»⁵⁹ и освоение Восточной Сибири русским крестьянством. При этом он приводит данные о переселении, которые свидетельствуют о том, что за 300 лет русское население Азиатской России достигло 4,5 млн чел., а за 9 лет перед первой мировой войной в нее переселилось 2,5 млн чел., что было связано с реализацией Столыпинской аграрной реформы. И далее следовал вывод: «Без конкретного рассмотрения переселения крестьян на окраины нельзя изучать аграрную реформу в целом»⁶⁰.

Весьма представительно выглядит историографический обзор, в котором показаны достижения предшественников, и акцентируется внимание на дискуссионных вопросах и проблемах в изучении темы исследования. Конечно, здесь не обошлось без комплиментарных высказываний в адрес «гениальных произведений В.И. Ленина». Но это было общим явлением для всех советских историков, начиная с академиков и кончая аспирантами. Эти ссылки на вождя носили ритуальный характер. Пожалуй, новым является то, что В.Г. Тюкавкин выявил факторы, влиявшие на ход и темпы переселения крестьян в Восточную Сибирь. Традиционно в духе советской историографии отмечается воздействие пережитков крепостничества в сельском хозяйстве губерний Европейской России, сохранения помещичьего землевладения, отработки, кабала и сельская поземельная община. В качестве важного фактора указывается курс имперского правительства на разрушение сельской общины, что вызвало переселение в Сибирь на свободные земли. Новым было то, что автор диссертации выдвигает тезис о влиянии циклов в развитии капиталистического производства, а также приливов и отливов революционного движения в России. Несомненно воздействовали и изменившаяся переселенческая политика правительства и весь комплекс мероприятий, проводившейся правительством П.А. Столыпина в 1906–1911 гг. В.Г. Тюкавкин установил, что в Восточную Сибирь переселялись «в основном бедняки, имевшие от 3 до 8 десятин на двор»⁶¹. По его мнению это были средние слои бедняков.

В диссертации дан анализ правительственной политики, основное содержание которой сводилось после 1906 г. к отказу от ограничений и всемерное поощрение крестьян к переселению в восточные районы империи.

Анализ статистических данных позволил диссертанту в полной мере раскрыть динамику переселения крестьян в районы Восточной Сибири и выявить подъемы и спады в миграции. Так, если в 1906–1909 гг. произошел рост переселения, то в 1910–1911 г. поток переселенцев снизился в два раза, что было вызвано с оживлением революционного движения и далее традиционно говорится о том, что этот спад связан

с «крахом Столыпинской реформы»⁶². Но голод 1911 г. в Поволжье вызвал новую волну переселенцев.

Достаточно полно говорится о правительственных мероприятиях по организации переселения крестьян, в том числе о создании 3-х переселенческих районов Енисейского, Иркутского и Забайкальского, в которых функционировали более 20 подрайонов. Эти органы были призваны заниматься устройством переселенцев, организацией землеустроительных работ, строительством социальной инфраструктуры — дорог, школ, больниц; оказанием агрономической помощи населению. Эти мероприятия стали «большим шагом вперед по сравнению с предыдущим периодом»⁶³. Но дефицит денежных средств в имперской казне стал тормозом в организации этих мероприятий в широких масштабах.

Не обойдена вниманием В.Г. Тюкавкина «Записка» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина о поездке в Сибирь и Поволжье, в которой авторы ставили цель «распространения на окраины Столыпинской реформы и перейти от общинного землевладения к частному, чтобы усилить кулачество...»⁶⁴. Далее он приводит данные о количестве хуторов и отрубов — 8,5 тыс., в распоряжении которых находилось 340 тыс. дес. земли, а затем — о количестве обратных переселенцев. Возвратилось из Сибири в 1906–1911 гг. 25 тыс. чел., или 10,6 % всех переселенцев, в 1911–1915 гг. — 28 тыс. чел., или 22,4 %. А далее следовал вывод: «значит новый курс не принес ожидаемых результатов. Переселенческая политика потерпела крах»⁶⁵.

Но этот вывод явно диссонирует другим выводам и наблюдениям, которые сформулировал В.Г. Тюкавкин в третьей главе диссертации, где он приводит данные о том, что в годы реализации Столыпинской аграрной реформы в Восточную Сибирь перелилось 338 тыс. чел., население региона увеличилось на 420–430 тыс. чел. или более чем на 20 %⁶⁶.

Прибывшие в Сибирь крестьяне селились по обе стороны транссибирской железной дороги; в регионе возникло более тысячи новых сел, в том числе в Енисейской губернии — 700, Иркутской — 300. Введено в хозяйственный оборот 100 тыс. десятин земли, на которых высевались лен, кукуруза, конопля. Стали развиваться пчеловодство и садоводство.

Особое значение приобретал в то время вывод о прогрессивном значении реализации переселенческой политики особенно в связи с освоением Советским Союзом целинных земель в Казахстане, Алтае и Сибири. В.Г. Тюкавкин обоснованно считает, что переселение крестьян в Сибирь стимулировало развитие производительных сил и капиталистических отношений в Сибири, что существенно повысило роль Сибири в модернизации экономики России. Он приводит сведения о том, что в начале XX в. транссибирская магистраль была убыточной,

а в 1910–1912 гг. она едва стала справляться с транспортировкой в Европейскую Россию на экспорт зерна, мяса, масла и дала в фонд России в 1912 г. в 13,4 млн руб. Сибирь стала крупным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на внутренний и внешний рынки⁶⁷.

Диссертацию В.Г. Тюкавкин защитил в то время, когда в российской аграрной историографии стали пробивать себе дорогу новые тенденции. И они отчетливо проявились как в содержании исследования, так и в выводах сибирского историка. Историографическая ситуация стала резко меняться в 60-х гг. XX в., когда вспыхнули дискуссии о характере аграрного строя России, о многоукладности экономики России и мелкотоварном производстве⁶⁸. Особо отметим воздействие на историков концептуальных воззрений представителей нового направления в советской историографии А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, М.Я. Гефтера, П.В. Волубаева, чьи исследования будировали в 60-е гг. научную мысль историков-аграрников. «Важную роль в координации научных исследований сыграл Аграрный симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, который многие годы проводился Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства»⁶⁹.

В.Г. Тюкавкин чутко улавливал изменения, происходящие в аграрной историографии. Несомненно, на выбор темы докторской диссертации оказали влияние многие факторы. В 60-е гг. он стал принимать активное участие в научных конференциях, которые проводились в вузах Сибири. Он также участвовал в работе сессий Аграрного симпозиума, что позволило установить научные контакты с ведущими историками страны. В 1958 г. он опубликовал статью в таком престижном издании, как «Научные доклады высшей школы»⁷⁰.

И все же подчеркну значение для становления историка работы над кандидатской диссертацией, которая позволила существенно расширить горизонты видения научных проблем, а историографическая ситуация 60-х гг. вольно или невольно определила вектор его дальнейших исследований. Отметим также и то, что именно в этот период резко возрос интерес к изучению истории Сибири, что было обусловлено той ролью Сибири и Дальнего Востока, которую они стали играть в модернизации экономического потенциала Советского Союза.

Эти и другие факторы предопределили выбор темы докторской диссертации, над которой он работал восемь лет. В эти годы он резко активизировал работу по выявлению документальных источников и материалов в государственных архивах Иркутска, Красноярска, Читы, Новосибирска, Томска и Омска. Существенно прирос комплекс источников за счет материалов, выявленных в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ), Центрального государственного архива народного хозяйства (ныне РГАНХ) и, конечно, документов Центрального государственного исторического архива. Не были обойдены им документальные публикации, стати-

стические сборники, издававшиеся Центральным статистическим и губернскими комитетами. Он детально изучил дореволюционную научную литературу, а также труды сибирских историков: Р.Ф. Складова, В.А. Степынина, Н.П. Малахинова, В.И. Дулова, Л.М. Горюшкина, И.А. Асалханова и др. Позднее в докторской диссертации он отмечает общий недостаток, характерный для исследователей Сибири — недостаточный учет особенностей развития страны, механическое перенесение условий и форм развития капитализма в центральных губерниях на Сибирь⁷¹. Он также тщательно разобрался в перипитиях научных дискуссий 60-х гг.⁷² Работа археографа, источниковеда и историографа создавала условия для формирования новых концептуальных представлений по истории сельского хозяйства и крестьянства Сибири.

Активность историк проявил и в ходе апробации своих исследований. По теме докторской диссертации он опубликовал 15 научных трудов, в том числе в «Вопросах истории» (1964 № 4 в соавторстве с В.И. Дуловым), в научных изданиях Томска, Новосибирска, Иркутска, Владивостока, Омска; в материалах сессий Аграрного симпозиума, состоявшихся в Москве и Кишиневе. Кроме того, перу В.Г. Тюкавкина принадлежат X, XI и XIII главы, опубликованные в третьем томе «Истории Сибири».

Диссертация была представлена к защите в 1966 г. в диссертационный совет при Институте истории АН СССР⁷³. Этому предшествовало издание монографии, в которой была представлена яркая панорама эволюции сибирской деревни в начале XX в.⁷⁴ В качестве официальных оппонентов на защите докторской диссертации выступали А.М. Анфимов и С.М. Дубровский.

Остановимся на наиболее существенных результатах исследования В.Г. Тюкавкина. Изучая поставленные в диссертационном исследовании проблемы, В.Г. Тюкавкин исходит из того, что сибирская деревня является частью аграрного сектора экономики России, в которой проявлялось действие общих законов развития капитализма. А само сельское хозяйство претерпевало значительные изменения «под воздействием всего капиталистического рынка страны и международного капитала»⁷⁵. Актуальность проблемы возрастает в связи с ее недостаточной научной разработкой, а также необходимостью анализа особенностей развития аграрного капитализма на окраинах Российской империи. Поэтому в исследовании был сделан акцент на изучении процесса формирования капиталистического рынка, выявлении места и роли аграрного капитализма в производстве сельскохозяйственной продукции, поступавшей в больших объемах на российский и внешний рынки.

В центре внимания оказались и такие проблемы, как землевладение и землепользование, разложение крестьянства и формирование

крупных капиталистических хозяйств, усиление хозяйственной специализации и воздействие на крестьянство финансовой инфраструктуры и кооперации.

В отличие от кандидатской диссертации автор рассматривает проблему эволюции сельского хозяйства и крестьянства на материалах Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, а также Акиминской и Забайкальской областей. Сравнительно-сопоставительный метод, используемый В.Г. Тюкавкиным, дал возможность выявить общее и особенное в развитии капитализма в земледелии и в метрополии, и в Сибири. Доказано, что обеспеченность земель крестьян Сибири была выше чем в Европейской России – по величине земельного надела в 5–6 раз, по пашне – в 2 раза, посевной площади – в 4 раза, сенокосных угодий у сибирских крестьян было в 6 раз больше, пастбищ – в 30 раз. Но и здесь преобладали экстенсивные методы⁷⁶.

В диссертации раскрыты особенности землевладения в Сибири – прежде всего наличие государственной и кабинетской форм собственности. Специфика состояла и в отсутствии помещичьего и надельного землевладения. Большое распространение получило захватное землевладение, которое имело много общих черт с захватом земель на западе США. Вместе с тем он отмечает отличие сибирской ситуации от американской: в США оно регулировалось демократическим государством, а в Сибири – полукрепостническим⁷⁷.

Приведены данные о реализации закона 1901 г., реализация которого потерпела полный крах. Насадить помещичью собственность в Сибири не удалось. А законопроект о введении частной собственности крестьян на землю разработанный правительством застрял в комиссиях Государственной думы.

В.Г. Тюкавкиным выявлены особенности социального расслоения сибирского крестьянства в начале XX в. Суть их состояла в том, что здесь удельный вес зажиточных крестьян колебался от 14 до 32 %, а беднейшие слои составляли от 30 до 60 %. Отмечена и другая особенность, связанная с тем, что процесс разорения крестьян характерен был не только в среде старожилых крестьянства, но и том, что удельный вес бедноты пополнялся за счет расслоения переселенцев и ссыльнопоселенцев⁷⁸.

В сибирской деревне были представлены сельская буржуазия и сельский пролетариат, численность которого доходила до 370 тыс. чел., кроме того, в капиталистическом земледелии было занято более 400 тыс. полупролетариев. В сибирской деревне возник рынок наемной рабочей силы.

В.Г. Тюкавкиным поставлена и успешно решена проблема развития в сибирской деревне торгового земледелия, которое внесло существенные коррективы в специализацию районов, увеличения удельного веса посевов пшеницы, развития животноводства. Подчеркнута роль

Транссибирской магистрали, которая стала важнейшей артерией, доставлявшей в Сибирь сельскохозяйственную технику и машины (он отмечает деятельность Американской компании жатвенных машин) и вывоз сельскохозяйственной продукции в Европейскую Россию и за границу.

Актуальное значение для советской историографии имел вывод В.Г. Тюкавкина о том, что в 1906–1910 гг. по железной дороге из Сибири ежегодно вывозилось по 93 млн пудов зерна, а в торговле хлебом принимали участие крупные монокомпании, в том числе концерн «Иван Стахлев и К^о». Значение Сибири как крупной житницы страны особенно возросло в годы Первой мировой войны. К 1917 г. Сибирь стала производить шестую часть (до войны менее 10-й части) всех хлебов, обогнав Северный Кавказ и Украину⁷⁹.

Впечатляют данные, приведенные В.Г. Тюкавкиным, о развитии торгового скотоводства и сибирского маслоделия. Удельный вес вывозимого масла на внешний рынок из Сибири составил 90 % всего экспорта России. Только в 1913 г. было вывезено 6 млн пудов сибирского масла, в производстве которого было занято свыше 3 тыс. кооперативов⁸⁰.

Так же обстоятельно дан анализ развития сибирской кооперации. Выделены три этапа в ее развитии и доказано, что денежно-торговый кооперативный капитал «разрушал первобытные формы кабалы и личной зависимости и подготавливал обобществление средств производства и обмена, сохранял капиталистическое присвоение и распределение прибылей»⁸¹. Развитые формы кооперации, представляя кредиты и обеспечивая сбыт продукции подготавливали основу для перехода к крупному капиталистическому производству в маслоделии.

Несомненен вклад В.Г. Тюкавкина в дискуссию о характере аграрного строя России, направлениях и темпах аграрно-капиталистической эволюции. По мнению историка, в Сибири сложились лишь элементы класса фермеров. Борьба сибирского крестьянства в целом шла за то, чтобы убрать препятствие, прежде всего, царизм и «помещиков»⁸² центра с пути эволюции крестьянско-буржуазного типа. Важное значение имел и другой теоретический вывод сибирского историка «Тип аграрного капитализма нельзя путать с уровнем развития капитализма, так как последний зависит не только от типа эволюции, но и от конкретно-исторических условий, от того на какой стадии находится это развитие»⁸³.

Конечно, в условиях второй половины 60-х гг., ознаменовавший поворот в советской историографии к ленинско-сталинской концепции второй российской революции, В.Г. Тюкавкин в своей докторской диссертации сформулировал вывод о преобладании частнокапиталистического мелкобуржуазного уклада в деревне. Далее он говорит о сравнительно низком удельном весе крупных капиталистических хо-

зьяств и тут же, противореча своим выводам, пишет о том, что эти хозяйства производили 60 % зерновых культур и 50 % продуктов животноводства⁸⁴. И все же новым в историографии был вывод о том, что аграрный строй в сибирской деревне еще не сложился в окончательном классическом виде.

Эти концептуальные построения позднее были развиты и дополнены В.Г. Тюкавкиным в ряде обобщающих работ по истории Сибири. Но несомненно одно. Дискуссия на защите докторской диссертации, в ходе которой В.Г. Тюкавкин аргументированно обосновывал свою концепцию, показала, что им представлено к защите оригинальное исследование, в котором в полной мере были сформулированы новаторские идеи сибирского историка, воспринятые позитивно научным сообществом страны.

Защита докторской диссертации придала новый импульс научной и общественной деятельности В.Г. Тюкавкина. Вскоре он был избран заведующим кафедрой истории, сменив на этой должности своего учителя – профессора В.И. Дулова. Он принимает активное участие в защите уникальных архитектурных комплексов Иркутска – Спасской церкви и собора Богоявления и вместе с директором художественного музея А.Д. Фатьяновым направляет в Москву телеграмму, в которой обосновывает необходимость сохранения этих шедевров русской архитектуры. Его активная позиция получила поддержку городского общества и с 1967 по 1974 гг. он возглавляет Президиум Иркутского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Биограф В.Г. Тюкавкина – А.Ф. Киселев – за его подвижничество в деле сохранения и реставрации памятников по праву именует сибирского историка созидателем. В центре его внимания оказались здания, связанные с именами декабристов. Но предоставим слово В.Г. Тюкавкину, который перед отъездом в Москву оставил такую запись в дневнике: «...завершены полностью работы по реставрации Спасской церкви, дома Трубецкого, внешнего облика Собора Богоявления...»⁸⁵. Как видим, его труды оставили зримые следы в историко-культурном пространстве Иркутска.

Его исследовательское поле во второй половине 60-х – первой половине 70-х гг. существенно расширилось. Он принимает участие в редактировании очерков истории Сибири⁸⁶. Совместно с В.Н. Пановым издает учебное пособие по краеведению для учащихся 7–10 классов средней школы⁸⁷. Он также редактировал сборник «Комсомолия Прибайкалья».

Здесь можно было бы указать и другие историографические факты, связанные с творчеством В.Г. Тюкавкина, который прошел в Иркутском государственном педагогическом институте все ступени: от студента до ассистента, доцента, профессора, заведующего кафедрой. Органичное сочетание педагогической, научной и общественной деятель-

ности выделяли его среди историков Сибири. Он сумел преодолеть все невзгоды и препятствия на своем пути. Его целеустремленность и научное предвидение стали решающими факторами в становлении его как ученого. Сибирский период стал стартовой площадкой для становления Тюкавкина как одного из лидеров российской аграрной школы историков. Заслуги историка были отмечены в его родном вузе. Его имя внесено в список выдающихся выпускников исторического факультета, а 24 апреля 2008 г. на корпусе университета по ул. Сухе Батора, 9 установлена мемориальная доска из черного долерита с фотопортретом и текстом: «в этом здании в 1954–1974 гг. работал заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Виктор Григорьевич Тюкавкин (1928–2002 гг.)».

В 1974 г. В.Г. Тюкавкин переезжает в Москву. Он был приглашен в Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина заведующим кафедрой истории СССР профессором Д.С. Бабуриным. В кратчайшие сроки он влился в коллектив кафедры исторического факультета. Об этом подробно повествует в своих мемуарах А.Ф. Киселев. Он рассказывает о впечатлении от доклада В.Г. Тюкавкина, с которым он выступил на одном из заседаний кафедры. Им были высказаны идеи вызвавшие дискуссию. Мемуарист замечает: «...стало очевидно, что коллектив кафедры пополнился талантливым ученым и педагогом с фундаментальной общегуманитарной и специальной подготовкой, умеющим аргументировано и корректно отстаивать собственные научные взгляды»⁸⁸.

Уже в 1976 г. В.Г. Тюкавкин был избран на должность заведующего кафедрой. Отмечу, что в Московский период педагогическая, научная и общественная деятельность приобрела новые очертания и масштабы. Как известно, существуют критерии оценки деятельности ученых. В.Г. Тюкавкин опубликовал свыше 100 научных работ. Много это или мало? На этот вопрос сложно ответить. Но если говорить о вкладе В.Г. Тюкавкина в российскую аграрную историографию, то несомненен его вклад в изучение истории Сибири, в том числе в написании и издании многотомного коллективного издания. Как мы помним, им были написаны и защищены кандидатская и докторская диссертации по истории сибирского крестьянства. К этому добавим его участие в издании третьего тома «Истории крестьянства Сибири». И все же исподволь В.Г. Тюкавкин продолжал работать над своей главной проблемой — он, как и прежде, изучал историю великорусского крестьянства и Столыпинскую аграрную реформу. Свидетельства этого мы находим в списке его научных работ.

Так в 1980 г. он выступил в Воронеже с докладом о влиянии Столыпинской аграрной реформы на правовое и социально-политическое положение крестьянства на XVIII сессии симпозиума по изучению аграрной истории, в котором он сформулировал вывод о рас-

ширении прав крестьян как юридических лиц и изменении их социально-политического положения. В его выводах и в это время сохранились традиционные представления, характерные для советской историографии 80-х гг. XX в. В частности, историк считал, что влияние реформы и не только в центре, но и на окраинах на социально-политическое и правовое положение крестьянства носило те же черты непоследовательности, половинчатости, ограниченности, что и реформ 60–70-х гг. XIX в.»⁸⁹

В рамках традиционных доктринальных установок дан анализ ленинского наследия о трех российских революциях, который содержится в учебном пособии по спецкурсу для студентов исторических факультетов. Его авторы – В.Г. Тюкавкин и Э.М. Шагин – значительное внимание уделили не только анализу ленинского наследия, но и дали содержательную критику дискуссионных проблем аграрной истории начала XX в.⁹⁰ В этом издании помимо обзора историографии (собственно ленинских произведений) работ, вышедших в 60-е – первой половине 80-х гг., авторы обращают внимание на методологические вопросы аграрной истории. Особое значение имеет вывод авторов о факторах, повлиявших на формирование разных концепций по аграрной истории начала XX в. «Существования разных точек зрения, – пишут авторы, – обычно объясняется недостаточной изученностью данного вопроса, недостатком необходимых исторических источников, связано с диалектической противоречивостью многих процессов»⁹¹. И, конечно, они уделили внимание таким ключевым проблемам, как проблема уровня развития аграрного капитализма, а также разработке В.И. Лениным стратегических вопросов революционного движения. Авторы выявляют сущность прусского и американского пути аграрной эволюции, но вместе с тем вслед за Л. Сидоровым говорят, что можно выделить и русский путь развития аграрного капитализма, мотивируя это тем, что «в каждой стране были свои черты, особые условия сочетания общего и особенного, и в этом смысле можно выделить много различных типов, по числу форм землевладения или по другим признакам»⁹².

Важное значение имеет вывод о том, что в Сибири «сельское хозяйство развивалось по американскому пути»⁹³. Вновь констатируется, что попытки насадить помещиков в Сибири закончилось крахом»⁹⁴, и подчеркивается тормозящая роль царизма, которая сдерживала темпы развития аграрного капитализма.

Что касается оценок Столыпинской аграрной реформы, то и в этой книге они не претерпели значительных изменений. Вновь отдана дань традициям советской историографии. Вслед за В.И. Лениным авторы учебного пособия считают, что Столыпин заменил принцип постепенного перехода земель в руки крестьян «крутой беспощадной ломкой общины»⁹⁵. А подводя итоги реформирования российской дерев-

ни они полагали, что реформистский путь «исчерпал себя через несколько лет проведения Столыпинской реформы, которая вызвала сильное сопротивление крестьянства, что привело ее к краху»⁹⁶.

Новые подходы в оценке Столыпинской реформы наметились в период перестройки. В 1987 г. В.Г. Тюкавкин и Э.М. Шагин опубликовали книгу для учителя, которая генетически связана со спецкурсом «В.И. Ленин о трех российских революциях»⁹⁷. Книга начинается с главы «Ленинская концепция для аграрно-крестьянского вопроса в буржуазно-демократической революции», которая носит теоретический характер. В ней помимо вопросов теории рассмотрена историография проблемы. Здесь же даны методические рекомендации учителям. В этом издании наряду с традиционными оценками наметились новые подходы. Так, анализируя процесс разрушения сельской общины, авторы вновь повторяют тезис о крахе Столыпинской реформы, но вслед за этим считают, что выдел «четверти дворов из общин нельзя считать незначительным — реформа представляла определенный шаг по пути капиталистического развития»⁹⁸.

Так же неоднозначно оценивается процесс насаждения хуторов и отрубов: «...эта цель Столыпинской реформы не была достигнута, хотя здесь был сделан значительный шаг в направлении усиления и расширения кулацкой прослойки»⁹⁹. Анализируя переселенческую политику имперского правительства, авторы использовали многофакторный подход. Ими выявлены причины роста переселения крестьян в период Столыпинской реформы, что объясняется общими и временными факторами, а также комплексом правительственных мер по организации переселения. И вновь авторы делают вывод о крахе Столыпинской политики в процессе насаждения хуторов и отрубов. И далее приводят статистические данные о росте населения в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке, что позволило освоить более 30 млн дес. земли и увеличить производство зерновых хлебов на 60–80 млн пудов¹⁰⁰. А потому диссонансом звучит вывод о том, что «цели переселенческой политики не были достигнуты»¹⁰¹. И, конечно, нельзя обойти и раздел, в котором в традиционном ключе рассмотрены причины краха Столыпинской аграрной реформы. «Причин было несколько: противодействие крестьянства, недостаток выделяемых средств на землеустройство и переселение, плохая организация землеустроительных работ и устройства новоселов в Сибири, подъем рабочего движения в 1910–1914 гг. Но главное из них было революционное сопротивление крестьянства проведению новой аграрной политики»¹⁰².

Ситуация в российской историографии существенно стала меняться во второй половине 80-х гг. Уже в это время В.Г. Тюкавкин приступил к написанию монографии, в которой по-новому освещались многие проблемы аграрной истории начала XX века. Им были пересмотрены многие оценки реформаторской деятельности П.А. Столыпина и

значения Столыпинской реформы как одного из факторов, ускоряющих темпы развития сельского хозяйства России. В этой связи значительный интерес представляет «Предисловие», которое написал В.Г. Тюкавкин к книге К.А. Кривошеина, в которой воссоздан портрет одного из выдающихся политических деятелей Российской империи — Александра Васильевича Кривошеина¹⁰³. Уже на первой странице «Предисловия» историк показывает причины, по которым имя этого реформатора было скрыто от народа. Одна из причин — «безликость» нашей литературы по истории вообще, от которой мы начинаем избавляться только в последнее время»¹⁰⁴. Историк иначе, чем прежде оценивает реформаторскую деятельность Столыпина. «Сам Столыпин свою политику называл проведением равнодействующей линии»¹⁰⁵. По-новому В.Г. Тюкавкин раскрывает причины изменения правительственной политики по аграрному вопросу. Имперское правительство перешло от политики сохранения сельской общины к ее разрушению. Он обращает внимание на мотивацию такого крутого поворота: «и тут мысли многих чиновников обратились к крестьянской общине. Именно община фигурировала во всех правительственных проектах, но варианты были разными»¹⁰⁶. По-новому характеризуется и сельская община. В.Г. Тюкавкин, казалось бы при ее характеристике, опирается на ленинские постулаты, но вместе с тем в его оценке есть и новеллы: «...с экономической точки зрения община к концу века уже себя изжила, по крайней мере в тех российских условиях». И далее он пишет: «(Последнее замечание приходится добавить исходя уже из новейшего опыта я понял, где община смогла стать организацией самого передового производства и имеет ряд преимуществ перед частными хозяйствами). [Но и наша община могла бы трансформироваться при условии эволюционного развития аграрного строя. — П. К.]. Русская община тогда была слишком громоздкой для создания совместного производства, слишком консервативной для введения новых технологий, и низок был общий уровень механизации»¹⁰⁷. Казалось бы, можно согласиться с этими выводами, но они скорее характеризуют общину Европейской России, хотя и в ней замедленными темпами пробивали дорогу ростки нового. И все же жесткая регламентация, чересполосица, дальнотемелье тормозили введение в хозяйственную практику новых агроприемов.

В «Предисловии» показана значимость Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. под руководством С.Ю. Витте, которое он характеризует как «первый практический шаг к осуществлению новой крестьянской реформы». Четко охарактеризованы разные подходы в проектах Витте. На Особом совещании были определены основные положения Столыпинской реформы, но Витте «выступал» за полную добровольность выхода из общины»¹⁰⁸. Большое внимание В.Г. Тюкавкин уделяет проекту Кутлера, который кроме раз-

рушения общины предусматривал создание земельного фонда «за счет государственных, монастырских, удельных земель и частично отчуждения...земель помещиков»¹⁰⁹. Проект был негативно воспринят участниками совещания. Также отмечена роль комиссии под руководством начальника земского отдела В.И. Гурко, который принял участие в разработке Указа 9 ноября 1906 г. о выходе крестьян из общины¹¹⁰.

В.Г. Тюкавкин вносит ясность, почему новая аграрная реформа стала называться Столыпинской: «почти все ее положения были разработаны до его [Столыпина. — П. К.] прихода в правительство»¹¹¹. Он дает четкий ответ на этот вопрос. «Лишь один Столыпин своей железной волей и решительностью смог объединить усилия министров и решился на проведение реформы до созыва второй Думы, хотя против этого высказалось большинство Государственного совета и часть министров...»¹¹².

Венчает «Предисловие» вывод о том, что реализация Столыпинской реформы способствовала подведению «нового, более прочного фундамента под российское государство, российскую деревню, под здание всей России со всеми ее народами»¹¹³. Как видим, историк стал пересматривать свои взгляды по многим проблемам аграрной истории начала XX века. Ему удалось преодолеть революционный романтизм, который инерционно транслировался из десятилетия в десятилетие в советской историографии, опиравшейся на марксистско-ленинскую методологию. И в этой связи особое звучание приобретает его заключительный вывод: «...попытка решения аграрного вопроса, хотя бы и не самым быстрым способом, но все же путем мирных реформ без революции и кровопролитнейшей гражданской войны, которая неизбежно последовала за революцией было явлением прогрессивным»¹¹⁴.

Эти концептуальные положения во многом определили пафос и содержание его итоговой монографии¹¹⁵. Сибирский период стал своего рода плацдармом для становления мировоззрения историка. Работа над кандидатской, а затем докторской диссертацией во многом определили направление его научной работы, которая вышла за рамки такого крупнейшего региона России, как Сибирь. Изменилось не только географическое пространство, но и во многом под воздействием происходивших в Советском Союзе событий менялось и его мировоззрение. Историк по-новому стал оценивать события начала XX в. Во многом формированию новых концептуальных представлений способствовали дискуссии, которые возникали как в ходе защиты Тюкавкиным докторской диссертации, так и на научных сессиях Аграрного Симпозиума. Но предоставим слово В.Г. Тюкавкину: «В Оргкомитет Аграрного Симпозиума и на его многочисленных конференциях я работал совместно с известными историками-аграрниками: академиком Н.Д. Ковальченко, академиком Л.В. Миловым, докторами исторических наук В.К. Яцунским, А.В. Фадеевым, А.М. Анфимовым, Э.М. Шагиным,

Н.Б. Селунской, старшим научным сотрудником М.С. Симоновой и другими. Их замечания по моим докладам, беседы и споры с ними, особенно горячие дискуссии с моим вечным оппонентом А.М. Анфиновым помогли мне заметить недостаточную аргументацию некоторых положений...»¹¹⁶.

Историк также отмечает значение бесед по проблемам истории крестьянства с С.М. Дубровским, который «обратил мое внимание на необходимость дальнейшей разработки проблем реформирования деревни в начале XX в.»¹¹⁷.

Монографию предваряет предисловие «От автора», в котором историк приводит важнейшие для историографа сведения о том, когда собственно началась работа над монографией: «после переезда в Москву с 1974 г. стал заниматься исследованием русского крестьянства всей России. Много времени собирал материалы в Центральных и местных архивах, в книгохранилищах»¹¹⁸. Итак, в центре исследования великорусское крестьянство начала XX в., изучение которого ведется в тесной взаимосвязи с реализацией Столыпинской аграрной реформы. Поэтому историк в качестве главной проблемы видит «проблему соотношения крестьянства и власти, способов реформирования деревни, влияния реформы на положение крестьянства и крестьянское хозяйство»¹¹⁹.

Во «Введении» дан обстоятельный анализ научной литературы. По-новому оцениваются труды авторов политико-экономического направления – представителей политических партий и политических направлений, на основе которых разрабатывались аграрные программы партий. Речь идет о работах В.И. Ленина, В.М. Чернова, С.Л. Маслова, Н.Н. Суханов-Гимера, А.А. Кауфмана, А.В. Пешехонова и др. В.Г. Тюкавкин отмечает характерную черту этой литературы: «политизированность и идеологизированность была свойственна в той или иной мере не только большевикам, но и всем партийным авторам»¹²⁰. Отмечен и такой позитивный момент: многопартийная литература способствовала возникновению дискуссий, хотя чаще всего они носили схоластический характер. Подверг острой критике историк авторов публицистических статей и материалов, которые явно враждебно относились к верховной власти страны, к министрам и губернаторам. Ничем не прикрытая «ненависть и отрицательное отношение к самодержавию распространялись на всю российскую государственность»¹²¹. И в этом большая вина лежит на интеллигенции, которая распространяя антиправительственные и антигосударственные настроения, дестабилизировала ситуацию в России, подталкивая страну к очередной смуте. В этой связи историк акцентирует внимание читателя на отношении П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, А.И. Солженицына к такой позиции российской интеллигенции¹²².

Высоко оценивает историк исследования по аграрному вопросу А.С. Ермолова, А.А. Кофода, В.В. Морачевского, В.В. Светловского.

Особенно ценно замечание В.Г. Тюкавкина о том, что после 1905 г. «мировоззрение всего высшего чиновничества и его идеологов изменилось в сторону признания неизбежности более быстрого проведения реформы»¹²³. И, конечно, историк не мог пройти мимо таких историографических фактов, как научные исследования представителей организационно-производственного направления А.В. Чайнова, А.Н. Челинцева, Н.П. Макарова и др. Как известно, советская историография приклеила им ярлык неонародников. А между тем для аграрной историографии, отмечает историк, их труды являются «ценным исследованием связи крестьянских хозяйств со всеми элементами этой [социально-экономической, технической, природной и историко-культурной. — П. К.] среды»¹²⁴.

Завершает раздел историографического обзора, в котором дан анализ дореволюционной научной литературы, вывод, имеющий важное методологическое значение. Вслед за Н.Л. Роголиной он констатирует отсутствие кризиса русской историографии: «Большое количество исследований по аграрно-крестьянскому вопросу, разнообразие поднятых проблем, разработка новых методологических подсчетов и выводов...доказывают, что в начале XX в. не было «загнивания» исторической науки, о чем с конца 30-х годов писали в официальных учебниках»¹²⁵.

Традиционно обзор научной литературы, вышедшей в советский период, В.Г. Тюкавкин начинает с анализа ленинских работ. Но этот историографический прием необходим для него в связи с тем, что советская историография опиралась, с одной стороны, на ленинскую концепцию истории России, а с другой стороны — мощное воздействие оказывали сталинские установки. Отход от этих канонов на практике приводил к репрессиям, а в хрущевско-брежневский период — к административным преследованиям. А потому советская историография развивалась в жестких доктринальных границах. Как известно, в работах Ленина сформулированы две концепции об уровне развития капитализма в российской деревне: «развитие бесповоротно идет по капиталистически и в помещищем и в крестьянских хозяйствах, что это остается доказанным»¹²⁶.

В тоже время он неоднократно говорил о сохранении пережитков крепостничества, сохранении поместного землевладения, отработочной системы и кошмарил русскую деревню такими ярлыками «самая дикая деревня», «бесконечные формы татарщины» и др.

Эти и другие концептуальные оценки В.И. Ленина воспринимались советскими историками как библейские истины. Такой подход и привел к тому, что одна часть историков старалась наполнить фактическим материалом ленинские положения о значительном развитии аграрного капитализма, но с обязательным указанием на огромные пережитки крепостничества. Другая часть историков больше подчер-

кивала крепостнические черты, пережитки феодализма, не отрицая полностью, что в России был капитализм»¹²⁷. По мнению В.Г. Тюкавкина, оба направления сопоставимы с направлениями «оптимистов» и «пессимистов» в зарубежной историографии. «Советские «пессимисты», — отмечает историк, — более яростно обличали весь старый строй России, чем западные, советские «оптимисты» были ближе к Западным «пессимистам», ибо тоже давали больше критических оценки»¹²⁸.

Высоко оценивает историк историографические труды К.Н. Тарновского, в которых представлен анализ дискуссий по аграрной истории. Вновь подчеркнута значимость для изучения истории великорусского крестьянства ценных работ «Н.Д. Кондратьева, А.В. Чайнова, Л.Н. Литошенко, А.Н. Челинцева, в которых дан большой фактический материал» и показано, что крестьянское хозяйство в России претерпело существенные положительные сдвиги»¹²⁹.

В более развернутом виде по сравнению с предыдущими историографическими обзорами дана историографическая ситуация 60–70-х гг. Особое место занимает дискуссия об аграрном строе России (1960 г.) между А.М. Анфимовым, который сформулировал положение о полном господстве пережитков в российской деревне и С.М. Дубровским, который опираясь на ленинское наследие отстаивал тезис «о значительном уровне капитализма в России»¹³⁰.

Соглашаясь в целом с оценками В.Г. Тюкавкина дискуссий 60-х гг., отмечу, что они способствовали активизации исследований по аграрной истории России начала XX в. Позитивным является и то, что историки обратили внимание не только на эволюцию крестьянских хозяйств, но и стали изучать помещичье хозяйство. Особо подчеркнута значимость региональных исследований. И все же историки во многом оставались в плену старых традиционных представлений, по-прежнему транслируя некую предопределенность развития событий, приведших Россию к революции. Новые подходы органично сочетались с традиционными представлениями.

Да и сам В.Г. Тюкавкин, подчеркивал успехи «в исследовании социального расслоения классовой борьбы в деревне, в анализе названных выше экономических процессов», говорил о том, что «политизация исторической науки привела к увеличению негативных сторон, к выпячиванию отсталости сельского хозяйства России, к описанию бесконечных «кризисов», «крахов», «кризисных явлений», которые А.М. Анфимов назвал «феодално-крепостническими депрессорами»¹³¹.

Значимость историографического обзора существенно возрастает в связи с тем, что В.Г. Тюкавкин включил в него анализ зарубежной историографии, в том числе научных трудов Дж. Кеннана, Л. Волина, Т. Шанина, Д. Мейси, К. Мацузато, Р. Пайпса. Как известно, в зарубежной историографии представлен широкий спектр как общетеоретических, так и конкретных вопросов эволюции аграрных отношений

в России. Он высоко оценивает достижения зарубежных историков в изучении проблем истории российского крестьянства и Столыпинской аграрной реформы. И, конечно, историком не обойдены работы Т. Шанина, в частности, «Революция как момент истины»¹³², в которой автор говорит о выработке в начале XX в. двух основных программ радикальной трансформации российского общества, связанных с именами Столыпина и Ленина¹³³. «Сопоставление стратегий Ленина и Столыпина, — замечает В.Г. Тюкавкин, — как взаимодополняющих», хотя и «диаметрально противоположных» вызывает много раздумий и сомнений»¹³⁴. Далее он говорит о целесообразности проведения специального монографического исследования зарубежной историографии. Важное значение, по мнению историка, является признание зарубежными историками «наличие особенностей России по сравнению с западноевропейским опытом»¹³⁵. И все же историк считает, что многие вопросы изучаемой проблемы либо не изучены, либо изучены недостаточно западными историками¹³⁶.

Историографический обзор В.Г. Тюкавкин дополняет (речь идет о второй и третьей главах. — П. К.) такими сюжетами, как «К постановке проблемы» и «Историографические замечания».

Изучение крестьянства историк начинает с главы первой, в которой анализируется численность и географическое размещение великорусского крестьянства. Исследование ведется на основании данных Первой всеобщей переписи населения России 1897 г., предварительных итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и других изданий Центрального статистического комитета. Историк опирается в своих выводах на исследования А.Г. Рашина, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана, А.М. Анфимова и других историков и демографов, в работах которых представлена демографическая ситуация в России конца XIX — начала XX вв. Такой подход позволил историку установить, что в 1897 г. в Российской империи насчитывалось 92,9 млн крестьян или 73,8¹³⁷, а доля великорусского населения в стране в 1897 г. достигала «55 млн 75,5 тыс., что составило 44,2 % жителей, а в 1917 г. его численность увеличилась до 76 млн 676 тыс., а его доля возросла до 45,9 %»¹³⁸. Изучая такой показатель как прирост русского населения В.Г. Тюкавкин устанавливает, что если в первой половине XIX в. произошло увеличение рождаемости, то после 1861 г. «рождаемость снизилась в среднем по стране с 52 до 50 %, но оставалась самой высокой в Европе»¹³⁹. Динамика роста населения России в 1858—1913 г. показывает рост городского населения до 14,8 % в 1913 г. и снижение удельного веса сельского населения до 85,8 %, что было вызвано переселением крестьян в города¹⁴⁰. Раскрыты также особенности размещения сельского населения и показана динамика этого процесса в 1897—1917 гг. Но при этом историк акцентирует внимание на то, что в историографии существуют разные оценки его взаимоотношений с други-

ми народами. Историк считает, что термин «русские» с полным правом можно распространить на три родственные народы: великорусы, малороссы и белорусы — именно они сыграли важную роль в освоении Поволжья, Юга России и Сибири.

Актуальное значение имеют выводы о том, что «главная роль в развитии российской государственности в освоении новых незаселенных земель принадлежала великорусским крестьянам»¹⁴¹. И далее: «Великорусский народ, и прежде всего крестьянство, нес основную нагрузку создания единого экономического пространства на территории огромной страны. Но великорусское крестьянство не имело никаких особых прав на переселение и освоение новых земель»¹⁴². В.Г. Тюкавкин развенчивает миф, созданный В.И. Лениным и, транслируемый с подачи VIII съезда КПСС о том, что якобы русский народ и русское крестьянство «угнетали» другие народы, а в коммунистическую программу (1919 г.) было введено понятие «угнетающая нация». И в этой связи В.Г. Тюкавкин подчеркивает важность изучения истории великороссов.

Особую остроту уже в конце XIX в. стал приобретать национальный вопрос. В.Г. Тюкавкин детально анализирует процесс возникновения и развития национализма на Украине, показывает воздействие на формирующийся национальный этнос со стороны Австро-Венгрии, Польши и Германии¹⁴³.

В монографии приведены об удельном весе русских по группам районов Российской империи. В первую группу историк включил губернии центральной части Европейской России, во вторую вошли Предкавказье, Новороссия, Белорусско-Литовский регион и Украина; в третью группу — Прибалтика и Закавказье. Историк удалось установить сокращение удельного веса русских в центральных губерниях и увеличение его на окраинах, что было обусловлено массовой миграцией на окраины и в первую очередь за Урал¹⁴⁴.

Многие десятилетия историки и демографы обсуждали проблему аграрного перенаселения русской деревни. В 1901 г. императором Николаем II была созвана Комиссия, которая должна была исследовать динамику движения населения России, но ее данные были подвергнуты критике историками и экономистами как дореволюционными, так и советскими. В.Г. Тюкавкин критикует А.М. Анфимова, который, основываясь на этих данных, доказывал отсталость российской деревни и путем экстраполяции получил данные о том, что в 1913 г. в деревне насчитывалось 32 млн лишних рабочих рук из 57 млн¹⁴⁵.

Историк считает более удовлетворительными данные С.А. Короленко, который пришел к выводу о том, что избыток мужского населения составлял 4,2 млн чел. Эти же данные совпадают с подсчетами академика Л.В. Милова: «1906—1910 гг. в среднем выдавалось уже 9,4 млн

паспортов и неземледельческий составлял более половины общего числа крестьян-отходников»¹⁴⁶.

Приведенные В.Г. Тюкавкиным сведения о занятости великорусского крестьянства позволили развенчать миф о крестьянах-лежебоках, что противоречит историческим фактам «... Крестьяне России, составляли менее 8 % населения мира, производили 25 % всех хлебов, поставляли четверть мирового экспорта хлебов, много льна, мяса, масла, сахара, яиц и других продуктов»¹⁴⁷.

Центральное место в монографии занимают глава II «Крестьяне и земля» и глава III «Столыпинская аграрная реформа». Автор показывает воздействие факторов, влиявших на обострение аграрного кризиса в русской деревне и рост числа малоземельных крестьянских дворов. Отмечено, что на этот процесс влияли традиции и нормы обычного права, которые предписывали делить землю и имущество после смерти главы семьи по равным долям между сыновьями. Воздействие оказывали также и природно-климатические условия. И об этом историк подробно пишет в разделе «У нас родит не земля, а небо»: влияние природно-климатических условий на земледелие». В центре внимания оказался и вопрос о распределении надельной земли – общинной и подворной. Показана неравномерность обеспеченности землей крестьян: «У общинников Европейской России 1,9 млн дворов или 26,3 % имела наделы менее 6 десятин на двор. Эта группа крестьян (около 10,5 млн человек) проживала в основном в центральных губерниях, и прожить со своих наделов не могла даже при подъеме агротехники»¹⁴⁸. Заслуживают внимания и данные о росте земельной частной собственности великорусских крестьян. Так, в XX в. крестьяне покупали земли ежегодно в 1,5 раза больше, чем в конце XIX в. Важное значение имеет вывод о том, что крестьянское сословие «за счет покупки прибавила к 138 млн дес. надельной земли еще 34,4 млн дес. частной или увеличило свое землепользование на 24,9 %. Значит, из крестьянства выделялись капиталистические хозяйства, которые могли заплатить за землю сотни миллионов рублей...»¹⁴⁹. В монографии рассмотрены арендные отношения их роль в крестьянском землепользовании, условия аренды и характер отработок в великорусской деревне. По мнению В.Г. Тюкавкина, «аренда земли не только не уменьшала, но напротив, увеличила неравномерность наделов разных общин и разных дворов внутри общины...»¹⁵⁰. Зажиточные двory арендовали в среднем 10–12 дес., середняцкие по 3–4 дес. и бедняцкие – 1–1,5 дес. земли. В целом абсолютное большинство арендованных земель находилось в распоряжении зажиточных слоев деревни. Анализируя характер отработок в русской деревне, историк полемизирует с А.М. Анфимовым и констатирует, что «отработки и отработочная система в России не свидетельствовали о крепостничестве, полукрепостничестве и т. д. Их сравнительно широкое распространение объясня-

лось тем, что открывшаяся в 1861 г. возможность для помещиков перейти к собственному крупному хозяйству могла реализоваться только при наличии крупных капиталов»¹⁵¹. Поэтому историк правомерно считает, что эта система сыграла положительную роль как переход к рыночным отношениям»¹⁵².

Впечатляет и картина поземельных отношений великорусского крестьянства, ведущего земледельческое производство на окраинах России, где обеспеченность земель крестьян была намного выше, чем в губерниях Центральной России.

Новые концептуальные построения сформулированы В.Г. Тюкавкиным в главе III «Столыпинская аграрная реформа». Особое место в ней занимают разделы «К постановке проблемы» и «Историографические замечания». В первом из них историк пишет о том, что он стал заниматься этой проблемой в 1952 г. и обнаружил два различных подхода в оценке новой аграрной политики: негативное восприятие реформы – труды В.И. Ленина и сочинения историков и положительная оценка, зафиксированная в громадном материале делопроизводственной документации.

Но подлинным открытием стали встречи с переселенцами и сбор студентами Иркутского педагогического института материалов устной истории, в которых представлена яркая панорама переселения крестьян и их обустройства на просторах Сибири. «Десятки тысяч человек, – отмечает В.Г. Тюкавкин, – от Урала до Тихого океана – памятник не только тем миллионам крестьян-переселенцев, но и работникам переселенческих организаций и Столыпинской земельной реформе»¹⁵³.

Здесь же он однозначно говорит о том, что не было «краха» реформы. «Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин назвал «крахом», но с 1911 г. резко возросло землеустройство [в связи с принятием «Положения о землеустройстве 1911 г. – П. К.]. Крестьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было укреплять землю – документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное владение его участком»¹⁵⁴. Он считает, что война помешала провести землеустройство 6 174,5 тыс. дворов, что составило 67 % общинных хозяйств»¹⁵⁵.

«В историографических заметках», которые существенно дополняют и расширяют анализ научной литературы, представленной во «Введении», дана обстоятельная критика работ В.И. Ленина, выдвинувшего ряд неверных тезисов, «которые стали определенными стереотипами в советской историографии»¹⁵⁶.

Речь идет о двойственном характере оценок аграрной реформы. Одни, их В.Г. Тюкавкин называет «пессимисты», писали о прогрессивных чертах реформы, но приводили большое количество материалов о ее отрицательном значении. Другие – «оптимисты» – также

писали о реакционности новой аграрной политики, но уделяли большое внимание ее положительному воздействию на развитие аграрного строя.

В этой связи историк развенчивает миф, который заложен в основу первого стереотипа о том, что Столыпинская реформа была вызвана революцией 1905–1907 гг. «В действительности, – пишет В.Г. Тюкавкин, – все мероприятия реформы были обсуждены, подготовлены и даже одобрены в «верхах» еще до революции 1905 г. и даже до известных массовых выступлений крестьян в 1902 г.»¹⁵⁷. И далее он детально воссоздает процесс разработки нового аграрного законодательства и говорит о работе Комиссии П.А. Валуева, законодательстве 90-х XIX в., о введении нового паспортного законодательства, о разработке С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкиным законопроекта о частичной, а затем и полной отмене круговой поруки с 1896 г. Автор также подчеркивает значение записки С.В. Витте Николаю II (октябрь 1898 г.), в которой министр предлагал пересмотреть аграрную политику. 16 ноября 1901 г. была создана Комиссия во главе с В.Н. Коковцевым, а в январе 1902 г. были образованы две комиссии по аграрному вопросу. «Подчеркнем, что именно в январе, т. е. до крестьянских массовых выступлений, и созданы именно две комиссии, а не одна во главе с Витте»¹⁵⁸. Новые данные приведены о законотворческой деятельности видных политических деятелей начала XX в.: С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, В.И. Гурко, А.В. Кривошеина, К.А. Кофода.

К числу негативных стереотипов В.Г. Тюкавкин относит мнение о том, что якобы целью П.А. Столыпина было разрушение всех общин. Этот вывод сформулирован в работах А.М. Анфимова, П.Н. Зырянова. По мнению В.Г. Тюкавкина общая цель реформы «по мысли, Гурко, Кривошеина, Столыпина и других заключалась в создании слоя зажиточных хозяйств, которые были бы образцом и постепенно способствовали выходу других крестьян»¹⁵⁹.

В.Г. Тюкавкин критикует и сторонников третьего стереотипа о том, что реформу проводили насильственно, всегда используя полицейский нажим на общины. Казалось бы, для такого вывода есть основания, существует документальный материал, да и представители политических партий кадеты, большевики и прежде всего Ленин, эсеры и даже правые критиковали власть за уничтожение общины. Историк также говорит о том, что случаи насилия были, но исследователи не всегда акцентируют внимание на соотношении добровольных и насильственных выходов. Он также приводит циркуляр П.А. Столыпина от 21 января 1909г., запрещающий использовать при реализации реформы принудительные меры¹⁶⁰. И далее он говорит о том, что более 3 млн домохозяев подали заявления о выходе из общины и «более 6 млн – о проведении землеустройства – это весомое доказательство добровольности... Такое количество заявлений невозможно было «выбить» под нажимом»¹⁶¹.

Новое прочтение дано в монографии вопросу, почему реформа получила название Столыпинская. Против такого определения выступила часть историков, обосновывая это тем, что идея реформирования была сформулирована в ходе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. под председательством С.Ю. Витте, в комиссиях Гурко, Кутлера, Кривошеина.

В.Г. Тюкавкин приводит биографические сведения о жизни и деятельности П.А. Столыпина. Он правомерно считает, что главное для Столыпина «заключалось в признании необходимости реформирования деревни проблемой укрепления российской государственности. Так, что Столыпин не только воспринял многие предложения Витте, Гурко, Кривошеина, Кутлера, Риттиха, Кофода и других, но и выдвинул на первый план социально-политическую сторону реформ (не только одной земельной). В.И. Ленин понял это как подведение более прочного фундамента под самодержавие, а Столыпин понимал шире — более прочного фундамента под российскую тысячелетнюю государственность»¹⁶².

Историк подчеркивает, что Столыпин выступал как главный организатор реформы, главный ее защитник в палатах российского парламента, прессе, отстаивал целесообразность ее проведения в докладах императору — все это и позволило историку дать аргументированный ответ: «название реформы — «Столыпинская» — можно считать правомерный»¹⁶³.

В монографии дана оценка роли императора Николая II в проведении реформы «Роль царя в проведении реформы, — подчеркивает историк, — была, безусловно, весьма значительной, а на отдельных этапах решающей. Вместе с тем его нерешительность, а более всего установившейся порядок прохождения законопроектов через бюрократический аппарат надолго задержали реформирование деревни»¹⁶⁴.

Впечатляет раздел монографии, в котором анализируется состояние русской общины накануне и в ходе реализации Столыпинской земельной реформы. Раскрыты положительные и отрицательные стороны крестьянского социума начала XX в. Автор вновь акцентирует внимание на ленинских работах, в которых содержится двоякий подход к общине. Дает историк ответ и на «такой дискуссионный вопрос, многие годы обсуждаемый российскими историками: хотело ли крестьянство уничтожить общину, или оно боролось за ее сохранение»¹⁶⁵. Дан анализ исследований по общине П.Н. Зырянова, О.Г. Вронского, Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, С.М. Дубровского, А.М. Анфимова. Устанавливая количество беспредельных общин в великорусской деревне, историк приходит к выводу о том, что «Столыпинская аграрная реформа была подготовлена отказом многих общин от переделов»¹⁶⁶. А освобождение от фискальной обязанности и отмена круговой пору-

ки означает, что «община во многих местах не выполняла своей главной функции»¹⁶⁷.

Актуальное звучание имеет вывод о том, что «выход крестьян из общины не ликвидировал сельское общество и главное сельский сход»¹⁶⁸, на котором решались жизненно важные вопросы сельского мира.

Отвечает В.Г. Тюкавкин и на вопрос, что было причиной протестных действий крестьян во время проведения реформы. Мотивы выступлений сводились к следующему: беспокойство, что они потеряют землю в том случае, если не будет запрета ее продавать. Но главное: они выступали против расселения на хутора, так как тем самым они стремились сохранить веками создаваемый деревенский образ жизни¹⁶⁹. И далее историк пишет: «Деревенский менталитет, деревенский образ жизни не противоречили разделу общей земли (надельной и купчей) на подворные участки и полосы, но он мало подходил к хуторскому землевладению, не соответствовал жизни в удалении друг от друга»¹⁷⁰.

Анализ состояния русской общины в период реализации реформы историк начинает с мероприятий имперской власти, которые нашли отражение в законодательных актах, расширяющих правовое положение крестьян (таких как манифест 3 ноября 1905 г., Указ 6 октября 1906 г.) и создавших условия для принятия Указа 3 ноября 1906 г.

В.Г. Тюкавкин приводит данные о выходе крестьян из общины и констатирует, что масштабы подачи заявлений удивили сторонников ее сохранения. «Но самым ошеломляющим для «общества» и революционных партий стали 1908 и 1909 гг., когда число заявлений достигло 1 млн 490 тыс., т. е. всего за 3 года около 8 млн чел. собрались выйти из общины и укрепить за собой участки в личную собственность»¹⁷¹.

Эти и другие данные свидетельствуют не о «крахе» реформы, а скорее о ее незавершенности. Сказалось и отрицательное воздействие Первой мировой войны, в ходе которой землеустройство было приостановлено. В.Г. Тюкавкин считает формулировку В.И. Ленина и советских историков о «разгроме» общины неверной «тем более не ставилась цель «разгромить» все общины»¹⁷².

Историк считает, что необходимо отказаться от оценки реформы по проценту дворов вышедших из общины, необходимо учитывать, что с 1911 г. проведение землеустроительных работ становится основной целью реформы.

Впечатляют материалы и выводы, сформулированные историком в заключительной четвертой главе, в которой рассмотрен весь комплекс вопросов по данной проблеме — от анализа переселенческой политики имперской власти до организации переселенческого дела, организации количества переселенцев, формирование колонии земельного фонда, географического размещения переселенцев и об устройстве в

новых районах проживания, предоставления денежных ссуд, а также экономического положения переселенцев.

В монографии дан аргументированный ответ, что получило великорусское крестьянство от Столыпинской аграрной реформы. Вновь подчеркнуто, что ее задачи за 8 лет были решены примерно на одну треть. Прежде всего произошло значительное перераспределение наделных земель. Крестьяне купили 10 млн дес. частновладельческой земли. Переселенцы получили за Уралом бесплатно более 30 млн дес. земли. Около 2 млн домохозяев получили единоличные участки, 91 % — в отрубях. В ходе землеустроительных работ ликвидированы принудительные севообороты, дальнотемелье, чересполосица. Существенно поднялся уровень агротехники, стала оказываться финансовая и агроэкономическая помощь крестьянам, резко возросли темпы кооперативного движения.

Квинтэссенцией звучит заключительный вывод: «...материалы монографии, приведенные в заключении общие данные свидетельствуют, что начавшееся обновление крестьянского социально-экономического строя (термин П.А. Столыпина) дало существенный положительный сдвиг в развитии сельского хозяйства и улучшении положения крестьянства»¹⁷³.

Подведем предварительные итоги. В научной биографии В.Г. Тюкавкина, которая длилась 50 лет, выделяются два этапа. Особо отметим иркутский период, где в стенах Иркутского государственного педагогического института шло формирование мировоззрения ученого, прошедшего путь от студента до доктора наук, заведующего кафедрой истории.

Важное значение имела его трудовая деятельность на колхозных и совхозных полях в годы военного лихолетья, а также многочисленные беседы со старожилками-переселенцами, которые приоткрыли существовавший в то время идеологический занавес, скрывавший многие десятилетия советской эпохи реальное состояние дореволюционной великорусской деревни.

В условиях идеологического диктата его концептуальные построения во многом совпадали с общепринятыми нормами в советской историографии, но в содержании кандидатской, а затем и докторской диссертации приводились материалы, свидетельствующие о поступательном развитии сельского хозяйства, и подчеркивалась роль переселенцев в освоении новых земель и в формировании новой российской житницы, поставившей зерно, масло и другие сельскохозяйственные продукты на внутренний и внешний рынок.

В течение 20 лет В.Г. Тюкавкин изучал проблему переселения крестьян в Сибирь и историю крестьянства Сибири, несомненно он внес громадный вклад в исследование аграрного строя Сибири, его выводы и наблюдения получили признание со стороны научной обществен-

ности, а его исследования были продолжены при написании много- томной истории Сибири и истории сибирского крестьянства.

В московский период (1974–2002 гг.) диапазон его научной деятельности существенно расширился. Его эрудиция и талант полемиста особенно проявились во время дискуссий на сессиях Аграрного симпозиума, а также в ходе работ над учебным пособием «В.И. Ленин о трех российских революциях» и в книге для учителя «Крестьянство России в период трех революций» (соавтор Э.М. Шагин), а также в ряде других публикаций. Но вплоть до второй половины 80-х г. его концептуальные построения шли в рамках марксистско-ленинской методологии. Хотя в одной из работ, говоря о «крахе» Столыпинской аграрной реформы его признание «сопровождалось указанием на слишком короткий срок ее проведения»¹⁷⁴.

Отказ от многих стереотипов произошел в ходе работы над монографией «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа», в которой в яркой и полемичной форме характеризуются работы В.И. Ленина, дореволюционных историков и экономистов, а также труды советских историков. В книге представлена ярчайшая панорама жизни великорусского крестьянства и его взаимодействие с властью во время проведения реформы. В.Г. Тюкавкин показывает реальные результаты реформы, которая, безусловно, способствовала росту сельскохозяйственного производства в России.

Его монография «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа» – это гимн созидательной деятельности многострадального русского крестьянства, внесшего громадный вклад в освоение новых земель и развитие сельского хозяйства. Одновременно это и дань уважения к виднейшим политическим деятелям и прежде всего к П.А. Столыпину, А.В. Кривошеину, В.И. Гурко, К.А. Кофоду, и другим представителям имперской администрации, занимавшихся обустройством России и внедрявших в жизнь новые социальные практики и новые приемы ведения земледелия.

Еще одно направление научной деятельности В.Г. Тюкавкина – подготовка кандидатов и докторов исторических наук. Среди его учеников свыше 40 кандидатов наук. Назову также докторов наук, у которых он выступал в качестве научного консультанта – Л.М. Дамешек, О.Г. Вронский, Г.В. Аксенова, В.В. Воронин, Е.П. Барина и др.

Отметим и другой вектор деятельности В.Г. Тюкавкина в московский период, связанный с подготовкой и изданием учебников по истории России XIX – начала XX вв. Так он издал в 1990 г. «Хрестоматию по истории СССР 1860–1917 гг.». Его перу принадлежат учебники «История СССР 1860–1917 гг.» (изданный в 1990 г.) и «История России XIX век», который был опубликован в 2001 г. Есть учебники, написанные совместно с преподавателями кафедры: И.А. Проскуряковой, Г.В. Аксеновой, А.Б. Клименко, а также его соавторами при

написании «Новейшей истории Отечества» в 2-х частях были: А.Ф. Киселев и Э.М. Шагин. В числе соавторов учебного пособия по отечественной истории выступал и видный российский историк А.В. Ушаков. Можно по-разному относиться к учебной литературе, которая выходила в «лихие» 90-е и начале нулевых годов XXI в. Но авторы этих изданий представили не только событийную сторону исторического процесса, но и сумели учесть достижения отечественной историографии пореформенного периода российской истории. Несомненно, эта учебная литература сыграла положительную роль в подготовке профессиональных кадров для российской школы.

Ясно одно, что В.Г. Тюкавкин входит в плеяду выдающихся историков-аграрников России.

§ 4. Проблемы аграрной истории в научных трудах Г.А. Герасименко

В современной российской историографии существенно возрос интерес к изучению творческого наследия видных историков-аграрников, формирование концептуальных взглядов которых происходило в условиях господства марксистско-ленинской методологии. К числу таких исследователей относится и выпускник исторического факультета Саратовского государственного университета Григорий Алексеевич Герасименко. Его научное наследие обширно и насчитывает свыше 120 публикаций, в том числе 15 монографий¹⁷⁵, которые получили положительную оценку научной общественности, что нашло отражение в рецензиях, опубликованных в академических журналах «Вопросы истории», «История СССР» и в ряде других изданий¹⁷⁶. Отметим, что до настоящего времени отсутствуют статьи о вкладе ученого в разработку проблем аграрной истории. Безусловно, это связано с тем, что поначалу Г.А. Герасименко занимался изучением двух основных проблем, которые находились в центре внимания советских историков, входивших в такое профессиональное объединение, как Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», которым руководил академик И.И. Минц. Да и его научный руководитель, профессор Саратовского государственного университета В.К. Медведев, настоятельно советовал аспиранту сосредоточиться на изучении истории партийной борьбы в Советах Нижнего Поволжья в 1917 г. и особенностях установления советской власти в губернских и уездных центрах региона. Не случайно поэтому первые его книги были посвящены изучению этих проблем¹⁷⁷. Если говорить о методологии исследования, которую использовал в своих научных исследованиях Г.А. Герасименко, то она шла в русле советской историографии. Кстати сказать, именно во второй половине

60-х гг. в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции шла подготовка коллективных монографий, в которых ошелас процесс подготовки и проведения социалистической революции. Г.А. Герасименко входил в коллектив авторов, который опубликовал и издал в 1967 г. монографию «Октябрь в Поволжье»¹⁷⁸. Руководителем этого коллектива был академик И.И. Минц, поэтому концептуальные воззрения авторов этого издания не мог не учитывать Г.А. Герасименко, который в своей первой монографии отмечал особенность возникновения советов: «в крупных экономических центрах с сильными отрядами рабочих и солдат образование советов, как правило, встречало меньше трудностей, нежели в центрах с преобладанием мелкобуржуазных слоев населения»¹⁷⁹. Здесь явно прослеживается генетическая связь с концепцией авторов коллективного труда. Новым было то, что исследователь подчеркивал роль солдат (крестьян, одетых в серые шинели) в процессе создания и функционирования советов. Историк также особо выделяет размежевание политических сил в офицерской и солдатской среде, которое завершилось созданием Совета солдатских депутатов, что привело к падению роли гарнизонного совета, в который вошли представители офицерского корпуса.

В центре внимания Г.А. Герасименко находились сложнейшие аспекты межпартийной борьбы в Советах Саратовской и Астраханской губернии. Исследование ведется на нескольких уровнях. Детально рассмотрен процесс создания Советов рабочих депутатов и показаны особенности слияния их с Советами солдатских депутатов. Подчеркивается, что в ходе объединения большевики сумели усилить свое влияние в Саратове и оттеснить на второй план меньшевиков и эсеров, которых автор вслед за ведущими советскими историками квалифицировал как членов мелкобуржуазных партий. Прослежены основные факторы, повлиявшие как на ход партийной борьбы в советах в уездных центрах, так и на своеобразие установления советской власти в Нижнем Поволжье.

Через два года Г.А. Герасименко по заказу Саратовской областной организации общества «Знание» опубликовал брошюру, в которой с учетом концептуальных воззрений авторов коллективной монографии «Октябрь в Поволжье»¹⁸⁰, проследил процесс установления советской власти в Саратовской губернии¹⁸¹. Так же как и в его первой монографии проблемы участия крестьянства в революционных событиях даются через призму объединения Советов рабочих депутатов с Советами крестьянских депутатов. Тем самым автор подчеркивал наличие союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. Отмечена также роль солдат в установлении советской власти на местах и показано значение Декрета II Всероссийского съезда Советов «О земле»¹⁸².

В ходе работы в областных архивах Нижнего Поволжья Г.А. Герасименко неожиданно обнаружил массив опросных листов, в которых

содержалась обширная информация о времени создания волостных советов и их деятельности. Всего им было выявлено 231 документ, которые были подготовлены к 5-му губернскому крестьянскому съезду. Изучив эти материалы, историк пришел к выводу об информативной значимости опросных листов. «Мы располагаем, — писал он в 1965 г., — чрезвычайно ценными архивными материалами, позволяющим с большей достоверностью восстановить процесс создания Советов крестьянских депутатов¹⁸³. В этой же статье он констатирует, что «уездные и особенно волостные Советы изучены совершенно неудовлетворительно»¹⁸⁴. Заслуживает внимания и другой его вывод о необходимости критики источников, в том числе и материалов прессы. Он писал о необходимости тщательной критической проверки сведений опубликованных в газетах¹⁸⁵.

Начало научной карьеры складывалось так, что он оказался включенным в состав коллектива историков Поволжья, готовивших к публикации монографию «Октябрь в Поволжье». Вспоминая то время, Г.А. Герасименко отмечал, что в эту группу входили В.К. Медведев, Е.И. Медведев, И.М. Ионенко «авторитетные ученые, представлявшие Нижнее, Среднее и Верхнее Поволжье, а конкретно Саратов, Самару и Казань»¹⁸⁶. Работа по согласованию концептуальных положений и редактированию текстов монографии осуществлялась при непосредственном участии академика И.И. Минца, который вместе с Е. Иллерицкой и А.П. Ненароковым обычно жили в номерах гостиницы «Волга». «Вот они то и вынесли — писал он — на своих плечах труднейшую работу по созданию, сплочению и руководству довольно большого авторского коллектива»¹⁸⁷. Руководители коллектива были осведомлены о том, что Г.А. Герасименко написал оригинальную работу по истории Советов Нижнего Поволжья, в которой впервые ввел в научный оборот новые архивные документы. Эти материалы, в том числе и по советам Астрахани, были использованы при написании коллективной монографии. Однако после выхода в свет монографии «Октябрь в Поволжье» старые астраханские и волгоградские большевики обвинили авторов во всех смертных грехах, заявляя, что они исказили и даже оклеветали астраханских большевиков того времени и неверно оценили их вклад в процесс борьбы за советскую власть.

Но предоставим слово Г.А. Герасименко: «Я был очевидцем того, какое впечатление письмо произвело на членов редколлегии. Оно было удручающим. А поскольку главным поставщиком архивных материалов по событиям в Астрахани был я ... то члены редколлегии обязали меня держать ответ перед старыми большевиками. Конечно, надежда на то, что я, начинающий тогда исследователь, вытащу их из этой ситуации, была мала. Ответ большевикам вылился в 24 страницы мелкого шрифта. И после того как члены редколлегии его подписали и отправили в ИМЛ [Институт марксизма-ленинизма. — П. К.], никаких

действий не последовало. Москва умолкла...». Меня особенно восхитили слова «Москва умолкла». Так убедительны были доводы молодого историка. Самое главное состояло в том, что участие в коллективной работе Г.А. Герасименко дало для него «очень много полезного и поучительного». Важным итогом этой работы было и то, что он стал одним из активных участников многих научных конференций, проводимых Научным Советом.

Вторая половина 1960-х гг. — важнейший этап в жизни Г.А. Герасименко. Он тщательно штудировал новейшую литературу по истории второй российской революции. Примечательно то, что помимо региональных изданий он досконально изучает литературу, вышедшую не только в Москве и в Ленинграде, но и в других регионах страны. Его не могли не заинтересовать работы научных сотрудников Истпартов, которые были созданы по инициативе В.И. Ленина в 1922 г.

Интеллектуальный поиск новой масштабной научной проблемы активно шел и во время учебы Г.А. Герасименко на факультете повышения квалификации Московского государственного университета. Туда он был направлен в августе 1968 г.¹⁸⁸ В стенах старейшего российского университета Г.А. Герасименко не только слушал лекции многих ведущих историков страны, но и установил научные контакты с профессором В.М. Селунской, бывшим в то время деканом исторического факультета МГУ, академиком Ю.С. Кукушкиным и др. В те четыре месяца ему удалось много поработать и в архивах, и в библиотеках Москвы.

И все-таки при определении темы докторской диссертации для Г.А. Герасименко исключительно важное значение имели консультации с И.М. Ионенко и Е.И. Медведевым. Но если Медведев мог просто подбодрить: «Давай, Гриша работай, у тебя получится!» То И.М. Ионенко, будучи генератором научных идей и одним из признанных специалистов по истории крестьянства, мог без усталости обсуждать различные аспекты истории аграрной революции в России. Поэтому общению с И.М. Ионенко Г.А. Герасименко всегда придавал особое значение.

В ходе этих обсуждений и раздумий у Г.А. Герасименко родилась идея приступить к изучению истории низовых крестьянских организаций в 1917 г. Но для этого надо было привлечь массовые источники, сохранившиеся в фондах государственных областных архивов. В отпускные месяцы он стремился хотя бы дней 20 поработать в архивах. Почему саратовский историк уделял работе в архивах первостепенное значение? Дело в том, что он поставил перед собой сложнейшую задачу — осуществить фронтальное изучение всего комплекса архивных источников. Исследователь отчетливо понимал, что только такой подход поможет понять крайне сложный и противоречивый характер аграрной революции и выяснить роль и место низовых крестьянских организаций в процессе установления советской власти. Вновь, как и

прежде, при написании кандидатской диссертации он ведет свое исследование в территориальных границах Нижнего Поволжья.

Фронтальное изучение документов, хранящихся в фондах государственных архивов Самарской, Волгоградской и Астраханской областей, позволило не только выявить громадный пласт массовых источников, но и в рамках марксистско-ленинской методологии предложить научному сообществу новое оригинальное решение проблемы участия в политической жизни региона низовых крестьянских организаций, которые сыграли видную роль в развитии аграрной революции в Нижнем Поволжье. Анализ историографической ситуации позволил выявить весь спектр оценок советскими историками социального состава Советов крестьянских депутатов. По мнению ученого, историки не в полной мере учитывали роль и политический вес среднего крестьянства в докомбедовский период¹⁸⁹. «В результате, — писал Г.А. Герасименко, — ликвидации частного землевладения и передела земли по едокам, осуществленной весной 1918 года значительная часть бедноты поднялась до уровня середняков»¹⁹⁰. И далее следовал вывод: «средние крестьяне уже в тот период становились главной фигурой в деревне»¹⁹¹. А потому в монографии, а затем и в докторской диссертации Г.А. Герасименко поставил задачу установить, представители каких слоев сельского населения преобладали в Советах первого состава. Далее он стремился выявить «как изменилось соотношение сил в советах к лету 1918 г.»¹⁹². Весьма важен вывод о том, что в советской историографии отсутствовали «конкретно-исторические исследования, посвященные всей цепи низовых крестьянских организаций»¹⁹³, возникших в период второй российской революции. В монографии воссоздан статистический портрет низовых крестьянских организаций, приведены результаты выборов в волостные и сельские исполнительные комитеты, выявлен их социальный состав, доказано что их состав стал меняться уже весной 1917 г., когда в деревню стали прибывать сотни тысяч уволенных в краткосрочный отпуск солдат. В результате к лету 1917 г. «волостные комитеты стали однородно-сословными крестьянскими учреждениями»¹⁹⁴.

Традиционно для советской эпохи саратовский историк анализировал цель Столыпинской аграрной реформы, реализация которой привела «к дальнейшему обеднению общины и известной невилеровке общины»¹⁹⁵. Г.А. Герасименко констатирует рост протестных выступлений, направленных против хуторян и отрубников. Убедительно выглядит таблица, в которой приведены данные о партийном составе членов волостных комитетов, их финансовом положении. Установлено, что члены волостных и сельских исполнительных комитетов получали символическую заработную плату и выполняли свои обязанности на общественных началах¹⁹⁶. Новые данные приведены о динамике возникновения продовольственных комитетов Саратовской губернии,

а также волостных и сельских советов. Подчеркнуто, что низовые крестьянские организации, не дожидаясь указаний сверху, создавали собственную правовую базу. А «постановления сельских сходов, резолюции волостных, губернских и всероссийских собраний и уездов крестьяне рассматривали как закон»¹⁹⁷. Тем самым они стремились «обезопасить себя в правовом отношении»¹⁹⁸.

В результате нового прочтения массовых источников историк показал масштабы и направленность крестьянских выступлений крестьян против помещиков, частных владельцев и землеустроенных крестьян. Статистические данные, приведенные Г.А. Герасименко, показывают, что пик выступлений против помещиков, казенного и церковного землевладения приходится на апрель 1917 г. (194 выступления), тогда как движение за ликвидацию хуторов и отрубков возросло в мае 1917 г. Из 65 выступлений крестьян 43 направлены на захват и ликвидацию хозяйств Столыпинских выделенцев.

В центре внимания историка оказались также земельные комитеты, которые создавались летом 1917 г. теми же социальными слоями, что и волостные исполнительные комитеты. «Как и их предшественники, волостные земельные комитеты оказались в руках ... бедняков и середняков»¹⁹⁹. Они, опираясь на решения сельских сходов, решительно вторгались во все сферы экономической жизни села: брали на учет имена и экономии, конфисковывали пашни и сенокосы, передавали сельскохозяйственный инвентарь крестьянам. По мнению Г.А. Герасименко, они внесли организующие начало в массовое крестьянское движение²⁰⁰. В то же время он отмечал, что к осени 1917 г. часть земельных комитетов «потеряла роль руководящих центров в деревне»²⁰¹, но большинство комитетов сохранило демократический состав.

В отличие от предшественников, Г.А. Герасименко по-новому подошел к участию солдат в организации протестных выступлений в деревне, которые осенью 1917 г. переросли в восстания. Особенность этого этапа развития аграрного движения состояла в том, что если летом 1917 г. низовые крестьянские организации брали на учет помещичьи хозяйства и составляли описи имущества, то осенью стало увеличиваться число разгромов и разграблений частновладельческих владений. Резко возросло число протестных выступлений против землеустроенных хозяев — хуторян и отрубников. Об этом, в частности, свидетельствуют статистические данные, которые автор приводит в 11 и 12²⁰². Интересен вывод о взаимоотношениях властных структур с низовыми крестьянскими организациями, на которые в июле—августе 1917 г. был осуществлен «военно-бюрократический натиск Временного правительства», что привело к снижению протестных выступлений. Но, несмотря на это, они не были ликвидированы и осенью продолжали занимать демократические позиции.

По-новому освещен процесс создания волостных земств в Нижнем Поволжье. Безусловно, и в этом разделе присутствуют традиционные подходы к анализу взаимоотношений властных структур с политическими партиями накануне и во время проведения выборов в низовой аппарат земских учреждений, а потому автор привел иллюстративный материал о порой отрицательном отношении крестьян к этой инициативе Временного правительства. Вряд ли на современном этапе развития российской историографии можно согласиться с выводом Г.А. Герасименко о том, что на смену низовым крестьянским организациям «пришли антидемократические в основной массе кулацкие, правозерсовские волостные земские управы, которые своей консервативной, охранительной деятельностью оттолкнули от себя трудовое крестьянство, тем самым лишили его доверия и поддержки и ослабили организующее начало в крестьянском движении»²⁰³. Но в то время иные концептуальные воззрения не могли получить поддержки научного сообщества. А потому историк, пытаясь обосновать свои выводы, и приводя статистические данные о числе крестьянских выступлений крестьян против помещиков и зажиточных крестьян, хуторян и отрубников²⁰⁴, и в этом случае подкреплял их иллюстративным материалом.

По-новому представлен и процесс установления советской власти в ниже-волжской деревне. Приведены данные о ходе и итогах выборов в Учредительное собрание. Показана роль солдат в организации советов и установлении советской власти на местах. Большое внимание уделено изучению настроений бедняцко-средняцких слоев деревни в связи с изменением политической ситуации в стране. Отмечено, что вопросы о власти, о земле и мире приобретали особую остроту. В монографии приведены статистические таблицы, в которых представлена динамика хода провозглашения советской власти в уездах региона, возникновении волостных составов; а так же приводятся статистические данные об отношении крестьян к советской власти весной 1918 г.

Автору удалось создать панораму деятельности волостных советов в докомбедовский период по основным направлениям: аграрная деятельность (конфискация помещичьих хозяйств, передача рабочего скота и сельхоз-инвентаря в распоряжение крестьянских советов; возвращение в общину земельных владений хуторян и отрубников, перераспределение земель, что позволило увеличить крестьянское землепользование).

В центре внимания историка оказались также военная, финансовая и продовольственная деятельность советов. Таким образом, весной 1918 г. Советы фактически сосредоточили в своих руках все основные вопросы жизнедеятельности, но они в условиях экстрима, нарастания социально-политических противоречий не смогли эффек-

тивно решать эти проблемы, что вынудило центральную власть перейти к чрезвычайным формам управления страной.

В монографии Г.А. Герасименко был поставлен и значительной степени по-новому решен комплекс проблем, возникших в ходе аграрной революции, и на основе анализа массовых источников показать роль низовых крестьянских организаций, которые по существу выступали организаторами массового аграрного движения.

Не случайно эта монография была высоко оценена научной общественностью и в 1978 г. опубликована в США²⁰⁵.

Изучение деятельности советов в докомбедовский период получила освещение в новой монографии Г.А. Герасименко, которая была издана в 1980 г. совместно с В.П. Семьяниновым²⁰⁶.

Проблемы участия трудящегося крестьянства в революции и создании советского государственного аппарата на местах и в то время оставалась одной из важных задач. По многим вопросам возникновения и деятельности докомбедовских крестьянских Советов, их социально-классового состава в литературе не было единого мнения. Как правило, дискуссии велись с привлечением незначительного количества документов низовых-сельских и волостных Советов. В монографии Г.А. Герасименко и В. П. Семьянинова впервые предпринята попытка на конкретно-историческом материале такого важного и крупного аграрного региона страны, как Поволжье, отличавшегося от других районов Европейской России многонациональным составом населения и различным уровнем развития капитализма в деревне, рассмотреть социальный состав и характер деятельности низовых крестьянских советов первого созыва, определить их место и роль в новой государственной системе. В своих наблюдениях и выводах авторы опираются, прежде всего, на документы низовых крестьянских Советов (анкеты, опросные листы, протоколы и др.), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Обработка массовых источников позволила им аргументированно решить вопрос о социальном составе и характере деятельности низовых Советов крестьянских депутатов в Поволжье.

Освещая расстановку классовых сил, авторы показывают, что идею Советов поддержали все трудящиеся крестьяне. В традициях советской историографии они приводят материалы сельских сходов и собраний, созываемых солдатами, представителями Советов рабочих и солдатских депутатов, членами РСДРП (б), на которых крестьяне выражали свое отношение к революции, осуждали политику Временного правительства, выступали в поддержку Совета народных комиссаров. Характеризуя позицию земств, авторы констатируют, что эти органы солидаризировались с буржуазно-помещичьей властью и принимали меры к оказанию помощи Временному правительству: «По главному вопросу революции — вопросу о власти — буржуазная сущность земских учреждений проявилась наиболее рельефно»²⁰⁷.

Авторы устанавливают время и способы ликвидации земств. Они доказывают, что исход борьбы за власть Советов в деревне был смещен во времени и находился в прямой зависимости от классовой борьбы в городе. Коренные политические и социально-экономические преобразования в городах явились важным фактором подрыва влияния эсеров в деревне. Мощное воздействие на процесс установления Советской власти в сельской местности оказывали губернские комитеты партии большевиков, губернские, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также губернские крестьянские съезды, которые явились «настоящей политической школой для представителей волостей»²⁰⁸. Оценивая роль и значение таких массовых объединений, как крестьянские съезды, авторы, к сожалению, не охарактеризовали с достаточной полнотой значение III Всероссийского съезда Советов и объединения Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов для установления Советской власти в деревне.

Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинов уточнили время массового создания волостных Советов в губерниях Поволжья (ими выявлены сроки создания 830 волостных Советов)²⁰⁹, анализируя при этом особенности социально-экономического развития региона, деятельность большевистских организаций, позиции эсеров.

Большое внимание уделено в монографии анализу роли и деятельности солдат, агитаторов ЦК РСДРП(б), Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, делегатов крестьянских съездов по созданию низового аппарата Советской власти. При всем многообразии структурных подразделений и норм представительства в Советах, отмечают авторы, в целом низовой аппарат Советской власти мог вполне квалифицированно осуществлять политические, административно-хозяйственные, культурно-просветительные функции²¹⁰.

Конкретно-исторический материал, приводимый в книге, свидетельствует о том, что эффективность деятельности волостных Советов, их авторитет и влияние находились в прямой зависимости от того, каков был их социальный состав, интересы каких слоев крестьянства они отстаивали. В докомбедовские Советы избирались представители всех социальных групп деревни, но кулаки и другие представители сельской буржуазии в момент создания низовых Советов заняли по отношению к ним враждебную позицию, продолжая поддерживать земства, поэтому «состав волостных и сельских Советов первого созыва сложился в пользу трудящихся слоев сельского населения»²¹¹. Об этом свидетельствует деятельность Советов, направленная на удовлетворение интересов бедноты и середняков.

Подробно анализируется в монографии участие волостных Советов в аграрных преобразованиях, показаны методы ликвидации помещичьих имений, подчеркнуто, что Советы распределяли землю в абсолютном большинстве случаев по едокам, т. е. в интересах трудящих-

ся. Авторы выделяют две стадии в процессе ликвидации имений. На первой, когда этим занимались земельные комитеты и земства, в дележе могли участвовать все жители, предпочтения беднякам не отдавалось, поэтому большая часть имущества досталась зажиточным. На второй стадии распределение помещичьего имущества в Поволжье взяли в свои руки Советы, которые прежде всего учитывали интересы бедняков и середняков. Аграрная деятельность Советов вызывала доверие масс и способствовала преодолению погромных настроений, получивших в Поволжье довольно значительный размах. Убедительно показано, что в ходе перераспределений земель позиции сельской буржуазии оказались подорванными, по капиталистическим отношениям в деревне был нанесен сильный удар.

Освещая военную деятельность Советов, Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинов считают, что создание отрядов Красной гвардии и народных дружин было вызвано необходимостью противостоять попыткам помещиков и сельской буржуазии воспрепятствовать установлению Советской власти. В монографии рассматриваются принципы формирования отрядов сельской Красной гвардии, находившихся, как правило, в распоряжении Советов, которые определяли права и обязанности красногвардейцев, порядок прохождения службы и т. д., обеспечивали их оружием, обмундированием, продовольствием. Авторы отмечают особенности формирования отрядов Красной гвардии — создавались они там, где чаще вспыхивали кулацкие мятежи и где уезды подвергались нападению казачьих банд. Так, в Самарской и Саратовской губерниях их было организовано в несколько раз больше, чем в остальных губерниях Поволжья. Эти вопросы были в то время недостаточно освещены в литературе, и авторы вносят определенный вклад в анализ процесса создания крестьянской Красной гвардии в Поволжье.

В монографии рассмотрена, причем впервые, финансовая деятельность волостных Советов. Несмотря на трудности, Советское правительство изыскивало возможности для финансирования губернских и уездных Советов, но, не будучи в состоянии удовлетворить потребности низовых Советов, ориентировало их на самостоятельный сбор средств (доходы от ликвидации имущества частновладельческих имений, контрибуции и налоги с буржуазии и кулаков, займу, субсидии и т. д.). По мнению авторов, позиция середняка, который в связи с ликвидацией частного землевладения и переделом земель становился главной политической фигурой в деревне, была одной из причин слабой финансовой деятельности волостных Советов. Попытки решения финансовой проблемы неизбежно затрагивали материальные интересы середняков, а потому в политической обстановке того времени среднее крестьянство стало склоняться на сторону сельской, буржуазии. К лету 1918 г. в значительной части низовых Советов пролетарская, антикулацкая направленность их деятельность была ослаблена. Эти

обстоятельства и выдвинули на первый план задачу создания комитетов деревенской бедноты, способных последовательно проводить в жизнь пролетарскую линию²¹².

В книге анализируются причины неудачи продовольственной политики Советской власти в первой половине 1918 года. Однако объективные и субъективные обстоятельства (например, неурожай 1917 г. и изменения в составе Советов) не разграничены. Слабо показано руководство низовыми Советами со стороны большевистских организаций. Почти отсутствуют сведения о создании и деятельности сельских Советов.

Г.А. Герасименко приехал в Москву в 1980 г., когда, казалось бы, устои развитого социализма были незыблемы. Это было время, когда отечественная историография находилась под административным воздействием партийных органов. Неосталинская концепция в научных трудах историков становилась господствующей. Поэтому определение проблематики научных исследований было чрезвычайно актуальным для Г.А. Герасименко. Он вполне мог заниматься изучением молодежного движения в нашей стране, но еще в Саратове, работая над докторской диссертацией, Г.А. Герасименко установил, что массовое аграрное движение выступало за отмену частной собственности на землю, и в том числе за возвращение в распоряжение сельской поземельной общины земель, укрепленных в личную собственность хуторянами и отрубниками. Поэтому он считал, что изучение крестьянского движения в период между двумя российскими революциями может многое прояснить в характере и особенностях революции 1917 г.

Конечно, Г.А. Герасименко хорошо знал о дискуссиях, которые велись представителями нового направления в советской исторической науке (А.Н. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, В.П. Данилов, М.Я. Гефтер) и официальными историографами, которые считали, что к 1917 г. в российской деревне господствовали капиталистические отношения. Речь шла главным образом об особенностях и характере аграрного строя России начала XX века. Но Герасименко в большей степени волновали не экономические характеристики состояния сельского хозяйства, а реакция крестьян на крутой поворот в аграрной политике императора Николая II. Суть ее состояла в разрушении сельской поземельной общины и создании слоя земельных собственников из числа землеустроенных крестьян, укрепивших земельные наделы в личную собственность.

Его новая монография, в которой раскрывались формы и методы противодействия крестьян Столыпинской земельной реформе, была опубликована издательством Саратовского университета в 1985 г.²¹³ Я был рецензентом этого издания. Научным редактором монографии был выдающийся историк-аграрник В.Г. Тюкавкин. В отличие от прежних исследований, которые имели региональный характер, в этой

монографии анализировалось крестьянское движение в губерниях Европейской России. Это потребовало значительного времени, большая часть которого ушла на сбор материалов. Г.А. Герасименко проделал огромную работу по изучению документальных публикаций, а затем по выявлению огромного массива источников в фондах Центрального государственного исторического архива (ныне РГИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ). Автор привлек также и материалы центральных и региональных периодических изданий.

Монография Г.А. Герасименко появилась на сломе двух эпох. С одной стороны, в советской историографии доминировали принципы и методы марксистско-ленинской методологии, а с другой, явно наметились новые подходы в изучении аграрной истории России. В этой связи в его новом научном труде как в зеркале нашли отражение обе тенденции. Так, автор монографии вслед за многими советскими историками пишет о провале аграрной политики царизма²¹⁴. Традиционно историк считал, что «история реформы является историей борьбы общинников против выделенцев»²¹⁵. Далее, отмечая рост социальных противоречий внутри крестьянства, он приходит к выводу о том, что «напряженные столкновения между бедной и зажиточным крестьянством вылились в настоящую социальную войну»²¹⁶. Но есть и другие оценки. По его мнению реформа «ускорила развитие капитализма в сельском хозяйстве, усилила расслоение крестьянства и крайне обострила классовую борьбу в деревне»²¹⁷. Заслуживает внимание анализ оппозиционных настроений в деревне в связи с принятием указа 9 ноября 1906 г. «Оппозиция, — полагал Герасименко, — не поддается какому-либо точному статистическому выражению — слишком разнообразным было ее проявление. Она представляется в виде огромного айсберга, большая часть которого была скрыта от представителей власти»²¹⁸.

По-новому звучит вывод Г.А. Герасименко о протестном движении крестьян, которое развивалось в двух направлениях: противодействие крестьян при проведении землеустроительных работ и систематическое давление крестьян на выделенцев²¹⁹.

Герасименко анализирует роль властных структур в проведении реформы, показывает отношение крестьян к землеустроительным комиссиям, раскрывает формы противодействия крестьян проведению в жизнь новой имперской аграрной политики. Ярko и эмоционально выглядит воссозданная историком картина, которая дает представление о взаимоотношениях общины и выделенцев, против которых использовались разнообразные эффективные методы и приемы. И далее он формулирует выводы о том, что к 1914 г. «внутри крестьянские противоречия стали настолько острыми, что всякий инцидент с зем-

леустроителями вел к столкновениям с теми, кто пытался с помощью реформы урвать себе лучшую часть наделных земель»²²⁰.

Научную значимость не потерял и другой вывод Герасименко. «Экономически состоятельная часть деревни, покидая общину, постепенно ослабляла возможность влиять на сходы и тем самым теряла право избирать и быть избранными в волостные и сельские органы»²²¹, что подталкивало П.А. Столыпина к инициированию введения в Российской империи института волостного земства. Но его идея не нашла поддержки.

К числу несомненных достоинств, проделанной Г.А. Герасименко работы, следует также отнести скрупулезный подсчет количества крестьянских выступлений, что позволило представить реальные масштабы протестных акций в ходе реализации Столыпинской аграрной реформы. Да и сам материал, которым располагал историк, подводил его к выводу о том, что в деревне оформилось демократическое большинство, которое по инерции продолжило видеть в общине защитника своих интересов, а сама сельская поземельная община в условиях экстрима вынуждена была искать все новые и новые методы защиты своих интересов.

Изучая историю Советов в период второй российской революции, Герасименко не мог не заметить, что земства играли видную роль в революционных событиях. В течении пяти лет он работал над монографией «Земское самоуправление в России». Книга была опубликована в издательстве «Наука». После ее выхода я написал на нее рецензию и отослал в журнал «Вопросы истории». Несмотря на то, что монография была написана на основе марксистско-ленинской методологии, в ней явно просматривались новые подходы в освещении революции 1917 г. Вот как Г.А. Герасименко обосновал необходимость изучения этой демократической институции: во введении он пишет, что и российские дореволюционные и зарубежные историки традиционно рассматривали земства в виде внеклассовой идеальной системы управления, ссылаясь на книгу, изданную американскими историками в США²²².

Г.А. Герасименко констатирует: процесс «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую земства являлись серьезной политической силой, и чем выше становился накал классово-борьбы, тем острее становилась борьба за власть на местах. Мы не знаем ни одной губернии и даже уезда, где бы земские учреждения оказались в стороне от этой борьбы»²²³.

Г.А. Герасименко обосновывал выбор земской проблематики как ее научной, так и политической значимостью. Дело в том, что исследователи второй русской революции основное внимание сосредотачивали на деятельности большевистской партии и Советов, что, вполне естественно вело к одностороннему освещению исторического про-

цесса. Сам факт признания этой односторонности весьма симптоматичен. На наш взгляд, это одна из первых попыток Г.А. Герасименко выйти за границы марксистско-ленинских мифологем. «Без воссоздания, — отмечает автор, — истории земских учреждений картина распространения советской власти по стране останется односторонней, неполной»²²⁴.

Новая монография Герасименко основательно фундирована. Она написана на широкой источниковой основе. В ней представлены материалы не только центральных, но и областных государственных архивов. Цитировались также материалы периодической печати. Весьма ценным являлось привлечение им документов, авторами которых были рабочие, крестьяне и солдаты. «Именно они придают колорит эпохе и заслуживают особого доверия», — подчеркивает Г.А. Герасименко.

Дофевральский период освещен в книге в основном по уже имеющейся литературе, хотя по некоторым менее значимым вопросам автор привлекает новые источники. Рассматривая период между Первой и Второй русскими революциями, автор весьма подробно рассказывает о попытке П.А. Столыпина поставить земства на службу аграрной реформе. Интересна характеристика состояния органов земского самоуправления накануне Февральской революции.

По мнению автора, основной результат, достигнутый земствами за полвека их существования, это земский аппарат и его кадры, которыми буржуазия могла воспользоваться при переходе государственной власти в ее руки. «Подобно тому, как рабочий класс к моменту Октябрьской революции имел готовый механизм государственной власти в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в канун Февральской революции в качестве буржуазного аппарата управления оказались земские учреждения и армия земских служащих, способных пустить его в дело»²²⁵.

Конечно, и в то время историк не избежал искушения дать привычные для советской историографии оценки. Так он привел материалы о том, что царская бюрократия якобы сделала все от нее зависящее, чтобы подавить ростки нового общественно-политического института. И далее он говорит о том, что она выступала против земской реформы на всех стадиях ее разработки. Борьба шла по важнейшему вопросу — о линии разграничения, отделяющей хозяйственные проблемы уездов и губерний от политических вопросов. Автор показывает, какими сложными и противоречивыми процессами сопровождалось рождение земств. Бюрократия сумела их приспособить к своим потребностям. В итоге земства были скованы бюрократической опекой.

И, тем не менее, автор подчеркивает, что система земств оказалась работоспособной. Их жизнеспособность обеспечивалась, прежде всего, тем, что они были самоуправляющимся механизмом: сами избирали свои руководящие органы, определяли структуру управления, на-

правления своей деятельности, подбирали и готовили нужных им специалистов и т. д. К тому же они располагали значительными финансовыми возможностями, поскольку имели право вводить специальные налоги.

Основное внимание в монографии уделено истории земства в 1917–1918 годах. Этому периоду посвящены пять глав. Вошедшие в них сюжеты во многом исследованы впервые. Выяснение роли и места земств, представлявших, по мнению автора, правое крыло российского общества в событиях 1917 г., позволяет, по его мнению, более точно определить расстановку сил в революции 1917 г. и правильное оценить сущность общественно-политических институтов, представлявших эти силы.

Восстановление подлинной истории земства дает возможность получить более полное представление и о Февральской революции, и о событиях лета и осени 1917 г., и об Октябрьской революции. Советы, с одной стороны, земства и думы – с другой представляли два противоположных пути развития революции: первые – революционно-демократический, а затем и пролетарский, вторые – буржуазный. Борьба земств против Советов шла с переменным успехом. Земствам иногда удавалось захватить власть в свои руки, однако удержать ее на более или менее длительное время они были не в состоянии.

По вопросу о причинах краха земского самоуправления в науке ведутся споры. Американский историк У. Розенберг считает, что земства сошли со сцены из-за темноты, невежества и консерватизма крестьян, их приверженности к старым институтам управления и враждебности к либеральному конституционализму²²⁶. Герасименко еще по инерции полагал, что главная причина краха земского самоуправления заключалась в том, что земства изначально и после земской реформы Временного правительства были буржуазными учреждениями. Борьба между Советами и органами местного самоуправления непосредственно отражала противоборство рабочего класса и крестьянства с буржуазией, в ходе которого пролетариат показал себя более организованным, сплоченным и сильным, нежели буржуазия, и поэтому одержал победу.

Нельзя не отметить, что деятельность земств в годы Первой русской революции представлена в книге мимоходом и бегло, хотя она и заслуживала самостоятельного анализа. Деятельность же земств в предреволюционный период показана весьма основательно и полно. При рассмотрении места и роли земства в революции 1917 г. на первый план снова выходят общие социально-политические сюжеты, а история собственно земства отступает на второй план и воссоздается лишь фрагментарно.

В начале 1990-х гг., впрочем, как и прежде, он занимался организацией учебного процесса в Академии, которая получила новый статус и

стала именоваться Российская академия государственной службы при Президенте РФ, а также продолжал научную разработку проблем Второй российской революции. Именно в это время он активно исследует процесс создания и деятельности общественных исполнительных комитетов, которые сыграли видную роль в период революционных событий 1917 года. Удивительно, но факт, книга была подготовлена к изданию всего за два года²²⁷. В ней явно прослеживается стремление историка использовать новые подходы в освещении истории исполнительных общественных комитетов, которые, по мнению Г.А. Герасименко, по сути дела в 1917 г. выступали организационным оформлением народовластия в России. Это проявилось в ходе постановки проблемы и анализа научной литературы по изучаемой теме. Прежде всего, он установил, что общественные исполнительные комитеты были широко распространенной формой народовластия. Однако они оказались не нужными ни Временному правительству, ни большевикам, для которых идеальной формой власти стали Советы²²⁸.

Герасименко выделяет этапы в организации и деятельности этих комитетов – «крутой подъем весной, резкий спад к середине лета» и медленное умирание в августе и сентябре. Случилось так, что они оказались на обочине революционного процесса. А сама история общественных исполнительных комитетов изучалась историками через призму борьбы пролетариата и буржуазии, а потому в оценке их деятельности наблюдалась, по определению Г.А. Герасименко, «разноголосица». Он выделяет также этапы в развитии историографии проблемы. По его мнению, историки 1920-х гг. заложили основу для ее изучения. Но в 1930–1950-е гг. историографическая ситуация изменилась, так как «на смену политическому плюрализму, характерному для 1920-х гг., пришла жесткая регламентация интеллектуальной и культурной жизни, монополярная ортодоксия, унылое единомыслие и нетерпимость к иному мнению. Здесь звучит явный намек на «Краткий курс истории ВКП(б)»²²⁹.

В советской исторической науке возобладало мнение, что общественные исполнительные комитеты по своему составу были буржуазными и являлись местными органами Временного правительства. Причем историки не только фальсифицировали исторический процесс при анализе деятельности этих организаций, но и публиковали документы с купюрами и сокращениями²³⁰. Более того, в 1950-х гг. «историки стали единодушно утверждать, что вхождение большевиков в общественные исполнительные комитеты было ошибкой, поскольку это усиливало позиции буржуазии и увеличивало соглашательские настроения масс»²³¹. Эти концептуальные воззрения в 1960-е гг. пытались пересмотреть Ф.С. Горовой и Л.М. Гантман. Но как только они стремились выйти за пределы искусственно сконструированной системы мифологем, тут же появилась статья сотрудника института марксиз-

ма-ленинизма А. Совокина с критикой взглядов Ф.С. Горового²³². И в 1960-е гг., отмечал далее историк, историографическая ситуация практически не изменилась. Г.А. Герасименко правомерно считал, что новые подходы в изучении истории общественных исполнительных комитетов наметились в 1970-е гг.

Эти новации стали возможны лишь после появления фундаментальной работы Г.А. Герасименко о низовых крестьянских организациях, которая стимулировала историков к пересмотру традиционных взглядов на эту проблему. Тщательно проанализировав научные взгляды А.Я. Грунта, Г.Г. Макарова, Е.Н. Бабиковой, А.М. Андреева, Н.Г. Думовой, он пришел к выводу, что преодолеть традиционные взгляды на роль и характер общественных исполнительных комитетов историкам 80-х гг. не удалось.

В первой главе монографии анализируется процесс организации губернских, уездных и сельских общественных исполнительных комитетов. Губернские комитеты возникли в первые дни марта 1917 г. «непосредственно на митингах и собраниях в гуще народного движения»²³³. Обоснованно звучит вывод о том, что определяющее влияние масс на комитеты проявилось как в разных названиях этих организаций, так и в различной структуре. В них входили представители всех слоев населения, и функционировали они за счет пожертвований. Г.А. Герасименко отметил губернские центры, в которых буржуазия сумела провести в эти комитеты много своих сторонников. Но были и такие города, в комитетах которых преобладали леворадикальные элементы. В большинстве же губернских комитетов основу составляли представители средних слоев населения.

В монографии приведены новые данные о процессе возникновения уездных комитетов, которые дали основание Г.А. Герасименко отнести уездные комитеты к последовательно демократическим учреждениям²³⁴.

Интересны выводы и наблюдения Г.А. Герасименко о процессе создания волостных и сельских комитетов, на возникновение которых значительное влияние «оказывала общинная организация сельской жизни», а потому автор считает их состав демократическим. В монографии также приведены сведения о финансовом обеспечении низовых организаций, их взаимоотношениях с губернскими и уездными комитетами и комиссарами Временного правительства. Акцентируется внимание на правах волостных и сельских комитетов, которые, «по их собственному мнению, были безграничны»²³⁵.

Анализируя процесс создания комитетов, их социальный состав, взаимоотношения с органами власти Временного правительства, Советами и политическими партиями, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что губернские, уездные, волостные и поселковые (сельские) комитеты «представляли собой звенья единого общественно-политичес-

кого института, сложившегося в стране после свержения самодержавия»²³⁶. Именно комитетами был сломлен старый аппарат управления и развернута борьба за политические свободы, 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы. Представляя все больше полномочий и прав губернским и уездным комиссарам, Временное правительство шло по линии ограничения полномочий общественных исполнительных комитетов. В ходе революции исчезли лояльность и осознание необходимости совместных действий общественных исполнительных комитетов и Советов, что в конечном счете привело к изоляции комитетов и их краху. Итак, в монографии Г.А. Герасименко убедительно доказал, что низовые общественные исполнительные комитеты были созданы вне буржуазией, не помещиками, не городскими думами и земствами, они возникли в результате правотворчества масс и сыграли видную роль в демократизации жизни страны в 1917 г.

На этот важнейший вывод он опирался и в другой своей монографии «Народ и власть. 1917», которая вышла в свет в 1995 г.²³⁷ Работа над этой монографией шла в самый сложный период становления новой российской государственности. Периодически повторявшиеся политические кризисы, в том числе события октября 1993 г., приведшие к краху советской системы и принятию новой Конституции Российской Федерации, создание новой системы органов государственного управления, военные конфликты, развязанные террористами за юге страны, — эти и другие факторы не могли не оказывать воздействия на эмоциональное состояние историка. Уже в конце 80-х гг. в ведущих научных центрах страны стала разрабатываться такая важнейшая проблема, как взаимоотношения власти и общества на различных этапах российской истории. И, конечно, Г.А. Герасименко не мог пройти мимо этой актуальной проблемы. Сама логика жизни и исследовательской работы подводила ученого к этой теме. К тому же в личном архиве историка был собран богатейший материал, который ранее лишь частично использовался в его опубликованных трудах.

Изучая научное наследие Г.А. Герасименко, я выявил некоторую закономерность. В саратовский период Григорий Алексеевич исследовал историю Советов, а затем низовых крестьянских организаций. В московский период он сосредоточил внимание на изучении деятельности земства и общественных исполнительных комитетов, которые и по своему составу, и по характеру деятельности отражали интересы широких народных масс.

Но вне поля зрения историков длительное время оставался такой важнейший институт Временного правительства, как губернские и уездные комиссары. Сам Г.А. Герасименко считал, что монография «Народ и власть» является логическим продолжением его книг, изданных в начале 1990-х гг.²³⁸ В этой монографии он оперирует такими дефинициями, как народный фронт, политическое равновесие, народная

программа и т. д. Все это свидетельствует о том, что исследователь отходит от одномерного отражения революционного процесса, который был характерен для научных работ советских историков. Так, оценивая ситуацию в стране сразу же после свержения самодержавия, он пишет о том, что антицаристский фронт трансформировался в народный. «Противостояние в обществе получило иную форму: линия политического разграничения на этот раз прошла между народным фронтом и цензовой частью общества»²³⁹.

И далее он отмечал, что рабочие и солдаты, представлявшие лево-радикальное крыло, стали откровенным противовесом буржуазно-помещичьему лагерю. Фиксируя взлет активности масс в первые дни революции, историк заметил, что именно тогда и Временное правительство, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов пошли на взаимные уступки. Это привело к снятию хотя и краткосрочному остроты противоречий в обществе. Однако это единение общественных сил было недолгим. Обострение противоречий между крайними полюсами привело к углублению противоречий внутри демократических сил – констатирует историк. Такой подход историка к освещению революции 1917 г. является, на наш взгляд, продуктивным. В основном борьба между радикалами и демократами развернулась за Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов²⁴⁰. Интересны рассуждения автора о том, что угроза установления диктатуры исходила как от буржуазно-помещичьего лагеря, так и от демократического.

Традиционно при анализе взаимоотношений народа и власти Г.А. Герасименко вновь возвращается к описанию процесса организации и деятельности общественных исполнительных комитетов. Такой анализ нужен ему для того, чтобы еще раз подчеркнуть роль, которую сыграли эти органы народовластия в 1917 г. Пожалуй, новым является то, что, по мнению историка, комитеты занимали центристские позиции.

Но основное внимание в монографии уделено анализу формирования властных структур в период функционирования Временного правительства. И здесь в центре внимания находится институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Автор детально исследует правовые акты, в которых сформулированы принципы формирования на местах новой власти, определены функции и компетенции комиссаров Временного правительства.

Отмечается значение телеграммы князя Львова от 5 марта, которая, по существу, стала первым правовым актом, положившим начало процессу замены губернаторов губернскими комиссарами. Автор приводит противоречивые отклики политических деятелей на эту телеграмму.

Г.А. Герасименко много внимания уделяет отношению народных масс к процессу создания новых властных структур. «Главным пунк-

том противоречий между правительством и народом стали требования указа о назначении комиссаров из центра и непременно из земской среды. Народ имел иное мнение об организации местной власти, справедливо полагая, что это его собственное дело»²⁴¹. В этой связи он считает, что под напором критики Временное правительство впоследствии отказалось от принципа назначения и установило принцип утверждения избранных на местах лиц. В целом Временному правительству удалось быстро оформить институт комиссаров. Несмотря на «административный нажим и жесткую регламентацию, его структура оказалась весьма разнообразной и существенно отличалась от той, которую навязывало МВД»²⁴², — отмечает историк.

Г.А. Герасименко весьма обстоятельно говорит об отстранении комиссаров от должности, занявших ее по указу Временного правительства, о правовых актах, расширявших функции комиссаров, о взаимоотношениях общественных исполнительных комитетов и Советов с губернскими и уездными органами власти. Он подчеркивает, что уже в мае—июне 1917 г. Советы все «настойчивее заявляли права на власть и вмешивались в компетенцию комиссаров»²⁴³. С другой стороны, комиссары Временного правительства к лету 1917 г. взяли в свое ведение канцелярии губернаторов, уездных исправников, землеустроительных комиссий, завладели материально-технической базой других учреждений, обслуживавших царских чиновников. Они все чаще использовали вместо убеждений карательные приемы²⁴⁴.

Особое внимание в данной монографии Г.А. Герасименко уделяет расстановке политических сил после июльского кризиса 1917 г., когда комиссары получили преимущество над своими конкурентами. Историк приводит данные об ограничениях со стороны Временного правительства деятельности местных Советов, о применении против них санкций. Но это не ослабило претензий Советов на власть. Они все чаще вмешиваются в процедуру избрания комиссаров, вторгаются в их полномочия. Г.А. Герасименко считает, что оформление режима личной власти А.Ф. Керенского началось сразу же после июльских событий. Корниловский мятеж на короткий срок укрепил престиж А.Ф. Керенского. А затем в условиях созревания общенационального кризиса все структуры власти Временного правительства, в том числе и институт губернских и уездных комиссаров, оказались неспособными управлять страной. «Главная же причина развала местной власти заключалась в том, что они (комиссары. — П. К.) попали в политическую изоляцию. Они полностью утратили доверие народа...»²⁴⁵ Итак, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что сформированная демократами система правления к осени 1917 г. себя исчерпала. Он характеризует возникшую в стране ситуацию как формирование двух альтернативных режимов, которые «были еще более жесткие, откровенно насильственные, диктаторские режимы: крайне правый, в виде диктату-

ры буржуазии и генералитета, и крайне левый, тоталитарно-партократический»²⁴⁶. Как видим, автор монографии преодолел традиционные мифологемы и сумел по-новому осветить взаимоотношения народа и власти в период Второй российской революции.

Подведем предварительные итоги. На начальном этапе научной деятельности — в 60-е гг. XX в. Герасименко изучал историю Советов Нижнего Поволжья, а затем деятельность низовых крестьянских организаций. По этим проблемам он издал 7 книг в издательстве Саратовского университета и одну в США, что вывело его в ранг ведущих историков второй российской революции. Несмотря на то, что эти исследования были написаны на основе марксистско-ленинской методологии, они, несомненно сохраняют и до ныне свою научную значимость так как автор, вводя в научный оборот огромный пласт массовых архивных источников, так или иначе начинал по-новому формулировать свои теоретические выводы и наблюдения, которые пока еще были прикрыты флером традиционной для тех лет советской научной риторики. При изучении аграрной истории историк, во-первых, пытался опереться на архивные материалы, отсюда стремление к фронтальному изучению архивных фондов, что позволило не только определить, но и воссоздать социальный, партийный состав крестьянских организаций и основные направления их деятельности. Поэтому для того времени исследования Г.А. Герасименко имели новаторский характер. Особенно ярко эти новации были использованы при написании докторской диссертации и в монографии по истории низовых крестьянских организаций.

В московский период проблематика исследований Г.А. Герасименко существенно расширилась. Здесь особо следует отметить его монографии о крестьянском движении в период реализации Столыпинской аграрной реформы и истории земства. Изучение этих проблем велось не в локальных рамках, а в масштабе России. В 90-е гг. XX в. в его исследованиях явно прослеживается тенденция отойти от традиционных стереотипов и марксистских мифологем и по-новому анализировать ключевые проблемы России. Несомненно одно — Г.А. Герасименко внес существенный вклад в изучение аграрной Революции России начала XX в.

§ 5. Куйбышевский историк Е.И. Медведев

О жизни и научной деятельности куйбышевского историка, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Ефрема Игнатьевича Медведева опубликовано несколько десятков статей, преимущественно в куйбышевской периодической печати и в местных сборниках научных статей²⁴⁷. Как правило, они публиковались

в связи с юбилейными датами в жизни ученого. Ситуация стала меняться в начале XXI в., когда кафедрой российской истории Самарского государственного университета была проведена научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Медведева²⁴⁸, в которой приняли участие ученые Казани, Москвы, Пензы, Тамбова, Самары и других городов России. В 2006 г. издательство «Самарский университет» опубликовало монографию, в которой анализируется жизнь и научно-педагогическая деятельность Е.И. Медведева²⁴⁹.

Хронологически жизнь Е.И. Медведева охватывает значительный период российской и советской истории (1903–1982). Он был очевидцем и участником многих событий.

Научные интересы Е.И. Медведева сформировались в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Еще будучи студентом общественно-экономического факультета Казанского Восточно-педагогического института он проявлял интерес к историческому краеведению. В становлении его как историка-краеведа немалую роль сыграли профессора Н.Н. Фирсов, Н.Н. Эльвов²⁵⁰. Многого давало и общение с молодыми историками Е.И. Чернышевым, М.К. Корбутом, участником гражданской войны Назарием Ежовым, сотрудником Института истории партии Евгением Грачевым. После окончания в 1929 г. Восточно-педагогического института он продолжал учиться на экономическом факультете Казанского университета, а в начале 1930-х гг. поступил в аспирантуру этого старейшего университета России. Все это дает основание говорить о том, что творческий путь и сама биография ученого представляют для нас особый интерес, так как Е.И. Медведев по сути дела является связующим звеном между старой и новой российской интеллигенцией²⁵¹.

Жизнь Е.И. Медведева не была усыпана розами. Он пережил как и многие его сверстники, революционную эпоху 1917 г. и страшные годы гражданской войны. Но главные испытания выпали на его долю в то время, когда, казалось бы, ничто не могло помешать его карьере. А она начиналась успешно. Молодой специалист, только что окончивший педагогический институт, был назначен управляющим Татарским центральным архивом. Одновременно он исполнял обязанности директора Центрального музея Татарии, работал доцентом в ряде высших учебных заведений Казани и обучался в аспирантуре. Помимо административной деятельности и учебы, Медведев уже в 1930 г. заявил о себе как автор статей о социально-экономическом положении и классово-борьбе пролетариата Казанской губернии в начале XX в. Эти статьи, также как и опубликованные в центральных и местных изданиях документы и материалы, позднее были положены в основу кандидатской диссертации «Революционное движение в Татарии в годы Первой мировой войны», которую он защитил в период военного лихолетья – в 1942 г.

Вполне естественно, что кроме истории пролетариата молодой историк заинтересовался деятельностью Казанской большевистской организации в 1917 г. Но, пожалуй, главное достижение Медведева в 1930-е гг. как историка и археографа состояло в кропотливой работе по выявлению документов истории массового революционного движения. Он был составителем двух сборников документов — «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции», а также «Первый год пролетарской диктатуры в Татарии», научная значимость которых сохраняется до сих пор. Тогда же им был написан краеведческий учебник «Юные колхозники».

Оценивая вклад Е.И. Медведева в советскую историографию, можно выделить три группы его научных трудов. В первую группу следует выделить научные статьи по истории Казани и Самары, которые носят исключительно краеведческий характер. И в этой связи вполне объясняемым становится его стремление написать учебные пособия по истории Татарской республики, а много позднее и Куйбышевской области. Сюда же примыкают и многочисленные статьи о видных деятелях Первой и Второй русских революций и гражданской войне, которые были им опубликованы в разных периодических изданиях. Вторую группу составляют монографические исследования Е.И. Медведева по истории Второй русской революции и гражданской войны, территориальные рамки которых охватывают Среднее Поволжье или все Поволжье. В этих исследованиях представлена картина развития крестьянского движения в период Второй русской революции, что обусловило выдвижение Е.И. Медведева в число ведущих историков-аграрников Поволжья. В этой связи укажем, что аграрная проблема также активно стала разрабатываться начиная со второй половины 40-х гг. XX в. В третью группу мы включаем его публикации документов и материалов.

Здесь можно было бы многое сказать о вкладе Медведева в развитие исторической науки в Поволжье. Но мы ограничимся тем, что отошлем читателя к историографическим трудам Е.Н. Городецкого, И.И. Минца, В.И. Миллера, И.М. Ионенко, А.Л. Литвина, В.А. Шестакова, П.С. Кабытова, в которых дана позитивная оценка многих его работ²⁵². Подчеркнем главное. Та проблематика, которой всю жизнь занимался Медведев, не могла быть иной, а его основные выводы и наблюдения, сформулированные еще в 1930-х гг., не выходили за рамки официальной трактовки закономерностей победы большевиков в октябре 1917 г. Отсюда в его работах превалировали положительные оценки стачечной борьбы пролетариата, выпячивалась на передний план деятельность местных большевистских организаций, а об их противниках — эсерах и меньшевиках или умалчивалось — или им давалась резко отрицательная характеристика.

Описываемые Е.И. Медведевым события революционной эпохи представляли только в двухцветном — черно-белом изображении. Но можем ли мы с позиции сегодняшнего дня осуждать за это историков советской эпохи? Вероятно, нет. Иные были времена, иные пелись песни. Но пройти мимо опыта историков первого советского призыва нельзя, тем более сейчас, когда ученые пытаются переосмыслить многие проблемы отечественной истории. Надо взять из этого опыта все лучшее.

Несмотря на то, что Е.И. Медведев, как все историки тех лет, доказывал наличие «объективных и субъективных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции», тем не менее, он не избежал репрессий со стороны пролетарского государства.

Е.И. Медведева арестовали за то, что он не «разоблачал явного «троцкиста» профессора Казанского университета Н.Н. Эльвова», который являлся его научным руководителем. Он прошел унижительную процедуру допросов. О том, как это происходило, никогда не говорил. Но как бы там ни было, Медведеву «крупно повезло» — он избежал лагерей Гулага. По постановлению Особого Совецания при НКВД СССР от 15.X.1935 г. он был лишен права проживания в режимных пунктах СССР сроком на три года и выслан вместе с семьей в Самару. И, конечно, исключен из рядов коммунистической партии.

В Самаре молодой ученый оказался безработным. Ему было запрещено преподавать историю в школах и высших учебных заведениях. Поначалу работал экономистом хлебозавода № 8, нередко грузчиком — таскал мешки с мукой. Затем выполнял обязанности завуча в школе, какое-то время учился заочно на географа в Московском университете. Был лаборантом, аспирантом и доцентом пединститута.

После Великой Отечественной войны Е.И. Медведев поступил в докторантуру Института истории АН СССР. Но затем вновь начались гонения и мытарства: он был исключен из ВКП(б), отчислен из докторантуры. Как и прежде, ему снова пришлось искать работу. И только 20 октября 1955 г. Президиум Верховного Совета Татарской АССР в составе председателя т. Крылова, членов президиума тт. Бусырева, Муратова и Калиулина с участием и.о. прокурора ТАССР т. Абубekerова вынес решение о реабилитации: «Постановление Особого Совецания при НКВД СССР от 15.X.1935 г. в отношении Медведева Ефрема Игнатьевича отменить и делопроизводство прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления».

Конечно, все эти репрессивные меры не могли не сказаться на научной работе Медведева, которую пытались искусственно прервать. Тем не менее, ему удалось опубликовать два сборника документов²⁵³, защитить кандидатскую диссертацию, в соавторстве с казанскими историками издать книгу об Октябрьском вооруженном восстании в Казани в 1917 году²⁵⁴. Е.И. Медведев являлся автором статьи «Казань

и Казанская губерния в годы Первой мировой войны». Он использовал материалы кандидатской диссертации, которая была написана на основе материалов фонда Казанского губернского жандармского управления, а также извлечений из солдатских писем и цензорских отчетов, которые были им ранее опубликованы в сборнике документов²⁵⁵. В этой статье впервые акцентируется внимание на роли крестьян и солдат в революции 1917 г. Видный советский историограф Е.Н. Городецкий отмечал: «В сборнике были поставлены важные вопросы о роли революционно-демократического направления в национальном движении среди татар, о развертывании крестьянского движения ... революционного движения в гарнизоне»²⁵⁶.

Несмотря на все перенесенные невзгоды, Медведев не осуждал эти акты сталинского произвола. Обычно он говорил: «Время было такое». И старался забыть это время, вытравить его из памяти. Отсюда: в лекциях строгое следование схемам «Краткого курса истории ВКП(б)», а позднее брежневской концепции развитого социализма, резкий крен в историческое краеведение, которое стало для него своеобразной экологической нишей. Наконец, реальной отдушиной была научно-исследовательская работа, занятия со студентами и аспирантами. Много внимания он уделял переписке со своими коллегами из других городов, участниками Октябрьской революции и гражданской войны, и выпускниками пединститута и университета.

1950-е гг. стали важнейшим этапом в творческой биографии куйбышевского историка. После смерти И.В. Сталина он переживал творческий подъем. Вдохновение в научной работе было связано с его реабилитацией, новыми веяниями в общественной жизни, вызванными решениями XX съезда КПСС.

Немаловажное значение для него имел приказ, полученный из Министерства просвещения РСФСР: «Восстановление в докторантуре Института истории АН СССР кандидата исторических наук, доцента Медведева Е.И., по специальности «История СССР» сроком на два года с 1 октября 1956 г. по 1 сентября 1958 г.». Все это создавало особый настрой для творческой деятельности. К нему как бы пришло второе дыхание.

Одновременно с работой над докторской диссертацией Е.И. Медведев издал несколько статей и книг по истории второй русской революции и гражданской войны в Поволжье и в Самарской губернии. Эти работы были написаны на значительном комплексе документальных источников. Историк в те годы, да и позже, стремился цитировать как можно больше однотипных фактов, создавая тем самым панораму развития аграрной революции в регионе. В трудах Е.И. Медведева наряду со сравнительно-историческим методом и методом аналогии, конечно, преобладал иллюстративный метод. Но цитируя много-

численные документы, историк вольно или невольно воссоздавал повседневную жизнь крестьянства в период революционного экстрима²⁵⁷.

Новым в творчестве Медведева было и то, что он стал разрабатывать дискуссионные проблемы. Особое значение он придавал анализу аграрных преобразований в Поволжье²⁵⁸.

Разумеется, ему нередко приходилось подгонять свои выводы к господствовавшим в это время концепциям и точкам зрения. Например, в работах, посвященных аграрной истории, ученым была значительно преувеличена роль комбедов, а также партии большевиков в решении аграрного вопроса²⁵⁹.

Работой, ставшей наиболее характерной для этого периода творчества историка, наиболее точно определявшей направление его дальнейшего поиска, стала небольшая книга, вышедшая в 1957 г. под названием «Октябрьская революция в Самарской губернии». В ней Медведев показал механизм установления Советской власти в Самарской губернии, используя для этого разнообразный фактический материал, скрупулезно собранный в архивах. Изложение материала автор начал с характеристики социально-экономического положения Самарской губернии накануне Октябрьской революции. Далее исследователь подробно остановился на процессе «большевизации» Советов, отметив при этом, что с каждым днем большевики усиливали свое влияние в них²⁶⁰. Доказывая это положение, Медведев приводил большое количество резолюций рабочих и солдатских собраний, в которых содержалось требование передачи всей власти в руки Советов²⁶¹. Перейдя к рассмотрению вопроса об установлении Советской власти в Самаре и губернии, историк отметил неравномерность этого процесса в уездных городах²⁶². Завершил свое исследование Ефрем Игнатьевич анализом экономических мероприятий, проводимых Советской властью, обратив внимание на обострение классово-борьбы весной 1918 г. в Поволжье. П.С. Кабытов и В.А. Шестаков особо отметили вывод данной работы: «Исследование охватило период проведения Октябрьской революции в Самаре и губернии и упрочения Советской власти, в силу чего шаг вперед по сравнению с предыдущей литературой был еще не столь заметен»²⁶³. Однако первое и главное отличие этого издания от предшествующих, по их мнению, состояло в том, что Медведев попытался подчеркнуть своеобразие борьбы за Советскую власть в губернии. Далее историографы отмечали: «В частности, автор впервые обратил внимание на работу большевиков среди солдат, рассматривая не отдельных большевиков в революции, а деятельность крупнейшей в Поволжье партийной организации, что, по мнению историка, и определило мирный исход октябрьских событий в Самаре»²⁶⁴.

Во второй половине 1950-х гг. Е.И. Медведев определил основное направление своих исследований — изучение Великой Октябрьской

социалистической революции в Среднем Поволжье. Как и прежде, в центре его внимания продолжала оставаться и история Гражданской войны в Поволжье. Все вопросы и проблемы, затронутые в этих работах, впоследствии нашли свое дальнейшее отдельное, глубокое изучение.

Е.И. Медведев сосредоточил внимание на завершении докторской диссертации, которая была успешно защищена в 1960 г. в Ученом совете Института истории АН СССР²⁶⁵. Вышедшая в 1958 г. монография по этой проблеме вызвала живейший интерес у специалистов-историков. Она получила высокую оценку академика И.И. Минца, профессора И. Штаермана, генерал-лейтенанта А.И. Тодоровского и др.

В 1960-е гг. XX в. Е.И. Медведев принял участие в подготовке и издании коллективной монографии «Октябрь в Поволжье»²⁶⁶. К тому времени он был избран председателем Поволжской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция». К работе над монографией были привлечены историки Казани, Самары, Саратова, Ульяновска и Москвы. В состав редколлегии в качестве главного редактора вошел академик И.И. Минц. Перу Е.И. Медведева принадлежит глава 4 «Победа Советской власти в поволжских губерниях», глава 5 «Строительство советского государственного аппарата» и глава 6 «Борьба за создание основ социалистической экономики». Последняя глава была написана в соавторстве с профессором С.Г. Басиным. В духе ленинской методологии авторы отмечали главную значимость комбедовского периода и доведение до конца ликвидации кулацкого частного землевладения²⁶⁷.

В 1970-е гг. аграрная проблематика продолжала оставаться главным направлением в научной деятельности историка. Он опубликовал ряд монографий и статей, в которых по-новому подошел к оценке губернских крестьянских съездов и деятельности волостных и сельских комитетов. Эти оценки были сформулированы Е.И. Медведевым в книге «Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции»²⁶⁸.

Особую значимость, по его мнению, имели революционные решения губернских крестьянских съездов для развития аграрного движения в 1917–1918 гг. В работе получили дальнейшее развитие взгляды автора на волостные и сельские комитеты. Он считал, что если первоначально в эти организации проникло много кулаков и их «адвокатов» — эсеров, то вскоре их состав стал резко меняться. Большинство волостных земельных комитетов избиралось прямо на волостных сходах, поэтому по мнению историка «они оказались более демократичными, чем хотелось бы соглашателям, и самостоятельно решали многие вопросы»²⁶⁹. В книге вновь, как и в прежних работах Ефрема Игнатьевича, содержались категоричные утверждения о том, что «комитеты бедноты за короткий срок своего существования решили одну из

сложнейших и труднейших задач — задачу разрешения продовольственного кризиса»²⁷⁰.

52 года продолжалась научно-исследовательская и преподавательская деятельность профессора Медведева. Его научное наследие велико. Он написал более 20 монографий, книг и брошюр, которые являются основными вехами его творческой биографии. Значителен вклад Е.И. Медведева как археографа. Он был составителем шести сборников документов. Не менее важно отметить, что профессор написал множество пособий по истории поволжского крестьянства периода революции 1917 г. и гражданской войны в Поволжье, которыми смогли воспользоваться студенты и преподаватели вузов и школ.

Наконец, им написано большое число биографий, очерков о видных участниках революционной эпохи, в том числе А.И. Ульянове, С.М. Кирове, братьях Георгии и Александре Коростелевых, Г.Д. Гае, В.И. Чапаеве, М.Н. Тухачевском и др.

Анализируя научное наследие Е.И. Медведева, отметим, что попытка с помощью сравнительно-исторического и иллюстрированного методов создать широкую панораму событий, в которой бы отражалась вся противоречивость революционного времени и трагедия страны, ввергнутой в очередную смуту, ему не удалась. Вновь, как и прежде, события были представлены односторонне с явной апологетикой тактики большевиков. Да и можно ли было ожидать другого? Освобождение от старых прописных истин никогда не происходит мгновенно, если речь не идет о приспособленцах в науке, восхваляющих любой политический режим. А Ефрем Игнатьевич был честным и искренним человеком. Так, он выступал в поддержку научных выводов, содержащихся в докторской диссертации А.Х. Бурганова (эта диссертация была утверждена Высшей аттестационной комиссией лишь через 23 года после ее защиты, что явно претендует на внесение в книгу рекордов Гиннеса). Он дважды выступал официальным оппонентом по докторской диссертации саратовского историка С.А. Соколова, нередко высказывал «еретические мысли».

Несколько слов о научной школе Медведева. Обычно в школу того или иного ученого включают его аспирантов. Здесь успехи Медведева были значительными. Под его руководством защищено более 30 кандидатских диссертаций. Его ученики работают не только в Самаре, но и во многих городах России и в «ближнем зарубежье» — Грузии, Прибалтике. Среди них есть и доктора наук, многие из них руководили кафедрами в вузах Поволжья.

Думается, когда речь идет о научной школе, необходимо учитывать не только конкретный вклад ученого в разработку проблем отечественной истории (в том числе и индекс цитирования его трудов), но и то, как идеи историка воспринимались в научной среде, как стимулировался исследовательский поиск. Ученый должен быть генератором идей

и организатором научных исследований. Весьма важен и нравственный аспект — взаимоотношения с учениками и коллегами. Всеми этими качествами обладал Медведев. Но организаторские способности у него проявлялись в большей степени. Отметим его вклад в организацию научных конференций в 1960—1980-х гг. в Поволжье. Немало усилий приложил Медведев для изучения аграрной истории. Он не только объединял вокруг себя самарских историков-аграрников, но и деятельно участвовал в организации Средневолжского проблемного объединения по изучению аграрной истории.

В течение многих лет Е.И. Медведев работал в областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, обществе «Знание», областном институте усовершенствования учителей, опубликовал множество статей и очерков в областных газетах, поддерживал контакты со многими краеведами области. Это дает основание говорить о том, что его научная и общественная деятельность оставила заметный след в культурной жизни Поволжья.

§ 6. Казанский историк И.М. Ионенко

10 июня 2013 г. исполнилось сто лет со дня рождения заслуженного деятеля Республики Татарстан, участника Великой Отечественной войны, орденоносца [так когда-то писали в титрах кинофильмов 30-х 40-х гг. XX века о заслуженных и особо почитаемых актерах] доктора исторических наук, профессора Казанского государственного университета Ионенко Ивана Михайловича. Он родился в крестьянской семье в деревне Зайцевка Краснинского уезда Смоленской губернии. Не раз в беседах со студентами и аспирантами он подчеркивал, что является земляком выдающегося русского поэта Александра Трифоновича Твардовского, тем самым подчеркивая значимость для России Смоленской земли. Вероятно, само происхождение И.М. Ионенко, так или иначе, обусловило его научные интересы, для многих историографов он предстает, прежде всего, как историк-аграрник, внесший существенный вклад в изучение многих проблем второй российской революции.

Его биография нашла отражение в ряде историографических исследований, обзорах и очерках. Особо выделим брошюру, которая была написана учениками И.М. Ионенко доцентами Н.А. Федоровой и В.Ф. Телишевым²⁷¹. Она была издана к 200-летию Казанского государственного университета. Об И.М. Ионенко как историке несколько статей написал и автор настоящих строк²⁷². Упомяну также и нашу совместную с В.А. Шестаковым монографию, в которой содержится анализ научных работ И.М. Ионенко по второй российской революции²⁷³. Тема И.М. Ионенко нашла освещение в работах А.А. Саль-

никовой и Н.М. Силаевой²⁷⁴. Нельзя не отметить и воспоминания учеников И.М. Ионенко, которые были опубликованы в газете Казанского университета, а так же в ряде изданий республиканской печати, и в брошюре «Жить историей. Казань, 1999»²⁷⁵. Речь идет о статьях И.Р. Тагирова, Н.А. Федоровой, В.Ф. Телишева, А.П. Хорева, Т.И. Сабирянова и др.

В своей статье я попытаюсь уделить внимание основным направлениям научной работы профессора И.М. Ионенко. И, конечно, нельзя пройти мимо главной проблемы, которая находилась в центре его научных изысканий — аграрной истории. И в этой связи, безусловно, надо затронуть вопрос, почему именно аграрная история привлекала в течение нескольких десятилетий внимание И.М. Ионенко?

Уже на школьной скамье в Монастырщинской школе-девятилетке у него обнаружилась тяга к знаниям, и он мечтал стать школьным учителем. Вскоре он заканчивает Соболевский педагогический техникум. Затем И.М. Ионенко работал учителем начальных классов, а в 20 лет юный педагог был назначен директором школы крестьянской молодежи²⁷⁶. Он рассказывал о своем участии в коллективизации сельского хозяйства.

Но затем судьба преподнесла сюрприз. Он был направлен на учебу в Ленинградский педагогический институт. В 1934 г. он поступил на педагогический факультет, который в 1935 г. был закрыт, а потому на втором курсе он стал студентом исторического факультета и по существу влился в первый призыв в ряды профессиональных историков. В 1939 г. он окончил институт и переезжает на постоянное жительство в Казань.

В Ленинградском педагогическом институте он проходил специализацию в семинарах в начале академика Б.Д. Грекова²⁷⁷. А затем он стал учеником Владимира Владимировича Мавродина — выдающегося советского историка, который многие десятилетия был деканом исторического факультета Ленинградского государственного университета. Под его научным руководством И.М. Ионенко написал дипломную работу «Смоленское княжение в IX по XIV век», которая была отмечена на общегородском конкурсе студенческих работ. Тогда же была опубликована его статья в Ученых записках Ленинградского педагогического института²⁷⁸. Казалось бы, компетенции, приобретенные И.М. Ионенко в процессе специализации, могли бы предопределить вектор его дальнейших научных изысканий. Но ситуация сложилась так, что в послевоенный период история трех российских революций выдвинулась в число актуальных проблем советской исторической науки.

Не в малой степени это было вызвано и тем, что уже в 50-е гг. у общества возникла потребность приобрести достоверные знания об историческом прошлом страны. Как я уже писал выше, интерес к

аграрной истории, истории российского крестьянства был обусловлен и происхождением И.М. Ионенко. Вольно или невольно в общении с учениками он неоднократно говорил о том, что с детских лет занимался крестьянским трудом. К тому же история революции на многих кафедрах вузов входила в число престижных научных проблем. Эти и другие факторы и предопределили выбор темы кандидатской диссертации.

К изучению аграрной революции на материалах Казанской губернии И.М. Ионенко приступил в 1949 г. В республиканском архиве он выявил и ввел в научный оборот огромное число документов и материалов, на основе которых воссоздал масштабы крестьянского движения в Казанской губернии. Сопоставляя результаты научной разработки проблемы И.М. Ионенко с работами Д.Д. Ананьева, В.Л. Кузьмина, А.А. Шишкина, Е.И. Медведева, можно прийти к выводу, что исследование И.М. Ионенко носило новаторский характер²⁷⁹. Во-первых, оно отличалось по широте привлеченных источников и оригинальности выводов. В диссертации, а затем и в монографии впервые прослежено общее и особенное в развитии массового аграрного движения. Убедительно выглядит количественная и качественная характеристика различных этапов крестьянского движения. Впервые был поставлен вопрос о необходимости изучения социально-психологических мотивов крестьянских выступлений, о соотношении социального и национального в революционной борьбе крестьян — татар, мари, чувашей. Можно так же сказать и о том, что Ионенко одним из первых в стране доказал наличие осенью 1917 г. блока казанских большевиков с левыми эсерами. Впервые Ионенко ставит вопрос о необходимости изучения деятельности низовых крестьянских организаций. Уже в начале 60-х гг. его вклад в изучение революционного движения крестьян Казанской губернии получил положительную оценку в ряде историографических исследований²⁸⁰. Тогда же он вошел в состав Научного совета АН СССР по комплексной проблеме Великая Октябрьская социалистическая революция, который возглавлял академик И.И. Минц.

Под научным руководством и редакцией Ионенко в 1958 г. издается сборник документов «Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября» (составитель Н.М. — Силаева), в котором было опубликовано 692 документа. Немногим историкам удалось опубликовать документы, на основе которых была написана монография. И до сих пор этот сборник является уникальным по богатству и содержанию материалов и документов о классовой борьбе крестьянства в 1917 году²⁸¹. Успешная защита кандидатской диссертации, издание монографии, а затем сборника документов и материалов придали мощный импульс научной работе ученого.

Отмечу, что если в конце 40–50-х гг. И.М. Ионенко изучал аграрную революцию в границах Казанской губернии, то в 60–80-х тер-

риториальные рамки его исследований расширились. Он постоянно подчеркивал, что необходимо преодолевать локальность в исторических исследованиях, и сам показывал пример ученикам и маститым историкам. Большинство его научных исследований написаны на материалах Казанского военного округа, в который входили обширные территории Поволжья и Приуралья. Исследования И.М. Ионенко написаны на общероссийском фоне, но в них присутствуют все необходимые компоненты макро и микро истории: региональный, губернский, уездный, волостной и даже сельский уровень. Такой подход к изучению истории аграрной революции, безусловно, следует считать новаторским.

Изучая крестьянское движение, И.М. Ионенко обратил внимание на то, что из поля зрения историков выпала роль армии в подготовке и проведении революции. В этой связи заявкой на новое исследование стала его статья о роли солдат и матросов в борьбе за землю²⁸². Вышедшие в период с 1958 по 1966 гг. статьи²⁸³ органично вошли в диссертационное исследование: «Революционная борьба и национально демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья накануне Великого Октября». Ее разработка сразу привлекла внимание научной общественности.

Острота и актуальность темы двояка: в современном мире нетрудно найти убедительные факты, свидетельствующие о необходимости вести неустанную борьбу за армию. Не прошел, конечно, историк и мимо проблемы национально-демократического движения в армии. Наконец, изучение революционных процессов в армии давало обильный материал о блоках и соглашениях с левым крылом социалистических партий и организаций. Историк уделил пристальное внимание анализу демократических организаций, возникших в армии после падения царизма. В центре его внимания оказались низовые солдатские комитеты, гарнизонные и окружные комитеты, окружные конференции и окружные съезды делегатов солдатских Советов, национальные военные съезды. В научный оборот были введены большие пласты новых документов и материалов, многие из которых ранее почти не привлекали внимание исследователей²⁸⁴. Он впервые ввел в научный оборот архивные дела казанского военно-окружного комитета, материалы газеты «Известия», ВОК и другие документы. И.М. Ионенко привел данные по другим округам и фронтам, что позволило показать общее и особенное в революционной борьбе и национально-демократическом движении солдатских масс накануне Октября. В работе широко и критически использовались документы и материалы социалистических партий: эсеров, меньшевиков, а также демократических организаций в армии, военных национальных комитетов, материалы мусульманских, украинских съездов и т. п.

В те же годы была опубликована монография «Октябрь в Казани» в соавторстве с И.Р. Тагировым, получившая высокую оценку научной общественности. Выходит в свет коллективный труд «Октябрь в Поволжье»²⁸⁵. В этом издании, помимо редактирования, И.М. Ионенко были написаны «Введение», ряд параграфов 3-й главы, глава 4-я и «Заключение». Особый интерес привлекали материалы о национально-освободительном движении и борьбе солдатских масс гарнизонов Поволжья за власть Советов. В 60-е годы и в начале 70-х гг. были опубликованы статьи, которые носили историографический характер. Эти работы оказали существенное влияние на историографию второй русской революции в Поволжье²⁸⁶. По существу в 60–70-е годы XX в. в Казанском государственном университете стала складываться научная школа И.М. Ионенко. Его ученики приступили к научной разработке тех проблем, которые впервые получили освещение в его кандидатской диссертации и монографии.

Второе направление научной деятельности И.М. Ионенко – изучение Великой Отечественной войны. По этой проблематике под его научным руководством защитили диссертации 3 доктора и 10 кандидатов наук. Здесь очевидно: оба главных события XX века находились в центре внимания казанского ученого.

В 70–80-е годы научная школа И.М. Ионенко стала пополняться докторами и кандидатами наук. Под его научным руководством защищено более 20 кандидатских диссертаций, в том числе по аграрной проблематике около 10. Из 8 докторов исторических наук шесть активно участвуют в изучении аграрного строя Поволжья, входят в Средневолжское объединение историков-аграрников. И.М. Ионенко еще в кандидатской диссертации обосновал необходимость изучения национально-демократического движения в 1917 г. Эту проблему многие годы изучают его ученики: доктор исторических наук академик Республики Татарстан, профессор И.Р. Тагиров и профессор Р.М. Валев. Научную разработку истории русской армии и демократических организаций в гарнизонах Поволжья продолжили доктор исторических наук профессор Р.С. Цейтлин и доцент С.И. Ионенко. В конце 60-х гг. И.М. Ионенко в ряде историографических статей обосновывал необходимость изучения аграрного строя Поволжья в начале XX в. Несомненно, эта инициатива исходила от учителя под непосредственным воздействием дискуссий историков о характере аграрного строя России и многоукладности экономики Российской империи, которые велись в конце 50-х – начале 60-х гг.. Эта проблема нашла отражение в кандидатской, а затем и докторской диссертации автора этих строк²⁸⁷.

Вспоминаю наши многочасовые встречи с учителем, на которых обсуждались такие вопросы, как земство и его роль в создании аграрной инфраструктуры, типы сельских общин, сельское и волостное самоуправление, роль сельской поземельной общины в экономической

и духовной жизни крестьянства. Как-то раз он обратил мое внимание на то, что функции сельской общины постоянно изменялись. И действительно, позднее я убедился в том, что в период реализации Столыпинского земельного законодательства сельская община стала функционировать активнее, что было вызвано стремлением сельских сходок выработать программу противодействия новой аграрной политике самодержавного правительства.

Вольно или невольно он обращал мое внимание на необходимость пересмотреть традиционные точки зрения как на саму общину, так и на темпы аграрной капиталистической эволюции в различных регионах России. Он неоднократно говорил мне о своей переписке с видными историками России. Настоятельно советовал мне в аспирантские годы обратить особое внимание на научные труды Кофода, Кауфмана, Булгакова, Маслова, Огановского, Лосицкого, Кочаровского, Чернышова, Энгельгардта, Бруцкуса, Чайнова, Макарова, Челинцева. Вспоминаю также и о том, что в 60-е годы он не раз подчеркивал аспирантам значение для молодых историков дискуссий о характере и особенностях аграрного строя России. И в этой связи он настойчиво рекомендовал аспирантам и студентам изучать научные труды представителей нового направления в советской историографии П.В. Волобуева, А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, В.П. Данилова, М.Я. Гефтера. Эти и другие факты убедительно свидетельствуют о том, что И.М. Ионенко был на «гребне историографии» и не только чутко улавливал все те новые тенденции, которые с трудом «прорастали» в эпоху неосталинизма²⁸⁸, но и предпринимал реальные шаги для расширения проблематики научных исследований и использования новых методов анализа источников, в том числе математических методов с использованием ЭВМ.

Я был восхищен, когда в конце 70-х гг. на одной из региональных конференций историков-аграрников Среднего Поволжья И.М. Ионенко поставил вопрос о необходимости изучения роли крестьянской общины в условиях советской власти. Не раз он говорил и о том, что земельный кодекс 1922 г. так же оказал влияние на эволюцию крестьянской общины. И, конечно, И.М. Ионенко не мог не поддержать инициативу Н.Н. Кабытовой приступить к изучению истории взаимоотношений власти и общества в 1917 г. И.М. Ионенко поддерживал и всячески поощрял продвижение новых научных проектов. В частности, он всегда выступал, как тогда говорили, за комплексное изучение истории земств Поволжья, выделил в этой проблематике деятельность земско-статистических отделов и оценочных бюро. Много раз он говорил мне о том, что необходимо начать изучение первичных материалов подворных переписей крестьянских хозяйств и материалов Всероссийской и сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. И.М. Ионенко поддержал изучение социально-экономического строя помещичьих хозяйств Поволжья. А одна из кандидатских диссертаций

по этой теме была защищена в диссертационном совете при Казанском государственном университете. Так же позитивно он отнесся к моей идее о необходимости изучения регионального рынка Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.

Здесь можно говорить об идеях, которые были высказаны И.М. Ионенко. Частично они реализованы его учениками. Но он неоднократно говорил о необходимости написания многотомной истории Поволжья и многотомной истории крестьянства среднего Поволжья. Убежден в том, что эти идеи все таки будут реализованы.

§ 7. Самарский историк Н.Л. Клейн

О самарском профессоре Нелле Львовне Клейн опубликованы статьи в «Историко-культурной энциклопедии Самарской области» и в «Энциклопедии Самарской области». К 80-летию ученого была проведена Всероссийская научная конференция, на которой с докладами о творческом пути и педагогической деятельности Н.Л. Клейн выступили П.С. Кабытов²⁸⁹ и Н.Ф. Тагирова²⁹⁰. Ее биография отразила в себе все главные события XX – начала XXI вв. Она родилась в 1927 году и около 44 лет (1966–2005 гг.) проработала в Куйбышевском плановом институте, который в 90-е гг. получил статус экономической академии, а позднее стал именоваться Самарским экономическим университетом. Ее отец Лев Хайкин воспринял идеи Великой Октябрьской социалистической революции и стал страстно проводить их в жизнь. Он прошел все ступени партийной карьеры вплоть до секретаря губернского комитета ВКП(б), затем работал ректором Оренбургского сельскохозяйственного института, был репрессирован, реабилитирован в 1956 г.

После того, как отец был арестован, семья переехала к родственникам в г. Куйбышев, где смышленная и не по годам взрослая Нелла училась в школе. Она не раз вспоминала трудные 1930-е гг., когда семье буквально приходилось выживать. Особенно тяжело Хайкиным пришлось в годы военного лихолетья, в период Великой Отечественной войны. Но голод и холод, духовные страдания не могли повлиять на учебу Неллы – она училась только на отлично. Мне пришлось встречаться с подругами Н.Л. Клейн (Хайкиной), которые вместе с ней учились в 6-й самарской школе. И все они говорили о том, что Нелла блестяще знала математику, физику, химию, биологию. Но уроки истории, подчеркивали ее подруги-одноклассницы, для нее всегда представляли наибольший интерес.

Она сдавала выпускные экзамены в последние майско-июньские дни 1945 г. Получив аттестат, она поехала поступать на исторический факультет Московского государственного университета.

Органично вписалась Нелла Хайкина в поток абитуриентов-фронтовиков. Она сумела выдержать громадный конкурс и стать студенткой МГУ. Общась на студенческой скамье с фронтовиками, упорно и настойчиво штудирюя исторические труды в библиотеке, Нелла Хайкина не могла не испытывать воздействие на себя опаленных войной фронтовиков, которые приобрели огромный военный и жизненный опыт.

Конечно, когда мы говорим о формировании мировоззрения того или иного историка, то подчеркиваем, что на него оказывают воздействие не только семья, школа, но и те люди, которые вместе осваивают азы науки. Вероятно, твердость убеждений, стойкость и преодоление мерзостей жизни, строгая взыскательность — эти и другие черты характера восприняла Н.Л. Хайкина от мамы и ее однокурсников-фронтовиков. С другой стороны, для Н.Л. Клейн, как для педагога, характерны жизненная мягкость и доброта, сопереживание, внимание и чуткость к близким. Она умела не только слушать, но и слышать своих коллег, аспирантов и студентов.

На историческом факультета МГУ преподавали светила советской исторической науки, но Н.Л. Клейн особо выделяла лекции и семинары С.С. Дмитриева, П.А. Зайончковского, Н.Л. Рубинштейна, других выдающихся профессоров, оказавших на формирование ее взглядов наибольшее влияние. С ностальгией и большой теплотой она вспоминала о тех семинарах, которые профессора МГУ проводили у себя дома. Как правило, в центре внимания находились дискуссионные вопросы — обсуждались ключевые проблемы историографии. Особо ее удивляло то, что маститые ученые на равных общались со студентами. Она не раз отмечала, что общение с профессурой МГУ стало стимулом к освоению научно-исследовательских методов и, прежде всего, к скрупулезному изучению исторических источников. Уже в те годы определился ее интерес к изучению истории земства, предпринимательства, мелкой промышленности.

Но в полной мере ее талант педагога и ученого раскрылся в 1950–1980-е гг. После окончания МГУ Н.Л. Хайкина около десяти лет работала учителем школы в г. Куйбышеве. Одновременно она занималась выявлением и сбором материалов по истории самарского земства. Безусловно, молодую исследовательницу не могли не привлекать социальные аспекты деятельности земств и, прежде всего, актуальные вопросы «местных польз и нужд», которые решали губернское и уездные земства и управы. Речь идет о создании системы образования, медицинской, агрономической, ветеринарной сети, социальной инфраструктуры, в которой остро нуждались жители города и дореволюционной деревни. Ее восхищала самоотверженная деятельность земских служащих на благо народа. Но в то же время Н.Л. Хайкина скрупулезно исследовала экономическую деятельность самарского земства. Говоря

о вкладе Н.Л. Хайкиной в разработку истории земства, отметим, что она попыталась в рамках марксистско-ленинской методологии (вспомним пресловутые оценки В.И. Ленина «земство – пятое колесо в телеге российского самодержавия») дать объективную характеристику самарского земства. И здесь, что самое важное, оценивая разностороннюю деятельность самарского земства, она была далека как от его идеализации, так и от безудержной критики. Те же самые взвешенные оценки содержались в ее статье²⁹¹ и кандидатской диссертации²⁹², которая была успешно защищена в Московском государственном университете.

Ее кандидатская диссертация способствовала росту интереса историков к изучению земской проблематики. В 1980-е и 1990-е гг. ряд моих и Н.Н. Кабытовой учеников – Н.А. Арнольдов, Т.В. Коротаева, А.В. Костюков, В.Ю. Кузьмин, М.Н. Матвеев, О.В. Турганова защитили кандидатские диссертации по истории самарского земства. А затем в 2009 г. была подготовлена и издана коллективная монография, в которую также вошли и разделы, написанные Н.Л. Клейн²⁹³.

Защита кандидатской диссертации стала импульсом для активизации ее дальнейшей научно-исследовательской работы. Н.Л. Хайкина (Клейн) переходит на работу на кафедру политической экономии Куйбышевского планового института, в котором прошла ступени от ассистента, кандидата наук до доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой экономической истории. Около 44 лет она трудилась в институте, она пользовалась громадным авторитетом в вузе и стала первой женщиной в коллективе, защитившей докторскую диссертацию.

Свыше 20 лет Н.Л. Клейн работала над докторской диссертацией «Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв.». Одноименная книга опубликована в 1981 г.²⁹⁴ Ей предшествовал цикл статей в различных межвузовских сборниках. Но особо отметим ее гражданское мужество, когда она, не побоявшись репрессий со стороны вузовского и партийного начальства, приняла участие в 1972 г. в научной конференции по проблемам многоукладности экономики Российской империи, которая проходила в Свердловске. С большим вниманием был заслушан ее доклад о развитии мелкой промышленности в Поволжье. Н.Л. Клейн акцентировала внимание на том, что в регионе преобладали формы мелкого крестьянского производства. Тогда же Нелла Львовна приняла решение сосредоточить внимание на изучении проблем экономического развития Поволжья в конце XIX – начале XX вв. и занималась научной разработкой этой темы вплоть до своей кончины.

Мое знакомство с Н.Л. Клейн состоялось в 1974 г. (хотя уже в Казани я изучал многие ее труды), когда я, член редколлегии межвузовского сборника статей, пригласил ее для уточнения некоторых

положений ее статьи. Ранее о Н.Л. Клейн мне много рассказывали И.М. Ионенко, Е.И. Медведев и С.Г. Басин. Первая встреча состоялась на кафедре истории СССР Куйбышевского госуниверситета в присутствии профессора Ефрема Игнатьевича Медведева, который по отечески ее обнимал и расспрашивал о ходе работы над докторской диссертацией. Затем мы обменялись телефонными номерами, и с тех пор наши контакты длились чуть более 30 лет. Я не раз приглашал Н.Л. Клейн принять участие в сборниках статей, представить доклады на научные конференции, или выступить оппонентом у очередного моего аспиранта. В то же время я выступал оппонентом у ее аспирантов А.А. Капитонова, С.В. Саловой, А.Г. Вдовина.

Вначале 80-х гг. я принимал участие в заседании кафедры политической экономики Куйбышевского планового института, на котором обсуждалась ее докторская диссертация. Один из преподавателей кафедры подверг работу Н.Л. Клейн острой и необоснованной критике, и я попытался сгладить эту остроту тем, что обратил внимание членов кафедры на стремление диссертанта по-новому подойти к изучению многих аспектов экономического развития Поволжья. Вероятно, в знак благодарности Н.Л. Клейн опубликовала в журнале «Вопросы истории» рецензию на мою монографию «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма».

Н.Л. Клейн защитила докторскую диссертацию в 1984 г. в специализированном совете в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Так или иначе, ее проблема была связана с изучением модернизационных процессов в России в пореформенный период и в начале XX в. Но в то время в ходу были другие понятия, которые были связаны с господствовавшей в нашей стране марксистско-ленинской методологией. Поэтому Н.Л. Клейн сочла возможным при постановке темы остановиться на проблеме путей утверждения капиталистического способа производства в России. Ее не мог не волновать вопрос о соотношении развития капитализма «вглубь» и «вширь». Вне поля ее зрения не осталась структура экономики поволжского региона как составной части капиталистической системы хозяйства России в начале XX в. При этом она попыталась осветить комплекс этих и других проблем во взаимосвязи и взаимообусловленности, что позволило проследить процесс складывания экономики региона определить его место в имперском хозяйстве²⁹⁵.

В монографии представлен процесс влияния монополий и банков на развитие экономики Поволжья. Автор выделяет этапы формирования отраслей промышленного производства, уделяя внимание анализу социально-экономического положения пролетариата Поволжья. На фоне этих проблем историк попыталась представить эволюцию сельскохозяйственного производства в Самарской, Симбирской и Саратовской губерниях. Монография написана как на архивных материалах,

так и на данных официальной и земской статистики. В ней затронуты вопросы, связанные с эволюцией сельскохозяйственного производства, которые анализируются с позиций марксистско-ленинской методологии. Представлена также эволюция сельского хозяйства и рассмотрены новые явления в аграрном строе, которые были вызваны реализацией Столыпинской аграрной реформы, в ходе которой создавался слой новых собственников из числа землеустроенных крестьян, что способствовало ускорению темпов развития капитализма в сельском хозяйстве региона. Традиционно в духе официальной советской историографии говорится о двух путях развития капитализма в земледелии.

В монографии акцентируется внимание на дискуссионных проблемах развития капитализма в позднеимперский период. Отмечено несовпадение мнений у историков [да и могли ли эти мнения совпадать? — П. К.] «по очень многим вопросам, касающимся уровня и характера развития капитализма»²⁹⁶. Вероятно, критически необходимо относиться к утверждению, что особый тип российского капитализма был справедливо отвергнут советской историографией, что явно не соответствует оценкам, которые были сформулированы А.Л. Сидоровым и представителями нового направления в советской историографии (см. работы А.М. Анфимова, П.В. Волобуева и М.Я. Гефтера).

К числу позитивных моментов следует отнести то, что Н.Л. Клейн при анализе развития сельскохозяйственного производства подчеркивает значение естественно-географических факторов. Новым было и то, что автор говорит о территориальной специфике земледельческого производства, о появлении пшеничных фабрик, картофельных плантаций и т. д., не определяя географического размещения этих специализированных районов.

В монографии приведены данные об использовании в земледельческом производстве усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин, о применении новых агротехнических приемов. Подчеркивается роль земств в создании аграрной инфраструктуры. И в тоже время автор делает вывод о том, что значение административных органов в агротехнических мероприятиях по сравнению с земствами было «менее результативным»²⁹⁷.

В монографии предпринята попытка показать эволюцию зернового производства в Среднем Поволжье. К сожалению, автор использовала преимущественно лишь данные сельскохозяйственных обзоров, а также некоторые издания Центрального статистического комитета. Вне поля зрения оказалось урожайная статистика, которая позволит в полной мере выявить как динамику урожайности, так и товарность крестьянского и частновладельческого хозяйств. По мнению Н.Л. Клейн, урожайная статистика ЦСК тождественна с губернской статистической отчетностью. Новейшие исследования уфимского историка

М.И. Роднова позволили выявить степень достоверности таких данных, которые содержатся в официальных источниках ЦСК, в сборниках сведений губернских статистических комитетов и в изданиях земской статистики.

Если процесс расслоения крестьянства в монографии представлен с традиционных позиций, то по-новому звучит вывод Н.Л. Клейн о том, что в ходе проведения Столыпинской аграрной реформы «... в Поволжье, по крайней мере в пшеничной зоне [здесь речь идет о степных районах Поволжья. – П. К.] утвердились фермерские хозяйства переселенцев и местных крестьян»²⁹⁸.

Важен также вывод о том, что главными поставщиками товарного зерна на внешний и внутренний рынок являлись крестьяне, а дворянские имения утрачивали свое влияние в пространстве хлебного рынка, как в регионе, так и в России²⁹⁹. И конечно, нельзя не отметить вывод о том, что в начале XX в. «аграрный строй Поволжья принципиально не изменился, но углубление капитализма внесло свои коррективы»³⁰⁰. Этот тезис Н.Л. Клейн скорее отражает ситуацию, которая сложилась накануне Первой мировой войны в лесной зоне Поволжья, где на эволюцию крестьянских хозяйств сильное влияние оказывали архаичные черты прежних отношений, но и там сказывалось воздействие хлебного рынка.

Таковы некоторые выводы Н.Л. Клейн, которые были сформулированы ею в ходе работы над докторской диссертацией, ставшей главной вехой в ее научной биографии. Безусловно, для тех лет это была новаторская работа, которая оказала позитивное влияние как на разработку многих проблем, так и на подготовку в Поволжье новой генерации историков – экономистов и аграрников.

§ 8. Петр Серафимович Кабытов – патриарх аграрной историографии Поволжья

В современной российской исторической науке не так много ученых, снискавших себе такое уважение и почет своими научными трудами, гражданской позицией и человеческими качествами, как доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета Петр Серафимович Кабытов³⁰¹. Это целая эпоха в истории самарской исторической школы, Поволжья и отечественной историографии в целом. С именем П.С. Кабытова ассоциируется расцвет самарского краеведения³⁰², активизация региональных исследований актуальных проблем истории крестьянства и его взаимоотношений с властью, признание регионального подхода в изучении аграрной истории и отечественной истории в целом в качестве самостоятельного направления³⁰³.

Широкий резонанс в России и за ее пределами получили организованные по инициативе и при самом активном участии П.С. Кабытова научные форумы, проекты, общественно-значимые мероприятия, связанные с аграрной проблематикой³⁰⁴, историей региона, России, городом Самара³⁰⁵.

Именно П.С. Кабытов при поддержке единомышленников, благодаря своему огромному авторитету историка и гражданина, инициировал создание общественного движения по восстановлению исторической справедливости – возвращение областному центру его исторического имени – Самара³⁰⁶. И цель была достигнута. Это редкий случай в истории отечественной науки, когда ученый своим творчеством не только просвещал, но и изменял окружающий его мир к лучшему, использовал свои знания в качестве лекарства для лечения больного общества.

Яркая личность ученого и патриота не могла не привлечь внимания посетившего в 1995 г. Самару А.И. Солженицына. В ходе долгих бесед и прогулок по Самаре он установил с П.С. Кабытовым теплые дружеские отношения, поскольку увидел в нем своего единомышленника, с болью в сердце переживавшего за Россию и ее народ³⁰⁷.

Петр Серафимович Кабытов из той породы советских людей, которые прошли суровую школу жизненных испытаний военного и послевоенного лихолетья, знали бедность, тяжелый труд ради куска хлеба, честно отдали свой долг стране в рядах вооруженных сил. В данном контексте его биография очень похожа на судьбу многих выдающихся советских историков-аграрников XX века: А.М. Анфимова, В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого и др. А учитывая последующий жизненный путь историка, можно с полной ответственностью утверждать, что он похож и на биографии выдающихся историков России, добившихся вершин в науке благодаря каждодневному упорному труду (например, В.О. Ключевский)³⁰⁸. В данном контексте П.С. Кабытов – настоящий подвижник российской исторической науки, преданный ей рыцарь.

Петр Серафимович Кабытов родился 20 июня 1941 г. на станции Колодезная Лево-Россошанского района Воронежской области шестым ребенком в семье служащих. Отец-фронтовик умер от ран в эвакогоспитале, не дождавшись помощи врачей³⁰⁹. После окончания в 1958 г. средней школы в поселке Пугачи Аннинского района той же области Петр Серафимович 4 года работал слесарем на Миннибаевском газобензиновом заводе в Самарской области, одновременно обучаясь на вечернем факультете Альметьевского филиала Московского нефтяного института имени Губкина. В 1962 г. он поступил на 1-й курс историко-филологического отделения Казанского государственного университета на специальность «история», откуда осенью того же года был призван в ряды Советской Армии. Отслужив 3 года в

Забайкалье, П.С. Кабытов вернулся в университет в 1965 г. и через четыре года успешно его закончил³¹⁰.

Именно на студенческой скамье П.С. Кабытов увлекся аграрной историей. Под руководством авторитетного историка, его наставника и учителя в дальнейшей научной деятельности Ивана Михайловича Ионенко он подготовил и блестяще защитил дипломную работу на тему «Советы крестьянских депутатов Поволжья в 1917 году». Уже в этой работе он проявил себя как вдумчивый исследователь с большим творческим потенциалом, выделив ряд ключевых аспектов взятой для исследования проблемы (о стихийном и сознательном в крестьянском движении и др.).

Такой результат был не случаен. В отличие от своих сокурсников, Петр Серафимович был уже сложившейся личностью, со значительным жизненным опытом. Как известно, это качество – важнейшее для историка, поскольку изучает он не машины, а людей, или, точнее сказать, словами выдающегося французского историка Марка Блока, «людей во времени», то есть их жизнь в прошлом³¹¹. И чем больше жизненный опыт историка, тем лучше он понимает людей, живших до него, их проблемы. Как уже отмечалось, детские и юношеские годы П.С. Кабытова прошли в воронежской деревне, затем на заводе и в армии. Они дали ему хорошую жизненную закалку на все последующие годы.

Но таланта и жизненного опыта недостаточно, чтобы человек реализовался как личность, раскрыл заложенные в нем родителями и Богом способности. Необходима и поддержка со стороны, особенно в самый ответственный момент профессионального становления личности. «Встать на крыло» Петру Серафимовичу помог научный руководитель его дипломной работы И.М. Ионенко, ставший его научным руководителем в аспирантуре Казанского государственного университета. Под его руководством Петр Серафимович подготовил, а затем успешно защитил в 1972 г. в диссертационном совете Казанского университета кандидатскую диссертацию «Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции. (Предпосылки, ход и итоги Столыпинской аграрной реформы)»³¹². Петр Серафимович вспоминал: «Если говорить об аспирантских итогах, то вновь выделю И.М. Ионенко в становлении Петра Кабытова в качестве историка-профессионала. И.М. не только давал практические советы, но и много времени уделял обсуждению спорных вопросов моей темы. Уже тогда подчеркивал: при изучении аграрного движения необходимо учитывать роль сельской поземельной общины. Важно, что И.М. как-то незаметно для аспирантов, но прочно вводил их в научное общество. Они увлеченно участвовали в научных конференциях, проводимых под эгидой научного совета по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», который возглав-

лял академик И. И. Минц. ...Впоследствии это стало залогом моей успешной научной и педагогической работы»³¹³.

Тема кандидатской диссертации навсегда связала Петра Серафимовича с аграрной историей России. Причем в изучении этой важнейшей проблемы отечественной истории он нашел свою нишу — это взаимодействие власти и крестьянства в крупнейшем сельскохозяйственном регионе страны — Среднем Поволжье. В центре его внимания оказалась аграрная политика государства и ее результаты, а также реакция крестьян на эту политику в самый ответственный период — в первые десятилетия XX века («в период империализма»). Именно тогда в российской деревне произошли изменения, породившие семнадцатый год. П.С. Кабытов исследовал их в своей докторской диссертации, охарактеризовав проблему аграрных отношений в Среднем Поволжье в указанный период. В 1983 г. он успешно защитил ее в Московском государственном педагогическом институте³¹⁴.

К этому времени П.С. Кабытов уже работал заведующим кафедрой российской истории Самарского государственного университета. В дальнейшем он займет должность первого проректора СГУ, советника ректора. Вся его творческая жизнь после окончания аспирантуры Казанского государственного университета будет связана с Самарским университетом и Самарой³¹⁵.

Основные положения докторской диссертации, их уточнение и развитие в последующих многочисленных публикациях П.С. Кабытова сформировали научную концепцию аграрной истории Среднего Поволжья в начале XX века. Она получила признание специалистов и в настоящее время заслуживает высокой оценки с точки зрения аргументации и использованной источниковой базы.

Прежде всего своими трудами Петр Серафимович доказал тезис о том, что региональность как тип аграрного развития — это характерная черта России рубежа XIX–XX вв. Данный тезис был поддержан в работах многих ведущих историков России (И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкиным и др.)³¹⁶. Говоря о региональности, связанной территориальными границами, природно-климатическими условиями Среднего Поволжья и Заволжья³¹⁷, П.С. Кабытов одновременно подчеркивал мысль о единстве исторического процесса в регионе с общероссийским, рассматривая его в контексте развития российской цивилизации и государственности³¹⁸.

Анализируя развитие аграрных отношений в Поволжье в начале XX века, историк констатировал важнейший факт товаризации крестьянского хозяйства в регионе, превращение его в одну из главных «российских житниц». Он определил региональные особенности этого процесса. В степных, окраинных земледельческих районах развивались хозяйства фермерского типа, в остальных развитие шло по так называемому «прусскому пути». При этом он акцентирует внимание

на сохранении в аграрном строе Поволжья феодальных пережитков, тормозивших ход модернизационных процессов в деревне. Своеобразие эволюции аграрного капитализма накладывало яркий отпечаток на социально-классовую структуру крестьянства, его хозяйственную и духовную жизнь.

П.С. Кабытов убедительно доказал, что в начале XX века под влиянием развития капитализма в сельском хозяйстве Поволжья и России в целом произошли существенные изменения в духовном облике крестьянства, его самосознании, предопределившие активное участие крестьян в трех русских революциях на стороне противников самодержавия³¹⁹. В своих публикациях в конце 1980-х — начале 1990-х гг. он фактически предвосхитил основные положения концепции В.П. Данилова и Т. Шанина о крестьянской революции в России³²⁰. Как известно, впервые о ней широкая научная общественность узнала в 1992 г., прочитав статью В.П. Данилова в хрестоматии «Великий незнакомец»³²¹.

Таким образом, Петр Серафимович и В.П. Данилов в вопросе об эволюции самосознания российского крестьянства в начале XX века двигались примерно в одном и том же направлении. Они оказались единодушны в главном — на арену большой российской политики вышел крестьян эпохи революции с размытым патриархальным сознанием, поколебленной верой в царя, враждебным отношением к дворянскому землевладению и «чумазым лендлордам» («кулакам»), как продукту деформированной капиталистической аграрной эволюции. При этом крестьяне опирались на общину как спасательный круг от разрушительных воздействий капитализма на крестьянское хозяйство, главный инструмент их защиты от власти и одновременно нападения на нее в ходе крестьянских выступлений. П.С. Кабытов, как и его наставник И.М. Ионенко, а также В.П. Данилов, Т. Шанин, Х. Окуда и другие выдающиеся исследователи аграрной истории России в полной мере осознавал огромную роль крестьянской поземельной общины в исторических судьбах российского и советского крестьянства в первой половине XX века³²².

Петр Серафимович — один из самых авторитетных современных исследователей Столыпинской аграрной реформы и личности самого реформатора³²³. Его монография о П.С. Столыпине издана большим тиражом в ведущем научном издательстве «РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия)» и пользуется большим спросом не только у специалистов, но и широкой читательской аудиторией³²⁴.

Основываясь на глубоких знаниях источников, П.С. Кабытов дал аргументированную оценку итогов Столыпинской аграрной реформы. В сжатом виде она изложена в статье «Современные проблемы аграрной истории Поволжья», опубликованной в 2012 г. в журнале «Вестник Самарского университета». Вот ее суть:

«При оценке итогов Столыпинских преобразований некоторые историки следуют за традиционными выводами советских историков, что Столыпинская земельная реформа потерпела или крах, или неуспех. При этом исследователи вольно или невольно остаются заложниками старых представлений, суть которых сводится к тому, что любая реформа должна в кратчайшие сроки дать позитивные результаты. Как известно, последний реформатор Российской империи говорил о том, что для переустройства России необходим длительный срок (20 лет). Но реализация реформы шла в сложнейшей социально-политической обстановке, когда у реформатора фактически отсутствовала социальная опора. К тому же новейшие исследователи Столыпинской аграрной реформы, образно говоря, «топчутся на одном и том же месте». Они не смогли увидеть те реальные сдвиги, которые произошли в деревне в результате капиталистической модернизации. С одной стороны, внешние деревня продолжала оставаться прежней, но многие хозяйства, даже бедняцко-средняцкие, зачастую вынужденно стали ориентироваться на рынок. С другой стороны, часто преувеличивают степень и уровень аграрной эволюции»³²⁵.

Таким образом, П.С. Кабытов дает сбалансированную оценку реформаторской деятельности Столыпина, учитывающую не только ее минусы, но и несомненные плюсы. В своих публикациях он показал, что в годы Столыпинской аграрной реформы выход из общины и закрепление наделов в личную собственность наиболее динамично проходили в губерниях, где продолжалось хозяйственное освоение новых земель. Одним из таких регионов являлся юго-восток Европейской России, где реально сочетались различные пути развития аграрного капитализма. Кроме того, здесь достаточно ярко проявлялись и внутререгиональные различия. Например, на территориях Самарской и Саратовской губерний помещичьи имения господствовали в северных и северо-западных уездах, а в южной, степной зоне этих же губерний они находились в окружении крестьянских хозяйств фермерского типа.

Чтобы усилить свою аргументацию в пользу тезиса о сбалансированной оценке Столыпинских преобразований, историк обращается к личности самого реформатора. В своих блестящих работах на эту тему он восстанавливает образ порядочного, умного, образованного и интеллигентного человека, прекрасного семьянина, настоящего патриота своей страны – Петра Аркадьевича Столыпина, называет его внезапную гибель «трагедией упущенных возможностей». Он указывает, что Столыпин был последним реформатором императорской России, досконально знавшим проблемы русского села, способным спасти его и всю страну от красной смуты 1917 г. Но из-за эгоизма, зависти и политической близорукости Николая II и окружавшей его камарильи добиться этого ему не удалось. Столыпин пал жертвой интриг и ненависти с обеих сторон – самодержавия и революционеров³²⁶. С подоб-

ной оценкой П.А. Столыпина, как и его аграрной реформы, трудно не согласиться. На данный момент в исторической литературе и публицистике нет более привлекательных для читателя и специалистов работ о П.А. Столыпине, чем вышеупомянутая монография П.С. Кабытова, опубликованная в издательстве «РОССПЭН».

Петр Серафимович придал мощный импульс самарскому краеведению организацией крупных региональных изданий и проектов. В них нашли отражение и многие аспекты история крестьянства и сельского хозяйства Самарской губернии и Среднего Поволжья. Например, в серии «Классика Самарского краеведения» совместно со своим учеником Э.Л. Дубманом и другими специалистами он подготовил к печати очерки краеведов о «народном юридическом быте Самарской губернии», русской колонизации региона, семейных традициях русских, мордовский, башкирских крестьян, их природной среде обитания, монастырях, крестьянском движении в годы первой русской революции и т. д.³²⁷

Аграрные аспекты нашли отражение в авторских и коллективных трудах историка, посвященных самарскому земству и Самарской губернской думе. В них показан позитивный опыт деятельности органов местного самоуправления по организации агрономической службы в деревне, ее экономическому развитию и взаимодействию с городом в сфере сельскохозяйственного производства и торговли во второй половине XIX – начале XX вв.³²⁸

В этом же ключе следует рассматривать коллективные монографии и сборники трудов, подготовленные под руководством П.С. Кабытова. В них представлены такие сюжеты по истории крестьянства и сельского хозяйства Самарской губернии, как реализация реформы 1861 г. и Столыпинской аграрной реформы, сельскохозяйственное производство во второй половине XIX – начале XX вв., крестьянские восстания в начале XX века, коллективизация, жертвенный подвиг села в годы Великой Отечественной войны, источниковедческие аспекты проблемы³²⁹.

В рамках изучения аграрной эволюции Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. результативной в научном отношении для Петра Серафимовича и его учеников стала тема дворянства и дворянского землевладения³³⁰. Ее источниковую базу наряду с другими составили документы фонда Самарского отделения Государственного дворянского земельного банка, обнаруженные историком в начале 1970-х гг. в Куйбышевском государственном архиве. Их численность насчитывала около 50 тысяч единиц хранения. Они позволили историку и его аспирантам П.И. Савельеву и Н.Ф. Тагировой охарактеризовать процесс втягивания помещичьих хозяйств в рыночные отношения, его влияние на крестьянство и сельское хозяйство региона³³¹.

П.С. Кабытов – не только автор многочисленных статей и монографий по истории крестьянства и сельского хозяйства региона, но и активный публикатор документов на эту тему в различных документальных изданиях регионального и всероссийского уровня. Он участник международного проекта Института российской истории РАН «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.». Его организатор, выдающийся историк-аграрник В.П. Данилов, высоко ценил Петра Серафимовича как специалиста по аграрной истории Поволжья. Поэтому он пригласил его в качестве соредактора готовящегося в рамках проекта сборника документов «Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1922 гг.». Благодаря его активной помощи и дружескому участию ответственным составителям сборника удалось выявить в самарских архивах ценные документы по истории «чапанной войны» в Среднем Поволжье, а также другие важные источники по теме сборника. Сборник был опубликован в издательстве «РОССПЭН» в 2002 г.³³²

Двумя годами раньше под редакцией П.С. Кабытова увидел свет сборник документов – «Самарское Поволжье в XX веке». Наряду с другими, в нем нашли отражение и «крестьянские сюжеты». В сборнике опубликованы документы о крестьянском движении в Самарской губернии в годы Первой русской революции, ходе Столыпинского землеустройства в 1908–1909 гг., первого губернского крестьянского съезда в марте 1917 г., о настроениях деревни накануне выборов в Учредительное Собрание и др.³³³

Два издания выдержал еще один сборник документов и материалов, подготовленный к печати П.С. Кабытовым и его учеником Н.А. Курсковым. Он посвящен теме революционных событий в Самарской губернии в 1917 г. Языком достоверных и разнообразных источников в сборнике рассказано о возникновении и деятельности в губернии в 1917 г. земельных комитетов и других крестьянских организаций, их взаимоотношениях с земствами и органами власти Временного правительства, охарактеризованы масштабы аграрного движения в Самарской губернии в указанный период. Особую ценность в сборнике представляет помещенная в приложении таблица «Состав Второго губернского крестьянского съезда. 20 мая – 6 июня 1917 года»³³⁴.

Петра Серафимовича отличает широта подхода к аграрной истории и актуальным проблемам региональной истории и истории России в целом³³⁵. Он работает не только в классическом жанре крупных форм и тем, но и в русле популярного в мировой исторической науке направления – микроистории. В современной российской историографии это прежде всего написание очерков по истории сел и деревень. Это позволяет взглянуть на основные проблемы аграрной истории как бы снизу, лучше понять реальные результаты государственной политики в деревне, повседневные заботы и нужды крестьян. П.С. Кабытов – соавтор очерка истории деревни Васильевщина (Но-

вое Васильево) Тамбовской губернии³³⁶, а также участник международных и всероссийских конференций в селе Степановка Бессоновского района Пензенской области «Моя Малая Родина», посвященных изучению проблем аграрной истории России на уровне региона, селения и семьи³³⁷.

Заметное место в творчестве историка занимают работы по историографии аграрной истории Поволжья. П.С. Кабытов – автор многочисленных и оригинальных публикаций об историках-аграрниках региона, своих коллегах и учениках. Все они написаны на высоком профессиональном уровне и в очень доброжелательном тоне³³⁸. Петра Серафимовича отличает бережное, можно сказать, трепетное отношение к своим учителям³³⁹ и коллегам. Он благодарен предшествующим поколениям историков-аграрников за сделанный вклад в науку, человеческое участие в становлении молодых исследователей. В преемственности и приумножении лучших традиций отечественной исторической науки он видит условие успешного ее развития на современном этапе.

В концентрированном виде его позиция по историографическим проблемам аграрной истории региона и России выражена в докладе на пленарном заседании I-ой Всероссийской (IX-ой межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, состоявшейся по его инициативе в Самаре 12–13 мая 2006 г., а также в уже упомянутой аналитической статье «Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья»³⁴⁰.

П.С. Кабытов отдает дань уважения историкам-аграрникам Среднего Поволжья 1950–1980-х гг. И.Д. Кузнецову, Е.И. Медведеву, И.М. Ионенко, Ю.И. Смыкову, А.В. Клеянкину, Г.А. Герасименко, Н.Л. Клейн и др., заложившим основу научного подхода к изучению аграрной истории региона. Он понимает, что в их трудах нередко присутствуют идеологические клише своего времени. Но данный недостаток перекрывается несомненным достоинством. Труды перечисленных историков написаны на достоверных источниках и обращены к актуальным проблемам, научное осмысление которых – задача последующих поколений исследователей. Петр Серафимович указывает и на такую их заслугу, как создание ассоциации историков-аграрников Среднего Поволжья. Она успешно функционирует уже не одно десятилетие, регулярно проводит тематические конференции по аграрной проблематике региона, участие в которых, как и само общение с «мэтрами», способствует сохранению интереса к аграрной истории, появлению новой генерации ее исследователей.

Можно с полной ответственностью утверждать, что в 1990-е – начале 2000-х гг. центр аграрных исследований в Среднем Поволжье фактически перемещается из Казанского государственного университета в Самарский университет. И главная заслуга в этом Петра Сера-

фимовича Кабытова. Благодаря его огромной энергии, воле и авторитету Самарский государственный университет стал настоящей кузницей кадров историков-аграрников Поволжья и других регионов. Не случайно первая защита докторской диссертации в открытом при Самарском университете в 2001 г. диссертационном совете по историческим наукам была посвящена именно аграрной проблематике. Это диссертация заведующего кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского В.В. Кондрашина на тему «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.». Он предпочел защиту в Институте российской истории РАН диссертационному совету в Самаре, поскольку его председателем был Петр Серафимович Кабытов, с которым он многие годы плодотворно сотрудничал в рамках международного проекта ИРИ РАН «Крестьянская революция в России», а также других научных программ. Кроме того, защита в Самарском университете была символична, поскольку диссертация была посвящена истории крестьянства Поволжья, в том числе событиям, происходившим в годы гражданской войны на территории Самарской губернии.

В дальнейшем в диссертационном совете при Самарском государственном университете было защищено еще две докторских диссертации по аграрной истории преподавателей Пензенского государственного университета: О.А. Суховой — о социальных представлениях и поведении российского крестьянства в начале XX века и О.В. Ягова — о кустарно-промышленной кооперации Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Научным консультантом О.А. Суховой и О.В. Ягова был П.С. Кабытов. Всего под его научным руководством по аграрной проблематике подготовлено и защищено 41 кандидатская и 18 докторских диссертаций. В числе защищенных аспирантов, докторантов и соискателей ученых степеней многие известные в современном научном сообществе специалисты: П.И. Савельев, М.И. Роднов, Н.Ф. Тагирова, И.Е. Кознова, О.Б. Мозохин и др. Признанием заслуг П.С. Кабытова и самарской школы историков-аграрников в целом стало проведение на базе Самарского государственного университета 23–25 сентября 2014 г. XXXIV сессии международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы РАН. В настоящее время с полным основанием можно говорить о существовании «самарской исторической школы П.С. Кабытова», в которой историки-аграрники занимают важное место³⁴¹. К их числу относятся не только самарские историки, но и исследователи из других регионов России.

Под руководством П.С. Кабытова его ученики на региональном материале разрабатывают важнейшие проблемы аграрной истории России. Это проблема путей аграрного капитализма (П.И. Савельев), ста-

новление и эволюция зернового рынка Поволжья (Н.Ф. Тагирова), социальная психология и менталитет русского крестьянства (О.А. Сухова) и другие темы³⁴². Кроме того, Петр Серафимович нацеливает молодых исследователей на написание диссертаций о корифеях аграрной историографии региона и России, которые успешно защищаются в Самаре и других научных центрах³⁴³.

Оценивая современный уровень развития аграрной историографии Среднего Поволжья, он правомерно указывает на позитивные сдвиги, наметившиеся в последнее десятилетие в ее развитии, появление новых талантливых исследователей, способных продолжить лучшие традиции своих предшественников. Исходя из этого, он ставит перед своими коллегами давно назревшую, осознаваемую предшествующим поколением историков-аграрников задачу – «подготовки к изданию многотомной истории крестьянства Среднего Поволжья»³⁴⁴.

П.С. Кабытов заслужил уважение коллег и широкой научной общественности как организатор многих периодических изданий по региональной истории, где аграрная проблематика нашла свое отражение. Он главный редактор 23-х выпусков «Самарского земского сборника», соредактор и один из авторов «Самарского краеведа», «Краеведческих записок», «Историко-культурной энциклопедия Самарского края», четырехтомной «Американской русистики», «Классики Самарского краеведения» в пяти томах и др.

П.С. Кабытов – член редакционных коллегий ряда научных журналов региона (например, научно-публицистического журнала НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия и Института российской истории РАН «Центр и периферия»), научный редактор и рецензент многих монографий своих коллег историков-аграрников, инициатор рецензий на их труды в журналах, входящих в перечень ВАК Минобразования России. Он консультант многих известных зарубежных исследователей аграрной истории России (например, профессора Токийского университета Хироси Окуды и др.).

В 2002 г. под редакцией П.С. Кабытова в организованной им серии «Американская русистика» вышла в свет коллективная монография В.В. Кондрашина и профессора университета Мемфиса США Д. Пеннер о голоде 1932–1933 гг. в советской деревне³⁴⁵. Петр Серафимович – научный редактор монографии профессора Пензенского государственного университета (в настоящее время декана историко-филологического факультета), своего докторанта О.В. Ягова «Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики»³⁴⁶, рецензент монографии В.А. Юрченкова «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг.» и т. д.³⁴⁷ По его инициативе в редактируемом им журнале «Вестник Самарского университета» в 2003 г. опубликована рецензия профессора университета Канадзавы Японии Кадзикавы Синъити

на монографию В.В. Кондрашина о крестьянском движении в Поволжье в 1918–1922 гг.³⁴⁸

Важным условием развития аграрной историографии, особенно в деле поддержке молодых исследователей, П.С. Кабытов считал организацию различных научных форумов. По его инициативе и при активном участии Самара и Самарский университет превратились в место встреч историков не только Поволжья, но и всей страны. Аграрные аспекты активно обсуждались на международных научно-практических конференциях историков и краеведов «Самарский край в контексте мировой культуры», межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П.В. Алабина, IX межрегиональной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (12–13 мая 2006 г.) и, как уже отмечалось, на XXXIV сессии международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы РАН (23–25 сентября 2014 г.)³⁴⁹.

Особый резонанс в научном сообществе России имеет ежегодно проводимая в Самарском университете по инициативе и под руководством П.С. Кабытова всероссийская конференция молодых историков «Платоновские чтения». Актуальные сюжеты аграрной истории России представлены в докладах и опубликованных тезисах ее участников, в большинстве своем студентов и аспирантов российских вузов³⁵⁰.

Петр Серафимович Кабытов – заслуженный деятель науки РФ, эксперт Российского гуманитарного научного фонда, почетный работник высшего профессионального образования России, академик Петровской академии наук и искусств, Гуманитарной академии, лауреат губернских премий и премии губернатора Самарской области «За выдающиеся результаты в области гуманитарных наук», почетный член американского биографического общества, награжден медалями А.С. Пушкина и К.Д. Ушинского. Он окружен благодарными учениками и коллегами, готовыми поддержать его новые начинания, в том числе в области изучения аграрной истории региона и России.

§ 9. Проблемы эволюции аграрного капитализма в трудах П.И. Савельева

Становление Петра Ивановича Савельева как историка-аграрника неразрывно связано с тремя высшими учебными заведениями Самарской области. Его путь в науку начинался на студенческой скамье Самарского (Куйбышевского) государственного университета, где он успешно прошел все ступени карьерной лестницы от студента, аспиранта, преподавателя, доцента, профессора кафедры российской истории. Около 9 лет он работал ректором Самарского муниципального

института управления (1998–2007 гг.). С 2007 г. он перешел на работу в Самарскую государственную сельскохозяйственную академию, где по его инициативе был создан институт управления технологий и аграрного рынка.

Биография П.И. Савельева получила освещение в статье П.С. Кабытова³⁵¹. Его жизненный путь отражен также в ряде статей, опубликованных в региональных энциклопедиях³⁵².

П.И. Савельев родился 12 сентября 1954 г. в селе Старое Суркино Шенталинского района Куйбышевской области. Мать, Анна Григорьевна, родом из крестьянской семьи, всю свою жизнь была занята крестьянским трудом и воспитанием четверых детей (Любови, Надежды, Веры и Петра), которых она с детства приучала к самостоятельной жизни. Отец, Иван Григорьевич, в 1939 г. в составе войск Красной Армии участвовал в присоединении западных областей Белоруссии и Украины к Советскому Союзу, был одним из строителей Брестской крепости. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в обороне Северного Заполярья, в охране дороги жизни в осажденный Ленинград. Иван Савельев с боями дошел до Норвегии, командовал отделением полковой разведки. После окончания войны Иван Григорьевич работал в колхозе мельником.

П.И. Савельев начальную школу окончил в деревне Аделаидовка Шенталинского района. Кстати, школа размещалась в фамильном доме крестьян Павловых, из которых происходила Анна Григорьевна Савельева, мать Петра Ивановича. Отец ее, Григорий Филиппович Павлов, владея середняцким хозяйством, в конце 20-х гг. был раскулачен, так как его внесли в списки зажиточных крестьян. Восемилетку П.И. Савельев окончил в средней школе своего родного села Старое Суркино. Общее образование было им завершено в средней школе совхоза «Коммунар» Красноярского района, куда он перевелся в связи с переездом родителей.

Уже со школьной скамьи П.И. Савельев увлекся чтением художественной литературы. Он читал запоем исторические романы и документальные повести. Он любил слушать рассказы отца об эпизодах Великой Отечественной войны. Его не могли не волновать и воспоминания матери о тяжком и непосильном труде односельчан в годы лихолетья. Все это, наряду с прочитанным, создавало новые представления об истории. В этой связи не случаен был для него выбор будущей профессии. Конечно, повлияли и уроки истории, которые проводил в 5–6 классах учитель Станислав Иванович Китаев.

В 1971 г. после окончания средней школы П.И. Савельев поступил учиться на специальность «История» факультета гуманитарных наук Куйбышевского государственного университета. Он сумел довольно быстро адаптироваться к условиям студенческого быта. Студент Савельев активно участвовал в художественной самодеятельности, выез-

жал на работу в составе строительных отрядов, но главным для него оставались учеба и постижение научных истин. Он с большим увлечением слушал лекции профессора Е.И. Медведева, доцентов Б.Д. Козенко, Л.В. Храмова, Г.И. Матвеевой; только что окончивших аспирантуру выпускников Московского, Казанского и Саратовского университетов: Н.Н. Кабытовой, Г.А. Широкова, М.И. Леонова и др. Уже на втором курсе П.И. Савельев избрал в качестве курсовой работы непопулярную по тем временам и сложнейшую для исследования тему «Помещичье хозяйство Самарской губернии в начале XX века». Затем по этой теме в 1976 г. был представлен научный доклад на Всесоюзный конкурс студенческих работ. Жюри конкурса присудило П.И. Савельеву I место. Он был награжден Грамотой ЦК ВЛКСМ, Министерства высшего образования СССР и ценным подарком – часами. Успешно он защитил по этой проблеме и дипломную работу.

После окончания университета П.И. Савельев был направлен на работу преподавателем истории и обществоведения в среднее городское профессионально-техническое училище № 34. Затем он был призван в ряды Советской Армии. Военскую службу он нес в Алма-Ате на боевом дежурстве войск ПВО, которые занимались охраной воздушных границ и контролем за полетами самолетов гражданской авиации в приграничной с Китаем полосе. В редкие часы увольнений П.И. Савельев знакомился с прекрасной казахской столицей, любовался зеленым нарядом алма-атинских улиц, побывал на высокогорном катке Медео.

Армейская служба способствовала формированию ряда важных качеств будущего ученого, впоследствии руководителя – четкости в мыслях и действиях, решительности и ответственности при принятии решений. Возвратившись из рядов Советской Армии, П.И. Савельев вновь работает в СГПТУ-34, а затем проходит по конкурсу на должность ассистента в Куйбышевский государственный университет, где преподавательскую работу сочетает с учебой в аспирантуре. П.И. Савельев, активно включившись и изучение аграрной истории и, прежде всего, эволюции помещичьего хозяйства, не мог пройти мимо тех новых тенденций, которые получили развитие в фундаментальных исследованиях видных историков-аграрников А.М. Анфимова³⁵³, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова³⁵⁴. В его кандидатской диссертации «Помещичье хозяйство Самарской губернии в пореформенный период 1861–1905 гг.» основное внимание было сосредоточено на изучении социально-экономического строя дворянских имений³⁵⁵. Помимо традиционных методов, П.И. Савельевым при анализе источников и, прежде всего, материалов, сохранившихся в фонде Государственного Дворянского земельного банка, был использован корреляционный анализ, что позволило более рельефно показать темпы эволюции различных типов помещичьих хозяйств.

Уже первые его статьи и выступления на конференциях средневожского объединения историков-аграрников в Саранске, Чебоксарах, Казани, Йошкар-Оле показали перспективность изучения истории помещичьего хозяйства.

В 1983 г. П.И. Савельев успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в диссертационном совете при Казанском государственном университете. Диссертация получила высокую оценку, которая прозвучала в отзывах официальных оппонентов. Так Ю.И. Смыков высказал мнение о необходимости шире использовать наряду с традиционными математические методы при анализе аграрного строя Поволжья³⁵⁶. Перед молодым историком стояла дилемма: продолжать ли изучение, в рамках всего Поволжья, эволюции помещичьего хозяйства или избрать другую тему.

В 80-е годы XX столетия все еще продолжала оставаться дискуссионной проблема уровня развития капитализма в российской деревне в конце XIX – начале XX вв. Дискуссия велась и о соотношении направлений и путей развития аграрного капитализма. Официальной советской историографии противостояли представители нового направления в отечественной историографии А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Гарновский, М.Я. Гефтер, В.П. Данилов, которые считали, что капиталистический строй в российской деревне не стал господствующим, а в экономике России, в том числе и в аграрном секторе, сохранилась многоукладность³⁵⁷.

Эти актуальные проблемы не могли не волновать П.И. Савельева, который сосредоточил внимание на исследовании особенностей аграрной эволюции в Российской империи. Работа над докторской диссертацией продолжалась около двенадцати лет³⁵⁸. Ее тема была предложена П.И. Савельеву автором настоящих строк. Я мотивировал это предложение тем, что на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. проблема осмысления путей и темпов развития аграрного капитализма в России все еще оставалась дискуссионной. К тому же в ходе ее изучения появилась бы возможность изучения региональной модификации аграрного капитализма в лесной, лесостепной и степной зонах Поволжья. Я пишу эту статью через двадцать лет после выхода монографии П.И. Савельева. В предисловии к книге Савельева я писал: «Исследователь, выдвигающий сегодня новый подход к проблеме двух путей буржуазно-аграрной революции, имеет дело с мощной традицией прежних взглядов и представлений. Он должен решить: воспользоваться ли свободой научного творчества или идти проторенной тропой. П.И. Савельев выбрал первое. Он написал оригинальное исследование, в центре которого вопросы теоретические и методологические»³⁵⁹. Особо отмечу, что автором проделан большой объем работы по выявлению документов и материалов как в центральных, так и областных государственных архивах, уделяя первостепенное значение массовым источ-

никам – первичной документации кредитных учреждений Государственного банка, отделений Дворянского и Крестьянского банков, официальной и земской статистики, а также первичных карточек Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.

В ходе работы с источниками историк в полной мере осознал необходимость использования наряду с традиционными количественных методов анализа, что обусловило создание оригинальных баз данных, которые автор творчески использовал при определении границ региональной модификации аграрного строя и анализе темпов развития аграрного капитализма. Речь идет об использовании корреляционного и кластерного анализа и других статистических методов. При этом вполне современно для первой половины 90-х гг. XX в. звучит вывод о том, что преодоление методологического кризиса возможно «только через максимальное освобождение от априорных социологических схем, через обращение к человеку, чья жизнь и труд составляют собственно историю, в том числе аграрную...»³⁶⁰.

Структура монографии нетрадиционна. Она состоит из «Введения», трех разделов, «Заключения», «Приложений» и указателя имен. Во «Введении» содержится обзор историографии и источников, сформулированы основные концептуальные идеи, которые автор подтверждает громадным материалом в ходе анализа аграрной эволюции в Поволжье. Кроме того, в каждом разделе имеется историографическое введение, которое автор именует «Проблема». Особое значение имеют главы первого раздела «Типология аграрного развития России», в которых «первые поднят вопрос об истоках русских аграрно-типологических концепций»³⁶¹.

В центре внимания автора труды Н.Г. Чернышевского, П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, а также концептуальные построения С.Н. Булгакова. Автор подчеркивает, что методологическим ядром для С.Н. Булгакова послужили два тезиса «о принципе народонаселения, точнее о емкости территории относительно земледельческого населения, а также о законе убывающего плодородия почвы»³⁶². Также детально анализируются труды В.И. Чернова, Н.П. Огановского, В.А. Косинского. Не обойдены вниманием и концепции выдающихся представителей организационно-производственного направления А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева, Н.Н. Черненкова. Вполне правомерно выделены два аспекта исследований Чаянова «теоретический (концепции природы крестьянского хозяйства, типов его дифференциации, а также сельскохозяйственной эволюции в целом) и методологический (критерии для типологии аграрной эволюции, метод изоцен...)»³⁶³.

Автору удалось органично вписать ленинскую концепцию двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве в историческую ткань

аграрно-экономической мысли начала XX века, что имеет принципиально важное значение для отечественной историографии³⁶⁴.

Итак отечественная наука уже в начале XX в. обладала богатым опытом изучения аграрного строя Российской империи. Как отмечалось выше, особо выделялись работы А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, Н.Н. Черненкова, Н.П. Огановского. Но эти традиции были прерваны в период становления советской исторической науки на рубеже 20-х–30-х гг. XX в. А историческая наука стала развиваться под жестким идеологическим контролем. В 60-х – 70-х гг. историки А.М. Анфилов, К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер предприняли попытку нового прочтения ленинского наследия, однако это не привело к кардинальной перемене основных взглядов на пути аграрно-капиталистической эволюции в России XIX – начала XX в. Дальнейшая теоретическая работа в этом направлении была остановлена

На рубеже 70–80-х гг. появились крупные монографические исследования по истории сибирской, северо-кавказской, поволжской деревни, северо-запада Европейской России. Все явственнее прослеживалась тенденция к применению современного исследовательского инструментария, изучению методологических аспектов аграрной истории.

Преодоление П.И. Савельевым традиционных взглядов нашло отражение как в постановке проблемы, так и в путях ее решения. Комплексная типология аграрного развития на основе многомерного статистического анализа придает его исследованию целостный характер. В нем хорошо согласуется природно-климатический, этно-демографический и социально-психологический факторы, связанные воедино с социально-экономическими процессами. В книге показано взаимодействие двух основных типов хозяйства – помещичьего и крестьянского – и одновременно глубоко анализируется их внутренний строй.

Весьма актуально сегодня звучит главный вывод автора о том, что стержнем аграрной эволюции Поволжья, да и всей России, в пореформенный период выступило крестьянское хозяйство.

Диссертация была успешно защищена в 1995 г. в диссертационном совете при Уральском государственном университете. Официальными оппонентами профессорами А.П. Корелиным, Н.А. Миненко, В. Пундани была дана высокая оценка выводов П.И. Савельева в изучении аграрной истории в ее теоретическую разработку. Столь же высокая оценка содержалась и в отзыве ведущей организации (МГУ им. М.В. Ломоносова), подписанном академиком И.Д. Ковальченко.

Следует особо отметить вклад П.И. Савельева в изучение и популяризацию истории Самарского края. Он принял участие в написании коллективных работ «Очерки истории Самарского края», «Земля Самарская», «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», в издании Самарской историко-культурной энциклопедии.

Изучение аграрной истории было продолжено П.И. Савельевым и в 90-е гг. Оно велось в рамках крупных проектов и грантов. В 1994 г. П.И. Савельев проходил стажировку в Германии, в Тюбингенском университете, куда был приглашен профессором Дитрихом Байрау. Затем им был выигран грант Московского общественного научного фонда по проблеме «Имперский строй России в региональном измерении». Выполняя этот грант, он создал коллектив историков и участвовал в проведении в 1995-1997 гг. летних школ для молодых историков. П.И. Савельев совместно с американскими историками Марком фон Хагеном (Колумбийский университет), Джейн Бурбанк (университет штата Нью-Йорк), Стивеном Смитом (университет графства Эссекс), а также профессором Омского университета А.В. Ремневым руководил проектом «Империя и регион: российский вариант». В рамках проекта проводились семинары в Нью-Йорке, Омске и Самаре. Исследования проводились при финансовой поддержке фонда Форда. По итогам этой работы подготовлен сборник статей³⁶⁵.

При содействии фонда Макаруров был выполнен грант «Из колхозников в крестьяне», в котором дан анализ современного состояния крестьянских сообществ. По этой проблеме подготовлена к печати монография³⁶⁶. В ней акцентируется внимание на трех проблемах. Вновь в концентрированном виде П.И. Савельев анализирует концепции дореволюционных историков и экономистов по проблемам эволюции аграрного строя и развития капитализма в российской деревне. Справедливо отмечено, что началом «истинного крестьяноведения в аграрно-экономической мысли России следует признать так называемую организационно-производственную школу, сложившуюся в первой четверти XX века»³⁶⁷. Речь идет о работах А.В. Чайнова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева.

Автор прослеживает семейно-трудовые традиции русского крестьянства и говорит об отношении крестьян к реализации Столыпинской аграрной реформы, которая, по его мнению, закончилась крахом. Он считает, что дело не в ошибках правительства, «а в неприятии крестьянством самой идеи преобразований»³⁶⁸.

Новые материалы приведены П.И. Савельевым о формах и методах проведения аграрной реформы 90-х гг. XX в. и о социальном самочувствии тружеников села.

Всего П.И. Савельевым написано свыше ста научных трудов, в том числе его перу принадлежат две монографии.

П.И. Савельев входил в состав докторского диссертационного совета при Самарском государственном университете и кандидатского при педагогическом университете. Он много раз выступал официальным оппонентом по диссертационным работам, им подготовлено несколько кандидатов наук.

Особо следует отметить общественно-политическую деятельность

П.И. Савельева. В конце 80-х гг. он создал Куйбышевское отделение Всесоюзной ассоциации молодых историков. Им были инициированы проведение Алабинских чтений для учащихся на базе школы № 25 г. Самара (1992 г.), Всероссийских Платоновских чтений (1996 г.). П.И. Савельев вошел и в состав общественного комитета «Самара», оказывал помощь и поддержку в сборе подписей за возвращение областному центру его исторического названия, выступал в прессе с публикациями на эту тему.

И, конечно, нельзя обойти его деятельное участие в становлении Самарского муниципального института управления, который был открыт в 1998 г., а затем Института технологий управления и аграрного рынка при Самарской сельскохозяйственной академии.

Подводя итоги отмечу, что несомненно современный историк-аграрник, изучающий аграрную историю России начала XX в. несомненно многое может почерпнуть из исследований П.И. Савельева, что будет способствовать формированию новых концептуальных идей, обогащающих российскую историографию аграрной истории.

§ 10. Уфимский историк М.И. Роднов

Мое знакомство с Михаилом Игоревичем Родновым состоялось в 1988 г., когда он приехал в тогдашний Куйбышев и привез письмо председателя диссертационного совета при Казанском государственном университете профессора И.Р. Тагирова, в котором меня уведомили об утверждении официальным оппонентом по кандидатской диссертации уфимского историка. Я заочно был уже знаком со статьями М.И. Роднова. В то время он изучал аграрные отношения в Уфимской губернии накануне Октябрьской революции. Сначала меня несколько удивила периодизация этой темы. Как правило, многие историки в то время рассматривали процесс формирования предпосылок второй российской революции с 1907 г. Потом уже, ознакомившись с текстом диссертации, я пришел к выводу, что за начальную точку отсчета диссертант избрал 1912 г., руководствуясь тем, что в это время Уфимское губернское земство проводило монографическое обследование – перепись крестьянских хозяйств, материалы которой освещают практически все стороны аграрных отношений в Уфимской губернии.

Но возвратимся вновь к М.И. Роднову. Передо мной предстал молодой человек, чуть менее 30 лет. Типичное русское лицо, которое украшали усы, большие выразительные глаза, атлетически сложен. Он родился 14 января 1959 г. в Ярославле, потомок старообрядцев-странников. Мать – урожденная Воронина Прасковья Михайловна – работала на заводе технологом, ее отец из под гнета твердого налогообложения бежал в Ярославль. Отец – Игорь Михайлович – слесарь, рабо-

тал на разных уфимских предприятиях. Род Родновых (род, родина, родной) входил в число государственных крестьян Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. Жили Родновы вблизи от первой русской столицы Старой Ладogi. Оказалось, что и как мой дед — Александр Григорьевич — дед М.И. Роднова Михаил Роднов был предпринимателем, торговал мясом и держал производство хромовой кожи, которая пользовалась большим спросом у сапожников. Семья была выслана в Пермскую область, детство отца М.И. Роднова прошло в лагерях. Затем ссыльнопоселенцы поселились в Ярославле.

В 1960 г. семья Родновых переехала в Уфу, где Михаил Роднов окончил среднюю школу № 96. Вероятно, трагические десятилетия советской истории, отразившиеся на судьбах семей Родновых и Ворониных, не могли не пробудить интереса у М.И. Роднова к отечественной истории. Но, судя по всему, этот вектор своей жизни Роднов избрал самостоятельно. Сам он подчеркивает, что «школьные учителя никакого влияния на меня не оказывали». И далее, последовало такое откровение: «В исторический кружок пришел один раз, прослушал доклад о партийных кличках Ленина — и ноги моей там больше не было»³⁶⁹.

Но все же решение поступать на исторический факультет было твердым. В Башкирском государственном университете он обратил внимание на кандидата исторических наук Софью Шмаевну Овруцкую, которая после защиты кандидатской диссертации в Саратовском государственном университете стала преподавать Отечественную историю. Она будучи творческой личностью руководила студенческим научным кружком и обратила внимание на студента Роднова, который отличался своим упорством и стремлением докопаться до истины. Привлекало Роднова и то, что она не только выделяла его среди остальных студентов, но и пыталась оказать содействие своему ученику-дипломнику при поступлении в аспирантуру.

Но судьба распорядилась иначе. Неудачей завершилась попытка М.И. Роднова поступить в аспирантуру Пермского государственного университета. Поэтому в 1981—1984 гг. он работал учителем истории в поселке Красный ключ Нуримановского района Башкирской автономной республики. Затем в 1984 г. поступил на работу в Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, где прошел путь от старшего лаборанта, аспиранта очного обучения до заведующего отделом, а ныне ведущего научного сотрудника. В этой череде должностей отметим, что в 1990—1995 г. М.И. Роднов перешел на работу в качестве заместителя директора по научной работе в Национальный музей республики Башкортостан, а также и то, что поднимаясь по ступеням социального лифта, он защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию и стал одним из ведущих историков Российской Федерации.

Итак, научно-исследовательская деятельность М.И. Роднова началась в 1984 г., когда он был принят на работу старшим лаборантом Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра АН СССР. Пожалуй, работа в институте стала важнейшим этапом в профессиональном становлении историка. Он совпал с перестройкой и теми изменениями в экономической и социально-политической сферах страны, которые в конечном счете привели к гибели советской империи. В жизни историка также происходили перемены. Во-первых, он был принят в очную аспирантуру и под руководством видного историка Х.Ф. Усманова успешно выполнил программу аспирантской подготовки. Самое главное, была определена тема кандидатской диссертации, работа над которой предопределила на многие годы проблематику научных исследований М.И. Роднова. Во-вторых работа в научно-исследовательском институте ускорила процесс освоения молодым историком исследовательского инструментария. Исследовательское поле историка существенно расширилось. Он стал активно изучать архивные фонды центральных и республиканских архивов страны. Много внимания уделялось изучению научной литературы и апробации результатов работы на научных конференциях как в стенах родного (теперь уже!) института, так и за его пределами на различных республиканских и региональных конференциях.

Центральное место в творчестве М.И. Роднова занимает аграрная история.

К ее изучению он приступил на аспирантской скамье. Его учитель — доктор исторических наук Х.Ф. Усманов — предложил ему написать кандидатскую диссертацию на тему «Аграрные отношения в Уфимской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Х.Ф. Усманов, как и его коллега казанский историк-аграрник И.М. Ионенко, в те годы не только хорошо знал о дискуссиях конца 50-х — 60-х гг. о характере и особенностях аграрного капитализма и многоукладности экономики Российской империи, но и пытался с помощью как собственных исследований, так и диссертационных работ своих аспирантов найти ответы на злободневные вопросы российской историографии, а точнее попытаться выйти за рамки официальной историографии. Благодаря целеустремленности М.И. Роднов проделал большой объем работы по выявлению, систематизации и анализу опубликованных и архивных источников и научной литературы. Защита диссертации состоялась в диссертационном Совете при Казанском государственном университете (если мне не изменяет память, осенью 1988 г.) В качестве ведущей организации выступил Институт истории, языка и литературы Казанского филиала АН СССР. Отзыв был написан крупнейшим историком-аграрником Татарстана доктором исторических наук Ю.И. Смыковым. Автор этих строк и кандидат исторических наук С.И. Ионенко выступали на этой защите оппонен-

тами. Что меня особенно поразило – это скрупулезность М.И. Роднова, его стремление досконально изучить источники и показать своеобразие аграрных отношений в Уфимской губерниях. Вслед за Ю.И. Смыковым я дал высокую оценку диссертационному труду М.И. Роднова. Не обошлось без замечаний и пожеланий. Учитывая характер М.И. Роднова, я посоветовал ему обратить внимание на то, что во многих исследованиях авторы, как правило, говорят о крестьянстве в целом. Такой подход не дает возможности создать панораму взаимоотношений как внутри сельской поземельной общины, так и выявить ее отношения с властными структурами, помещиками, показать всю гамму чувств и переживаний крестьян во время протестных действий. Далее, я отметил, что до сих пор сохраняет актуальность вопрос о социальной структуре российского крестьянства. Ведь во многих исследованиях того времени (речь идет об эпохе 60-х первой половине 80-х гг. (кроме, пожалуй, научных трудов А.М. Анфимова и его последователей)) доминировала ленинская схема, представленная им в его капитальном труде «Развитие капитализма в России» – беднейшее, среднее и зажиточное крестьянство. Но реальная картина эволюции аграрных отношений была далека от этой схемы. В степных уездах Поволжья и в Южном Зауралье (Уфимская и Оренбургская губернии) темпы развития капитализма в сельском хозяйстве были выше и здесь формировалась новая российская житница, поставившая на внутренний и внешний рынки громадные партии товарного зерна и муки. Именно в этом районе возникали и развивались хозяйства фермерского типа. О реальном потенциале этого региона свидетельствуют не только издания официальной статистики, но и материалы земских монографических исследований, а также первичные материалы подворных переписей крестьянских хозяйств. Важнейшим источником являются также подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Первичные материалы переписи 1917 г. отложились в фондах многих областных республиканских архивах. Но сохранность их невелика, исключение составляет Уфа, где первичные материалы переписи 1917 г. сохранились по 5-ти уездам Уфимской губернии в республиканском архиве. Учитывая это обстоятельство, я настоятельно посоветовал М.И. Роднову заняться изучением этих архивных материалов.

К этому времени издательство «Наука» опубликовало монографию академика И.Д. Ковальченко и его учеников, в которой была представлена как методика изучения этого уникального источника, так и дана региональная модификация аграрных отношений периода Великой российской революции³⁷⁰, но эти процессы были пока даны на основе опубликованных данных Переписи 1917 г., что затрудняет создание полномасштабной картины аграрных отношений периода революции 1917 г.

Весьма важен второй этап научной деятельности М.И. Роднова. Его отчет начинается в 1990 г. и завершается в 1995 г. Он переходит на работу в национальный музей Республики Башкортостан в качестве заместителя директора по научной работе, где большое внимание он уделил разработке научной концепции музея, созданию новой экспозиции по истории республики и реализации проектов, которые способствовали формированию позитивного имиджа республики Башкортостан. Роднов сосредоточил усилия на деятельности по изучению истории республики. Свообразным стимулом для историков республики стал выход в свет краеведческого сборника, который ежегодно издавался с 1991 г. по 1995 г.³⁷¹ Работа в музее стала важной ступенью в изучении М.И. Родновым многих неизвестных для историка и для жителей региона страниц истории региона, а главное – позволило внести существенные коррективы в его научную проблематику. Реализуя различные проекты, он в полной мере осознал, что историческое прошлое необходимо изучать на разных уровнях макро и микроистории. Для реконструкции исторических событий несомненную актуальность имеют как события вселенского масштаба, так и история страны, регионов, губерний, уездов, селений и повседневной жизни людей – творцов исторического процесса. Конечно, работа в музее была насыщена различного рода мероприятиями, что отвлекало историка от так вошедшей в его душу аграрной истории.

И все-таки и в республиканском музее в центре внимания М.И. Роднова по-прежнему продолжали оставаться проблемы аграрной истории региона. Но теперь от рассмотрения проблем землевладения и землепользования, характеристики помещичьего хозяйства Уфимской губернии накануне революции 1917 г. он перешел к изучению материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. В этой связи заслуживает внимание серия статей, которые стали основой для подготовки и издания монографических исследований, в которых воссоздана социальная структура уфимского крестьянства. К изучению подворных карточек переписи 1917 г. была привлечена инженер-программист О.И. Дудина³⁷². Всего М.И. Роднов опубликовал по этой проблеме – переписи 1917 г. – 8 статей, 4 из них в соавторстве с О.И. Дудиной (родной сестрой М.И. Роднова). Начало этим публикациям положила статья Роднова и Дудиной, которая была опубликована вскоре после защиты кандидатской диссертации³⁷³.

Фактически к моменту возвращения М.И. Роднова в Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН в 1995 г. научная обработка первичных материалов переписи 1917 г. вступила в завершающую стадию. Ему удалось издать монографические исследования по 5 уездам Уфимской губернии, в которых воссоздана впечатляющая панорама крестьянской жизни. В них приведены уникальные сведения по демографии, национальному составу, хозяйству и соци-

альной структуре сельского населения. Создавая эти труды, Роднов выступил и как историк, и как демограф. Впечатляет и то, что Роднов сопоставил данные переписи, проводившейся в 1912–1913 гг. с подсчетами по деревням Бирского уезда сведений переписи 1917 г. Он отмечает, что сохранились подворные карточки «практически по всем деревням уезда...»³⁷⁴. А сопоставление итоговых данных переписи 1917 г. с аналогичными показателями переписи 1923 г. показывает «совпадение цифр почти на 100 %!» по всему Бирскому уезду»³⁷⁵.

В другой монографии М.И. Роднов акцентирует внимание на том, что в отечественной историографии изучение социально-экономического положения «сверхкрупных крестьянских хозяйств»³⁷⁶ практически не проводилось. Хотя ряд исследователей – Х.Ф. Усманов, П.С. Кабытов, Н.И. Булатова, Н.Л. Клейн – признают «реальное существование здесь среди крестьянства типа близкого американскому фермерству...»³⁷⁷.

Правомерно звучит вывод М.И. Роднова о неоднородности сельской буржуазии. Он считает, что «нужно отделять многосемейные зажиточные двory с посевом от 10 до 5 десятин, где по нашему мнению труд членов семьи еще преобладал над наемным, от кулацких хозяйств (посева свыше 15 десятин, в которых именно наемный труд доминировал»³⁷⁸.

В противовес народникам, марксистам и советским историкам М.И. Роднов занялся реабилитацией термина «кулак». Он разделяет определение слова «кулак» с В. Далем, которое в его словаре имеет «позитивный оттенок – кремень, крепыш, бойкий и ловкий человек». Он считает этот термин «весьма точным, удачным и метким»³⁷⁹ и использует его «без какого либо отрицательного подтекста»³⁸⁰.

Исключительно важное значение первичные материалы переписи 1917 имеют для определения географического размещения зон торгового зернового земледелия и быстро растущих групп крупнопосевных хозяйств фермерского типа. В Уфимской губернии в эту зону входили Белебеевский и Стерлитамакский уезды и северо-восточная (земледельческая зона Златоустовского уезда). «Самую верхушку крестьянства, – подчеркивает М.И. Роднов, – составляли сверхкрупные крестьянские хозяйства, имевшие более 50 десятин посева»³⁸¹. И далее современно звучит вывод о взаимном переплетении самых разных укладов в аграрном секторе экономики России. А «самым динамичным все более и более подчиняющим себе остальную деревню являлись фермерские (кулацкие по российской терминологии) рыночные хозяйства, верхушку которых составляли крупные торговые предприятия»³⁸², в число которых входили 272 двора Стерлитамакского уезда.

М.И. Роднов подчеркивает, что особую значимость при анализе аграрного строя имеет природно-географический фактор. Так, в Уфимском уезде историк выделяет северные и восточные волости, входившие в лесную нечерноземную зону. Лесостепь, богатая черноземными

землями, создавала для крестьян условия для развития товарного производства — в южных волостях уезда шло «ускоренное складывание фермерства, широкое вовлечение крестьянства в систему товарного хозяйства»³⁸³. Север и восток уезда отличались от юга тем, что в этой зоне господствовали и в экономике, и в общественном сознании традиционные патриархальные отношения.

В течении многих лет я не раз получал от М.И. Роднова его книги и не мог не восхищаться его упорству в изучении аграрных отношений начала XX в. Я внимательно прочитывал его научные труды и наконец в 2003 г. он присылает мне свою монографию³⁸⁴, которая позднее стала основой его докторской диссертации. Ознакомившись с монографией, я пригласил М.И. Роднова в Самару и предложил ему представить докторскую диссертацию для рассмотрения на заседании диссертационного совета при Самарском государственном университете. И вот 12 февраля 2004 г. состоялось заседание диссертационного совета, на котором М.И. Роднов представил свое концептуальное видение эволюции аграрного капитализма в Уфимской губернии. В качестве ведущей организации выступил Санкт-Петербургский Институт истории РАН, а официальными оппонентами диссертационный совет утвердил докторов исторических наук, профессора Н.Л. Клейна, главного научного сотрудника Института российской истории А.П. Корелина и директора научно-исследовательского Института гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия В.А. Юрченкова.

В ходе заседания диссертационного совета в отзывах ведущей организации и оппонентов и в ходе дискуссии неоднократно подчеркивался новаторский характер научной работы М.И. Роднова. Это проявилось при определении актуальности исследуемой проблемы. Диссертант акцентировал внимание на воздействии модернизационных процессов на крестьянство, отмечая такие факторы, как «возросшее демографическое давление, влияние капиталистического рынка, усиление государственного вмешательства»³⁸⁵. По его мнению, российский опыт «во многом раскрывает механизмы возникновения кризисных явлений, показывает действенность государственного вмешательства, его усилий по быстрому разрушению общинных структур и насаждению элементов рыночной экономики, соотношение внутренних и внешних факторов в попытке перехода к капиталистическому обществу в достаточно сжатые сроки»³⁸⁶. Не правда ли, читатель, этот тезис отражает теоретические постулаты российских реформаторов 90-х гг.?

Диссертация М.И. Роднова написана на основе громадного комплекса источников. Помимо официальной и земской статистики, он ввел в научный оборот около 500 тыс. подворных карточек — первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Работа выполнена на стыке наук — отечественной

истории, крестьяноведения, исторической демографии, экономической истории, социальной психологии. Междисциплинарный подход и использование многофакторного анализа позволили М.И. Роднову сформулировать ряд новых выводов и показать своеобразие развития аграрного строя в Уфимской губернии начала XX в. В этой связи особую значимость имеет вывод о том, что в основе аграрной эволюции помимо прочих явлений «лежат демографические процессы»³⁸⁷.

Во многом концепция М.И. Роднова генетически восходит к его теоретическим выводам и наблюдениям, которые были сформулированы им в ходе его многолетних исследований. Но они приобрели большую четкость и завершенность. Так при определении территориальных рамок исследования М.И. Роднов отмечает общие и специфические черты Уфимской губернии.

«Она лежала на границе двух природно-географических и социально-экономических зон: нечерноземного северо-запада, близкого к среднерусским и поволжским губерниям, с аграрным перенаселением, крепкой общиной, передлами и т. д., а также юга и северо-востока с фермерством в малонаселенных степных и лесостепных районах. В Уфимской губернии сосуществовали и конкурировали старая традиционная деревня и новое предпринимательское хозяйство»³⁸⁸. Но эти процессы протекали с некоторым запаздыванием в силу того, что Уфимская губерния входила во внутреннюю окраину Российской империи. На Южном Урале, как в миниатюре, оказался сконцентрирован весь комплекс противоречий, присущих аграрному сектору российской экономики начала XX в.

В этой связи М.И. Роднов выделяет две зоны (традиционную и предпринимательскую), в которых эволюция аграрных отношений протекала с разной скоростью.

М.И. Роднов, опираясь на демографические источники, установил, что в традиционной (общинной) зоне в течение 16 лет активно шел естественный прирост населения, который колебался от 40 до 50 % в каждой общине, что обусловило дробление хозяйств. Аграрное перенаселение обусловило высокую долю (от 60 до 70 %) бедняцко-среднических дворов (бедняков). Удельный вес зажиточных крестьян не превышал 10 %. В аграрно-перенаселенной традиционной зоне сложился слой бедняков-паунеров, которые «не могли поглотить ни город, ни промышленность, ни перенаселение»³⁸⁹. А потому сохранение архаики выступало в качестве тормозящего фактора, влиявшего на замедление темпов аграрной эволюции.

Впечатляют приведенные М.И. Родновым данные о наличии в Уфимской губернии 21 тыс. многопосевных хозяйств, а также и то, что по этническому составу фермеры юга на 57 $\frac{1}{6}$ состояли из русских и украинцев. Хотя удельный вес зажиточных хозяйств достигал 30 %; они сосредотачивали свыше 50 % посевных площадей, сельскохозяй-

ственной техники и поставляли на рынок большую часть товарной продукции.

Важное значение приобретают выводы М.И. Роднова о характере взаимодействия разных общественных укладов. Признавая общее доминирование капиталистической экономики, необходимо отметить, что помимо эксплуатации более слаборазвитых хозяйственных систем к началу XX в. усиливался самодовлеющий характер капиталистического хозяйства, которое нуждалось в массах наемных работников, внутри себя производило основную часть товарной продукции. Принципиально новым является его вывод о том, что втягивание общины в капиталистический рынок не могло избавить ее от роста кризисных явлений. Общинное крестьянство стремительно двигалось к мелкой парцелле, ни промышленность, ни миграции не могли поглотить избыток «лишнего» населения. Патриархальная деревня все в большей мере нуждалась в патерналистской поддержке государства через имперский продовольственный капитал, защиту общины.

Анализ данных переписи 1917 г. дал возможность М.И. Роднову выявить в регионе многочисленный слой сельского мусульманского предпринимательства. Перепись 1917 г. зафиксировала (без Мензелинского уезда), что число многопосевных дворов (сеявших свыше 10 десятин) у башкир достигло 9,9 тыс., у тептяр — около 4 тыс., у мишар — 2,9 тыс., у татар и прочих мусульманских групп крестьянства — 1,9 тыс. Всего удалось установить, что в группу предпринимательских хозяйств входило 18,7 тыс. дворов или более 100 тыс. человек с семьями³⁹⁰.

В половине волостей южной предпринимательской зоны удельный вес многопосевных, зажиточных хозяйств у башкир составлял (до 20–30 %). И, конечно, он приводит данные о втягивании в орбиту предпринимательской деятельности мусульманского духовенства, которое также увеличивало посевы товарных зерновых культур. В 90-е гг. XX века в ряде работ я писал о том, что в ряде уездов Поволжья — лесостепных и степных во второй половине XIX сформировалась новая российская житница, где быстрыми темпами развивались хозяйства фермерского типа. Те же процессы были характерны и для Уфимской губернии, что убедительно было доказано М.И. Родновым. Так общая площадь посевов в Уфимской губернии в 1917 г. составляла 2 620 тыс. дес., что примерно равнялось посевам Владимирской, Московской и Костромской, Петроградской, Олонецкой, Новгородской, Архангельской губернии (2 698 тыс. дес.) вместе взятых, то есть почти всего северо-запада России. «Производящий» регион Российской империи представлял собой огромную территорию с многочисленным населением, развитой рыночной экономикой, чего не было ни в Турции, ни в Индии, ни в Мексике. Не «самая отсталая деревня», а предприимчивый кулак успешно конкурировал с аргентинской пшеницей и американской кукурузой на европейском рынке. «А крупная промышлен-

ность, транспорт, банковская сфера, вооруженные силы, научный потенциал также показывают, что параметры российского общества начала XX в. (не говоря уже о советской эпохе) были принципиально отличны от «третьемирских»³⁹¹.

Так уж случилось, что выводы М.И. Роднова во многом оказались идентичными с концептуальными воззрениями автора этих строк, Ю.И. Смыкова, и его учителя Х.Ф. Усманова. Да и сам Роднов неоднократно подчеркивал, что его исследования созданы в русле историографических традиций Поволжско-южноуральской научной школы.

После успешной защиты докторской диссертации наступил новый этап в научной биографии М.И. Роднова. Его исследовательское пространство существенно расширилось. Я как-то попытался провести классификацию направлений его деятельности. Это оказалось непростым делом. В какой-то степени в качестве нити Ариадны может выступить его список научных трудов. Но помимо этого сюда следует включить материалы сайта «Роднов и его друзья», в качестве эпитафия к нему взято такое изречение *Gloria Creatori nostro* (Славу создаем сами). К этому надо добавить его многочисленные выступления в прессе, на радио и телевидении. Впечатляет также апробация научных изысканий на многочисленных научных конференциях. Его активная творческая деятельность позволяет отнести М.И. Роднова к числу практикующих историков, которые ставят высокую и благородную цель — формирование исторического мировоззрения, высоких чувств патриотизма и любви к России. Расширилось и географическое пространство издательской деятельности. Укажу, что его книги, статьи, историографические и источниковедческие обзоры публикуют издательства университетов Урала и Поволжья, журналы научно-исследовательских институтов РАН («Вопросы истории», «Российская история» и др.). Нельзя не отметить и такое главное направление его научной работы — участие в реализации грантов, предоставленных ученому Московским общественным научным фондом, Российским гуманитарным научным фондом, что ускорило процесс написания докторской диссертации и обеспечило переход к новой научной проблематике. Особенностью этого этапа является также и то, что уфимский историк стал одновременно работать над несколькими проектами. Любопытным следствием, — говорил в интервью газеты «Новости» М.И. Роднов, — обычно трудится над несколькими проектами»³⁹².

В связи с изменениями статуса (защитой докторской диссертации) М.И. Роднов был назначен руководителем отдела. Еще в конце 80-х гг. коллектив отдела начал работать под таким значимым проектом как «История Башкортостана». Инициатором этого многотомного издания был профессор Х.Ф. Усманов. В 1996 г. был издан первый том, но

за эти годы материалы по истории Башкортостана периода второй половины XIX – начала XX вв. в значительной степени устарели.

Поэтому необходимо было пересмотреть содержание многих разделов и преодолеть марксистско-ленинские догмы в освещении многих проблем пореформенного периода. Эта задача была успешно решена редакторами первого тома И.М. Гвоздиковой и М.И. Родновым³⁹³, а к редактированию второго тома помимо указанных выше историков была подключена Ф.Г. Хисамутдинова³⁹⁴. На рукописи этих томов я написал рецензии. Роднов проявил себя как организатор науки. Он привлек новых авторов. Много внимания было уделено внесению существенных корректив в освещение событий. Были сформулированы новые выводы, которые были созвучны с концептуальными представлениями, которые стали формироваться в новейший период российской историографии. Авторам удалось показать в динамике ход исторических событий на фоне порой полной драматизма истории России второй половины XIX – начала XX в. Воссоздана яркая панорама экономической, социокультурной жизни региона. И, конечно, в центре внимания оказались такие проблемы, как административное устройство и система управления, включая местное самоуправление – в лице таких институций, как городские думы и земства. Акцентируется внимание на эффективности деятельности коронной администрации и системы местного самоуправления, М.И. Роднов является автором «Введения», (во втором томе), «Предисловия» и «Заключения» первого и второго томов. Он написал параграфы об административном устройстве и образовании Уфимской губернии. Его перу принадлежат глава четвертая и пятая первого тома, а во втором томе он участвовал в написании главы третьей и четвертой. Кроме того, он был составителем «Приложений» к обоим томам, которые также повышают научную значимость этих изданий.

М.И. Роднов особое внимание уделил изучению территориального устройства, определению административных границ региона и этнодемографическим проблемам. К последним он особенно относится с большим пристрастием. Вполне понятно, что в центре его внимания не могла не оказаться аграрная проблематика. Вновь говорится о наличии в регионе двух зон, в которых сохранялось общинное землевладение и землепользование, в южных волостях формировались фермерские хозяйства, специализирующиеся на производстве товарного зерна. И в этой связи нельзя не отметить генетическую связь выводов, зафиксированных в «Истории Башкортостана» с концептуальными построениями Роднова, которые были сформулированы им в докторской диссертации. Роднов написал также очерк об эволюции сельской поземельной общины, а также о динамике социальной структуры населения региона в «эпоху глобального модернизационного перехода

от традиционного (крепостнического) к индустриальному(капиталистическому) хозяйству»³⁹⁵.

В капитальном труде уфимских историков подчеркнута выгодное геополитическое положение региона, которое изменилось в связи со строительством «великого транзитного пути из Европы в Сибирь», что коренным образом изменило торгово-экономическую ситуацию в регионе и ускорило процесс аграрной эволюции в районах, примыкавших в новой Российской житнице, возникшей в лесостепных и степных уездах Поволжья и Южного Урала. В этой связи авторы говорят о «транспортной революции»³⁹⁶, так или иначе повлиявшей на возникновение новых отраслей промышленного производства. Вместе с тем отмечается замедленность темпов модернизации экономики (в связи с сохранением архаики в политическом строе и социальных отношениях), отсутствии серьезных очагов межэтнической конфликтности, формировании толерантных взаимоотношений. Несомненно, особую актуальность имеют выводы и наблюдения о формировании башкирской элиты, которая стала втягиваться в политическую борьбу в период Великой российской революции.

Выше я уже писал, что аграрная проблематика продолжала оставаться в центре внимания М.И. Роднова, но теперь он приступил к изучению хлебного рынка Уфимской губернии. В 2008 г. он совместно с А.Н. Дегтяревым публикует монографию по этой теме³⁹⁷.

Как правило, при написании научной биографии всегда возникает вопрос о социально-психологической мотивации научной разработки той или иной проблемы. Мне кажется, что М.И. Роднов, изучая аграрные отношения, особо акцентировал внимание на месте и роли фермерских хозяйств в производстве товарного зерна. Важное значение, безусловно, имели работы предшественников, и об этом историк говорит в историческом обзоре, отдавая дань уважения Т.Ф. Измъестевой, П.И. Лященко, Г.А. Дихтяру и др. Он выделяет главный труд Т.М. Китаниной – монографию о хлебной торговле России с 1875 по 1914 гг.³⁹⁸ М.И. Роднов опирается так же на региональные исследования, которые были опубликованы в Уфе, Оренбурге, Ижевске, Казани, Набережных Челнах. Отмечает он так же монографию Н.Ф. Тагировой, создателя «впечатляющего труда», в котором охвачены «практически все компоненты поволжского хлебного рынка»³⁹⁹, а также исследования Н.Л. Клейн и П.С. Кабытова⁴⁰⁰. Критически воспринял уфимский аграрник теоретические построения М.А. Давыдова, которому присуща «излишняя политизированность»⁴⁰¹ и некритическое использование материалов ЦСК МВД⁴⁰².

Для М.И. Роднова характерно не только то, что он предпринимает поистине титанические усилия по выявлению источников, но наряду с этим он стремится установить степень их достоверности и применить современные методы их анализа. При изучении хлебного рынка

автор использовал не только уфимские материалы, отложившиеся в фондах республиканского архива, но и материалы, извлеченные из фондов архивов Санкт-Петербурга, Рыбинска. В далекие 70-е гг. XX в. я перелистывал пожелтевшие страницы российской прессы, имею ввиду такие издания, как «Торгово-промышленная газета», столичную и губернскую периодику. Я восхищался, сколь много можно почерпнуть ценнейшей информации по «business-history». И вот М.И. Роднов выполнил (блестяще!) эту задачу, что обогатило источниковую базу его исследования. Земские издания, справочные листки, Адрес-календари — эти и другие издания также составили фундамент изысканий М.И. Роднова. И, конечно, использовались транспортная статистика, а также статистика речных кампаний.

В монографии уделено внимание достоверности информации, обращено внимание на просчеты, которые были допущены А.С. Нифонтовым. Ценно его замечание о том, что даже такие выдающиеся историки, как И.Д. Ковальченко о достоверности урожайной статистики говорят скороговоркой⁴⁰³. М.И. Роднов и его соавтор также скрупулезно дали критику источников, которые возникли в недрах общинно-волостной администрации. Нельзя пройти мимо ярких и эмоционально прописанных портретных зарисовок этих администраторов, поставивших сведения в земства, коронную администрацию и в статистические комитеты.

Отмечается значимость информации о посевных площадях в регионе за 1895-1897 гг.: «это первые данные добытые принципиально иным путем, в результате экспедиционного обследования селений (общин), а не из волостных правлений»⁴⁰⁴. Авторы установили наличие тесных корреляционных связей, «близость показателей по крестьянским посевам за 1895-1905 гг.»⁴⁰⁵. И далее следует вывод о том, что «данные писарской статистики, публиковавшейся в хозяйственно-статистических обзорах, верно отражая динамику»⁴⁰⁶ занижают до 0,5 млн дес. площадь посева в регионе.

Негативно относятся авторы монографии к материалам сборников ЦСК «Урожай ... года». С известной долей скепсиса они говорят: «в мирное время пользоваться этой информацией нельзя»⁴⁰⁷.

Статистика посевных площадей позволила авторам выявить динамику изменений посевов зерновых культур и проследить зависимость ее от внутренних и внешних факторов: стабильная доля озимых посевов, снижение удельного веса овса и рост посевов яровой пшеницы «изменение экономической конъюнктуры в период Первой мировой войны обусловило падение посевов пшеницы, рост площадей овса, “который закупался в больших количествах для нужд армии”»⁴⁰⁸.

Впечатляет критика источников урожайной статистики. Но в этом разделе монографии источниковедческий анализ занимает небольшой удельный вес. Отмечается значимость информации, предоставляемой

в Уфимское земство. Важное значение имеет вывод о том, что «лучше использовать региональные (более представительные) данные, но и информация в ЦСК в сборниках «Урожай ...года», основанная на показаниях добровольных корреспондентов вполне достоверна»⁴⁰⁹. Авторы прослеживают динамику урожайности зерновых культур, показывают ее зависимость от климатических условий, использования крестьянами традиционных или современных агроприемов. Здесь же демонстрируются методы математической обработки ежегодных данных хозяйственно-статистических обзоров Уфимской губернии (в соавторстве с О.И. Дудиной)⁴¹⁰. Что касается такого показателя, как состояние землевладельческого производства, то по мнению авторов монографии, сведения о валовых и чистых сборах хлеба необходимо «воспринимать с известной долей условности»⁴¹¹. Вместе с тем сопоставление данных ЦСК с земской урожайной статистикой позволило установить степень недостоверности данных ЦСК, которые превышали сведения земства в 20 %.

Сопоставляя данные официальной статистики со сведениями, опубликованными в земских изданиях, привлекая итоги сельскохозяйственных переписей 1912–1913 гг. и 1917 г., авторы установили, что в Уфимской губернии ежегодно засевалось около 2,8 млн дес. земли, а валовый сбор зерновых достигал 120 млн пудов зерна⁴¹². И здесь же дана краткая сводка о потоках хлебных грузов, которые вывозились из губернии железнодорожным и водным транспортом⁴¹³.

Авторы уделили внимание транспортной инфраструктуре, которая в тот период была представлена сетью грунтовых дорог. Выявлен удельный вес шоссе (дорог с каменным покрытием), почтовых трактов, коммерческих и проселочных дорог. Приведены данные об их состоянии, протяженности и географическом размещении. Отмечается роль земств в строительстве дорог, мостов и финансировании расходов на ремонтные работы. Важное значение имеет вывод авторов о том, что гужевые дороги выполняли функции подъездных путей к речным пристаням и железнодорожным станциям. Анализ логистики этих транспортных артерий показывает, что местные проселочные тракты обеспечивали перевозки грузов и людей внутри уездов, а на крайнем западе, юго-востоке и севере Уфимской губернии «гужевой транспорт оставался вплоть до начала XX в. единственным видом сообщения»⁴¹⁴.

Авторы прослеживают эволюцию речного транспорта на рубеже веков, подчеркивают воздействие на этот вид инфраструктуры модернизационных процессов. Выделены составные части транспортной системы, как Бельское пароходство, и раскрыта ее роль в торговых связях губерний Поволжья и Южного Урала. Дан анализ деятельности Уфимской дистанции Елабужского инспекционного участка, уделено внимание работам по благоустройству пристаней, стоянок, затонов и фарватеров речных артерий. Безусловно, особую значимость имеют

данные о географическом размещении пристаней, схемах маршрутов подвозов к ним хлебных грузов, сведений о сооружении речных судов, типах пароходов, парусных судов, барж и других водных транспортных средств. В монографии освещается деятельность судовладельцев. Акцентируется внимание на том, что местное пароходство оставалось «ареной конкуренции различных фирм и частных судовладельцев»⁴¹⁵. Выявлены изменения в соотношении крупного и среднего предпринимательства в этой транспортной отрасли – 70 % буксирных пароходов в 1914 г. принадлежало крупным фирмам⁴¹⁶.

В монографии предпринята попытка (добавлю успешная!) проследить процесс формирования в регионе сети железных дорог. Особое внимание уделено сооружению Самаро-Златоустовской железной дороги (1885-1892 гг.) Подчеркивается, что строительство Сибирской железной дороги изменило геоэкономическую ситуацию – «Уфа и весь регион оказались на великом транспортном пути в Сибирь и Дальний Восток, получили круглогодичное быстрое и удобное сообщение с центром страны и даже с заграницей»⁴¹⁷. Учитывая хозяйственную конъюнктуру, коронная администрация, городские думы, земства, региональное бизнес-сообщество выступали с инициативами по расширению сети железных дорог, в связи с этим велось сооружение Белорецкой, Троицкой железных дорог. Предполагались другие проекты, но их удалось реализовать частично. Лишь в конце XIX в. началось сооружение Волго-Бугульминской железной дороги, затем Западно-Уральской железной дороги. Бирское земство выступало с идеей строительства Московско-Кыштымской магистрали, велись работы по сооружению линии Казань–Екатеринбург. Созданная во второй половине XIX в. – начале XX вв. сеть железных дорог оказала революционизирующую роль в ускорении модернизационных процессов в регионе, усилила экономические связи, что обусловило включение региона во всероссийский рынок»⁴¹⁸.

Обычно об элеваторах и зернохранилищах в работах аграрников говорится скороговоркой. В монографии уфимских историков этой проблеме уделен раздел. Между тем уже в конце XIX в. эта проблема создания в России разветвленной сети элеваторов и зернохранилищ обсуждалась как в Министерствах, так и в земствах. В переработке и хранении зерна были заинтересованы крестьяне-землевладельцы, предприниматели и кооперативные учреждения.

Авторы приводят данные о географическом размещении разных типов зернохранилищ. Ими установлено, что уже к началу XX в. в Уфимской губернии «сложилась целая система крупных зернохранилищ, складских комплексов емкостью в миллионы пудов»⁴¹⁹. Отмечена заинтересованность крупных предпринимателей и Уфимского отделения Государственного банка в создании современной сети элеваторов как на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги, так и

на территориях, располагавшихся вдали от транспортных коммуникаций. Но Первая мировая война помешала реализовать в полном объеме план принятый совещанием при Уфимском отделении Госбанка (1911 г.). Убедительно звучит вывод о том, что на рубеже XIX–XX вв. в регионе сложилась «разветвленная система коммуникаций, обеспечивающая полноценное функционирование хлебной торговли»⁴²⁰.

Завершает монографию глава, в которой анализируется функционирование механизма хлебного рынка в Уфимской губернии. Авторы уделяют внимание таким основным составляющим, как система заготовок вдоль гужевых путей и на речных пристанях. Поначалу мне показалось, что параграф о навигации 1913 года (поставка хлеба в Рыбинск) не вписывается в контекст монографии. Но затем оказалось, что в этом разделе авторы сумели воссоздать впечатляющую панораму функционирования хлебного рынка. Без этого раздела ощущалась бы некоторая незавершенность. И, конечно, вполне уместен параграф, в котором раскрывается деятельность мелкого предпринимателя, которой занимался скупкой хлеба в сельской местности и доставлявший зерно на железнодорожные станции.

Круг вопросов, рассмотренных в этой главе, обширен. Авторы показывают участие разных социальных групп в хлебной торговле: сельских предпринимателей, общинников и «крепких» мужиков, мелких скупщиков. Эта категория (мелкие скупщики) пытались завысить стоимость хлеба «заговорить, обмануть мужика, обсчитать, обвешать»⁴²¹. Подчеркивается неустойчивость и сильная зависимость хлебной торговли от колебания урожаев и других факторов. Традиции оказались в этом секторе торговли живучи, что убедительно свидетельствовало о сохранении общинных форм хозяйственной жизни. Раскрываются причины сохранения услуг скупщиков: бедный общинник вынуждено продавал хлеб осенью по низким ценам (оплата налогов).

Ярко и эмоционально показана панорама региональной хлебной торговли, где взаимодействуют крестьяне-общинники и фермеры, мелкие скупщики (которых в народе звали мартышками), партионные торговцы и представители крупных фирм и торговых домов. Особо впечатляет воссозданный авторами мир речных пристаней, в которых в качестве партнеров крестьян-посевщиков выступало региональное сообщество купцов-хлеботорговцев; прослежены изменения в структуре бизнес-сообщества и роль в торговле хлебом семейных фирм Стахеевых, Груздевых, Халдиных и др. Вместе с тем подчеркивается, что развитие кредитно-финансовой системы усиливало позиции мелких и средних предпринимателей, скупавших зерно на деньги, взятые в кредит»⁴²².

Авторы констатируют, что на крупных пристанях были иные условия для торговли, нежели чем на мелких и средних. В книге также анализируется состав заготовителей и покупателей хлеба.

Новые материалы о хлебной торговле нашли отражение в разделе, в котором анализируются поставки уфимского хлеба в Рыбинск. В 14 таблицах представлен статистический обзор специфики хлебной торговли в Волжско-Камском бассейне. Показаны маршруты движения речных судов, перевозивших хлеб, и подчеркнута роль Рыбинского порта — одного из главных центров хлебной торговли Европейской России. И вновь, как и в первых главах монографии, авторы уделяют внимание анализу и сопоставлению разнообразных источников, содержащих информацию о хлебной торговле. Так, по их мнению «информацию Рыбинской биржи можно считать достоверной»⁴²³.

В монографии детально освещены процессы заготовки хлебов, их перевозки по рекам Кама, Белая, Волга в период навигации 1913 г. Кроме анализа хлебных грузопотоков с речных пристаней, в монографии показана роль торгово-промышленных сел, которые выступали также в качестве центров в формирующемся хлебном рынке региона. Уделено внимание и изучению персонального состава хлеботорговцев. Новые материалы приведены о деятельности трех фирм елабужских купцов Стахеевых, в имениях которых «велось крупное, высоко-товарное производство зерна»⁴²⁴. Семейный клан имел 4-е мельницы и 2 винокуренных завода. Кроме полеводства, в имениях было развито животноводство. Важное значение имеет вывод о том, что на каждой пристани был свой самостоятельный социум предпринимателей.

Воссоздан процесс формирования слоя мелких предпринимателей, которые занимались хлебной торговлей на территориях, примыкающих к Самаро-Златоустовской железной дороги. Отмечено, что как и в Оренбургской губернии, скупка хлеба велась на ярмарках и базарах, практиковались закупки зерна в деревнях и хуторах. Показана специфика торговли различных предпринимателей. Следует приветствовать стремление авторов воссоздать портреты коммерсантов русских, башкир, немцев и евреев, купцов, мещан и крестьян. Эти реконструкции вносят своеобразную поэтику, а сам хлебный рынок предстает перед нами как живой организм аграрного строя дореволюционной России.

Изучение регионального хлебного рынка М.И. Роднов продолжил в 2008–2012 гг. Эта работа была завершена, и она стала логическим продолжением монографии, изданной в 2008 г. Я вновь, в который уже раз, стал рецензентом очередной монографии⁴²⁵.

И вот, пробираясь через дерби статистики, таблиц, карт, на которых зафиксировано географическое пространство рынка, схем маршрутов хлебных потоков, я вновь оказался в состоянии дежавю. Когда-то в 90-е годы хлебный рынок Поволжья изучала моя ученица — ныне доктор исторических наук Н.Ф. Тагирова. И вот вновь теперь уже мой новый ученик (как он сам часто повторяет) М.И. Роднов представил на мой суд свою новую книгу. Перед автором монографии стояла сложнейшая задача показать процесс формирования хлебного рынка Уфим-

ской губернии, который складывался из ряда локальных рынков лесостепной и степной полосы, а так же на горных заводах. Большое внимание уделено участию региона в экспортной и внутрirosсийской хлебной торговле.

Подчеркиваю, что изучение пространства хлебного рынка неразрывно связано с необходимостью одновременно вести научную разработку проблем предпринимательства. В этой связи и эта монография густо заселена живыми участниками событий – купцами, предпринимателями, сотрудниками земских учреждений и губернских статистических комитетов, крестьянами-общинниками и крупными посевицами фермерами.

Вновь впечатляет скрупулезность М.И. Роднова, которую он проявил при изучении хлебных грузов по речным путям, которые выполняли важнейшую роль в транспортировке экспортного хлеба в морские порты на Балтике, Черном и Азовским морям.

М.И. Роднов показывает роль и место сети железных дорог (особо выделяя такую магистраль, как Самаро-Златоустовскую железную дорогу) в ускорении процесса формирования хлебного рынка. «Рост товарного земледелия в Башкирии и увеличении объемов вывозившейся продукции, развитие самостоятельного предпринимательского социума на станциях СЗЖД привели к дальнейшему расширению географии поставок⁴²⁶. Автор устанавливает, что вагоны с уфимским хлебом доставлялись на станции Московско-Киевско-Воронежской, Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской, сибирской магистралей, обеспечивая тем самым поставки хлеба на внутренний рынок России и на экспорт⁴²⁷.

Пожалуй, к числу достижений М.И. Роднова следует отнести его реконструкцию пространства регионального хлебного рынка. В этой связи большую значимость приобретает историографический анализ научных трудов экономистов и историков, предпринявших попытку провести районирование хлебной торговли. Он отдает пальму первенства в выделении вариантов локальных рынков. В.П. Семенову-Тяньшанскому и его группе, которые «собрали информацию о развитии всех основных компонентов местного рынка – торговле, ввозе и вывозе, главных центрах сбыта и производства, получив данные практически по всем основным отраслям экономики, от черной металлургии до кондитерского производства, от отправки хлеба до поступления фруктов и бумаги»⁴²⁸.

Не могут не впечатлять наблюдения и выводы М.И. Роднова, которые содержатся в разделе монографии «Уфа – как распределительный центр», который обеспечивал экономику региона промышленными изделиями, снабжал зерном и мукой не только население губернии, но и другие районы Урала. Уфа выполняла роль своеобразного мелкооптового «супермаркета». Автор приводит впечатляющие дан-

ные о создании хлебобулочного и кондитерского производства – производстве булочных изделий, печенья, конфет. Автор анализирует рекламные объявления, заполнившие страницы уфимской прессы: изменился тон рекламных объявлений, «исчезла излишняя комплиментарность, преобладает сухая информация»⁴²⁹. Автору удалось воссоздать картину городской повседневности, приведено географическое размещение городских площадей, на которых шла оживленная торговля; показана роль городской думы в создании инфраструктуры, обеспечивающей производство и сбыт товаров на городском потребительском рынке.

Выявлены потоки зерна, муки, крупы, по которым снабжалось горнозаводское население. Подчеркнута роль железнодорожных поставок и таких центров, как Миасс и Челябинск.

Эти и другие данные позволили М.И. Роднову сформулировать вывод о том, что к концу XIX в. в регионе сложились два основных локальных рынка – северо-западный, бельско-камский и южный, центром которого являлась Самаро-Златоустовская магистраль. Кроме того «сформировалась густая сеть более мелких локальных рынков вокруг центров тяготения – речных пристаней и железнодорожных станций»⁴³⁰. Он так же говорит о наличии двух потребительских рынков – уфимском и горнозаводском. Весьма значим вывод о незавершенности складывания местного хлебного рынка, «экспортная значимость проявлялась не только в существовании огромного слоя полунатурального слабо вовлеченного в товарно-денежные отношения общинного крестьянства (особенно на северо-западе края), но и в узости внутреннего (внутригубернского) спроса на хлеб»⁴³¹. В то же время констатирует, что «внутридеревенская торговля – снабжение бедняцких слоев населения – в разы превышала емкость «городских» рынков»⁴³².

В настоящем обзоре дан историографический анализ исследований, опубликованных М.И. Родновым во второй половине 80-х гг. XX в. и в новейший период вплоть до 2012 г. Выявлены этапы его научной биографии, показана проблематика его научных изысканий.

В последнее время он стал активно изучать помещичье хозяйство Уфимской губернии. Уверен в том, что в его исследовании будут представлены новые оригинальные выводы.

Здесь можно было бы еще много говорить о М.И. Роднове как демографе, историографе и источниковеве, краеведе, воссоздающем живые картины прошлого, публицисте – страстном пропагандисте отечественной истории. Его увлеченность, стремление изучать истину, умение вести дискуссию, несомненно, выделяют его как ведущего историка, находящегося на гребне современной российской историографии.

§ 11. Аграрная история Поволжья в научных трудах Н.Ф. Тагировой

80-е годы XX в. аграрная история Поволжья активно разрабатывалась на кафедре Российской истории Самарского государственного университета. Именно в это время шло становление Самарской научной школы историков-аграрников, в которую помимо преподавателей кафедры входили студенты и аспиранты. Среди них особо выделялась Наиля Фаридовна Тагирова (в студенческие годы – Амирова). Она родилась в семье самарского инженера Фариды Нурғалиевича Амирова, который многие годы работал на предприятиях города Куйбышева, в том числе в Куйбышевском отделении государственного проектного института «Электропроект», а так же Куйбышевском металлургическом заводе им. В.И. Ленина⁴³³. Мама Н.Ф. Тагировой Халида Имадиевна окончила в 1953 г. Куйбышевский педагогический институт, работала в школе учителем английского языка, а затем преподавателем кафедры иностранных языков Куйбышевского политехнического института. Интерес к гуманитарным наукам возник у Н.Ф. Тагировой на школьной скамье. Его пробудили у юной школьницы учитель истории 153 школы г. Куйбышева В.П. Гладкова, О.А. Гриценко, В.И. Яровая., но особое восхищение вызывали занятия, которые шли в рамках факультатива по истории изобразительного искусства, которые вела О.И. Гриценко. Под ее влиянием возникла мечта «стать искусствоведом и ехать поступать в УФУ в уфимский институт искусств»⁴³⁴, для того чтобы стать по завершению учебы искусствоведом или реставратором. К числу любимых предметов относились русская литература и русский язык, которые преподавали Нина Семеновна и Лидия Сидорова Бранчикова.

И все-таки вектор будущей профессии был подсказан отцом Ф.Н. Амировым, который на семейном совете мудро сказал: «Историки везде нужны и в школе и в вузе, и в партийных и в советских органах»⁴³⁵.

После окончания школы Н.Ф. Тагирова подала заявление на исторический факультет Куйбышевского государственного университета, но не прошла по конкурсу на дневное отделение. Под влиянием мамы переложила документы на заочное отделение и наконец получила так значимый для молодежи в те годы студенческий билет. Одновременно Н.Ф. Тагирова была принята на должность пионерской вожатой в родную 153 школу, где она работала около двух лет. Затем течение жизни резко поменялось в связи с переходом на работу в Куйбышевский плановый институт (ныне Самарский государственный экономический университет), где она прошла путь от статистика, лаборанта кафедры, профессора, заведующего кафедрой и директора института.

С Н.Ф. Тагировой я познакомился в январе 1980 г., когда шло распределение студентов, специализирующихся на кафедре Российской истории. Знакомство состоялось благодаря старосте группы Алевтине Суворовой, которая после занятия подошла ко мне с просьбой проконсультировать Н.Ф. Тагирова по поводу темы дипломной работы.

Я уже писал раньше о том, что будучи аспирантом Казанского университета, я обнаружил в Государственном архиве Куйбышевской области фонд отделения Государственного Дворянского земельного банка, в котором отложились свыше 70 тысяч единиц хранения, в которых отложились описи имений дворян Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. В Куйбышевском государственном университете в ходе работы спецсеминара по аграрной истории Поволжья я пытался найти студентов, которые приступили к выявлению и обработке материалов по истории помещичьего хозяйства и в дипломных сочинениях показали бы эволюцию социально-экономического строя помещичьих хозяйств на рубеже XIX – начала XX вв. Изучение этой проблематики было чрезвычайно важным для меня, так как в ходе изучения помещичьего хозяйства можно было найти ответы как о характере аграрного строя, так и об уровне развития аграрного капитализма.

Работа над этой проблемой началась в 1973 г., когда мы с П.А. Савельевым, студентом 3 курса, приступили к изучению этой проблематики. В 1976 г. П.И. Савельев защитил дипломную работу на тему «Помещичье хозяйство Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.». В конце 70-х гг. П.И. Савельев поступил в аспирантуру, где продолжил изучение этой темы с использованием математических и традиционных методов.

Обычно при выборе темы будущей дипломной работы я задаю традиционный вопрос студентам: «Какой проблемой вы желаете заниматься? Чем вы увлекаетесь? Вы поэт или бухгалтер?» Эти вопросы помогают безошибочно определить тему будущего исследования. Я предложил Н.Ф. Тагировой начинать собирать материалы по истории помещичьего хозяйства Уфимской губернии и обратить особое внимание на динамику дворянского землевладения и участие представителей благородного сословия в земельном рынке. В центре внимания молодого исследователя должны были находиться вопросы организации хозяйственной деятельности, взаимоотношения дворян с Дворянским земельным банком и Государственным банком и использование ими долгосрочного и соло-вексельного кредитов.

Меня не могли не восхищать упорство, настойчивость и целеустремленность Н.Ф. Тагировой в изучении теоретических проблем аграрной истории. Помимо работ В.И. Ленина она штудировала также материалы дискуссий конца 50-х–60-х гг. XX в. о характере аграрного строя и многоукладности экономики Российской империи. Поначалу

эти, на первый взгляд, «скучные» проблемы ее не вдохновляли. Кроме того, она должна осваивать помимо традиционных и математические методы. Эти трудности не вызывали восторгов. Нужно было научиться преодолевать прежде всего себя и понять, что в эту проблематику вполне возможно «вдохнуть» поэтику и только тогда будет воссоздана яркая многокрасочная панорама хозяйственной жизни России. Я искренне радовался тому, что студентка-заочница блестяще справилась с поставленными задачами и по итогам защиты была рекомендована для поступления в аспирантуру.

Пришлось внести коррективы в тему исследования. Н.Ф. Тагирова приступила к изучению помещичьего хозяйства в границах Юго-Востока Европейской России – на материалах Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний⁴³⁶. Ее новое исследование было основательно фундировано. Помимо материалов Государственного архива Самарской области, она привлекла документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива, ввела в научный оборот источники, выявленные ею в Уфе и Оренбурге. Новые материалы были приведены диссертанткой о предпринимательской деятельности дворян Юго-Востока Европейской России. Значительный интерес представляют выводы о характере и эволюции социально-экономического строя помещичьих хозяйств.

Защита кандидатской диссертации состоялась в марте 1989 г. в диссертационном совете при Куйбышевском государственном педагогическом институте. Отзыв ведущей организации был подписан руководителем отдела Уфимского института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР крупнейшим историком-аграрником Х.Ф. Усмановым. Официальным оппонентом выступал один из лидеров Средневолжского объединения историков-аграрников доктор исторических наук Ю.И. Смыков, который в своем ярком и эмоциональном выступлении отметил вклад Н.Ф. Тагировой в изучении проблем. Это было, в буквальном смысле этого слова, замечательное выступление, которое завершилось замечанием: «В диссертации нет ясного ответа на вопрос о существовании объективных предпосылок Октябрьской революции». Ответ был сформулирован в русле существовавших в то время представлений. Предпосылки были, так как уровень организации был высоким, капиталистическим.

В отзыве второго оппонента кандидата исторических наук, доцента Н.И. Булатовой так же позитивно оценивались выводы и наблюдения соискателя о характере социально-экономического строя помещичьих хозяйств.

Учеба в аспирантуре совпала с начавшейся перестройкой в СССР. Вал публицистики, в которой раскрывались «белые пятна» в отечественной истории, не могли не повлиять на Н.Ф. Тагирову. В то время члену КПСС Тагировой казалось, что партия сможет преодолеть возни-

кающие трудности, но ее социальные ожидания так же как и других граждан уходили в песок, а вера во всемогущество партии и ее лидеров выветривалась. В условиях быстро меняющейся ситуации спасала семья — муж и дочь. К тому же надо было осваивать курсы лекций по истории экономики и социально-политической истории, разрабатывать проблематику семинарских занятий. Семья и кафедра поглотили все время. Но и в этих условиях она продолжала работу по написанию научных статей. Круг общения существенно расширился. Установились прочные контакты с М.И. Родновым, с которым Н.Ф. Тагирова познакомилась в 1986 г. в Уфе. Начался обмен информацией, монографиями, сборниками статей. Многого дало общение с заведующим кафедрой профессором Н.Л. Клейн, с преподавателями кафедры российской истории П.И. Савельевым, Н.А. Курсковым.

Рубежом в научной карьере стал 1992 г., который открыл новый период в жизни Н.Ф. Тагировой. Она поступила в докторантуру при кафедре Российской истории Самарского государственного университета. Автор этих строк рекомендовал докторанту начать изучение хлебного рынка Поволжья, который стал формироваться в пореформенный период. На семейном совете и родители, и муж, и свекровь не возражали против ее решения. Особо значимой оказалась поддержка свекрови, которая сказала, что не будет возражать против научных командировок. Она сразу же стала участвовать в конкурсах на получение грантов. В 1995 г. выиграла грант Московского общественного научного фонда (МОНФ). Она выявила большое количество материалов, на основе которых она написала текст, в котором был дан анализ ярмарочной торговли в Поволжье в XIX — начале XX в. В 1997 г. МОНФ утвердил грант на тему: «Торгово-экономические связи в Поволжья (вторая половина XIX — начало XX вв.)». Новые компетенции были приобретены Н.Ф. Тагировой в ходе ее участия в летней школе во Владимире. Ее участники разработали, а затем реализовали международный проект «Российская империя и региональный опыт управления». С российской стороны руководителями проекта были П.И. Савельев и А.В. Ремнев. Кроме того, Н.Ф. Тагировой был предоставлен в 1997–1998 г. грант институтом «Открытое общество». Реальная помощь Н.Ф. Тагировой была оказана Московским общественным научным фондом, который в 1999 г. опубликовал ее монографию. В ней подводились итоги изучения проблемы и был дан анализ функционирования хлебного рынка в Поволжье в конце XIX — начале XX вв.⁴³⁷ Финансовая помощь со стороны фондов позволила Н.Ф. Тагировой активней включаться в работу по выявлению документов и материалов в государственных архивах, а так же участвовать во многих научных конференциях и апробировать результаты диссертационного исследования.

Проблема, предложенная автором этих строк И.Ф. Тагировой, не могла не вызвать эмоций. В том числе печальных. Ей было хорошо

известно о существовании громадной литературы по этой проблематике, в которой давались различные оценки и обсуждались дискуссионные вопросы проблемы. Да и на тот момент в качестве классического труда выступала монография И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова о всероссийском аграрном рынке XVIII — начала XX вв.⁴³⁸.

В этой связи она должна была скрупулезно осваивать историографию проблемы и досконально изучить факторы, влиявшие на формирование концептуальных построений историков, а также лидеров представителей политических партий. В ходе изучения историографической ситуации Н.Ф. Тагирова выделила три вектора в научном исследовании. Она рассматривала рынок как объект торговли. В этой связи в центре внимания историка оказались организация торговли, ассортимент, объемы. В качестве второго направления выступает анализ формирования пространства хлебного рынка и его взаимодействие с всероссийским рынком. Изучение этой проблемы органично связано с историей городов и их роли в процессе формирования и функционирования хлебной торговли. Наконец третье направление было связано с изучением инфраструктуры как транспортной, так и финансово-кредитной системами. Так или иначе все эти проблемы нашли отражение в серии научных статей и в содержании докторской диссертации.

Защита докторской диссертации состоялась в феврале 2002 г. в диссертационном совете при Российском независимом институте социальных и национальных проблем, председателем которого был доктор исторических наук, профессор В.В. Шелохаев. Оппонентами выступали: доктор исторических наук Ю.А. Петров (институт Российской истории РАН), Т.М. Китанина (Санкт-Петербургский государственный университет) и Н.А. Проскурякова (Московский педагогический государственный университет). В качестве ведущей организации диссертационный совет утвердил Ульяновский государственный университет. Защита докторской диссертации прошла успешно. Да иначе и не могло быть, так как исследования Н.Ф. Тагировой носило новаторский характер и было выполнено на междисциплинарном уровне. Отмечу наиболее существенные результаты Н.Ф. Тагировой. Диссертация написана на материалах пяти поволжских губерний Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Саратовской, которые органично входили в состав внутренней окраины Российской империи. В тоже время в процессе исследования диссертант сумела представить границы Поволжского рынка. В качестве крупных центров торговли, годовой оборот которых превышал 10 млн пудов зерна, входили и губернские административно-экономические центры Саратов, Самара, Пенза, Казань, а также уездные города Царицын, Бузулук, Сызрань, Чистополь и Покровская слобода⁴³⁹. Историк выделяет второй уровень хлебного рынка, которые выступали в качестве центров реги-

онального уровня (свыше 1 млн пудов). В эту группу вошли Саратовской губернии города с пунктами Хвалынский, Сердобск, Камышин, железнодорожные станции Бекова, Салтыковка, Аткарск, в Самарской губернии пристани Ровное, Баронск, Балаково, Духовицкое, Васильевка, Ставрополь, Красный Яр, станции Богатое, Неприк, Толкай (с. Кинель-Черкасы), Сорочинская, Абдулино, Бугуруслан, в Симбирской губернии город Симбирск, в Казанской г. Тетюши, в Пензенской станции Кузнецк, Башмаково, Саранск⁴⁴⁰. Исследователь также выделила пункты торговли с грузооборотом от 500 тыс. до 1 млн пудов. Свыше 50 пунктов вошли в четвертый (мелкий, местный) уровень хлеботорговли.

Можно также отметить то, что железнодорожные станции и крупные речные пристани выступали в качестве каркаса формирующихся экономических районов. Важное значение при определении пространства хлебного ранка Поволжья приобретала модернизированная во второй половине XIX – начале XX вв. система транспортного сообщения, которая оказывала мощное воздействие на процесс формирования регионального хлебного рынка. Картограммы, опубликованные в монографии Н.Ф. Тагировой, позволяют определить ядро хлебного рынка, которое представляло собой шестиугольник. В узлах его находились Казань, Саратов, Бузулук, Новоузенск, Сердобск, Бугульма, на ребрах – Свияжск, Ардатов, Николаевск, Бугуруслан, Чистополь⁴⁴¹.

Исключительное положение в ядре хлебного рынка занимала Самара. Она находилась внутри шестиугольника и одновременно выступала в качестве крупного транспортного узла в волго-уральском каркасе.

Н.Ф. Тагилова сумела выявить вектор тяготения уездов, расположенных в лесной и лесостепной полосах к территориям других экономических районов. Помимо транспортной инфраструктуры важное значение, по мнению Н.Ф. Тагировой, имели биржи, выступавшие в качестве главных игроков на хлебном рынке, кредитные учреждения, зернохранилища и элеваторы, которые в совокупности «представляли пучок связей»⁴⁴², обеспечивающий бизнес-сообществу деятельное участие в общероссийской хлебной торговле.

Нельзя пройти и мимо такого важного вывода о вторичности демографических процессов. По ее мнению «по отношению к появлению центров торговли»⁴⁴³, они «следовали вслед за развитием транспортной инфраструктуры»⁴⁴⁴.

Вольно или невольно Н.Ф. Тагилова по мере изучения деятельности регионального бизнес-сообщества пришла к выводу о том, что оно стало осознавать общность своих интересов, которая ярко проявлялась «в единой позиции по тарифному вопросу, в работе по улучшению фарватера реки Волга, в едином представительстве биржевых интересов в государственных и местных органах власти...»⁴⁴⁵.

По-новому звучал вывод о том, что на западных территориях региона — в лесной и лесостепной полосах (Пензенская, Казанская и большая часть Саратовской губернии) — сложилась оптимальная система размещения населенных и торговых пунктов (в виде кристаллеровской решетки); на востоке края (Самарская, восточная окраина Казанской губернии) пространственное расположение рынков в большей степени было очаговым⁴⁴⁶. И далее она констатирует, что на западных территориях крестьянское хозяйство было многопрофильным, а в восточном — степном регионе — развивалось монокультурное зерновое хозяйство⁴⁴⁷. Н.Ф. Тагирова сумела убедительно показать все многообразие всех организационных форм в том числе и представителей бизнес-сообщества, участвующих в хлебной торговле. Здесь были представлены как крестьяне, скупщики, банки, биржи. Она подчеркивает сохранение архаики, которая сочеталась с развитыми формами торговли.

Третий этап в творчестве Н.Ф. Тагировой начался после защиты докторской диссертации. В ее семье начались проблемы (болезнь мужа). Но профессиональная карьера складывалась успешно. Она была избрана по конкурсу на должность заведующей кафедры истории экономики. «Высшая аттестационная комиссия присвоила ей звание профессора. Повседневная рутина педагогической жизни: разработка лекционных курсов, рабочих программ, исторических материалов органично сочеталась с научной работой. Н.Ф. Тагирова продолжала сотрудничать с кафедрой Российской истории⁴⁴⁸. Весьма значимым стало ее участие в подготовке и издании монографии по истории Самарского Поволжья⁴⁴⁹. Она включилась в реализацию ряда грантов, в том числе, предоставленного институтом «Открытое общество»⁴⁵⁰. Совместно с П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом она подготовила и опубликовала монографии по истории Юго-Востока Европейской России⁴⁵¹. Следует также отметить ее вклад в подготовку и издание коллективной монографии поволжских историков, в которой прослежено влияние имперской власти на развитие социально-экономического потенциала и социокультурной сферы региона. В новейшее время Н.Ф. Тагирова стала активно сотрудничать с коллективом института истории имени Марджани. Ее доклады на научно-теоретических конференциях в Казани и разделы в коллективной монографии, вышедшей в Казани были позитивно восприняты научной общественностью России⁴⁵².

Как практикующий историк она не могла не участвовать в таком важном социокультурном проекте, как «Энциклопедия Самарской области». Она написала и опубликовала в этом издании статей. Кроме того, перу Н.Ф. Тагировой принадлежит очерк о сельском хозяйстве Российской империи второй половины XIX — начала XX вв., который вошел в состав «Экономической энциклопедии Российской Федерации». В 2012–2013 гг. совместно с автором этих строк она реализовала

проект по истории банковского дела в Самарской губернии. Причем эта проблема рассмотрена на фоне всемирной истории эволюции финансовой системы мира и России⁴⁵³.

К числу положительных заслуг Н.Ф. Тагировой следует отнести и подготовку кадров высшей квалификации кандидатов исторических наук и кандидатов экономических наук. Под ее научным руководством защищено 13 кандидатских диссертаций. Среди множества обязанностей участие в диссертационных советах при Самарском государственном экономическом университете. По ее инициативе проведено три научных конференции, из них две – всероссийские.

Подведем итоги. В научном творчестве одного из ведущих представителей самарской исторической школы Н.Ф. Тагировой условно можно выделить три периода. Становление мировоззрения и профессиональных компетенций шло под воздействием преподавателей кафедры Российской истории, где в рамках специализации определились научные интересы и тема дипломной работы, а затем кандидатской диссертации. Во второй период 1992–1999 гг. научно-исследовательская проблематика существенно расширилась. В ходе разработки теоретических аспектов процесса формирования хлебного рынка, изучение корпуса разработанных источников были выявлены факторы, влиявшие на становление и эволюцию пространства регионального рынка, раскрыт механизм и особенности его функционирования в лесной местности и степной полосе Поволжья и показана его зависимость от транспортной инфраструктуры и финансово-кредитной системы. Эти процессы Н.Ф. Тагирова рассматривает в контексте функционирования российского рынка и хозяйственной конъюнктуры. В новейший период Н.Ф. Тагирова существенно расширила границы своей исследовательской работы и активно включилась в реализацию грантов, что оказало стимулирующее воздействие на изучение, как общих закономерностей, так и особенностей развития аграрной истории Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.

§ 12. Аграрная история Мордовии в сочинениях Н.В. Полина

Н.В. Полин принадлежит к числу региональных историков-аграрников, пользующихся уважением специалистов несмотря на незначительное количество опубликованных исследований⁴⁵⁴. Он родился 22 ноября 1932 г. в с. Гузынцы ныне Большеберезниковского района Республики Мордовия в крестьянской семье. В 1939–1948 гг. вместе с семьей проживал в Хабаровском крае. В 1955 г. окончил Мордовский государственный педагогический институт им. А.И. Полежаева и стал

работать учителем истории Нововерхисской средней школы Инсарского района. С октября 1955 г. по ноябрь 1957 г. служил в рядах Советской армии вначале курсантом, затем командиром отделения в г. Борисов Белорусской ССР. В 1957–1966 гг. — учитель, директор Гузынщиской школы Большеберезниковского района. В 1966–1970 гг. — аспирант сектора истории НИИЯЛИЭ при Совете министров МАССР, в 1970–1978 гг. — научный сотрудник института. В 1971 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. С 1978 г. — старший преподаватель, в 1982–1998 гг. — доцент Саранского кооперативного института Московского университета потребительской кооперации. Умер Н.В. Полин в 2009 г.

Н.В. Полин внес серьезный вклад в изучение аграрных отношений в Мордовском крае в годы Первой мировой войны, защитив в 1971 г. первую кандидатскую диссертацию по данной проблематике в республике⁴⁵⁵. Стоит отметить, что он являлся очень щепетильным исследователем, без достаточных оснований не делал выводов. Для него типичны оговорки, к примеру: «К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о помещичьем землепользовании по всем уездам Мордовии. Поэтому мы лишены возможности давать характеристику в целом...»⁴⁵⁶.

В центре внимания Н.В. Полина находились вопросы социально-экономического развития деревни в годы войны. Им были рассмотрены проблемы аграрного развития края накануне войны. Он вслед за своими предшественниками констатировал сельскохозяйственный характер экономики региона, подчеркивая его отсталость⁴⁵⁷. По его подсчетам крестьянство составляло основную массу населения — 95, 4 %. Несмотря на то, что оно владело 62,5 % всей удобной земли, крестьяне «задыхались от малоземелья, вынуждены были арендовать землю за отработки у помещиков и заниматься отхожими промыслами»⁴⁵⁸.

Н.В. Полин первым попытался определить долю, место и роль помещичьего хозяйства в экономике уездов Мордовии накануне и в ходе войны. Им была высказана мысль о том, что напуганные революцией 1905–1907 гг. помещики края активно продавали свои земли, что привело к сокращению дворянского землевладения. Но, несмотря на это, в руках помещиков находилась большая часть земель личного пользования. По его подсчетам, из общего количества частновладельческой и надельной земли на долю помещиков приходилось 15,8 %⁴⁵⁹. Особенностью региона исследователь считал преобладание крупных помещичьих владений, размером 500 и свыше десятин. На латифундии размером свыше 1000 десятин приходилось 36,9 % помещичьей земли, а имения размером свыше 500 десятин концентрировали 56,4 % всей частновладельческой земли⁴⁶⁰.

Исследователь поставил вопрос о способе ведения помещичьего хозяйства в уездах Мордовии. При поисках ответа на него он опирал-

ся на оценочные описи дворянского банка имений, заложенных или перезаложенных в этот банк, а также переписные бланки частновладельческих хозяйств. На основе материалов трех уездов Пензенской губернии ученый подсчитал, что 27 % владельцев полностью сдавали свои имения в аренду, остальные вели свое хозяйство⁴⁶¹. Им отмечена особенность: чем крупнее было имение, тем больше земли раздавалось в аренду. Данные показали, что владельцы имений до 500 десятин сдавали 2,7–8,6 % своих земель; больше земли сдавали в аренду хозяйства размером до 1 000 десятин, однако их доля в общей массе сдаваемой в аренду земли составляли 45,7 %⁴⁶².

Н.В. Полин убедительно показал, что помещичьи имения, пытающиеся вести рациональное капиталистическое хозяйство, были редким исключением. По его мнению, абсолютно преобладала крестьянская кабальная краткосрочная аренда, а в долгосрочной аренде было только 10,2 % всей сданной земли. Им было установлено, что господствующей формой аренды являлись отработка и испольщина, за деньги же сдавалось всего 30,7 % земель. Он отмечал: «Однако весьма часты были случаи, когда арендная плата устанавливалась в денежной форме, а выполнялась отработками. Естественно, что такие хозяйства слабо использовали усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия»⁴⁶³.

Н.В. Полин считал, что помещики в Мордовии слабо внедряли технические новшества в зерновое хозяйство. Он писал, что помещичьи имения, особенно мелкие, вели свое хозяйство с помощью сох и косуль, применялось в них много и ручного труда. Лучше были обеспечены усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем имения, имевшие экономический посев⁴⁶⁴. Имея недостаточное количество инвентаря, помещики все же мало покупали машины, плуги и другой усовершенствованный инвентарь. Основной причиной слабого внедрения усовершенствованных машин и инвентаря в помещичьем хозяйстве исследователь считал малоземелье окрестного крестьянского населения. Страдая от малоземелья и нищеты, крестьяне шли на работы в имения за очень низкую плату⁴⁶⁵. Н.В. Полин отмечал в помещичьем хозяйстве недостаточное количество не только инвентаря, но и тягловой силы. Поэтому помещики широко прибегали к использованию тягловой силы крестьянского хозяйства, в уездах Мордовии очень часто встречался такой вид найма, как наем работника с лошадью. Исследователь писал: «А это и есть полуфеодалная форма эксплуатации крестьян – прямое продолжение барщины с той только разницей, что теперь крестьянин получал за свою работу деньги»⁴⁶⁶.

Убыль рабочей силы в связи с мобилизациями на фронт затруднила ведение помещичьего хозяйства. Особенно пострадали, как показал Н.В. Полин, те из них, которые практиковали отработочную систему. Возможности для отработок и испольщины сократились, а пере-

ход к капиталистической системе был весьма затруднен⁴⁶⁷. Сокращение рабочих рук помещики пытались покрыть рабочей силой военнопленных, размещенных в большом количестве в уездах Мордовии. Н.В. Полин связывал размещение пленных с вхождением этих территорий в состав Московского и Казанского военных округов, которые были местом формирования и размещения запасных полков и батальонов. Лагерь же военнопленных размещались у мест их дислокации⁴⁶⁸.

Исследователь детально расписывает процедуру применения труда военнопленных, отмечая роль уездных земств, которые распределяли партии военнопленных по имениям, устанавливали нормы их отпуска и т. п. Причем количество военнопленных, используемых в имениях, зависел от размера площади владения. По подсчетам Н.В. Полина из военнопленных, работающих в хозяйствах помещиков, 56,6 % привлекались к труду в имениях, имевших более 1 000 десятин земли. У мелких помещиков трудилось только 10 % всего числа военнопленных⁴⁶⁹. Им были проведены подсчеты заработной платы военнопленного, стоимость труда которого была определена в 16 рублей в месяц, что на 1,5 рубля ниже, чем труд крестьянина. Отсюда исследователем был сделан вывод: «Труд военнопленных, понижая заработки работников по вольному найму, усиливал и без того нехватку рабочей силы в помещичьих хозяйствах»⁴⁷⁰. Ситуацию усугублял и принудительный труд беженцев, которых власти заставляли работать на помещиков, угрожая в противном случае лишением продовольственной помощи — пайка. Н.В. Полин считал, что применение труда военнопленных и беженцев в помещичьем хозяйстве уездов Мордовии оказывало на него двойное воздействие: «С одной стороны, они заменяли труд мобилизованных на войну, с другой — способствовали отливу рабочей силы в промышленность, где оплата труда была выше»⁴⁷¹.

В годы войны, по заключениям Н.В. Полина, перед помещичьим хозяйством уездов Мордовии остро встал вопрос о тягловой силе. По правилам военно-конной повинности помещики отдавали половину лошадей, если их было четное число, и меньшую часть, если поголовье нечетное. Но дворяне, используя свое господствующее положение, перекладывали всю тяжесть повинности на крестьян. Исследователь отмечал: «Если недостаток рабочих рук помещики возмещали трудом военнопленных и беженцев, то для пополнения же тягловой силы подобного резерва не было. Следовательно, война особенно отразилась на таких помещичьих хозяйствах, которые вели свои хозяйства полукрепостнически, ориентировались на крестьянские отработки»⁴⁷².

Н.В. Полин убедительно показал, что в годы войны в помещичьем хозяйстве уездов Мордовии произошли серьезные изменения, которые потребовали перестройки помещичьего земледелия и всего хозяйства в целом. Это диктовалось и экономическими и политически-

ми условиями военного времени. Однако по мнению исследователя, перестроить хозяйство, приспособить его к новым условиям помещики в массе своей не смогли⁴⁷³. Показателями этого он считал:

- резкое сокращение посевных площадей,
- изменение структуры посева за счет уменьшения площадей под продовольственными культурами,
- стремление помещиков получать максимальные прибыли при наименьших затратах труда и капитала и за счет постоянного усиления эксплуатации тружеников деревни.

Исследователь показал, что до войны помещичье хозяйство Мордовии большое количество хлеба расходовало на потребление и во внутридеревенском обороте. Во время войны помещики сократили внутривладельческие расходы хлеба в связи с уменьшением количества скота, прекращением винокурения, до минимума свели продажу зерна местным крестьянам, предпочитая продавать хлеб крупными партиями городам, монастырям и военному ведомству, получая при этом большие прибыли⁴⁷⁴. Причем, по его данным, помещики в Мордовии продавали хлеб на свободном рынке по спекулятивным ценам⁴⁷⁵.

Н.В. Полин показал, как во время войны помещики возмещали убытки путем залогов и перезалогов своих имений, которые приняли массовый характер. Он отметил протекционизм правительства по отношению к дворянам: «Несмотря на войну, требующую огромных расходов, и крайнюю нужду в деньгах Министерство финансов находило средства для продления долгов дворян банкам»⁴⁷⁶. По наблюдениям исследователя, случаи продажи с молотка помещичьих имений в Мордовии во время войны были весьма редким исключением⁴⁷⁷.

Однако в центре внимания Н.В. Полина находилось все же крестьянское хозяйство, которое накануне войны продолжало оставаться на низкой ступени развития. Агротехнику земледелия олицетворяла деревянная соха; на 100 орудий пахоты приходилось только 6,5 единиц усовершенствованного инвентаря. Агрикультуру представляла трехпольная система с преобладанием посевов ржи, овса, проса⁴⁷⁸. Он писал: «В Мордовии были целые селения, где не было ни одного металлического плуга, где землю обрабатывали исключительно примитивной сохой»⁴⁷⁹. Н.В. Полин считал, что крестьянство Мордовии было плохо обеспечено землей, в среднем на 1 хозяйство приходилось 7,8 десятины всех угодий. Это заставляло искать средства существования вне сельского хозяйства. В деревне Мордовии, по подсчетам исследователя, 50,4 % хозяйств и 41,1 % мужчин рабочего возраста занимались промыслами, среди которых преобладали отхожие. Без них крестьянское хозяйство обойтись не могло, так как отход поглощал значительную часть избыточной рабочей силы. Заработок каждого «промышленника» играл огромную роль в улучшении материального положения семьи и при выплате различных сборов и податей⁴⁸⁰.

Большое внимание Н.В. Полин уделил степени социального расчленения крестьянства Мордовии накануне войны. При распределении крестьян к различным социальным группам он учитывал не только количество земли и посева, наличие лошадей, но и наличие торгово-промышленных заведений и сложных сельскохозяйственных машин⁴⁸¹. К зажиточной кулацкой верхушке им были отнесены все дворы с торгово-промышленными заведениями, с посевом десять и более десятин, с тремя и более лошадьми и дворы с 20 и более десятинами удобной земли. В пролетарскую и полупролетарскую группу он включил дворы без посева, с посевом до 6 десятин. Остальные хозяйства он отнес к середняцкой группе⁴⁸². Размышляя о расчленении крестьянства, Н.В. Полин попытался определить особенности этого процесса: «Всевозможные остатки крепостничества тормозили пролетаризацию деревни Мордовии, она проходила более медленными темпами, чем в целом по стране. Поэтому распространенной фигурой был не сельскохозяйственный рабочий, а пролетарий с наделом. Собственное его хозяйство было настолько мало, что оно не могло обходиться без постоянной продажи рабочей силы.

Носителем капиталистических тенденций в деревне, несмотря на известную тягу к ростовщичеству, было зажиточное крестьянство. Однако кулаки не смогли еще захватить господствующих позиций в земледельческом производстве Мордовии»⁴⁸³.

Исследователь отметил появление в годы войны небольшого слоя преимущественно середняцких хозяйств, которые прежде обходились рабочей силой своей семьи, а в условиях войны вынуждены были нанимать батраков, чтобы восполнить убыль рабочих рук в хозяйстве⁴⁸⁴.

Н.В. Полин первым в региональной историографии обратился к серьезному исследованию промышленности Мордовии в годы войны, ее связи с аграрными отношениями в крае. По его мнению, война оказала на промышленное производство региона заметное влияние. Он отметил, что огромные прибыли, преимущества в снабжении сырьем и материалами, легкий сбыт приводили к тому, что предприниматели стали перестраивать свои заведения на удовлетворение заказов военного ведомства⁴⁸⁵. Исследователь проанализировал роль военно-промышленных комитетов в уездах Мордовии, которые, по его мнению, способствовали заключению договоров с предпринимателями на выполнение военных заказов, участвовали в распределении сырья и т. д.⁴⁸⁶

Н. В. Полин констатировал нарастание трудностей промышленного производства по мере продолжения войны, а затем и его сокращение. Среди причин создавшейся ситуации им были выделены перебои в снабжении сырьем и материалами из-за развала транспорта, топливный голод, острая нехватка нефти, мазута, угля⁴⁸⁷. По его данным, особенно в тяжелом положении оказались кустарные предприятия по обработке металла, кризис охватил промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья⁴⁸⁸.

Общий вывод Н.В. Полина сводился к утверждению: «В Мордовии, как и в целом по России, в начале войны промышленное производство расширяется. Отдельные предприятия увеличивают выпуск продукции. Открываются новые промышленные заведения по переработке кож и шерсти, пошивочные и валяльные мастерские. Однако разруха транспорта, сырьевой кризис и топливный голод привели к тому, что уже в 1916 году предприятия резко сокращают свое производство. Многие закрываются. В годы войны увеличивается доля женского и детского труда. Большие прибыли получали предприниматели от применения эксплуатации военнопленных и беженцев... В годы войны усиливается эксплуатация рабочих, отменяются те куцые «рабочие» законы, которые были завоеваны рабочими. Усиление эксплуатации, рост дороговизны, спекуляция порождали у рабочих антивоенные, антиправительственные настроения»⁴⁸⁹.

Н.В. Полин первым в историографии обратился к собственно военной стороне истории Мордовского края той эпохи. По его подсчетам, из двух городов Мордовии (Саранск и Инсар) за 1914–1916 гг. на фронт было отправлено 269 маршевых рот, т.е. около 74 тысяч солдат⁴⁹⁰. Как воинский центр он особо выделял Саранск, где в мирное время находилось 14 рот 180-го полка 45-й запасной бригады, а к октябрю 1915 г. были сосредоточены 101-й и 234-й полки этой же бригады с общим количеством личного состава 13 496 солдат – «это на несколько тысяч превышало взрослое население города»⁴⁹¹. Всего же, по подсчетам исследователя, из уездов, вошедших в состав современной Мордовии, было мобилизовано 152 456 человек, или 49,5 % всех трудоспособных крестьян⁴⁹². По вопросу численности мобилизованных на фронт из уездов Мордовии Н. В. Полин подверг критике подсчеты И.И. Фирстова, который утверждал, что в бедняцко-средняцких хозяйствах Мордовии в 1917 г. было 308 280 мужчин, из них 161 348 человек мобилизовано в армию (52,3 % всех трудоспособных мужчин). По его же подсчетам, трудоспособных мужчин было 308 290 человек, мобилизовано – 152 456 человек (49,5 % всех мужчин). Причем общее количество мужчин было во всех категориях крестьянских хозяйств, а не только в бедняцко-средняцких как у И.И. Фирстова⁴⁹³.

Н.В. Полин показал рост революционности солдатской массы, он писал: «Солдаты, в большинстве вчерашние крестьяне, все более убеждались в гнилости царского самодержавия. На каждом шагу они встречали продажность военного начальства, взяточничество и казнокрадство. По отношению к солдатам процветали издевательства и произвол офицеров. Все это в сочетании с антиимпериалистической агитацией большевиков на фронте и в тылу заставляло солдат задумываться над тем, кому нужна война и что она дает крестьянству»⁴⁹⁴. В качестве доказательства данных положений исследователь привел обобщенные материалы военных цензоров, анализировавших солдатские письма.

По его словам, с продолжением войны солдаты стали писать о своей усталости от войны, о ее никчемности для широких слоев населения, о том, что война тяжелым бременем легла на плечи рабочих и крестьян, тогда как помещики и капиталисты наживаются на войне.

Н.В. Полин писал о роли солдатских писем в подъеме антивоенных и антиправительственных настроений среди крестьянства Мордовии. Он же указал на определенное место в этом процессе дезертирства с фронта, с эшелонов, следовавших на фронт или места формирования частей, которое приняло массовый характер⁴⁹⁵. Среди факторов, способствующих революционизированию крестьянства Мордовии, по мнению исследователя, следует назвать рассказы очевидцев военных действий, солдат, возвратившихся на побывку по ранению или болезни, инвалидов: «Они своими рассказами о войне поднимали антивоенные настроения трудящихся, выступали организаторами аграрных волнений, показывали пример неповиновения правительственным чиновникам»⁴⁹⁶. Исследовались Н.В. Полиным и процессы воздействия на население уездов Мордовии случаев неповиновения солдат местных гарнизонов и расправ над ними.

Наконец, Н.В. Полин проанализировал материал об экономическом положении трудящихся города и деревни в годы войны. Он дал критику взглядов буржуазных ученых и земцев о положении крестьян в годы войны, показал рост налогового бремени, охарактеризовал несостоятельность царской администрации наладить продовольственное дело, писал о росте дороговизны и спекуляции. Исследователь убедительно опроверг мнение об улучшении положения крестьянства Мордовии в годы войны. Он вскрыл ошибочность подсчетов, в соответствии с которыми суммы сократившегося расхода на водку механически переносились в доход, учитывались только новые доходы, а изменение старых доходов и расходной части крестьянских бюджетов не принимались во внимание. Он отметил резкое сокращение потребления крепких напитков в деревне Мордовии с начала войны. Однако в расход, по его мнению, можно отнести только те суммы довоенного расхода, которые тратили лица, оставшиеся в деревне — в основном старики, женщины. А их расходы на спиртное и до войны были незначительными⁴⁹⁷.

Н.В. Полин детально проанализировал изменения бюджета крестьянской семьи в годы войны, выделив наиболее важные трансформации:

- с начала мобилизации семьям призванных в армию стали выдавать продовольственные пайки, выраженные в деньгах;
- мобилизация мужского населения резко снизила заработки местных и отхожих промыслов, сократила доход всего хозяйства;
- изменилось участие различных по типу хозяйств в промысловой деятельности, в результате чего доходы от «промыслов» возросли только у зажиточной верхушки деревни;

– возросли расходы трудовых масс на покупку хлеба и других продуктов, цены на которые быстро поднимались⁴⁹⁸.

Общий вывод исследователя сводился к утверждению: «Изучение материального положения деревни Мордовии в годы первой мировой войны дает основание для вывода о резком снижении благосостояния широких масс трудящихся, об обнищании беднейшего крестьянства»⁴⁹⁹. Фактором, усиливающим негативные тенденции в жизни крестьян, Н.В. Полин считал продовольственную политику царизма, которая способствовала росту дороговизны и развитию спекуляции. Под влиянием все возрастающих бедствий и лишений, по его мнению, росли антивоенные и антиправительственные настроения, возникала основа для обострения классово-борьбы в деревне. Им приведена динамика крестьянских выступлений: второе полугодие 1914 г. – 9 выступлений, 1915 г. – 14, 1916 г. – 22⁵⁰⁰. Особенностью крестьянского движения в регионе он считал участие в нем представителей русских, мордвы, татар, проживающих в крае⁵⁰¹.

Необходимо отметить, что в 1990-е гг. отдельные положения Н.В. Полина подвергались критике. Так, И.Б. Ниманов считал, что исследователь слишком большое значение придавал политической агитации большевистской партии, которая наряду с тяготами и лишениями в годы войны играла огромную роль в изменении психологии крестьянских масс. По его замечанию, с подобными суждениями сейчас нельзя согласиться⁵⁰². Его поддержала М.Д. Журавлева, которая писала, что в годы Первой мировой войны агитация ни одной из политических партий не играла значительной роли в изменении общественного сознания крестьянства⁵⁰³.

Значение исследований Н.В. Полина по истории крестьянства и сельского хозяйства Мордовского края в годы Первой мировой войны велико. Он фактически первым в региональной историографии с подлинно научных позиций рассмотрел проблемы деревни в годы войны, считая их узловыми в понимании общей ситуации в крае. Он показал обусловленность ими развития промышленности, положения в уездных городах, социального развития, общественно-политических процессов регионального уровня.

Примечания

¹ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975 г.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения: 19.09.2014).

³ Вопросы истории. 1971. № 1.

⁴ Арутюнов Г.А. От комиссии по изданию трудов С.М. Дубровского // Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

⁵ Арутюнов Г.А. От комиссии по изданию трудов С.М. Дубровского. С. 3.

⁶ Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское крестьянство. М.: Новая деревня, 1922.; изд-е 2. М., 1923.

⁷ См.: Арутюнов Г.А. Указ. соч. С. 8–9

⁸ 1905. Аграрное движение в 1905–1907 гг. Т. 1 / сост. С. Дубровский, Б. Граве. М.; Л., 1925.

⁹ Дубровский С.М. Столыпинская реформа, капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925: II изд. М., 1930.

¹⁰ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001 С. 25.

¹¹ Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 24.

¹² Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 502.

¹³ Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализме, крепостничества и торгового капитала. Л., 1929.

¹⁴ Арутюнов А.Г. Указ. соч. С. 7.

¹⁵ Дубровский С.М. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

¹⁶ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. С. 502.

¹⁷ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

¹⁸ Слепнев И.Н. Список печатных трудов А.М. Анфимова // Россия сельская. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 12–24.

¹⁹ См. Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова // Россия сельская. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 6.

²⁰ Анфимов А.М. Сельское хозяйство России в годы Первой мировой войны (до Февральской революции 1917 г.): автореф. ... дис. канд. исто. наук. М., 1955.

²¹ Россия сельская. XIX – начало XX века. М., РОССПЭН, 2004.

²² Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова // Россия сельская. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5.

²³ Там же.

²⁴ Динамика землевладения в России. 1906–1914. М., 1989.

²⁵ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова // Россия сельская. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 8.

²⁶ Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960. М., 1962.

²⁷ Анфимов А.М. О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2 и др.

²⁸ Вопросы истории капиталистической России: проблемы многоукладности. Свердловск, 1972.

²⁹ URL: <http://www.enci.ru/W/index.php?title> 9.10.2014 г.

³⁰ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в XX веке. М., 1961; Он же. Российская деревня в годы Первой мировой войны.

³¹ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969.

³² Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М., 1980. С. 7.

³³ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881–1904. М., 1984.

³⁴ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова. // Россия сельская. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 9.

³⁵ Анфимов А.М. О долге крестьянства России Крестьянскому поземельному банку // Вопросы истории. 1955. № 1.

³⁶ Анфимов А.М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1965. Т. II. С. 461–466; Он же. Крах Столыпинской аграрной политики. М., 1965. С. 491–498.

³⁷ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973.

³⁸ Слепнев И.Н. Указ соч. С. 23–24.

³⁹ Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1992. № 6. С. 54–55.

⁴⁰ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991.

⁴¹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

⁴² Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М., 1995.

⁴³ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Указ. соч. С. 10.

⁴⁴ Дамешек Л.М. Слово об учителе (мои встречи с Виктором Григорьевичем Тюкавкиным // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2003. № 1. С. 268–271.

⁴⁵ Лубков А.В. Слово о коллеге и учителя (вместо предисловия) // Проблемы новой и новейшей истории России. М., 1999.

⁴⁶ Киселев А.Ф. Созидатель // Кафедра профессорские розы. М., Логос, 2006. С. 45–61.

⁴⁷ Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. Самара, Изд-во «Самарский университет», 2012. С. 220–221.

⁴⁸ см.: Иркутск: Историко-краеведческий словарь. Иркутск., 2011; Летопись города Иркутска 1941–1991 гг. (сост. предисловия и примечаний Ю.П. Колмакова). Иркутск. 2010; Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образы техники г. Иркутска. Аннотированный каталог. Иркутск. 2008; Энциклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкала. URL: <http://irkipedia.ru/> (дата обращения: 21.05.2014).

⁴⁹ Библиотека Сибирского краеведения // <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/tyukavkin-viktor-grigorevich/> (дата обращения: 21.05.2014); Историческая энциклопедия Сибири. URL: <http://sibhistoryedu54.ru>.

⁵⁰ Занданова Л.В. В.Г. Тюкавкин – ученик и продолжатель дела В.И. Дулова // Учителя, ученики / Материалы региональной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию В.И. Дулова Кн. I. Иркутск. 2003.

⁵¹ Киселев А.Ф. Нравственные уроки профессора В.Г. Тюкавкина // Высшее образование в России. 2003. № 3.

⁵² Полунина Н. Памяти первого иркутского архитектора – реставратора Галины Геннадьевны Оранской к 100-летию со дня рождения// <http://www.baikal-urkzem.ru/node/1005/> (дата обращения: 21.05.2014).

⁵³ Тюкавкин В. Г. Воспоминания о первых шагах общества охраны памятников в Иркутске. // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 89–92.

⁵⁴ Переписка с Николаем Михайловичем Тюкавкиным 25 июля 2014 г. Личный архив автора.

⁵⁵ Личный архив автора. Переписка с Н.М. Тюкавкиным.

⁵⁶ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа., М.,2001. С.3; см.:Давыдов М.А. Правда о Столыпинской реформе // <http://nolit.ru/article/2007/02/08/davydov/> 25.04.2014 г.

⁵⁷ Киселев А.Ф. Кафедра. М., Логос., 2006., С. 47–48.

⁵⁸ Цитирую по: Киселев А.Ф. Кафедра профессорские розы. С. 48.

⁵⁹ Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период Столыпинской реформы: автореф. ... дис. канд. истор. наук. Иркутск. С. 2.

⁶⁰ Там же. С. 1.

⁶¹ Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период Столыпинской реформы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. С. 5.

⁶² Там же. С. 6.

⁶³ Там же. С. 8.

⁶⁴ Там же. С. 8.

⁶⁵ Там же. С. 9.

⁶⁶ См там же.

⁶⁷ Тюкавкин В.Г. Там же С. 14.

⁶⁸ См. подробнее: Кабытов П.С., Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в. Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013. С. 33.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. Тюкавкин В.Г. Проведение «нового курса» переселенческой политики в Восточной Сибири (1911–1917 гг.) // Научные доклады высшей школы. М., 1958. № 4.

⁷¹ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие Сибирской деревни в эпоху империализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 12.

⁷² Особенности аграрного строя России в период империализма: материалы сессии научного совета по проблеме «исторические предпосылки Великой октябрьской социалистической революции, май 1960 г. М., 1962; Анфимов А.М. О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972 г.

⁷³ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие Сибирской деревни в эпоху империализма: автореф. ... дис. д-ра ист. наук. М., 1966.

⁷⁴ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне октября. К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции. Иркутск, 1966.

⁷⁵ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни... С. 4.

⁷⁶ См.: Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни... С. 10.

⁷⁷ См.: там же. С. 19.

⁷⁸ См.: там же. С. 21.

⁷⁹ Там же. С. 28.

⁸⁰ Там же. С. 28, 29.

⁸¹ Там же. С. 32.

⁸² Там же. С. 37.

⁸³ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни. С. 37.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Цит. по: Киселев А.Ф. Кафедра. Профессорские розы. С. 49.

⁸⁶ Очерки истории Сибири / под ред. В.Г. Тюкавкина. Иркутск, 1972.

⁸⁷ Очерки по истории Иркутской области. Учебное пособие. Иркутск. 1970.

⁸⁸ Киселев А.Ф. Кафедра. Профессорские розы. С. 45.

⁸⁹ Тюкавкин В.Г. Влияние Столыпинской аграрной реформы на правовое и социально-политическое положение крестьянства // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Воронеж. 25–28 сентября 1980 г. М., 1980. С. 90.

⁹⁰ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. В.И. Ленин о трех российских революциях (социально-экономические проблемы). Учебное пособие по спецкурсу для студентов исторических факультетов. М., 1984.

⁹¹ Там же. С. 6.

⁹² Там же. С. 53.

⁹³ Там же. С. 54.

⁹⁴ Там же. С. 54.

⁹⁵ Там же. С. 41.

⁹⁶ Там же. С. 43.

⁹⁷ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций: книга для учителя. М.: Просвещение. 1987г.

⁹⁸ Там же. С. 107.

⁹⁹ Там же. С. 109.

¹⁰⁰ Там же. С. 114–115.

¹⁰¹ Там же. С. 115.

¹⁰² Там же. С. 116.

¹⁰³ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993.

¹⁰⁴ Тюкавкин В.Г. Предисловие / Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. С. 3.

¹⁰⁵ Там же. С. 11.

¹⁰⁶ Там же. С. 19.

¹⁰⁷ Там же. С. 20.

¹⁰⁸ Там же. С. 21.

¹⁰⁹ Там же. С. 22.

¹¹⁰ См.: Там же. С. 22–23.

¹¹¹ Там же. С. 25.

¹¹² Там же. С. 25.

¹¹³ Там же. С. 31.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 5.

¹¹⁶ Там же. С. 6.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 3.

- ¹¹⁹ Там же. С. 7.
¹²⁰ Там же. С. 11.
¹²¹ Там же. С. 11.
¹²² См.: там же. С. 21.
¹²³ Там же. С. 16.
¹²⁴ Там же. С. 17.
¹²⁵ Там же. С. 18.
¹²⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 28. С. 258.
¹²⁷ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство. С. 20.
¹²⁸ Там же. С. 20.
¹²⁹ Там же. С. 21.
¹³⁰ Там же. С. 24.
¹³¹ Там же. С. 25.
¹³² Шанин Т. Революция как момент истины: 1905–1907. М., 1997.
¹³³ Там же. С. 12, 14, 15.
¹³⁴ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство. С. 28.
¹³⁵ Там же. С. 29.
¹³⁶ См.: там же. С. 30.
¹³⁷ См.: там же. С. 32.
¹³⁸ Там же. С. 43.
¹³⁹ Там же. С. 34.
¹⁴⁰ См.: там же. С. 35.
¹⁴¹ Там же. С. 38.
¹⁴² Там же.
¹⁴³ Там же. С. 39.
¹⁴⁴ Там же. С. 49.
¹⁴⁵ Там же. С. 51.
¹⁴⁶ Цит. по: Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство. С. 54.
¹⁴⁷ Там же. С. 55.
¹⁴⁸ Там же. С. 79–80.
¹⁴⁹ Там же. С. 82.
¹⁵⁰ Там же. С. 91.
¹⁵¹ Там же. С. 111–112.
¹⁵² Там же. С. 112.
¹⁵³ Там же. С. 125.
¹⁵⁴ Там же. С. 125.
¹⁵⁵ Там же. С. 125–126.
¹⁵⁶ Там же. С. 129.
¹⁵⁷ Там же. С. 133.
¹⁵⁸ Там же. С. 139.
¹⁵⁹ Там же. С. 152.
¹⁶⁰ См: там же. С. 154.
¹⁶¹ Там же. С. 157.
¹⁶² Там же. С. 161.

- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 168.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 170.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 174.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 178.
- ¹⁶⁹ См.: там же. С. 182–184.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 186.
- ¹⁷¹ Там же. С. 193.
- ¹⁷² Там же. С. 296.
- ¹⁷³ Там же. С. 301.
- ¹⁷⁴ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. С. 116–118.
- ¹⁷⁵ См. подробнее: Кабытов П.С. Профессор Григорий Алексеевич Герасименко // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения. Отдельный оттиск. 2009. Т. 9. 27 с.
- ¹⁷⁶ См.: Кабытов П.С., Г.А. Герасименко, В.П. Семьянинов. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. 228 с. // Вопросы истории 1982. № 1. С. 129–131; Седов А.В. Шагин Э.М. Герасименко Г.А., В.П. Семьянинов Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. 228 с. // История СССР, 1982. № 5. С. 162–163; Пушкирева И.М. Г.А. Герасименко. Борьба крестьян против Столыпинской аграрной политики. Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 344 с. // История СССР, 1988. № 3. С. 181–184; Кабытов П.С. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М. Наука 1990. 264 с. // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 243–245, и др.
- ¹⁷⁷ Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.), Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1966; Он же. Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1968.
- ¹⁷⁸ Октябрь в Поволжье. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1967.
- ¹⁷⁹ Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.). С. 14.
- ¹⁸⁰ Октябрь в Поволжье. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1967.
- ¹⁸¹ Герасименко Г.А. Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1968. 51 с.
- ¹⁸² Там же. С. 19, 20.
- ¹⁸³ Герасименко Г.А. Возникновение Советов в Нижнем Поволжье (1917 – начало 1918 гг.) // Аспирантский сборник (история СССР). Вып. 1. Саратов, 1965. С. 50.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 49.

¹⁸⁵ Там же. С. 51.

¹⁸⁶ Герасименко Г.А. Ефрем Игнатьевич Медведев и создание коллективного труда по истории революций 1917 года в Поволжье // Историки и история в меняющемся мире. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Медведева. Самара, 2003. С. 13.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Личный архив автора.

¹⁸⁹ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 первой половине 1918 гг. на материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 33.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же. С. 33.

¹⁹² Там же. С. 34.

¹⁹³ Там же. С. 39.

¹⁹⁴ Там же. С. 55.

¹⁹⁵ Там же. С. 58.

¹⁹⁶ см.: Там же. С. 67.

¹⁹⁷ Там же. С. 94.

¹⁹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹⁹ Там же. С. 164.

²⁰⁰ См.: Там же. С. 164.

²⁰¹ Там же. С. 165.

²⁰² См.: Там же. С. 172, 175.

²⁰³ Там же. С. 213.

²⁰⁴ См.: Там же. С. 212.

²⁰⁵ Gerasimenko G.A. Local Organisation in 1917 and the First of 1918. 1978.

²⁰⁶ Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. 228 с.

²⁰⁷ Там же. С. 20.

²⁰⁸ Там же. С. 43.

²⁰⁹ Там же. С. 60.

²¹⁰ Там же. С. 77.

²¹¹ Там же С. 78.

²¹² Там же.

²¹³ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против Столыпинской аграрной реформы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 343 с.

²¹⁴ Там же. С. 341.

²¹⁵ Там же. С. 324.

²¹⁶ См.: Там же. С. 5.

²¹⁷ Там же. С. 4.

²¹⁸ Там же. С. 29.

- ²¹⁹ См.: Там же. С. 29, 55.
- ²²⁰ Там же. С. 252.
- ²²¹ Там же. С. 333.
- ²²² The Zemstvo in Russia. An experiment in local Seelgovernment. Cambridge University press, 1982.
- ²²³ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 4.
- ²²⁴ Там же. С. 4.
- ²²⁵ Там же. С. 51.
- ²²⁶ Rosenberg W/ The Zemstvo in 1917 and under the Bolshevic Rule. Zemstvo in Russia. Camdridge University Press, 1982. P. 402, 403, 405.
- ²²⁷ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. Общественные исполнительные комитеты. М., 1992.
- ²²⁸ Там же. С. 4.
- ²²⁹ Там же.
- ²³⁰ Там же. С. 8.
- ²³¹ Там же. С. 10.
- ²³² Там же. С. 13.
- ²³³ Там же. С. 16.
- ²³⁴ Там же. С. 57.
- ²³⁵ Там же. С. 83.
- ²³⁶ Там же. С. 109.
- ²³⁷ Там же. С. 196.
- ²³⁸ Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 2005.
- ²³⁹ Там же. С. 8.
- ²⁴⁰ Там же. С. 17.
- ²⁴¹ Там же. С. 19.
- ²⁴² Там же. С. 24—25.
- ²⁴³ Там же. С. 74.
- ²⁴⁴ Там же. С. 80.
- ²⁴⁵ Там же. С. 156.
- ²⁴⁶ Там же. С. 160.
- ²⁴⁷ Храмков Л.В. Ефрем Игнатьевич Медведев // Вопросы Отечественной и Всеобщей истории. Куйбышев, 1974; Он же. Коммунист, ученый, педагог // Университетская жизнь. Самара, 1979. 4 апреля и др.
- ²⁴⁸ Историки и история в меняющемся мире: материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Медведева. Самара, 2003.
- ²⁴⁹ Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатьевич Медведев. Человек, ученый, педагог. Самара, 2006.
- ²⁵⁰ Литвин А.Л. Октябрь и гражданская война в Поволжье в первых трудах советских историков // Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. М., 1978; Литвин А.Л., Циунчук А.Г. Создание и деятельность Татарского истпарта (1920—1939 гг. // Истори-

- ография федосеевских марксистских кружков Поволжья. Казань, 1972.
- ²⁵¹ Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатъевич Медведев. Человек, ученый, педагог. Самара, 2006; См. также: Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1979.
- ²⁵² См. напр.: Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982. С. 50 и др.
- ²⁵³ См.: История Татарии в материалах и документах. Казань, 1937.
- ²⁵⁴ Медведев Е.И., Григорьев А.И., Булатов М.Р. Об октябрьском вооруженном восстании в Казани в 1917 г. Казань, 1948.
- ²⁵⁵ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции: Материалы у изучению истории империалистической и гражданской войны. Казань, 1932.
- ²⁵⁶ Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982. С. 50.
- ²⁵⁷ Медведев Е.И. Октябрьская революция в Самарской губернии. Куйбышев, 1957; Писарев В.И., Медведев Е.И., Наякшин К.Я., Каревский Ф.А. Борьба за советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев, 1957; Медведев Е.И. Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге. Куйбышев, 1959 и др.
- ²⁵⁸ Медведев Е.И. Аграрные преобразования в самарской деревне в 1917–1918 гг. Куйбышев, 1958 и др.
- ²⁵⁹ Там же. С. 26–53, 62–80.
- ²⁶⁰ Там же. С. 10.
- ²⁶¹ Там же. С. 20.
- ²⁶² Там же. С. 29.
- ²⁶³ Шестаков В.А., Кабытов П.С. Указ. соч. С. 71. См. также: Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Указ соч. С. 151.
- ²⁶⁴ Там же.
- ²⁶⁵ Медведев Е.И. Установление и упрочнение советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958.
- ²⁶⁶ Октябрь в Поволжье. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967.
- ²⁶⁷ Там же. С. 487.
- ²⁶⁸ Медведев Е.И. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970.
- ²⁶⁹ Там же. С. 31.
- ²⁷⁰ Там же. С. 143.
- ²⁷¹ Федорова Н.А., Телишев В.Ф. Иван Михайлович Ионенко 1913–1983. Изд-во Казан. ун-та, 2002. 35 с.
- ²⁷² Кабытов П.С. И.М. Ионенко – историк Октябрьской революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории Куйбышев, 1973; Кабытов П.С., Шестаков В.А. Творческий путь И.М. Ионенко // Крестьянство Поволжья в Октябрьской революции и гражданской войне.

Куйбышев, 1983; Кабытов П.С. Вступительная статья к публикации писем И.М. Ионенко «Мы победим, если обеспечим высокую нравственность...» // Самарский ежегодник. Самара, 1993.

²⁷³ Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1978.

²⁷⁴ Силаева Н.М., Сальникова А.А. Источники по истории крестьянского движения в среднем Поволжье в период Великого Октября. Казань, 1985.

²⁷⁵ Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань, 1999.

²⁷⁶ Федорова Н.А., Телишев В.Ф. Иван Михайлович Ионенко 1913–1983. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2002. С.4.

²⁷⁷ Там же. С. 5.

²⁷⁸ Ионенко И.М. К вопросу о роли смоленских полков в Грюнвальдской битве // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Т. XIX. Л., 1939.

²⁷⁹ Ионенко И.М. Революционная борьба крестьянства казанской губернии накануне Октябрьской революции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань, 1957.

²⁸⁰ Вопросы истории. 1960. № 5. С. 96; Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение М., 2006. С. 26.

²⁸¹ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне октября: сб. документов и материалов / сост. Н.М. Силаева., науч. ред. И.М. Ионенко. Казань, 1958.

²⁸² Ионенко И.М. Солдаты и матросы в борьбе за землю накануне Великого Октября: сб. статей Казанской Высшей партийной школы. Казань, 1958.

²⁸³ Ионенко И.М. Борьба большевиков Казани за управление войсками и проведение демобилизации старой армии в национальном военном округе // Из истории классово-политической борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. Казань, 1962; Он же. Борьба вокруг национальных формирований в связи с демократизацией старой армии // Итоговая научная конференция КГУ за 1961 г. г. Казань, 1962 и др.

²⁸⁴ Ионенко И.М. Об изучении Октябрьской революции в Поволжье // Из истории классово-политической борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. – Казань. 1962; Он же. К вопросу о национально-демократическом движении солдатских масс от Февраля к Октябрю 1917 г. // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II–III. Казань, 1969; Ионенко И.М. рецензия на книгу: П.С. Кабытов Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Изд-во Саратовского ун-та, 1982. 200 с. // История СССР. 1985. № 2. С. 183–185.

²⁸⁵ Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967.

²⁸⁶ Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1978.

²⁸⁷ Кабытов П.С. Судьба-эпоха. Автобиография историка. М., 2011. С. 110–112.

²⁸⁸ Там же. С. 112.

²⁸⁹ Кабытов П.С. Нелла Львовна Клейн: штрихи к портрету историка // Человек в экономике: исторический дискурс. Материалы Всероссийской научной конференции по экономической истории, посвященной 80-летию профессора Н.Л. Клейн. 17–18 мая 2007 г. Самара. 2007. С. 3–6.

²⁹⁰ Тагирова Н.Ф. Н.Л. Клейн – заведующая кафедрой экономической истории Куйбышевского планового института // Человек в экономике: исторический дискурс. Материалы Всероссийской научной конференции по экономической истории, посвященной 80-летию профессора Н.Л. Клейн. 17–18 мая 2007 г. Самара, 2007. С. 7–11.

²⁹¹ См.: Исторические науки. М., 1959.

²⁹² Клейн (Хайкина) Н.Л. Земские учреждения Самарской губернии в 1864–1881 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961.

²⁹³ Кабытов П.С., Арнольдов А.Н и др. Самарское земство: опыт практической деятельности. Самара, 2009.

²⁹⁴ Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Саратов, 1981.

²⁹⁵ См.: Клейн Н.Л. Экономическое развитие... С. 11.

²⁹⁶ Там же. С. 11.

²⁹⁷ Там же. С. 129.

²⁹⁸ Там же. С. 129.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. С.136.

³⁰¹ О П.С. Кабытове см.: Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России. М., 1995. С. 123–124; Историки России. Кто есть Кто в изучении отечественной истории. Библиографический словарь. Саратов, 1998. С. 151–152. Савельев П.И. Ученый, гражданин, патриот // Самарский земский сборник. 2001. №. 1. С. 124–130; Он же. Ученый и учитель // Самарский земский сборник. 2006. №. 1–2. С. 5–9; Смирнов Ю.Н. Гражданин, патриот, просветитель: по материалам публицистики, научно-популярных работ и мемуаров П.С. Кабытова // Там же. С. 10–22; Историк, общественный деятель, педагог // Там же. С. 23–25; Выдающийся исследователь и организатор исторической науки (К юбилею Петра Серафимовича Кабытова) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 10–12; Кабытова Н.Н. Петр

Серафимович Кабытов: путь в науку – от студента до профессора // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. С. 8–14; Роднов М.И. История российского крестьянства: взгляд Кабытова // Там же. С. 15–23; Тагирова Н.Ф. Историко-аграрная научная школа профессора П.С. Кабытова // Там же. С. 30–43; Завальный А.Н. Профессор Кабытов в контексте самарской истории // Там же. С. 44–47 и др.

³⁰² См.: Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Самара, 1993; 1994. Т. 1–4; Самарское земство. Опыт практической деятельности (1865–1918). Самара, 2009; Самарская губернская дума (1994–2009). Самара, 2009; Самарский земский сборник. Общественно-политический и научный журнал / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 1995–2013. № 1–23; Золотое десятилетие самарского краеведения. Антология. Вып. 1–5 / Под научной редакцией П.С. Кабытова и др. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005–2008; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов: «Наука», 2010 и др.

³⁰³ Кабытов П.С. Новейшие исследования по истории Самарской области // Самарский край в контексте Российской истории: сб. истории. Самара, 2001. С. 3–6; Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / науч. ред. П.С. Кабытов. Самара: Универс-групп, 2004; Кабытов П. С. Аграрная история Поволжья: итоги научных разработок и перспективы их интеграции в новые научно-исследовательские проекты // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 13–16; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение Родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX века): к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8. С. 5–20.

³⁰⁴ См.: Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007 и др.

³⁰⁵ Самарский край в контексте Российской истории: II Международная научно-практическая конференция «Самарский край в контексте мировой культуры», 11–14 июня 2002 г. Самара, 2002; Платоновские чтения: материалы Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 1995–2012. Вып. 1–18 и др.

³⁰⁶ См.: Кабытов П.С. Из истории возвращения исторического имени городу Самаре: Воспоминания очевидца и участника // Проблемы методологии и источниковедения в историческом исследовании: сб. матер. ежегод. науч. семинара Самарского регионального отделения Российского общества интеллектуальной истории. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2011. С. 77–86.

³⁰⁷ См.: А.И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008.

³⁰⁸ См.: Кондрашин В.В. В Пензе открыт памятник В.О. Ключевскому // Люди во времени: записки историка. Пенза – Саранск, 2012. С. 40–41.

³⁰⁹ Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008. С. 17.

³¹⁰ Там же. С. 23–36.

³¹¹ См.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. Издание второе, дополненное. М., 1986. С. 2.

³¹² Историки России. Кто есть Кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. С. 151.

³¹³ Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. С. 141–142.

³¹⁴ Историки России. Кто есть Кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. С. 151.

³¹⁵ См.: Кабытов П.С. Пришло время осознать себя // Самарский земский сборник. 2001. № 5. С. 105–110; Он же. Страницы воспоминаний: детство // Самарский земский сборник. 2005. № 3. С. 88–95; Он же. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008; Он же. Сквозь «лихие» и «нулевые»: Воспоминания. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012; Дубман Э.Л., Кабытов П.С. О жизни и о себе...// Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8. С. 93–99.

³¹⁶ Тагирова Н.Ф. Аграрные проблемы Российской империи начала XX века: взгляд современного историка и экономиста // Самарский земский сборник. 2006. № 1–2. С. 230.

³¹⁷ Кабытов П.С. Среднее Поволжье и Заволжье в XVI – начале XX века: территориальные границы, природно-климатические условия // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8. С. 21 –26.

³¹⁸ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение Родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX века): к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8. С. 5–20.

³¹⁹ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара, 1999. С. 4.

³²⁰ См.: Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1981; Он же, В.А. Козлов, Б.Г. Литвак. Рус-

ское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Он же. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990 и др.

³²¹ См.: Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 310–321.

³²² Кабытов П.С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2. С. 9.

³²³ См.: Кабытов П.С. Торгово-предпринимательская деятельность помещиков на юго-востоке Европейской России в начале XX в. / П.С. Кабытов, Н.Ф. Тагилова // Россия сельская. XIX – начало XX века. / отв. ред. А.П. Корелин. М., 2004. С. 228–250.); Кабытов П.С. Государственная деятельность П.А. Столыпина в новейшей зарубежной историографии // Клио и Победа. К 60-летию победоносного окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы областной студенческой научной конференции. Самара, 2005; Он же. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара: изд-во «Самарский университет», 2006; Он же. Отношение императора Николая II к государственной деятельности П.А. Столыпина // Самарский земский сборник. 2006. №. 1–2. С. 29–36; Он же. Столыпинская аграрная реформа: хуторяне и община // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюции и кризисы: сб. статей. Оренбург: Изд-во ГУ «РЦРО», 2009. С. 124–130; Он же. Программа реформирования России П.А. Столыпина // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 87–93; Он же. Новый Кирсанов против Базарова: становление П.А. Столыпина как государственного деятеля // Проблемы отечественной истории в трудах российских и зарубежных ученых: сборник статей. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. С. 62–91; Он же, Тюрин В.А. Самарские исследования жизни и государственной деятельности П. А. Столыпина // Самарский земский сборник. 2012. № 1. С. 85–91.

³²⁴ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: РОС-СПЭН, 2007.

³²⁵ Кабытов П.С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского университета. 2012. № 2. С. 8.

³²⁶ См.: Кабытов П.С. П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: РОС-СПЭН, 2007. С. 130–176.

³²⁷ См.: Классика самарского краеведения: антология. Вып. 1 / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2002. С. 95–198; Вып. 2. Самара, 2006. С. 102–110, 128–142; Вып. 3. Самара, 2007. С. 357–387; Вып. 5. С. 412–460.

³²⁸ См. на эту тему: Кабытов П.С., Курсков Н.А. Самарское земство, земельные комитеты и подготовка аграрной реформы в 1917 году // Вестник Самарского государственного университета. 2001. № 3. С. 42–64; Кабытов П.С., Костюков А.В. Морозова Е.Н. У истоков земской реформы // Самарский земский сборник. 2001. № 5. С. 150–153; Кабытов П.С. Самарское губернское земство: основные этапы деятельности // Материалы научно-практической конференции «От Земского собрания к Губернской Думе». Самара, 2005; Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.) / отв. ред. П.С. Кабытов Самара: Самарская Губернская Дума, 2009; История Самары: От воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Самара: СНЦ РАН, 2011. Научные редакторы: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман и др.

³²⁹ См.: Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: в 3 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Книга третья: Самарский край в XX веке (1918–1996 гг.). Самара: Издательство «Самарский университет», 1998; Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / науч. ред. П.С. Кабытов. Самара: Универс-групп, 2004; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013 и др.

³³⁰ См.: Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Торгово-предпринимательская деятельность помещиков на Юго-Востоке Европейской России в начале XX в. // Россия сельская. XIX – XX века / отв. ред. А.П. Корелин. М.: РОССПЭН, 2004. С. 228–250; Кабытов П.С., Баринаева Е.П. Дворянство Поволжья второй половины XIX – начала XX века: историография проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8. С. 47–52; Они же. Проблемы изучения и воссоздания дворянских усадеб // Самарский земский сборник. 2013. № 2. С. 4–15 и др.

³³¹ Кабытов П.С. Аграрная история Поволжья: итоги научных работ и перспективы их интеграции в новые научно-исследовательские проекты // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 14–15.

³³² См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002.

³³³ См.: Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы / глав. ред. П.С. Кабытов. Издательство Самарского научного центра РАН; 2000.

³³⁴ См.: Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара: Издательство «Самарский университет», 2002. Изд-е 2-е, исправл. и дополн. Самара: ООО «Офорт»; ГОУВПО «Самарский госуниверситет», 2005.

³³⁵ См. напр.: Кабытов П.С., Мякотин А.А. Партийно-административная элита Куйбышевской области 1960–1991 гг. // Самарский земский сборник. 2013. № 1. С. 164–176.

³³⁶ Кабытов П., Пенькова О. История деревни Васильевщина (Новое Васильево) Тамбовской губернии / П.С. Кабытов, О.П. Пенькова // Самарский земский сборник. 2005. № 1. С. 26–35.

³³⁷ О конференции см.: Кондрашин В.В. В.Е. Малязов – летописец повседневной жизни русской деревни // Кондрашин В. В. Люди во времени: записки историка. Пенза – Саранск, 2012. С. 156–159.

³³⁸ Воспитание историей Историка Самарского края. Библиографический справочник / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Н.П. Фомичева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993; Кабытов П.С. Записки историка. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. Ч. II. С. 73–83; Он же. Новейшие исследования по истории Самарской области // Самарский край в контексте Российской истории: сб. истории. Самара, 2001. С. 3–6; Он же. Жизненный творческий путь Петра Ивановича Савельева // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / науч. ред. П.С. Кабытов. Самара: Универс-групп, 2004. С. 3–7; Он же. Человек большой души // Историка и история в меняющемся мире: материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Медведева. Самара, 2003; Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Еврем Игнатьевич Медведев – человек, ученый, педагог. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005; Кабытов П.С. Штрихи к портретам казанских профессоров 60-х гг. // Самарский земский сборник. 2005. № 2. С. 88–99; Он же. Профессор Э.Л. Дубман (к 60-летию доктора исторических наук, профессора кафедры российской истории СамГУ) // Самарский земский сборник. 2009. № 1. С. 3–6; Он же. Профессор Григорий Алексеевич Герасименко / под ред. А.И. Авруса. Известия Саратовского университета. Новая серия. 2009. Т. 9. Отдельный оттиск; Он же. Проблемы аграрной истории в научных трудах Г.А. Герасименко // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: сб. статей. Оренбург: Изд-во ГУ «РЦРО», 2010. С. 113–119; Он же. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. С. 82–110; Он же. Проблемы аграрной истории в научных трудах Г.А. Герасименко // Самарский земский сборник. 2013. № 2. С. 27–47; Он же. Штрихи к портрету Виктора Викторовича Кондрашина // Новейшие исследования историков Поволжья: сборник статей. Вып. 2. Пенза: ГУМНИЦ,

2011. С. 4–7; Кабытов П.С., Кондрашин В.В. С.А. Есиков – историк русского крестьянства // Новейшие исследования отечественных и зарубежных историков: сб. ст. Вып. 3. Пенза – Саранск: ГУМНИЦ, 2012. С. 4–25.

³³⁹ См.: Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. С. 203–224.

³⁴⁰ Кабытов П.С. Аграрная история Поволжья: итоги научных работ и перспективы их интеграции в новые научно-исследовательские проекты. С. 13–16; Он же. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского университета. 2012. № 2. С. 5–10.

³⁴¹ Кабытов П. С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. С. 250.

³⁴² Кабытов П.С. Аграрная история Поволжья: итоги научных работ и перспективы их интеграции в новые научно-исследовательские проекты. С. 14–15; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1994; Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. М., 1999; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья). М.: РОССПЭН, 2008; Кондрашин В. В. Крестьянство России в гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009 и др.

³⁴³ Колякова И.В. Общественная и научная деятельность Б.Б. Веселовского: дис. канд. истор. наук. Самара, 2003; Балашов В.Г. Научно-педагогическая и общественная деятельность Е.И. Медведева: 1930–1982.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003; Богомазова Ю.А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель: автореф. ... дис. канд. истор. наук. Чебоксары, 2008;

³⁴⁴ Кабытов П.С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья. С. 9.

³⁴⁵ См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара – Пенза, 2002.

³⁴⁶ См.: Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики». Самара–Пенза: Издательство Самарского научного центра РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008.

³⁴⁷ См. Юрченков В.А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. Саранск, 2010; Кондрашин В.В. Люди во времени: записки историка. Пенза–Саранск, 2012 и др.

³⁴⁸ См.: Кадзикава Синъити. Рецензия на монографию В. В. Кондрашина. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: «Янус-К», 2001. 544 с. // Вестник Самарского государственного университета. 2003. № 1. С. 111–114.

³⁴⁹ См. напр.: Самарский край в контексте Российской истории: II Международная научно-практическая конференция «Самарский край в контексте мировой культуры», 11–14 июня 2002 г. Самара, 2002. Ответственный за выпуск: Кабытов П.С. С. 29–46, 143–148, 163–168, 250–251, 272–278; «Самарский край в истории России». Вып. 2. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П.В. Алабина / глав. ред. П.С. Кабытова. Самара, 2004; Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н., Тюрин В.А. I Всероссийская (IX межрегиональная) научно-практическая конференция историков-аграрников Поволжья // Самарский земский сборник. 2007. № 1. С. 111–114.

³⁵⁰ См. напр.: Платоновские чтения. Всероссийская конференция молодых историков в рамках федеральной целевой программы «Интеграция», Самарский государственный университет, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук. (Платоновские чтения: сб. научных трудов / под ред. Кабытова П.С. Вып. IV. Самара, Изд-во «универс-групп», 2004. С. 17–19, 33–35.

³⁵¹ Кабытов П.С. К 50-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Савельева Петра Ивановича // Государственное и муниципальное управление в России. Самара, 2004.

³⁵² Кто есть кто в Самарской области. 2013. Ежегодное справочное издание. Самара. Век 21. 2013. С. 134; Энциклопедия Самарской области. Т. 4. Самара, 2012. С. 4–5.

³⁵³ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969; Он же. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки, 1959.

³⁵⁴ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок: XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.

³⁵⁵ Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии. 1861–1905. Казань, 1983. автореф. ... дис. канд. ист. наук. Казань, 1983.

³⁵⁶ См.: Кабытов П.С. Судьба – Эпоха: автобиография историка. М., 2011. С. 227.

³⁵⁷ См.: Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. Теория, история, современность. М., 1987; Поликарпов В.В. «Новое направление» в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. и др.

³⁵⁸ См. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Изд-во «Самарский университет», 1994.

³⁵⁹ Кабытов П.С. От редактора // Савельев П.И. Пути аграрного капитализма... С. 8.

³⁶⁰ Там же. С. 15.

- ³⁶¹ Кабытов П.С. От редактора... С. 3.
- ³⁶² Савельев П.И. Пути аграрного капитализма... С. 33.
- ³⁶³ Там же. С. 57.
- ³⁶⁴ Кабытов П.С. От редактора... С. 8.
- ³⁶⁵ Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997.
- ³⁶⁶ Савельев П.И. Социально-трудовые отношения в аграрном секторе. Экономика муниципального района. Самара, 2003.
- ³⁶⁷ Там же. С. 13.
- ³⁶⁸ Там же. С. 67.
- ³⁶⁹ Личный архив автора.
- ³⁷⁰ Башкирский край. Вып. 1 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа. 1991. 134 с.; Башкирский край Вып. 2. отв. редактор М.И. Роднов. Уфа. 1992. 118 с.; Башкирский край. Вып. 3. отв. редактор М.И. Роднов. Уфа 1993, 208 с.; Башкирский край. Вып. 4. Материалы по истории района / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 1994. 196 с.; Башкирский край. Вып. 5. ответ. редактор М.И. Роднов Уфа, 1994. 197 с.; страницы минувшего. отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 1995. 110 с.
- ³⁷¹ Ковальченко И.Д. Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.
- ³⁷² Роднов М.И., Дудина О.И. Крестьянство Уфимской губернии в 1917 г. Белебеевский уезд // Башкирский край. Вып. 1–3, 5. Уфа. 1991–1994; Роднов М.И. Крестьянство Дуванского края // Башкирский край. Вып. 4. Уфа, 1994 и др.
- ³⁷³ Роднов М.И., Дудина О.И. Вариационная группировка крестьянских хозяйств Уфимской губернии (по данным переписи 1917 г. // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа, 1988. С. 91–96.
- ³⁷⁴ Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 г. Уфа, 1997. С. 5.
- ³⁷⁵ Там же. С. 5.
- ³⁷⁶ Роднов М.И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 г. Уфа, 1997. С. 3.
- ³⁷⁷ Роднов М.И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа. 1997. С. 4.
- ³⁷⁸ Там же. С. 7.
- ³⁷⁹ Там же. С. 12.
- ³⁸⁰ Там же. С. 12.
- ³⁸¹ Там же. С. 60.
- ³⁸² Там же. С. 61.
- ³⁸³ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 26.

³⁸⁴ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2002. 314 с.

³⁸⁵ Стенограмма №1 заседания диссертационного совета Д.212.218.02 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук в Самарском государственном университете от 12 февраля 2004 года. Личный архив автора.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Роднов и его друзья. URL: <http://yral.ru/text/region/64041.html>.

³⁹³ История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 1. Уфа: Гилем, 2006.

³⁹⁴ История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 2. Уфа: Гилем, 2007.

³⁹⁵ История Башкортостана во второй половине XIX – начала XX века. Т. 1. С. 233.

³⁹⁶ История Башкортостана во второй половине XIX – начала XX века. Т. II. С. 325–326.

³⁹⁷ Роднов М.И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа. 2008. 258 с.

³⁹⁸ Там же. С. 9–10.

³⁹⁹ Там же. С. 14.

⁴⁰⁰ Там же. С. 15.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² См. там же. С. 16.

⁴⁰³ Там же. С. 22.

⁴⁰⁴ Там же. С. 33.

⁴⁰⁵ Там же. С. 37.

⁴⁰⁶ Там же. С. 41.

⁴⁰⁷ Там же. С. 51.

⁴⁰⁸ Там же. С. 57.

⁴⁰⁹ Там же. С. 69.

⁴¹⁰ Там же. С. 77.

⁴¹¹ Там же. С. 79.

⁴¹² Там же. С. 87.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Там же. С. 93.

⁴¹⁵ Там же. С. 121.

⁴¹⁶ Там же. С. 122.

⁴¹⁷ Там же. С. 126.

- ⁴¹⁸ См. там же. С. 131.
- ⁴¹⁹ Там же. С. 135.
- ⁴²⁰ Там же. С. 139–140
- ⁴²¹ Там же. С. 145.
- ⁴²² Там же. С. 169.
- ⁴²³ Там же. С. 173.
- ⁴²⁴ Там же. С. 204.
- ⁴²⁵ Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния) в конце XIX – начале XX вв. Уфа, 2012.
- ⁴²⁶ Там же. С. 77.
- ⁴²⁷ Там же. С. 90.
- ⁴²⁸ Там же. С. 151.
- ⁴²⁹ Там же. С. 171.
- ⁴³⁰ Там же. С. 202.
- ⁴³¹ Там же. С. 203.
- ⁴³² Там же. С. 203.
- ⁴³³ Амиров Н.Ф. Мои воспоминания, Самара, 2014. С. 68, 70–71.
- ⁴³⁴ Личный архив автора. Запись воспоминаний Н.Ф. Тагировой.
- ⁴³⁵ Там же.
- ⁴³⁶ Амирова (Тагирова) Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900–1917 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. 16 с.
- ⁴³⁷ Личный архив автора.
- ⁴³⁸ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начало XX вв. Опыт количественного анализа. М. 1974.
- ⁴³⁹ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.) М., Московский общественный научный фонд, 1999.
- ⁴⁴⁰ Амирова (Тагирова) Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900–1917 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Куйбышев, 1989.
- ⁴⁴¹ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 260.
- ⁴⁴² Там же. С. 260–261.
- ⁴⁴³ Там же. С. 276.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 264.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 286.
- ⁴⁴⁶ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 282.
- ⁴⁴⁷ Там же.
- ⁴⁴⁸ См. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., Наука, 2000.
- ⁴⁴⁹ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Тагирова Н.Ф. Поволжье «внутренняя окраина» России: Государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2002.
- ⁴⁵⁰ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Тагирова Н.Ф. очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2009.

⁴⁵¹ Очерки истории Поволжья и приуралья в имперский период. Саратов, 2010.

⁴⁵² Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие региона// История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Формирование татарской науки XIX – начала XX в. Казань, 2013. С. 228–237; Она же. Великие реформы и социально-экономическое развитие региона. Там же. С. 263–276.

⁴⁵³ История банковского дела в Самарской губернии. М. 2013.

⁴⁵⁴ При изложении биографических данных Н.В. Полина использованы: НА НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. О-378; И.Е. Автайкин. Полин Николай Васильевич // История Мордовии в лицах: Биограф. сб. Саранск, 1999. Кн. 3. С. 248; Березовая родина моя. Саранск, 2011.

⁴⁵⁵ Полин Н. В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

⁴⁵⁶ Полин Н.В. Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1972. Вып. 43. С. 147.

⁴⁵⁷ Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы первой мировой войны (июль 1914 – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 7.

⁴⁵⁸ Там же. С. 7–8.

⁴⁵⁹ Полин Н.В. Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны. // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1972. Вып. 43. С. 146.

⁴⁶⁰ Там же. С. 147.

⁴⁶¹ Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 8.

⁴⁶² Полин Н.В. Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны. // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1972. Вып. 43. С. 148.

⁴⁶³ Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 8.

⁴⁶⁴ Полин Н. . Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1972. Вып. 43. С. 150.

⁴⁶⁵ Там же. С. 151.

⁴⁶⁶ Там же. С. 152.

⁴⁶⁷ Полин Н.В. Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1971. Вып. 40. С. 149.

⁴⁶⁸ Там же. С. 150.

⁴⁶⁹ Там же. С. 151.

⁴⁷⁰ Там же. С. 152.

- 471 Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 13.
- 472 Полин Н. В. Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1971. Вып. 40. С. 155.
- 473 Там же. С. 156.
- 474 Там же. С. 158.
- 475 Там же. С. 159.
- 476 Там же. С. 162.
- 477 Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1971. С. 15.
- 478 Там же. С. 9.
- 479 Полин Н.В. Крестьянское хозяйство на территории Мордовии накануне первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1972. Вып. 43. С. 141.
- 480 Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1971. С. 9.
- 481 Полин Н.В. Крестьянское хозяйство на территории Мордовии накануне первой мировой войны. // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1972. Вып. 43. С. 127–140.
- 482 Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 9.
- 483 Там же. С. 10.
- 484 Полин Н.В. Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны // Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 38. С. 186.
- 485 Полин Н.В. Промышленность Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1974. Вып. 47. С. 3.
- 486 Там же. С. 4.
- 487 Там же. С. 6.
- 488 Там же. С. 7.
- 489 Там же. С. 8–9.
- 490 Полин Н.В. Солдаты и крестьянское движение (1914–1917) // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973. С. 69.
- 491 Там же.
- 492 Полин Н.В. Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны // Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 38. С. 184.
- 493 Там же. С. 185.
- 494 Полин Н.В. Солдаты и крестьянское движение (1914–1917) // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973. С. 70.
- 495 Там же. С. 71.
- 496 Там же.
- 497 Полин Н.В. Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 15.

⁴⁹⁸ Там же. С. 16.

⁴⁹⁹ Там же. С. 17.

⁵⁰⁰ Там же. С. 21.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Ниманов И.Б. Революционное движение в Поволжье в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) (на материалах Марий Эл, Мордовии, Чувашии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994. С. 8.

⁵⁰³ Журавлева М.Д. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001. С. 12.

ГЛАВА 2. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

§ 1. Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века

В.П. Данилов¹ – подлинный лидер историков-аграрников России последних десятилетий, один из самых ярких представителей советской и российской исторической науки XX – начала XXI в. Подтверждением этого является факт его награждения в 2004 г. Российской академией наук самой высокой наградой для историка – медалью С.М. Соловьева.

«В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли. В истории нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьева»², – так сказал о своем учителе С.М. Соловьеве его ученик, великий русский историк В.О. Ключевский. С полным правом мы можем сказать то же самое и о Викторе Петровиче Данилове, выдающемся исследователе аграрной истории России XX века.

Только после безвременного ухода из жизни этого замечательного ученого, педагога и гражданина стало понятно, насколько значимы для российской науки и особенно аграрной историографии его личность, вклад в изучение актуальных проблем отечественной истории, организацию крупнейших научных проектов, подготовку кадров историков-аграрников.

Оценить его в полной мере еще предстоит не одному поколению российских и зарубежных исследователей. И они уже делают первые шаги в этом направлении³. Я также попытаюсь поддержать эту традицию и осветить основные вехи творческой биографии Виктора Петровича Данилова, наиболее значимые, на мой взгляд, его достижения в области изучения истории России, прежде всего истории советского крестьянства и сельского хозяйства.

Бывший выпускник Оренбургского педагогического института, фронтовик, аспирант и научный сотрудник Института истории АН СССР В.П. Данилов буквально ворвался в науку яркой творческой личностью, вынес на суд научной общественности свою кандидатскую диссертацию на, казалось бы, банальную тему о «материально-технических предпосылках коллективизации»⁴. Уже в этой диссертации проявились «даниловский стиль» и «даниловский почерк», которые впоследствии снискали ему заслуженное уважение коллег. В обычной квалификационной работе соискатель ученой степени показал глубокое и всестороннее знание источников, умение работать с ними,

восстанавливать на основе их анализа реальную картину событий, показывать, как это было и почему. А самое главное – он проявил свою индивидуальность, выдвинул свое понимание проблемы, свою позицию, не боясь, что она не совпадет с общепринятой. В дальнейшем все это ляжет в основу общепризнанных постперестроечных работ историка, выполненных им как в рамках организованных крупнейших международных проектов по аграрной истории России XX века, так и по другим темам.

В своей кандидатской диссертации и опубликованной по ее теме монографии, хотя и в осторожной форме, единственно возможной в то время, молодой исследователь фактически опровергнул утвердившийся в «Кратком курсе ВКП(б)» миф о зрелости материально-технических предпосылок коллективизации, готовности к ней советской деревни⁵. Приведя достоверную статистику о реальном количестве тракторов, сельскохозяйственных машин накануне и в период сплошной коллективизации, темпах их поступления в колхозы, он доказал, что основу материально-технической базы сталинских колхозов составлял крестьянский инвентарь, полученный в результате обобществления. Сами колхозы с точки зрения их технической оснащенности оставались на «мануфактурной» стадии развития. Это не соответствовало ленинскому кооперативному плану, согласно которому важнейшим условием и стимулом объединения крестьян в колхозы должны были стать механизация и тракторизация деревни.

Таким образом, уже в самом начале своего творческого пути Виктор Петрович Данилов показал себя смелым и убежденным в правоте своих взглядов исследователем. Его оценки основывались на достоверной и разнообразной источниковой базе, то есть на изученных им архивных источниках. Опора на достоверные источники, поиск новых знаний по рассматриваемой проблеме всегда будут принципиальной позицией историка в его исследовательской работе.

В полной мере она проявится в одном из самых ярких событий в истории советской исторической науки и жизни Данилова – драматической дискуссии о судьбе написанного в начале 1960-х гг. под его руководством двухтомника «Коллективизация сельского хозяйства в СССР. 1927–1932»⁶.

Воспользовавшись возможностями «хрущевской оттепели», объединившаяся вокруг Данилова группа таких же, как он, увлеченных и талантливых исследователей – Н.А. Ивницкий, М.А. Вылцан, М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин, названных впоследствии «могучей кучкой», сумела создать уникальный труд – первую научную историю коллективизации сельского хозяйства в СССР⁷. Его особенностью было то, что авторы работали с ранее недоступными исследователям архивными фондами и занимали принципиальную позицию: следовали правде документа, а не «указующему персту начальства» и официально ус-

тоящимся оценкам. Хотя они это делали в рамках приверженности марксистской идеологии и идеям коммунизма, не покушаясь на основы существовавшего политического строя, но в результате получилась удивительная книга, поразившая всех специалистов новизной фактов и выводов, написанная на очень высоком научном и художественном уровне. В ходе ее обсуждения некоторые историки назвали ее создание настоящим научным подвигом, а большинство коллег Данилова по Институту истории АН СССР требовали ее скорейшей публикации, несмотря на имеющиеся в ней отдельные неточности⁸. Этот труд хотя и не был опубликован, поныне остается замечательным памятником и символом одного из лучших достижений советской историографии, ее неудавшейся попыткой вырваться из идеологических и административных пут существовавшей системы.

Что же нового сказали авторы о коллективизации? Во-первых, что сталинская коллективизация и ленинский кооперативный план – это разные вещи. В ходе коллективизации были нарушены важнейшие принципы ленинского плана вовлечения широких масс крестьянства в социалистическое переустройство деревни. Еще в кандидатской диссертации Данилов доказал, что материально-технические предпосылки коллективизации оказались недостаточными. И в первом томе двухтомника, несмотря на яростные нападки на него адептов «Краткого курса ВКП(б)», подстрекаемых его главным гонителем и завистником, заведующим отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезниковым, он остался верен себе. Он решительно отстаивал тезис об отсутствии «должных предпосылок» коллективизации, их «недостаточной зрелости», поскольку ни о каких 100 тысяч тракторов для колхозов, о которых писал В.И. Ленин, разрабатывая свой кооперативный план, и речи не было. Сталинские колхозы создавались на «мануфактурной базе»⁹.

Другим отступлением от идей Ленина по вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства было нарушение принципов постепенности и добровольности коллективизации. Данилов указал, что опыт участия крестьян в кооперации был еще недостаточным для кардинального их поворота в сторону крупного общественного производства. Например, к началу сплошной коллективизации лишь 50 % крестьянских хозяйств были охвачены простейшими формами кооперации и только около 20 % простейшими производственными объединениями¹⁰. Поэтому коллективизация и проводилась с помощью административного принуждения.

Не располагая доступной сейчас информацией, Данилов и его коллеги в своем коллективном труде подчеркнули решающую роль И.В. Сталина в так называемых «перегибах на местах», указав, что именно он был главным инициатором «великого перелома» и поэтому должен нести ответственность за все его негативные последствия.

Они отстаивали этот тезис на примере анализа обстоятельств принятия знаменитого постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»¹¹. Данилов указал, что именно по инициативе Сталина была дана установка на насаждение к осени 1930 г. в основных зерновых районах не просто колхозов, а колхозов как «переходных форм к коммунам». А что такое коммуна — хорошо понимали местные активисты. На опыте прошедших хлебозаготовительных штурмов они также знали, что любое задание сверху необходимо не только выполнить, но и перевыполнить. Отсюда и особое рвение на местах в достижении поставленной цели¹², то есть, за перегибами стояла тень вождя. Они результат его давления и подстегивания темпов коллективизации.

Антисталинский акцент авторского коллектива вызвал резкую реакцию со стороны поднявших свою голову апологетов вождя. Но Данилов твердо стоял на антисталинских позициях¹³. Он следовал им не только при обращении к проблеме коллективизации, но и в своей деятельности как секретарь парткома Института истории АН СССР. В 1960-е — начале 1970-х гг., наряду со своими коллегами и друзьями-шестидесятниками К.Н. Тарновским, М.Я. Гефтером, А.М. Анфимовым, С.И. Якубовской и другими он решительно противостоял возрождению сталинизма в исторической науке¹⁴.

Он выступал за ее освобождение от его пут и как автор вызвавших большой резонанс у научной общественности аналитических статей. Убедительным примером этому является написанная, но не опубликованная в рассматриваемый период статья Данилова и С.И. Якубовской «О фигуре умолчания»¹⁵. Правда и ничего кроме правды, никаких «белых пятен» и «фигур умолчания» в сложной истории России советского времени — вот его главное жизненное кредо как историка и гражданина! Ему оно оставался верен и впоследствии, в том числе в условиях новой России.

С высоты современного времени и полученных новых знаний о коллективизации, прежде всего благодаря личному вкладу самого Данилова¹⁶, мы можем констатировать, что уже в начале 1960-х гг., не располагая ныне рассекреченными архивными материалами, он и его коллеги пришли к выводам, которые сейчас разделяет подавляющее большинство российских и зарубежных ученых (материальная неподготовленность коллективизации, ее насильственный характер и т. д.).

В первой советской научной истории коллективизации авторы не затронули тему голода 1932–1933 гг.¹⁷ и не раскрыли известные в настоящее время масштабы репрессий режима против крестьян в годы коллективизации, поскольку не имели доступа к соответствующей информации в архивах. Но даже то, что они смогли сказать в тех условиях об этой великой трагедии советского крестьянства и страны в целом, заслуживает уважения. В своей основе это был научный под-

ход к рассматриваемой проблеме в рамках имеющихся возможностей.

Опубликованная стенограмма обсуждения на ученом совете Института истории АН СССР двухтомника по истории коллективизации 29 июля 1965 г. и другие материалы показывают, как смело и последовательно Данилов защищал свои научные подходы к данной проблеме. Но сила административного ресурса, поднявшие голову сталинисты оказались сильнее. Они не дали выйти в свет новаторской книге Данилова и его коллег, поскольку им была не нужна объективная история коллективизации. Уже подготовленный к изданию двухтомник был «загублен Отделом науки ЦК КПСС»¹⁸. Его публикацию сорвали, организовав бюрократический спектакль по доработке рукописи по инициативе Трапезникова. В конечном итоге набор был рассыпан в типографии¹⁹. Советский читатель так и не получил возможности познакомиться с этой прекрасной книгой. Научное изучение коллективизации в СССР было заторможено вплоть до начала перестройки. В результате в отечественной и зарубежной историографии до сих пор нет подлинно научной истории коллективизации, и ее написание остается одной из первоочередных задач российских историков-аграрников²⁰.

В годы восторжествовавшего неосталинизма, разгрома «нового направления» подлинно научное исследование стало уделом «чудаков» и «неудачников», в число которых зачислили и В.П. Данилова. Но он как бывший фронтовик не пал духом, доказав своим примером, что для настоящего ученого наука превыше всего и честно заниматься ею можно даже в самых неблагоприятных условиях.

В ситуации фактического остракизма официальных структур он вел себя очень достойно как ученый и гражданин, для которого истина была дороже карьеры. Таким он остался и до последних дней своей жизни, справедливо названный его друзьями «настоящим рыцарем исторической науки», примером для коллег и учеников в деле служения науке и России²¹.

В данном контексте творческое наследие Данилова несет в себе большой нравственный и воспитательный потенциал для многих поколений российских и зарубежных историков. Пример Данилова — это пример сохранения своих убеждений, репутации ученого, преодоления жизненных препятствий без пресмыкательства перед сильными мира сего, потери чести и достоинства.

В 1970-е — первой половине 1980-х гг., оставаясь «белой вороной» советской историографии, Данилов продолжает исследование наиболее актуальных аспектов истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Он анализирует эволюцию крестьянского хозяйства и социальную структуру советской деревни в условиях нэпа²², историю до-революционной и советской кооперации²³, русской поземельной общины²⁴, занимается проблемами сельской культуры и быта²⁵.

Как вспоминал один из ведущих современных историков-аграрников России, бывший коллега и друг Данилова Сергей Альбертович Есиков, работавший с ним над сборником документов об антоновском движении в Тамбовской губернии, Виктор Петрович мечтал написать монографию о крестьянской культуре. Были собраны необходимые материалы. Но из-за недостатка времени ему не удалось осуществить свой план. Можно только представить, какой бы интересной для читателя стала книга Данилова о крестьянской культуре.

В рассматриваемый период Данилов активно участвует в работе симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, подготовке к печати различных коллективных трудов по аграрно-крестьянской проблематике²⁶. Он становится неформальным лидером советских историков-аграрников. Его работы значительно превосходят написанные «в нужном русле» на аналогичные темы труды его гонителей, «свадебных генералов от науки» — Трапезникова и др.

Читая созданные Даниловым в доперестроечный период труды по истории доколхозной деревни, поражаешься, насколько точными и выверенными являются их основные выводы, насколько разнообразна их источниковая база, какую богатую пищу для размышлений они дают. По своему уровню они не уступают классическим трудам западного крестьяноведения. Фактически большинство из них сохраняет свою актуальность и для современных исследователей, является ориентиром и примером подлинного научного творчества. Не случайно поэтому, что наиболее важные из них переведены на иностранные языки еще до начала перестройки в СССР и в ее первые годы²⁷. Они востребованы и современными зарубежными исследователями аграрной истории России²⁸.

В полной мере исследовательский талант Данилова раскрылся в годы перестройки и в последующий период. Пожалуй, вряд ли можно найти более яркий пример реализации человеком заложенного в нем и не реализованного ранее потенциала, чем поистине подвижническая деятельность Данилова на ниве исторической науки в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. Он очень торопился сделать то, о чем мечтал всю жизнь. И занимался тем, что было необходимо с точки зрения большой науки и потребностей времени, спеша высказать все, о чем нельзя было прежде говорить в полный голос. Это был самый счастливый и плодотворный период в жизни историка.

Гласность и открытие архивов предопределили стратегию и тактику творческой позиции Данилова. Он обратился к самым злободневным проблемам отечественной истории XX века: революции, коллективизации, сталинскому режиму, постсоветскому развитию сельского хозяйства России, историческим корням ее современных социально-экономических и общественно-политических проблем. С докладами на эти темы он активно выступал в печати, на различных «круглых столах», научных конференциях²⁹.

В центре внимания Данилова оказались так называемые «белые пятна» советской истории, прежде всего Гражданская война, коллективизация сельского хозяйства, фигуры ранее замалчиваемых лидеров большевиков и др. Он первым в отечественной историографии поднял проблему голода 1932–1933 гг. и квалифицировал его как результат коллективизации и преступление сталинского руководства³⁰. Обращаясь к историческому опыту революции и гражданской войны, Данилов призвал пересмотреть оценки советской историографии крестьянских восстаний против большевиков в указанный период как «кулацких» и «антисоветских»³¹. Он предложил по-другому оценить политическую программу главных оппонентов и конкурентов Сталина в борьбе за власть (Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и др.), выдвинув идею «о бухаринской альтернативе» сталинской коллективизации³².

В 1990-е гг. настоящей трибуной для свободной дискуссии и заметным событием в научной жизни России стал организованный Даниловым при поддержке его коллеги и друга Теодора Шанина теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития». Он регулярно проходил в Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН), где Данилов возглавил Центр крестьяноведения. В семинаре участвовали авторитетнейшие российские и зарубежные исследователи (Р. Дэвис, М. Левин, С. Уиткрофт, Л.В. Милов, А.П. Корелин, С.В. Тютюкин, А.В. Гордон, Р.Г. Пихоя, и др.). На нем обсуждались самые актуальные проблемы крестьяноведения с помощью анализа наиболее известных трудов западных и отечественных специалистов по данной проблеме (Дж. Скотта, Э. Вульфа, А. Мандра, О. Вебера и др.)³³.

В этом же ряду организованный при активном участии Данилова международный семинар на базе МВШСЭН «Куда идет Россия...?». По его инициативе на семинаре работала историческая секция, где с участием ведущих российских историков и ученых из других стран (М.Я. Гефтера, П.В. Волобуева, Л.В. Милова, А.П. Корелина, В.В. Журавлева, Марк фон Хагена, В.В. Шелохаева, С.В. Тютюкина, Марии Феретти и др.) обсуждались дискуссионные проблемы истории России, в том числе аграрной³⁴.

Важным событием в творческой жизни Данилова в постперестроенный период стало его участие в организованном Т. Шаниным в рамках МВШСЭН российско-британском проекте «Изучение социальной структуры российского села»³⁵. Подобранный им коллектив историков написал 16 очерков по взятым для социологического обследования селениям в различных районах России³⁶. Лучшие из них были опубликованы в специальном ежегоднике «Крестьяноведение», редактором которого он являлся. Ежегодник издавался на базе возглавляемого Даниловым Интерцентра («Центра крестьяноведения и сельских реформ») МВШСЭН³⁷.

Участие историков в совместном с социологами проекте позволило Данилову сделать очень важный вывод, и ныне сохраняющий свою актуальность: «Работа историков в социологическом проекте носила экспериментальный характер, и поэтому ее организация и результаты представляют практический интерес. Ее опыт свидетельствует, прежде всего, о возможности и целесообразности участия историков в социологических исследованиях, и шире — о научной целесообразности проведения историко-социологических исследований, особенно при изучении сельской жизни³⁸.

В редактируемом Даниловым научном издании «Крестьяноведение» обобщался не только опыт изучения современного села, но и публиковались статьи по актуальным проблемам истории крестьянства и аграрной политики. В большинстве случаев именно он был инициатором и редактором этих статей. Его деятельность в МВШСЭН способствовала привлечению к занятиям аграрной историей многих молодых ученых из регионов, ставших впоследствии докторами наук³⁹. Он был соавтором первой изданной на русском языке хрестоматии крестьяноведения «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире» для популяризации данного направления в России⁴⁰.

В.П. Данилов — это не только историк-аграрник, но и исследователь, изучавший актуальные проблемы источниковедения и историографии. Его труды на эту тему — яркое свидетельство таланта ученого, его большого вклада в разработку не только проблем аграрной истории России, но и чисто теоретических вопросов отечественной исторической науки. Они также сохраняют свою актуальность, научно-теоретическую и практическую значимость для современных исследователей истории России и не потеряют ее и для последующих поколений.

Следуя лучшим традициям В.О. Ключевского, М. Блока и других выдающихся ученых, Данилов дал анализ кризисных явлений в советской историографии и обозначившихся в российской историографии в постперестроечный период. Он размышлял о задачах исторической науки, о методах исторического исследования, личности историка.

Обращаясь к опыту советской историографии, в том числе аграрной, как историк-марксист и искренний сторонник идеи социализма, Данилов считал, что основным источником кризиса исторической науки «явилось ее подчинение политике вплоть до превращения в простое средство решения текущих задач (прямое командование, политический характер оценок работ историков и т. д.)»⁴¹. Именно «замораживание марксистской теоретической мысли в общественных науках», по его мнению, обусловило «ее неподготовленность к современному общественному кризису»⁴². С этим трудно не согласиться.

«Гласность» и «архивная революция» не заслонили перед Даниловым появившихся в новых условиях прежних негативных явлений со-

ветской историографии, но уже под маской «демократии» и «плюрализма». «Главная опасность, а она уже не в будущем, а в настоящем, состоит в установлении нового «единомыслия», в новом диктате со стороны политики и идеологии», — очень своевременно указал Данилов в статье «Современная российская историография: в чем выход из кризиса?»⁴³. Как наказ к современным исследователям и российской власти прозвучали его слова: «Подлинный выход — в свободе научной мысли и научного слова, равно гарантированной представителям всех мировоззренческих и научных направлений и школ»⁴⁴.

До конца своей жизни В.П. Данилов много размышлял над природой установившегося в России политического режима. Он не принимал его, осуждал его политику разрушения крупного сельскохозяйственного производства, некомпетентность власти в вопросах сельского хозяйства⁴⁵. Он был против восхваления П.А. Столыпина, взятия за образец современными «реформаторами» его неудавшейся аграрной реформы. Его возмущала сама идея «всеобщей фермеризации» и осуществление ее властью методами «бюрократического экстремизма». Историк видел, как опьяненные идеей насаждения частной собственности на землю в форме неэффективного мелкого частного хозяйства новые «реформаторы» забыли о главном, ради чего необходимо стране сельское хозяйство — о росте сельскохозяйственного производства и обеспечении населения продовольствием. Эта задача вообще не ставилась ими⁴⁶. По мнению Данилова, Россия переживала «коллективизацию наоборот», и поэтому результат ее не мог быть иным, чем в 1930-е гг. — разрушение сельского хозяйства страны⁴⁷. Он очень осторожно оценивал обозначившиеся позитивные сдвиги в аграрном секторе экономики страны в 2000–2001 гг., связывая их в большей степени с благоприятными погодными условиями⁴⁸.

Вопреки всему, Данилов остался убежденным коммунистом-«шестидесятником», сожалеющим о «поражении коммунизма в России»⁴⁹. Его причину так же, как и его близкий друг, выдающийся американский историк Моше Левин⁵⁰, он видел в перерождении большевистской партии и советской власти в партию и власть «нового класса», бюрократическую диктатуру партийно-хозяйственной номенклатуры. У истоков этого процесса, по мнению Данилова, стоял Сталин.

В.П. Данилов — один из самых активных и успешных современных исследователей сталинской эпохи. Он определял сталинизм как «авторитарный, жестко централизованный режим, существование которого обеспечивалось беспощадностью и массовыми масштабами репрессий»⁵¹. На тему сталинских репрессий, особенно против советского крестьянства, им написано немало глубоких и содержательных работ. Фактически он первым в историографии акцентировал внимание на трагедии советской деревни, указав, что крестьянство было самой многочисленной социальной группой, подвергшейся насилию и реп-

рессиям в годы сталинской диктатуры. Именно этот факт наиболее убедительно доказывал антинародный характер сталинизма, поскольку его жертвами был сам народ, интересы которого он якобы «защищал»⁵².

Данилов разделял идею Л.Д. Троцкого о «термидорианском перевороте Сталина», то есть захвате им власти путем истребления большевистской гвардии. «Сталинизм по природе своей антисоциален и поэтому бесполезно искать в рабочем классе, крестьянстве или интеллигенции социальный слой, интересы и настроения которого создали сталинскую диктатуру. Это была чисто бюрократическая диктатура, которая в ходе своего становления и развития воспроизводила в расширенном масштабе собственную социальную опору — бюрократическую среду, не зависящую от всех других классов и слоев общества», — писал Данилов о сталинской системе⁵³. С этой оценкой также трудно не согласиться.

Если Троцкий определял хронологические рамки «термидорианского переворота» «нового класса» бюрократии тридцатыми годами XX века, то Данилов расширил их до эпохи Горбачева—Ельцина, когда социализм был отброшен предавшей его верхушкой партии⁵⁴. «Переродившаяся партийно-государственная номенклатура совершила общественный переворот», — так он объяснял суть произошедших в России перемен⁵⁵.

Таким образом, причину крушения социализма в России Данилов видел в практике и наследии сталинизма⁵⁶.

В данном контексте он уделил большое внимание проблеме альтернатив сталинской системе, чье наследие погубило СССР. Как никакой другой современный исследователь советской истории, Данилов был убежден в реальном существовании альтернативы сталинизму. «Сталинский вариант развития советского общества не был единственно возможным и неизбежным», — указывал он⁵⁷.

Альтернативу сталинизму он связал с личностью Н.И. Бухарина и видел ее в программе «правой оппозиции». По его мнению, они предложили наиболее оптимальный и научно-обоснованный вариант экономического развития страны⁵⁸. Он был представлен в первоначальном плане первой пятилетки, где ничего не говорилось о форсированной коллективизации и предлагались вполне сбалансированные темпы развития промышленности и сельского хозяйства⁵⁹. Данилов считал, что его реализация имела бы не меньший успех, чем полученные ценой миллионов крестьянских жизней «успехи первых пятилеток»⁶⁰.

Противовесом сталинской насильственной коллективизации, по мнению Данилова, выступали и идеи кооперативного социализма А.В. Чаянова, созвучные ленинскому кооперативному плану, на которые опиралась «правая оппозиция». Идея кооперативного социализма, то есть осуществления на практике ленинского кооперативного плана, не имела ничего общего со сталинской коллективизацией⁶¹.

Но она не была реализована, потому что Сталин и его бюрократия «сломили нэп», уничтожили оппозицию в партии и силой власти навязали стране свой кровавый путь развития. Как это было, Данилов совместно с О.В. Хлевнюком и А.Ю. Ватлиным показали языком документов, впервые опубликовав стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.⁶²

Оставаясь в душе «шестидесятником», то есть сторонником идеи социализма «с человеческим лицом», Данилов отделял сталинизм от достижений советской эпохи. Он считал, что «все достижения советского общества были следствием мощного социалистического импульса, полученного в результате революции и на многие годы определившего направления и содержание экономического и культурного строительства, придавшего этому строительству характер народного подвига»⁶³. Сталинизм же противоречил народным интересам всей своей сутью. Но не мог игнорировать их, поэтому прикрывался ими. Вопреки всем ужасам сталинизма советские люди не разочаровались в идее коммунизма, о чем свидетельствовала их поддержка перестройки на первом ее этапе. Данилов верил в возможность очищения социализма от деформаций, возникших в период сталинизма, которые нанесли советскому строю огромный урон.

Негативные последствия сталинизма Данилов видел не только в разрушении советской системы, но и в политической жизни современной России. По его мнению, именно они стали важнейшей причиной неспособности россиян противостоять утверждавшемуся бюрократически-олигархическому капитализму. «Подавленное общественное мнение, утраченная возможность к выступлению против разрушительных действий власти, к элементарной самозащите, столь характерные для населения нынешней России, также наследие сталинского «Большого террора», начавшегося в 1927 г. и прерванного только в 1953 г.», — писал Данилов на эту тему⁶⁴.

До конца дней своих Данилов оставался убежденным антисталинистом. Он с тревогой наблюдал за тенденцией реабилитации сталинизма в России. Ее появление историк объяснял реакцией россиян на разрушительный характер реформ Гайдара–Ельцина и авторитарные устремления новых правящих слоев⁶⁵. Но в отличие от новых «поклонников» Сталина он был последователен в своей антисталинской позиции. Он помнил огромные жертвы советского народа (прежде всего крестьянства) по вине вождя, а также тот факт, что крушение социалистической системы — это прямое следствие сталинизма. Поэтому для Данилова была принципиально невозможной историческая реабилитация Сталина, под какими бы благовидными предложениями она не предлагалась.

В.П. Данилов с пессимизмом смотрел в будущее современной России с точки зрения утверждения в ней нового капитализма. Как исто-

рик он видел много общего в ее политической жизни с дореволюционной эпохой. Деятельность новой власти России укрепляла его уверенность в неизбежности новых социальных потрясений⁶⁶. «Россия возвращается на стадию первоначального (примитивного) накопления капитала, которое 80–90 лет назад вызвало взрыв народной революции, привело к власти большевиков и создало советское общество», — констатировал он⁶⁷.

Казалось бы, что в условиях новой России Данилов должен был вернуться к загубленной Трапезниковым и К^о рукописи по истории коллективизации и опубликовать ее. Но этого не произошло. Данный вопрос обсуждался в 1988 г. на заседании сектора по истории крестьянства и сельского хозяйства СССР Института истории СССР АН СССР, который заслуженно возглавил Данилов⁶⁸. Он предложил отложить издание пролежавшей больше 20 лет рукописи и заняться ее доработкой, поскольку, несмотря на все ее достоинства, она устарела и не соответствовала современному состоянию науки и запросам общества. Главным доводом Данилова был факт открытия архивов. Работа в них по более углубленному изучению истории коллективизации, особенно ранее запретных тем, должна была стать первоочередной задачей историка. Присутствующие на заседании сектора сотрудники, члены бывшего авторского коллектива М.Л. Богденко, М.А. Вылцан, Н.И. Ивницкий, И.Е. Зеленин, поддержали предложение своего руководителя и лидера. И это в корне изменило дальнейшую творческую жизнь Данилова.

Имея горький опыт кратковременности политической и идеологической «оттепели», он решил воспользоваться предоставленной гласностью творческой свободой, а самое главное — возможностью работать в архивах с ранее недоступными исследователям документами. Он с головой окунулся в безбрежное море новых документов по истории советской эпохи и понял, что его основная задача — это введение в научный оборот как можно большего количества источников по актуальным и дискуссионным проблемам аграрной истории России XX века. Их фонды стали доступны в центральных и местных архивах страны. В этой ситуации, пока власть не начнет «завинчивать гайки» и не свернет «архивную революцию», необходимо было сделать новые знания достоянием широкой научной общественности. Монографические работы можно было отложить на более поздний срок. В таком подходе вновь в полной мере проявилась позиция Данилова как истинного ученого и гражданина своей страны.

Самой оптимальной формой реализации данного замысла Данилов выбрал документальные публикации. «Предоставить слово документу», — так он сформулировал главную цель своей творческой деятельности в новых условиях. Он настойчиво следовал ей и остался верен весь остаток своей жизни.

Зная достигнутый результат, можно с полной уверенностью утверждать, что Данилову удалось по максимуму реализовать открывшиеся возможности работы в архивах. Он реализовал их в рамках организованных им и его зарубежными коллегами международных проектов по аграрной истории России XX века. Причем это было сделано в крайне неблагоприятных для российской науки условиях. И поэтому это был еще один научный подвиг выдающегося историка.

В новой России историческая наука, как и вся остальная, оказалась на задворках государственного финансирования. Средств не было не только на публикацию документов, но и на достойную зарплату ученым, в том числе работавшим в Институте российской истории РАН. Выход был найден Даниловым на путях международного сотрудничества ученых. Его огромный авторитет и установившиеся творческие и дружеские отношения с зарубежными коллегами, разделявшими его взгляды на советскую историю, а также его жизненные принципы (А. Береловичем, Т. Шаниным, Р. Маннинг, Л. Виола и др.), позволили найти средства для подготовки к печати серии документальных сборников по самым актуальным проблемам аграрной истории России XX века. Они вышли в свет в рамках трех международных проектов – «Крестьянская революция в России», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание». Их организатором и научным руководителем с российской стороны был В.П. Данилов.

Осуществление проектов стало возможным благодаря активной поддержке со стороны архивистов, которые охотно включились в очень трудоемкую работу по выявлению и подготовке к печати огромного массива документов, в большинстве своем ранее не доступных исследователям. Среди них следует особо отметить таких прекрасных специалистов, как В.П. Козлов, Е.А. Тюрина, В.К. Виноградов, Н.М. Перемышленникова, Н.С. Тархова и др.

Международные проекты Данилова по аграрной истории – один из самых ярких примеров плодотворного сотрудничества российских и зарубежных ученых в области изучения истории России и развития гуманитарных наук в целом⁶⁹. Они подготовили благоприятную почву для его дальнейшего продолжения⁷⁰ и навсегда останутся образцом добротного научного исследования, к уровню которого следует стремиться всем исследователям.

Вечным памятником Данилову и его сподвижникам останутся более двух десятков томов документальных сборников по аграрной и политической истории России первой половины XX века, опубликованные в период с 1992 по 2004 гг. под его редакцией, а также и в последующие годы после его смерти⁷¹.

В сборниках проекта «Крестьянская революция в России» читатель впервые услышал голос крестьян-повстанцев, участников Антоновс-

кого восстания в Тамбовской губернии, Махновского движения на Украине, повстанцев-«чапанов» и «вилочников» в Поволжье. Он прозвучал в опубликованных «воззваниях», «программах», «приказах повстанческих комендатур», «уставах союза трудового крестьянства» и Т.Д. Были показаны реальные масштабы крестьянской войны против большевиков в годы Гражданской войны, которая, по мнению Данилова, стала «частью крестьянской революции в России начала XX века»⁷².

В документальной серии «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» В.П. Данилов и его коллеги по Институту российской истории РАН, бывшие члены авторского коллектива неопубликованной истории коллективизации (И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий) фактически доработали написанную еще в 1960-е гг. книгу по данной проблеме. Языком новых документов они во весь голос сказали, что коллективизация была насилием по отношению к советскому крестьянству, Сталин и его ближайшие сподвижники – это авторы и активные проводники антикрестьянской политики раскулачивания и принудительного насаждения колхозов и поэтому несут основную ответственность за ее трагические последствия. Об этом второй том серии, где показаны реальные масштабы «ликвидации кулачества как класса», и третий том серии, где опубликованы документы, раскрывающие причины, региональные особенности и демографические последствия голода 1932–1933 гг. Этот голод был прямым результатом коллективизации, общей трагедией всего советского крестьянства, а не «геноцидом голодомором» Украины. Материалы серии убедительно подтверждают мысль Данилова, что коллективизация сельского хозяйства «стала рубежным событием» с точки зрения ее воздействия на судьбы крестьянства и страны в целом⁷³.

Важнейшим проектом по публикации документов стал российско-французский проект «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», организованный Даниловым благодаря поддержке и личной дружбе крупнейшим знатоком истории России, профессором Сорбонны Алексеем Береловичем. Уникальность проекта заключается в том, что основу его источниковой базы составили ранее секретные документы Центрального архива ФСБ России. Выявленные в этом архиве информационные сводки, отчеты и другие материалы советской спецслужбы – ценнейший источник о крестьянских настроениях в годы Гражданской войны, нэпа и коллективизации, географии, масштабах крестьянского недовольства властью в указанный период и других важных сюжетах⁷⁴. Благодаря проекту они стали достоянием широкой общественности и существенным образом помогли воссоздать достоверную картину жизни советской деревни в рассматриваемый период.

Таким образом, научная значимость опубликованных сборников документов в рамках организованных Даниловым и его зарубежными коллегами международных проектов состоит, прежде всего, во введе-

нии в научный оборот огромного комплекса архивных документов из центральных и региональных архивов, ранее не доступных исследователям. Были получены новые знания по важнейшим аспектам аграрной истории России периода гражданской войны, нэпа и коллективизации. Кроме того, публикация новых документов позволила реконструировать реальную повседневную жизнь советской деревни в первые десятилетия Советской власти.

К работе над сборниками по всем проектам по инициативе Данилова были привлечены не только самые квалифицированные сотрудники архивов, но и перспективные молодые историки. В дальнейшем многие из них защитили кандидатские и докторские диссертации по темам, связанным с проектами (С.А. Есиков, Н.С. Тархова, В.В. Кондрашин и др.)⁷⁵. В настоящее время они считают себя представителями «школы Данилова» в российской историографии. Их идеи разделяют многие другие современные российские и зарубежные исследователи истории крестьянства и сельского хозяйства СССР, в том числе лично сотрудничавшие с Даниловым (И.Е. Кознова, Г.Е. Корнилов, Т.Д. Надькин, Х. Окуда, Ким Чан Чжин, М. Таугер и др.)⁷⁶.

Заложенные в проектах Данилова идеи реализованы и осуществляются его учениками и коллегами в ряде крупных международных проектов по аграрной истории России. Среди них следует особо выделить международный проект Федерального архивного агентства «Голод в СССР. 1929–1934 гг.», который является фактическим продолжением проекта «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание»⁷⁷.

В.П. Даниловым оставлен исследователям огромный комплекс опубликованных работ по очень разнообразным аспектам истории крестьянства и сельского хозяйства России. Это своего рода научная энциклопедия о важнейших сторонах жизни российской деревни, аграрной политики государства в XX веке.

С полным основанием мы можем говорить о научной концепции аграрной истории России В.П. Данилова. Ее анализ – дело не одного поколения исследователей. Но уже сейчас мы можем отметить ряд важнейших положений этой концепции.

Данилов был и остается единственным исследователем, взглянувшим на историю России, ее современные проблемы сквозь призму аграрно-крестьянского вопроса. Он аргументированно доказал, что судьбы сельского хозяйства России, начиная с пореформенного периода и до настоящего времени, неотделимы от судеб всей страны. Их понимание дает ключ к объяснению особенностей исторического развития России в XX веке.

В отличие от своих коллег Данилов рассматривал процесс аграрного развития России последних полутора столетий в целом, как единый процесс. По его мнению, аграрные преобразования, принимавшие

характер то реформ, то революций, возобновлявшиеся вновь и вновь в среднем через два десятка лет, свидетельствовали о крайней болезненности аграрного вопроса для России. В конечном итоге он так и не был решен реформаторами и остался на повестке дня и в современной России⁷⁸. Поэтому дальнейшее изучение аграрной истории крайне актуально, а следовательно, и сохранение ее в качестве одного из приоритетных научных направлений исторических исследований⁷⁹.

Рассмотрев в комплексе все аграрные преобразования в России за последние полтора столетия, Данилов справедливо заключил, что все они – «суть потрясения крестьянской страны, вступившей на путь освобождения от крепостничества и одновременно индустриально-рыночной модернизации»⁸⁰.

Таким образом, индустриально-рыночная модернизация России, ее темпы и методы предопределили остроту аграрного вопроса, обусловили активное участие крестьянства в важнейших событиях XX века.

По мнению историка, обострение аграрно-крестьянского вопроса и его выход на первый план в политической жизни страны в начале XX века явилось результатом выбранного самодержавием варианта «первоначального накопления капитала», особенностей развития российского капитализма в деревне и стране в целом. Капитализм развивался за счет обнищания широких масс крестьянства, особенно в бывших районах крепостного права, то есть Европейской России. Именно они стали эпицентрами крестьянского недовольства и крестьянской революции, идею которой Данилов активно пропагандировал в своих трудах⁸¹. Он указывал, что эта революция была протестом крестьянской страны против насаждаемого властью «дикого капитализма». «Революционные взрывы 1905 и 1917 гг. были взрывами народно-го отчаяния эпохи первоначального накопления», – писал Данилов⁸².

По его мнению, крестьянская революция являлась самостоятельной частью общего революционного потока в России. Она происходила под лозунгом ликвидации помещичьего землевладения и «черного передела» земли между работающими на ней тружениками и членами их семей и продолжалась до своей победы. Крестьяне завоевали землю в 1917 г.⁸³, отстаивали в ходе гражданской войны свое право свободно работать на ней, заставив своими восстаниями большевиков отменить «военный коммунизм» и ввести в стране нэп. В этом смысле вполне правомерен парадоксальный вывод Данилова о «победе крестьянской революции», несмотря на разгром большевиками крестьянских восстаний в годы Гражданской войны («антоновщины», «махновщины» и др.)⁸⁴.

Квинтэссенцией анализа историком данной темы стал следующий вывод: «Советское общество было создано великой социальной революцией в России начала XX в., в основе своей являвшейся крестьянской революцией, которая слилась с пролетарской социалистической революцией и подчинилась ее организованности и целеустремленности»⁸⁵.

Применительно к теме революционных потрясений России в начале XX века имеет большое научное значение идея Данилова об утраченной альтернативе крестьянской революции и Великой русской революции 1917 г. в результате отказа самодержавия от плана министра финансов Н.Х. Бунге разрушить общину и организовать подворно-участковое землепользование крестьян при государственной финансовой поддержки еще в восьмидесятые годы XIX века (отмена подушной подати, создание Крестьянского банка и т. д.). Это мог бы быть удавшийся вариант «Столыпинской аграрной реформы», поскольку для ее реализации, в отличие от ситуации в начале XX века, было время, и власть не делала ставку на принуждение над крестьянством, как это произошло в условиях первой русской революции. Но этого не произошло, поскольку после гибели Александра II начались «контрреформы», и самодержавие сделало ставку на укрепление политического и экономического господства помещиков в деревне⁸⁶.

Для Данилова крестьянство – это не только объект, но и активный субъект политики в России в первой половине XX века. Этот факт доказывался остротой аграрно-крестьянского вопроса в первые десятилетия XX века. Проявлением крестьянской активности как субъекта политики стал такой феномен, как кооперативное движение, участие широких масс крестьянства в различных формах кооперации. Данилов был убежден, что кооперативный путь – самый оптимальный для России вариант развития сельского хозяйства, способный решить ее насущные проблемы, в том числе социалистического переустройства села без потрясений. По этому пути Советская Россия и шла в годы нэпа. Как уже отмечалось, он был научно обоснован выдающимися теоретиками и практиками крестьянского хозяйства, учеными организационно-производственного направления А.В. Чаяновым и другими, получил поддержку в программе «правой оппозиции», названной Даниловым «бухаринской альтернативой». На эту тему у него множество великолепных аналитических работ.⁸⁷

По мнению Данилова, развитие кооперации соответствовало крестьянскому менталитету, в основе которого лежал дух общинности и коллективизма. Тема русской общины – одна из самых востребованных в творчестве историка. Данилов – выдающийся ее исследователь. В своих трудах он доказал, что община оказалась сильнее капитализма, насаждаемого царским самодержавием, в том числе в годы Столыпинской аграрной реформы. Она возродилась в годы Великой русской революции 1917 г. и просуществовала вплоть до сталинской коллективизации. «Общинная система самоуправления практически совпадала с системой организации и функционирования местных Советов, являвшихся одновременно и органами местного самоуправления и органами государственной власти», – заключал Данилов⁸⁸. Влияние общины на крестьян было огромным, поэтому власть и уничтожила

ее, заменив суррогатными сельскими советами, имеющими мало общего с подлинным крестьянским самоуправлением, доколхозной общиной.

В научной концепции Данилова одно из центральных мест занимает коллективизация. Осуществив крупные проекты по публикации документов на эту тему и их всесторонний анализ, он пришел к главному выводу: сталинская коллективизация – это трагедия советской деревни. Она была проведена сталинским руководством вопреки желанию подавляющего большинства крестьянства. Советская деревня была не готова к новым формам хозяйствования в силу недостаточного ее вовлечения в высшие формы производственной кооперации. Для коренного переустройства села на принципах коллективного хозяйства отсутствовала необходимая материально-техническая база. Коллективизация – это антикрестьянская политика сталинизма, осуществленная с помощью насилия над крестьянством во имя решения сиюминутных задач форсированной индустриализации (повышения товарности зернового производства). Будучи не подготовленной, противоречащей интересам крестьян, опирающейся на административно-репрессивный ресурс государства, она разрушила сельское хозяйство СССР, привела к страшному голоду 1932–1933 гг. Ее проведение способствовало утверждению сталинской системы в СССР, антикрестьянской и антинародной по своей сути⁸⁹.

Негативно оценивая коллективизацию в целом, акцентируя внимание на ее антикрестьянском характере, Данилов очень точно определил ее суть и значение в истории страны. «Колхозная система оказалась подчиненной государственному диктату, фактически превратилась в организацию по выкачке сельскохозяйственной продукции на нужды промышленного развития, обороны, культуры... и меньше всего на нужды деревни. Эта система смогла выдержать жесточайшие испытания войны, но не смогла обеспечить выход сельского хозяйства из полуразрушенного войной состояния, не говоря уже о необходимом подъеме. Кооперативные начала были сведены к форме. Их способность к саморазвитию не реализовывалась», – указывал он⁹⁰.

Таким образом, по мнению Данилова, колхозная система вписалась в «сталинскую эпоху первоначального накопления», которое преследовало цель подготовки страны к войне⁹¹. Она оказалась удобной для военно-мобилизационных целей военного времени. Советская деревня стала главным внутренним ресурсом военно-промышленного развития СССР накануне и в годы войны.

Историк проследил эволюцию дальнейшего развития советской колхозной системы вплоть до ее уничтожения в ходе аграрной реформы Горбачева–Ельцина. Он оценивал реформы Н.С. Хрущева как попытку постепенного вывода колхозов из-под государственного диктата и создания условий для их развития как самостоятельных хо-

зяйств, действующих в условиях регулируемого рынка. Данилов видел в колхозах большой потенциал для успешного развития при условии их превращения в настоящие кооперативные хозяйства. Для этого следовало освободить их от обязательных поставок продукции государству по заниженным ценам⁹². Колхозы должны были превратиться в равноправных партнеров государства, поскольку колхозное крестьянство уже сполна отдало ему свой долг в годы первых пятилеток и в военное время. Но этого не произошло ни при Н.С. Хрущеве, ни при Л.И. Брежневем. Остаточный принцип финансирования, государственный диктат не позволили раскрыться в полной мере колхозной системе. Она так и не освободилась до конца от пут сталинизма. Итогом этого стало обострение продовольственной проблемы в СССР и очередное «реформирование» сельского хозяйства, но уже на основе идеи «частной собственности на землю»⁹³.

Оценки Даниловым аграрной политики в СССР – России свидетельствуют о его глубоком понимании сути проблемы. Они точны и актуальны для современной российской власти, которая отказалась от эфемерной всеобщей «фермеризации» и сделала ставку на крупные хозяйства. Это то, о чем Данилов говорил непрестанно. Для эффективного сельского хозяйства важна не форма собственности, а форма организации производства, оптимальная для конкретного региона, а также государственная поддержка сельского производителя – фермера, члена кооператива, агрохолдинга и т. д.

Таким образом, если сформулировать основные идеи даниловской концепции аграрной истории России XX века, то они будут следующими: важнейшая роль крестьянской общины; реально существовавший и нереализованный в результате слома нэпа сталинистами потенциал кооперации и социализма; осуществленная без необходимой материально-технической базы и крестьянской поддержки насильственная коллективизация, приведшая к крайне тяжелым последствиям для крестьянства и страны, в том числе в долговременной исторической перспективе; сталинизм и его наследие – причина крушения социализма в России.

Творческое наследие Виктора Петровича Данилова – это бесценное достояние не только российской, но и мировой исторической науки.

§ 2. Николай Алексеевич Ивницкий – летописец трагедии советской деревни

Выдающимся исследователем истории коллективизации и раскулачивания советской деревни, общепризнанным в России и за рубежом специалистом в данной области является Николай Алексеевич Ивницкий⁹⁴. Его перу принадлежат многочисленные работы о траги-

ческих судьбах крестьянства России в эпоху сталинской насильственной коллективизации, востребованные и специалистами, и широким кругом читателей, рекомендованные Министерством образования и науки в качестве основного источника для изучения указанной проблемы в школах и вузах страны⁹⁵.

Николай Алексеевич Ивницкий – это один из самых авторитетных историков России XX века, патриарх отечественной аграрной историографии, оставивший яркий след в науке своими глубокими аналитическими и доступными по форме читателям трудами по истории коллективизации в СССР. Он принадлежит к узкому кругу исследователей, сумевших сохранить всю свою творческую жизнь верность одной теме, изучившим ее досконально, исчерпав массив наиболее важных источников по данной теме в ходе многолетней кропотливой подвижнической работы в архивах. Н.А. Ивницкий – настоящий труженик науки, ученый с большой буквы, русский интеллигент в классическом понимании этого слова.

Николай Алексеевич родился 9 августа 1922 г. в хуторе Гнилуша Засосенского сельсовета Буденновского района Воронежской области в крестьянской семье. В 1940 г. с отличием окончил Викторопольскую среднюю школу в Валуйском районе Воронежской области. Затем около года обучался в Кредитно-экономическом институте Госбанка СССР в Москве. Вернувшись на родину в начале Великой Отечественной войны, до оккупации Валуйского района гитлеровскими войсками работал секретарем, председателем Викторопольского поселкового совета, счетоводом рабочего кооператива. Оказался в оккупации. После освобождения района от оккупантов в 1943 г. недолго работал директором зерносовхоза «Викторополь». Затем был призван в армию, но вскоре демобилизован по болезни. После демобилизации до окончания войны успешно работал управляющим отделения совхоза «Викторополь». Об этом свидетельствует награждение его медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Осенью 1945 г. Н.А. Ивницкий поступает в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), который заканчивает в 1949 г.

Именно в студенческие годы Николай Алексеевич начинает заниматься крестьянской проблематикой. По совету преподавателя института, известного историка-аграрника Е.А. Луцкого он изучает крестьянское движение в 1917 г. на материалах Воронежской и Саратовской губерний⁹⁶. За доклад на 3-й научной конференции студентов московских вузов «Борьба саратовских большевиков за крестьянство в 1917 г. (март – октябрь)» он награждается Похвальной грамотой Министерства высшего образования СССР⁹⁷.

После окончания МГИАИ Н.А. Ивницкий поступает в аспирантуру при институте, где под научным руководством М.Н. Черноморско-

го готовит кандидатскую диссертацию по теме «Колхозцентр СССР и РСФСР. 1927 – 1932 годов», которую успешно защищает в 1953 г.

В 1953 г. его приглашают на работу в сектор истории СССР Института истории АН СССР на должность младшего научного сотрудника. В этом ведущем научном центре национальной Академии наук он проработает до 2001 г., станет одним из ведущих и самых авторитетных его сотрудников.

Одновременно по совместительству до 1971 г. Н. А. Ивницкий работает в должности доцента в МГИАИ. Кроме того, с 1954 по 1960 гг., формально оставаясь научным сотрудником Отдела советского общества Института истории АН СССР, он исполняет обязанности заместителя главного редактора журнала «Исторический архив».

В 1950-е гг. молодой историк продолжает активно заниматься проблемами, связанными с историей коллективизации в СССР. В 1955 г. в «Материалах по истории СССР» (т. 1) он публикует подборку документов о роли 25-тысячников в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г., в 1959 г. – «Докладную записку Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928 – 1929 гг.» (т. VII).

Важнейшим событием в научной карьере Н.А. Ивницкого, предопределившим его дальнейшую творческую судьбу стало участие в работе Главной редакции всесоюзной документальной серии по истории коллективизации, созданной по инициативе Института истории АН СССР, Главного архивного управления МВД СССР и Института марксизма-ленинизма. Решение о ее создании было принято после XX съезда КПСС, взявшего курс на десталинизацию, который предусматривал отказ от сталинских догм в интерпретации советской истории, в том числе истории коллективизации. В состав Главной редакции Н.А. Ивницкий вошел в 1959 г. и активно работал в ней в течение 1960–1970-х гг.

Статус члена Главной редакции дал ему возможность работать в центральных и региональных архивах по теме коллективизации⁹⁸. В 1962 г. Институт истории АН СССР командировал его в Вологду для практической помощи местным историкам в подготовке к печати сборника документов по истории коллективизации в Северном районе. Сборник «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.)», вышедший в 1964 г., стал один из лучших в серии других региональных сборников по этой теме.

Участие в Главной редакции всесоюзной документальной серии по истории коллективизации позволило Н.А. Ивницкому подготовить и успешно защитить в 1971 г. в ученом совете Института истории СССР АН СССР докторскую диссертацию по теме «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.)». Ее источниковую базу составили опубликованные и архивные материалы почти 50 государственных и партийных архивов.

Среди них особую ценность представляли документы так называемого «Кремлевского архива» (Архива ЦК КПСС), закрытого для подавляющего большинства советских историков. Н.А. Ивницкому повезло туда попасть и работать с материалами «Особых папок»: секретными документами Политбюро, Секретариата, Оргбюро и их комиссий, а также НКВД, ОГПУ и закрытых фондов Наркомзема СССР и Колхозцентра. Он получил к ним доступ в связи с подготовкой «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (том IX)⁹⁹.

В 1958 г. в рамках работы над историей коллективизации Н.А. Ивницкий вошел в состав группы по истории крестьянства и сельского хозяйства («крестьянскую группу») Института истории АН СССР, которую возглавлял В.П. Данилов. Ранее он мог занять должность руководителя этой группы, но его не отпустили из редакции «Исторического архива».

В 1960-е гг. «крестьянская группа» в составе М.Л. Богденко, М.А. Вылцана, В.П. Данилова, И.А. Зеленина и Н.А. Ивницкого предприняла попытку написать историю коллективизации в СССР в двух томах с новых позиций. С участием Н.А. Ивницкого была подготовлена к печати первая книга. Но из-за противодействия заведующего отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова она так и не была опубликована. Его и поднявших голову сталинистов не устроил критический подход авторского коллектива к личности И.В. Сталина и методам осуществления сталинской коллективизации¹⁰⁰.

В полной мере эта ситуация повторилась в истории с изданием Н.А. Ивницким его монографии по теме защищенной докторской диссертации в 1972 г.

Еще во второй половине 1960-х гг. его публикации по истории коллективизации стали объектом критики адептов сталинизма. Например, в 1968 г. на заседании ученого совета Историко-архивного института, обсуждавшего вопрос о партийности в преподавании и научно-исследовательской работе в институте, особый гнев выступающих вызвали статьи Н.А. Ивницкого, напечатанные в журнале «Вопросы истории» (1965, № 3) и в материалах научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР («Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968»). В них сталинистам не понравились следующие заключения автора: «недооценка вредных последствий ошибок и перегибов в проведении коллективизации, имевшая место в выступлениях, действиях И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и других (они не только не пресекли в зародыше эти перегибы, а, по существу, способствовали их распространению) дала возможность в дальнейшем разрастись ошибкам и перегибам до угрожающих размеров. Это привело к тому, что к весне 1930 г. колхозное строительство оказалось перед угрозой серьезной дискредитации»¹⁰¹. Н.А. Ивницкому удалось отбиться от обвинений в антипартийности

ссылками на цитаты В.И. Ленина о возможности ошибок у политических партий и умении их во время исправлять¹⁰². Но под давлением администрации он все же был вынужден уйти из Историко-архивного института. Свою педагогическую деятельность он продолжил в Московском финансовом институте, где работал с 1973 г. и до осени 1990 г. сначала доцентом, а затем профессором.

Буквально шквал критики обрушился на историка после выхода в свет в 1972 г. в издательстве «Наука» его монографии «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.)». Для поднявших голову сталинистов в условиях фактической реанимации сталинизма в стране она была настоящей красной тряпкой. Автор посмел высказать иную точку зрения по ключевым аспектам коллективизации, оставаясь при этом в рамках позитивной ее оценки в целом!

С точки зрения современных знаний об этой трагедии советского крестьянства изложенные в монографии Н.А. Ивницкого материал и его выводы не кажутся столь уж революционными и выходящими за рамки официальной концепции коллективизации сельского хозяйства в СССР. Но для того времени это был настоящий прорыв в огромной массе литературы, прославлявшей успехи сталинской «революции сверху». И самое главное автор в своих оценках основывался на надежной источниковой базе¹⁰³.

Что же нового сказал Н.А. Ивницкий в своей монографии о коллективизации в СССР?

Во-первых, он показал, что перегибы в коллективизации начались не зимой 1930 г., а еще осенью 1929 г. В отличие от официальных партийных документов он заключил, что «ликвидация кулачества как класса» проводилась не на основе сплошной коллективизации, а одновременно и даже предшествовала ей, то есть коллективизация фактически проводилась на основе раскулачивания зажиточных (и не только зажиточных) крестьянских хозяйств.

Во-вторых, в монографии впервые был показан механизм выработки политики «сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса», охарактеризована роль Сталина и Молотова в принятии постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации от 5 января 1930 г. и о ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации от 30 января 1930 г.

В-третьих, впервые в советской историографии в монографии давалась обобщающая картина раскулачивания, депортации и дальнейшей судьбы крестьян, высланных в безлюдные и малозаселенные районы Севера, Сибири, Урала, Казахстана и Дальнего Востока в 1930–1932 гг.

Но самое «крамольное» заключалось в том, что Н.А. Ивницкий покусился на теоретические догмы сталинизма. Он по-новому попытался осветить классовую борьбу в деревне, утверждая вопреки Сталину, что по мере успехов строительства социализма классовая борьба

будет смягчаться и сойдет на нет с победой социализма. Также он допускал, исходя из высказываний Ф. Энгельса и В. И. Ленина, ненасилиственные пути и методы ликвидации кулачества, решение проблем сельского хозяйства экономическими средствами, как предлагала Н.И. Бухарин и «правая оппозиция».

Книга Н.А. Ивницкого сразу же оказалась в центре внимания научной общественности страны и вызвала положительную оценку у читателей. Ее заметили и за рубежом. Например, один из самых авторитетных западных советологов, профессор Бирмингемского университета Англии М. Левин написал на рецензию, в которой говорилось: «Н.А. Ивницкий, советский исследователь, известный по своим работам, посвященным истории советского крестьянства и коллективизации, предлагает вниманию читателей работу, которая является, вероятно, результатом многолетнего терпеливого исследования. Большое количество материала, публикуемого впервые, делает книгу ценным вкладом в изучение драматических, но все еще недостаточно понятных событий, на протяжении которых была создана колхозная система. Центральный стратегический план, разработанный для того, чтобы помочь коллективизировать крестьян — является темой исследования Ивницкого. Он приводит новые цифры, данные и особенно много ранее неизвестных фактов о вырванных с корнем семьях и их последующей судьбе в сибирских и казахстанских пустынях, где они вынуждены были строить новую жизнь (те из них, кто, конечно, выжил; но эта проблема автором не затрагивается).

Благодаря этой работе о 1930–1932 гг., когда происходило раскулачивание, создается более ясное представление как об остром периоде. Мы узнаем значительно больше об оппозиции крестьян колхозам — о различных формах «беспорядков» (выступлений) или «восстаний», которые были очень распространены. Всю историю еще предстоит написать, но вклад Ивницкого в осуществление этой задачи значителен»¹⁰⁴.

Но если читатели и зарубежные специалисты высоко оценили новаторскую книгу Н.А. Ивницкого, то реакция идеологического руководства партии и историков-сталинистов, внимательно прочитавших ее, была иной. За публикацию книги директору издательства «Наука» вынесли взыскание, а заведующего исторической редакцией и издательского редактора книги освободили от работы. Партийное бюро Института истории АН СССР признало книгу порочной и потребовало от Н.А. Ивницкого признания ошибок. Он отказался сделать это. Тогда его заменили в качестве редактора второго тома готовящейся к изданию пятитомной серии истории советского крестьянства от 1917 г. и до наших дней. В этом томе он напишет 5 глав, но их содержание будет отличаться от монографии и ненапечатанного двухтомника по истории коллективизации. Цензоры не пропустят в печать тексты ис-

торика, не вписывающиеся в официальную концепцию возрожденного сталинизма¹⁰⁵.

В 1975 г. в № 5 журнала «Вопросы истории КПСС» (орган Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) появилась разгромная рецензия Б.А. Абрамова и Т.К. Кочарли «Об ошибках в одной книге (Письмо в редакцию)». Рецензенты обвинили Н.А. Ивницкого в том, что он «не всегда придерживается оценок, содержащихся в постановлениях партии по вопросам социалистического преобразования сельского хозяйства и представляющих собой основу для правильного, глубокого понимания проблемы»¹⁰⁶.

Абрамов и Кочарли подвергли критике положение книги о том, что при построении социализма можно обойтись без насильственной экспроприации кулачества: «...Вместо того чтобы всесторонне раскрыть сущность и направление этой политики в соответствии с документами партии, Н.А. Ивницкий встал на путь противопоставления политики партии высказываний некоторых участников ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), а также предложений комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) Я. А. Яковлева и подкомиссии К.Я. Баумана... Вместо того, чтобы подвергнуть критике это неверное положение подкомиссии (о возможности принятия большинства кулацких хозяйств в колхозы), автор взял его под защиту и тем самым фактически противопоставил его постановлению ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»¹⁰⁷.

Обрушились рецензенты на автора монографии и за то, что он утверждал, «что если бы коллективизация проводилась без перегибов и ошибок, то происходило бы затухание, а не обострение классовой борьбы». «Получается, — писали Абрамов и Кочарли, — что борьба, которая происходила в деревне, как утверждает автор, вызывалась неверными действиями партийных организаций и советов, их ошибками, тем, что неправильные действия органов власти вызвали временно вспышки гнева и ненависти у кулачества, выливавшиеся в открытые антисоветские выступления»¹⁰⁸.

Новый этап в жизни Н.А. Ивницкого начался в эпоху «горбачевской перестройки и гласности». Он оказался среди самых востребованных обществом российских историков, поскольку тема коллективизации как крестьянской трагедии и преступления сталинизма вышла на первый план¹⁰⁹. Историк активно выступает в СМИ с лекциями перед широкой научной общественностью, которые пользуются большим успехом¹¹⁰. Первое публичное выступление Н.А. Ивницкого о коллективизации с новых позиций, произошло летом 1987 г. в Ашхабаде на совещании архивистов Средней Азии и Казахстана. Осенью 1987 г. по просьбе Правления Всесоюзного общества «Знание» он успешно выступил в Политехническом музее с докладом «Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы», который был

издан тиражом 500 экземпляров¹¹. Весь тираж был разослан в местные отделения общества «Знание». Свидетельством признания заслуг историка коллегами и его востребованности в условиях новой России стало выступление Н.А. Ивницкого в 1989 г. в Минске на пленарном заседании XXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы с докладом тему «Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства».

Открытие архивов и актуальность темы позволили Н.А. Ивницкому в полной мере реализовать свой талант исследователя в фундаментальных трудах по истории коллективизации, увидевших свет в конце 1980-х – 1990-е гг.

Первым из них стал сборник документов и материалов «Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг.», подготовленный им к печати совместно с В.П. Даниловым¹².

Инициатива издания сборника исходила от секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева. В конце 1986 г. в связи с тем, что в советских СМИ развернулась широкая кампания по пересмотру и переоценке кардинальных проблем истории советского общества, он поручил издательству политической литературы (Политиздат) подготовить ряд сборников о классовой борьбе в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Издательство обратилось в Институт истории СССР к В.П. Данилову и Н.А. Ивницкому с предложением поучаствовать в этой работе. Они согласились.

Н.А. Ивницкий вспоминает об этом эпизоде в своей научной карьере: «Мы считали, что сборник должен дать правдивую картину происходившего в деревне в 1927–1932 гг., то есть от XV партийного съезда, взявшего курс на коллективизацию, до конца первой пятилетки, когда в колхозах объединили почти две трети крестьянских хозяйств, а кулачество «как класс» было ликвидировано. Кроме документов и материалов, хранившихся в открытых фондах архивов, мы хотели включить в сборник некоторые документы из ЦПА ИМЛ и секретного архива Политбюро ЦК (ныне Архив Президента РФ). Архив в Кремле был для нас по-прежнему недоступен, несмотря на провозглашение гласности и рассекречивание архивных материалов. Мы решили включить в сборник ряд имевшихся у меня документов из ЦПА ИМЛ и Кремлевского архива, в котором я работал в 1964 г. В их числе были материалы ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), обсуждавшего итоги и дальнейшие задачи колхозного строительства, «группу т. Бухарина» и другие вопросы. В частности, я предложил включить в сборник заявление Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского на пленуме ЦК ВКП(б, извлечения из речей на пленуме Ф.И. Голощекина (Казахстан), М.М. Хатаевича (Средняя Волга), С.М. Кирова (Ленинград), Р.И. Эйхе (Западная Сибирь), С.В. Косиора (Украина) и др.

Из материалов Кремлевского архива я предложил некоторые документы «Особых папок», в том числе постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулацких хозяйств, о коллективизации в национальных районах, о коллективизации в Чечне и Узбекистане, закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» и некоторые другие»¹¹³.

В начале 1988 г. сборник «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг.» в основном был подготовлен. Но по существовавшему тогда положению на публикацию документов ЦК ВКП(б) требовалось разрешение ЦК КПСС. Политиздат обратился туда с просьбой разрешить публикацию в сборнике, наряду с другими материалами, постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и от 20 февраля 1930 г. «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», имевшие важнейшее значение для понимания политики и практики коллективизации в начале 1930-х гг.

Первая реакция была положительной, в том числе со стороны секретарей ЦК А.Н. Яковлева, Е.К. Лигачева и др. Однако через месяц ситуация изменилась. Стали выяснять, как секретные документы из «Особых папок» попали составителям. Был дан ответ, что Н.А. Ивницкий после XX съезда КПСС был допущен к материалам специального фонда архива ЦК и скопировал документы. Узнав об этом, секретари ЦК изменили свое мнение. Постановления от 30 января и 20 февраля 1930 г. были запрещены к печати.

Тем не менее, из секретного Кремлевского архива в сборнике удалось опубликовать письмо М.А. Шолохова И.В. Сталину о принудительном изъятии скота у колхозников, письмо члена ЦК ВКП(б) В.Г. Фейгина К.К. Орджоникидзе от 9 апреля 1932 г. о голоде в Западной Сибири.

Также в сборнике впервые опубликованы заявление Н. И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского на Пленуме ЦК ВКП(б) 12 ноября 1929 г., относящиеся к теме сборника фрагменты из выступлений С.М. Кирова, Ф.И. Голощекина, М.М. Хатаевича, Р.И. Эйхе, С.В. Косиора на Пленуме ЦК ВКП(б) 12–13 ноября 1929 г., письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии».

То, что не удалось опубликовать из выявленных в архивах документов, компенсировалось вводными статьями Н.А. Ивницкого и В.П. Данилова, как ко всему сборнику, так и к его разделам. В частности, в статьях приводились сводные данные о количестве сосланных и судьбе раскулаченных крестьян, о голоде на Северном Кавказе и Украине и репрессивной деятельности полномочных комиссий ЦК ВКП(б) во главе с Л.М. Кагановичем, В.М. Молотовым и т. п.

Сборник «Документы свидетельствуют» положил начало новому этапу в современной археографии. После его выхода на местах стали готовить сборники документов по истории раскулачивания и спецпереселенцах (Карелия, Новосибирск, Свердловск и др.).

В подготовке одного из них Н.А. Ивницкий принял непосредственное участие¹¹⁴. В 1990 г. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР обратился в Институт истории СССР с просьбой командировать его в Петрозаводск для помощи в подготовке сборника документов по истории раскулачивания в Карелии. В работе над сборником участвовала его аспирантка О.А. Никитина. Как вспоминал Н.А. Ивницкий, Карельский сборник был «первой ласточкой горькой правды о раскулачивании»¹¹⁵.

В 1980-х – начале 1990-х гг. историк руководит группой молодых ученых, аспирантов Института российской истории РАН, которые под его научным руководством успешно защищают кандидатские диссертации по темам, связанным с историей коллективизации. Выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова М.М. Кудюкина написала работу о классовой борьбе в деревне в 1926–1929 гг., Г.М. Доброноженко (Сыктывкар) – о коллективизации на Севере; М.Н. Глумная (Вологда) – о единоличных хозяйствах в первой половине 1930-х гг.; О.А. Никитина (Петрозаводск) – о коллективизации и раскулачивании в Карелии. Своей педагогической деятельностью Н.А. Ивницкий заложил основы подлинно научного изучения истории коллективизации в России в российских регионах. Для нового поколения историков-аграрников России он непоколебимый авторитет по данной проблеме.

В данном контексте следует рассматривать серию монографий и статей Н.А. Ивницкого, опубликованных в центральных издательствах России во второй половине 1990-х гг. Их особенность в том, что в подавляющем своем большинстве они написаны не для специалистов, а для широких масс читателя, прежде всего учащейся молодежи. В настоящее время в каждом высшем учебном заведении России и почти в каждой библиотеке страны можно найти книги Н.А. Ивницкого о коллективизации. Это редкий случай народного признания историка, общественной значимости его трудов.

Первой постперестроечной монографией Н.А. Ивницкого, получившей признание специалистов и широкой научной общественности, стала монография «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)», опубликованная в 1994 г. в издательстве «Интерпракс»¹¹⁶. Она подготовлена в рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России», которая осуществлялась Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию и Международным фондом «Культурная инициатива». Спонсором программы выступал известный американский предприниматель Джорж Сорос.

В этой монографии Н.А. Ивницкий в полной мере выразил свое понимание проблемы. В ней в концентрированном виде изложена ав-

торская концепция истории коллективизации и раскулачивания в СССР. В последующих работах автор останется ей верен и лишь будет наполнять ее новым фактическим материалом. Данная книга — это переработанный и дополненный вариант монографии 1972 г. с точки зрения новых фактов и оценок. На ее страницах Н.А. Ивницкий сказал все, что не мог сказать тогда и в последующие годы. Книга легко читается, поскольку написана мастером слова. В то же время это научный труд, выполненный в академических традициях, в очередной раз доказывающий истину, что настоящий ученый в своих трудах легко и доступно говорит с читателем о сложных научных проблемах.

В указанной монографии автор характеризует события в советской деревне с 1929 по 1933 г. включительно. В ней говорится о начале сталинской «революции сверху» в 1929 г. (механизме выработке чудовищного плана насильственной коллективизации на уровне ЦК ВКП(б) (работа комиссий Политбюро ЦК Я.А. Яковлева, В.М. Молотова), ее осуществлении в 1930–1932 гг. Важнейшим сюжетом в книге является раскулачивание и депортации крестьян, их сопротивление антикрестьянской политике сталинизма. Автор уделяет внимание хлебозаготовкам и голоду 1932–1933 гг. в зерновых регионах СССР. Завершает повествование он главой о трагической судьбе раскулаченных и спецпереселенцев.

В монографии определены основные этапы и формы раскулачивания. На первом этапе, в 1930 г., под раскулачивание попали зажиточные крестьяне-единоличники, которых не только лишили хозяйства, но и выслали из деревни в «кулацкую ссылку». На втором этапе, в 1931–1933 гг., «раскулачивали» уже колхозников и единоличников не как «кулаков-эксплуататоров», а как «саботажников» хлебозаготовок и других обязательных поставок сельхозпродукции государству, то есть термин «кулак» приобрел содержание — «противник колхозного строя». Исключенных из колхоза «кулаков» и сорвавших выполнение государственных планов единоличников выслали из деревни в отдаленные и труднодоступные районы страны так же, как и кулаков «первой волны».

Ценность этой и других работ Н.А. Ивницкого в том, что в них представлена самая точная и достоверная информация о жертвах сталинского голода в советской деревне в рассматриваемый период. В ходе сплошной коллективизации под нож сталинской бюрократически-репрессивной машины попали миллионы самых трудолюбивых крестьян. Их раскулачили ради запугивания остальных, чтобы те не сомневались и безропотно шли в колхоз. Историк установил, что за время коллективизации численность крестьянских хозяйств уменьшилась на 5,7 млн, или примерно на 25 млн человек. В ходе коллективизации было раскулачено (административно-репрессивными и экономическими мерами) не менее одного миллиона крестьянских хозяйств

с населением 5–6 млн человек, только незначительная часть которых принадлежала к эксплуататорскому слою деревни. Более трети раскулаченных или 2 млн 140 тыс. человек было депортировано в 1930–1933 гг. А всего с начала раскулачивания и до Великой Отечественной войны было выслано около 4 млн человек (вместе с освобожденными из тюрем и концлагерей и выселенными в спецпоселки). За это же время умерло от голода и болезней не менее 800 тыс. человек. Примерно столько же бежало из ссылки, многие из которых также погибли¹¹⁷.

В указанной монографии Н.А. Ивницкий занимает бескомпромиссную антисталинскую позицию, осуждает сталинское руководство СССР за осуществленное им насилие над крестьянством в годы коллективизации. Он не находит ему никакого исторического оправдания, считает коллективизацию и раскулачивание авантюрой, преступлением сталинизма, видит лишь одни негативные и трагические их последствия для крестьянства и страны в целом.

По его мнению, раскулачивание и насильственное выселение миллионов людей не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени. Более того, раскулачивание и насильственная коллективизация привели к резкому обострению политического положения не только в деревне, но и в стране вообще, вызвали решительное сопротивление крестьянства, вылившееся в массовое антиколхозное и антисоветское движение. Страна была поставлена на грань Гражданской войны, создалась реальная угроза существованию советской власти¹¹⁸.

Историк считает, что коллективизация и раскулачивание не решили и экономических проблем, в частности зерновой, ради которой затевалась «революция сверху». Они привели к разрушению производительных сил в деревне, падению сельскохозяйственного производства и страшному голоду в 1932–1933 гг. Да и хозяйственное освоение необжитых и малонаселенных районов Севера, Урала, Сибири и Казахстана было бы более успешным, если бы оно проводилось планомерно на добровольной основе¹¹⁹.

Н.А. Ивницкий справедливо заключил, что принудительная коллективизация означала вместе с тем коренной рубеж в раскрестьянии деревни. Крестьянин из мелкого или среднего собственника-производителя фактически превратился в крепостного работника советского государства; он был отчужден от орудий и средств производства, лишен права распоряжаться результатами своего труда. Колхоз по существу являлся государственным предприятием с тем, однако, отличием, что государство не несло ответственности и не имело обязательств перед колхозом и колхозниками, зато имело право распоряжаться колхозом и произведенной им продукцией по своему усмотрению¹²⁰. В результате коллективизации крестьянин был ограничен и в

гражданских правах — он не мог свободно выбирать место жительства и работу, был привязан к колхозу и колхозному производству, не имел права покидать деревню, за исключением случаев призыва в армию, выезда на учебу или на работу в промышленность и на строительство по организованному набору.

Особого внимания в монографии заслуживает следующий вывод историка: «Советская власть методами принуждения и насилия, репрессий и депортаций, налогового прессы и другими мерами экономического воздействия осуществила сплошную коллективизацию, в результате чего крестьянство перестало существовать в прежнем значении этого слова. Оно потеряло свою индивидуальность и превратилось в послушного раба тоталитарного государства. Пагубные последствия насильственной коллективизации и раскулачивания сказываются и поныне. Только на путях отказа от насилия и кампанейщины, учитывая желания и стремления крестьянства, на основе равноправного развития всех форм хозяйствования, в том числе и подлинно кооперативных, можно вывести деревню на рельсы прогресса и процветания»¹²¹.

В традиции охарактеризованной монографии Н.А. Ивницкий в последующие годы издает еще две¹²². Кроме того, он публикует развернутые аналитические статьи по данной теме. В 1995 г. в рамках программы Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) «Новая информационная среда преподавания гуманитарного знания в высшей школе России» он написал лекцию по истории коллективизации и раскулачивания в начале 1930-х гг. Она получила высокую оценку преподавателей вузов, проходивших «переподготовку» в РГГУ. Была заказана вторая лекция о голоде 1932–1933 гг., которая была написана и в том же году издана вместе с первой в коллективной монографии «Судьбы российского крестьянства»¹²³.

В 1996 г. в издательстве «Магистр» в качестве учебного пособия для вузов и школ выходит второе дополненное и переработанное издание монографии «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)»¹²⁴. Она рекомендуется Министерством среднего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для вузов, факультативных занятий и школьных уроков по курсу «Новейшая история».

В 2000 г. Н.А. Ивницкий издает монографию «Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.)»¹²⁵. По структуре она совпадает с предыдущими, но отличается от них использованием нового источника — рассекреченных документов Центрального архива ФСБ РФ о положении советской деревни в рассматриваемый период.

Монография высоко оценивается специалистами. В то же время один из рецензентов, первый заместитель начальника Управления ФСБ РФ профессор В.К. Виноградов сделал замечание, что в монографии

недостаточно подробно проанализированы причины репрессивной политики сталинского режима. «Какие внутренние и внешние причины влияли на политику и практику репрессий в отношении крестьянства? Почему большевистское руководство вело войну с крестьянами... до победного конца? — писал рецензент. — То ли это грубое воплощение на практике социалистической доктрины, то ли попытка утвердить в мире модель державы нового типа?»¹²⁶. На это замечание Н.А. Ивницкий ответил, что никаких «внешних причин» репрессий в отношении крестьянства не было, а партийно-государственное руководство ссылалось на них, «чтобы оправдать массовые репрессии»¹²⁷. Таким образом, историк твердо придерживался своих антисталинских взглядов и не видел в политике сталинского руководства в СССР в советской деревне в период коллективизации никакого рационального зерна.

В полной мере талант Н.А. Ивницкого как исследователя и глубокого знатока проблемы раскрылся во время его работы над вторым томом документальной серии международного проекта Института российской истории РАН «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», организованного В.П. Даниловым¹²⁸. Одновременно в качестве ответственного составителя он работал над первым томом документальной серии другого международного проекта В.П. Данилова — российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД»¹²⁹.

Н.А. Ивницкий являлся ответственным редактором и составителем второго тома указанной документальной серии. Том посвящался развертыванию сплошной коллективизации и проведению так называемой ликвидации кулачества как класса. Его хронологические рамки охватывали период со второй половины ноября 1929 г. — декабря 1930 г. (от принятия ноябрьским (1929 г.) пленумом ЦК ВКП(б) постановления об итогах и задачах колхозного строительства) до утверждения объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. народнохозяйственного плана, в том числе темпов коллективизации на 1931 г.

По составу документов второй том серии более чем другие насыщен ранее секретными материалами ЦК ВКП(б), которые составляют 60 % объема тома. Это — наиболее важные материалы, определявшие политику Советской власти в деревне в рассматриваемый период. Их тщательный отбор в архивах осуществлен лично Н.А. Ивницким, благодаря его глубоким знаниям проблемы.

В результате впервые в историографии в научный оборот были введены многие уникальные документы. Среди них материалы комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Молотовым «для выработки мер в отношении кулачества», о которой почти ничего не было известно специалистам,¹³⁰ «Директива ОГПУ всем ПП о проведении местных

органов ОГПУ в состоянии мобилизованной готовности в связи с предстоящим выселением кулака» от 23 января 1930 г., предписывавшая органам ОГПУ на местах сообщить, какое количество чекистов нужно для доукомплектования аппарата ОГПУ, сколько и в каких районах нужно сосредоточить войск ОГПУ и Красной Армии для проведения «операции по кулаку»¹³¹. Исключительной по ценности является «Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г.», подготовленная Секретно-политическим отделом ОГПУ. Полностью эта записка никогда не публиковалась. Особенно ценным в ней является хроника и статистические данные о массовых крестьянских выступлениях в 1930 г. Научная ценность этого источника, помимо всего прочего, состоит в том, что в нем приведена не только общая численность массовых крестьянских выступлений (13756), но и определено среднее число участников на одно выступление, что позволяет установить их общую численность – примерно 3,4 млн человек. Это значит, что в антиколхозных выступлениях участвовала огромная масса крестьянства, а не только его зажиточно-кулацкая часть, как утверждалось в официальных документах и в советской историографии. В связи с коллективизацией и раскулачиванием произошло 9721 выступление (2,5 млн человек)¹³².

В томе опубликована справка о числе репрессированных только тройками ОГПУ в 1930 г.: из 179620 человек к высшей мере наказания (расстрел) было приговорено 18966 человек. Кроме того, согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и другим директивам в 1930 г. арестовали более 283 тыс. человек¹³³.

На основе опубликованных во втором томе документов Н.А. Ивницкий сделал ряд выводов концептуального значения: что «операция по кулаку» тщательно разрабатывалась сталинским руководством и ни о какой стихийности и инициативе крестьянских масс в раскулачивании не может быть и речи, «все было заранее предусмотрено»; практическое осуществление мероприятий по экспроприации кулачества началось по инициативе партийных комитетов еще до принятия постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г.¹³⁴

Н.А. Ивницкий принимал непосредственное участие в подготовке четвертого тома указанной документальной серии, посвященного периоду 1934–1936 гг., и пятого тома (в двух книгах) о годах «Большого террора» (1937–1938 гг.) и 1939 г. Особенно много времени заняла работа над второй книгой пятого тома после кончины в 2004 г. В.П. Данилова. В 2005 г. на основе первых двух томов серии «Трагедия советской деревни» вместе с канадскими историками Л. Виолой и Д. Козловым он подготовил сборник документов на английском языке «The War Against the Peasantry, 1927 – 1930»), который издан в США в 2005 г.

По признанию историка, лучшей своей работой он считает монографию «Судьба раскулаченных в СССР», опубликованную в 2004 г.¹³⁵ В ней он впервые объяснил читателю свои личные мотивы, побудившие его стать историком-аграрником, летописцем трагедии советской деревни в период коллективизации:

«Книга «Судьба раскулаченных в СССР» завершает цикл моих монографий по истории коллективизации и раскулачивания в конце 1920-х – 1930-х гг. Мой интерес к этой проблематике не случаен. Еще в детстве, в 1930 г., когда мне шел восьмой год, я видел ужасную картину раскулачивания и выселения на Север, в Соловки, крестьянских семей одного из районов Центрально-Черноземной области, Вейделевского, граничившего с Украиной. Плач детей, слезы матерей, выселяемых из родных мест, навсегда врезались в мою детскую память.

Не обошло стороной горе и нашу семью. Летом 1930 г., когда шли повальные обыски в городе и деревне, был арестован мой отец Ивницкий А. С., крестьянин-бедняк. Тройка ОГПУ осудила его по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР на три года тюремного заключения «за задержку звонкой монеты» и направила на строительство Беломоро-Балтийского канала.

Тогда же была раскулачена и сослана на Соловки семья сестры моей матери с двумя малолетними детьми (четырёх и шести лет). И хотя позднее семья была возвращена из ссылки, как неправильно раскулаченная, глава ее уже не вернулся, так как погиб в ссылке, а вернувшиеся на родину не получили обратно ни дома, ни конфискованного имущества. Иногда дело доходило до абсурда. Например, наш сосед крестьянин-бедняк был раскулачен и выслан на Север только за то, что у него была фамилия Чарторыйский, хотя никакого отношения к украинским и польским магнатам Чарторыйским он не имел»¹³⁶.

В монографии о судьбе раскулаченных автор на основе широкого круга как опубликованных, так и, главным образом, ранее недоступных архивных материалов (из архива ЦА ФСБ РФ и др.) воссоздал объективную картину так называемой «кулацкой ссылки» в масштабах всей страны. Он показал, что «кулацкая ссылка» – это одна из самых трагических страниц в истории советской деревни. Основными регионами вселения раскулаченных являлись: Северный край, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток. Кроме того, часть раскулаченных расселялась в засушливых неплодородных степях Северного Кавказа, южной Украины, а также горных районах Средней Азии. В этих регионах сосланные крестьяне жили в спецпоселках и имели статус спецпереселенца. Их дешевая рабочая сила использовалась как для промышленного, так и сельскохозяйственного освоения по существу безлюдных таежных и горных районов советской страны. Положение ссыльных мало отличалось от положения заключенных, а нередко было

и хуже последних. Только за два года (1931–1932) численность спецпереселенцев в «кулацких» спецпоселках сократилась с 1,8 млн человек до 1,4 млн (по другим сведениям – 1,3 млн человек). Как свидетельствуют документы, свыше 800 тысяч ссыльных крестьян умерли от голода и болезней¹³⁷.

Книга получила высокую оценку ученых не только России, но и историков Канады, США, Италии, Великобритании, Австралии, Нидерландов, Дании.

В 2004 г., когда шла к завершению работа над пятитомным сборником документов «Трагедия советской деревни» Н. А. Ивницкий предложил руководству Российского государственного архива экономики (РГАЭ) подготовить сборник документов и материалов о налоговой политике в советской деревне в 1928–1937 гг., то есть в период так называемой реконструкции народного хозяйства. Директор РГАЭ Е.А. Тюрина поддержала эту идею и сформировала под его научным руководством рабочую группу для подготовки сборника к печати. В ее состав вошла и сотрудница архива, ученица Николая Алексеевича М.М. Кудюкина.

В 2007 г. сборник был опубликован под характерным названием «Тянут с мужика последние жилы»¹³⁸. Основную массу опубликованных документов составили документы РГАЭ. Они дополнили материалы сборников «Трагедия советской деревни» и убедительно доказали, что жестокая налоговая политика Советского государства была подчинена решению основных задач как экономического, так социально-политического характера: индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства и «ликвидация кулачества как класса».

Материалы сборника на конкретных фактах и документах показывают механизм выработки и осуществления налоговой политики в деревне в рассматриваемый период. Они однозначно свидетельствуют, что осуществление индустриализации в конце 1920-х – начале 1930-х годов проводилось в основном за счет деревни, крестьянства. Не случайно поэтому, что налоги и так называемые добровольные платежи деревни росли из года в год. Особенно наглядно это проявилось на едином сельскохозяйственном налоге, к которому были привязаны все другие налоги и платежи. Хотя в налоговой политике действовал классовый принцип: богатые платили много, середняки – умеренно, а бедняки – мало или совсем освобождались от налогов, на деле постепенно налоговый пресс усиливался и в отношении середняков, не говоря уже о зажиточных, кулаках. Признаки кулацких хозяйств, установленные в 1929 г., менялись в сторону их расширения. И если в начале индивидуальному (повышенному) обложению подвергались только «наиболее богатые» кулаки, то с течением времени в индивидуальном порядке стали облагаться все кулаки, а затем и середняки-единоличники. А поскольку к сельхозналогу были привязаны другие платежи, то налоговый пресс усиливался¹³⁹.

Также обстояло дело с культсбором, единовременным налогом на единоличников и т. д. Обязательные платежи деревни (сельхозналог, самообложение, страховые платежи, культсбор) составили в 1930 г. — 889,1 млн руб., в 1931 г. — 1731,1 млн, в 1932 г. — 2020 млн руб., а в 1935 г. — 3566,5 млн руб., или за 5 лет возросли почти в 4,5 раза. Так «тянули жилы с мужика» с помощью налогов в 1930-е гг.

Данный сборник — несомненный творческий успех Н. А. Ивницкого и коллектива составителей. Аналогичных работ в России и за ее пределами о налоговой политике Советского государства в указанный период не существуют до настоящего времени.

Еще одной важной темой в творчестве Н. А. Ивницкого в последние десятилетия был голод 1932—1933 гг. Он один из наиболее авторитетных исследователей этой темы, заинтересовавшийся ею ранее, чем многие из современных известных ее специалистов в России и за ее пределами.

Н.А. Ивницкий сам испытал страшные мучения голода 1932—1933 гг. на юге Центрально-Черноземной области. Тогда ему было 10 лет, брату 8 лет, оба они опухли от голода, а истощенную мать отправили в больницу.

В 1986 г. Украинская студия хроникально-документальных фильмов обратилась к историку с просьбой дать согласие быть научным консультантом научно-документального фильма о голоде 1932—1933 гг. на Украине — «Горький хлеб надежды». В 1987 г., получив литературный сценарий, он одобрил его, высказав замечания фактического порядка.

В начале 1990-х гг. Н.А. Ивницкий активно выступал в печати и на различных конференциях, в том числе международных, по теме голода 1932—1933 гг. в СССР¹⁴⁰. Он объяснял его причины негативными последствиями коллективизации и хлебозаготовок 1932 г., отрицал этнический характер голода, критиковал сторонников идеи о так называемом «геноциде-голодоморе Украины»¹⁴¹. В 2003 г. по поручению директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова он подготовил статью-справку для МИД РФ об этой трагедии народов СССР.

Высокая компетентность историка в вопросах коллективизации советской деревни признавалась не только российскими историками, но и зарубежными специалистами. Н. А. Ивницкий — ученый с мировым именем. Его неоднократно приглашали ведущие научные центры Европы, США и Канады на различные конференции и научные форумы, посвященные советской истории. В 1997 г. он выступал с докладом в Торонто (Канада) в Центре по изучению истории России и Восточной Европы на тему «Материалы Президентского архива и Архива ФСБ по истории советского крестьянства конца 1920-х — 1930-х гг.». В этом же году по приглашению Американской ассоциации по изучению истории славян (AAASS) он участвовал в работе 29-й националь-

ной конференции в Сиэтле. Его доклад на секции «Раскулачивание: практика и политика» на тему «Раскулачивание, депортация и судьба раскулаченных в СССР (1930-е годы)» вызвал большой интерес участников конференции. В декабре 1997 г. Н. А. Ивницкий выступил с докладом в Институте Кеннана в Вашингтоне на тему «Коллективизация и раскулачивание: источники, историография, итоги».

Историк перешагнул рубеж 90 лет! В 2013 г. он опубликовал очередную монографию «Трудный путь в науку: Автобиографические заметки», которую закончил следующей фразой: «В настоящее время сижу над очередной книгой «Сталинские репрессии в деревне в 1928 – 1938 гг.». Научная жизнь продолжается...»¹⁴².

§ 3. Илья Евгеньевич Зеленин – исследователь актуальных проблем аграрной истории России XX века

Среди историков-аграрников России последних десятилетий заметный вклад в изучение актуальных и дискуссионных проблем аграрной истории России XX века внес доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Илья Евгеньевич Зеленин¹⁴³. Он принадлежал к так называемой «могучей кучке», «крестьянской группе» – сотрудникам сектора истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР Института истории СССР АН СССР (позднее группе по аграрным преобразованиям Института российской истории РАН), возглавляемому выдающимся историком-аграрником России В.П. Даниловым.

И.Е. Зеленин – главный специалист в области изучения истории советских совхозов – крупных государственных сельскохозяйственных предприятий по производству зерна и продукции животноводства. Его труды на эту тему не потеряли своей научной значимости и до настоящего времени.

Но наибольшую известность и признание коллег в России и за ее пределами получили его работы, посвященные другой теме – трагедии советской деревни в период сталинской насильственной коллективизации. Он наиболее обстоятельно с привлечением разнообразных и достоверных источников исследовал завершающий ее этап, пик крестьянской трагедии – период 1931–1933 гг. Также в центре его внимания оказалось и довоенное развитие сельского хозяйства СССР¹⁴⁴.

Заслугой историка является его работа в должности заместителя и главного редактора центрального исторического журнала России «Отечественной истории», на страницах которого нашли отражение самые важные и дискуссионные проблемы истории страны, в том числе аграрная проблематика.

И.Е. Зеленин родился 19 июля 1926 г. в Москве в семье служащих. Он оказался сопричастен судьбе поколения, детство которого при-

шлось на период первых пятилеток, а юность – на годы Великой Отечественной войны. В 1941 г. И.Е. Зеленин поступил в Московский полиграфический техникум, откуда, как и большинство его сверстников, в 1943 г. был призван в ряды Красной Армии. Был курсантом авиатехнической школы, Сталинградского военного авиаучилища, находившегося в Новосибирске, затем переведен в роту аэродромного обслуживания. Имел благодарности от командования.

После завершения войны, находясь на военной службе, И.Е. Зеленин заочно окончил 10-й класс средней школы, а в 1950 г. – исторический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Демобилизовавшись в 1950 г., вернулся в Москву, работал учителем истории в средней школе. В 1954 г. И.Е. Зеленин поступил в аспирантуру Московского педагогического института им. Ленина, по окончании которой в 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Строительство зерновых совхозов на Северном Кавказе в годы второй пятилетки (1933–1937)». С тех пор научная деятельность И.Е. Зеленина была посвящена аграрной тематике, которой он оставался верным всю свою жизнь.

В марте 1958 г. И.Е. Зеленин был принят на работу в Институт истории АН СССР (позднее Институт российской истории РАН), где работал до последних дней – почти полвека, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника¹⁴⁵.

В 1970 г. в ИИ АН СССР он защитил докторскую диссертацию «Совхозы СССР в 30–40-е годы». Истории совхозов был посвящен целый ряд его монографий, охватывавших период от 1917 до 1970 г.¹⁴⁶

Научная биография историка, как и большинства коллег его поколения, делится на два периода – советский и постсоветский.

В первый период он сформировался как ученый в Институте истории СССР АН СССР. Как уже отмечалось, свой большой путь в науке он начал с работы в должности младшего научного сотрудника института в «крестьянской группе» В.П. Данилова. С 1958 и по конец 1960-х гг. он исполнял обязанности ее ученого секретаря (группы по истории советского крестьянства).

И.Е. Зеленин считал В.П. Данилова своим учителем, так же как и И.Д. Ковальченко и руководитель сектора истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР Института истории СССР АН СССР И.М. Волков¹⁴⁷.

И.Е. Зеленин – участник даниловского коллектива по написанию двухтомной истории коллективизации сельского хозяйства в СССР, не допущенной к печати в 1965 г. заведующим Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезниковым и другими «сталинистами от науки»¹⁴⁸.

Уже в 1960-е – 1970-е гг. И.Е. Зеленин сформировался как авторитетный исследователь истории и историографии коллективизации и колхозного крестьянства, общественно-политической жизни советс-

кой деревни¹⁴⁹. Он был одним из ведущих авторов крупных коллективных трудов: «Очерков по истории коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в СССР (1927–1941 гг.)», восьмого тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» и ряда других. Активное участие – как ведущий автор и редактор – И.Е. Зеленин принимал в подготовке 2 и 4-го томов многотомной «Истории советского крестьянства», изданных в 1986 и 1988 гг. и не утративших своей научной значимости и поныне.

Как уже отмечалось, в указанный период творческой жизни историк активно занимался изучением истории совхозов СССР с момента их появления в 1921 г. и до начала 1970-х гг. Его публикации на эту тему – наиболее полное освещение данной проблемы в отечественной и зарубежной историографии. И.Е. Зеленин на основе всестороннего анализа достоверных и многочисленных источников из центральных и региональных архивов осветил такие аспекты проблемы, как: ленинские идеи совхозного строительства и начало их осуществления в 1917–1920 гг., совхозное строительство в период нэпа, в годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны, в послевоенные годы, в том числе в условиях так называемого «развитого социализма» в 1960–1970-е гг.

Историк оценивал феномен советских совхозов в рамках господствующей официальной идеологии о преимуществах советского строя, включая колхозно-совхозный строй. «Более чем за полвека своей истории совхозы прошли путь от первых небольших очагов социализма в деревне до крупнейших сельскохозяйственных предприятий, играющих огромную роль в экономической и общественно-политической жизни села», – заключал он¹⁵⁰. В то же время, за этой риторикой в работах И.Е. Зеленина проступала информация, противоречащая ей и сообщающая о реальном положении советских совхозов и их проблемах. Как правило, эти сюжеты шли под рубрикой «трудности роста». Например, для первой пятилетки – это была проблема «гигантомании» – создание совхозов размером 92 тыс. га и больше, в результате чего они становились просто неуправляемыми¹⁵¹. В этом же ряду узкая специализация совхозов при отсутствии должной технической оснащенности и квалифицированных кадров (особенно механизаторов), нерешенность бытовых проблем рабочих совхозов (текучесть кадров) и т. д.¹⁵²

Особенно плодотворно исследовательский талант И.Е. Зеленина проявился с конца 1980-х гг. на новом этапе развития российской исторической науки, когда появилась возможность выйти за прежние догматические рамки интерпретации истории, а для ученых стали более доступными архивные источники.

По совету В.П. Данилова он меняет акцент своей исследовательской работы и концентрирует внимание на актуальной проблеме – ис-

тории сталинской коллективизации и ее последствиях для советской деревни и страны в целом. Он много работает в архивах и на указанную тему активно выступает на научных конференциях и симпозиумах, в том числе и международных. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в центральных исторических журналах появляется серия его статей, содержащих новые концептуальные подходы и конкретную разработку актуальных проблем аграрной истории СССР и России периода 1930-х гг. Из-под его пера выходят новаторские статьи по самому широкому кругу тем: «О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации», «Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса», «Политотделы МТС – продолжение политики чрезвычайщины», «Коллективизация и единоличник», «Был ли “колхозный неонэп”?», «Первая советская программа массового освоения целинных земель», «Революция сверху»: завершение и трагические последствия», «Крестьянство и власть в СССР после 1933 г.» и др. Все они хронологически охватывают период пика общекрестьянской трагедии (сентябрь 1930–1933 гг.). Кроме того, историк обращается к более позднему времени – аграрной политике сталинизма и положению крестьянства в 1934–1939 гг. Своими трудами он продолжает линию исследования трагедии советской деревни в рассматриваемый период вслед за своими коллегами по «крестьянской группе» Института российской истории РАН В.П. Даниловым и Н.А. Ивницким.

В постперестроечный период в качестве заместителя и главного редактора журнала «История СССР» («Отечественная история») И.Е. Зеленин организывает «круглые столы» в журнале по темам: «Коллективизация: истоки, сущность и последствия» и «Актуальные проблемы советского источниковедения» и др. Он является постоянным участником теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», проводимым под руководством В.П. Данилова в Московской высшей школе социальных и экономических наук¹⁵³.

В рассматриваемый период И.Е. Зеленин входил в состав бюро Научного совета по проблемам аграрной истории при Отделении истории РАН, Оргкомитета по проведению симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, являлся сопредседателем секции Симпозиума по периоду 1917–1990 гг., был неизменным участником всех его сессий. Кроме того, он был избран в состав регионального объединения историков-аграрников Урала и Западной Сибири, был членом специализированных ученых советов Института российской истории РАН и Московского педагогического государственного университета, экспертного совета ВАК.

При изучении истории коллективизации И.Е. Зеленин обратился к самым актуальным и дискуссионным ее проблемам, относящимся к завершающему ее этапу. Он первым в отечественной историографии глубоко и всесторонне исследовал историю так называемого «закона о

пяти колосках» — постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении»¹⁵⁴.

Историк выяснил, что его инициатором и основным автором («главным архитектором») был И.В. Сталин. Вождь не только отдавал себе полный отчет о драконовском характере предложенных им карательных мер, но даже употребил сам термин («драконовский!»), увязав с «социалистическим характером» карательных акций, необходимых для укрепления нового общественного строя. По мнению И.Е. Зеленина, закон был юридически безграмотным, поскольку в нем отсутствовала дифференциация мер наказания (10 лет тюрьмы или расстрел предусматривались за любые хищения социалистической собственности — малое или большое). Также он игнорировал известную правовую норму «закон обратной силы не имеет». Об этом свидетельствовала инструкция по его применению, утвержденная 16 сентября 1932 г. Она допускала применение установленных репрессивных мер до его издания, «в случае, когда преступления имеют общественно-политическое значение». В то же время жесткие меры против хищений общественной собственности (социалистической) не распространялись на личную (частную) собственность колхозников (приусадебное хозяйство) и единоличников, что особенно возмущало крестьян¹⁵⁵. На 15 января 1933 г. по РСФСР было осуждено по закону от 7 августа 1932 г. 64 907 человек, из них к высшей мере наказания приговорены 2 298, к 10 годам лишения свободы — 19 792, или 30,5 %. В целом по стране за это время было осуждено 103 тыс. человек, из них к высшей мере наказания приговорено 4 880 человек, к 10 годам — 26 086 человек. Из общего числа осужденных большинство пришлось на колхозы (64,2 %)¹⁵⁶.

В 1990-е гг. И.Е. Зеленин одним из первых в российской историографии обратился к теме голода 1932–1933 гг. в СССР¹⁵⁷. И это не случайно. Еще в доперестроечное время он оказался первым советским историком, который зафиксировал факт голода в советской деревне в результате коллективизации в своих публикациях еще до начала в стране эпохи «гласности». Об этом он написал в главе «Организационно хозяйственное развитие колхозов» во втором томе «Истории советского крестьянства». И.Е. Зеленин являлся и главным редактором этого тома¹⁵⁸.

В новой России он изучил данную проблему на новых источниках и сделал концептуальные выводы по основным ее аспектам. Он назвал голод 1932–1933 гг. организованным голодом, обвинив в его «организации» И.В. Сталина и сталинский режим во имя интересов модернизации страны (индустриализации)¹⁵⁹.

В качестве аргументов в подтверждении этого вывода И.Е. Зеленин привел перечень решений вождя, которые можно интерпретировать как «механизм организации голода». По его мнению, это 1) создание

по инициативе Сталина и посылка (при его соответствующем инструктаже) в основные зерновые районы страны чрезвычайных комиссий по хлебозаготовкам (октябрь – декабрь 1932 г.), которые возглавляли Каганович, Молотов, Постышев, а в Казахстане – де-факто Ф. Голощекин как секретарь крайкома; 2) Закон от 7 августа 1932 г. («о пяти колосках»), основным автором и редактором которого был Сталин; 3) выступление генсека на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. (теоретическое обоснование репрессий против всего крестьянства и программа действий – «ответить сокрушительным ударом»; 4) постановление ЦИК и СНК СССР о паспортной системе 27 декабря 1932 г. (для «всех» граждан за исключением крестьян, перемещение которых по стране должны строго контролировать органы ОГПУ); 4) зловещая Директива Сталина – Молотова от 22 января 1933 г., предписывающая органам ОГПУ «арестовывать пробравшихся на Север крестьян» («за хлебом»), а «после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных в места их жительства»). Так возникли «кордоны на дорогах» на Украине и Северном Кавказе, «фильтрационные лагеря»¹⁶⁰. «С публикацией Директивы от 22 января 1933 г. круг замкнулся: основные (субъективные) предпосылки для общекрестьянской трагедии были созданы при личном участии Сталина», – указывал И.Е. Зеленин¹⁶¹.

Еще одной проблемой в рамках изучения истории советской деревни на завершающем этапе коллективизации стали для И.Е. Зеленина политотделы МТС¹⁶². Он авторитетный специалист по данной теме. Как известно, политотделы при МТС были созданы в зерновых районах страны зимой 1933 г. в соответствии решением Январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). И.Е. Зеленин доказал, что они являлись неконституционными, репрессивными органами в деревне. Основная их деятельность свелась к чистке кадров колхозов и МТС. По мнению историка, это была одна из самых жестоких и пагубных по своим последствиям акций¹⁶³. Преобладающее большинство этой «чистки» стали жертвами пресловутого «классового подхода»: велись сознательные и целенаправленные «поиски врага», «срежиссированные» Сталиным, который свел к проискам классовых врагов, прежде всего кулаков внутри колхоза среди «кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д.»¹⁶⁴.

В то же время историк указывает на «известный позитивный резонанс» в деятельности политотделом МТС в деревне в 1933–1934 гг. Это привлечение колхозных ветеранов к контролю за качеством полевых работ («инспекция по качеству», «бригады седой гвардии»), организация сторожевой и дозорной службы (посты «легкой кавалерии», создаваемые комсомольцами)¹⁶⁵. Также благодаря политотделам обстановка в деревне к середине 1930-х гг. нормализовалась, и аграрный кризис в большинстве регионов и республик страны удалось пре-

одолеть. В определенных пределах политотделы смогли продвинуться по пути организационно-хозяйственного укрепления колхозов, улучшения жизни колхозников.

Но в целом, исходя из изученных источников, И.Е. Зеленин негативно оценивает результаты деятельности политотделов МТС. Его аргументация следующая. Недолгий опыт создания и функционирования политотделов со всей очевидностью показал на нецелесообразность такого рода управленческой структуры в сельском хозяйстве, тем более при наличии в их составе заместителя начальника политотдела по ОГПУ в условиях мирного времени. Свои чрезвычайные полномочия они употребили (как им было предписано) главным образом на то, чтобы провести глобальную чистку кадров колхозов и МТС и путем применения репрессивных мер добиться безусловного выполнения непосильных для крестьян хлебозаготовительных планов (не только основных, но и дополнительных — «встречных»). Находясь в железных тисках между административно-командными подходами и «неонэпом», пытаясь в той или иной мере внедрить элементы материальной заинтересованности, товарно-денежных отношений (путем улучшения организации и оплаты труда, поощрения развития личного подсобного хозяйства, колхозной торговли и т. п.), политотделы, как правило, вынуждены были отдавать предпочтение первым, а поэтому не смогли добиться подлинного перелома в развитии производства, заложить прочные основы для его подъема¹⁶⁶.

Если Н.А. Ивницкий в своих фундаментальных трудах показал трагедию единоличников в ходе их раскулачивания, насильственного принуждения к вступлению в колхоз и депортаций в 1929—1932 гг., то И.Е. Зеленин сделал это применительно к последующему периоду. В его публикациях речь идет о судьбе единоличников в 1933—1939 гг., их взаимоотношениях с колхозами и государством¹⁶⁷.

Он установил, что в 1934 г. вне колхозов оставалось еще более 9 млн (около 40 %) крестьянских хозяйств, правда, главным образом в районах потребляющей полосы, национальных республик на востоке страны, многие из которых отнюдь не горели желанием включаться в процесс «всасывания» и «перевоспитываться»¹⁶⁸. При этом, как указывает И.Е. Зеленин, произошло «чудо». Даже в условиях советской действительности, получив относительную свободу, многие из единоличников стали жить лучше, чем колхозники, обеспечивали себя и свои семьи не только хлебом, но и животноводческой продукцией, деньгами¹⁶⁹. Этот факт очень важен, поскольку свидетельствует о жизненной силе русского крестьянина, его способности выжить при самых неблагоприятных условиях.

Анализируя положение единоличников в рассматриваемый период, И.Е. Зеленин указывает, что многие из них проявили большую смекалку и предпринимательскую хватку, занимались различными

видами предпринимательской деятельности. Например, воспользовавшись тем, что правления колхозов крайне неохотно давали колхозникам лошадей для поездки на базар, в больницу, для заготовки сена и дров, обработки индивидуальных участков, по договорам с колхозниками (а иногда и с колхозами) эти функции взяли на себя единоличники. Они занимались извозом, благодаря чему значительно увеличивали свои доходы¹⁷⁰.

Подобное поведение единоличников не отвечало планам сталинского режима. Поэтому во второй половине 1930-х гг. он делал все, чтобы загнать их в колхозы. Для этого систематически повышались налоги. А в 1938 г. было принято решение о резком повышении налога на крестьянскую лошадь — основную кормилицу предприимчивых единоличников¹⁷¹. После введения этого налога в единоличных хозяйствах был перекрыт последний канал возможного функционирования предпринимательского (рыночного) хозяйства¹⁷². Но единоличник не сдавался, сосредоточившись на своих приусадебных участках, хуторах, обеспечивших выживание крестьянской семьи. В 1939 г. в СССР остался 1 млн единоличных хозяйств. Особенно успешно они функционировали в западных районах страны, в Сибири и на Урале. Подводя черту под вопросом о результатах взаимодействия единоличников и государства в 1930-е гг. И.Е. Зеленин справедливо заключает, что «большой опасности» для страны единоличники не представляли, но, тем не менее, о «гибели единоличного хозяйства», на чем настаивал Сталин в докладе на XVIII съезде партии, говорить еще было рано¹⁷³.

И.Е. Зеленин — автор дискуссионной в историографии идеи о «сталинском неонэпе»¹⁷⁴. По мнению историка, «неонэп» — это новая аграрная реформа И.В. Сталина. Хронологически она охватывает период 1934—1936 гг. Суть «неонэпа» состояла в существенном изменении аграрной политики сталинизма, отказавшегося от методов насилия над крестьянством в качестве основных, как это было в начальный период коллективизации, и взявшего курс на экономическое стимулирование трудовой активности колхозников и единоличников.

И.Е. Зеленин выделяет четыре этапа «неонэпа»: 1) совещание в Кремле 2 июля 1934 г. по вопросам коллективизации; 2) отмена карточной системы на хлеб и другие продукты («радикальная экономическая реформа» по оценке Сталина, ноябрь 1934 г. с одновременной ликвидацией политотделов МТС); 3) II Всесоюзный съезд колхозников-ударников и принятие нового Примерного Устава сельскохозяйственной артели (февраль 1935 г.); 4) Конституция 1936 г.

Историк отмечает, что эти этапы, тесно связанные между собой, как правило, закрепляли достижения предыдущего, создавали условия для реализации задач последующего. Так, отмена карточной системы не могла осуществиться, если бы политотделы активно не участвовали в решении проблемы хлебозаготовок и хлебозакупок.

По мнению И.Е. Зеленина, из всех «неонэповских» реформ наиболее эффективная и быстродействующая — это разработка и принятие на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. нового Примерного устава сельскохозяйственной артели, активное участие в котором приняли сами колхозники и лично Сталин. Данный Устав явился компромиссом власти с крестьянством по вопросу о праве на личное подсобное хозяйство и торговлю его продукцией на свободном рынке при условии добросовестного труда в колхозе¹⁷⁵. Конституция 1936 г. политически и юридически зафиксировала этот факт¹⁷⁶.

И.Е. Зеленин — один из немногих историков в России и за ее пределами, кто обратился к такой малоизученной странице в истории сталинизма, как «большой террор» 1937 г. в советской деревне. Он смог заниматься этой темой благодаря участию в международных проектах Института российской истории РАН, организованных В.П. Даниловым. Именно в ходе работы в рамках этих проектов он получил в архивах доступ к информации по указанной проблеме.

В центре внимания И.Е. Зеленина оказалась директива Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1937 г., собственноручно написанная И.В. Сталиным, «Об антисоветских элементах», предусматривающая расстрелы и аресты так называемых «бывших кулаков», вернувшиеся из ссылки в места своего проживания и якобы «вредивших» колхозам. Руководствуясь ею, НКВД СССР разработал оперативный план № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», подписанный наркомом Н.И. Ежовым.

В своих публикациях И.Е. Зеленин показал историю выполнения этой директивы, а также осуществление «большого террора» в советской деревне в 1937–1938 гг. По всей стране создавались специальные «тройки», в задачу которых входило без суда и следствия арестовывать и распределять по категориям (первая — расстрел, вторая — отправка в лагерь ГУЛАГа «бывших кулаков и уголовников»)¹⁷⁷. На конец сентября 1937 г. было арестовано 108,1 тыс. бывших кулаков, а всего с августа 1937 по ноябрь 1938 г. — 787397 человек (по первоначальной ориентировке предполагалось арестовать 342 тыс., или в 2,3 раза меньше), из них расстреляны 386798 человек (предполагалось ранее 270 тыс., или в 5,4 раза меньше), отправлены в лагеря 380559 (предполагалось ранее 270 тыс., или в 1,4 раза меньше)¹⁷⁸.

И.Е. Зеленин — активный участник международного проекта Института российской истории РАН «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.». Он член редакционной коллегии пятитомной документальной серии, ответственный редактор и составитель третьего тома, посвященного кульминации крестьянской трагедии в сталинский период — 1931–1933 гг.¹⁷⁹

Вот как он в историческом предисловии охарактеризовал цели и содержание этого тома: «Хронологические рамки тома (конец 1930 —

1933 гг.) охватывают события одного из наиболее трагических для крестьянства, всех жителей деревни, страны в целом, этапа сталинской «сплошной коллективизации». Это — усиленное форсирование с осени 1930 г. после обвального спада весной и неустойчивой стабилизации летом; «новая волна» раскулачивания и «спецпереселения» зажиточных (и не только) крестьян в северные и северо-восточные районы страны; попытка реализации практически невыполнимых хлебозаготовительных планов на основе продрозверстки; применение беспрецедентных по своей жестокости карательных мер к «саботажникам» и расхитителям хлеба (закон «о пяти колосках»), чрезвычайные комиссии ЦК, введение паспортной системы, директива «о кордонах на дорогах» и др.). А в результате — полный провал плана первой пятилетки в области сельского хозяйства, «уточненного» в конце 20-х — начале 30-х годов; аграрный кризис, охвативший основные сельскохозяйственные районы страны; социально-демографические потрясения и как следствие и результат всех этих процессов — «великий голод» 1932 — 1933 гг., жертвами которого стали миллионы крестьян, составлявших более трех четвертей населения страны»¹⁸⁰.

И.Е. Зеленин тщательно отобрал документы в центральных архивах для публикации в томе и профессионально проанализировал их научную значимость. В сборник были включены уникальные по содержанию документы, ранее засекреченные и недоступные исследователям. Прежде всего, это документы о голоде 1932—1933 гг., его причинах и последствиях, хлебозаготовительной кампании 1932 г., спровоцировавшей голод. Также это — аналитическая справка, подготовленная СПО ОГПУ «О ходе коллективизации и массовых выступлениях крестьянства в октябре — декабре 1931 г. — январе — марте 1932 г.»¹⁸¹. Она свидетельствует, что и после массового раскулачивания и массовых выселений крестьян на начальном этапе коллективизации советская деревня не была умиротворена сталинским режимом. Она сопротивлялась. В 1932 г. было зафиксировано 616 крестьянских выступлений против хлебозаготовок и других мероприятий власти, в которых приняло участие 55387 человек.

Среди документов сборника особую значимость имеет впервые опубликованная секретная директива-инструкция Сталина — Молотова от 8 мая 1933 г. партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и Прокуратуры, оформленная вскоре как постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Она предусматривала прекращение массовых репрессий в деревне в связи с изменившейся политической ситуацией¹⁸². Голод и репрессии начала 1930-х гг. сломили крестьянство, и уже не было необходимости в репрессиях. В этой связи правомерен следующий вывод редактора сборника И.Е. Зеленина: «Эту директиву можно считать политическим рубежом (за которым последовали практические меры) завершения «политики ликвидации кулачества как

класса», провозглашенной Сталиным в конце 1929 г. Документы показывают, что с 1933 г. массовые депортации крестьян прекращаются, а в 1934–1935 гг. высылки начали носить ограниченный характер. Политика «кнута» отступает на задний план, на первый выдвинулись уступки и обещания, политика «достижения соглашения с крестьянством») (как при Ленине в первые годы нэпа¹⁸³.

Последней работой в творческой биографии И.Е. Зеленина на тему коллективизации и ее последствий стала монография «Сталинская «революция сверху»: после «великого перелома»: политика, осуществление, результаты»¹⁸⁴. Она была завершена в апреле 2004 г. А 24 мая 2004 г. И.Е. Зеленина не стало...

Рукопись монографии была утверждена к печати Ученым советом Института российской истории РАН уже после кончины автора. Она действительно итог и вершина многолетнего научного поиска видного российского историка-аграрника. На основе обобщения ранее изученных источников и анализа историографии проблемы И.Е. Зеленин вновь сконцентрировал внимание на ключевых ее аспектах, отраженных в структуре книги: пик общекрестьянской трагедии (сентябрь 1930–1933 гг.); «сталинский неонэп» (1934–1936); эскалация «большого террора». Аграрная политика и сельское хозяйство: валютяющая стабилизация (1937–1939).

В своей последней работе И.Е. Зеленин дал общие оценки сталинской аграрной политики 1930-х гг. Он указал, что Сталину, опираясь на колхозно-совхозное производство, в той или иной мере, удалось решить зерновую проблему в «сталинском понимании»: получить товарное зерно для нужд страны¹⁸⁵. И вождь был прав, отмечал историк, подчеркивая, что «высокая товарность колхозно-совхозного производства является его важнейшей особенностью, имеющей серьезнейшее значение для снабжения страны»¹⁸⁶. Она позволила в годы Великой Отечественной войны решить проблему бесперебойного снабжения армии и населения СССР хлебом и другими продуктами питания, сельскохозяйственным сырьем.

«Но это далеко не вся правда или даже часть правды, если исходить из общечеловеческих ценностей, а не пресловутого «классового подхода». Это была сталинская «правда», как и «сталинская коллективизация и индустриализация», «сталинский неонэп», «сталинская Конституция». И сразу возникают вопросы: какую цену заплатило крестьянство за сталинские эксперименты? Насколько они были оправданы? Сколько крестьянских (и не только) жертв было положено на алтарь социалистического отечества в годы коллективизации? Как разграничить «правду истории» и «правду факта»? – завершает свою книгу И.Е. Зеленин¹⁸⁷.

Эти вопросы не имеют однозначного ответа и обращены ко всем исследователям сталинской эпохи. Постановка их – еще одно свидетельство высокой научной компетенции И.Е. Зеленина.

Но круг его интересов не ограничивался коллективизацией и совхозами. Историк написал серьезные работы по другим актуальным темам аграрной истории России XX века¹⁸⁸. В частности, большой резонанс среди специалистов получили его публикации по проблеме аграрной политики Н.С. Хрущева¹⁸⁹.

Научная и общественная деятельность И.Е. Зеленина не ограничивалась стенами Института российской истории РАН. Он являлся активным пропагандистом исторических знаний, постоянно помогал историкам-аграрникам многих регионов страны, консультировал иностранных ученых. Многие руководимые им аспиранты и докторанты успешно защитили кандидатские и докторские диссертации (Г.Е. Корнилов, В.Б. Семенов и др.). В 1998 г. И.Е. Зеленин получил ученое звание профессора¹⁹⁰.

§ 4. Николай Яковлевич Гушин – патриарх аграрной историографии Сибири XX века

Одним из наиболее авторитетных историков-аграрников России второй половины XX века является Николай Яковлевич Гушин. Он основатель новосибирской школы историков-аграрников, изучающих историю крестьянства и сельского хозяйства Сибири советского периода¹⁹¹.

Н.Я. Гушин родился в 1929 г. в деревне Каменево Галичского района Костромской области. Как вспоминал член-корреспондент РАН Д.М. Горюшкин, «интерес Н.Я. Гушина к истории проявился уже в средней школе, что и определило его профессиональную и научную ориентацию на всю жизнь»¹⁹². С 1946 по 1951 г. Николай Яковлевич учился на историческом факультете Ленинградского государственного университета, где интерес к научно-исследовательской работе привили ему выдающиеся профессора В.В. Мавродин и С.Б. Окунь, которых он считал своими учителями¹⁹³. После окончания университета Н.Я. Гушин поступил в аспирантуру на кафедру общественных наук ЛГУ. В 1954 г. молодой ученый успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Новая экономическая политика Коммунистической партии Советского Союза и ее значение в построении социализма». В том же 1954 г. по распределению Н.Я. Гушин приехал в г. Новосибирск, где остался навсегда. Сначала он работал доцентом Новосибирского электротехнического института связи. В 1960 г. перешел на работу во вновь открывшийся вуз – Новосибирский государственный университет, где был доцентом, а с 1962 г. – заведующим кафедрой истории КПСС. В декабре 1963 г. Н.Я. Гушин становится сотрудником отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Сибирского

отделения АН СССР, вскоре преобразованного в самостоятельный Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (затем Институт Истории Сибирского отделения РАН). В Институте истории он первоначально работал старшим научным сотрудником, с 1970 по 1995 гг. — заведующим сектором аграрной истории, а затем — главным научным сотрудником института.

В профессиональной карьере историка наиболее важным достижением стало основание сектора аграрной истории в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (в настоящее время Институт истории СО РАН). Благодаря руководству Н.Я. Гущина он превратился в один из ведущих научных центров страны по изучению актуальных проблем аграрной истории Сибири и России. В рамках сектора Н.Я. Гушин создал целую школу историков-аграрников, занимающих в настоящее время передовые позиции в российской исторической науке. Под его научным руководством защищено более 30 кандидатских и докторских диссертаций по аграрной проблематике. Учениками Н.Я. Гущина являются такие известные российские историки-аграрники, как В.И. Шишкин, И.С. Кузнецов, Л.Н. Славина, В.А. Ильиных и др.

Долгие годы одновременно с работой в Институте истории Н.Я. Гушин по совместительству преподавал на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета: работая с 1964 по 1970 гг. — доцентом кафедры истории СССР, а с 1970 по 1985 гг. — ее заведующим и профессором. В мае 1970 г. Н.Я. Гушин защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1937 гг.)».

Н.Я. Гушин прожил яркую творческую жизнь. Об этом свидетельствуют опубликованные им около 300 работ, в том числе 12 монографий. Среди наиболее значимых его творческих достижений следует отметить участие историка в знаковых и научно значимых коллективных работах. Н.Я. Гушин был членом редколлегии и автором разделов 4-го тома «Истории Сибири» (издание получило Государственную премию)¹⁹⁴. Он руководил написанием 3-го¹⁹⁵ и 4-го¹⁹⁶ томов «Истории крестьянства Сибири», которые представляли собой своеобразный итог тридцатилетнего развития советской сибирской аграрной историографии со всеми ее достоинствами и концептуальными издержками.

В середине 1980-х гг. Н.Я. Гушин «взвалил» на себя и на сектор аграрной истории, который он возглавлял в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, еще более сложную задачу — подготовку пятого, завершающего, тома «Истории крестьянства Сибири», работа по написанию которого находилась под угрозой срыва, главным образом из-за практического отсутствия историографического задела. Наряду с историками к работе были привлечены социологи

и экономисты из Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и Сибирского отделения ВАСХНИЛ. Проект был завершен в сжатые сроки, и в 1991 г. пятый том был опубликован¹⁹⁷. Его новаторский характер заключался в принципиально новой оценке созданного в СССР колхозного строя и колхозно-кооперативной собственности. Был сделан вывод об отчуждении труженников села от земли и средств производства и их превращении в наемных работников как итоге «многолетней практики раскрестьянивания».

И сегодня этот труд остается единственной фундаментальной работой, в которой анализируется история российской деревни в 1960–1980-е гг., поскольку аналогичный труд, подготовленный к печати в Институте истории СССР АН СССР под руководством заведующего сектором истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР И.М. Волкова, так и не был опубликован. В 1988–1989 гг. новый заведующий сектором В.П. Данилов посчитал нецелесообразным это, поскольку, по его мнению, текст тома не отвечал новым веяниям и нуждался в доработке с точки зрения использования новых источников, которые становились доступными в результате «гласности» и «архивной революции». Н.Я. Гущин поступил мудрее. Он зафиксировал в пятом томе сложившийся на тот момент уровень развития советской аграрной историографии.

Область научных интересов Н.Я. Гущина охватывала широкий спектр проблем аграрного и демографического развития Сибири в XX веке: историю коллективизации сибирской деревни, развитие сельского хозяйства Сибири в послевоенный период, роль науки в развитии сельского хозяйства Сибири, проблемы историографии, миграции сельского населения и т. д.¹⁹⁸

Наибольшую известность в отечественной историографии получили работы историка, посвященные коллективизации сельского хозяйства региона. Если говорить о концептуальной стороне названных трудов, то с высоты современной позиции может создаться впечатление, что они полностью соответствуют схеме «Краткого курса истории ВКП(б)»¹⁹⁹. Однако первое впечатление является обманчивым. Эти работы представляли принципиально новый этап отечественной историографии истории коллективизации, которые от предыдущего ее этапа отличались прежде всего переходом от безусловной убежденности в верности и безошибочности проведения коллективизации к признанию ее условной целесообразности.

Многие подходы Н.Я. Гущина к освещению коллективизации вызвали яростную критику со стороны его ортодоксальных оппонентов. В 1969 г. в отдел агитации и пропаганды Новосибирского обкома КПСС было направлено две «черные» рецензии на его подготовленную к печати монографию «Классовая борьба и ликвидация кулаче-

ства как класса в сибирской деревне (1926–1934 гг.)»²⁰⁰. Автору, в частности, было указано, что он слишком много места уделил кулачеству, не показал борьбу «идеологов» кулачества (представителей т. н. правого уклона) против советской власти, недостаточно осветил вопросы руководящей роли Коммунистической партии, гегемонии пролетариата, сплочения союза с беднотой и средним крестьянством. Но более тяжелым было обвинение в том, что представленные в монографии «факты, цифры и сведения» о масштабах «перегибов» в осуществлении коллективизации и раскулачивания, о количестве репрессированных крестьян фактически подтверждает пози «ции буржуазных фальсификаторов» по вопросу истории коллективизации.

Монография была снята с издания, переработана и в 1972 г. опубликована ограниченным тиражом как курс лекций²⁰¹. Через год после выхода курса лекций, в 1973 г., вышла монография Н.Я. Гущина «Сибирская деревня на пути к социализму», которая была основана на тексте его докторской диссертации. Несмотря на более «осторожный» подход к освещению событий, на их страницах было помещено достаточно материалов, чтобы читатель мог представить себе реальную картину проведения массовой коллективизации. Показаны и ее последствия, которые заключались в катастрофическом падении уровня сельскохозяйственного производства.

Данная ситуация была похожа на историю с докторской диссертацией и монографией выдающегося аграрника-аграрника России Николая Алексеевича Ивницкого, посвященных раскулачиванию советской деревни, выполненных в начале 1970-х гг.

В последние десятилетия Н.А. Ивницкий – наиболее авторитетный в России и за ее пределами специалист по истории коллективизации и раскулачивания советской деревни. Н.Я. Гушин помог Н.А. Ивницкому успешно защитить докторскую диссертацию, выступив в качестве одного из экспертов при подготовке отзыва ведущей организации. Оба историка оказались под идеологическим прессом власти в одно и то же время и по аналогичной причине – из-за попытки сказать правду о реальных масштабах так называемой «ликвидации кулачества как класса» в советской деревне²⁰². Но они выдержали его благодаря взаимной поддержке, а также поддержке коллег и друзей. Н.А. Ивницкий и Н.Я. Гушин поддерживали научные и дружеские отношения долгие годы. Например, по приглашению Н.Я. Гущина Н.А. Ивницкий приезжал в Новосибирск читать лекции на тему коллективизации сельского хозяйства СССР (на основе оказавшихся у него уникальных документов о раскулачивании из «Кремлевского архива Политбюро ЦК») ²⁰³. Николай Алексеевич Ивницкий высоко ценил Н.Я. Гущина как ученого, квалифицированного специалиста по аграрной истории России и истории сибирской деревни. Он называл Николая Яковлевича «очень талантливым, глубоким, активным, плодовитым исследователем», «прекрасным и остроумным

человеком», принадлежащим к числу ведущих историков-аграрников страны, равным по уровню научной квалификации ему и его коллегам из сектора истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР Института истории СССР АН СССР (в настоящее время Институт российской истории РАН). По словам Н.А. Ивницкого, он и сотрудники данного сектора В.П. Данилов, М.А. Вылцан, И. Е. Зеленин, М.Л. Богденко и др. высоко ценили труды Н.Я. Гущина, так же как и его человеческие качества²⁰⁴.

Подтверждением данного факта является постоянное участие Н.Я. Гущина в работе главного научного форума историков-аграрников страны – международного симпозиума по изучению проблем аграрной истории Восточной Европы. Последний раз он участвовал в работе XXIV сессии симпозиума, посвященного формам сельскохозяйственного производства и государственного регулирования, состоявшимся в Московском педагогическом государственном университете 27–30 сентября 1994 г. Как всегда блестяще Н.Я. Гушин выступил с докладом на советской секции на тему «Социальные формы сельскохозяйственного производства в сибирской деревне в 20-х гг.: соотношение и эффективность»²⁰⁵.

По мнению ученика и преемника Н.Я. Гущина на должности заведующего сектором аграрной истории Института истории СО РАН, доктора исторических наук В.И. Ильиных, оппоненты историка были правы, когда критиковали его за следование общей концепции советской историографии по проблеме коллективизации советской деревни. Но при этом он напоминает, что исследования Н.Я. Гущина, формально оставаясь в рамках официальной трактовки истории коллективизации и раскулачивания, фактически подрывали ее изнутри²⁰⁶. Об этом же вспоминал один из учеников Николая Яковлевича, доктор исторических наук, профессор И.С. Кузнецов: «Не являясь противником существовавшего режима, принимая в основных чертах официальную концепцию советской истории, он оказывал своими работами, а еще больше – преподавательской деятельностью, неформальным общением незаметное, но долговременное воздействие на умы и сердца молодых историков. Разбуженные им, они были готовы к восприятию новых идей, к радикальному пересмотру всей концепции истории России XX века»²⁰⁷.

Да и сам Николай Яковлевич, будучи высококлассным профессионалом, в начале 1990-х гг. вписался в новую историографическую ситуацию. Достаточно сказать, что в 1994 г. он стал лауреатом проводимого фондом Сороса Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук именно по теме «“Раскулачивание» в Сибири. 1928–1934 гг. Социально-экономические и демографические последствия»²⁰⁸.

В 1996 г., уже после ухода из жизни Николая Яковлевича (историк умер 19 февраля 1996 г.), В.А. Ильных подготовил к публикации рукопись его незавершенной монографии «Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия». Она была утверждена к печати Институтом истории СО РАН и издана в том же году.

Ее содержание свидетельствует о высочайшем научном уровне автора, его глубоком знании основных аспектов взятой для исследования темы, большом творческом потенциале в деле ее переосмысления с точки зрения новых подходов и источников. Эту небольшую по объему книгу можно поставить в один ряд с монографиями современных ведущих исследователей сталинской коллективизации – Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина, Ш. Фицпатрик, Л. Виолы, М. Левина и др. Можно только представить, каких-бы значительных успехов достигнул Н.Я. Гущин, если бы судьба оказалась к нему более благосклонной, и его творческая жизнь продолжалась...

В четырех главах монографии затронуты ключевые аспекты темы: социальное расслоение сибирской деревни в условиях нэпа, социальная природа и экономические позиции крупного крестьянина-кулака; государственная политика наступления на зажиточное крестьянство в 1928–1929 гг., ее социальные и экономические последствия; переход к массовой коллективизации и политике «ликвидации кулачества как класса» в конце 1929–1930 гг.; «раскулачивание» в 1931–1934 гг.; альтернативы «раскулачиванию», его социально-экономические и демографические последствия и др.

Научная значимость последнего труда Н.Я. Гущина состоит в выявленных им региональных особенностях сталинской насильственной коллективизации в Сибири, а также концептуальных выводах относительно наиболее дискуссионных в историографии проблем «сталинской революции сверху».

Историк указывает на значительный вес в сибирской деревни зажиточных и середняцких хозяйств, по сравнению с Европейской Россией. Характеризуя состояние сельского хозяйства Сибири накануне коллективизации и социальные отношения в сибирской деревне, он заключает, что «традиционный вывод советской историографии о полном исчерпании к концу 20-х гг. возможностей развития мелкотоварного крестьянского хозяйства в свете современного опыта развития нашей страны и мирового опыта кажется несостоятельным. Возможности развития крестьянского хозяйства на принципах нэпа были далеко не исчерпаны, а возникшие негативные тенденции, особенно в 1929 г., были связаны главным образом с социальными факторами, с политикой все более жесткого ограничения предприимчивости состоятельных крестьян и «фаворитизации» бедноты, с усилением административных начал, всевозможных чрезвычайных мер, переросших в фактическое «раскулачивание» и раскрестьянивание»²⁰⁹. Отсюда вы-

вод автора о том, что «слом» нэпа в конце 1920-х гг. был волюнтаристским актом сталинского руководства, взявшего курс на сверхиндустриализацию и насильственную коллективизацию²¹⁰.

Заслуживают внимания рассуждения Н.Я. Гущина на тему альтернатив сталинской коллективизации. Он разделяет точку зрения В.П. Данилова по этому вопросу и признает существование такой альтернативы в виде идей российских ученых-аграрников А.В. Чайнова и Н.Д. Кондратьева, предлагавших «эволюционный путь модернизации как зажиточных, так и трудовых семейных крестьянских хозяйств на основе интенсификации, все большего их соединения с мощной структурой кооперативного движения, в комбинации малых, средних и больших форм при максимальном учете их экономической эффективности»²¹¹.

Важной частью указанной монографии являются рассуждения автора о значении марксистской идеологии в подготовке насильственной коллективизации. Он убедительно опровергает распространенный в историографии миф о predeterminedности насилия над крестьянством идеями марксизма-ленинизма. В действительности из трудов классиков марксизма и В.И. Ленина не следует исторической неизбежности насильственного пути социалистического реформирования сельского хозяйства. Он предусматривали и мирный его вариант. Поэтому выбор пути и средств – удел практиков социалистического строительства. Сталин выбрал насилие, прикрывшись марксистской идеологией и ленинским кооперативным планом для его обоснования²¹². Такова логика рассуждений на эту тему Н.Я. Гущина.

В своей последней монографии историк на основе анализа разнообразного и достоверного комплекса источников восстанавливает реальную картину коллективизации раскулачивания сибирской деревни, показывает их насильственный и антикрестьянский характер, личную роль И.В. Сталина в развертывании массовых репрессий против крестьянства в Сибири. Например, на материалах поездки вождя в Сибирь зимой 1928 г. Н.Я. Гущин делает аргументированный вывод, что именно в Сибири Сталин апробировал саму технологию раскулачивания как средства запугивания крестьян²¹³.

В целом изложенный в книге материал созвучен фактическому материалу и концепции, изложенным в многотомной серии международного проекта В.П. Данилова «Трагедия советской деревни: коллективизации и раскулачивание».

Научные интересы Н.Я. Гущина охватывали и многие другие актуальные проблемы истории сельского хозяйства Сибири. Среди них, например, – освоение целинных земель в регионе в XX веке. По данным историка, только в период столыпинской аграрной реформы в Сибири было освоено переселенцами свыше 16 млн. десятин земель. Около десятка миллионов гектаров новых земель было освоено в Сибири во второй половине 1920–1930-х гг.²¹⁴ Особое внимание Н.Я. Гущин

уделил изучению процесса освоения целинных земель в регионе в 1950–1960-е гг., когда в Сибири было вспахано около 10 млн. целины и залежи. Это позволило расширить посевные площади по сравнению с доколхозным периодом в 2,5 раза, а с дореволюционным – в 3,5 раза. На этой основе был достигнут существенный подъем сельскохозяйственного производства: среднегодовой валовой сбор зерна в 1954–1958 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием увеличился в Западной Сибири в 2,3 раза, в Восточной Сибири – в 1,6 раза²¹⁵. Но эти успехи были недолгими. Огромные массивы распаханых земель были погублены «черными бурями», унесшими миллионы тонн плодородной земли и явившимися следствием ветровой эрозии. Н.Я. Гушин объяснил данный феномен непродуманной и авантюристической политикой руководства страны, проигнорировавшего предшествующий опыт освоения целинных земель. Также он указал на губительную для сибирской целины деятельность псевдоученого Лысенко, по совету которого во многих целинных хозяйствах были проведены посевы зерновых в сверх-ранние сроки. В результате около трех четвертей посевов оказались в сильной степени пораженными сорняками, были потеряны сотни миллионов пудов зерна. В этом же ряду, указывал Н.Я. Гушин, навязанные властью аграриям «рекомендации» сотрудников Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства о повсеместном внедрении на целинных землях так называемой пропашной системы земледелия, отрицающей чистые пары и утверждающей, что оптимальным предшественником под зерновые могут быть только пропашные культуры, в основном кукуруза и бобы. Под влиянием этих «рекомендаций» не только на Алтае, но и в большинстве районов Западной Сибири были полностью ликвидированы чистые пары. Это в свою очередь усилило засоренность полей сорняками²¹⁶.

Н.Я. Гушин правомерно связывает решение данной проблемы с деятельностью замечательного хлебороба России Т.С. Мальцева, предложившего для степной засушливой зоны сибирского земледелия технологию правильного севооборота с чистыми парами и безотвальной обработкой почвы²¹⁷.

В 1990-е гг. Н.Я. Гушин плодотворно разрабатывал проблемы исторической демографии, которые нашли отражение в его статьях и выступлениях на многочисленных конференциях²¹⁸. Они попали в центр внимания разработанной под его руководством программы «Формирование и развитие населения Сибири в XX веке: катаклизмы и детерминанты процесса воспроизводства и колонизации», поддержанной Российским гуманитарным научным фондом. Творческие замыслы, заложенные в этой программе, Н.Я. Гушин рассчитывал осуществить в течение трех лет, но безвременная кончина не позволила их осуществить.

Но этот и другие замыслы ученого реализуются в трудах его многочисленных учеников. Творческое наследие Н.Я. Гушина сохраняет свою научную значимость и актуальность.

§ 5. Сергей Альбертович Есиков – историк тамбовской деревни

В современной аграрной историографии, пожалуй, не найдешь более яркую и неординарную личность, чем профессор Тамбовского государственного технического университета Сергей Альбертович Есиков. При внешней простоте и немногословности, а также отсутствии манерности и свойственной многим его коллегам «плодовитости» в публикациях, его отличает гибкий и искрометный ум, умение зреть в корень при анализе сложнейших проблем истории российского крестьянства и России XX века. Достаточно сказать, что С.А. Есиков принадлежал к очень узкому кругу лиц, которых уважал и ценил как исследователей В.П. Данилов. Выдающийся историк-аграрник считал его не только своим учеником и коллегой, но и другом. Точно так же относятся к нему и многие другие авторитетные историки-аграрники России и других стран (Э.М. Щагин, П.С. Кабытов, Г.Е. Корнилов, В.А. Ильиных, А.Г. Рыбков, Н.С. Тархова, И.Е. Кознова, В.А. Саблин, В.В. Наухацкий, Т.В. Осипова, Хироси Окуда и др.)

Сергей Альбертович Есиков родился 19 ноября 1952 г. в г. Тамбове в семье служащих. В 1974 г. он закончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического института. Затем был учителем истории в средней школе, служил в Советской армии. С 1979 г. и по настоящее время он работает в Тамбовском государственном техническом университете. Сергей Альбертович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Всю свою творческую жизнь он связал с историей русского крестьянства. С.А. Есиков является одним из немногих исследователей, сумевших на региональном материале глубоко и всесторонне изучить наиболее дискуссионные проблемы аграрной историографии. Он всегда занимался концептуальными проблемами первостепенной важности, апробируя их на региональном материале. Среди них проблема крестьянства и власти, крестьянского хозяйства в годы войны и мира, русской общины, нэпа, коллективизации и т. д. На эту тему им написаны очень аргументированные и фундированные достоверными и разнообразными источниками монографии и статьи, в том числе опубликованные в ведущих научных издательствах России и других стран²¹⁹.

Свои мысли о судьбах русского крестьянства С.А. Есиков апробировал на многочисленных научных конференциях. Он был членом оргкомитета международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, организатором его сессии в Тамбове на базе ТГТУ в 2000 г.²²⁰ Кроме того, он принимал активное участие в международном проекте «История российского крестьянства в XX веке», организованном профессором Токийского университета Хироси Окудой²²¹.

Как блестящий аналитик Есиков понял главное – изучать историю России можно и на региональном материале, если использовать его не как иллюстрацию на краеведческие темы, а как информацию, отражающую суть того или иного исторического феномена общероссийского значения, но со своими региональными особенностями, то есть понять историю страны можно, изучая ее ключевые аспекты в масштабе губернии, области, района и т.д. И он блестяще продемонстрировал это на примере Тамбовского края и Центрального Черноземья России.

Вот как историк писал об этом: «История тамбовского крестьянства интересна и тем, что в ней соединились признаки аграрного развития разных регионов Европейской России... Отдельные социально-политические процессы в Тамбовской губернии изучаемого периода имели важнейшее общероссийское значение. Так, в октябре 1905 г. в губернии поднялась мощная волна массовых крестьянских выступлений, оставшаяся на этом уровне и в 1906–1907 гг. Восстание тамбовских крестьян осенью 1917 г. В. И. Ленин считал одним из главных симптомов назревшего политического кризиса и условий для успеха большевистского восстания. «Антоновщина» стала важнейшим сигналом к смене советской властью экономической политики. ...Именно на регионе Центральной России, в которую входила Тамбовская губерния, большевики в первую очередь апробировали средства и методы своей аграрной политики»²²².

Рассматривая концептуальные проблемы отечественной истории через историю ее региона, Есиков указывал на важность изучения региональной истории как таковой. Несмотря на общее, каждый регион России имел и имеет свои особенности, обусловленные исторической традицией. Он писал на эту тему: «Несмотря на общие черты, характерные для аграрного развития России, тамбовская деревня имела ряд специфических черт, отличавших ее от других регионов страны. Подчеркну то обстоятельство, что до сего времени этой стороне вопроса не придавалось серьезного значения, «своеобразие проявилось и в пореформенном развитии, и в ходе столыпинской аграрной реформы, и при проведении социально-экономических преобразований советской власти»²²³.

В центре внимания С.А. Есикова всегда был русский мужик, в большинстве своем тамбовский. О нем подавляющее большинство работ историка. Есиков является одним из немногих исследователей, рассматривающих проблему, не замыкаясь в узких хронологических рамках. Его история русской деревни охватывает почти столетие и вмещает в себя все ее основные проблемы. Это позволяет ему не только их описать, но и понять, увидеть причины великих революционных потрясений страны в первые десятилетия XX века, в основе которых, как справедливо, на мой взгляд, указал В.П. Данилов, была крестьян-

ская революция. В этом смысле работы Есикова объясняют закономерный характер не только Великой русской революции, но и причины дальнейших потрясений Советской России, в том числе сталинской коллективизации.

Им выткана логическая нить фактов и аргументов, основанных на проверенных архивных источниках, скрепляющая воедино ключевые аспекты проблемы: аграрную политику государства, крестьянское производство, общину и т. д. На материалах тамбовской деревни и Центрального Черноземья они анализируются автором на протяжении пореформенного периода и до завершения сталинской коллективизации. Своим подходом к теме Есиков продолжает традицию, заложенную в отечественной историографии Даниловым. Виктор Петрович был убежден, что понять проблему можно, если изучать ее в контексте и исторической ретроспективе.

Свое повествование о трагической судьбе русского крестьянства С.А. Есиков начинает с анализа ситуации в тамбовской пореформенной деревне. При этом он убедительно доказывает актуальность этой, казалось бы, далекой для современной России темы. Он пишет: «Один из парадоксов общественного развития России в пореформенную эпоху заключается в том, что, хотя крестьянское хозяйство во многом определяло характер и формы общественного прогресса и несло на своих плечах его основные издержки, крестьянство долгое время воспринималось и правительством, и его оппонентами лишь как объект социального воздействия».

Обращение к изучению крестьянского землевладения и землепользования в эпоху очередных российских реформ важно в плане осмысления не только закономерностей исторического процесса, но и реальности современной жизни, в том числе ситуации, возникшей в аграрном секторе страны в результате аграрных преобразований. При этом надо помнить, что Россия имеет собственные традиции реформирования: проводить преобразования вынужденно, сверху, опираясь на разветвленную систему органов власти, очень часто не имея обратной связи с обществом. Все названные проблемы сохранились до наших дней. Поэтому изучение проведения российских реформ, особенно в аграрной сфере, актуально и сегодня. По-прежнему актуальными остаются проблемы эффективного соединения крестьянина с землей и поиска форм рационального землепользования»²²⁴.

Следует отметить, что и до Есикова российские ученые глубоко и всесторонне изучали историю русской пореформенной деревни. Об это он хорошо знает и с большим уважением относится к своим предшественникам²²⁵. Казалось бы, что еще он мог сказать принципиально нового на эту тему? Оставалось лишь иллюстрировать имеющиеся в историографии выводы на тамбовских материалах. И, на первый взгляд, он пошел по этому пути, подтвердив оценки историков о том, что к

началу XX в. в аграрных регионах России возникли черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур при сохранении жесткой зависимости урожаев хлебов от резких природно-климатических колебаний, сокращении масштабов животноводства ввиду распахки пастбищных и других кормовых угодий и т. п.²²⁶

Но С.А. Есиков не ограничился подтверждением уже устоявшихся в историографии выводов. Он пошел дальше. Ему удалось расширить тематику исследования проблемы и выдвинуть ряд новых идей. Например, совместно с коллегами он обратился к теме формирования и развития сети сельских населенных пунктов Тамбовской области с момента освоения края и до начала XX в.²²⁷ Этим он продолжил традицию В.О. Ключевского в изучении истории русской колонизации, но уже на материалах Тамбовского края. Как увлекающаяся личность он окунулся в самую глубину веков и написал ряд интересных работ, посвященных начальному периоду истории Российского государства²²⁸.

Наряду с новой тематикой С.А. Есиков внес в разработку историографии проблемы идею, имеющую концептуальное значение. Он пришел к выводу, что сохранение сословного неравенства крестьян в пореформенной деревне отразилось на главном для них вопросе – вопросе о земле. Это тонкое понимание историком сути процессов, происходивших в русской деревне в рассматриваемый период.

Он писал: «Издававшиеся правительством акты свидетельствовали о глубоко ошибочном убеждении правящих кругов в том, что различные сословия одного государства могут сосуществовать на разных правовых уровнях. Частное крестьянское землевладение, несмотря на официальные запреты, развивалось. Массовая покупка земли крестьянами началась в 1880-е гг. Большинство сделок по покупке земли крестьянами совершалось при посредстве Крестьянского банка»²²⁹, «Ограниченность сословных прав крестьян ущемляла их право владеть и распоряжаться землей. Тем самым вольно или невольно законодатель в лице органов власти фактически установил причинную связь между правом пользования и владения землей и обработкой этой земли трудом субъекта этого права. В результате к началу XX века государственные нормативные акты, не отменявшие действовавшие нормы обычного права, фактически закрепляли идею народного правосознания о трудовом пользовании землей»²³⁰.

Таким образом, идея «черного передела» земли как главного лозунга крестьянской революции возникла в русской деревне не случайно. Ее укреплению в крестьянском сознании способствовала недалеконевидная политика царского самодержавия по консервации сословного неравенства крестьян. С одной стороны, оно поощряло через Крестьянский банк и другими мерами крестьянское предприниматель-

ство, а с другой – сдерживало его охранительными законами в эпоху «контрреформ» Александра III. Крестьяне не могли по закону стать частными собственниками земли. Но они коллективно становились ими по обычному праву, то есть через общину покупали землю, как правило, не оформляя ее в индивидуальную частную собственность. Учитывая, что к началу XX века крестьянское хозяйство стало господствующей формой организации сельскохозяйственного производства, но юридически по закону не могло закрепить свой статус, крестьянский протест был неизбежен. Вина в этом была не крестьян, а царского самодержавия, до последнего стоявшего на страже дворянско-помещичьих привилегий.

Занимаясь историей русской деревни, С.А. Есиков следовал традиции ведущих российских исследователей изучать ее в рамках проблемы крестьянство и власть, делая при этом акцент на региональный аспект²³¹. Опыт регионального изучения взаимоотношений тамбовского крестьянства и власти позволил ему прийти к следующим выводам.

Крестьянину, жившему в условиях замкнутости хозяйственного быта и общинного самоуправления, государство нужно было лишь как регулятор отношений, гарант и защитник крестьянских прав владения и собственности. Поэтому он противился любому государственному принуждению, жаждал «всей земли и воли». Для государства же крестьянство было «неудобным классом» именно как саморазвивающийся слой, но оно нужно было государству как основа физического жизнеобеспечения общества. Крестьянство, будучи в целом покорной частью общества, восставало против государства, во-первых, когда оно чрезмерно и болезненно вторгалось в сферу интересов крестьян, во-вторых, когда государство явно не оправдывало социальных ожиданий крестьян, в-третьих, когда государство показывало крестьянству свою некую слабость. В основном крестьянское сопротивление власти было пассивным, оно выражалось преимущественно в повседневных, обыденных формах. Для крестьян характерно быстрое остывание социального протеста, когда государство применяло жестокие репрессии. Неравенство сил государства и крестьянства загоняло в тупик возможности эволюционного решения вопроса. Предстоял более долгий и мучительный путь ломки традиционного крестьянско-общинного уклада. Другой возможный вариант – аграрная революция «снизу» – также не решал аграрного вопроса, ибо ослабленное за века государственного «зажима» крестьянство не могло предложить оптимального варианта, сводя все к уравнительному переделу земли. Эти выводы Есиков апробировал в своей докторской диссертации, защищенной по инициативе Э.М. Шагина в Московском педагогическом государственном университете²³², а также в других многочисленных публикациях. С учетом современных достижений отечественной и зарубежной историографии в области изучения аграрной истории России они вполне убедительны и достоверны.

С.А. Есиков — один из немногих современных историков-аграрников, не поддавшихся моде ругать крестьян за их образ жизни, рассматривать их как главную причину тормоза прогресса и модернизации России. Ряд исследователей считает, что именно поэтому крестьян пришлось загонять сначала в рыночные отношения, а потом и в сталинские колхозы. Есиков не возлагал на крестьян вину за системный кризис в стране на рубеже XIX—XX вв. Они вели себя вполне адекватно и естественно. Эту мысль он обосновал на примере анализа русской поземельной общины. В историографии она стала объектом критики со стороны некоторых исследователей²³³.

Историк понимал историческую бесперспективность общины в условиях рыночной модернизации²³⁴. Но одновременно он защищал ее от нападок, поскольку критики общины, сами того не желая, унижали русского мужика, навешивая на него ярлыки консерватора, противника перемен и т. д. Он считал общину естественной формой организации крестьянской жизни, вполне адекватной к происходящим переменам с точки зрения защиты интересов подавляющей массы крестьянства. Он хорошо изучил общину по достоверным источникам²³⁵.

В данном контексте одним из немногих в современной историографии Есиков обратился к проблеме община и агротехнический прогресс²³⁶. Вот как он изложил свою позицию по данному вопросу: «В литературе утвердилось мнение, что крестьяне упорно придерживались традиционной агротехники и с недоверием относились к различным нововведениям. ... Однако первые же опыты агропомощи крестьянскому населению показали, что устойчивость привычек была различной. Если крестьянин видел плужный взмет позднего пара в сухой почве, то вскоре и сам стремился работать с плугом. Но если ему рекомендовали, например, протравливать семена химикатами или использовать корову для нетяжелых полевых работ, то он вряд ли следовал таким советам. Приверженность к привычкам была разной. Наблюдения показали, что чем моложе, образованнее и зажиточнее был крестьянин, тем восприимчивее он относился к нововведениям...

...Земельные переделы, проводившиеся в пореформенный период в среднем раз в 20 лет (начало 80-х гг. и на рубеже XIX—XX вв.), в целом не препятствовали нововведениям, которые крестьянин зачастую мог проводить самостоятельно. Главным препятствием на пути агротехнического прогресса была крайняя бедность крестьян, а не трехпольная система и общинные порядки. Даже применение усовершенствованного инвентаря порой требовало значительных затрат всего общества. И тогда на помощь приходил сход»²³⁷.

В этой связи концептуальное значение имеет следующий вывод историка: «...Новые явления в пореформенной деревне не изменили хозяйственных и социальных основ крестьянской жизни. Община осталась институтом, обеспечивавшим физическое выживание крестьян».

янской семьи. Сводя к минимуму степень риска, она замедляла, но отнюдь не препятствовала темпам агротехнического прогресса»²³⁸.

С.А. Есиков убедительно заключает, что в укреплении общины виновато прежде всего царское самодержавие. Оно намеренно подерживало ее жизнеспособность. Традиционные фискальные функции общины и круговая порука были удобны для него при сборе налогов, выполнении разверстки и натуральных повинностей. Во многом именно поэтому был отброшен план Н.Х. Бунге по ликвидации общины, а политика Александра III законсервировала ее еще на несколько десятилетий²³⁹.

Но не только царское правительство укрепляло общину. Крестьяне сами это делали, исходя из собственных интересов. Историк указывает, что в условиях бурно развивающейся рыночной экономики община смягчала ее удары. Он писал: «Будучи не в состоянии предотвратить и устранить экономического неравенства своих членов, община их защищала в социальном и экономическом плане. Именно эта функция особенно ярко проявилась в период столыпинского наступления на общину. Чем сильнее власти давили и разрушали общину, тем крепче крестьяне держались за нее... Из всех функций общины крестьяне выбирали социальную защищенность, особенно необходимую им в лихой год. Этим можно объяснить прочность общинных устоев в тамбовской деревне»²⁴⁰.

С.А. Есиков не просто заявляет, но и очень аргументированно обосновывает свои выводы о социальной функции общины: «...община отреагировала на развитие рыночных отношений попытками модернизировать хозяйства: предпринимались шаги по смягчению вредных последствий чересполосицы, практиковались переходы на «широкие полосы», внедрялись травосеяние и многопольные севообороты, применялись усовершенствованные орудия и машины, различные агротехнические мероприятия; кое-где сельские общества, при минимальном успехе, пытались заняться предпринимательством, используя мирские капиталы»²⁴¹.

В своих публикациях Есиков прослеживает судьбу русской общины вплоть до сталинской коллективизации. Он заключает, что община, служившая средством подчинения деревни государству, в условиях революции действовала как революционно-демократическая организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением. В годы аграрной революции 1917–1918 гг. она превратилась в орган сельского самоуправления и выступила в качестве инструмента земельного передела.

Историк очень точно характеризует влияние векового общинного уклада на советскую деревню. «Общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества. Он находил конкретное выражение прежде всего в системе ценностей и нормах поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в кол-

лективизме и взаимопомощи, в признании естественным существование различных форм собственности», — указывал он²⁴².

Из творческих достижений С.А. Есикова по данной проблеме следует очень важный вывод о крестьянской самоорганизации, умении крестьянства защищать себя от государственного принуждения и насилия, отвечать чрезмерным нападкам власти на деревню. Вполне объясним, поэтому, тот накал противостояния государства и крестьянства в России, который имел место в первой половине XX века. У крестьян оказалось оружие против государства и других внешних угроз. Это традиционная поземельная община. Идеи Есикова о ней позволяют лучше понять причины и механизм крестьянского конфликта с государством в рассматриваемый период. Они подтверждают и развивают мысли об общине В.П. Данилова, П.Н. Зырянова и других выдающихся ее исследователей.

Широкой научной общественности С.А. Есиков стал известен благодаря участию в работе над сборником документов об «антоновщине» и публикациям на эту тему. Он был правой рукой Данилова при подготовке к печати первого выпуска данного сборника²⁴³. Без него этот сборник не скоро бы увидел свет. Зная дальнейшую творческую судьбу историка можно с полной уверенностью утверждать, что она не стала бы такой плодотворной без поддержки В.П. Данилова. Талант Есикова как исследователя и его прекрасные человеческие качества привлекали к нему и других авторитетных ученых, которые помогали ему в его делах, сотрудничали с ним (Э.М. Шагин, П.С. Кабытов и др.)²⁴⁴. Он всегда в меру сил платил им тем же²⁴⁵.

В начале 1990-х гг. совместно с тамбовскими коллегами С.А. Есиков опубликовал ряд статей по актуальным проблемам «антоновщины»²⁴⁶. В дальнейшем они получили обобщение в его докладе на научной конференции в Оренбурге в 2007 г.²⁴⁷

Историк рассмотрел причины крестьянского восстания, его ход, результаты, роль партии эсеров в восстании и другие проблемы. Он доказал, что «антоновщина» — это «типичное крестьянское восстание» с «типичным финалом: военным разгромом при выходе с родных мест». Оно было вызвано военно-коммунистической политикой большевиков, разорявшей крестьянские хозяйства. Повстанцы успешно вели партизанские действия в трех лесных уездах Тамбовской губернии, поскольку действовали в родных местах и во главе повстанческих отрядов оказались достаточно опытные в военном отношении люди, прошедшие мировую войну, уже повоевавшие и в гражданскую. По своему характеру крестьянское восстание в Тамбовской губернии было стихийным, оно не было подготовлено ни враждебными большевикам партиями, ни инструкторами из белогвардейских армий. Однако, несмотря на стихийный характер вооруженного выступления, крестьяне оказались способными к самоорганизации и самодеятельности: на

местах создавались органы повстанческой власти – разного уровня союзы трудового крестьянства, вырабатывались собственные программные документы, издавалась печатная продукция, проводились принудительная мобилизация, реквизиции хлеба и другие мероприятия, копировавшие действия советской власти.

С.А. Есиков считает глубоким заблуждением идеализировать крестьянскую войну, поскольку она нанесла существенный урон экономике и сопровождалась большими человеческими жертвами. Повстанцы уничтожали средства связи, портили железные дороги, громили совхозы и коммуну, с особой яростью убивали коммунистов и советских работников из крестьян. По его мнению, по части жестокости обе стороны не уступали друг другу, а жестокость остается жестокостью, от кого бы она ни исходила²⁴⁸.

Так же, как и Данилов, он обнаружил в антоновщине «необычные обстоятельства», подчеркивающие подлинный трагизм ситуации. В противоборстве оказались армии, одинаковые по национальному и классовому составу (русские крестьяне), организации (комиссары, политотделы и т. д.), одинаково присягнувшие красному знамени и боровшиеся «за победу настоящей революции». Вооруженная борьба между этими армиями велась на полное взаимное уничтожение²⁴⁹.

Вслед за Даниловым Есиков констатировал и противоречивый, но реальный факт. Большевики подавили «антоновщину», как подавили все крестьянские мятежи, однако и сами должны были отказаться от немедленного «введения» социализма, а главное, удовлетворить основные требования деревни, отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни в земельном кодексе РСФСР 1922 г.²⁵⁰

В русле избранного комплексного подхода к проблеме историк сконцентрировал внимание на главном вопросе: почему в России произошла революция и все последующие за ней события, включая сталинскую коллективизацию? Для ответа на него он обратился к анализу ситуации в тамбовской деревне и России в первые десятилетия XX века.

Совместно с П.П. Щербининым и другими тамбовскими коллегами он впервые в историографии показал негативное влияние на крестьян и крестьянское хозяйство Тамбовской губернии войн, которые Россия вела в рассматриваемый период. Русско-японская и особенно Первая мировая война ослабили крестьянское хозяйство и изменили отношение крестьян к власти. Из-за военных неудач и тягот непонятной и затянувшейся войны они потеряли веру во власть и в царя. Их революционные выступления в 1917 г. были вполне закономерными²⁵¹.

Но неудачные войны выступили лишь катализатором крестьянского протеста, его поводом. Истинные причины недовольства тамбовских крестьян были связаны с состоянием крестьянского хозяйства и государственной политикой по отношению к нему. На эту тему заслу-

живает внимания сборник документов «Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918)» / под ред. В.П. Данилова (М.: РОС-СПЭН, 2003), одним из составителей которого был Есиков. Материалы сборника свидетельствуют, что причинами крестьянской революции в Тамбовской губернии так же, как и в других районах бывшего помещичьего землевладения, были крестьянское малоземелье, ухудшение положения крестьян во время Первой мировой войны, неспособность царского правительства изменить его кардинальным образом. То есть корни проблем уходили в дореволюционное время, о чем С. А. Есиков неустанно напоминает в своих работах.

Советская власть поддержала их решение в крестьянском варианте уравнительного земельного передела. Это позволило большевикам удержаться у власти. Но далее начинается Гражданская война и новый этап крестьянского противостояния с государством в форме крестьянских восстаний. Есиков внимательно анализирует их причины применительно к «антоновщине» и на материалах Тамбовской губернии. В центре его внимания оказывается крестьянское производство и факторы, влиявшие на него. Он повторяет известные в историографии выводы о кризисе крестьянского хозяйства, его упадке в годы Гражданской войны из-за политики «военного коммунизма» большевиков. Но при этом он расставляет ряд акцентов и делает очень важные наблюдения по ряду дискуссионных вопросов.

Например, по его мнению, в годы аграрной революции (1917–1921 гг.) уравнительное перераспределение земли и ежегодные земельные переделы не решили проблему земельного голода и сохранили неустойчивость крестьянского землепользования²⁵². Основная масса крестьянских хозяйств замкнулась в рамках натурального производства. События аграрной революции отбросили крестьянское хозяйство на уровень 1880-х гг., произошла его архаизация²⁵³, то есть с точки зрения крестьянского производства и сельского хозяйства страны в целом Великая русская революция явилась регрессом. Отсюда не случайны и последующие события, связанные с курсом на форсирование индустриальной модернизации страны сталинским руководством.

С.А. Есиков несколько по-другому, чем принято в историографии, взглянул на проблему продрозверстки в годы Гражданской войны. Как и наиболее авторитетный исследователь крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма» В.В. Кабанов, он констатировал факт невозможности определить степень ее негативного влияния на крестьянское хозяйство из-за отсутствия достоверной источниковой базы²⁵⁴. По его мнению, наряду с продрозверсткой, на крестьянское хозяйство в указанный период оказали не меньшее негативное влияние такие факторы, как разруха военных и революционных лет, неурожай 1920 г., измельчание сельскохозяйственного производства и др. Этот вывод важен при определении баланса факторов кризиса сельскохозяйствен-

ного производства в России в годы Гражданской войны и начальный период нэпа. Очевидно, что не стоит все сводить к субъективному фактору – политике большевиков. Были и другие факторы, на которые справедливо указывает С.А. Есиков.

Особое место в научном творчестве историка занимает период нэпа. На эту тему, на мой взгляд, им сделаны самые важные выводы. Они замкнули единую цепь событий, идущих с пореформенной эпохи через революционные потрясения и Гражданскую войну к сталинской форсированной индустриализации на основе насильственной коллективизации советской деревни.

На материалах Центрального Черноземья С.А. Есиков проанализировал эволюцию крестьянского хозяйства в условиях нэпа. Он охарактеризовал крестьянское производство, социальную структуру села, показал развитие в нем рыночных отношений и расслоение крестьянства, определенные успехи в агрокультуре и т. д.²⁵⁵ При этом Есиков опирался не только на архивные документы, но и труды выдающихся русских экономистов, чье внимание привлекало семейное трудовое хозяйство Тамбовской губернии в рассматриваемый период (Н.П. Макарова, Н.П. Огановского, А.В. Чайнова, А.Н. Челинцева)²⁵⁶. Он один из самых лучших знатоков и пропагандистов их научного наследия.

Полученные историком результаты очень убедительны. Главные из них сводятся к следующим концептуальным положениям: нэп никогда не был «крестьянским раем», крестьянское середняцкое хозяйство исчерпало свой внутренний потенциал с точки зрения товарности и удовлетворения растущих государственных потребностей²⁵⁷, реформа сельского хозяйства страны была неизбежной²⁵⁸.

О том, что нэп никогда не был «крестьянским раем», С.А. Есиков доказал фактом голода 1923–1925 гг. в тамбовской деревне. По его мнению, по своим масштабам этот голод не уступал голоду 1921–1922 гг. В указанные годы в Тамбовской губернии голодало более 1 млн человек, имели место случаи голодных смертей²⁵⁹. И в дальнейшем уровень продовольственного потребления в деревне оставался на очень низком, голодном или полуголодном уровнях. В среднем, как указывает историк, в годы нэпа душевое потребление в тамбовской деревне составляло 11,4 пуда, что едва дотягивало до половины его обычной нормы²⁶⁰.

Он объясняет причины такой ситуации. Они были связаны с уровнем крестьянского производства в годы нэпа, который был даже ниже, чем в дореволюционный период. Так, например, ниже дореволюционных показателей была урожайность зерновых культур в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии: в 1912 г. – 62,0 десятины с гектара; в 1916 г. – 62,6; в 1924 г. – 26,4; в 1925 г. – 14,4 и т. д.²⁶¹ В 1920-е гг. так и не удалось полностью восстановить животноводство региона. В 1927 г. в губернии насчитывалось 296288 голов лошадей

рабочего возраста против 387139 голов в 1917 г.²⁶² Аналогичной была ситуация и в целом по стране. Есиков приводит на этот счет соответствующие данные. В 1927 г. посевные площади в СССР составляли 90 %, под зерновыми — 87 % от довоенных. Количество зерна на душу населения в 1927 г. составляло 489,6 кг (83,8 %), по сравнению с 584,1 кг в 1913 г. Численность скота в СССР лишь в 1927 г. достигла уровня 1916 г., однако рабочих лошадей было все еще на 17,3 % меньше, чем в довоенные годы²⁶³.

Низкой в годы нэпа оставалась и общая агрокультура крестьянских хозяйств. Прогрессивные формы землепользования, такие как многополье со сменой культур и травосеянием, с трудом проникали в сельское общество, где сохранялась его традиционная чересполосица. В 1927 г. в РСФСР многопольные севообороты применялись только на 17,3 % посевных площадей²⁶⁴.

Основываясь на этих и других фактах С.А. Есиков аргументированно заключает: «Необходимо признать, что к концу 1920-х гг. сельское хозяйство страны переживало период стагнации, находилось на грани кризиса, постоянные местные голодовки, охватывавшие разные регионы страны практически ежегодно, были тому свидетельством. Так был ли нэп «крестьянским раем»? Вероятно, да, в сравнении с предыдущим временем военного коммунизма и последующим периодом «чрезвычайщины» и сплошной коллективизации. Деревня осередничалась. Однако середняк, процветая, обеспечивал, по сути, только себя, т. к. его хозяйство неспособно было обеспечить новые технологии и орудия»²⁶⁵.

Так же, как и большинство исследователей нэпа, в подтверждении данного вывода Есиков приводит факт кризиса хлебозаготовок в стране в 1927 г. и последующих годах. Он традиционно объясняет его действиями сталинской группировки в партии, ориентированной на силовое решение проблемы²⁶⁶. Но далее историк обращается к одной из самых дискуссионных тем в современной отечественной и зарубежной историографии — проблеме альтернатив сталинской системе.

С.А. Есиков не разделяет увлечений ряда современных исследователей гаданиями на кофейной гуще по поводу того, что было бы, если бы не было коллективизации. Он в курсе выводов американского историка-экономиста Хантера, создавшего на основе методики линейного программирования компьютерную модель альтернативной экономической истории СССР с конца 1920-х гг. по 1940 г., а также и упражнений на эту тему руководителя лаборатории математических методов в исторических исследованиях МГУ им. М.В. Ломоносова Л.И. Бородкина. Названные авторитетные специалисты с помощью клиометрии пришли к выводу, что если бы страна развивала свою экономику по логике предшествующих нэповских лет, избежав коллективизации, то вклад сельского хозяйства в другие отрасли экономики мог бы быть более весомым²⁶⁷.

С.А. Есикову оказались ближе аргументы оппонентов любителей гадания на кофейной гуще, среди которых признанные в научном обществе зарубежные исследователи советской истории (Р. Дэвис, С. Коэн, М. Левин и др.). Суть их возражений состоит в том, что история не сводится к экономическим выкладкам, в ней работают факторы политического, социального и другого порядка. А самое главное — историю нельзя изменить!

С.А. Есиков в своих публикациях на данную тему обратил внимание на главный изъян всех сторонников теории альтернатив. Они игнорируют конкретно-историческую ситуацию в стране и голословно утверждают о возможности «длительного сохранения тенденций развития, присущих периоду нэпа». В этом же ключе их вывод о существовании варианта медленного экстенсивного роста сельского хозяйства страны²⁶⁸.

Свое скептическое отношение к альтернативной истории Есиков продемонстрировал в полемике с Даниловым, выдвинувшим идею о «бухаринской альтернативе». Наставник и друг историка считал, что Н.И. Бухарин и правая оппозиция предложили стране реальную программу выхода из кризиса хлебозаготовок. Она основалась на идее «кооперативной коллективизации» и была альтернативой сталинской «революции сверху».

С.А. Есиков не согласился с этим. И его аргументы выглядят более убедительно, чем рассуждения оппонента. Он не отрицает факта альтернативного взгляда на развитие крестьянского хозяйства России в последние годы нэпа и указывает, что его авторами были экономисты Н.Д. Кондратьев и Н.П. Макаров, делавшие ставку на поддержку зажиточных крестьянских хозяйств, дальнейшее углубление нэпа на базе мобилизации земли, вовлечения ее в товарообмен и т. д.²⁶⁹ Но эти идеи остались на бумаге, поскольку в стране утвердился сталинский режим со своей программой по крестьянскому вопросу.

Что же касается Бухарина и его «альтернативы», то она никогда не могла быть осуществлена, поскольку была оторвана от жизни, практики государственного строительства. Да и сам Бухарин не вызывал у С.А. Есикова особого уважения из-за своей непоследовательной позиции.

Вот как он писал о нем, полемизируя с Даниловым: «В условиях полного отсутствия внутривнутрипартийной демократии высшее руководство партии, а точнее, господствующая в нем группа Сталина, легко и успешно могла вести борьбу с любыми оппозиционными выступлениями. Большой личный вклад в создание подобной ситуации внес Бухарин. Вспомним, как в 1927 г. он, находясь еще в союзе со Сталиным против Троцкого, Зиновьева и Каменева и не ведая, что через год окажется на их месте, заявлял: «Если оппозиция попытается вызвать «катастрофу», партия и мокрого места от нее не оставит». Какая уж

здесь демократия. Поэтому нельзя согласиться с мнением Данилова о том, что вплоть до конца 1927 г. сохранилась возможность обсуждения политики в руководстве партии и государства. В середине 1920-х гг. такой возможности уже не было»²⁷⁰.

Анализируя содержание «бухаринской альтернативы» историк нашел в ней очевидные слабые стороны. Прежде всего она не учитывала сложности сложившейся международной обстановки, требующей ускорения экономического развития страны. В подтверждении своей позиции Есиков привел выступление Бухарина на XIV съезде ВКП(б): «Из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем... мы можем строить социализм даже на той нищенской технической базе... этот рост будет во много раз медленнее... мы будем плестись черепашьям шагом, но...все-таки социализм строим и... мы его построим»²⁷¹. То есть Бухарин допускал «черепашии темпы развития страны»²⁷². В связи с этим С.А. Есиков задается вопросом: «Могла ли быть осуществлена «бухаринская альтернатива»? И справедливо отвечает: «По всей видимости, нет. Из-за серьезных изъянов в самих построениях Бухарина, да и в связи со сложившейся обстановкой в стране и партии эта альтернатива вряд ли имела шансы на успех»²⁷³.

Усиливая свою аргументацию, Есиков вступает в полемику с Даниловым по вопросу о кооперации. Он солидаризируется с В.В. Кабановым, негативно оценившим состояние сельской кооперации в годы нэпа. Для Данилова же кооперация выступала базовым элементом «бухаринской альтернативы» сталинской коллективизации. О своем видении кооперации в рассматриваемый период Есиков пишет: «...полностью подчинив себе кооперацию путем ее централизации, занятия всех руководящих постов в центре и на местах, власти превратили ее в огромный, не очень умелый, но очень послушный аппарат проведения своей политики в деревне. Кооперация держалась за счет финансовой поддержки со стороны государства. Утверждение о высоких возможностях кооперирования крестьянских хозяйств не подтверждается. Не кооперацию приспособляли к нэпу или нэп — к кооперации, а то и другое — к плановому началу. В конце 1920-х гг. кооперация оказалась не способной к выполнению преобразующих функций, да и своих собственных обязанностей, она разрушалась»²⁷⁴.

Таким образом, С.А. Есиков доказал невозможность другого варианта развития сельского хозяйства страны на рубеже 1920-х—1930-х гг., чем случившейся. Одновременно он ответил и на вопрос о причинах революционных потрясений России в первые десятилетия XX века. Они были связаны с процессом индустриальной модернизации крестьянской страны. Поэтому изучение аграрной проблематике — это ключ к пониманию ее особенностей и результатов. Историк с сожалением констатирует этот факт, потому что события сталинской коллективи-

зации и вызванного ею голода 1932–1933 гг. стали подлинной трагедией крестьянства России, в том числе тамбовского. На эту тему им также опубликованы серьезные работы. Они написаны в русле современных подходов к проблеме²⁷⁵.

С.А. Есиков не только замечательный историк, но и педагог. Под его научным руководством защищены многочисленные диссертации о русском крестьянстве²⁷⁶. В качестве официального оппонента он поддержал многих молодых²⁷⁷ и уже имеющих определенный вес в науке историков-аграрников²⁷⁸.

§ 6. Владимир Андреевич Ильных – историк сибирской деревни

Среди историков-аграрников России современности особое место занимает Владимир Андреевич Ильных. Он единственный специалист, сумевший в своих работах на основе анализа богатейшего источникового материала показать аграрное развитие крупнейшего региона России – Сибири, в исторической ретроспективе, на протяжении всего XX века. При этом он затронул ключевые аспекты проблемы: аграрный строй Сибири, государственную аграрную политику в регионе, ее особенности и последствия, положение крестьянства в рассматриваемый период. Труды В.А. Ильных отличает не только надежная источниковая база, но и высокий академизм в лучших традициях российской исторической науки. Он один из подлинных лидеров современной российской аграрной историографии, пользующийся заслуженным авторитетом коллег в России и за ее пределами. Он автор 17 монографий, 12 сборников документов, материалов и хроникально-документальных изданий, более 250 других научных работ, посвященных аграрной истории Сибири.

Владимир Андреевич Ильных родился в 1955 г. в сибирском селе Половинное Краснозерского района Новосибирской области в семье служащих. После окончания средней школы он поступил на гуманитарный факультет (отделение истории) Новосибирского государственного университета, который окончил в 1978 г. Затем работал в Новосибирском электротехническом институте связи ассистентом кафедры философии и научного коммунизма, служил в Советской армии, обучался в очной аспирантуре Новосибирского государственного университета. Именно в стенах Новосибирского университета – крупнейшего научного центра страны, под руководством ведущего историка-аграрника Сибири, доктора исторических наук, профессора Н.Я. Гущина Владимир Андреевич Ильных связал свою судьбу с историей сибирского крестьянства. В 1985 г. он успешно защитил на эту тему кандидатскую диссертацию «Классовая борьба в сибирской деревне в условиях нэпа (1924–1927 гг.)».

В 1985 г. после окончания аспирантуры В.А. Ильиных поступает на работу в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (в настоящее время – Институт истории СО РАН), где работает всю свою жизнь, пройдя путь от обычного научного сотрудника до заведующего сектором. В институте он в полной мере раскрыл свои способности вдумчивого и талантливого исследователя. Именно поэтому в 1995 г. ему доверили руководство важнейшим подразделением Института истории СО РАН – сектором аграрной истории. В должности заведующего этим сектором он работает и в настоящее время. Сектор аграрной истории Института истории СО РАН, возглавляемый В.А. Ильиных – последний на данный момент научный центр в системе Российской академии наук по изучению истории крестьянства и сельского хозяйства России. Фактически он продолжает традиции ликвидированного в Институте российской истории РАН знаменитого сектора по истории крестьянства и сельского хозяйства России Виктора Петровича Данилова.

В 1999 г. В.А. Ильиных блестяще защищает докторскую диссертацию на тему «Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка в Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.)». Его научным консультантом и бессменным наставником остается патриарх сибирской аграрной историографии Н.Я. Гушин, увидевший в лице Владимира Андреевича Ильиных достойного преемника и продолжателя лучших традиций сибирской школы историков-аграрников.

С 1992 и по 2003 гг. В.А. Ильиных работал ответственным секретарем всероссийского научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири», с 2003 г. избирается его главным редактором. В этой должности он уделяет значительное внимание на страницах журнала аграрной проблематике, приглашает к сотрудничеству ученых-аграрников не только Сибири, но и других регионов России²⁷⁹. Его организаторские способности проявились и в работе над энциклопедией «Новосибирск» и «Исторической энциклопедии Сибири», где он занимал должность заместителя главного редактора. О научном авторитете В.А. Ильиных свидетельствуют следующие факты. Он член диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Институте истории СО РАН, ученого совета института, гуманитарной секции научно-издательского совета СО РАН, экспертного совета РГНФ, научного совета по аграрной истории Восточной Европы при историко-филологическом отделении РАН, заместитель председателя оргкомитета международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

В рамках общей темы истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири поражает многосторонность подхода В.А. Ильиных к ее изучению. На разнообразной и достоверной источниковой базе с использованием современных методов исторического исследования он глубоко и всесторонне изучил такие аспекты проблемы, как состояние

крестьянского хозяйства, социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е гг., ее раскрестьянивание в советский период, аграрная и хлебозаготовительная политика Советского государства, зерновая проблема в Сибири, кризисы сельского хозяйства Сибири в советский период, этапы трансформации аграрного строя Сибири в XX веке, трудовая активность работников сельского хозяйства Сибири в 1960 – 1980 гг. и др.

Работы В.А. Ильиных отличает высокий теоретический уровень. Он не просто излагает фактический материал, но и подкрепляет его глубоким теоретическим анализом, акцентируя внимание на понятийный, категориальный аппарат. Любое ключевое понятие рассматриваемой проблемы объясняется им, что делает выводы автора и логику его размышлений над взятыми для исследования аспектами проблемы аргументированными, вызывающими доверие. Аналогичных работ в современной отечественной аграрной историографии и российской исторической науки в целом не так уж и много.

Образцом глубокого теоретического анализа взятой для исследования проблемы является обращение В.А. Ильиных к проблеме трансформации аграрного строя Сибири в XX веке как магистральной темы²⁸⁰. Историк определяет аграрный строй, как совокупность реализуемых в аграрном секторе экономики производственных отношений, вводит понятие модель аграрного строя, как его конкретно-исторически обусловленный тип (этап) развития. Основным критерием вычленения конкретно-исторической модели он справедливо называет организационно-производственную структуру сельского хозяйства, элементы которой функционируют в рамках существующей системы землевладения и землепользования. Каждой модели аграрного строя присущи особенности агротехнологии, стратификации и социальной мобильности, социального протеста и адаптационного поведения, расселенческой сети и т. п. В.А. Ильиных указывает на подвижность модели аграрного строя, которая не стационарна, а эволюционирует в ней: происходят количественные изменения, переход которых в качественные приводит к ее трансформации и смене аграрного строя в целом. К этому же приводит и аграрная революция. Историк делает аргументированный вывод, что модель не тождественна укладу. В рамках одной модели могут сосуществовать разные уклады. Их соотношение является важной характеристикой аграрного строя. Значимой особенностью модели может быть органичное сосуществование (симбиоз) разных укладов. Относительно протяжения во времени и географическом пространстве В.А. Ильиных разделяет модели на региональные или временные субмодели, отличающиеся специфической организационно-производственной структурой, специализацией, преобладающей агротехникой и т. п. По его мнению, в странах с высоким уровнем особенностей регионального развития могут одновременно функционировать различные модели аграрного строя²⁸¹.

Это теоретическое построение В.А. Ильиных апробировал на примере аграрного строя Сибири, выделив три этапа его трансформации в XX веке: первый — к началу XX в., когда завершилось формирование в Сибири модели аграрного строя, основной организационной формой которого становится семейное крестьянское хозяйство²⁸²; второй — с начала 1930-х гг., когда в результате коллективизации происходит трансформация существующего аграрного строя в колхозный строй, и прежняя аграрная экономика перестает быть крестьянской, а крестьянское хозяйство — базовой производственной ячейкой сельского хозяйства; и третий — «хрущевское десятилетие», когда возникает новая модель аграрного строя, характерными чертами которой являются: укрупнение производственных структур, индустриализация сельскохозяйственного производства, труда и системы оплаты и др. Организационно-производственной основой этой модели становятся крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые превращаются колхозы²⁸³.

Значимость работ В.А. Ильиных по аграрной истории Сибири состоит не только в конкретно-историческом и теоретическом анализе основных аспектов проблемы, но и в их сравнительном анализе с общероссийским материалом. С одной стороны, историк постоянно сравнивает процессы в сибирской деревне с аналогичными процессами в Европейской России, что позволяет лучше понять их региональную специфику и объяснить ее. С другой стороны, это дает возможность глубже понять перемены в аграрном строе России в целом. Например, В.А. Ильиных убедительно доказывает факт меньших негативных последствий для зернового производства Сибири Первой мировой и Гражданской войн, по сравнению с Европейской Россией, обратив внимание на особенность аграрного строя региона, где в результате колонизации, строительства Транссибирской магистрали и столыпинской аграрной реформы его основу составило семейное крестьянское дворохозяйство²⁸⁴. В Европейской России оно развивалось в условиях давления и конкуренции со стороны крупного помещичьего и частновладельческого хозяйства. В Сибири этого не было.

В данном контексте заслуживает внимания и концептуальный вывод историка о том, что до начала сталинской коллективизации существовала качественная специфика аграрных отношений в Сибири, Центральном Черноземье, Прибалтике, Северном Кавказе и ряде других регионов страны. Но она исчезла в 1930-е гг., когда во всей стране были осуществлены унификация и нивелировка аграрных отношений в форме принудительного насаждения колхозно-совхозного строя²⁸⁵.

Характеризуя этапы трансформации аграрного строя Сибири в XX веке, историк указывает на универсальный характер этого феномена. Трансформация аграрного строя была явлением не регионального, а общероссийского масштаба. Он верно заключает, что аграрное развитие России имело дискретный характер, проявлявшийся в последо-

вательной смене моделей аграрного строя, которые имели принципиальные качественные отличия между собой²⁸⁶.

В трудах В.А. Ильиных основное внимание уделено истории сибирской деревни периода нэпа и его слома на рубеже двадцатых-тридцатых годов XX века. Вслед за работами В.П. Данилова и С. А. Есикова — это классика современного российского крестьяноведения и аграрной исторической науки.

Владимир Андреевич проанализировал социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е гг. и рассмотрел этот аспект в более широком контексте проблемы раскрестьянивания сибирского крестьянства в советский период²⁸⁷.

Он предложил собственную оригинальную концепцию социальной мобильности сибирского крестьянства в годы нэпа, т. е. высказал свою позицию в дискуссии о делении крестьян на социальные группы типа «бедняки», «средняки», «кулаки» и т. п. Она сводится к следующим положениям:

Историк считает, что установить четкие рубежи между отдельными стратами внутри крестьянства в силу их подвижности в историческом времени и природно-географическом пространстве в рассматриваемый период невозможно. Даже применение «совершенных методик» может привести лишь к условным результатам. Но эта условность внутриклассовых границ не является препятствием для определения основных тенденций социальной мобильности крестьянства.

По его мнению, социально-имущественная дифференциация крестьянства во многом детерминировалась его демографической дифференциацией (различием отдельных хозяйств по размеру и составу семьи). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное — более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяйство проходило ряд этапов своего развития. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводили к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств.

В.А. Ильиных справедливо отмечает, что в конце XIX — начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений имущественная дифференциация сибирского крестьянства приобретала более ярко выраженный социальный характер. Но разложение крестьянства в данный период еще не стало основным типом социальной мобильности сибирской деревни, а существовало как одна и притом не самая главная ее тенденция. Базовая модель социальной динамики в ней по-прежнему определялась демографической цикличностью развития отдельных семейных дворохозяйств.

Ситуация изменилась в годы Гражданской войны, когда основным направлением социальной мобильности крестьянства стал переход в менее состоятельные группы. При этом В.А. Ильиных не поддерживает термин «осереднячивание». В сибирской деревне это было «обеднячивание» крестьянства в результате разорения крепких хозяйств и роста бедняцких.

Историк убедительно доказывает, что с 1923 г. в регионе началось восстановление аграрной экономики на базе нэпа, а доминирующим направлением социальной мобильности крестьянства вплоть до 1927 г. оставался переход в более состоятельные группы. В это время происходит значительное увеличение удельного веса средних слоев за счет бедноты. Данный процесс В.А. Ильиных называет «осереднячиванием», но лишь относительно периода начала 1920-х гг., потому что сравнение социальной структуры сибирского крестьянства в 1916 и 1927 гг. показывает, что относительно дореволюционной нэповская деревня не «осереднячилась», а нивелировалась на более низком среднем уровне. При этом и во время нэпа принадлежность крестьянского хозяйства к той или иной имущественной группе была по-прежнему взаимосвязана с размерами и составом семьи²⁸⁸.

В.А. Ильиных вслед за ведущими историками-аграрниками России В.П. Даниловым, Н. А. Ивницким, И. Е. Зелениным и другими правильно называет сталинскую насильственную коллективизацию переломным этапом в судьбах сибирского крестьянства. Она, как и вся аграрная политика Советского государства в этот период, сделала необратимым процесс раскрестьянивания сибирской деревни. Тема раскрестьянивания продолжает исследование В.А. Ильиных проблемы социальной мобильности сибирской деревни. При этом он изучает ее в традиции классического крестьяноведения, раскрывая суть явления с его теоретических позиций. Он указывает, что реконструкция процесса раскрестьянивания возможна на основе поэтапного анализа трансформации базовых институциональных характеристик (родовых черт), определяющих специфику крестьянства как класса. К таковым он, разделяя позицию одного из классиков современного крестьяноведения, английского социолога Т. Шанина, относит семейное дворохозяйство как основу социальной самоорганизации крестьянства и основной источник его существования, а также общину (мир), традиционную крестьянскую культуру и образ жизни. С современного крестьяноведения В.А. Ильиных верно заключает, что раскрестьянивание деревни – это самое социально значимое последствие аграрных реформ и преобразований, проводимых в советский период отечественной истории²⁸⁹. Историк определяет основные его этапы в сибирской деревне, которые, на наш взгляд, могут быть применены и к другим регионам России. Он называет данный процесс «социалистическим раскрестьяниванием», вводит это понятие в широкий научный оборот.

Анализируя процесс «социалистического раскрестьянивания» сибирской деревни в период коллективизации, он справедливо характеризует его как переломный этап в этом процессе. Коллективизация подорвала основу крестьянского мира – семейное хозяйство и общину. В ходе коллективизации завершилась ликвидация общины как института самоорганизации крестьянства. В то же время В.А. Ильных верно подметил, что и после коллективизации в сибирской деревни сохранялись общинные традиции. Они продолжали существовать в рамках колхозов в различных формах взаимопомощи колхозников в предвоенные, военные и послевоенные годы²⁹⁰. В данном контексте он указывает и на значение личного приусадебного участка крестьян-колхозников, которое осталось своеобразным рудиментом ликвидированного в ходе коллективизации крестьянского хозяйства. Но именно за счет него крестьянство выжило в сталинских колхозах²⁹¹. Этот вывод имеет большое научное значение.

Второй этап «социалистического раскрестьянивания» деревни историк начинает с середины 1950-х гг., когда постоянно растущая оплата труда становится основным источником дохода сельских семей, а общинные традиции окончательно исчезают в ходе укрупнения колхозов, их преобразования в совхозы, ликвидации так называемых «неперспективных» деревень.

Завершает «социалистическое раскрестьянивание» сибирской деревни В.А. Ильных в 1970-е гг., когда коренным образом меняется социокультурный тип сельского жителя. Индустриализация аграрного производства, переход на оплату труда, не зависящую от его конечных результатов, связанное с этим отчуждение от земли, сельскохозяйственных животных и других средств производства превращают бывших крестьян, вне зависимости от того, где они работали – в колхозах или совхозах, в наемных сельскохозяйственных рабочих²⁹². Это уже не крестьяне, а новый социальный тип сельского жителя. Этот вывод автора убедителен, поскольку подкреплен достоверной источниковой базой.

В рамках изучения истории сибирской деревни в годы нэпа и коллективизации центральным сюжетом выступает тема аграрной политики Советского государства. В.А. Ильных сконцентрировал внимание на ключевых ее направлениях – государственном регулировании сельскохозяйственного рынка Сибири и хлебозаготовках. Именно на эти темы им написаны самые известные его труды, получившие признание широкой научной общественности в России и за рубежом. Многие из них изданы в центральных научных изданиях. Они разнообразны по жанру и наиболее многочисленны в общей массе опубликованных работ ученого. Это и авторские монографии, и коллективные труды, и сборники документов²⁹³. Богатство содержащегося в них материала, глубина его анализа, обоснованность выводов позволяют

рассматривать их в качестве своего рода энциклопедии на указанную тему. На данный момент в России нет подобных работ, так глубоко и основательно характеризующих хлебозаготовительную политику Советского государства в годы нэпа на региональном уровне.

В.А. Ильиних показывает историю становления и развития государственных заготовок хлебопродуктов в Сибири, начиная с Первой мировой войны и заканчивая периодом перестройки, делая основной акцент на периоде нэпа и его слома на рубеже 1920-х — 1930-х гг.²⁹⁴ Он исследует эволюцию их методов выполнения, начиная с государственного регулирования в 1921 — 1925 гг. с помощью демополизации сельскохозяйственного рынка и завершая утверждением во второй половине 1920-х гг. чрезвычайных мер в связи с кризисом хлебозаготовок²⁹⁵.

В.А. Ильиних убедительно доказал, что именно Сибирь стала тем регионом СССР, где впервые был создан и апробирован механизм насилия над крестьянством накануне сплошной коллективизации. Речь идет о знаменитой поездке в Сибирь И. В. Сталина в январе-феврале 1928 г. Она самым детальным образом проанализирована в трудах В.А. Ильиних²⁹⁶. Сибирь стала первым районом СССР, в котором с санкции вождя началось уголовное преследование крестьян, не желающих продавать свое зерно государству по низким заготовительным ценам²⁹⁷. Затем эта практика была закреплена в следующую хлебозаготовительную кампанию, получив название «урало-сибирского метода хлебозаготовок»²⁹⁸. Таким образом, Сибирь — это колыбель сталинской насильственной коллективизации. Именно из Сибири насилие над крестьянством стало распространяться на всю советскую деревню. О том, как оно осуществлялось в регионе в ходе хлебозаготовительных кампаний 1927 — 1929 гг., очень полно и достоверно описано в монографиях и статьях В.А. Ильиних на эту тему²⁹⁹.

Историк продолжил тему хлебозаготовок, расширив ее хронологические рамки до начала 1990-х гг. В ее контексте он обратился и к такому сюжету, как зерновая проблема в Сибири в XX веке. Так же, как и в работах, посвященных двадцатым годам, он детально охарактеризовал механизм государственных заготовок хлеба в указанный период, используя для этого разнообразные и достоверные источники³⁰⁰.

Он показал, что в начале 1930-х гг. основным способом изъятия зерна у колхозов и единоличников стала контрактация, которая приобрела характер разверстаемой натуральной подати. Составным элементом контрактационной системы стали и так называемые «встречные планы», представляющие собой навязываемые в ходе заготовительной кампании дополнительные задания по сдаче продукции. Отличительной чертой функционирующей в начале 1930-х гг. контрактационной системы была нестабильность заготовительных планов, которые в течение года могли неоднократно меняться в сторону уве-

личения. В.А. Ильиных верно отмечает, что данный порядок подрывал экономику колхозов и лишал их каких-либо стимулов для расширения производства. С целью исправления ситуации в 1933 г. контрактацию зерновых заменили обязательными поставками, которые имели юридически оформленный налоговый характер, но на практике сопровождались теми же негативными последствиями, что и прежняя система, но лишь в меньших масштабах³⁰¹.

Владимир Андреевич анализирует эволюцию государственных заготовок хлеба в послесталинский период, указывая, что пришедшие к власти после смерти вождя руководители Советского государства снизили нормы госпоставок, установили твердые, единые для каждого района погектарные нормы сдачи. Одновременно были увеличены заготовительные цены и снижены услуги МТС³⁰². Данная система государственных заготовок с некоторыми изменениями просуществовала в сибирской деревне до начала 1990-х гг. В новой России ее отменили, и сельхозпроизводители получили право реализации всей продукции на рынке.

В.А. Ильиных объяснил причины особого внимания Советского государства к сибирской деревне в вопросе хлебозаготовок. Западная Сибирь была одним из основных зерновых районов страны. Именно поэтому хлебозаготовки в регионе имели такое значение для власти.

Историк установил удельный вес Сибири в хлебозаготовках страны в советский период. В 1919–1921 гг. он составлял 17 % от общероссийского объема заготовок по разверстке, в годы нэпа – от 10 до 15,7 %, в период коллективизации – 8,6 %, накануне Великой Отечественной войны – 10,5 %, в послевоенный период и вплоть до распада СССР – 20,2 %³⁰³.

Как уже отмечалось, В.А. Ильиных взглянул на проблему хлебозаготовок и в контексте зерновой проблемы в Сибири в XX веке³⁰⁴. Он дал объяснение понятию «зерновая проблема», верно указав, что она связана с недостаточным и нестабильным производством зерновых, не отвечающим потребностям и возможностям страны и региона, и с поиском путей ее разрешения. Историк убедительно доказал, что общероссийские масштабы зерновая проблема приобрела на завершающем этапе Первой мировой войны, в советский же период она имела перманентный характер. Он указывает, что обострение зерновой проблемы привело к продовольственным кризисам конца 1910-х – начала 1920-х, начала 1930-х, начала 1950-х и начала 1960-х гг. При разрешении этих кризисов советские лидеры не смогли в полной мере задействовать земледельческий потенциал Сибири³⁰⁵. Так, по справедливому заключению В.А. Ильиных, коллективизация не только не решила проблем зернового хозяйства Сибири, но и отбросила его назад. Об этом свидетельствовали такие факты, как сокращение посевов зерновых и их урожайности в 1930-е гг. Также он прав, когда главной при-

чиной кризиса зернового хозяйства называет низкую производительность подневольного и практически бесплатного труда колхозников³⁰⁶.

Заслужой В.А. Ильиных является исследование ситуации в сибирском сельском хозяйстве в послевоенный период, вплоть до конца 1980-х гг. Анализируя решение зерновой проблемы в данный период, он пришел к аргументированному выводу, что, несмотря на распахку целинных земель, химизацию и механизацию, ее так и не удалось решить. Интенсификация зернового производства оказалась затратной. Вплоть до конца 1980-х гг. не были внедрены повсеместно рациональные севообороты и агротехника. Темпы развития зернового хозяйства снижались³⁰⁷.

Историк проанализировал причины подобного результата и доказал, что он был не случаен. Негативные процессы в сельском хозяйстве региона в рассматриваемый период были связаны с природой утвердившегося в стране аграрного строя, перманентным состоянием которого был кризис. На эту тему В.А. Ильиных много и плодотворно писал.

В своих публикациях он установил и охарактеризовал все имевшие место в Сибири в советский период кризисы сельского хозяйства³⁰⁸. Следуя традиции теоретического осмысления проблемы, он дал емкое и верное определение данному явлению. Кризис сельского хозяйства — это «резкий спад производства сельскохозяйственной продукции, его стагнация или устойчивое замедление темпов прироста, вызывающее нехватку продуктов питания и сельхозсырья в стране или регионе (продовольственный кризис, сырьевой кризис). Сельскохозяйственные кризисы могут быть обусловлены политическими, экономическими, природно-климатическими и агротехнологическими факторами или их совокупностью»³⁰⁹.

В.А. Ильиных установил, что первый сельскохозяйственный кризис в Сибири возник в начале 1920-х гг. в результате мировой и гражданской войн, следующий — в начале 1930-х гг. как результат утвердившегося в СССР в колхозного строя. Базовыми причинами сельскохозяйственного кризиса периода создания колхозного строя являлись сверхнормативное изъятие сельхозпродукции, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и отсутствие у колхозников стимулов к труду. Историк верно характеризует причины глубокого кризиса животноводства в сибирской деревне в рассматриваемый период, выразившегося в беспрецедентном падении поголовья скота. Это — массовый забой животных крестьянами, не желавшими сдавать их в колхозы; сдача скота в счет завышенных планов мясозаготовок; падеж, связанный с низким качеством ухода и нехваткой кормов³¹⁰.

Очередной кризис был связан с Великой Отечественной войной, когда сибирская деревня лишилась большей части трудоспособного мужского населения.

Но и мирное время не устранило причин нового кризиса сельского хозяйства Сибири. В.А. Ильных аргументированно констатирует факт стагнации в аграрном секторе экономики региона в начале 1950-х гг. Его главной причиной он называет низкую производительность подневольного и практически бесплатного труда колхозников³¹¹.

Условия для преодоления кризисного состояния сельского хозяйства Сибири, по мнению историка, возникли в постсталинский период, когда основанная на внеэкономическом принуждении и социальной дискриминации крестьянства система была демонтирована, началось техническое перевооружение отрасли, существенно повысились закупочные цены на сельхозпродукцию, выросла доходность колхозов и совхозов и основным стимулом труда сельских тружеников стала заработная плата, размер которой постоянно увеличивался.

Но все же преодолеть до конца кризисные явления в советском сельском хозяйстве так и не удалось. И причина этому, как верно отметил В.А. Ильных, коренилась в сложившемся в сельском хозяйстве Сибири отношении колхозников и работников совхозов к своему труду на земле. Это еще одна отдельная и очень важная тема в творчестве историка. Ею он завершает хронологические рамки своей обширной и плодотворной работы по изучению истории сибирской деревни в XX веке³¹².

В.А. Ильных отмечает, что в начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве Сибири стала принимать все более ярко выраженные кризисные формы. Резко упали эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, возросла себестоимость продукции. В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в регионе сократился на 6,2 % при одновременном увеличении материальных и финансовых затрат. Хотя свою роль здесь сыграли и неурожаи зерновых культур, но все же главной причиной кризисных явлений, по мнению историка, было ослабление трудовой, исполнительской и технологической дисциплины, повышение текучести кадров, ухудшение отношения к труду, нерациональное расходование сырья, материалов, энергии³¹³. Потери рабочего времени на сельскохозяйственных предприятиях региона достигали 30–50 % рабочего дня. Большая часть прогулов совершалась на почве пьянства. В большинстве колхозов и совхозов имели место хищения кормов, запчастей, стройматериалов, готовой продукции; использование работниками техники в личных целях – для себя или для оказания услуг частным лицам³¹⁴. Особенно отрицательно бесхозяйственность, низкий уровень трудовой, исполнительской и технологической дисциплины сказывались на состоянии дел в животноводстве.

Проанализировав источники, В.А. Ильных пришел к обоснованному выводу, что главная причина низкой трудовой дисциплины и широкого распространения негативных форм поведения на производ-

стве заключалась в отчуждении работников сельского хозяйства от средств и результатов труда. Колхозники и рабочие совхозов не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Деньги они получали за выход на работу, а не за ее итоги. А их основная трудовая функция сводилась к механистическому (почти как на заводском конвейере) выполнению операций сельскохозяйственного цикла³¹⁵.

Историк характеризует мероприятия власти по решению данной проблемы, выводу из кризисного состояния сельской экономики: борьбу с пьянством, внедрение в сельское хозяйство так называемых коллективных форм организации и оплаты труда, арендного и семейного подряда и т.п. Он заключает, что хотя эти меры и несколько улучшили ситуацию в сельском хозяйстве региона, однако принципиальных качественных изменений в отрасли в целом, а также в отношении работников сельхозпредприятий к труду не произошло³¹⁶. Выясняя причины подобного результата В.А. Ильиных делает вывод концептуального значения: опыт внедрения подрядных и арендных отношений в 1980-е гг. показал их несовместимость со сложившейся административно-командной системой управления, основа которой – регламентация производства, жесткое планирование, лимитированное распределение ресурсов. Необходимо было реформирование этой системы. Ее осуществили пришедшие к власти в начале 1990-х гг. новые руководители страны³¹⁷. Но это уже новая тема и для В.А. Ильиных – глубокого знатока истории сибирской деревни, авторитетнейшего крестьяноведа, историка-аграрника России, и для всей исторической науки России.

§ 7. Геннадий Егорович Корнилов – историк уральской деревни

К числу наиболее авторитетных историков-аграрников России последних десятилетий принадлежит Геннадий Егорович Корнилов. Он ведущий исследователь аграрной истории. Его труды являются образцом не только глубокого анализа ключевых проблем аграрной истории России на основе привлечения широкого круга источников, но и теоретического их обобщения. Г.Е. Корнилов является автором концепции «аграрного перехода» – трансформации в аграрной сфере и сельском социуме России с конца XIX века и до начала 2000-х годов³¹⁸. Под его научным руководством подготовлены фундаментальные документальные издания, посвященные аграрной истории и продовольственной безопасности Урала в XX веке³¹⁹. Г.Е. Корнилов – автор монографических исследований об уральской деревне в годы Великой Отечественной войны, а также инициатор коллективных тру-

дов по аграрной истории Урала XX века, получивших признание научной общественности³²⁰. Заслугой историка являются разработка и успешное внедрение в системе школьного образования специального курса «Крестьяноведение», где учащиеся знакомятся с крестьянской культурой и наиболее важными аспектами истории российского крестьянства³²¹. Большой резонанс в научном мире имеют конференции по аграрной истории России³²², ежегодно проходящие в Оренбурге по инициативе и под научным руководством Г.Е. Корнилова совместно с региональным министерством образования и ведущих историков-аграрников из российских регионов³²³.

Геннадий Егорович Корнилов родился в 1951 г. в семье служащих в с. Русская Серда Пестречинского района Татарской АССР. После окончания средней школы в г. Касли Челябинской области он учился на историческом факультете Уральского государственного университета имени А. М. Горького, после окончания которого три года работал учителем истории в родной школе. В 1977–1981 гг. он обучался в аспирантуре и работал ассистентом на кафедре истории КПСС Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

Именно в это время начинается долгий и успешный путь в исторической науке Г.Е. Корнилова, как историка-аграрника. В 1981 г. он защищает кандидатскую диссертацию по истории уральского крестьянства в годы Великой Отечественной войны, становится младшим, затем старшим научным сотрудником отдела истории Института экономики Уральского научного центра АН СССР. В 1986–1990 и 199–1995 гг. Геннадий Егорович работает заведующим кафедрой истории и права Уральской государственной сельскохозяйственной академии, где получает ученые звания доцента (1986 г.) и профессора (1995 г.).

В 1990–1993 гг. Г.Е. Корнилов — докторант Института истории СССР АН СССР (с 1991 г. Института российской истории РАН) в секторе истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР, возглавляемом патриархом отечественной аграрной историографии В.П. Даниловым. Данилов и еще один ведущий историк-аграрник России, сотрудник сектора И. Е. Зеленин стали его научными консультантами по теме докторской диссертации «Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»³²⁴.

Молодой докторант своими идеями и трудолюбием при подготовке диссертационного исследования вызвал симпатии сотрудников даниловского сектора и других ученых главного академического центра исторической науки России (Н.А. Ивницкого, М.А. Вылцана, В.Б. Жиромской и др.)³²⁵. Он оказал большое влияние и на аспирантов Института российской истории, занимавшихся аграрными проблемами (В.В. Кондрашина, В.Л. Телицына и др.). Его подходы к изучению демографического аспекта темы диссертации вызвали большой инте-

рес у известных зарубежных ученых (американского демографа и социолога С. Максудова и др.).

В 1993 г. Г.Е. Корнилов успешно защищает в ученом совете Института российской истории РАН докторскую диссертацию, об острых дискуссиях свидетельствует профессор В.Т. Анисков³²⁶. Автор впервые в отечественной историографии поставил вопрос о цене победы, которую заплатила деревня в Великой Отечественной войне. Защита привлекла внимание специалистов новизной подхода автора к теме, особенно в части демографического анализа. Например, одна из ведущих демографов России В.Б. Жиромская отметила значение вывода ученого о том, что уральская деревня понесла в годы войны двойные потери: и за счет гибели людей на фронте, и в связи с уходом населения в города. Она же указала и на такой важный момент в работах Г.Е. Корнилова, как опровержение устоявшегося в историографии мнения, будто на Урале миграция из села в город не могла быть значительной, так как предприятия были эвакуированы сюда со своей рабочей силой. Автор убедительно показал, что переселение в город усилилось и особенно в период реэвакуации предприятий³²⁷. В дальнейшем историк продолжил изучение темы своей докторской диссертации, акцентировав внимание на ключевых ее аспектах с помощью привлечения новых источников и методов их анализа³²⁸.

После окончания докторантуры и успешной защиты докторской диссертации в Институте российской истории РАН Г.Е. Корнилов работает главным научным сотрудником в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН. В 2008 г. его избирают на должность заведующего сектором экономической истории, одного из самых крупных научных подразделений института. Именно работая в этой должности, Геннадий Егорович стал известным не только в стране, но и за рубежом специалистом по аграрной истории Урала в XX в. Его труды публикуются не только в ведущих изданиях России, но и за ее пределами³²⁹. Исследования по аграрной и демографической истории осуществлялись при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, фонда «Открытое общество», INTAS, Совета Европы и др. Г.Е. Корнилов принимал участие в международных научных проектах: Манчестерского университета (Великобритания, 2000–2003 гг.), Токийского университета (Япония, 2003–2006 гг.), Фрайбургского университета (Германия, 2010–2012 гг.), Института истории НАН Украины (Киев, 2006–2007 гг.). Изданы коллективные монографии на английском и японском языках³³⁰, получившие положительную оценку коллег-историков³³¹.

В творчестве ученого основными направлениями исследований стали аграрная и демографическая история XX в., а также историческое краеведение, где сюжеты по истории уральской деревни занимают ведущее место³³².

Среди более 450 публикаций историка наиболее высокую оценку специалистов в России и за рубежом получили документальные издания, подготовленные под его руководством. Г.Е. Корнилов – один из самых активных и успешных публикаторов документов по аграрной истории России XX века.

В данном контексте большой резонанс в научном сообществе вызвал вышедший под его редакцией в 2000 г. сборник документов в двух томах «Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы»³³³. В указанном издании он впервые в отечественной историографии сформулировал проблему продовольственной безопасности в историческом аспекте: обозначил основные подходы к ее рассмотрению на основе современных достижений науки; представил информативный материал базового характера, на который можно было опереться исследователям при дальнейшем изучении проблемы в других регионах и по стране в целом. В рецензии на издание ведущие отечественные историки-аграрники В.П. Данилов и И.Е. Зеленин отметили, что «сборник – значительный шаг на пути решения чрезвычайно сложной и многогранной проблемы, весьма актуальной и для современного этапа развития России», при этом составителям «удалось:

- впервые в развернутом виде сформулировать и заявить проблему продовольственной безопасности в историческом аспекте;

- обозначить основные подходы к ее рассмотрению на основе современных достижений экономической науки и новых возможностей, предоставляемых исторической наукой (статистический анализ дополняется динамическим, позволяющим изучить явление в ретроспективе);

- определить круг важнейших исторических источников, которые могут быть использованы для изучения продовольственного обеспечения на разных этапах развития российского, советского и постсоветского государства;

- представить ценный информативный материал базового характера, на который можно опереться при дальнейшем изучении более широкого круга проблем данной темы в других регионах и по стране в целом»³³⁴. Тема продовольственной безопасности получит развитие в трудах историка в последующие годы³³⁵. Опираясь на концепцию аграрного перехода, он пришел к выводу, что одной из составляющих аграрной модернизации было выделение продовольственного дела в самостоятельную сферу государственного управления.

Введение в научный оборот новых знаний по аграрной истории Урала было характерно в еще одной его знаковой документальной публикации «Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953», подготовленной к печати совместно с голландским историком Х. Кесслером³³⁶. Сборник документов был издан при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда одним из ведущих российских издательств

«Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)» в известной серии «Документы советской истории». В сборнике представлены материалы региональных и федеральных архивных коллекций на тему взаимоотношения государства и колхозов Урала в «сталинский период». Они характеризуют направления государственной политики в области сельского хозяйства, ее последствия для крестьянства, а также позволяют оценить эффективность системы сельскохозяйственного производства в целом. На страницах сборника нашли отражение самые различные аспекты жизни села: от репрессий и хлебозаготовок до экологии и религии. Значительное внимание в нем уделено положению крестьян, их настроениям, реакции на происходящие события в регионе и стране. Издание было высоко оценено мировым историческим сообществом. Рецензии на книгу вышли в разных странах³³⁷.

Знаковым событием в жизни ученого стало издание сборника документов и материалов «Беспризорность на Урале. 1929–1941 гг.»³³⁸. В документах издания раскрываются причины роста беспризорности в регионе, связанные с коллективизацией, голодом и другими негативными явлениями в советской деревне в рассматриваемый период, характеризуются меры борьбы и направления деятельности государственных органов и общественно-политических организаций по ликвидации детской беспризорности.

Г.Е. Корнилов является автором нового теоретико-методологического подхода к историко-аграрным исследованиям. Речь идет о выше-названной концепции аграрного перехода. Она основана на анализе обширных комплексов источников и апробирована Г.Е. Корниловым в совместной со своими учениками Е.Ю. Барановым и В.А. Лабузовым работе «Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг.»³³⁹. В этой публикации, наряду с чисто историческим исследованием имеется документальная часть. Она содержит материалы, раскрывающие аграрное производство, заготовки сельскохозяйственной продукции, продовольственное обеспечение населения, голод на Урале в начале 1930-х гг., демографическую ситуацию в рассматриваемый период. В исследовательской части рассматриваются основные тенденции аграрного развития Урала и опыт региональных возможностей обеспечения населения продовольствием в условиях сталинской аграрной модернизации. Анализируются аграрная и продовольственная политика советского государства, ее влияние на систему продовольственного обеспечения, факторы недопотребления и голода в начале 1930-х гг., их воздействие на демографическую ситуацию в регионе. Впервые в отечественной и мировой историографии голод 1932–1933 гг. в России рассматривается в контексте продовольственной безопасности страны.

Вместе со своим учеником Е.Ю. Барановым он изучил эту трагедию первой половины 1930-х гг. на материалах Урала, показал причи-

ны голода, его масштабы и последствия. Выводы историка по данной теме совпадают с утвердившейся в российской историографии концепции о голоде как результате коллективизации и хлебозаготовок сталинского руководства, общей трагедии народов СССР, при этом государство имело продовольственные запасы³⁴⁰.

В данной и других публикациях на тему аграрного перехода Г.Е. Корнилов характеризует его в контексте теории индустриальной модернизации России, справедливо указывая, что «Россия вошла в XX век аграрной страной, вышла из него страной индустриальной», и процессы модернизации «определили все сферы жизни деревни»³⁴¹. Хронологические рамки аграрного перехода он определяет концом XIX – началом XX в. и выделяет три его фазы, в процессе которых происходила экономическая, демографическая, политическая, культурная, социальная, правовая трансформация аграрной сферы и сельского социума, изменение сельского расселения. Это – конец XIX – середина XX в. (первая фаза), середина XX в. конец 1980-х гг. (вторая фаза), начало 1990-х гг. – начало 2000-х гг. (третья фаза). В первой фазе в результате революций и государственной политики принуждения и насилия над крестьянством произошло его раскрестьянивание и разрушение традиционного образа жизни, постоянно возникали голодовки сельского населения (1891–1892, 1898, 1901, 1906–1907, 1911, 1921–1922. 1932–1933, 1936–1937, 1942–1943, 1946–1947, 1952–1953 гг.). На второй фазе агроперехода реализовалась новая аграрная модель без насилия над деревней сталинского времени, с попытками интенсификации сельского хозяйства, его адаптации к эпохе НТР. Третья фаза ознаменовала собой возникновение рыночной аграрной экономики посредством очередной «аграрной революции сверху», разрушившей советское сельское хозяйство и негативно сказавшейся на сельском социуме. По мнению Г.Е. Корнилова, из процесса новой фазы аграрной модернизации были исключены крестьяне – непосредственные ее исполнители, что ставит под сомнение ее успех. Крестьяне-колхозники на протяжении всего XX столетия оставались самой бедной группой населения страны.

Предложенный концептуальный подход апробирован на материалах истории уральской деревни, отражен в таких сюжетах, как культурная модернизация уральской деревни³⁴², проблема занятости крестьянства³⁴³, его материальное положение и быт³⁴⁴, сельская электрификация³⁴⁵, история уральских колхозов, МТС и совхозов³⁴⁶. В этом же ряду стоят его глубокие и аналитические статьи и рецензии на тему историографии аграрных исследований в современной России³⁴⁷. Кроме того он возглавлял подготовку биобиблиографического справочника «Историки Урала XVIII–XX вв.», в который вошли статьи о более 400 уральских ученых, внесших заметный вклад в изучение отечественной и мировой истории. В статьях реконструируется их жизненный путь и

приводятся творческие достижения, а также основные опубликованные труды³⁴⁸. Г.Е. Корнилов – автор статей Уральской исторической энциклопедии, энциклопедии «Екатеринбург», Историческая энциклопедия Сибири³⁴⁹.

В центре внимания историка постоянно находились проблемы исторической демографии. Изучению уральской деревни он посвятил многие свои работы, в которых исследуются все три вида движения населения (пространственные перемещения, социальное развитие, естественное воспроизводство) и определявшие их факторы. Особое внимание уделено демографическим процессам, выявлены основные тенденции, региональная специфика и результаты³⁵⁰. Совместно с демографами подготовлены две монографии «Население Урала. XX век. История демографического развития» и «Этнодемографическое развитие Урала в XIX – XX вв.», в которых представлена история модернизации Урала через призму анализа развития населения региона³⁵¹. Последняя монография, подготовленная совместно с его учениками, посвящена истории населения Ямало-Ненецкого автономного округа³⁵². Г.Е. Корнилов является организатором секции по исторической демографии на Уральских демографических форумах, которые проходят ежегодно с 2010 г.³⁵³.

Особого внимания заслуживает работа Г.Е. Корнилова по изучению аграрной истории Урала на микроуровне и внедрению его результатов в школьном образовании. Это уникальный опыт в масштабах не только уральского региона, но и России. На историческом факультете Уральского государственного педагогического университета Корнилов организовал историко-краеведческую лабораторию. Ее сотрудники изучали историю сел и деревень Урала. С 1997 по 2001 гг. Г.Е. Корнилов организовал и руководил педагогической экспериментальной площадкой по внедрению регионального компонента образования и введению новой учебной дисциплины «Крестьяноведение» в школьную практику в с. Тыгиш Богдановичского района Свердловской области. В результате был разработан учебно-методический комплекс из 12 программ, изданы учебные пособия для учащихся сельских школ «Сказания о Древнем Урале» (для начальной школы), «Человек пришел на Урал». По результатам эксперимента были проведены научно-практические конференции «Летопись уральских деревень», «Каменный пояс на пороге III тысячелетия», издан обширный комплекс рекомендаций и методических указаний по учебному курсу «Крестьяноведение», снят документальный фильм «Крестьянские дети».

Г.Е. Корнилов внес существенный вклад в разработку инновационной модели преподавания региональной истории. Он соавтор учебников по истории Урала для общеобразовательных школ, методических пособий для учителей³⁵⁴. Высокую оценку получил учебно-методический комплект по истории Ямала, подготовленный под его руко-

водством. В учебнике изложена история Ямала с древнейших времен и до наших дней с учетом новейших данных, полученных исторической наукой, освещены основные вопросы сложной и порой драматической истории народов, осваивающих суровый северный край, показана роль и значимость региона в истории России. УМК «История Ямала» состоит из учебника, хрестоматии и программ³⁵⁵.

Г.Е. Корнилов — талантливый педагог. В Институте истории и археологии УрО РАН и Уральском государственном педагогическом университете им подготовлено 27 кандидатов и 5 докторов исторических наук.

Профессор Г.Е. Корнилов создал научную школу по изучению аграрной и демографической истории России XX века. В середине 1990-х гг. вокруг него образовался небольшой коллектив из студентов и аспирантов, которые занимались в его спецсеминаре, активно работали в архивах, готовили научные публикации. Затем последовали защиты кандидатских диссертаций.

Уже первая защита диссертации А.С. Еремина вызвала небывалый интерес. Он написал работу по истории коллективизации не только не в русле традиционной историографии, но и на материалах всего одного округа Уральской области, назвав ее «ирбитский феномен». О создании колхоза «Гигант», образованного на первом этапе массовой коллективизации в СССР и включившего все сельские поселения трех районов, было известно. Но диссертант сумел доказать, что в этом эксперименте проявились все черты проводимой коллективизации в СССР — насильственный характер, чудовищные методы обобществления, разрушение устоявшегося уклада жизни, кошмар раскулачивания зажиточных крестьянских хозяйств, расцерковнивание. Все это привело к кризису сельского хозяйства и развертыванию голода. В последующие годы А.С. Еремин продолжил исследования по истории ирбитской деревни, выпустил несколько интересных книг³⁵⁶.

Во второй диссертации, подготовленной выпускником истфака УрГПУ Д.В. Каракуловым под руководством профессора Г.Е. Корнилова, была поднята тема голода на Урале в начале 1920-х годов. Впервые в региональной историографии были выявлены факторы голода 1921–1922 гг., определены его масштабы (исследованы материалы всех губерний Урала), размеры человеческих жертв и последствия голодовки.

Уже в первых научных работах молодого коллектива проявились его сильные черты — тщательная архивная проработка, выявление и отбор исторических документов, доказательство достоверности и репрезентативности источников. Вызвали научный интерес, получили одобрение ведущих ученых страны кандидатские работы Е.Ю. Баранова, С.И. Васильевой, С.В. Воробьева, М.С. Каменских, В.В. Кругликова, А.П. Кузьминой, И.А. Лавровой, Р.Т. Латыпова, М.К. Манкевич, Н.Н. Мельникова, Н.А. Михалева, С.А. Нефедова, О.В. Павло-

вой, И.А. Поппа, С.А. Пьянкова, М.В. Сумачевой, М.Ю. Тараканова, О.Г. Черезовой, С.С. Черноуховой, В.В. Шведова, Е.И. Ярковой. Его ученики продолжают активную научную деятельность, работают в академических институтах и вузах страны (Екатеринбург, Курган, Москва, Оренбург), участвуют в научных конференциях, издают монографии, готовят докторские диссертации³⁵⁷.

Практически все научные работы выполняются под руководством профессора Г.Е. Корнилова по аграрной и демографической истории в русле его идей. С 2004 г. ученики профессора стали защищать докторские диссертации: Л.В. Алексеева по истории Северо-Западной Сибири в 1917–1941 гг. (ныне профессор Нижневартовского государственного гуманитарного университета), В.А. Лабузов по истории аграрных преобразований в южноуральской деревне в 1917–1930 гг. (ныне министр образования Правительства Оренбургской области), В.В. Филатов по трансформации аграрных отношений на Урале в 1930-е гг. (ныне декан гуманитарного факультета, заведующий кафедрой Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова), Л.Н. Мазур по истории сельского расселения на Среднем Урале в XX веке (ныне заведующая кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина). У них появились свои ученики, под их руководством защищаются кандидатские диссертации.

Г.Е. Корнилов участвует в работе симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы (с 1982 г.), является членом научного совета по проблемам аграрной истории при отделении историко-филологических наук РАН, членом редколлегий журналов «Уральский исторический вестник», «Веси». С 2014 г. профессор Г.Е. Корнилов является председателем диссертационного совета при Институте истории и археологии УрО РАН.

В 2008 г. за вклад в развитие российской исторической науки Г.Е. Корнилову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

§ 8. Виктор Викторович Кондрашин — историк советского крестьянства

В пледу новой генерации историков, сформировавшейся в новейший период, входит один из лидеров аграрной исторической науки Виктор Викторович Кондрашин. Он известен как автор ряда монографий по истории советского крестьянства и составитель уникальных сборников документов и материалов, опубликованных в конце XX — начале XXI вв. издательствами Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) и Международный фонд «Демократия» (МФД).

Его творческая биография получила освещение в статьях П.С. Кабытова³⁵⁸, Н.Н. Кабытовой³⁵⁹, О.А. Суховой³⁶⁰ и В.А. Юрчёнкова³⁶¹.

Он родился 4 августа 1961 г. в г. Пензе в семье рабочего, который работал на компрессорном заводе. Учился он в школе № 14 г. Пензы, которая славилась замечательными педагогами, которые, не жалея сил, сумели развивать в своих учениках природные способности. Юный ученик Виктор Кондрашин увлекался конструированием самолетов. Но на школьной скамье он проявил интерес к изучению отечественной истории, что произошло под непосредственным воздействием учителя истории Антонины Ивановны Семушкиной, о которой он не раз говорил своим коллегам-историкам: «Она была настоящим профессионалом, блестяще знала свой предмет, сумела нам привить любовь к истории». Безусловно, на выбор будущей профессии повлияла и поддержка отца и мамы В.В. Кондрашина. После окончания школы В.В. Кондрашин поступил на историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института, который окончил в 1983 г. Он работал три года учителем истории средней школы № 10 города Пензы, а затем заведующим кабинетом кафедры истории КПСС Пензенского государственного сельскохозяйственного института. В конце 1980-х гг. историк переезжает в Москву и поступает в аспирантуру Института российской истории Российской академии наук, где под руководством выдающегося российского историка Виктора Петровича Данилова работает над кандидатской диссертацией. Еще в 1960-х гг. В.П. Данилов входил в состав нового направления советских историков и с других позиций писал о коллективизации и новой экономической политике в деревне. Несомненно в Москве В.В. Кондрашин оказался совершенно в другой научной атмосфере, что оказало громадное воздействие на формирование научного мировоззрения молодого исследователя. Для него в буквальном смысле открылись райские ворота — работать в центральных архивах страны и пуститься в плавание по безбрежному книжному океану в тогдашней библиотеке им. Ленина и исторической библиотеке. Надо сказать, что В.В. Кондрашин не упустил предоставленных ему возможностей.

Предмет диссертационного исследования «Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья» диктовал необходимость проведения масштабных полевых исследований, а это в условиях почти «революционной» разрухи было нелегким делом, иногда сопряженным и с опасностью для жизни и здоровья соискателя ученой степени. В ходе эксперимента, проведенного в Саратовской области, Виктор Викторович изучил 25 из 38 существующих районных архивов ЗАГС, что позволило ему выявить ряд различий уровней смертности и рождаемости населения. Важным источником, относящимся к так называемой «устной истории» («Oral History») в ходе исследования стали материалы проведенного автором анкетирования и опроса свидетелей голода 1932–

1933 г. В 80 деревнях и 22 сельских районных центрах Пензенской, Самарской, Оренбургской, Саратовской и Волгоградской областей с помощью специально составленной анкеты и магнитофонных записей были проинтервьюированы 617 очевидцев, переживших в Поволжье голод. Историком были записаны их воспоминания.

Не сложно представить, что в ходе полевых исследований В.В. Кондрашину не раз пришлось столкнуться с непониманием местных чиновников, сотрудников милиции (сомневавшихся в чисто научных целях его работы и расценивавших анкетирование как один из видов деятельности, подрывающей государственные устои), испытывать острую нужду в пище и ночлеге. И здесь ему пригодилась жизненная закалка, целеустремленность, умение вести переговоры и находить взаимопонимание с незнакомыми людьми. В итоге кандидатская диссертация была защищена в срок в 1991 г. А материалы полевых исследований, оформленные в виде приложений, составили отдельный дополнительный том диссертационного исследования.

В годы начавшегося безвременья – слома советской империи и становления новой российской государственности, особенно в 1991–1992 гг., историку пришлось в буквальном смысле выживать. Спасением стал любимый баян (в юности историк окончил музыкальную школу по классу баяна). Он стал одним из талантливых исполнителей популярных мелодий «Прощание славянки», «На сопках Манчжурии», «Синенький платочек», «А волны и стонут, и плачут» в переходе между станциями метро «Библиотека имени Ленина» и «Боровиковская». И, конечно, В.В. Кондрашин постоянно ощущал реальную поддержку своих друзей и А.У. Мавлиева, коллеги-аспиранта из Дагестана.

В 1992 г. молодого кандидата наук, исполнявшего в подземном переходе известные мелодии, случайно увидел его научный руководитель В.П. Данилов. Вскоре В. Кондрашин получил должность научного сотрудника «Центра крестьяноведения» Московской высшей школы социально-экономических наук и занялся исследовательской работой, которую возглавил Т. Шанин. В ней он принимал активное участие в реализации многих научных проектов. в 1996 г. он поступил в докторантуру Института российской истории и стал скрупулезно изучать крестьянские восстания 1918–1922 гг. в Поволжье. Одновременно он был привлечен в качестве составителя и автора вводной статьи к сборнику документов о крестьянских восстаниях в Поволжье периода Гражданской войны³⁶². Итогом научных изысканий в рамках российско-британского проекта по изучению локальной истории стало написание истории отдельных поселений. Так, появилась история села Лох Новобурасского района Саратовской области, опубликованная впоследствии в сборнике «Крестьяноведение» как один из лучших вариантов создания локальных историй.

Как и в прежние годы, выполняя проект, В.В. Кондрашин жил в

режиме самообеспечения: все хозяйственно-бытовые вопросы приходилось решать на месте по мере их появления, будь то размещение в общежитии сельхозинститута или в помещении районного краеведческого музея в с. Новые Бурасы.

Центральной проблемой, которую В.В. Кондрашин изучал на рубеже 80–90-х гг., оказалась проблема голода в СССР как социального бедствия, вызванного не только погодными условиями, но и обусловленного действиями властных структур в период проведения коллективизации сельского хозяйства в СССР. Как мы отмечали выше, этой проблеме посвящена кандидатская диссертация. В.В. Кондрашин неоднократно подчеркивал, что данная тема была рекомендована ему «моим научным руководителем в аспирантуре и докторантуре в институте российской истории РАН, учителем и наставником, выдающимся историком-аграрником России В.П. Даниловым»³⁶³. В начале 2000-х гг. совместно с Дианой Пеннер, американским историком, он издал монографию, в ходе написания которой существенно расширились территориальные рамки изучения проблемы. Авторы провели сравнительно-сопоставительный анализ охватившей Россию трагедии на материалах Поволжья, Дона и Кубани³⁶⁴.

Новые подходы в изучении этой проблемы нашли отражение в обобщающей монографии, опубликованной издательством РОССПЭН в 2008 г. Во многом они были обусловлены ходом дискуссий о голодоморе на Украине, концепция которого активно пропагандировалась украинскими историками как на Украине, так и за рубежом³⁶⁵.

Отметим также, что итоги научной разработки этой важнейшей политизированной проблемы нашли отражение в обобщающем исследовании российских и украинских историков, опубликованном в 2011 г. В этой книге перу В.В. Кондрашина принадлежит 6 из 15 статей. Перечислим эти работы: «Слово научного редактора», «Голод 1932–1933 гг. советской российской и зарубежной историографии: взгляд из России», новые документы из российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР, «Сталин и голод 1932–1933 гг. в СССР: проблема ответственности центра и республиканского руководства», «Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации». В этих очерках В.В. Кондрашин на основе новых материалов сформулировал аргументированные ответы по многим дискуссионным вопросам³⁶⁶.

К числу важнейших направлений в научном творчестве В.В. Кондрашина необходимо отнести научную разработку проблем истории крестьянства в период Гражданской войны. К ее изучению он приступил во второй половине 90-х гг. Поначалу исследование этой проблемы велось в границах Поволжья. В результате научного поиска была подготовлена докторская диссертация, которую историк представил и защитил в диссертационном совете при Самарском государственном университете. Особо отметим, что работа над диссертацией шла одно-

временно с подготовкой сборника документов по истории крестьянских восстаний в Поволжье в 1918–1921 гг.

В докторской диссертации, а затем и в монографии, опубликованной в 2001 г. издательством Российской политической энциклопедии³⁶⁷, предпринят комплексный анализ крестьянского движения в Поволжье в период гражданской войны, явившегося следствием революционных преобразований 1917 года в России. Несмотря на значительный массив исторической литературы, изучаемая В.В. Кондрашиным проблема продолжает оставаться остро дискуссионной, а отдельные аспекты ее и вовсе не рассматривались исследователями. Между тем социопсихологическая характеристика крестьянского движения на крутых поворотах российской истории необходима для выявления ментальных особенностей всей нации. Это дает возможность не только оценить, но и прогнозировать направление социально-экономического и политического развития страны, выявить основные параметры взаимоотношений власти и общества в Российском государстве.

На примере подавления крестьянского движения автор рассматривает также механизм выхода страны из общенационального кризиса, подвергая критическому анализу способы и методы этого процесса. Таким образом предмет исследования и его проблематика, определенные В.В. Кондрашиным, несомненно актуальны.

Представляя историографию проблемы, автор не ограничился характеристикой исследовательской литературы по заявленной теме, а внес свой вклад в оценку всех направлений, течений и взглядов как по теоретическим, так и по конкретно-историческим аспектам развития России в эпоху войны и революций начала XX столетия. Классифицируя огромный массив литературы по заявленной теме, В.В. Кондрашин дал исчерпывающий анализ работ исследователей различных периодов и школ, создавших свои труды как по горячим следам свершившихся событий, так и в последующие периоды переосмысления кризисного периода российской истории.

В.В. Кондрашин оценивает вклад в историографию проблемы практически всех авторов исторических произведений, так или иначе затрагивавших исследуемую им тему. При этом его оценки основаны на глубоком знании предмета исследования, достаточно критичны, но корректны. Он умело выделяет достоинства и недостатки в изучении проблемы, что позволило определить пробелы и перспективы конкретно-исторического и теоретико-методологического изучения истории российского революционизма. Подводя итог историографическому освоению проблемы, В.В. Кондрашин ставит вопрос о необходимости качественно иного подхода в осмыслении причин, динамики, масштабов и основных результатов крестьянского движения.

Говоря о методологии своего исследования, В.В. Кондрашин не только перечисляет основные принципы познания общественных яв-

лений и связей, но и подробно характеризует понятийно-терминологический аппарат, что позволило ему стратифицировать различные формы крестьянского сопротивления, объяснить причины противостояния народа и власти, выявить механизм подавления социальной инверсии.

Корпус исторических источников, привлеченных В.В. Кондрашиным для решения поставленных задач, весьма значителен. Он сумел по-новому взглянуть на уже известные документы, созданные противоборствующими сторонами в ходе Гражданской войны. В особую заслугу автору следует поставить выявление, археографическую обработку, классификацию и публикацию новых исторических источников, которые ранее были не доступны исследователям. Большинство архивных материалов вводятся им впервые в научный оборот. При этом необходимо отметить, что наблюдения и оригинальные выводы работы подтверждены ссылками на новые, ранее не доступные документы чрезвычайных органов советской власти, секретных отделов, разведки и контрразведки красных, белых армий, Комуча, повстанцев.

Сравнительно-сопоставительный метод анализа информации, содержащийся в источниках различного происхождения, позволил автору аргументированно доказать свои новаторские идеи и оценки исследуемых исторических явлений. В монографии использованы документы 106 фондов пяти центральных и пятнадцати местных архивов Поволжья, материалы 16 периодических изданий, отражавших события 1918–1922 гг. в регионе. Все эти новые документы не только были подвергнуты автором фронтальному изучению, но и подготовлены к печати в сборниках документов «Советская деревня – ОГПУ-НКВД». М., 1998; «Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1921 гг.». Таким образом, монография В.В. Кондрашина хорошо фундирована, что, несомненно, обеспечивает достоверность его выводов.

Обосновывая хронологические рамки своего исследования – «с начала 1918 г. и по 1922 г. включительно», – автор исходит из двух обстоятельств: наименьшей изученности данного периода в Поволжье и качественно иных характеристик крестьянской революции в это время.

Территориальные границы исследования исторических событий в данной монографии обусловлены очагами распространения крестьянских восстаний, проходивших под едиными лозунгами, общим руководством, одинаковыми формами и методами борьбы. Автор убедительно обосновывает выбранную им регионализацию крестьянского движения.

В заслугу автору следует отнести четкое выделение основных положений, в которых отражена научная новизна исследования. Среди них: уточняющие данные по фактологии движения; выявление новых причин и фактов, обусловивших сопротивление крестьян различным властным режимам в годы гражданской войны; объяснение форм и мето-

дов социального противостояния; количественная и качественная характеристика крестьянского повстанчества в Поволжье, его место в общей крестьянской борьбе за землю и волю; выводы о результатах крестьянского движения и его влиянии на всю политику Советского государства.

Рассмотрение выдвинутых в монографии вопросов и решение исследовательских задач В.В. Кондрашин предлагает в двух разделах, объединенных общей методологией, но различных по характеру обобщений. В первом разделе рассматриваются предпосылки конфликта крестьянства с Советским государством, обосновывается периодизация крестьянского движения, влияние различных властных структур периода гражданской войны на формы крестьянского сопротивления, «зеленое движение» в регионе.

Все эти вопросы, по утверждению автора, характеризуют причины, содержание и результаты крестьянского движения в Поволжье. Оно, являясь составной частью крестьянской революции в России 1917–1922 гг., имело ряд особенностей, обусловленных социально-экономическим и культурно-национальным развитием края. Одновременно автор анализирует комплекс обстоятельств, выдвинувших Поволжский регион в число пионеров крестьянского сопротивления советской власти. При этом, характеризуя предпосылки девиантного поведения поволжских крестьян, он отстаивает объективную неизбежность конфликта, включая сюда факторы долговременные и возникшие в результате политики советской власти. Соглашаясь с утверждением автора о наличии долговременных объективных причин крестьянской войны в революционную эпоху, смеем утверждать, что территориальная дезинтеграция, а тем более жесткая политика советской власти по подавлению крестьянской вольницы — явления субъективного плана, хотя они и явились мощным катализатором крестьянских восстаний. Кстати, В.В. Кондрашин, рассматривая действия советской власти по подавлению в регионе крестьянских выступлений, выделяет объективные и субъективные возможности для осуществления такой политики. Это лишний раз доказывает превалирование субъективных причин крестьянских восстаний в регионе периода Гражданской войны.

Новаторской является глава, посвященная «зеленому движению», где характеризуются взаимоотношения крестьян и Красной Армии. Если сопротивление поволжского крестьянства мобилизационным мероприятиям Комуча, направленным на создание его Народной армии, получило достаточно широкое освещение в литературе, то дезертирство из Красной армии, «зеленое движение» в регионе рассмотрено автором впервые.

Особо следует отметить яркие зарисовки поведения крестьян в постоянно меняющихся условиях гражданской войны. Перед нами предстают то хитрые и расчетливые мужики, только о своей выгоде пеку-

щиеся, то всеми обманутый и запутанный, униженный и оскорбленный народ-богоносец, мечущийся между красными, белыми, меняющийся, как хамелеон, окраску, чтобы выжить. Таким образом, социопсихологический анализ крестьянского движения в Поволжье позволил автору выявить механизм раскручивания пружин народного гнева, проследить формы его выражения, показать тактику повстанческих отрядов, обстоятельства их перерождения в мелкие группы деклассированных элементов с уголовным уклоном. Таким образом в монографии В.В. Кондрашина представлена широкая панорама событий в огромном регионе Советского государства, которые во многом определяли изменения его социальной политики в годы Гражданской войны.

Сложные, полные антагонистических противоречий события, порожденные противостоянием крестьян и власти в период выбора пути социально-экономического развития страны 1918–1922 гг., неоднозначно оценивались не только современниками, но и последующими поколениями. До сих пор ученые и публицисты, общественные деятели и политики, литераторы, художники, музыканты, все, кто задумывается об исторических корнях национальной ментальности, — ищут ответы на «проклятые» вопросы вечных российских бед и неурядиц. При этом одни озабочены тем «кто виноват?», а другие — «что делать?». В.В. Кондрашин относится к той категории исследователей, которые не только ставят злободневные научные проблемы, но и предлагают пути их решения. В этой связи особенно значим анализ количественных и качественных показателей крестьянского движения в Поволжье в 1918–1922 гг. Здесь рассматриваются ключевые проблемные аспекты темы, составляющие ее сущностные характеристики.

В.В. Кондрашин внес свой вклад в методику и технику подсчета крестьянских выступлений, установив, что данные официальной статистики не полные, т. к. учитывали только восстания, подавлявшиеся воинскими силами. В связи с этим он разработал методику расчетов количественных показателей крестьянского движения путем сопоставления сведений из различных источников, применил ее на практике, составив сводные таблицы уточненных и выверенных данных.

Впервые автором установлены не только общие, но и специфические причины каждого крестьянского выступления, приведены их количественные и качественные характеристики. В частности, отмечается, что 90 % крестьянских выступлений вызваны методами внеэкономического принуждения в политике советской власти, а остальные 10 % носили специфический характер (межобщинные конфликты, на религиозной почве и другие). Эти 10 % как раз и отражают специфику Поволжья.

Оригинальны выводы В.В. Кондрашина о сущности «крестьянского антикоммунизма». Так, он подчеркивает некорректность данной

терминологии. Автор вскрывает причины примитивного антисемитизма, отсутствие монархических пристрастий у крестьян Поволжья. Он отмечает своеобразное единение христиан с мусульманами в отстаивании нравственных основ общественной жизни, проповедовавшихся крупнейшими религиозными конфессиями, распространенными в крае. Наконец, автор отмечает адекватность советской организации общества крестьянским идеалам о форме государственности и подчеркивает их стихийный протест против превращения большевиками советов в органы диктатуры данной партии.

Рассматривая остро дискуссионные вопросы о движущих силах крестьянского движения, В.В. Кондрашин подчеркивает превалирование общекрестьянских выступлений против аграрной политики большевиков. В его монографии представлено процентное соотношение «сильных», средних и «слабых» крестьян в отдельных движениях. Однако эти цифры не дают представления о наличии или отсутствии межкрестьянских противоречий и степени активности разных категорий крестьян. Для этого не хватает одного, но существенного показателя – данных о дифференциации крестьянских хозяйств по экономическим признакам. Все рассуждения о характере движущих сил крестьянских выступлений без учета экономического положения их участников являются эмоциями, а не научно доказанными фактами. Но В.В. Кондрашин проделал необходимую подготовительную работу для уточнения социального состава участников крестьянских восстаний в Поволжье и наметил перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Выясняя влияние внешних факторов на крестьянское движение в Поволжье, В.В. Кондрашин развенчивает мифы о якобы имевшем место влиянии эсеров и белогвардейцев на поведение крестьян. Он подчеркивает самостийный характер крестьянских выступлений, их автономность в идейно-политической и вооруженной борьбе периода гражданской войны. Характерно, что В.В. Кондрашин проводит четкую грань между политикой центральной власти и низовыми советами, считая, что последние выступали чуть ли не защитниками общекрестьянских интересов. На наш взгляд, это утверждение несколько преувеличено. Оно явно вызвано авторскими симпатиями к борцам за «крестьянскую правду».

В целом монография В.В. Кондрашина представляет собой фундаментальное исследование, расширяющее наши представления о характере структурных изменений в общественных отношениях на крутом переломе российской истории, способах и методах внедрения новой парадигмы социальных связей, причинах поражения крестьянских выступлений против аграрной политики большевиков.

Эти проблемы в территориальных границах России получили освещение в монографии, опубликованной РОССПЭН в 2009 г.³⁶⁸

Всего в рамках проекта «История сталинизма» В.В. Кондрашин издал три монографии³⁶⁹, в том числе о хлебозаготовительной политике в годы первой пятилетки³⁷⁰. Его имя вписано в летопись истории сталинизма наряду с такими известными историками-славистами, как Э. Каррер д'Анкосс, Йорг Баберовски, Шейла Фицпатрик, Ален Блюм и Мартина Меспуле, Пол Грегори, Андреа Грациози, Хайнц-Дитрих Леве, Николая Верт, Линн Виола и др.

На основе многофакторного анализа в монографии предпринята попытка выявить причины «региональных особенностей и последствий голода 1932–1933 гг. в СССР, акцентируя внимание на хлебозаготовке, как основную его причину»³⁷¹. Историком введен в научный оборот огромный комплекс документов и материалов, отысканных в архивах Российской Федерации, Казахстана, Белоруссии. Используются также документы из фондов Архива Президента Российской Федерации и Центрального архива Федеральной службы безопасности России. Значительная часть документов впервые введена в научный оборот. Исключительно важное значение имеет также и то, что автором введены в научный оборот материалы устной истории: многочисленные записи В.В. Кондрашиным воспоминаний очевидцев той великой трагедии.

В монографии рассмотрен комплекс вопросов, которые показывают взаимосвязь и взаимообусловленность причин и последствий голода с проводившейся коллективизацией советской деревни, которая выступала в качестве одного из источников реализации сталинской модернизации страны. Анализируется международная реакция на голод в СССР и демографические потери СССР во время голода.

Вполне правомерен вывод В.В. Кондрашина о том, что форсированная «в силу необходимости поддерживать взятые темпы – сталинская индустриализация на основе насильственной коллективизации» проходила не так, как планировали ее инициаторы. Возникшие проблемы и издержки в аграрном секторе страны придали ей особый драматизм. Но она не могла быть остановлена и в условиях сталинского режима продолжалась, невзирая ни на какие жертвы. Как и в других странах Запада, вступивших на этот путь, индустриальная модернизация в СССР осуществлялась за счет крестьянства, ресурсов деревни, но в более короткий срок и с большими издержками по этой причине, также в силу природы утвердившегося сталинского режима и исторического наследия. В результате за счет внутренних источников к началу Второй мировой войны в СССР был создан мощный военно-промышленный комплекс, обеспечивший ему Великую Победу в 1945 г. Но за это в 1932–1933 гг. была заплачена огромная цена – человеческие жизни»³⁷².

В 1997 г. В.В. Кондрашин возвращается в Пензу. Здесь в ПГПУ им. В.Г. Белинского ему предложили должность профессора, а затем

заведующего кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории. Перейдя на преподавательскую работу, Виктор Викторович зарекомендовал себя как блестящий оратор, неизменно пользующийся уважением в студенческой среде, преподаватель с «большой буквы», способный буквально в считанные минуты овладеть вниманием аудитории, наделенный фантастическим даром извлекать из глубин памяти нужную информацию и строить систему аргументов, казалось бы, из ничего. Он активно включился и в процесс подготовки научно-исследовательских кадров. В разное время он входил в диссертационные советы по историческим наукам при ПГПУ, Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина, Самарском государственном университете (2001–2010 гг.). Под его руководством защитили кандидатские диссертации 14 соискателей и аспирантов, в том числе гражданка КНР Лю Ин (в настоящее время она заведует кафедрой мировой истории, является заместителем декана историко-культурного факультета Северо-Западного национального университета в КНР). Однако возвращение к истокам не привело к разрыву с академической наукой, и с 1998 г. и по сей день В.В. Кондрашин является неизменным участником крупнейших международных научно-исследовательских проектов. В 1992–2008 гг. он не единожды становится лауреатом грантов фондов Форда, Сороса, РГНФ и других за работы по аграрной истории России, Поволжья и Украины первой трети XX в. Общее количество его научных работ уже давно перевалило за две с половиной сотни.

Неординарность революционных процессов, охвативших Россию в первые десятилетия XX в., позволяет сегодня трактовать российскую революцию как аграрную или общинную, а крестьянство как основную силу, определявшую направление социокультурной динамики. Подобная актуализация крестьянской темы в историографии русской революции стала прямым следствием изменения общенаучной парадигмы гуманитарного знания. Процесс возрождения лучших традиций отечественного крестьяноведения, берущий свое начало на рубеже 1980–1990-х гг., получил дополнительное ускорение вследствие более непосредственного и непредвзятого приобщения российских историков к не прерывавшейся на протяжении всей второй половины XX в. культурно-антропологической традиции изучения крестьянства на Западе. В качестве примера одной из наиболее эффективных форм научной коммуникации в этом направлении можно привести деятельность теоретического семинара «Современные тенденции аграрного развития», организованного Институтом российской истории РАН под руководством В.П. Данилова в 1992 г.

Отметим активное участие В.В. Кондрашина в международных проектах. В 90-е годы развитию российского крестьяноведения, несомненно, способствовала реализация такого крупного международного

проекта научных документальных изданий «Интерцентра» Московской высшей школы социально-экономических наук (МВШСЭН), как «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (руководители проекта В.П. Данилов, Т. Шанин), получившего одобрение и поддержку Ученого совета ИРИ РАН в январе 1992 г., а также российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг.» (руководители В.П. Данилов, А. Берелович), активное участие в которых принимал и В.В. Кондрашин³⁷³.

Результатом участия В.В. Кондрашина в международном проекте ИРИ РАН «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, 1927–1939» (1998–2004) в 2001 г. становится издание сборника документов по периоду 1931–1933 гг.³⁷⁴ С 2001 по 2006 гг. Виктор Викторович осуществлял руководство российско-японским научно-исследовательским проектом (с российской стороны) «История российского крестьянства в XX веке», с 2006 по 2007 г. российско-украинского проекта (РГНФ – Национальная академия наук Украины (НАНУ)): «Современная российская и украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР», а с 2008 по 2010 г. проекта РГНФ–НАНУ: «Крестьянское повстанческое движение в России и Украине в годы Гражданской войны: общее и особенное»³⁷⁵.

Российско-японский научно-исследовательский проект завершился в 2006 г. публикацией сборника статей на японском языке с одноименным названием. В проекте также приняли участие ученые университета Каназава, университета Васэда, университета Кусиро, Славянского центра Саппоро. Промежуточным итогом совместной деятельности российских и японских ученых стало проведение 14–17 ноября 2003 г. международной конференции в Сусоно-Сити (Япония), посвященной истории российского крестьянства. Темой доклада д.и.н., профессора В.В. Кондрашина, выступившего на престижном научном форуме, стал анализ современной российской историографии аграрной истории России XX в. 11–20 ноября 2005 г. В.В. Кондрашин вновь побывал в Японии, где принял участие в очередной конференции «Крестьянство России в XX веке» с докладом: «К вопросу о сущности Махновского движения на Украине в 1918–1921 гг.».

Осенью 2005 г. В.В. Кондрашин принимает участие сразу в двух крупнейших международных научных форумах. Так, 29–30 сентября 2005 г. в Стокгольме состоялась международная научная конференция «Аграрная история России первой половины XX в. Российская деревня: 1900–1939 гг.», посвященная памяти выдающегося русского историка В.П. Данилова (1925–2004 гг.). Ее организатором выступила Стокгольмская школа экономических наук при королевской Академии наук Швеции». А 24–26 ноября 2005 г. он отправился в Италию для участия в работе международной научной конференции «Революция 1905 г. и Италия», состоявшейся в г. Поркари (провинция Тоскана). Итогом

научной деятельности пензенского профессора стало установление тесных научных контактов ПГПУ с профессором университета Пизы (Италия) Эторри Чинеллой и профессором Стокгольмской школы экономических наук королевской Академии наук Швеции Леннартом Самуэльсаном.

В 2005–2006 гг. В.В. Кондрашин также принимает участие в международном англо-русском проекте «Центр и регионы: проблема власти (1946–1970 гг.)», организованном по инициативе Манчестерского университета (руководители – Йорам Горлицкий (Манчестерский университет), О.В. Хлевнюк (Государственный архив Российской Федерации)). В рамках работы над проектом В.В. Кондрашиным осуществлялся поиск материалов в ГАПО по теме: «Пензенская организация КПСС: кадры, взаимоотношения с ЦК. 1946–1970 гг.». Итоги научной деятельности были изложены В.В. Кондрашиным на научной конференции в Англии, состоявшейся 6–8 сентября 2006 г. в Манчестерском университете. В.В. Кондрашин выступил с докладом на тему: «Пензенская региональная элита в 1960–1970-е гг.: социальный облик и деятельность». Впоследствии документы, обнаруженные Виктором Викторовичем в фондах ГАПО, войдут в сборник, посвященный региональной политике Н.С. Хрущева (опубликован в издательстве РОССПЭН в 2009 г.)³⁷⁶.

Важным направлением в научной деятельности В.В. Кондрашина является его участие в научных конференциях. Как практикующий историк он не мог остаться в стороне от обсуждения дискуссионных проблем, которые стали актуальной проблемой не только в научном, но и в социополитическом плане.

На современном этапе под эгидой проекта «История сталинизма» проведено несколько международных научных конференций, самое непосредственное и деятельное участие в организации которых принимает В.В. Кондрашин. Так, в декабре 2008 г. в Москве состоялась конференция «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения», тема следующей конференции, прошедшей в октябре 2009 г. в Смоленске, была обозначена как «История сталинизма. Репрессированная российская провинция», и, наконец, на конференции «История сталинизма. Крестьянство и власть», состоявшейся в Екатеринбурге в сентябре 2010 г., Виктор Викторович не только вошел в состав оргкомитета, вел секцию «Голод 1932–1933 гг. – трагедия народов СССР», но и выступил с докладом на пленарном заседании на тему: «Механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг.».

В.В. Кондрашин избрал для себя борьбу против фальсификации истории. Он выступает за объективную, лишённую политизированной ангажированности оценку явлений и процессов исторического прошлого. Его «участок фронта» – это противодействие концепции «искусственно организованного голода» в советской Украине в 1932–1933 гг., «голодомора», сталинского геноцида свободолюбивого украинского народа³⁷⁷.

Веским аргументом в пользу актуализации темы «Голодомора» становится обращение представителей Украины в ООН с требованием принять резолюцию о признании факта геноцида украинцев в 1932–1933 гг. со стороны России. Первоначально подобное предложение не получило поддержки в ООН, поэтому представители Украины и украинской диаспоры за рубежом предприняли активные усилия по организации крупного международного научного форума с целью научно подтвердить свои претензии к России. Эта инициативу поддержало руководство Италии, где под личным патронажем премьер-министра С. Берлускони, с участием послов Украины и Канады была организована работа симпозиума «Великий голодомор и геноцид в Украине 1932–1933 гг.», который проходил 16–18 октября 2003 г. на базе Института исследований истории религии и общества г. Винченца провинции Венето под руководством профессора Габриэля де Роза. Российскую «защищающуюся» сторону по инициативе ИРИ РАН представляли профессор ИРИ РАН Н.А. Ивницкий и профессор ПГПУ им. В.Г. Белинского В.В. Кондрашин. По итогам работы симпозиума была принята резолюция, в которую, благодаря усилиям российской делегации, был включен пункт о признании факта голода не только на Украине, но и в России. Данная резолюция была направлена в Евросоюз и Итальянский конгресс. Доклад В.В. Кондрашина на этом симпозиуме был опубликован на итальянском и украинском языках³⁷⁸.

Кульминацией политики нагнетания истерии по поводу ответственности России за аграрную политику сталинизма стал принятый 28 ноября 2006 г. Верховной Радой Украины Закон «О голодоморе 1932–1933 гг. в Украине», окончательно легитимизировавший обвинение в геноциде. В работах С.В. Кульчицкого, профессора, заведующего отделом истории 20–30-х гг. XX в. Института истории НАН Украины, голодомор получил определение как преднамеренное, отлично спланированное и тщательно замаскированное убийство миллионов людей, предпринятое в политических интересах одного человека — Сталина³⁷⁹.

Борьба с фальсификациями и фальсификаторами приобретала различные формы. Проходили научные конференции, круглые столы в редакциях центральных журналов и даже теле- и видеомосты «Москва — Киев». Среди крупнейших научных форумов международного уровня следует отметить конференцию «Великий голод в Украине: голодомор и его последствия», состоявшуюся в США 17–18 ноября 2008 г. (Гарвардский университет, Бостон).

Тема «Голода 1932–1933 гг.» вновь становится предметом обсуждения ученых с мировой известностью в 2009 г., когда 18–21 марта на базе Мельбурнского университета (Австралия) состоялась международная научная конференция, посвященная истории голода в различных странах мира в XX в. В ее работе приняли участие ученые из

ведущих научных центров и университетов Австралии, Англии, Германии, Италии, Ирландии, США, Канады, Китая, Украины. Россию на конференции представлял профессор ПГПУ В.В. Кондрашин. Он выступил на конференции с докладом «Документы архивов ЗАГС Поволжья и Южного Урала о голоде 1932–1933 гг. в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях».

14–15 ноября 2009 г. в ходе работы 41-й сессии Американской ассоциации славистов в Бостоне (США) на одной из секций также состоялось обсуждение проблем голода 1932–1933 гг. в СССР с участием В.В. Кондрашина³⁸⁰.

В октябре 2007 г. в соответствии с приказом Федерального архивного агентства № 47 В.В. Кондрашин вошел в состав Редакционного совета международного проекта Федерального архивного агентства РФ (во главе с Руководителем Федерального архивного агентства РФ, членом-корреспондентом РАН, профессором В.П. Козловым) «Голод в СССР. 1929–1934 гг.» как ответственный составитель трехтомного академического издания документов и материалов.

К настоящему времени увидели свет уже три тома в четырех книгах уникальных документов из рассекреченных материалов российских архивов (в том числе: из Архива Президента РФ, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (информационные сводки ОГПУ), Архива внешней политики МИД РФ, РГАСПИ, РГАЭ, ГАРФ)³⁸¹.

На основе изученных документов В.В. Кондрашину удалось аргументировано доказать, что голод в СССР в начале 1930-х гг. явился результатом целого комплекса причин объективного и субъективного характера, главной из которых была аграрная политика сталинского руководства СССР, осуществлявшаяся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (в частности, система планирования обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции; массивный «голодный экспорт» с целью закупок промышленного оборудования; насильственная коллективизация и принудительные хлебозаготовки), а отнюдь не злой и преступный умысел Сталина. Жертвами голода в СССР стало не менее 7 млн человек. Подавляющая часть из них сосредотачивалась в двух регионах: Украине (3–3,5 млн человек) и РСФСР (4 млн человек). Таким образом, голод не имел национального подтекста. Его интенсивность определялась фактом экономической специализации регионов: больше умирало там, где больше производилось хлеба, следовательно, больше изымалось в счет госпоставок³⁸².

Благодаря личному вкладу В.В. Кондрашина в разработку проекта, в научный оборот были введены документы из фондов Архива Президента Российской Федерации, позволившие досконально изучить проблему разделения ответственности между центральными и региональными властями в организации принудительных хлебозаготовок 1932 г. Представляется чрезвычайно важным вывод исследователя об очевид-

ной и значительной ответственности за трагедию республиканского руководства УССР и прежде всего С.В. Косиора как партийного лидера украинских коммунистов. Как отмечает В.В. Кондрашин, «Украинское руководство компартии виновато в том, что слишком ретиво и самонадеянно осуществляло на Украине коллективизацию и неразрывно связанные с ней хлебозаготовки, нередко переоценивая свои силы и скрывая от Центра свои провалы...»³⁸³. В то же время концептуальное видение проблематики в работах автора выходит далеко за пределы конкретного события в отечественной истории. Настоящим научным открытием представляется тезис о несовершенстве бюрократической системы управления экономикой, об издержках сталинского курса на форсированную индустриализацию как о факторах трагедии 1932–1933 гг. Это – блестящая характеристика деградации политической культуры советского общества в условиях постреволюционной архаизации общественных отношений.

К числу достижений В.В. Кондрашина следует отнести его участие в качестве члена редакционного совета сборника документов «Политбюро и Лев Троцкий», который был опубликован в Праге в 2013 г.³⁸⁴

В 2014 г. он выступил в качестве составителя уникального сборника документов «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны», в котором в научный оборот введен огромный пласт уникальных документов, характеризующих жизнь российской провинции в период войны и революции³⁸⁵.

Виктор Викторович превосходно владеет и управляет информационными потоками на поле истории. Бессчетное количество раз погружаясь в событийный фон документальных источников, он демонстрирует одно из определяющих качеств настоящего ученого – умение извлекать из обычного текста чистое знание. Научные истины открываются ему легко и являются целеполагающей основой научно-исследовательской деятельности. А его жизненным кредо является бескорыстное служение Ее Величеству Науке. Трудно измерить и творческий потенциал его личности. Это человек с сильным характером, но чрезвычайно ранимый, чутко реагирующий на малейшую несправедливость, с открытым сердцем, равнодушный к проблемам окружающих его людей, готовый прийти на помощь в сложных жизненных ситуациях, словом, обладающий набором качеств, составляющих этическую основу психологии «великоросса», но столь не популярных в современном обществе.

В настоящее время В.В. Кондрашин – депутат Законодательного Собрания Пензенской области, член экспертного совета ВАК Министерства образования и науки РФ по историческим наукам, эксперт Российского гуманитарного научного фонда, заместитель председателя экспертного совета по международным и целевым конкурсам РГНФ, член оргкомитета симпозиума по аграрной истории Восточной Европы РАН.

§ 9. Аграрные исследования Валерия Анатольевича Юрчёнкова

В.А. Юрчёнков принадлежит к числу историков, внесших серьёзный вклад в изучение региональной истории XX в. Им исследовались процессы, шедшие в Среднем Поволжье и Мордовском крае на различных этапах истории. Говоря о специфике региона, он высказал мысль о том, что эта территория несомненно примыкала к Центру Российского государства и на ней действовали его законы. Однако она была одновременно и провинцией, периферией и здесь работали законы периферии. Взаимодействие этих факторов и порождало диалектику развития региона.

В.А. Юрчёнков³⁸⁶ родился 23 сентября 1960 г. в г. Краснослободске Мордовской АССР в семье служащего. Детство провел в селах Ичалки и Атяшево, где в советских и партийных органах работал его отец. После окончания саранской средней школы № 19 поступил на историко-географический факультет Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. С 1982 по 1985 гг. обучался в аспирантуре НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Под руководством академика Ю.С. Кукушкина написал и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Советы Мордовии в период гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.)».

С 1982 по 1995 г. работал в НИИЯЛИЭ: младшим научным сотрудником (1982, 1985—1986 гг.), заведующий сектором (с 1993 г. — отделом) истории (1986—1992, 1993—1995 гг.), ученым секретарем — заместителем директора (1992—1993 гг.). С 1995 по 1998 г. работал в НИИ регионологии при Мордовском университете: заведующий сектором региональной истории (1995 г.), заместитель директора по научной работе (1995—1998 гг.). В 1997 г. защитил докторскую диссертацию на тему «История мордовского края в западной историографии XIII—XIX вв.». В 1998 г. перешел на кафедру новейшей истории народов России Мордовского университета, где работал в качестве профессора. В 1999 г. создал кафедру страноведения, которую возглавлял до 2005 г.

В октябре 2001 г. решением Правительства Республики Мордовия В.А. Юрчёнков назначен директором НИИЯЛИЭ. Под его руководством институт был реорганизован в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Главный редактор научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (с 2006 г.), научно-публицистического журнала «Центр и периферия» (с 2003 г.). Член редколлегии научно-публицистического журнала «Регионология» (с 1992 г.), научно-технического общественно-информационного журнала «Мордовия: наука, инновации, новые технологии» (с 2004 г.), молодежного журнала «Странник» (с 1994 г.).

Одной из центральных тем в творчестве В.А. Юрчénкова является история крестьянства в период Гражданской войны, взаимоотношения крестьянства и власти в региональном аспекте. Он одним из первых в регионе с принципиально новых позиций и использованием нового архивного материала, в том числе из фондов Управления ФСБ по Республике Мордовия, исследовал общественно-политическую активность крестьянства³⁸⁷. Анализируя происходившие в мордовском селе процессы, он отметил высокий уровень активности крестьян и опроверг устоявшиеся в историографии высказывания об экономической и политической отсталости региона. На фактологическом материале им было опровергнуто и положение о преобладании кулачества в составе делегатов уездных и волостных съездов и советов первых созывов, высказана мысль об их середняцком составе. Главные причины повышения активности крестьянства в 1919 г. он увидел не в широкой пропагандистской деятельности партийных работников РКП (б), а в сознании вполне реальной опасности для села возврата к прежнему состоянию в условиях разгоревшейся Гражданской войны. В качестве основных показателей общественно-политической активности крестьянства В.А. Юрчénков выделил не только участие в выборах в низовые советские органы, создании большевистских и комсомольских организаций на селе, но и антибольшевистское сопротивление крестьян, их выступления 1918–1920 гг.

Одними из новых направлений в изучении Гражданской войны и «военного коммунизма» в Мордовии стали последние исследования В.А. Юрчénкова³⁸⁸ по проблемам психологии отдельных групп сельского населения на различных этапах развития истории первых лет советской власти. Он предложил трактовать эволюцию социальной психологии крестьянства через призму его отношения к власти. По его мнению, «отношение к власти — определяющая черта общественного сознания в условиях коренного перелома жизни общества»³⁸⁹. Анализ источников по проблеме отношения различных слоев населения к органам власти позволил ему выделить два компонента (оценочный и поведенческий), на основе взаимоотношения которых была предложена типологическая модель, включающая четыре типа отношений:

- 1) действительно позитивное;
- 2) декларативно позитивное;
- 3) формально позитивное;
- 4) негативное.

Кроме того, он указал на необходимость при анализе общественного сознания разграничивать прямое и обратное (т. е. идущее от прошлого и настоящего), выделять элементы в зависимости от места и времени их происхождения, а также характера отношений к специфике данного общества. В.А. Юрчénков считает, что важнейшим элементом анализа общественного сознания крестьянства в таком мно-

гонациональном регионе как Среднее Поволжье является этнопсихологическая реконструкция. Отмечая тенденцию интернационализации социальных групп крестьянства региона, он констатировал и наличие историко-этнических характеристик общественного сознания. В этом плане весьма характерно рассмотрение им психологических аспектов вскрытия мощей святых в первые годы советской власти, в частности Серафима Саровского в 1920 и 1927 гг.³⁹⁰.

Заслуживающей внимания стороной исследований В.А. Юрчёнкова является рассмотрение им проблемы крестьянина во власти³⁹¹. Именно в связи с ней он анализирует основные вопросы, которые решались на уездных и волостных съездах советов Мордовии; характеризует способы участия крестьян в работе съездов, их позицию по тем или иным вопросам. Разработка материалов уездных съездов советов привела ученого к идее их публикации как наиболее ценного источника по региональной истории, что и было осуществлено в 2010–2013 гг. коллективом авторов и составителей под руководством В.А. Юрчёнкова³⁹². Аспектом этой большой темы исследователь считает представительство крестьянства в местных организациях политических партий, в первую очередь большевиков и левых эсеров. Особенно интересен материал по ПЛСР, которая при поддержке крестьянства преобладала в советах Мордовии. Фракции левых эсеров в советах, по материалам исследователя, в первой половине 1918 г. численно превосходили большевистские, в некоторых уездах левые эсеры составляли абсолютное большинство делегатов съездов советов. Причины это исследователь увидел в том, что крестьянство склонялось к поддержке той советской партии, которая выражала желание учесть крестьянские интересы. Кроме того, крестьянству импонировали лозунги левых эсеров, направленные против установления продовольственной диктатуры и комбедов³⁹³.

Представляет интерес работы В.А. Юрчёнкова о деятельности советов по социально-экономическому развитию деревни, крестьянском хозяйстве в условиях «военного коммунизма»³⁹⁴, в которых рассмотрена скрытая реакция крестьянства на политику власти в виде сокращения посевных площадей и поголовья скота, ухудшения обработки почвы и т. п. Сопоставление основных параметров крестьянских хозяйств (посев и структура, наличие сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, уровень развития животноводства) было осуществлено на основе первичных данных переписей 1917 и 1920 гг., что позволило наметить основные направления хозяйственной эволюции и определить реакцию крестьянства на социально-экономические мероприятия власти в деревне. Исследователь отметил общий глубокий упадок сельскохозяйственного производства. Произошли социально-экономическое нивелирование крестьянства и натурализация его жизни. Причем данные тенденции имели место как в русском, так и мордовском селе³⁹⁵.

Одним из первых В.А. Юрчёнков рассмотрел на вновь открытом в условиях «архивной революции» материале вопросы крестьянского сопротивления власти. В написанных им главах коллективной монографии по истории органов государственной безопасности Мордовии³⁹⁶ он детально охарактеризовал основные крестьянские выступления в крае (Яковщина, Лада и Пятина, Большая Азясь, «чапанное движение» и т. д.). Он рассматривает их как составной элемент крестьянской революции, выявляет основные этапы крестьянского движения. Так, исследователь отмечает в выступлениях 1918 г. отчетливое единство интересов зажиточного крестьянства и бедноты, выступавших в это время единым фронтом в борьбе с властью. Внутри периода им выделяются некоторые особенности крестьянских движений. Если весной 1918 г. они носили внутридеревенский характер, преобладали противоречия между крестьянами в рамках одной общины и масштабы насилия ограничивались небольшим количеством жертв среди противоборствующих сторон, то с осени 1918 г. картина изменилась: выступления приобрели массовый характер и вышли за рамки одного селения, отмечались более жесткий характер насилия и большое количество жертв³⁹⁷. В 1919 г., по мнению исследователя, начался новый этап в истории крестьянского движения в регионе, охвативший и первую половину 1920 г. В это время движение достигло значительной степени напряженности, став постоянно действующим фактором на всей территории региона³⁹⁸.

Разработка проблем аграрного развития в первые годы советской власти и последующей коллективизации привела региональных исследователей к формулировке весьма противоречивого положения. С одной стороны, коллективизация имела ужасные последствия, с другой — все же имела место модернизация аграрного производства. В.А. Юрчёнков попытался снять это противоречие³⁹⁹, предложив увязать аграрную политику с особенностями региона. По его словам, именно своеобразие привело к трансформации аграрной политики, которая стала утрачивать черты унификации⁴⁰⁰. Определенное воздействие, по его мнению, на аграрную политику оказывали факторы частного порядка:

- неравномерность процессов национально-государственного строительства народов Поволжья;
- слабое развитие промышленности и абсолютное преобладание сельского хозяйства;
- неравномерность обеспечения различных национальностей региона землей, скотом, орудиями сельскохозяйственного производства и т. п.;
- отставание национальных районов в сфере социально-экономического развития и образования;

– особенности формирования и развития национальной советской политической элиты⁴⁰¹.

По мнению В.А. Юрчёнкова, государство попыталось учесть специфику региона путем регулирования сроков проведения коллективизации как основы-ядра аграрной политики. Однако в действиях региональных властей преобладал нажим, который привел к массовым крестьянским выступлениям. Причем численность участвовавших в них и число самих выступлений росло⁴⁰². Исследователь пришел к выводу о том, что в целом процессы коллективизации в регионе не выходили за рамки общесоюзной динамики. Специфика проявлялась в более сильных «отливах» из колхозов в моменты ослабления государственного давления на деревню⁴⁰³.

Аграрная политика, по мнению В.А. Юрчёнкова, имела кратковременные и долговременные последствия. Кратковременные последствия связаны с голодом 1932–1933 гг., трагедиями сотен крестьянских семей. Причем причины голода следует рассматривать в комплексе политических, социально-экономических и природно-климатических факторов. Долговременные последствия привели к кардинальному изменению социального облика национального крестьянства, существенной трансформации мордовской деревни. Он пишет: «Традиционное крестьянское хозяйство было разрушено. Обратного пути к господству мелкого, единоличного, натурально-потребительского хозяйства уже не было. Фактически с 1933 г. шел поиск путей организационно-хозяйственного укрепления созданной колхозно-совхозной системы через расширение сети МТС и насыщения их разнообразной техникой, внедрение современных способов производства, подготовку сельскохозяйственных кадров; осуществляются попытки налаживания внутриколхозной жизни (разрешение личного подсобного хозяйства, колхозная торговля и т. п.); принимаются меры по повышению культурно-образовательного уровня села»⁴⁰⁴.

В.А. Юрчёнков одним из первых стал заниматься проблемами региональной историографии аграрного развития, опубликовав ряд историографических обзоров и творческих портретов историков-аграрников⁴⁰⁵. В ходе историографического анализа он вписывает аграрную историографию в контекст общего развития региональной историографии, выделяет ее специфику через призму изменения историографической ситуации в регионе.

В.А. Юрчёнков выступает как организатор науки: он инициатор и руководитель проекта «Мордовия. XX век», в рамках которого уже увидели свет коллективные монографии о Великой Отечественной войне и послевоенному времени. Особое место в их структуре, естественно, занимает аграрная тематика, что обусловлено спецификой региона.

§ 10. История коллективизации сельского хозяйства в трудах Тимофея Дмитриевича Надькина

Т.Д. Надькин принадлежит к числу сравнительно молодых историков, с работами которых связано новое прочтение целого ряда страниц аграрной истории Мордовии XX в. Он⁴⁰⁶ родился 20 июля 1968 г. в г. Саранске в семье известного мордовского лингвиста профессора Т.Д. Надькина, позднее лидера мордовского национального движения «Масторава». В 1985 г. окончил среднюю школу № 32 г. Саранска и поступил на исторический факультет Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева. Летом 1987 г. был призван в ВС СССР, служил в войсках ПВО. В 1989 г. продолжил учебу в вузе, в 1991 г. совмещал учебу с работой в НИИ регионологии. В ноябре 1992 – марте 1995 гг. – аспирант отдела истории НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия. В марте 1995 – августе 1997 гг. научный сотрудник, старший научный сотрудник отдела истории НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия. С 1997 г. в МГПИ им. М.Е. Евсевьева: старший преподаватель, доцент (1997–2005 гг.), заведующий кафедрой истории, политологии и права (2001–2002 гг.), старший научный сотрудник (2005–2007 гг.), доцент кафедры отечественной истории и права (2007–2008 гг.), заведующий (2008–2010 гг.), профессор кафедры отечественной истории и этнологии (с 2010 г.).

Т.Д. Надькин в последние годы весьма плодотворно разрабатывает тематику коллективизации в Мордовии⁴⁰⁷. По его мнению, модель крупного хозяйства, насаждавшаяся в Мордовии без реального учета региональных особенностей, «означала реанимирование тяглово-податной системы зависимости сельского населения от власти, при этом роль верховного собственника земли стало играть партийно-советское государство»⁴⁰⁸. Он считает, что укрупнение сельскохозяйственного производства должно было способствовать решению вопросов аграрного перенаселения региона, слабого материально-технического обеспечения деревни, невысокой урожайности зерновых культур, тесной зависимости сельского хозяйства от природных условий, социального развития мордовской деревни и т. п. Однако, по его словам, «анализ результатов развития сельского хозяйства Мордовии в годы довоенных пятилеток свидетельствует о превалировании негативных последствий сталинской политики в деревне региона, об обострении целого ряда социально-экономических проблем, с которыми столкнулась многонациональная деревня в результате форсированного огосударствления аграрной сферы»⁴⁰⁹.

Касааясь хронологических рамок коллективизации в Мордовии, которые вызывали и вызывают споры, Т.Д. Надькин пришел к выводу о том, что процесс вхождения крестьянских хозяйств в республике в колхозы растянулся вплоть до середины 1930-х гг. Однако, по его мне-

нию, «социалистический» сектор стал фактически основным производителем продукции полеводства уже в конце первой пятилетки⁴¹⁰. При этом, как считает исследователь, из-за созданной системы обязательных государственных поставок, а также остаточного принципа распределения натуральных доходов на трудодни в колхозной деревне уже с начала коллективизации резко обострилась продовольственная проблема, которая в 1932/33 и 1936/37 гг. переросла в голод.

Т.Д. Надькин считает, что форсированная коллективизация и планы развития аграрной сферы в условиях фактического отсутствия материальных стимулов к труду оказались трудновыполнимыми без методов принуждения и систематического применения репрессий в отношении крестьянского социума. В качестве примера он рассматривает «раскулачивание», которое на территории Мордовии приняло самые жестокие формы. По его подсчетам, за 1930–1933 гг. было «раскулачено» не менее 8 тыс. крестьянских семей, то есть до 3 % от их общего числа на конец 1920-х гг.⁴¹¹. По мнению Т.Д. Надькина, «фактически «раскулачивание» сразу стало основным методом вовлечения крестьян-единоличников в создаваемые колхозы. На примере репрессированных односельчан крестьяне видели, что их может ожидать в будущем, если они станут тянуть со вступлением в колхоз. Передаваемые в колхозы от «раскулаченных» средства производства должны были компенсировать недостаток материально-технического обеспечения наспех создаваемых колхозов. В Мордовской АО земля и имущество «раскулаченных» составляли в среднем до половины колхозных фондов»⁴¹². Исследователь считает, что отсутствие объективных предпосылок для перехода к крупному коллективному производству, нежелание большинства крестьянства Мордовии отказаться от единоличного хозяйствования, поощрение руководством страны и руководителями Средне-Волжского края высоких темпов коллективизации привели к тому, что организация колхозов в области приобрела самые уродливые формы⁴¹³.

Исследователь считает, что модель взаимоотношений власти с крестьянством в виде «господства и подчинения» не устраивала значительную часть последнего, что поставило деревню в 1930–1931 гг. на грань Гражданской войны. Он показывает, что по сравнению с другими регионами Среднего Поволжья на территории Мордовии было зафиксировано гораздо больше активных форм крестьянского сопротивления сплошной коллективизации, среди которых особое место занимали массовые выступления в рамках одного или нескольких сел. Оценивая наработки Т.Д. Надькина в сфере общественно-политической жизни деревни, А.Н. Чекушкин пишет: «Одним из первых он исследовал политический террор по отношению к крестьянству как особый элемент политического сознания властных структур, рассмотрел некоторые методы поиска «врагов народа» в деревне, отношение общины к отдельным проявлениям общественной жизни»⁴¹⁴.

Сопоставление социально-экономических показателей колхозов Мордовии, Марий Эл и Чувашии привело исследователя к выводу о том, что последствия модернизации 1930-х гг. были наиболее разрушительными для аграрного сектора Мордовии⁴¹⁵.

Наработки Т.Д. Надькина оказались созвучны размышлениям научного сотрудника НИИГН при Правительстве Республики Мордовия В.А. Ломшина, что породило их творческий тандем. Сотрудничество привело к написанию монографии о послевоенной деревне Мордовии, учебного пособия о крестьянстве республики в 1940-х – начале 1950-х гг. и ряда статей⁴¹⁶.

Совместные работы В.А. Ломшина и Т.Д. Надькина о послевоенной деревне явились серьезным вкладом в разработку проблем послевоенного развития Мордовии. В них впервые в развернутом виде представлены достижения современной историографии по данной тематике. Причем стоит отметить, что многие оценки перестали носить характер публицистичности, стали более взвешенными, окончательно оформилась концепция. Они утверждают: «Ухудшение отношений с западными странами и начало «холодной войны» привели к тому, что приоритетами экономической политики государства стало восстановление, прежде всего, за счет выкачивания ресурсов из деревни, военно-промышленного потенциала, помощь в укреплении дружественных режимов не только в Восточной Европе, но и в других регионах мира. Интересы же собственного многомиллионного крестьянства по-прежнему оставались на одном из последних мест»⁴¹⁷.

В.А. Ломшин и Т.Д. Надькин считают, что в результате проводимой в 1945–1953 гг. аграрной политики сельское хозяйство республики не смогло преодолеть кризиса производства. Причем, по их мнению, власть увязывала проявления кризиса (невыполнение планов по расширению посевных площадей, спад трудовой активности, низкая урожайность и т. п.) с позицией колхозников и единоличников и пыталась выйти из ситуации путем чистки колхозов, сельских советов, «второго раскулачивания» 1948 г. Крестьянство, как считают исследователи, пыталось сопротивляться неоправданно высокому изъятию ресурсов из деревни, «сигнализировать», что «рост насилия со стороны представителей советско-партийных органов и руководства колхозов и совхозов, стремящихся любой ценой выполнить установки центра, ведет к деградации сельского хозяйства и гибели сотен и тысяч сельских жителей»⁴¹⁸. Ответственность за сложную ситуацию в деревне Мордовии в послевоенные годы они возлагают на центр: «Необходимо отметить, что без указаний центральных органов, требовавших неукоснительно выполнять различные государственные задания, такого размаха насилия в деревне не было бы»⁴¹⁹.

Следствием аграрной политики, проводимой в духе эпохи военного коммунизма и коллективизации, В.А. Ломшин и Т.Д. Надькин на-

зывают голод 1946–1947 гг. По их мнению, «для колхозников, практически ничего не получавших за свой тяжелый труд, единственной надеждой на спасение оставалось личное подсобное хозяйство»⁴²⁰. Однако с 1946 г. приусадебные участки колхозников стали обрезать и облагать непомерными налогами, что привело, как показывают исследователи, к свертыванию личного подсобного хозяйства.

Совместные с В.А. Ломшиным изыскания позволили Т.Д. Надькину внести серьезные дополнения в диссертационную работу по аграрной политике советского государства в Мордовии в конце 1920-х – начале 1950-х гг., отдельные разделы которой посвящены послевоенному периоду⁴²¹. При анализе проблемы Т.Д. Надькин использовал теорию модернизации, что привело к некоторому смягчению оценок. Его общий вывод сводился к утверждению о том, что «предпринятые в послевоенные годы усилия по укреплению партийно-политического влияния в деревне, усиление экономического и внеэкономического нажима на колхозы и колхозников не привели к восстановлению в полном объеме предвоенного уровня ее развития и улучшению материального положения сельского населения»⁴²². Он пишет: «Послевоенный период свидетельствует о том, что основные проблемы сельского хозяйства решались с огромным напряжением. Деревня срочно нуждалась в кардинальном реформировании колхозной системы, уходе от командно-административных методов управления аграрным производством, однако власть до 1953 г. шла по пути, апробированному еще в довоенный период»⁴²³.

Т.Д. Надькиным были внесены уточнения в цифровые данные по «второму раскулачиванию». По его подсчетам⁴²⁴, к октябрю 1948 г. были осуждены к выселению 602 человека, утверждено приговоров райисполкомами – 529, отправлены в места расселения – 651 человек (в том числе 166 членов семей «указников»), предупреждены о возможной высылке – 644. Он приводит факты репрессирования участников войны, награжденных орденами и медалями, инвалидов третьей группы, работавших в колхозе, и т. п. При характеристике репрессивной политики в деревне им в конечном счете делается вывод о том, что к началу 1950-х гг. власти старались больше принимать решения о предупреждении «тунеядцев», чем об их выселении, или даже отменяли свои прежние постановления о выселении.

При анализе социального протеста Т.Д. Надькин отмечает, что ужесточение политики в отношении деревни после победы вызывало отрицательную реакцию. При этом при сохранении в основном пассивных форм протеста в послевоенной деревне Мордовии имели место и радикальные настроения, которые выразились в умышленном уничтожении колхозного и государственного имущества, в покушениях на жизнь представителей власти. В целом же, считает исследователь, «правовое бессилие крестьян, униженное социальное положение

ние, фактическая отчужденность их от политического процесса вели к росту общественной апатии»⁴²⁵.

Основные положения и оценки, высказанные в диссертационной работе, Т.Д. Надькин повторил в 2010 г. в изданной в серии «История сталинизма» монографии⁴²⁶. Его основное заключение выражено словами: «К началу 1950-х гг. колхозная система в ее сталинском варианте уже исчерпала свои возможности. Методы администрирования и репрессивные меры оказались уже неэффективны в условиях экономического кризиса колхозного производства. Необходимо было не ужесточать репрессии в отношении сельских тружеников, не усиливать государственное давление на деревню, а серьезно менять систему взаимоотношений государства и крестьянства»⁴²⁷.

С работами Т.Д. Надькина в региональной историографии связан серьезный пересмотр отдельных аспектов аграрной истории Мордовии XX в., в первую очередь проблем взаимоотношения крестьянства и власти. Причем это было предпринято с учетом особенностей национальной деревни.

§ 11. Аграрная история Мордовии в сочинениях Льва Герасимовича Филатова

В историографии аграрной истории Среднего Поволжья Л.Г. Филатов занимает особое место, объединяя сложившиеся в гражданской отечественной истории подходы с историко-партийными. Подобное в региональной исторической науке могло возникнуть только в условиях советской историографии.

Л.Г. Филатов⁴²⁸ родился 8 октября 1930 г. в г. Саранске в семье учителя. Окончил среднюю школу № 9 (первую мужскую) с золотой медалью, поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1954 г. после его окончания работал учителем истории в средней школе № 17 г. Саранска, затем старшим лаборантом кафедры истории СССР МГПИ им. А.И. Полежаева.

С 1955 г. Л.Г. Филатов являлся научным сотрудником сектора истории НИИЯЛИЭ. Отсюда начался его путь в большую науку, он сам выбрал тему кандидатской диссертации и написал ее без научного руководителя. После ее успешной защиты (Москва, 1962) наряду с работой в НИИЯЛИЭ преподавал историю КПСС в пединституте. Его открытые лекции посещали не только историки, но и студенты, обучающиеся другим специальностям, наслышанные о эрудиции лектора.

В 1974 г. Л.Г. Филатов был назначен заведующим кафедрой истории КПСС Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. В этой должности он защитил докторскую диссертацию (1984 г.), стал профессором (1985 г.). После 1991 г. стал профессором кафедры

истории Отечества, переключившись на проблематику общественных движений и политических партий в России до 1917 г., а также реформы и контрреформы в стране. В 2008 г. Л.Г. Филатов стал работать в должности ведущего научного сотрудника в отделе истории НИИГН — учреждении, где более полувека назад он сделал первые шаги в науке. 3 декабря 2013 г. после продолжительной болезни он ушел из жизни.

На протяжении многих лет Л.Г. Филатов поддерживал творческие контакты с видными российскими учеными: академиком Ю.С. Кукушкиным, многие годы работавшим деканом исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Е.И. Пивоваром — ректором РГГУ, членом-корреспондентом РАН, доктором исторических наук; А.К. Соколовым — доктором исторических наук, профессором. Особую роль в жизни и деятельности Л.Г. Филатова сыграло сотрудничество с В.З. Дробижевым — одним из крупных советских историков, дружбу с которым он сохранил со студенческой скамьи, и его супругой Л.М. Дробижевой — крупнейшим советским и российским социологом, одним из основоположников этносоциологии, руководителем Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН.

К аграрной тематике Л.Г. Филатов обратился в середине 1960-х гг. в связи с рассмотрением особенностей развития Мордовии в XX в. В 1968 г. журнал АН СССР «История СССР» опубликовал его статью «О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии»⁴²⁹, которая стала этапной в процессе исследования процесса коллективизации в Мордовии. Связано это с тем, что автор не просто поставил вопрос об особенностях (это делалось и до него), он попытался выделить их, обосновать фактическим материалом, соотносить с особенностями предыдущего развития региона. Первоначально он писал о наиболее общих проблемах региональной специфики: «Сравнительно позднее создание национальных органов государственной власти и местной партийной организации, совпадение стадии их организационного оформления с началом коллективизации вызвало немалые дополнительные трудности, определившие специфику коллективизации в Мордовии»⁴³⁰. Далее он увязывал специфику коллективизации с ходом восстановления народного хозяйства после Гражданской войны: «Отрицательно сказались на ходе коллективизации в Мордовии и поздние сроки восстановления народного хозяйства, законченного здесь лишь к 1928 г.»⁴³¹ Факторами, влиявшими на ход коллективизации, он назвал степень дифференциации крестьянства и остроту классово-борьбы. Причем «Мордовия только в начале похода Колчака некоторое время была прифронтовой полосой, боев с белогвардейцами и интервентами здесь не было, что сказалоь и на остроте борьбы с кулачеством, пустившим в этом национальном районе более сильные корни»⁴³². Все это в совокупности определило хронологические рамки процесса коллективизации в Мордовии и некоторые

его внутренние характеристики. Так, по мнению Л.Г. Филатова, окончательно предпосылки для массовой коллективизации в Мордовии сложились лишь в 1931 г. и коренной перелом произошел здесь не в 1929 г., а осенью 1931 г., когда в колхозы действительно пошли массы середняков, появились районы сплошной коллективизации и развернулось настоящее массовое колхозное строительство⁴³³. В качестве доказательства им приведена динамика колхозного строительства: на 1 декабря 1930 г. процент коллективизации в Мордовии равнялся 9,6 %, 1 января 1931 г. — 10,3 %, 1 мая — 33,8 %, 1 августа — 48,5 %, 1 сентября — 60,8 %⁴³⁴. Л.Г. Филатов попытался определить специфику процессов выхода из колхозов. По его словам, имело место два отлива из колхозов Мордовии: весной 1930 г. и весной 1932 г. Причем, отлив весны 1932 г. был намного меньше первого отлива 1930 г., но все же задержал общий ход колхозного строительства. К сентябрю 1932 г. средний процент коллективизации по Мордовии равнялся 60,2 %, а в некоторых районах упал еще ниже⁴³⁵. Исследователь отмечал, что отлив из колхозов весной 1930 г. нередко сопровождался распадом многих сельхозартелей. В 1932 г. он главным образом сказался на размерах колхозов, не был столь стремительным и реже приводил к распаду сельхозартелей⁴³⁶. Общий вывод сводился к утверждению: «Дело колхозного строительства неуклонно шло вперед, хотя происходило это более замедленными темпами, чем в среднем по стране и у соседних народов Среднего Поволжья... В конце второй пятилетки социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовии почти полностью завершилось»⁴³⁷.

Публикация Л.Г. Филатова породила фактически первую в региональной историографии дискуссию. С критикой выдвинутых им положений выступили М.В. Дорожкин⁴³⁸ и И.А. Яшкин⁴³⁹. М.В. Дорожкин достаточно жестко заявил, что «статья Л.Г. Филатова, на наш взгляд, не восполняет многие пробелы в историографии, указанная в ней специфика никак не согласуется с историческими фактами»⁴⁴⁰. Он не увидел специфики в соотношении процессов коллективизации и национально-государственного строительства. Он писал: «...Переход к новому административному делению — краевому, областному, окружному, районному вместо губернского, уездного и волостного осуществлялся тогда не только в Мордовии, но и в других районах Средней Волги... Мордовская специфика здесь надумана...»⁴⁴¹ Аналогичны его размышления по поводу партийного строительства: «Большевистские партийные организации во всех уездах, вошедших в состав Мордовской АССР, возникли не в момент массового колхозного движения, то есть в конце 20-х и в начале 30-х годов, а в 1918–1991 годах. В начале колхозного строительства происходило формирование районных и окружной парторганизаций вместо бывших волостных, уездных и губернских организаций. Эта работа проводилась не только в Мордовс-

ком, но и в других вновь созданных округах»⁴⁴². Поэтому был сделан общий вывод о том, что аргументы подобного плана нельзя принимать всерьез. Серьезно критикует М.В. Дорожкин рассуждения Л.Г. Филатова о кулачестве и классовой борьбе: «Эти рассуждения также, мягко говоря, искусственно построены. Прежде всего, в статье не доказано, действительно ли здесь была высокая кулацкая прослойка и наиболее острая классовая борьба. Приведенная им цифра 189 случаев всех форм кулацких выступлений против колхозов еще ни о чем не говорит. Что это: много или мало? Без сравнений с другими районами невозможно дать на этот вопрос утвердительный ответ. В статье же не делается даже попытка привести на этот счет необходимые данные»⁴⁴³. М.В. Дорожкин считал, что в статье Л.Г. Филатова «искусственно сочиненные схемы расходятся с фактами!»⁴⁴⁴

М.В. Дорожкин, рассуждая об особенностях коллективизации в Мордовии, признал только один посыл Л.Г. Филатова — относительно сроков ее проведения. Он писал: «Одна из особенностей состояла в том, что здесь темпы коллективизации, особенно мордовской части населения, отставали от Средне-Волжского края и в целом по РСФСР»⁴⁴⁵. Причем «сравнительно низкие темпы коллективизации Мордовии объясняются не надуманными трудностями, о которых пишет Л.Г. Филатов, а общим социально-культурным отставанием этого района страны, отсутствием на местах достаточных сил для проведения широкой партийно-политической работы в массах, и прежде всего среди мордвы»⁴⁴⁶. М.В. Дорожкин считал, что «отрицательную роль на ход коллективизации Мордовии сыграли и субъективные причины: массовые нарушения принципа добровольности и слабая политиковоспитательная работа среди населения»⁴⁴⁷.

Резкой критике М.В. Дорожкин подверг тезис о завершении коллективизации в Мордовии к концу второй пятилетки, т. е. к 1937 г. По его словам, «этот вывод противоречит фактам и установкам Центрального Комитета партии в части того, что надо принимать за мерило завершения коллективизации»⁴⁴⁸. Он заявил: «Мы можем с полным основанием утверждать, что в Мордовской автономной области была завершена в основном коллективизация в начале 1932 года... В годы второй пятилетки происходил процесс хозяйственного и организационного укрепления колхозов»⁴⁴⁹. Правда, он признает колебание уровня коллективизации в Мордовии, наличие отливов из колхозов. «Но, — по его словам, — это не меняло существа дела. Во-первых, отливы крестьян из колхозов были временными, и они касались не только Мордовии, но и других районов страны. Во-вторых, временные отливы части крестьян из колхозов не вызывали сокращения у социалистического сектора основных средств производств»⁴⁵⁰.

Одновременно с работой М.В. Дорожкина увидела свет статья И.А. Яшкина⁴⁵¹, также содержащая критику построений Л.Г. Филато-

ва. Однако в связи не только с концептуальными, но с текстуальными совпадениями с исследованием М.В. Дорожкина ее вряд ли можно рассматривать всерьез.

Полемика Л.Г. Филатова и М.В. Дорожкина отразила возникающие в региональной историографии противоречия между официальной точкой зрения и научными поисками, истоки которых лежат в изменениях историографической ситуации в условиях оттепели. Позиция М.В. Дорожкина, как уже было отмечено исследователями⁴⁵², отражала официальную позицию власти. Точка зрения Л.Г. Филатова была навеяна столичными дискуссиями относительно основных этапов истории советского общества начала 1960-х гг. и его стремлением перенести их дух в региональную историографию.

На рубеже 1970–1980-х гг. оформилось активное сотрудничество Л.Г. Филатова с отделом истории НИИЯЛИЭ при Совете министров Мордовской АССР (ныне НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). Он участвует в работе над двухтомной «Историей Мордовской АССР», достаточно широко публикуется в трудах института. Для его исследований тех лет характерно использование иллюстративного метода, широкое привлечение большого количества фактов. Достаточно типичными в этом плане являются написанные в соавторстве статьи о росте политической и трудовой активности крестьянства в 1920–1930-е гг., повышении материально-технической оснащенности колхозного производства в 1959–1965 гг.⁴⁵³

Л.Г. Филатов сыграл существенную роль в разработке концепции и написании двухтомной монографии «История советского крестьянства Мордовии» в середине 1980-х гг. Книга готовилась в условиях перестройки, когда наметился отход от многих традиционных для советской историографии оценок и подходов, и носила во многом переходный характер. Ее первый вариант носил достаточно ярко выраженный консервативный характер, новации появились в монографии под влиянием Л.Г. Филатова и в значительной степени по его настоянию. Самим им были написаны основные, можно сказать стержневые главы по коллективизации, где рассматривалось начало массового колхозного движения и ликвидация кулачества как класса, выделялись этапы коллективизации, говорилось об организационно-хозяйственном укреплении колхозов. При этом были использованы наработки второй половины 1960-х гг., подвергнутые ранее резкой критике. Новой чертой его построений явилась попытка связать активность протестных выступлений крестьянства Мордовии с образованием Мордовской национальной государственности.

В «Истории советского крестьянства Мордовии» перу Л.Г. Филатова принадлежат также разделы, в которых характеризовались динамика общественно-политических и экономических процессов в стране и регионе в послевоенные годы, усиление непоследовательности и

субъективизма в руководстве сельским хозяйством в первой половине 1960-х гг., перерождение прогрессивных начинаний в стадию застоя и предкризисного состояния во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг.

В 1990 г. профессор Л.Г. Филатов вновь поднял вопрос об особенностях коллективизации в Мордовии⁴⁵⁴. Он повторил свой старый тезис об отставании сельского хозяйства Мордовии, приводя примеры малоземелья и аграрной перенаселенности. Среди особенностей он выделил исторически сложившееся внутренне районирование и специализацию в области сельского хозяйства. Причем, по его мнению, «сталинский режим, осуществляя насильственную массовую коллективизацию, пытался игнорировать, а нередко – ломать объективно сложившееся районирование и специализацию в сельском хозяйстве, что вело к его деформации, тормозило сложный и противоречивый ход коллективизации, губило у крестьян устоявшиеся навыки и традиции, а в итоге – усиливало негативный процесс раскрестьянивания»⁴⁵⁵. Относительно сроков завершения коллективизации в Мордовии исследователь высказался за август-сентябрь 1935 г.⁴⁵⁶

Последние изыскания Л.Г. Филатова были связаны с работой в составе творческого коллектива историков НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия над проектом «Мордовия. XX век». Им исследовались проблемы социально-экономического и социокультурного развития Мордовия накануне Великой Отечественной войны, военно-патриотическое воспитание в эти годы⁴⁵⁷. Поскольку республика была аграрной основное внимание в ходе исследования было уделено селу. Л.Г. Филатов трактует 1930-е гг. как время ускоренной модернизации, в ходе которой помимо чисто экономических критериев огромную роль играли политические реалии⁴⁵⁸. Касаясь аграрной истории региона, он пытается подтвердить свои старые идеи новым фактологическим материалом, отмечая при этом экстенсивный характер развития сельского хозяйства Мордовии в предвоенный период.

Более полувека продолжалась научно-исследовательская и преподавательская деятельность профессора Л.Г. Филатова. За это время им было написано более 10 монографий, книг и брошюр по различным проблемам истории Среднего Поволжья и Мордовии. Они являются своеобразными вехами его творческого пути. Одно из центральных мест в наследии ученого занимает аграрная тематика, трактующая им через призму особенностей региона и исследуемая посредством не только анализа архивного материала, но и методом творческих дискуссий, возрождение которых в исторической науке Мордовии связано с его именем.

§ 12. Ольга Александровна Сухова – исследователь крестьянской психологии в эпоху революционных потрясений

Последние десятилетия в развитии отечественной и зарубежной историографии ознаменовались появлением нового направления, связанного с изучением социальной психологии и менталитета субъектов исторического процесса (классов, групп, личности). Оно находится на стыке истории, социологии, психологии и других гуманитарных наук, т. е. имеет междисциплинарный характер. В рамках данного направления крестьянская проблематика занимает особое место, поскольку речь идет об основной массе населения России на протяжении почти всей тысячелетней истории страны⁴⁵⁹. В дореволюционной и советской историографии этот аспект фактически не изучался. Поэтому современные работы российских историков-аграрников на эту тему особенно ценны и вызывают большой научный и общественный интерес.

Среди ученых, занимающихся в рамках указанного направления, одним из самых авторитетных исследователей является доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного университета Ольга Александровна Сухова. Она – историк крестьянской психологии и менталитета российских крестьян в эпоху революционных потрясений начала XX века. Ее монография «10 мифов крестьянского сознания», опубликованная в издательстве «РОССПЭН»⁴⁶⁰, признана специалистами оригинальной и новаторской работой⁴⁶¹. На наш взгляд, она одна из лучших в современном отечественном и зарубежном крестьяноведении.

Биография О.А. Суховой не изобилует крутыми поворотами. Ольга Александровна родилась в 1968 г. в рабочем поселке Каменка Каменского района Пензенской области в семье служащего. Училась в местной средней школе, которую закончила в 1986 г. с золотой медалью. В том же году поступила на исторический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского (ПГПИ), где уже со 2-го курса увлеклась научно-исследовательской работой – историей народного образования в XIX в. Крестьянские сюжеты впервые тогда обозначились в кругу ее интересов. Но историком-аграрником стала она не сразу.

После окончания в 1991 г. ПГПИ О.А. Сухова навсегда связывает свою судьбу с данным учебным заведением. Сначала она поступает в аспирантуру при ПГПИ (впоследствии ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет, ПГУ – Пензенский государственный университет), затем работает в вузе преподавателем, профессором заведующей кафедрой.

В аспирантуре ее научным руководителем является неутомимый труженик на поприще изучения истории региона, профессор В.И. Лебе-

дев. Под его руководством она успешно защищает кандидатскую диссертацию о культурной среде провинциального предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв.⁴⁶²

Во время работы над диссертацией и позднее О.А. Сухова много внимания уделяет вопросам методологии. Изучив труды А.Я. Гуревича, а через него – наследие школы «Анналов», она становится подлинным адептом гуманизации истории, постепенно разворачиваясь в своих исследованиях к «телу» российской нации – крестьянству, носителю «общинного архетипа»⁴⁶³. В дальнейшем вопросы методологии, теории истории займут в работах О.А. Суховой значительное место. Она одна из немногих современных историков-аграрников, свободно ориентирующихся в теоретических проблемах крестьяноведения и историографии.

Окончательное решение сменить тему научных интересов и стать исследователем аграрной истории России О.А. Сухова принимает под влиянием переведенного из Москвы из Института российской истории РАН в Пензенский государственный университет имени В.Г. Белинского профессора В.В. Кондрашина. Видя ее большой научный потенциал и нерезализованные творческие возможности, В.В. Кондрашин посоветовал ей заняться историей российского крестьянства.

Значительным импульсом в движении по новому пути для О.А. Суховой стало знакомство с ведущим исследователем аграрной истории Среднего Поволжья, заслуженным деятелем науки РФ, доктором исторических наук, профессором Самарского государственного университета П.С. Кабытовым. В ходе творческого прочтения его авторской концепции, личных встреч и бесед она пришла к выводу, что региональность как тип аграрного развития, своеобразие эволюции хозяйственного уклада обуславливают качественные изменения в духовном облике крестьянства, его самосознании, причем изменения настолько устойчивые, что делает возможным научный анализ мыслительных конструкций, социальных представлений при рассмотрении последних в качестве основы для мотивации социального поведения⁴⁶⁴. Именно под влиянием идей П.С. Кабытова О.А. Сухова, обращаясь к истории крестьянства, сконцентрировала свое внимание на социально-психологических проблемах, утвердилась в своем желании стать историком-аграрником⁴⁶⁵.

Как уже отмечалось, поддержку в процессе научных поисков О.А. Суховой оказал В.В. Кондрашин – заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории ПГПУ им. В.Г. Белинского. На долгие годы его монография, посвященная крестьянскому движению в годы гражданской войны в России, стала настольной книгой для молодого исследователя⁴⁶⁶. В ней О.А. Сухову привлекли сюжеты, связанные с анализом особенностей крестьянского движения, менявшихся под воздействием тех или иных стимулов поведения. Она по-

считала очень важным для своего нового взгляда на проблему анализ В.В. Кондрашиным лозунгов и программных документов восставшего крестьянства, сделанный им на этой основе вывод, что «само движение скорее можно рассматривать как проявление антигосударственной позиции, обусловленной объективными условиями и особенностями крестьянского менталитета»⁴⁶⁷.

Большое влияние на исследовательскую работу О.А. Суховой оказал выдающийся историк-аграрник России, профессор Института российской истории РАН В.П. Данилов. Еще в середине 1990-х гг. он обосновал тезис о новой периодизации истории крестьянского движения. Крестьянская революция, «начавшаяся стихийным взрывом в 1902 г. и вылившаяся в мощные народные революции 1905–1907 и 1917–1918 гг.», по мнению Данилова, детерминировала глубину всех социальных, политических и экономических потрясений в России и оставалась «основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. — до 1922 г. включительно»⁴⁶⁸. В данном контексте сравнительная характеристика форм и содержания крестьянского протеста периодов революций 1905–1907 гг., 1917 г. и гражданской войны в России позволила О.А. Суховой прийти к пониманию необходимости объединения отдельных этапов в единый процесс, раскрывающий особенности крестьянского «прочтения» социально-политических катаклизмов в истории Российской империи и Советской России.

Таким образом, к началу 2000-х гг. научная гипотеза будущего исследования О.А. Суховой приобрела свою окончательную форму, и «водооборот крестьяноведения» захватил ее без остатка. Она упорно работает над многочисленными источниками в центральных и региональных архивах и в 2007 г. выносит на суд научной общественности докторскую диссертацию на тему: «Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 г. (по материалам Среднего Поволжья)». В том же году она успешно ее защищает в диссертационном совете Самарского государственного университета⁴⁶⁹. Научным консультантом соискательницы выступает профессор Самарского государственного университета П.С. Кабытов. Значительную организационную поддержку О.А. Суховой во время работы над докторской диссертацией оказал заведующий кафедрой истории России и краеведения ПГПУ им. В.Г. Белинского, доктор исторических наук, профессор В.Б. Семенов.

К моменту защиты докторской диссертации О.А. Суховой изучение структуры и содержания важнейших конструктов крестьянского сознания, а также процесса их преобразования в мотивы социальной практики (побудительные причины) и соответствующие формы поведения становится одним из наиболее востребованных аспектов исследовательской деятельности российских ученых. В 1990-е гг. формируется целое направление научных поисков, стержневым компонентом

которого становится социально-психологическое (или ментальное) измерение действительности, где фигура российского крестьянина занимает важнейшее место⁴⁷⁰.

В этом отношении докторская диссертация О.А. Суховой, а также другие ее многочисленные публикации — это существенный шаг вперед в развитии научных традиций культурно-антропологического подхода к истории. Их научная значимость в том, что в качестве важнейших аспектов исследования автором избраны социальные представления крестьянства России в первые десятилетия XX века, участвующие в формировании национального менталитета как способа мировосприятия, познания окружающей действительности. О.А. Сухова изучила механизмы преобразования последних в поведение индивидов и масс в рассматриваемый период. В рамках своей темы она актуализировала роль субъективных, «интерментальных» факторов (по терминологии Н.И. Кареева⁴⁷¹) в историческом процессе, что вывело крестьяноведение и социальную историю в целом на качественно новый уровень исследовательской практики. Кроме того, уже в докторской диссертации О.А. Сухова разработала специальную методологию и категориальный аппарат, указав на необходимость интеграции исторического знания с сопредельными гуманитарными дисциплинами и, прежде всего, исторической антропологией, философией и социальной психологией.

В работах О.А. Суховой, посвященных анализу крестьянской психологии, представлена оригинальная концепция авторского видения системы социальных представлений и поведения российского крестьянства в начале XX века в территориальных рамках Среднего Поволжья. Исходя из тезиса о региональности аграрной истории, она характеризует данный регион как своеобразный анклав хранителей патриархальной «картины мира» и регион, «лидирующий в крестьянской революции»⁴⁷². По ее мнению, к сущностным характеристикам крестьянской ментальности необходимо отнести: высокую степень природообусловленности хозяйственной практики а, следовательно, и менталитета русского крестьянства; а в качестве опорной конструкции крестьянского менталитета выделить так называемый «общинный архетип», производный от социальных ориентаций минималистской трудовой этики; воспроизводство синкретизма (принцип нерасчлененности систем представлений различного уровня); высокий уровень религиозности обыденного сознания, приоритет веры над разумом, и, обусловленная этим, мифологизированность последнего. О.А. Сухова отстаивает тезис об особой статичности ментальных конструкций, прочности архаических установок общественного сознания средневолжского крестьянства на протяжении всего рассматриваемого периода⁴⁷³.

К числу оригинальных разработок О.А. Суховой следует отнести интерпретацию феномена «общинной революции» посредством кате-

горий, заимствованных из сферы социальной психологии и теории менталитета. «Общинная революция» рассматривается ею как архаическая программа социально-утопических представлений, жестко ориентированная благодаря фанатизму и иррациональной убежденности мотивационной сферы социальной психологии на неизбежную реализацию идеала, а также – как общий процесс, объединяющий отдельные проявления социально-психологических реакций в мощное движение за восстановление состояния равновесия⁴⁷⁴.

В процессе изучения проблемы О.А. Сухова выявила семь объективных факторов (противоречий), спровоцировавших «революцию общин» в Среднем Поволжье в 1917 г.:

1) противоречие между общим направлением, ходом и темпами процесса коммодификации в аграрной сфере народного хозяйства и особой сопротивляемостью родового общинного сознания к любым изменениям в хозяйственной практике, воспринимаемым как угроза воспроизводству традиционных социальных ориентаций;

2) противоречие между значительным ростом численности сельского населения и возможностями экстенсивной системы землепользования при сохранении прежних принципов хозяйственной практики и рутинной техники;

3) противоречие между развитием элементов рыночного сознания, а, следовательно, появлением носителей такового и мифологемами эгалитаризма и отрицания частной собственности как важнейших принципов общинного мироустройства;

4) противоречие между патриархальной субкультурой сельского сообщества и проникавшими в деревню эрзац-образцами городской субкультуры; между ценностями патернализма и политической властью, направленной на разрушение привычного образа жизни;

5) противоречие между ослаблением государственного сознания и тиражированием ценностей маргинальных субкультур в период Первой мировой войны;

6) противоречие между объективными потребностями цивилизационного развития и архаизацией общественного сознания как естественной реакции традиционного общества на кризис социокультурной идентичности, а в более общем смысле:

7) противоречие между личностно-поведенческими характеристиками человека как члена общества и характеристиками этого общества как целостной системы и т. д.⁴⁷⁵

В своих публикациях, основанных на обширнейшей и достоверной источниковой базе, О.А. Сухова аргументированно заключает, что «социальное сопротивление» – это наиболее точное определение реакции крестьянской общины на «стимулы внешнего мира» (притязания государства, земельной аристократии и т. п.)⁴⁷⁶. Её проявления она условно делит на два типа: обыденное сопротивление (скрытые фор-

мы протеста: порубки, потравы и пр. и выдвижение встречных претензий) и массовую агрессию как одну из поведенческих форм, соответствующих условиям возникновения массового сознания (погромные выступления и т. д.).

В процессе изучения проблемы О.А. Сухова разработала методику выявления алгоритма массовой агрессии как последовательной смены определенных психологических реакций. Помимо бунта, или «погромного движения», в истории массовой социальной агрессии, равно как и в истории крестьянского правосознания в изучаемый период, она выделила категорию «самосуда» — причинение вреда и насильственные действия по отношению к представителям враждебных общинному крестьянству сил⁴⁷⁷. Во всех случаях, по мнению историка, речь идет о «защитной» реакции социального «тела» русской поземельной общины, столкнувшейся к началу XX века с неразрешимыми обычными способами противоречиями, угрожавшими гибелью и общинному мироустройству, и «общинному архетипу» как основе крестьянской ментальности.

При сравнении крестьянского движения в регионе в период Первой русской революции и в 1917 г. О.А. Сухова выявила определенную логику поведения деревни, связанную с психологией крестьян, их реакцией на действия власти. В частности, дополнительным стимулом крестьянской агрессии служило отсутствие действенных методов принуждения (насилия) со стороны государства, ненаступление ответственности за «бунт», рассматриваемые крестьянством как признак слабости власти и доказательство правомерности собственных действий.

В своем анализе крестьянской психологии О.А. Сухова большое внимание уделила истории крестьянского повстанчества в Среднем Поволжье в годы гражданской войны. Она определила его как форму массовой социальной агрессии, в значительной степени, тяготевшей к самосуду, обратив внимание на демографический аспект крестьянских выступлений: инициаторами и основной движущей силой погромных кампаний выступала, как правило, деревенская молодежь, в то время как при расправе «самосудом» инициатива исходила от «стариков», т. е. социальных носителей «общинного архетипа»⁴⁷⁸.

О.А. Сухова — активная участница научных форумов историков-аграрников самого различного уровня, в том числе сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы РАН⁴⁷⁹. Она неоднократно победитель конкурсов грантов Российского гуманитарного научного фонда, участница многих крупных проектов по аграрной истории России XX века⁴⁸⁰.

§ 13. Проблемы истории мордовского крестьянства в трудах Владимира Кузьмича Абрамова

Существенный вклад в разработку проблем региональной аграрной истории XX в. внес доктор исторических наук, профессор В.К. Абрамов⁴⁸¹. Он родился 5 мая 1948 г. в г. Саранске в семье классика мордовской литературы К.Г. Абрамова. В 1971 г. окончил Горьковский политехнический институт. В 1971–1973 гг. и 1975–1977 гг. работал инженером-технологом на Саранском литейном заводе «Центролит». В 1973–1975 гг. служил в Советской армии. В 1978 г. заочно окончил историко-географический факультет Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, после завершения учебы около года работал архивистом ЦГА МАССР. С 1979 г. в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева: старший лаборант, преподаватель, доцент. С 1998 по 2014 гг. заведовал кафедрой новейшей истории народов России, с 2006 г. заведующий сектором истории и этнографии Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Окончил аспирантуру НИИЯЛИЭ при Совете министров Мордовской АССР, в 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Крестьянство Мордовии в годы гражданской войны». В 1998 г. защитил докторскую диссертацию по истории мордовского народа в конце XIX – первой трети XX в. Награжден золотой медалью им. В.И. Вернадского.

Тематически В.К. Абрамова интересует аграрная история Мордовского края первой половины XX в. В начале 1980-х гг. им была предпринята попытка в связи с этим осмыслить реалии Первой мировой войны⁴⁸². Он показал национальную и историческую структуру крестьянства региона накануне Первой мировой войны, особенности экономического развития и классового расслоения у различных исторических категорий и национальных групп крестьян, особенности их участия в аграрном движении, рассмотрел социально-экономические итоги Первой мировой войны.

По оценкам В.К. Абрамова, к 1914 г. в Мордовии насчитывалось 177307 наличных крестьянских хозяйств, 16587 хозяйств числилось в отсутствующих. Общая численность наличного крестьянского населения составляла, как считает исследователь, 1 млн. 142 тыс. человек. В бывших государственных общинах жили 52,7 % крестьян, в бывших помещичьих – 27,6 % и бывших удельных – 19,2 %. Русские крестьяне составляли 55,1 % общинников, мордовские – 37,5 %, татарские – 5 %; 2,4 % крестьян жило в смешанных общинах. Поселковое население охватывало 0,5 % крестьян, в основном русской и мордовской национальности. Средняя мордовская семья насчитывала 6,8 человек, татарская – 6,3, русская – 6,2 и средняя по Мордовии – 6,4 человека. По его подсчетам, крестьянству принадлежало 1 млн 438 тыс. десятин

различных земельных угодий, из которых 241,5 тыс. десятин были внеадельными, 161,5 тыс. рабочих лошадей, 167,7 тыс. продуктивных коров. Посевная площадь среднестатистического хозяйства с учетом аренды равнялась 4,7 дес., валовый сбор зерна – 200–250 пудов⁴⁸³.

В.К. Абрамов считал, что неудовлетворительное в целом обеспечение крестьянства Мордовии землей усугублялось классовым расслоением деревни: 44 % крестьянской земли находилось у 19,5 % кулацких и середняцких хозяйств, которые забирали и значительную долю аренды. На каждое кулацкое хозяйство в мордовских общинах в среднем приходилось по 23, 5 десятин земли; татарских – 23,3; русских – 20,0. По Мордовии⁴⁸⁴ кулацкие хозяйства составляли около 10 % дворов, средние – 37 %, бедные – 53 %. В.К. Абрамов утверждал: «Большая часть крестьян не могла обеспечить земледелием своим семьям прожиточный минимум и была вынуждена искать дополнительные заработки дома и на стороне. Часть зажиточных хозяйств также занималась побочными заработками, вкладывая деньги в прибыльные торгово-промышленные предприятия. Их владельцы представляли сельскую буржуазию, а большая часть промышленников и «отсутствующих» – сельский пролетариат и полупролетариат»⁴⁸⁵.

По мнению исследователя, классовое расслоение в значительной мере затронуло все исторические категории и национальные группы крестьянства Мордовии. Причем, по его словам, особенностью социальной дифференциации национальных групп являлся сдвиг в сторону зажиточных хозяйств у мордовского крестьянства, в сторону бедных – у татарского. В бывших государственных общинах крестьянская верхушка была преимущественно земледельческой, в удельных – земледельческо-торгово-промышленной. В.К. Абрамов считал, что оформление полярных социальных групп носило ярко выраженный характер и свидетельствовало о глубокой укорененности капиталистических отношений в деревне Мордовии⁴⁸⁶.

В.К. Абрамовым был сделан принципиально важный вывод о том, что крестьянство Мордовии находилось на среднероссийском уровне аграрного развития. На всероссийском капиталистическом рынке оно выступало в качестве поставщика продовольствия, сырья и рабочей силы⁴⁸⁷. По мнению ученого, в годы войны жизненный уровень крестьянства значительно понизился. Среди основных причин он выделил:

- мобилизацию в армию 49,6 % трудоспособных мужчин,
- сокращение побочных заработков,
- возрастание темпов классового расслоения.

По подсчетам В.К. Абрамова, число хозяйств без посевов и без своих работников стало составлять к 1917 г. соответственно 7,9 % и 9,3 %; до 33,6 % увеличилась доля безлошадных хозяйств⁴⁸⁸.

Подсчеты В.К. Абрамова в значительной степени уточняли, а порой и опровергали данные предшествующих исследователей, в част-

ности И.И. Фирстова и Н.В. Полина. Оценивая их исследования, В.К. Абрамов писал: «В их работах содержится богатый фактический материал о социальном и национальном составе населения края, земле и скотоводстве, аренде, найме рабочей силы и прочее. Но сведения, собранные по разнообразным и многочисленным источникам, и методы их обработки не позволяли решать сложные задачи по определению уровня производительных сил и в целом аграрного строя региона прежде всего из-за приблизительности получаемых данных»⁴⁸⁹. Уточняя сложившуюся ситуацию, он отмечал: «Исследователи до настоящего времени приводили точные сведения о крестьянском населении, дифференцированные лишь по социальным и национальным признакам, не затрагивая экономических показателей его социальных и национальных групп. И само население показывалось не в точных границах современной Мордовии, а в границах уездов, из частей которых впоследствии она была образована. Если в состав республики вошло больше половины уезда, он брался целиком, менее – отбрасывался. Такой подход давал известную возможность определить экономическое положение населения в целом и примерное соотношение численности его социальных и национальных групп. Но получаемые таким образом конкретные цифры были весьма и весьма приблизительными, так как при создании Мордовской АССР в ее границы включались прежде всего мордовские села»⁴⁹⁰. Критика В.К. Абрамова во многом была справедливой, однако в ряде случаев имели место не совсем корректных данных. Так, он привел фразу, содержащуюся, по его утверждению, в первом томе «Истории Мордовской АССР» на стр. 270: «В семи уездах, из которых составилась основная территория современной Мордовии, русских было 68 %, мордвы – 27,3 %, татар и прочих – 4,7 %»⁴⁹¹. Далее давалось опровержение этих цифр: «По нашим данным, на территории современной Мордовии русских крестьян 56,5 %, мордовских – 38,0 %, татарских – 5,5 %»⁴⁹². Но на стр. 270 первого тома «Истории Мордовской АССР» отсутствует цитируемая В.К. Абрамовым фраза, соответственно отсутствуют и приведенные им цифры. Закономерно возникает вопрос о направленности его уточнений и их научной корректности.

В.К. Абрамовым был предложен выход из обрисованной им ситуации путем суммирования данных отдельных волостей, сел и даже общин для получения точных сведений. Он определял вошедшие в состав Мордовии территории уездов путем сравнения современной карты республики с подробными картами губерний, а иногда уездов, с обозначенными границами волостей. В ряде случаев местонахождение сел определялось картографически с помощью курвиметра и циркуля⁴⁹³. На основе проведенной таким образом работы и осуществлялись приведенные выше расчеты.

В 2009 г. В.К. Абрамовым была опубликована большая статья «Мордовия в годы первой мировой войны»⁴⁹⁴, которая, судя по назва-

нию, должна была кардинально изменить региональную историографическую ситуацию в деле изучения реалий войны. Он отметил рост к 1917 г. по сравнению с 1911 г. численности наличных хозяйств на 5,6 % и всего населения Мордовии (включая мобилизованных) на 6,1 %⁴⁹⁵. Прирост хозяйств в селах он объяснял возвращением отсутствующих крестьян, количество которых сократилось на 32,6 %. По этому поводу он рассуждал: «Так как средняя численность «отсутствующих семей» была гораздо меньше, чем наличных, увеличение населения теоретически должно было отставать от роста хозяйств. Но произошло обратное. В годы войны проявилась тенденция к объединению, а не разделению хозяйств родственными семьями»⁴⁹⁶.

В.К. Абрамов предпринял попытку подсчитать число мобилизованных на фронт представителей мордовского народа. Он считал, что доля трудоспособных мужчин, мобилизованных в армию, повышалась при локализации мордовской территории: по Европейской России она равна 45,5 %, по губерниями мордовского края — 47,7 %, по 12 уездам, части которых позднее вошли в Мордовию — 49,6 %. По его утверждениям, по Мордовии к осени 1917 г. в армии находилось более 140 тыс. человек, или каждый второй трудоспособный мужчина. Переноса с коррекцией эту цифру на все мордовскоязычное население страны, он получил 150–160 тыс. человек, а на весь народ — 180 тыс. человек. Попытался он представить и потери: население Мордовии, мордовскоязычное население страны и мордовский народ соответственно понесли прямые военные потери 10,2; 11,4; 13,2 тыс. человек⁴⁹⁷.

Далее В.К. Абрамов подвел читателя к основной теме своей статьи — истории революционных событий 1917–1918 гг. Отметим, что собственно Первой мировой войне посвящено в работе 3,5 страницы, а далее дается характеристика февральской революции, аграрного движения в 1917–1918 гг., возникновения мордовского культурно-просветительного общества, аграрной реформы большевиков и т. п.

В.К. Абрамов достаточно серьезно исследовал проблематику аграрной истории национальных регионов Среднего Поволжья периода «военного коммунизма». Его работы⁴⁹⁸ посвящены анализу взаимоотношений крестьянства с различными политическими и государственными структурами. Большое внимание он уделил национальному вопросу. Он отметил, что в начале призывной кампании мордовский народ в большей степени шел добровольно в ряды Красной Армии, однако переход к всеобщей мобилизации был трудным. В решении этой проблемы, по мнению автора, особую роль сыграла агитационная и пропагандистская деятельность большевиков в поддержку армии. Он достаточно детально проанализировал основные составляющие политики «военного коммунизма», большое внимание уделил продразверстке и деятельности продотрядов в крае, впервые дал оценку фактам трудовой повинности и т. д. Особое внимание В.К. Абрамов уделил

крестьянским выступлениям, которые трактуются как закономерная реакция на действия власти. Вновь выявленный материал позволил ему пересмотреть некоторые прежние выводы. Так, в свое время он высказывал мысль об улучшении в целом экономического положения мордовского крестьянства в годы Гражданской войны и «военного коммунизма»⁴⁹⁹. В поздних исследованиях говорится об изменении социально-экономической структуры крестьянства, его экономическом нивелировании и натурализации жизни. Заметно снизила историографическую значимость монографии о мордовском народе этноориентированность автора. Так, он оперирует понятием «Мордовский край», включая в него губернии Поволжья и Центрально-Черноземного района с компактным проживанием мордвы. В результате, к примеру, такие крестьянские движения как антоновщина в Тамбовской губернии, «Армия Правды» в Самарской губернии превращались в мордовские крестьянские движения. Подобный подход был подвергнут резкой, но справедливой критике со стороны специалистов⁵⁰⁰. По мнению Ю.Ф. Кожурина, В.К. Абрамов попытался использовать возникшие в 1990-е гг. методологические проблемы для культивации апологетики, предлагая учинить суд над историческим прошлым. В этом контексте появились хлесткие, порой нелюбезные определения советской социокультурной системы⁵⁰¹.

В 1996 г. увидела свет монография В.К. Абрамова «Мордовский народ (1897–1939)», в которой ряд глав был посвящен концу 1920-х – 1930-м гг. Он предложил несколько иную трактовку процесса национально-государственного строительства, чем существовавшая в историографии (например, в работах М.С. Букина). Он писал о своеобразной вине Российского государства перед мордовским народом. Он утверждал: «Моральной, или по терминологии 20-х гг. идеологической, основой возрождения национальной государственности была необходимость восстановления исторической справедливости. Мордовское государство...было подавлено экономической и политической экспансией центральной российской власти. Попытки противостоять ей приводили к репрессиям и настоящему геноциду, в результате которых мордва оказалась рассеянной на огромном инациональном пространстве. Простая логика требовала, чтобы исправление последствий такой политики взяла на себя сама центральная российская власть, тем более выдвигающая идеи интернационализма, демократии и равенства народов»⁵⁰². Им были выделены факторы, способствовавшие и мешавшие образованию автономии. Среди последних им впервые была названа шовинистическая настроенность части русского партийно-административного аппарата в губерниях мордовского края⁵⁰³. Характеризуя национально-государственное строительство мордовского народа, исследователь достаточно подробно проанализировал деятельность автономистов, обычно опускаемую пишущими на эту тему авторами.

Достаточно интересны рассуждения В.К. Абрамова по поводу элиты Мордовии, которую образовали выходцы из крестьянства и первоначально составляли «талантливые, опытные люди, самостоятельно сделавшие карьеру в различных регионах страны и объединившиеся для национального строительства»⁵⁰⁴. Однако позднее, по его словам, они постепенно были заменены выдвиженцами с невысоким уровнем общего развития и профессиональной подготовки: «Уже с 1931 г. во главе партийного руководства автономии (в числе первых секретарей обкома партии) не было ни одного мордвина, т.е. практически руководство в Мордовии мордве не принадлежало»⁵⁰⁵.

Особое внимание В.К. Абрамов уделил культурной революции в Мордовском крае. Он писал о ее развитии «вширь», которое у мордвы не отличалось по форме от процесса, затронувшего другие народы страны. При этом исследователь выделил особенность, которая заключалась в содержании процесса и вытекала из противоречия между тем, что основные духовные ценности в России были накоплены на русском языке, а основная масса мордовского народа знала его лишь на примитивно-бытовом уровне. По его мнению, движение культурной революции «вглубь» для мордвы предполагало создание достаточно мощной социальной группы национальной интеллигенции и профессиональное освоение ею главных культурных сфер⁵⁰⁶. Им была высказана мысль о противоречивых результатах культурной революции в мордовской среде⁵⁰⁷.

При характеристике мордовского народа накануне войны В.К. Абрамов обратился к теме коллективизации и репрессий. По его мнению, в ходе коллективизации имели место массовые репрессии, уничтожение крестьянской элиты, стравливание бедных и зажиточных крестьян, колхозников и единоличников, что привело к коренному перелому в социально-политическом состоянии мордовской деревни. Он делает однозначный вывод: «...Именно коллективизация стала главной причиной резкого уменьшения численности крестьян в Мордовии»⁵⁰⁸. В.К. Абрамов считает, что для мордовского народа урон был особенно значительным по ряду причин:

– «удар был нанесен по особенно жизнеспособному социальному слою народа, который являлся единственной базой формирования и роста мордовской интеллигенции, других социальных групп»⁵⁰⁹;

– «фактическое закрепощение мордовского крестьянства, не имевшего исторического опыта жизни в крепостном состоянии, привело к коренной ломке национального менталитета, к чувству национального унижения, что в совокупности с тяжелым социально-экономическим положением колхозников создало предпосылки для массового бегства мордовских крестьян из общин, служивших единственным надежным убежищем для мордовского национального типа»⁵¹⁰;

– «коллективизация просто убила лучшую часть мордовского народа»⁵¹¹;

— «проходившие одновременно процессы создания мордовской государственности и коллективизации зафиксировались в памяти народа в виде причинно-следственной связи, что нанесло огромный ущерб его национальному самосознанию»⁵¹².

Пристальное внимание уделяет В.К. Абрамов тематике репрессий второй половины 1930-х гг., которые трактует как казни. Численность осужденных в этот период в Мордовии он определял в 18–20 тыс. человек⁵¹³. Он писал: «Эти «казни мордовские» имели свои закономерности и общие черты. Во-первых, несмотря на то, что в населении, областной партийной организации и аппарате управления мордва составляла меньшую часть, подавляющее большинство граждан, осужденных в 1937 г. по политическим причинам в республике, было мордовской национальности. Во-вторых, всех известных деятелей перед арестом старались дискредитировать в глазах общественности... В-третьих, допросы велись по единой системе: человеку давалась готовая схема ответов, если он отказывался подписывать протокол, начиналась пытки»⁵¹⁴.

27 мая 1998 г. на базе кафедры новейшей истории народов России прошла республиканская научно-практическая конференция «Репрессии 1930-х годов в Мордовии и их последствия». Профессор В.К. Абрамов выступил ее инициатором и вдохновителем. На открытии конференции говорил о том, что составной частью коренной экономической и социально-политической ломки «стали массовые казни представителей всех социальных слоев. Их апофеозом в Саранске явился расстрел в конце мая 1938 года десятков видных деятелей мордовской государственности, науки и культуры»⁵¹⁵. Он заявил: «Исторический опыт показывает, что общественное единство не может быть достигнуто пока тем временам не будет дана четкая историческая (она уже дана) и юридическая оценка, пока не будут названы имена конкретных преступников, пока не будут найдены и достойно похоронены останки невинных жертв массовых репрессий»⁵¹⁶.

В.К. Абрамов обратился к демографическим и социально-политическим последствиям репрессий 1930-х гг. По его мнению, «для Мордовии, где репрессии приобрели особенно катастрофический характер, они означали прямое убийство или изгнание наиболее развитой части населения, предопределившее последующую демографическую, интеллектуальную и моральную деградацию края»⁵¹⁷. По его словам, в Мордовии общий характер репрессий дополнился поисками «буржуазных националистов», что придавало им особую интенсивность и шовинистический оттенок⁵¹⁸. Он писал: «Поощрение всеобщего стукачества, всегда считавшегося постыдным явлением, извращение традиционных нравственных норм дезориентировали сознание миллионов людей, способствовали развитию недоверия всех ко всем, низведению всеобщей неприязни, разрушающей общественное единство, в ранг обыденности»⁵¹⁹.

В.К. Абрамов считает, что после репрессий 1930-х гг. в Мордовии «национальные кадры управления были, в основном, представлены интеллектуально и нравственно малоразвитыми, на всю жизнь напуганными, людьми, пренебрежительно относящимися к языку и культуре своего народа. В рамках сложившейся в стране командно-административной системы бюрократический аппарат Мордовии формировал традиции национал-нигилизма в своей среде, активно внедрял его в общественное сознание»⁵²⁰. Им был сделан принципиально важный вывод о том, что «после репрессий мордовская автономия не только не выполняла своей главной функции, ради которой была официально создана – создание оптимальных условий для развития мордовского народа, но даже способствовала его политической и психологической дезинтеграции, делала практически беспомощным перед бессистемным выкачиванием из его среды людских и материальных ресурсов»⁵²¹.

Работы В.К. Абрамова занимают особое место в аграрной историографии Среднего Поволжья. Они содержат существенный фактологический материал, связанный с попытками использования математических методов исследования. Однако одновременно этноориентированность некоторых построений вызывает серьезные возражения и споры.

§ 14. Виктор Евгеньевич Малязов – летописец повседневной жизни русской деревни XX века

Многие годы Виктор Евгеньевич Малязов самоотверженно работает по сохранению исторической памяти о русской деревне XX столетия и ее людях⁵²². Он и сам является простым деревенским парнем, детство и юность которого прошли в дорогом его сердце селе Шепотьеве Белинского района. Именно там, а также и в других русских селениях Пензенского края были заложены основы его мировоззрения, нравственные устои, которые и позволили ему стать подлинным летописцем повседневной жизни русской деревни XX столетия, сформироваться как личности, достигнуть больших жизненных успехов.

Виктор Евгеньевич Малязов является, может быть, единственным в России кандидатом исторических наук, защитившим диссертацию по истории обычного русского села Степановки, в котором он живет и работает в настоящее время⁵²³. Его усилиями, при поддержке друзей и добрых людей, ежегодно на базе Степановской сельской школы, директором которой он является, проводятся всероссийские и международные конференции «Моя малая Родина», на которые приезжают самые известные ученые не только России, но и из-за рубежа, чтобы обсудить наиболее важные вопросы истории и современности россий-

ского села⁵²⁴. Своими знаниями о русском крестьянстве Виктор Евгеньевич Малязев активно делится не только со школьниками и односельчанами, но и студентами исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского, доцентом которого он является, и где уже много лет с большим успехом читает им специальный курс «Моя малая Родина».

О его трудах по истории русской деревни хорошо известно и за пределами Пензенской области, поскольку В.Е. Малязев — неоднократный участник различных научных конференций, в том числе всероссийских и международных.

О нем знают и зарубежные исследователи аграрной истории России XX века, в том числе в Англии, Японии, Франции и других странах. Особенно теплые отношения сложились у В.Е. Малязева с коллегами из далекой Японии. Труды Малязева хранятся в ряде крупных библиотек Японии (например, Токийского университета). Японские коллеги не только читают их и рассказывают о них студентам, но и приезжают в село Степановку, чтобы встретиться с автором лично.

Виктор Евгеньевич Малязев не только глубокий исследователь, но и замечательный мастер художественного слова⁵²⁵. Он сумел совместить в себе недоступные большинству историков ипостаси — ученого и писателя, продолжив тем самым лучшие традиции отечественной историографии и литературы. Выдающиеся историки России — Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и другие прекрасно владели пером. Именно поэтому их труды оказались доступны всем категориям читателей и имели общероссийский успех. В то же время и великие литераторы земли Русской в своих трудах выступали как подлинные ученые, правдиво отображая поведение людей в различные исторические эпохи, а сами их произведения являлись зеркальным отражением реальной жизни народа, его психологии, превращаясь для историков в один из достоверных исторических источников (например, «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Вадим» М.Ю. Лермонтова и др.).

По этому же пути уже многие годы идет и В.Е. Малязев. Он не только хороший историк, но и литератор. Любовь к художественному слову привил ему один из самых дорогих автору людей, бывший в детские годы учителем русского языка и литературы, настоящий подвижник просвещения, ныне выдающийся лермонтовед, главный специалист музея М.Ю. Лермонтова «Тарханы», Заслуженный работник культуры РФ, лауреат первой Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова Петр Андреевич Фролов⁵²⁶. Увиденная учителем в ученике и подержанная им искра божья — тяга к чтению книг, а также остроумие, неординарное мышление, обостренное чувство справедливости — принесли закономерный результат. Мальчик не только полюбил литературу, но и решил посвятить ей всю свою жизнь, пойти по стопам

своего учителя. Он поступает на историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института, а затем всю последующую жизнь работает педагогом, сначала обычным учителем, а затем директором школы. Но он не просто работает, а активно творит, избрав главной темой своего творчества историю своего села, людей, которые его окружают, актуальные вопросы пензенского краеведения.

О художественном таланте автора убедительно свидетельствует полученная им литературная губернаторская премия за книгу «Ах, сенокос, сенокос, сенокос...» (2008 год). Это одно из самых пронзительных повествований о судьбе русской деревни, написанных автором. В книге очень ярко и образно показано самое важное действие в цикле сельскохозяйственных работ крестьянина – сенокос. И по содержанию и по поэтике оно приближается к одному из лучших классических произведений русской литературы – «Ладу» Василия Белова.

Вот как о книге Маляева о сенокосе высказался известный российский философ, знаток аграрной проблематики, старший научный сотрудник Института философии РАН Сергей Дмитриевич Домников: ««Ах, какая это книга!... Щемящая и пронзительная. Глубинная книга, как один протяжный вздох глубоко изнутри, памяти об ушедшем былом или стон от нанесенной давно и незаживающей раны времени»⁵²⁷.

В этой книге, как и в других своих трудах, Виктор Евгеньевич Маляев констатирует печальные факты – прекращение сельскохозяйственных работ вследствие обезлюживания деревни как результат бездумной политики властей. В этом же ряду другое наблюдение автора: в его родном селе Шепотьеве впервые за 300 лет не выгнали на пастбище стадо... Через такие, казалось бы, мелкие детали, автор ставит страшный и верный диагноз: русская деревня погибает, а вместе с ней и огромный мир, связанный с вековыми традициями народной культуры, подлинной духовности, на которых веками стояло государство Российское.

В данном контексте работы автора о русской деревне выстраданы автором, написаны им не случайно и не по заказу. Это крик души человека, болеющего за свою Малую Родину, ее настоящее и будущее. Сама жизнь подсказала ему написать их, чтобы донести до современников горькую правду о русской деревне, достучаться до их сердец и, быть может, изменить что-то к лучшему в ее судьбе.

В то же время его деревенская проза несет в себе огромный позитивный потенциал, она пробуждает в читателе только светлые чувства, ибо написана очень хорошим, добрым человеком о хороших и добрых людях, тружениках, честно проживших и живущих поныне на Пензенской земле. Именно на них стояла, стоит и будет стоять Россия. В их существовании и поддержке и должна заключаться национальная идея, способная объединить россиян и вдохновить их на созидательные дела.

Научная и общественная ценность трудов Малязева состоит в их правде. Именно такой, как описывает автор, и была реальная жизнь русского крестьянина в канувшем в лету столетии. То, что его книги написаны великолепным русским языком мастером художественного слова, придает им еще большую значимость. Кроме того, они доступны для всех читателей, интересующихся отечественной историей, судьбами российской деревни.

Прочитав книги Виктора Евгеньевича Малязева, читатель согласится со мной, что их автор принадлежит к когорте замечательных русских писателей-деревенщиков, посвятивших свою жизнь служению Малой Родине, ее спасению от исторического забвения, пропаганде ее духовных ценностей, крайне востребованных сейчас, особенно для молодого поколения россиян.

«Простор России, красота России – это душа человечья, душа автора. Все в этой книге – это песня и плач души. Ах, какая красивая это душа!...», – такими словами завершил свое предисловие к «Сенокосу» Малязева С.Д. Домников⁵²⁸.

§ 15. Алла Александровна Тархова о культуре русской деревни

Аллой Александровной Тарховой издана монография о культуре русской деревни⁵²⁹. Она результат многолетней подвижнической работы автора по сбору материалов о традиционной культуре русского крестьянства Пензенского края. В ней представлены уникальные сведения о его вокально-певческом творчестве, костюме, обрядах и других фактах повседневной жизни. Ценность книги заключается в том, что на ее страницах звучит голос самих носителей народной культуры, собраны биографические факты о наиболее ярких их представителях.

Сама автор книги – Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук А.А. Тархова является не только летописцем народного песенного творчества, но и частью изучаемой ею традиционной культуры. На протяжении многих лет она руководила одним из самых замечательных фольклорных коллективов России – ансамблем «Реченька», исполнявшим и исполняющим поныне представленные на страницах ее книги народные песни⁵³⁰. Все, что написано в данной книге, буквально пережито автором, пропущено через его сердце, является частью жизни Аллы Александровны Тарховой, ее болью и радостью.

Концептуальную основу монографии составили идеи ее кандидатской диссертации, подготовленной под моим научным руководством,

и блестяще защищенной в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия⁵³¹.

Книгу отличает глубокий анализ всех аспектов рассматриваемой темы: музыкально-поэтического творчества русских крестьян Пензенского края, их костюма и др. Особую ценность представляют приложения к основному тексту монографии, среди которых наиболее важным является «Сборник русских народных песен Пензенской области, собранных и расшифрованных автором в период с 1982 по 2007 гг.». Благодаря автору читатели смогут насладиться колоритным русским языком, спеть песни, которые исполняли их бабушки и прабабушки, так как в книге опубликованы и ноты этих песен.

Книга Аллы Александровны Тарховой необычайно актуальна. Она несет в себе огромный позитивный заряд, поскольку не только сохраняет для современников и потомков красоту народной культуры, но и позволяет напрямую приобщиться к ней.

В монографии дается исторический фон, на котором формировались основные элементы крестьянской культуры, аргументированно доказывается ее неразрывная связь с историческими событиями в стране и регионе в рассматриваемый период. Автор следует классической традиции отечественной историографии, рассматривающей народное творчество в качестве одного из важнейших исторических источников, позволяющих увидеть народную оценку того или иного события, вычленив из многочисленного ряда наиболее значимые, повлиявшие на судьбы народа. В данном контексте книга Тарховой представляет собой междисциплинарное исследование, успешно выполненное на стыке таких наук, как история, этнография, музыковедение и др.

Главное достоинство книги заключается в ее исторической правде. Именно такой, как показывает ее автор, и была русская народная культура. И ее сохранение является важнейшим залогом нравственного здоровья россиян, их светлого будущего.

Примечания

¹ В аспирантуре Института истории СССР АН СССР (далее Института российской истории РАН) под руководством В.П. Данилова я подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Голод 1932–1933 гг. в поволжской деревне». В.П. Данилов консультировал меня и в докторантуре Института российской истории РАН по теме докторской диссертации «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.».

² Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 319.

³ О В.П. Данилове см. подробнее: Юбилей Виктора Петровича Данилова // Отечественная история. 2000. № 6. С. 208–210; Памяти Виктора Петровича Данилова (4 марта 1925 г. – 16 апреля 2004 г.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 210–211; Памяти Виктора Петровича Данилова // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. 2005. Вып. 5 / под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2006. С. 10–90; Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н. Творческий путь Виктора Петровича Данилова // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 150–162; Они же. Виктор Петрович Данилов – фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2011. С. 16–68.

⁴ Данилов В.П. Борьба Советского государства за создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.

⁵ Там же; Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁶ См.: Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1 / В.П. Данилов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 69–228.

⁷ В подготовленной к печати рукописи «Коллективизация сельского хозяйства в СССР. 1927–1932» В.П. Данилов был автором введения и четырех первых глав, Н. А. Ивницкий – автором двух глав (V–VI), М.;Л. Богденко – автором VII и VIII глав, И. Е. Зеленин – автором IX–XI глав, В.П. Данилов и И.Е. Зеленин – авторами XII главы. Рукопись была датирована 1964 г. и насчитывала 798 страниц.

⁸ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1. С. 295.

⁹ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1. С. 303, 307.

¹⁰ Там же. С. 300.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 74.

¹² Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1. С. 302.

¹³ Там же. С. 276–306.

¹⁴ Данилова Л. В. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44–83; 2008. № 1. С. 61–95; 2008. № 2. С. 44–83.

¹⁵ См.: Археографический ежегодник за 1992 г. М.: Наука, 1994. С. 324–336.

¹⁶ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1. С. 52–61, 801–861.

¹⁷ В дальнейшем тема голода 1932–1933 гг. получит освещение в многочисленных публикациях В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, а также на страницах третьего тома сборника документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы» (М.: РОССПЭН, 2001) и сборника документов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 3. Кн. 2. 1931–1934. М.: РОССПЭН, 2005». Продолжением традиции научного осмысления голода 1932–1933 гг. в СССР в рамках документальной публикации стала серия «Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929–июль 1932: В 2 кн. Кн. 1. / Отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011; Кн. 2 / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2011».

¹⁸ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1. С. 230.

¹⁹ Набор сверстанной книги был разобран в типографии в 1967 г.

²⁰ См. об этом: Кондрашин В. В. Аграрная история России XX века: актуальность, состояние, проблемы, перспектива изучения // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Моя малая Родина». Выпуск 8. Степановка; Пенза, 2011. С. 153–154.

²¹ См. подробнее о В.П. Данилове: Отечественная история. 2000. № 6. С. 208–210; 2004. № 6. С. 210–211; Вопросы истории. 2005. № 9. С. 150–162 и др.

²² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979.

²³ Данилов В.П. Об уровне кооперирования крестьянских хозяйств в СССР накануне коллективизации // Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР: тезисы докладов. Институт истории СССР АН СССР. М. 1969; Он же. Развитие кооперации в СССР в 20-е годы: опыт и его использование в современных условиях // Ленинские идеи кооперации и их использование в современных условиях: сб. статей. М.: Агропромиздат, 1987.

²⁴ Данилов В.П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России: сб. статей. М.: Наука, 1971; Он же. Об исторических судьбах крестьянской поземельной общины // Ежегодник по аграрной истории. Выпуск VI. Вологда, 1976 и др.

²⁵ Он же. К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни // Советская культура. История и современность: сб. статей. М.: Наука, 1983; Он же. О русской частушке как источнике по истории деревни // Советская культура: 70 лет развития: сб. статей. М.: Наука, 1987 и др.

²⁶ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М.: Изд-во МГУ, 1970 (член редколлегии); Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Талин: Изд-во АН Эстонской ССР, 1971 (член редколлегии); История советского крестьянства. Т. 1. М.: Наука, 1986 (зам. отв. редактора, член редколлегии серии), Т. 2–4. М.: Наука, 1986–1987 (член редколлегии серии) и др.

²⁷ См. напр.: Данилов В.П. Капиталистические элементы в сельском хозяйстве СССР на первых этапах нэпа (20-е годы) // Сельское хозяйство и развитие капитализма. Рим: Изд-во «Ринити», 1971. (На итальянском языке). В 1969 г. была издана Институтом Грамши в качестве доклада на конференции; Он же. Община и коллективизация в России. Токио: Изд-во «Отнаномидзусебо», 1977. 289 с. (На японском языке); Он же. Rural Russia under the Regime. Hutchinson Education. Indiana University Press. 1988. 351 p.; Он же. The Issue of Alternatives and History of Soviet Agriculture // The Journal of Historical Sociology. N.York Oxford, 1989. № 1; Он же. Alexander Chayanov as a Theoretician of Cooperative Movement // Alexander Chayanov. The Theory of Peasant Cooperatives. London-N.Y. 1991. Pp. XI–XXXV и др.

²⁸ Danilov V. La Reforme Agraire Dans la Russie Post-Sovietique. Point de vue d'un Historien // Histoire & Societes Rurales. № 1. 1-er semestre 1994. Paris. P. 141–152; Он же. Violence contre violence. La revolution paysanne en Russie, 1902–1922 // Violence et pouvoirs politiques. Toulouse. 1996. P. 137–157. Russia: Developing, then Crushing, Peasant Farming // Many Shades of Red. State Policy and Collective Agriculture. London, Boulder, N.Y.: Oxford. 1999. P. 36–85 и др.

²⁹ См. напр.: Данилов В.П. Истоки и уроки коллективизации // Правда. 1987. 9 августа; Выступление В.П. Данилова на совещании историков КПСС и историков СССР 28 апреля 1987 г. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 7. С. 148–149; «Третья волна» – выступление Данилова на круглом столе «Перестройка и историческая наука» (январь 1988 г.) // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 21–24; Выступления Данилова на круглом столе «Коллективизация: истоки, сущность, последствия» (октябрь 1988 г.) // История СССР. 1989. № 3. С. 6–7, 10–18, 31–41, 53–56, 60–62; Выступления Данилова на круглом столе советских и американских историков (январь 1989 г.) // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 102–103, 113–114 и др.

³⁰ Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40 гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121 и др.

³¹ См.: Данилов В.П., Т. Шанин. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1902 гг.» (Вместо предисловия) // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов. 1994. С. 5–6 и др.

³² Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый: сб. статей. М.: Изд-во «Политиздат», 1990. С. 82–130; Он же.

Bukharin's Alternative for the Countryside // Bukharin in Retrospect. Armonk, New York, London, 1994. P.133–145 и др.

³³ См.: Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С. 570–571; В память о В.П. Данилове семинар возобновлен его коллегами в 2011 г. (см.: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века // Власть. 2011. №. 8. С. 161–171; № 9. С. 173–184).

³⁴ Историческая секция под руководством В.П. Данилова работала на симпозиуме в 1994, 1997, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003 гг.

³⁵ О проекте см.: Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996; Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России.

³⁶ Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. С. 136–137; Кондрашин В.В. Историко-социологическое исследование российских деревень // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии международного симпозиума РАН по аграрной истории Восточной Европы (г. Тамбов, 16–18 сентября 2000 г.) Тамбов: ТГТУ, 2000. С. 68–73.

³⁷ См.: Еферица Т.Ф., Еферица Ю.Г. История села Старое Синдорово // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. 1996 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 160–205; Кондрашин В. В. История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 176–216; Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица Старотитаровская (исторический очерк) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 1999 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1999. С. 162–200.

³⁸ Данилов В. Историки в социологическом исследовании российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. С. 136.

³⁹ См.: Надькин Т.Д. Аграрная политика советского государства и крестьянства в конце 1920-х – начале 1950-х гг. (по материалам Мордовии) // автореф. дисс... дис.ист.наук. Саранск, 2007; Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 г. (По материалам Среднего Поволжья) // автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007 и др.

⁴⁰ См.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ.; сост. Т. Шанина; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс–«Прогресс–Академия», 1992. 432 с.; Данилов В.П. Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издается в России! // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. С. 5–7.

⁴¹ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в ч. Ч. 1. С. 458.

⁴² Там же. С. 358.

⁴³ Там же. С. 456–462.

⁴⁴ Там же. С. 462.

⁴⁵ Данилов В.П. О трудностях современной аграрной реформы в СССР // Иль Пассаджио. 1990. № 4–5. (На итальянском языке); Он же. Аграрная реформа в постсоветской России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Заславской Т.И. и Арутюнян Л.А. М.: Интерпракс, 1994. С. 125–136;

⁴⁶ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. 2005. Вып. 5 / под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2006. С. 21–22.

⁴⁷ Данилов В.П. Реплики в связи с состоявшейся дискуссией // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 87–88.

⁴⁸ Он же. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.). С. 29.

⁴⁹ См.: «Диссидентом был и ... остался» // Новая Тамбовская газета. 1995. 21 апреля; Данилов В.П. Из истории перестройки. Переживания шестидесятника-крестьяноведа // Новый мир истории России. М.: АИРО–XX, 2001. С. 413–428.

⁵⁰ Левин М. Номенклатура – Arcanum Imperii (Технология управления против социологии управленцев) // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: 1997. С. 69–76; Он же. Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М.: Европа, 2008.

⁵¹ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 15.

⁵² Данилов В.П. К истории сталинского террора // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 309–323 и др.

⁵³ Он же. К истории становления сталинизма // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000. С. 67–68.

⁵⁴ Он же. Актуальность исследования советской бюрократии как нового класса // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 484–487; Он же. К истории становления сталинизма // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. С. 67; Он же. «Кто и куда вел Россию» в истории непосредственно связанной с нашей современностью (1880–1990-е годы) // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 16–18.

⁵⁵ Он же. Так куда же пришла Россия? // Куда пришла Россия?.. Итоги социентальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 320.

⁵⁶ Он же. К истории сталинского террора // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. С. 323.

⁵⁷ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие. С. 28.

⁵⁸ Он же. Альтернативы сталинизму в их историческом значении // Кто и куда стремится вести Россию?.. С. 53–68.

⁵⁹ Он же. Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5. С. 45–54; Он же. 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 23–32.

⁶⁰ См.: материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» (ведущий В.П. Данилов) на тему «Хантер Г., Ширмер Я. М. Аграрная политика неолыбшевизма и альтернатива» // Отечественная история. 1995. № 6. С. 145–165.

⁶¹ Возвращение (интервью в связи с реабилитацией А.В. Чайнова, Н.Д. Кондрагьева и др.) // Московские новости. 1987. 16 августа; Он же. Русская революция в судьбе А.В. Чайнова // Крестьяноведение. Теория. История. Современность // ежегодник. 1996 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 96–133.

⁶² Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. М.: МФД, 2000 / ответ. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин.

⁶³ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. С. 15.

⁶⁴ Данилов В.П. К истории сталинского террора // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. С. 323.

⁶⁵ Он же. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. С. 15.

⁶⁶ Он же. Российская власть в XX веке. Вступительное слово. Данилов В.П. Альтернативы сталинизму в их историческом значении // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. С. 6–10.

⁶⁷ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. С. 12.

⁶⁸ Он же. История крестьянства России в XX веке // Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. С. 45.

⁶⁹ См. об этом подробнее: Мякинников С.И. Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 1999. М., 1999. С. 299–306); Кананерова Е.Н. Международные проекты по аграрной истории России XX века: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Пенза, 2007 и др.

⁷⁰ В последние годы бывшим участником проектов С. Уиткрофтом осуществлялся международный проект «Мировой голод XX века», в котором

я также принимал участие. Кроме того, мне и бывшим участникам проектов Данилова С.А. Есикову и Н.С. Тарховой довелось участвовать в российско-японском проекте по истории крестьянства России в XX веке, организованном коллегой Данилова, профессором Высшей школы экономики Токийского университета Хироси Окудой (см.: Родина. 2005. № 10. С. 18; XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Выпуск 2 / под ред. Хироси Окуда. CIRJE Research Report Series, CIRJE-R-9. Токио, 2012; Кондрашин В. В. Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX–начале XXI века: сборник статей. Коломна, 2009. С. 112–124 и др.).

⁷¹ В.П. Данилов – ответственный редактор и составитель следующих сборников проекта «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (наряду с Т. Шаниным и др.): Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): документы и материалы. Тамбов, 1994. 334 с.; Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы. М., 1997. 792 с.; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: документы и материалы // Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. М., 2002. 944 с.; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): документы и материалы // Серия: Крестьянская революция в России. М., 2003. 480 с.; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: документы и материалы // Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. М., 2006. 1000 с.; В.П. Данилов – ответственный редактор и составитель следующих сборников российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» (наряду с А. Береловичем и др.): Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998. 864 с.; Т. 2. 1923–1929 гг. М., 2001. 900 с.; Т. 3. Книга 1. 1930–1931 гг. М., 2003. 864 с.; Т. 3. Книга 2. 1932–1934 гг. М., 2005. 840 с.; В.П. Данилов – ответственный редактор и составитель следующих сборников проекта «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» (наряду с Р. Маннинг и др.): Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927–ноябрь 1929. М., 1999. 880 с.; Т. 2. Ноябрь 1929–декабрь 1930. М., 2000. 927 с.; Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. 1008 с.; Т.4. 1934–1936. М., 2002. 1056 с.; Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. 608 с.; Кн. 2. 1938–1939. М., 2006. 704 с.; Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1930–1931 гг. Документы и материалы / сост. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1992. 302 с.; Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1931–1933 гг. Документы и материалы / сост. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1993. 290 с.; Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Документы и материалы / сост. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1994. 330 с.; Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. М.: МФД, 2000 / ответ. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин.

⁷² Данилов В., Кондрашин В. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–

1922 гг.: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 9.

⁷³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» (наряду с Р. Маннинг и др.): Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 тт. Т. 1. Май 1927–ноябрь 1929. М., 1999. С. 7.

⁷⁴ См.: Danilov V. Les documents de la VCK–OGPU–NKVD sur la campagne soviétique 1918–1937 // Cahiers du Monde russe. XXXV(3). Paris: Juillet–september, 1994. P. 633–682. (соавтор А. Берелович).

⁷⁵ Есиков С. А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале века (1900–1921 гг.): автореф. дисс... канд.ист.наук. М., 1998; Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: автореф. дисс... д.ист.наук. Самара, 2001; Тархова Н. С. Красная армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг.: автореф. дисс... д.ист.наук. Саратов, 2006.

⁷⁶ См.: Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России (1905–1930). М.: ИРИ РАН 1996; Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 495–527; Кондрашин В. В. Международные проекты по аграрной истории России XX века и развитие региональной историографии // Центр и периферия. Саранск: НИИ гуманитарных наук. 2008. № 4. С. 25–30.

⁷⁷ См.: Голод в СССР. 1929–1934: в 3-х т. Сборник документов и материалов: отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: Международный фонд «Демократия», 2011. Т. 1. 1929–июль 1932: в 2 кн.; Т. 2. Июль 1932–июль 1933. М.: Международный фонд «Демократия», 2012.

⁷⁸ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.). С. 10.

⁷⁹ См.: Кондрашин В.В. Аграрная история России XX века: актуальность, состояние, проблемы, перспектива изучения. С. 154.

⁸⁰ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.). С. 10.

⁸¹ Он же. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: сб. статей. Москва–Тамбов. 1996. С. 4–23.

⁸² Он же. О новом во взглядах на прошлое и будущее России // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1997. С. 30.

⁸³ См. на эту тему блестящую статью В.П. Данилова, опубликованную еще в доперестроечное время: Данилов В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский декрет о земле в действии: сборник статей. М.: Наука, 1979. С. 261–310.

⁸⁴ Кондрашин В. В. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция: предварительные заметки // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 85–89.

⁸⁵ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институцио-

нальный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. С. 13.

⁸⁶ Он же. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.). С. 11–12.

⁸⁷ См. напр.: Данилов В.П. Русская революция в судьбе А.В. Чаянова // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. 1996 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 96–133.

⁸⁸ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 13.

⁸⁹ Он же. К истории сталинского террора // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 309–323.

⁹⁰ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.). С. 20.

⁹¹ См.: Данилов В.П. О новом во взглядах на прошлое и будущее России // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. С. 30.

⁹² Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.). С. 20–21.

⁹³ Там же. С. 21–29.

⁹⁴ См.: Историки России. Кто есть Кто в изучении отечественной истории. Библиографический словарь. Саратов, 1998. С. 140.

⁹⁵ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994; Он же. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). Учебное пособие для вузов и школ. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М.: Издательство Магистр, 1996.

⁹⁶ Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку: Автобиографические заметки. М.: Собрание, 2013. С. 69.

⁹⁷ Там же. С. 71.

⁹⁸ См.: Ивницкий Н.А. История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. // Источниковедение истории советского общества. М., 1964. С. 265–284.

⁹⁹ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. С. 6 – 7.

¹⁰⁰ См. об этом подробнее: Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1 / М.: РОССПЭН, 2011. С. 69 – 228; Кондрашин В. В. Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Люди во времени: записки историка. Пенза; Саранск, 2012. С. 44 – 47.

¹⁰¹ Вопросы истории. 1965. № 3. С. 5.

¹⁰² Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку. С. 163.

¹⁰³ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929 – 1932 гг.). М., 1972.

¹⁰⁴ Slavic Review. 1974. September. P. 545–546.

¹⁰⁵ История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в

период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 – 1937. М., 1986.

¹⁰⁶ Вопросы истории КПСС. 1975. № 5. С. 134.

¹⁰⁷ Там же. С. 136 – 137.

¹⁰⁸ Там же. С. 139.

¹⁰⁹ См.: Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. 1989. № 3. С. 3 – 62.

¹¹⁰ Ивницкий Н. А. «Даешь коллективизацию!» // Молодой коммунист. 1988. № 5. С. 78 – 86; Он же. Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства СССР // Преподавание истории в школе. 1988. № 5. С. 22 – 30; Он же. Горькие уроки коллективизации // Молодой коммунист. 1989. № 11. С. 65 – 70.

¹¹¹ Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988.

¹¹² Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927 – 1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989.

¹¹³ Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку. С. 214–215.

¹¹⁴ Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991.

¹¹⁵ Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку. С. 233.

¹¹⁶ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994.

¹¹⁷ Там же. С. 257.

¹¹⁸ Там же. С. 257 – 258.

¹¹⁹ Там же. С. 258.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. С. 258 – 259.

¹²² Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов): учебное пособие для вузов и школ. Изд. 2-е дополненное и переработанное. М.: Издательство Магистр, 1996; Он же. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

¹²³ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. 249–297; Он же. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. 333 – 363.

¹²⁴ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). Учебное пособие для вузов и школ.

¹²⁵ Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928 – 1933 гг.). М., 2000.

¹²⁶ Ивницкий Н. А. Трудный путь в науку. С. 243.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – де-

кабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000.

¹²⁹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918 – 1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998.

¹³⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 116 – 131.

¹³¹ Там же. С. 134 – 135.

¹³² Там же. С. 787 – 809.

¹³³ Там же. С. 20.

¹³⁴ Там же. С. 16.

¹³⁵ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004.

¹³⁶ Там же. С. 5.

¹³⁷ Там же. С. 111–104; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. С. 250.

¹³⁸ «Тянут с мужика последние жилы...»: Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): Сб. документов и материалов / сост. Н.Е. Глуценко, М. М. Кудюкина, Н.А. Ивницкий и др.; редкол.: Н.А. Ивницкий (отв. ред.). М.: Собрание, 2007.

¹³⁹ Там же. С. 20–21.

¹⁴⁰ См.: Совершенно секретный голод // Московские новости. 20 июня. 1993; Nikolaj Ivnickij. Il ruolo di Stalin nella carestia degli anni 1932 – 33 in Ucraina (dai materiali documentari dell' archivio del Cremlino del Comitato central del Partito comunista dell' Unione Sovietica e dell' OGPU) // La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nel 1932–33. Viella, 2004. P. 73–92.

¹⁴¹ См. напр.: Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. 333–363; Он же. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область. М., 2009 и др.

¹⁴² Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку. С. 279.

¹⁴³ Сенявский А.С. Послесловие ответственного редактора // Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. С. 306–309.

¹⁴⁴ См.: Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2; Он же. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // История СССР. 1990. № 6; Он же. Политотделы МТС – продолжение политики чрезвычайщины // Отечественная история. 1992. № 2; Он же. Коллективизация и единоличник // Отечественная история. 1993. № 3; Он же. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2; Он же. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине (письмо в редакцию) // Отечественная история. 1994. № 6; Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Вопросы истории. 1996. № 7; Он же. Первая советская программа освоения целинных и залежных земель (ко-

нец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. 1996. № 2; Он же. Закон о «пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти т. / Т. 3. Конец 1930 – 1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы; отв. сост. И.Е. Зеленин. М.: РОССПЭН, 2001; Зеленин И. В. Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Там же. С. 7–47; Зеленин И. Е. Был ли голод 1932–1933 гг. «организованным» («рукотворным»)? По материалам «Трагедии советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док. и материалы». Т. 3 // Уч. Зап. Донского юрид. ин-та. Ростов н/Д, 2002. Т. 18. С. 294–316; Он же. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006 и др.

¹⁴⁵ Сенявский А. С. Послесловие ответственного редактора // Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. С. 306–307.

¹⁴⁶ См.: Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933 – 1941 гг.). М., 1966; Он же. Совхозы в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. 1941–1950 гг. М., 1969; Он же. Совхозы в первое десятилетие Советской власти. М., 1972; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: Краткий исторический очерк. М., 1976; Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь совхозной деревни. 1946 – 1958 гг. М., 1978 и др.

¹⁴⁷ См. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь / Под ред. В.А. Динеса. Саратов, 1998. С. 127.

¹⁴⁸ См. об этом подробнее: Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1 / М.: РОССПЭН, 2011. С. 69 – 228; Кондрашин В.В. Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Люди во времени: записки историка. Пенза – Саранск, 2012. С. 44–47.

¹⁴⁹ См.: Зеленин И.Е. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. М., 1961; Он же. Общественно-политическая жизнь совхозной деревни. 1946–1958 гг. и др.

¹⁵⁰ Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: Краткий исторический очерк. С. 277.

¹⁵¹ Там же. С. 56.

¹⁵² Там же. С. 56–57.

¹⁵³ См.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 562–571.

¹⁵⁴ Зеленин И. Е. Закон о «пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1.

¹⁵⁵ Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006.

С. 70.

¹⁵⁶ Там же. С. 75.

¹⁵⁷ См.: Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2; Он же. Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осолков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине (письмо в редакцию) // Отечественная история. 1994. № 6; Зеленин И. Е. Был ли голод 1932–1933 гг. «организованным» («рукотворным»)? По материалам «Трагедии советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док. и материалы». Т. 3 // Уч. Зап. Донского юрид. ин-та. Ростов н/Д., 2002. Т. 18. С. 294–316 и др.

¹⁵⁸ История советского крестьянства в пяти томах. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. Том 2 / отв. ред. И.Е. Зеленин. М.: Наука, 1986. С. 265.

¹⁵⁹ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. С. 276.

¹⁶⁰ Там же. С. 277.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² См.: Зеленин И.Я. Политотделы МТС – продолжение политики чрезвычайщины // Отечественная история. 1992. № 2 и др.

¹⁶³ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. С. 144.

¹⁶⁴ Там же. С. 156.

¹⁶⁵ Там же. С. 149.

¹⁶⁶ Там же. С. 165–166.

¹⁶⁷ См.: Зеленин И. Е. Коллективизация и единоличник // Отечественная история. 1993. № 3 и др.

¹⁶⁸ Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. С. 167.

¹⁶⁹ Там же. С. 177.

¹⁷⁰ Там же. С. 172.

¹⁷¹ Там же. С. 181.

¹⁷² Там же. С. 194.

¹⁷³ Там же. С. 196.

¹⁷⁴ См.: Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2;

¹⁷⁵ Там же. С. 279.

¹⁷⁶ Там же. С. 278, 280.

¹⁷⁷ Там же. С. 228.

¹⁷⁸ Там же. С. 231.

¹⁷⁹ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. / Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001.

¹⁸⁰ С. 7. ТСД.

¹⁸¹ С. 318–354.

¹⁸² С. 746–750. ТСД.

¹⁸³ С. 39–40. ТСД.

¹⁸⁴ Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2004.

¹⁸⁵ Там же. С. 288.

¹⁸⁶ Там же. С. 289.

¹⁸⁷ Там же. С. 290.

¹⁸⁸ См. напр. публикацию И.Н. Зеленина о голоде сельского населения в тыловых районах СССР в годы Великой Отечественной войны (Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сб. статей. СПб., 1995).

¹⁸⁹ См.: Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. 1997 – 1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 394–425; он же. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001 и др.

¹⁹⁰ Сенявский А.С. Послесловие ответственного редактора // Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. С. 308–309.

¹⁹¹ См.: Николай Яковлевич Гушин: Библиогр. указатель. Новосибирск, 1997; Кузнецов И.С. Н. Я. Гушин: человек, гражданин, ученый // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004 и др.

¹⁹² Гушин В.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, ЭКОР, 1996. С. 3.

¹⁹³ См.: Историки России. Кто есть Кто в изучении отечественной истории. Библиографический словарь. Саратов, 1998. С. 90.

¹⁹⁴ См.: История Сибири. Л., 1965. Т. IV: Сибирь в период строительства социализма. В данном издании Н.Я. Гушин написал следующие параграфы: Подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства. С. 227–239; Развертывание массового колхозного движения. С. 329–347; Укрепление партийных и советских организаций. Рост общественной активности трудящихся. С. 347–352; Итоги выполнения пятилетнего плана. С. 352–356 (совместно с А.С. Московским); Завершение социалистического преобразования сельского хозяйства. С. 374–391 (совместно с И.С. Степичевым).

¹⁹⁵ Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.

¹⁹⁶ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

¹⁹⁷ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. В этом издании Н.Я. Гушиным написано: Введение. С. 5–42; § 3 главы 5. Динамика общественного производства и его эффективность. С. 163–176 (совместно с И.Я. Эйгерисом); § 5 главы 5. Заготовки сельскохозяйственных продуктов. С. 185–198 (совместно с К.И. Могильницкой); § 6 главы 5. Роль науки в развитии сельского хозяйства. С. 198–214 (совместно с П.Л. Гончаровым и А.В. Рычковым); Заключение. С. 470–482 (совместно с В.А. Калмык и А.А. Носковым).

¹⁹⁸ См. напр.: Историография крестьянства советской Сибири. Новоси-

бирск, 1976. В данном издании Н.Я. Гушин является автором 4-й главы: Предпосылки и этапы осуществления коллективизации в Сибири. Формирование класса колхозного крестьянства (1927–1937 гг.). С. 138–254; автором 5-й главы: Колхозное крестьянство Сибири в условиях победившего социализма. С. 255–279 (совместно с Л.Н. Приходько); Гушин Н.Я. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1978 (совместно с Ю.В. Журовым и Л.И. Боженко); Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. В данном издании Н.Я. Гушин является одним из ведущих авторов. Им написано: Введение. С. 5–11; Глава 7. Развитие производительных сил крестьянских хозяйств Сибири. С. 110–126 (§ 2, с. 113–118 – совместно с В.Я. Осокиной); Глава 13. Крестьянство Сибири накануне массовой коллективизации (1928–1929 гг.). С. 206–231 (§ 2, с. 216–224 – совместно с И.С. Кузнецовым и П.К. Редькиным); Глава 14. Коллективизация трудящегося крестьянства Сибири (конец 1929–1937 гг.). С. 231–257; Глава 15. Классовая борьба в сибирской деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 257–274; Глава 16. Создание материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Сибири. Колхозное производство (1930–1937 гг.). С. 274–296 (§ 1, 2, с. 274–285 – совместно с П.К. Редькиным, § 3, с. 285–290 – совместно с А.Г. Борзенковым); Глава 17. Формирование класса колхозного крестьянства. С. 296–303; § 3 главы 19. Повышение материального благосостояния крестьянства. Преобразование деревенского быта. С. 340–349; Заключение. С. 372–375; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. В этом издании Н.Я. Гушиным написано: Введение. С. 5–20; Глава 4. Общественно-политическая жизнь деревни. С. 74–89 (совместно с Б.Л. Борисовым); Глава 17. Трудовая активность крестьянства и развитие колхозного производства. С. 290 – 310 (совместно с Е.В. Рождественским, И.Б. Карпуниной и Л.Н. Ульяновым); § 4 главы 19. Укрепление союза рабочего класса с крестьянством. С. 353 – 361 (совместно с Л.Ф. Егоровой); Заключение. С. 377–382 (совместно с В.Т. Анисковым).

¹⁹⁹ См. напр.: Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.): Курс лекций. Новосибирск, 1972; Он же. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973; Он же. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1933–1941). Новосибирск, 1975 (совместно с Э.В. Кошелевой и В.Г. Чарушиным) и др.

²⁰⁰ См.: Ильиных В.А. Методы и содержание одной из научных дискуссий конца 1960-х гг.: Ф.С. Пестриков и А.Н. Резниченко против Н.Я. Гушина // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 14–33.

²⁰¹ Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926 – 1933 гг.).

²⁰² Ивницкий Н. А. Трудный путь в науку: Автобиографические замет-

ки. М., 2013. С. 119 – 135.

²⁰³ Там же. С. 166.

²⁰⁴ Личный архив профессора В.В. Кондрашина (запись беседы с Н.А. Ивницким 2 октября 2014 г.).

²⁰⁵ См.: Программы XXIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование». Москва. 27–30 сентября 1994 г. С. 11.

²⁰⁶ Там же. Рукопись В.А. Ильиных «Гущин Николай Яковлевич (10 апреля 1929 г. – 19 февраля 1996 г.)».

²⁰⁷ Кузнецов И.С. Аграрно-исторические исследования Н.Я. Гущина в контексте общественно-политической и научной жизни второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. Научные чтения, посвященные памяти д.и.н., профессора Н.Я. Гущина. Новосибирск, 1997. С. 14.

²⁰⁸ «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 гг. Социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996.

²⁰⁹ Гушин В.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. С. 79.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. С. 131–132.

²¹² Там же. С. 89–91.

²¹³ Там же. С. 52–55.

²¹⁴ Гушин Н.Я. Системы земледелия и агротехники на целинных землях Сибири в 1950-е – 1960-е гг. // Аграрные технологии в России IX – XX вв. XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 10–13 сентября 1996 г. М., 1996. С. 169.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же. С. 170–171.

²¹⁷ Там же. С. 172.

²¹⁸ См. напр.: Гушин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. В данном издании Н.Я. Гушиным написано: Предисловие. С. 4; Введение. С. 5–17 (совместно с В.А. Исуповым, И.Б. Карпуниной, Г.А. Ноздриным); Численность и размещение населения (1914–1939 гг.). С. 21–25; (1960-е – начало 1990-х гг.). С. 34–37 (совместно с А. П. Мелентьевой); Половозрастной состав населения (1914–1939 гг.). С. 40–43; Семейная и брачная структура (1917–1939 гг.). С. 57–59; Воспроизводство населения (1920–1930-е годы). С. 69–72; (1960-е – начало 1990-х гг.). С. 81–88 (совместно с А. П. Мелентьевой); Миграционное движение (1920–1930-е годы). С. 94–95; (1960-е – начало 1990-х гг.). С. 101–104; Занятость и социально-профессиональный состав (1920–1930-е гг.). С. 110–116; Образовательная структура (1920–1930-е годы). С. 134–137 (совместно с А.П. Мелентьевой); Национальный состав (1920–1930-е гг.). С. 153–155 и др.

²¹⁹ См.: Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрально-Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.; Он же. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 468–479; Он же. Был ли нэп «крестьянским раем»? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября–2 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 152–161; Он же. Хлебозаготовки 1930–1932 гг. в Центрально-Черноземной области // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 339–362; Он же. The Characteristics of The Tambov Region in Nineteenth Century // Historia Agriculture 28. Where the Twain Meet. Dutch and Russian Regional Development in a Comparative Perspective 1800–1917. Ed. Pim Kooij. Groningen / Wageningen, 1998. P. 7–15; Он же. Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуды. CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, Токио, 2005. С. 131–152; (Та же статья на японском языке. Токио, 2006. С. 373–402.

²²⁰ См.: Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. 363 с.

²²¹ См.: Окуда Хироси. XX век и сельская Россия // Родина. Российский исторический журнал. 2005. № 10. Россия и Япония: от Путятина до Путина. С. 18.

²²² Есиков С.А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.) // CIRJE-F-262 History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 2). Токио, 2004. С. 7–8.

²²³ Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.). С. 7.

²²⁴ Есиков С. А. Историография поземельных отношений в Тамбовской губернии в пореформенное время // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.) / отв. ред. С.А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2010. С. 31.

²²⁵ Там же. С. 31–41.

²²⁶ См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов: ТГТУ, 1998. 108 с.; Он же. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.). С. 7–35

²²⁷ Он же и др. Формирование и развитие сети сельских населенных пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII–XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии

Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. С. 3–16.

²²⁸ Есиков С.А. Начальные века истории Российского государства и его первые правители: материалы к лекции. Тамбов: ТГТУ, 1997. 16 с.; Он же. Варяги в русской истории: материалы к лекции. Тамбов: ТГТУ, 2006. 20 с.

²²⁹ Есиков С. А., Есикова М. М. Аграрная политика российского правительства в 1880 – 1890-е годы // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. статей / ред. кол.: С. А. Есиков [и др.]. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 91.

²³⁰ Он же. Правовые аспекты крестьянского землевладения и землепользования в пореформенной России // Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная Россия: сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург: Региональный центр развития образования Оренбургской области, 2011. С. 65.

²³¹ Есиков С.А. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. 13–14 июня 1994. М., 1996. С. 146–154.

²³² Он же. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 29.

²³³ См. напр.: Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. С. 15–16.

²³⁴ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 100–101.

²³⁵ Есиков С.А., Косов Р.В. Источники изучения общинного и личного крестьянского землевладения на микроуровне в пореформенный период. 1861–1904 гг. (по материалам Тамбовской губернии) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.) / отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 329–338.

²³⁶ Есиков С.А. Участковая агрономия, трехпольная система и крестьянская община (Тамбовская губерния, начало XX в.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. статей. Вып. 2. Тамбов: ТГУ, 1996. С. 24–31.

²³⁷ Он же. Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. // Аграрные технологии в России. IX–XX вв.: материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 236–237.

²³⁸ Есиков С.А. Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. С. 238.

²³⁹ Он же, Есикова М.М. Аграрная политика российского правительства в 1880–1890-е годы. С. 87.

²⁴⁰ Он же. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 100–101.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтерна-

тивах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). С. 238–241.

²⁴³ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы. Тамбов, 1994. 333 с.

²⁴⁴ Например, С.А. Есиков организовал выпуск сборника статей к юбилею Э.М. Шагина (см.: Власть и общество России. XX век: сб. научных трудов / под ред. В.П. Попова, А.Ф. Киселева, С.В. Мищенко. М., Тамбов, 1994. 354 с.).

²⁴⁵ См.: Есиков С.А., Кондрашин В.В. Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. М., 2008. С. 92–93.

²⁴⁶ См.: Есиков С.А., Протасов Л.Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57; Он же, Канищев В.В. «Антоновский нэп» (Организация и деятельность «союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60–72; Он же. Тамбовские эсеры об экономическом и социально-политическом положении губернии в 1920 году // Общественные движения и политические партии стран содружества (XIX–XX вв.): историография, история, современность: тезисы докладов и выступлений на международной научной конференции 16–19 сентября 1993 г. Ч. II. Владимир, 1993. С. 111–115; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы / отв. сост. С.А. Есиков и др. Тамбов, 1994. 333 с.; Он же. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. 13–14 июня 1994. М., 1996. С. 146–154; Он же. Партия социалистов-революционеров и Тамбовское восстание 1920–1921 гг. // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век.: материалы межвузовской научной конференции. Вып. III. Февраль 1997. Тамбов, 1997. С. 43–52; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. 800 с. и др.

²⁴⁷ Есиков С.А. Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны. Антоновщина (1918–1921 годы) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол.: С.А. Есиков и др.). Оренбург, 2007. С. 217–227.

²⁴⁸ Он же. Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны. Антоновщина (1918–1921 годы). С. 225.

²⁴⁹ Есиков С.А. Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны. С.226.

²⁵⁰ Там же; Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 102.

²⁵¹ См.: Есиков С.А. На пути к военному коммунизму. Государственное регулирование хлебозаготовок в Тамбовской губернии в 1914 – начале 1917 гг. // Крестьяне и власть: материалы конференции. М., Тамбов, 1996. С. 66–77; Есиков С.А. Щербинин П.П. Источники изучения продовольственной безопасности крестьянских семей в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей / ред. кол. С.А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 66–75; Есиков С.А. Щербинин П.П. Продовольственные заготовки для армии в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей / ред. кол. С.А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 75–79; Есиков С.А. Щербинин П.П., Щербинина Ю.В. Изучение влияния Русско-японской войны 1904–1905 гг. на продовольственную безопасность крестьянских семей // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол.: С.А. Есиков и др.). Оренбург, 2007. С. 421–431; Они же и Алехина Е.В. Продовольственное обеспечение беженцев в период Первой мировой войны (по материалам Тамбовской губернии) // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. статей / ред. кол.: С.А. Есиков [и др.]. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 81–87; С.А. Есиков [и др.]. Крестьянское восприятие Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российское село в XIX–XX веках: сб. статей междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2009. С. 59–66 и др.

²⁵² См.: Есиков С.А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии в годы революции и гражданской войны (1917–1921 гг.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. статей. Вып. 2. Тамбов 1998. С. 99–114; Он же. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е–конец 1920-х гг.). С. 14.

²⁵³ Он же. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е–конец 1920-х гг.). С. 7–35.

²⁵⁴ Есиков С. А. Прозрачность в Тамбовской губернии // Власть и общество России. XX век: сб. научных трудов / под ред. В.П. Попова, А.Ф. Киселева, С. В. Мищенко. М., Тамбов, 1994. С. 240.

²⁵⁵ Есиков С. А., Канищев В.В. Об эволюции крестьянских хозяйств в годы НЭПа (На материалах Центрального Черноземья) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1994. С. 156–158; Они же. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е – 1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевание, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Вологда, 12–16 сентября 2000 г. М., 2000. С. 6–9; Они же. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е – 1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической

ретроспективе: материалы XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: Русь, 2001. С. 23.

²⁵⁶ Есиков С.А., Есикова М.М. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие Советской власти в историографии // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол.: С.А. Есиков [и др.]. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 78.

²⁵⁷ Есиков С.А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XXI веков: эволюция и кризисы: сб. статей / ред. кол.: С.А. Есиков [и др.]. Оренбург: РЦРО, 2009. С. 94–100.

²⁵⁸ Он же. Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуды. CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, Токио, 2005. С. 131–152; Та же статья на японском языке. Токио, 2006. С. 373–402.

²⁵⁹ Он же. Голод 1923–1925 гг. в тамбовской деревне // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сборник статей. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 266–270.

²⁶⁰ Он же. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.). С. 27.

²⁶¹ Там же. С. 26.

²⁶² Там же. С. 29.

²⁶³ Там же. С. 94.

²⁶⁴ Есиков С.А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия. С. 95.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ См.: Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. С. 169–199.

²⁶⁷ Отечественная история. 1995. № 6. С. 160, 163; Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность крестьянства в период нэпа // Вестник сельскохозяйственных наук. 1992. № 2; Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 70, 76–77.

²⁶⁸ См.: Свищев М.А. Мелкое производство в 20-е годы // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 181.

²⁶⁹ Есиков С.А. Был ли нэп «крестьянским раем»? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты. С. 159.

²⁷⁰ Он же. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу. С. 478–479.

²⁷¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 18–31 декабря 1925. Стенографический отчет. М., Л., 1926. С. 135.

²⁷² Есиков С.А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия. С. 98–99.

²⁷³ Там же. С. 98; Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу. С. 478–479.

²⁷⁴ Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу. С. 479.

²⁷⁵ См.: Есиков С.А., Кузнецова Э.Н. Голод 1932–1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992; Есиков С.А., Есикова М. М. Взаимоотношения крестьянства и власти Центрального Черноземья в период коллективизации в исторической литературе // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол.: С.А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 89–97. Он же. Красная Армия и коллективизация в деревне Центрально-черноземной области // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. междунар. заочной науч. конф. Тамбов: ТГТУ, 2007. С. 151–154; Он же. Хлебозаготовки 1930–1932 гг. в Центрально-Черноземной области // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 339–362 и др.

²⁷⁶ Безгин В.Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (По материалам губерний Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998; Захарцев С.Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период нэпа (1921–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Косов Р.В. Крестьянская земельная собственность Тамбовской губернии в структуре частного землевладения (1861–1906 гг.) (Опыт микроисторического анализа): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пенза, 2000; Музыкач В.С. Формирование аппарата ответственных работников Тамбовской губернии в 1918–1921 гг.: автореф. дисс...канд.ист.наук. Воронеж, 2005; Олиферовская И.В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации (1927–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006; Пеньков А.В. Российская деревня в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.) (на материалах Тамбовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Старостин М.Е. Единоличные крестьянские хозяйства накануне Великой Отечественной войны (на материалах Тамбовской области 1937–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011; Шадский О.Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918–лето 1920): «предантоновщина»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2000 и др.

²⁷⁷ Гришаков В.Г. Отечественная историография крестьянского движения в Поволжье в годы гражданской войны: автореф. дисс...канд.ист.наук. Воронеж, 2011; Кабанов В.Г. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 2011; Камордин В. В. Православная концепция политического и социально-экономического развития России конца XIX–40-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Лю Ин. Торгово-экономические связи России и Китая в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке в первой трети XX века: автореф. дисс...канд.ист.наук. Пенза, 2001; Мавлюдов И.Н. Та-

тарская деревня в 1920-е гг.: традиции и новации (по материалам Пензенской и Саратовской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; Мирясов А.В. Мотивация труда рабочих промышленных предприятий России в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Николашин В.П. Социализация земли в Тамбовской губернии и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010; Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997; Малофеева Е.Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001; Яковлева Л. Е. Развитие постоянной повинности в России в XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008 др.

²⁷⁸ Бабашкин В. В. Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010; Кознова И. Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Соловьев В. Ю. Русская крестьянская община в пореформенный период 1861–1900 гг. (на материалах Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2009; Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007 и др.

²⁷⁹ См. напр.: Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2 и др.

²⁸⁰ Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы XX–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 620 – 630.

²⁸¹ Там же. С. 622–623.

²⁸² Там же. С. 624.

²⁸³ Там же. С. 625, 628–629.

²⁸⁴ Там же. С. 623–625; Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999; Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2008; Рынков В. М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 223–225.

²⁸⁵ Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации. С. 623.

²⁸⁶ Там же. С. 620.

²⁸⁷ См. напр.: Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск,

1999; Он же. Социальная мобильность сибирского крестьянства в конце XIX – первой трети XX в. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999; Он же. Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е гг.: историография проблемы // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей. Оренбург, 2007. С. 111–117; Он же. Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 2. Вологда, 2009; Он же. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период // Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная история: сб. статей VI Междунар. науч.- практ. конф. Оренбург, 2011. С. 225–230; Он же. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1 и др.

²⁸⁸ Ильиных В.А. Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е гг.: историография проблемы. С. 114–115.

²⁸⁹ Ильиных В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период // Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная история. С. 225

²⁹⁰ Там же. С. 227.

²⁹¹ Там же. С. 228.

²⁹² Там же. С. 229–230.

²⁹³ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004; Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005; Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2006; Ильиных В.А. Государственные хлебозаготовки в Сибири (1920–1989 гг.) // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей. Оренбург, 2006. С. 224–229; Он же. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010; Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: Документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2011 и др.

²⁹⁴ Ильиных В.А. Государственные хлебозаготовки в Сибири (1920 – 1989 гг.) // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках: сб. статей. Оренбург, 2006. С. 224–229.

²⁹⁵ Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.

²⁹⁶ Он же. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). С. 129–143.

²⁹⁷ Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Хроникально-документальный сборник. С. 3.

²⁹⁸ Ильиных В.А. Государственные хлебозаготовки в Сибири (1920 – 1989 гг.) // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в

XVIII–XX веках. С. 225; Он же. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). С. 184–267.

²⁹⁹ См. об этом подробнее: В.А. Ильиных. Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2006; Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010.

³⁰⁰ См. напр.: Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: Документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2011.

³⁰¹ Ильиных В.А. Государственные хлебозаготовки в Сибири (1920 – 1989 гг.) // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. С. 226.

³⁰² Там же. С. 227.

³⁰³ Там же. С. 224, 228.

³⁰⁴ См.: Ильиных В.А. Зерновая проблема в Сибири // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микро-процессы: сб. статей. Оренбург, 2010. С. 104–110.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же. С. 107–108.

³⁰⁷ Там же. С. 108.

³⁰⁸ См. напр.: Ильиных В.А. Кризисы сельского хозяйства Сибири в советский период // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX – XX веков: сб. статей. Оренбург, 2009. С. 119–124.

³⁰⁹ Там же. С. 119

³¹⁰ Там же. С. 121.

³¹¹ Там же. С. 122.

³¹² См. напр.: Ильиных В.А. Трудовая активность работников сельского хозяйства Сибири в 1960–1975 гг. // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни: сб. науч. тр. М., 1988. С. 172, 174, 175; Он же. А. Трудовое поведение работников сельскохозяйственных предприятий Сибири в конце 1970-х – середине 1980-х годов // Сельское население России в условиях модернизации XIX–XX веков: сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2012. С. 112–117.

³¹³ Там же. С. 112.

³¹⁴ Там же. С. 113.

³¹⁵ Там же. С. 114.

³¹⁶ Там же. С. 116–117.

³¹⁷ Там же. С. 117.

³¹⁸ См. об этом подробнее: Корнилов Г.Е. Аграрный переход в России в XX веке // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Материалы всероссийской научной конференции. Ижевск, 2001. С. 34–42; Он же. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург. М., 2004. С. 136–144; Он же. Сталинская модернизация деревни: несостоявшийся агропереход (1935–1953 гг.) // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. X между-

народные историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2006. С.123–142; Он же. Агропереход – важнейшая фаза процесса модернизации // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII –XX веках. Оренбург, 2007. С. 330–337; Он же. Аграрная политика и аграрное развитие Урала в 1960–1980-е гг. // Урал в преддверии перестройки. Екатеринбург, 2007. С. 50–63; Он же. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4–14; Он же. Аграрная модернизация России в XX веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М., 2012. С. 607–620; и др.

³¹⁹ См.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 1. 1900–1928 гг. / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000; Т. 2. 1929–1984 гг. Екатеринбург, 2000; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928 – 1934 гг.: Сборник документов и материалов. Т. 1 / сост. Е. Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2005; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Свердловская область. Документы и материалы. Т. 1. Екатеринбург, 2005; Т. 2. Екатеринбург, 2006; Беспризорность на Урале в 1929 – 1941 гг.: сборник документов и материалов. Екатеринбург, 2009; и др.

³²⁰ См.: Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Он же. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.Ю. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009; и др.

³²¹ Корнилов Г.Е., Шигина А.Н., Лузина К.А. и др. Крестьяноведение как предмет преподавания. Региональный компонент. Научное обоснование. Екатеринбург, 1998; Они же. Крестьяноведение. Школа раннего развития. Развитие речевой деятельности дошкольников. Екатеринбург, 1998; Они же. Крестьяноведение. Школа раннего развития. Пространство окружающей среды. Екатеринбург, 1998; Они же. Крестьяноведение. Школа раннего развития. Введение в процесс воспитания Екатеринбург, 1998; Они же. Крестьяноведение. Школа раннего развития. Туризм и краеведение («Туристенок»). Екатеринбург, 1998; Корнилов Г.Е. Крестьяноведение. Концепция учебной дисциплины // Веси. № 6. Екатеринбург, 2005. С. 38 – 39 и др.

³²² Баранов Е.Ю., Лабузов В.А. Международная конференция «Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX вв.: проблемы источников и историография» // Российская история. 2009. № 2. С. 204–206; Баранов Е.Ю. Круглый стол «Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX вв.: пороги безопасности» // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 140–142; Баранов Е.Ю. Международная научная конференция «Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы» // Уральский исторический вестник. 2010. №3. С. 145–148; и др.

³²³ См.: Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в

XVIII–XX веках: сб. статей / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2006; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2007; Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. статей / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2008; Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы: сб. статей / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2010; Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2010; Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная Россия: сб. статей VI Междунар. науч. - практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2011; Сельское население России в условиях модернизации XIX–XXI веков: сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2012; Голодовки в истории России XVIII–XX веков: сб. статей VIII международной науч. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2013.

³²⁴ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. (научный доклад) на соискание учен. степени докт. истор. наук. М., 1993.

³²⁵ Зеленин И.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История СССР. 1991. №6. С. 168–172.

³²⁶ Анисков В.Т. О диссертации Г.Е. Корнилова // Война и судьбы российского крестьянства. Вологда – Ярославль, 1998. С. 375–378.

³²⁷ Жиромская В.Б. Корнилов Г.Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития // Вопросы истории. 1994. №9. С. 177–178.

³²⁸ Корнилов Г.Е. Аграрная сфера Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории: традиции и современность. Екатеринбург, 2002. С. 63–71; Он же. Землепользование и структура земельных угодий на Урале в годы Великой Отечественной войны // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Калуга, 2003. С. 349–355; Он же. Жизнь в условиях войны: источники доходов и расходов колхозников Урала // Подвиг Урала в исторической памяти поколений. Екатеринбург, 2010. С. 157–164; Он же. Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2013. №4. С. 50–62; и др.

³²⁹ Корнилов Г.Е. Продовольственное обеспечение населения страны в первой половине XX века // History of the Russian Peasantry in the 20th century. Volume 1. Tokyo, 2002; Он же. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». CIRJE Research Report Series, CIRJE-R-2, Токио, 2005. С. 286–313; и др.

³³⁰ Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918 – 1924. About the Editor N. Baron and P. Gatrell. London: Anthem Press, 2004; 20 ээйки Росиа ноумин си («История российского крестьянства XX века») / под ред. проф. Х. Окуда. Токио: Сякайхеронся, 2006 (на япон. яз.) и др.

³³¹ Walaszek A. Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia 1918-1924 by Nick Baron, Peter Gatrell // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 84. No. 3 (Jul., 2006). P. 562-563; Eric Lohr. Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia 1918-1924 by Nick Baron, Peter Gatrell // *The Journal of Modern History*. Vol. 78. № 3 (September 2006). P. 782-783; Yanni Kotsonis. Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia 1918-1924 by Nick Baron, Peter Gatrell // *Russian Review*. Vol. 65. No 1 (Jan., 2006). P. 147-148; Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia 1918-1924. Ed. Nick Baron, Peter Gatrell // *Slavic Review*. Vol. 64, No 1 (Winter, 2005). P. 872-873.

³³² Историческое краеведение: учеб. пособие / под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 2005.

³³³ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 1 / под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000; Т. 2 / под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000.

³³⁴ Данилов В.П., Зеленин И.Е. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т.1. 1900–1928; Т. 2. 1929–1984 гг. // *Отечественная история*. 2001. №6. С. 170–172.

³³⁵ Корнилов Г.Е. Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // *Россия в XX веке: Реформы и революции*. Т. 1 / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2002. С. 507–515; Он же. Аграрное развитие Урала в XX веке: противоречия трансформации // *Способна ли Россия себя прокормить? Материалы заседания интеллектуально-делового клуба УрО РАН*. Екатеринбург, 2007. С. 115–193; Он же. Кризисы сельского хозяйства и формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // *Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX-XX веков: эволюция и кризисы*. Оренбург, 2009. С. 168–180; Он же. Продовольственная безопасность России: исторический аспект // *Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования*. М., 2010. С. 156–158; Он же. Формирование системы продовольственной безопасности России в первой половине XX века // *Российская история*. 2011. № 3. С. 91–101; Он же. Колхозная жизнь на Урале в 1935–1941 гг.: особенности аграрной политики сталинизма // *История сталинизма: крестьянство и власть*. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 328–338; Он же. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность*. Ученые записки. 2011. Вып. 6. М., 2011. С. 210–228 и др.

³³⁶ Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953. Документы советской истории / под ред. Х. Кесслера и Г.Е. Корнилова. М., 2006.

³³⁷ Kotsonis Yanni [рецензия] // *The Russian Review*. 2006. Vol. 65. № 1. P. 147 – 148; Rittersporn Gabor T. H. Kessler et G.E. Kornilov, eds., *Kohoznaja zizn na Urale 1935-1953* // *Cahiers du monde russe*. 2007. № 48/4. P. 741 – 744; Ильиных В.А. [рецензия] // *Уральский исторический вестник*. 2007.

№ 17. С. 123 – 124; Tubingen G.W.Rezensionen. Kolchoznaja zizn2 naUrale 1935–1953 [Kolcho-sleben im Ural 1935–1953]. Sostav.Ch. Kessler i G.E. Kornilov. Izdat.Rosspen Moskva, 2006. 911 S., Tab. Serija «Documenty sovetskoj istorii» // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Stuttgart, 2008. Band 56. Heft 3. S. 451; Левек Ж. (Канада) [рецензия] // Социальная история. Ежегодник. 2009. СПб., 2010. С. 406 – 409 и др.

³³⁸ Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сборник документов и материалов / составители Г.Е. Корнилов, И.А. Лаврова. Екатеринбург, 2009.

³³⁹ См.: Баранов Е.Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009.

³⁴⁰ Корнилов Г.Е., Лаврова И.А. Голод и дети // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 102–116; Он же. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 65– 70; Он же. Голод 1932–1933 гг. в Уральской области // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 363–380; Он же. Документы российских архивов о голоде казахского населения в начале 1930-х годов // Казакстан мурагаттары (Архивы Казахстана). 2013. № 3(27). С. 52–63.

³⁴¹ Корнилов Г.Е. Кризисы сельского хозяйства, голодовки и формирование системы продовольственной безопасности в России в первой половине XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М.. Рязань, 2012. № 1. С. 391–406; Он же. Аграрная модернизация России в XX веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 607–620.

³⁴² Корнилов Г.Е. Культурная модернизация уральской деревни в 1920–1930-е годы // Крестьянство России в XIX–XX вв. Тамбов, 2009. С. 78–84.

³⁴³ Корнилов Г.Е. Занятость крестьянства Урала в 1930-е гг. // Проблемы экономической истории Урала: сб. ст. Екатеринбург, 2006. С. 153–163.

³⁴⁴ Корнилов Г.Е. Питание горожан Урала в годы продовольственного кризиса (1919–1922 гг.) // Новейшие исследования отечественных и зарубежных историков: сб. ст. Пенза; Саранск, 2012. С. 134–137; Он же. Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941–1953) // Уральский исторический вестник. 2013. №3. С. 91–98.

³⁴⁵ Корнилов Г.Е. Сельская электрификация на Урале // Индустриальная Россия: профессорский сб. науч. ст. Екатеринбург, 2012. С. 199–201.

³⁴⁶ См. напр.: Верхотурский край в истории России: сб. статей / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург, 1997; Ирбитский край в истории России: сб. статей / под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 2000; Слободо-Туринский край в истории Отечества. Екатеринбург, 2002; Золотые звезды ирбитчан. Ирбит, 2005; Уральская нива. Летопись колхоза «Урал» Ирбитского района Свердловской области. Екатеринбург – Ирбит, 2005; и др.

³⁴⁷ Корнилов Г.Е. Рецензия на книгу В.А. Лабузова «Прерванный выбор. Оренбургская деревня в 20-х – начале 30-х годов XX века» // Уральский исторический вестник. № 9. Екатеринбург, 2003. С. 355–359; Он же. И.Е. Зеленин. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство //

Отечественная история. 2003. № 1. С. 190–191; Он же. Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (на материалах Среднего Поволжья) // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 121–122; Он же. Историография аграрной истории России XX в.: региональный аспект // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Вологда, 2009. Книга 2. С. 88 – 97; Он же. Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы // Проблемы истории, филологии и культуры. 2013. № 4. С. 298 – 314; Он же. Исследования экономической истории Урала // Историческая наука и историческое образование как факторы гуманизации общества: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2012. Ч. I. С. 22–39; Корнилов Г.Е., Пьянков С.А. Современная историография столыпинской реформы // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 1 (2). С. 24–34.

³⁴⁸ Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003.

³⁴⁹ Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1, 3. Новосибирск, 2009. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург, 2000; Энциклопедия Екатеринбурга. Екатеринбург, 2004.

³⁵⁰ Корнилов Г.Е. Роль миграции в формировании населения Урала в первой половине XX века // Проблемы исторической демографии Сибири. Сб. науч. трудов. Вып. 1. Новосибирск, 2010. С. 56–62; Он же. Социально-демографическое положение в уральской деревне в 1960–1980-е гг. // Многоконцептуальность в науке. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2011. С. 201–206; Он же. Административно-территориальное деление Свердловской области в XX веке // Миграция и пространственная мобильность в сельско-городском континууме России в XX веке: управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. Ставрополь – Фрайбург, 2011. С. 243–251; Он же. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX века // Уральский исторический вестник. 2012. №2. С. 48 – 57; Корнилов Г.Е., Павлова О.В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 210–227.

³⁵¹ Население Урала. XX век. История демографического развития / Г.Е. Корнилов Г.Е., Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. и др. Екатеринбург, 1996; Этнодемографическое развитие Урала в XIX – XX вв. / Г.Е. Корнилов, А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева и др. Екатеринбург, 2000.

³⁵² Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., Оруджиева А.Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург. 2013.

³⁵³ Корнилов Г.Е. Демографические кризисы и катастрофы на Урале в XX веке // Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы. Пленарное заседание. Екатеринбург. 2010. С. 92–101; Он же. Миграции на Урале в XX веке // Исторические и социально-психологические проблемы миграционного поведения. Екатеринбург. 2012. С. 77–88; Он

же. Население Свердловской области в первые годы ее образования // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII – XX вв.): сб. науч. ст. / под ред. Г.Е. Корнилова, Е.Ю. Баранова. Екатеринбург: 2011. С. 70–75; Он же. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89.

³⁵⁴ История Урала. XX век / под ред. Б.В. Личмана. В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1998; История Урала. XX век: учебное пособие для 9 класса / под ред. Б.В. Личмана. В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1998; История Урала с древнейших времен до XX века: методическое пособие для учителей / под ред. проф. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 1999; История Урала. XX век: методическое пособие для учителей / под ред. проф. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 2000.

³⁵⁵ История Ямала с древнейших времен до начала XXI века: программы систематического и элективных курсов / под общ. ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 2012; История Ямала с древности до наших дней: учебник для 6–9 классов общеобразоват. шк. / отв. ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург, 2012; Ямал в панораме российской истории: хрестоматия / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург, 2012.

³⁵⁶ Еремин А.С. Ирбитская доколхозная деревня. Екатеринбург, 1998; Он же. «Всякие законы отпадают...». Коллективизация Ирбитского округа Уральской области. Екатеринбург, 2005.

³⁵⁷ Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века. Екатеринбург, 2009; Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ / под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 2010; Попп И.А. Мировой суд Пермской губернии в 1873–1893 гг. Екатеринбург, 2011; Пьянков С.А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 2014; и др.

³⁵⁸ Кабытов П.С. Штрихи к портрету Виктора Викторовича Кондрашина // Новейшие исследования историков Поволжья. Вып. 2. Пенза, 2011. С. 4–7.

³⁵⁹ Кабытова Н.Н. Суровая правда крестьянства в трудах В.В. Кондрашина // Там же. С. 7–11.

³⁶⁰ Сухова О.А. «В чем его вера...» // Там же. С. 11–21.

³⁶¹ Юрченков В.А. Профессор В.В. Кондрашин как исследователь Гражданской войны в России // Там же. С. 22–26.

³⁶² Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1922 гг. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002.

³⁶³ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 7.

³⁶⁴ Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод 1932–1933 гг. в советской деревне. На материалах Поволжья, Дона и Кубани. Самара–Пенза, 2002.

³⁶⁵ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.

³⁶⁶ Современная российско-украинская историография голода в СССР. М.: РОССПЭН, 2011.

³⁶⁷ Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1921 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

³⁶⁸ Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009.

³⁶⁹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008; Он же. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма, М.: РОССПЭН, 2009.

³⁷⁰ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933). М.: РОССПЭН, 2014. Эта монография русскоязычный вариант изданной в Париже в 2013 г.: Victor Kondrashine. La famine en URSS. 1929–1934. Paris: АЕНРЕЕ, 2013.

³⁷¹ Там же. С. 10.

³⁷² Там же. С. 305–306.

³⁷³ Мякинцов С.И. Презентация международных проектов по истории российского княжества XX в. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1999. С. 299–306.

³⁷⁴ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1931–1933 гг. Документы и материалы. Т. 3. М., 2001.

³⁷⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы. М., 2006 (соавтор «Введения» и составитель).

³⁷⁶ Региональная политика И.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964. М.: РОССПЭН, 2009.

³⁷⁷ Conquest P. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and The terror famine. New York: Oxford University Press. 1986.

³⁷⁸ Сухова О.А. Классика образования и прорыв к новым технологиям // Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского в начале нового тысячелетия. Пенза, 2009. С. 119.

³⁷⁹ Кульчицкий С. Почему он нас уничтожил? Киев, 2007.

³⁸⁰ Современная российско-украинская историография голода в СССР. М.: РОССПЭН, 2011. С. 467–469.

³⁸¹ Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1 / отв. составитель В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011; Кн. 2. / отв. составитель В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011 (Россия. XX век. Документы); Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / Отв. составитель В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2012; Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. Отв. составитель В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2013.

³⁸² Кондрашин В.В. Новые документы из российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // Современная российско-украинская историография. С. 57–71.

³⁸³ Кондрашин В.В. И.В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в СССР. Проблема ответственности центра и республиканского руководства // Современная российско-украинская историография. С. 255–256.

³⁸⁴ Политбюро и Лев Троцкий. Сборник документов и материалов. В двух книгах. Прага, 2013.

³⁸⁵ Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918: В 2 кн. Кн. 1: 1914–1916 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага: Vedecko

vydavateľske centrum «Sociosfera-CZ», 2014 (Документальная история Пензенского края); Кн. 2: 1917 – март 1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага: Vedecko vydavateľske centrum «Sociosfera-CZ», 2014 (Документальная история Пензенского края).

³⁸⁶ При изложении биографических данных В.А. Юрченкова использованы: Воронина Н. И. Полет над историей // Регионология. 1999. № 4; 2000. № 1; Она же. Лики провинциальной культуры. Саранск, 2004; Мордовия: энциклопедия. Саранск, 2004. Т. 2; Юрченков Валерий Анатольевич: биобиблиографический справоч. Саранск, 2005; Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008; Куршева Г.А. Валерий Анатольевич Юрченков: К 50-летию со дня рождения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3; Она же. Юрченков В.А. // Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2013. Ч. 2. С. 330-331.

³⁸⁷ Юрченков В.А. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии: Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1987. Вып. 87.

³⁸⁸ Юрченков В.А. Проблемы анализа источников при исследовании вопросов общественного сознания в первые десятилетия Советской власти // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990; Он же. Крестьянство Среднего Поволжья и низовые органы власти в первые годы диктатуры пролетариата (социально-психологический аспект) // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990; Он же. Общественное сознание и социальная психология крестьянства Мордовии в первое десятилетие советской власти. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции. Саранск: Красный Октябрь, 1999; Он же. Социальная психология крестьянства Мордовии первой четверти XX века. // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002.

³⁸⁹ Юрчѐнков В.А. Проблемы анализа источников при исследовании вопросов общественного сознания в первые десятилетия Советской власти. // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990. С. 86.

³⁹⁰ Юрчѐнков В.А. Ликвидация мощей святых как фактор общественно-политической жизни 20-х годов // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век. Тамбов, 1993; Он же. История монастырей в первое десятилетие диктатуры пролетариата // Историческая наука и архивы. Нижний Новгород, 1993; Он же. Мощи Преподобного Серафима Саровского (1917–1927 гг.) // Исторический Саров. М.; Саров, 1993; Он же. Святотатство // Московский журнал. 1994. № 4.

³⁹¹ Юрчѐнков В.А. Съезды советов и общественно-политическая жизнь мордовского села в первые годы пролетарской диктатуры (1918–1920 гг.). // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии: Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1985. Вып. 79; Он же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы

Советской власти (1917—1920 гг.). // *Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии: Труды НИИЯЛИЭ*. Саранск, 1987. Вып. 87; Он же. Левые эсеры и советское строительство: региональный аспект. // *Общество и власть. XX век. Труды НИИГН*. Саранск, 2006. Т. 5 (122).

³⁹² *Общество и власть (1918 — 1920). Документы уездных съездов советов Мордовии*. Саранск, 2010- 2013. Т. 1-2.

³⁹³ Юрченков В.А. *Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов в 1918-1920 гг.* Саранск, 2010. С. 107.

³⁹⁴ Юрченков В.А. *Деятельность Советов Мордовии по социально-экономическому развитию деревни в первые годы пролетарской диктатуры (1918—1920 гг.) // Проблемы аграрной истории Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917—1937)*. Саранск, 1988; Он же. *Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» (на примере мордовского края) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении*. М., 2005.

³⁹⁵ Юрченков В.А. *Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» (на примере мордовского края) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении*. М., 2005. С. 28.

³⁹⁶ *От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия*. Саранск, 2003.

³⁹⁷ Юрченков В.А. *Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов в 1918-1920 гг.* Саранск, 2010. С. 144.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Юрченков В.А. *Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конференции*. М.: РОССПЭН, 2011.

⁴⁰⁰ Там же. С. 567.

⁴⁰¹ Там же. С. 568—570.

⁴⁰² См.: Юрчѐнков В.А. *Материалы ОГПУ об общественно-политической ситуации в Мордовии: 1922—1934 гг. // IV Державинские чтения в Республике Мордовия*. Саранск, 2008.

⁴⁰³ Юрчѐнков В.А. *Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конференции*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 572.

⁴⁰⁴ Там же. С. 573.

⁴⁰⁵ Юрченков В.А. *Проблемы истории Гражданской войны в Среднем Поволжье в современной региональной историографии: поиски и решения // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований*. Самара, 2007; Он же. Профессор В. В. Кондрашин как исследователь Гражданской войны в России // *Новейшие исследования историков Поволжья*. Пенза, 2011. Вып. 2; Он же. *Модернизация с изъяном: Мордовия конца 1920-х — 1930-х гг. в историографии // Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х — 1930-х гг.* Саранск, 2013 и др.

⁴⁰⁶ При изложении биографических данных Т.Д. Надькина использованы: Научный архив НИИГН. О-736; Солдаткин А.П. Послевоенная деревня Мордовии // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. Саранск, 2006. № 3. С. 36–37; Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008; Историки России XX века: биобиблиогр.слов. СПб., 2009; Филатов Л. Г., Ломшин В.А. Крестьянство Мордовии и аграрная политика в конце 1920-х – начале 1950-х гг. // Центр и периферия. 2011. № 1. С. 120–122. Шкердина Н. О. Т.Д. Надькин // Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2010. Ч. 2. С. 7–8.

⁴⁰⁷ Надькин Т.Д. Борьба крестьянства Мордовии против насильственной коллективизации с осени 1929 до весны 1932 года // Вестник Мордовского университета. 1994. № 3; Он же. Коллективизация крестьянских хозяйств в Мордовии в 1931–1932 гг. Второй отлив из колхозов // Экономика Мордовии: история и современность. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1997. Вып. 113; Он же. Первый этап коллективизации крестьянских хозяйств в Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии. Саранск, 1998; Он же. Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002; Он же. Деревня Мордовии в начале 1930-х годов: коллективизация, репрессии, голод. Саранск, 2004; Он же. Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии). Саранск, 2006; Он же. Деревня Мордовии в 1932–1933 гг.: хлебозаготовки, голод и репрессии // Отечественная история. 2006. № 4; Он же. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М. : РОССПЭН, 2010.

⁴⁰⁸ Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М. : РОССПЭН, 2010. С. 252.

⁴⁰⁹ Там же. С. 252–253.

⁴¹⁰ Там же. С. 253.

⁴¹¹ Там же. С. 254.

⁴¹² Там же. С. 106–107.

⁴¹³ Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002. С. 100.

⁴¹⁴ Чекушкин А. Н. Общественно-политическая жизнь Мордовии в конце 1920-х – 1930-е гг.: основные тенденции развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. С. 11.

⁴¹⁵ Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М. : РОССПЭН, 2010. С. 255.

⁴¹⁶ Ломшин В. А., Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в послевоенные годы. Саранск, 2006; Они же. Послевоенная деревня в современной российской и региональной историографии. // Регионология. 2005. № 4. С. 256–266; Они же. Репрессивная политика государства в деревне Мордовии в 1930-х – 1940-х годах. // Актуальные проблемы исторической науки: межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. Вып. 3. С. 142–158; Они же. Крестьянство Мордовии в 1940-х – начале 1950-х годов. Саранск, 2007.

⁴¹⁷ Ломшин В.А., Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в послевоенные годы. Саранск, 2006. С. 82.

- ⁴¹⁸ Там же. С. 83.
- ⁴¹⁹ Там же.
- ⁴²⁰ Надькин Т.Д., Ломшин В.А. Крестьянство Мордовии в 1940-х – начале 1950-х годов. Саранск, 2007. С. 53.
- ⁴²¹ Надькин Т.Д. Аграрная политика советского государства и крестьянство в конце 1920-х – начале 1950-х годов. (по материалам Мордовии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2007.
- ⁴²² Там же. С. 9.
- ⁴²³ Там же. С. 37.
- ⁴²⁴ Там же. С. 37–38.
- ⁴²⁵ Там же. С. 41.
- ⁴²⁶ Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010.
- ⁴²⁷ Там же. С. 254-255.
- ⁴²⁸ При изложении биографических данных Л.Г. Филатова использованы: Научный архив НИИГН. О-164; О-968; О-1620; Ломшин В.А. Лев Герасимович Филатов (К 80-летию со дня рождения) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 4. С. 240–243; Филатов Лев Герасимович (1930 – 2013) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1. С. 233–242.
- ⁴²⁹ Филатов Л.Г. О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // История СССР. 1968. № 6.
- ⁴³⁰ Там же. С. 114
- ⁴³¹ Там же.
- ⁴³² Там же.
- ⁴³³ Там же. С. 124.
- ⁴³⁴ Там же.
- ⁴³⁵ Там же. С. 124–125.
- ⁴³⁶ Там же. С. 125.
- ⁴³⁷ Там же. С. 125–126.
- ⁴³⁸ Дорожкин М. В. Некоторые вопросы историографии колхозного строительства Мордовии // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. Вып. 58.
- ⁴³⁹ Яшкин И. А. К истории коллективизации сельского хозяйства Мордовии // Расцвет и сближение уровней культуры народов Поволжья. Горький, 1975.
- ⁴⁴⁰ Дорожкин М. В. Указ. соч. С. 18.
- ⁴⁴¹ Там же. С. 19.
- ⁴⁴² Там же.
- ⁴⁴³ Там же. С. 20.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 21.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 22.
- ⁴⁴⁶ Там же.
- ⁴⁴⁷ Там же. С.23.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 24.

- ⁴⁴⁹ Там же.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 25.
- ⁴⁵¹ Яшкин И.А. К истории коллективизации сельского хозяйства Мордовии // Расцвет и сближение уровней культуры народов Поволжья. Горький, 1975.
- ⁴⁵² Кожурин Ю.Ф. Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003. С. 337.
- ⁴⁵³ Филатов Л.Г., Лебедев А.П. Рост политической и трудовой активности крестьянства в период строительства социализма (1928–1937 гг.) // Проблема истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1985. Вып. 79. С. 37–56; Филатов Л.Г., Сальников Ю.И. Повышение материально-технической оснащенности колхозного производства в 1959–1965 гг. // Там же. С. 26–36.
- ⁴⁵⁴ Филатов Л.Г. Коллективизация в Мордовии: проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. Саранск, 1990.
- ⁴⁵⁵ Там же. С. 194.
- ⁴⁵⁶ Там же. С. 199.
- ⁴⁵⁷ Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саранск, 2005. Т. 1. С. 79–94, 133–153, 153–167 и др.
- ⁴⁵⁸ Там же. С. 133.
- ⁴⁵⁹ См.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, 1996.
- ⁴⁶⁰ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX вв.) (по материалам Среднего Поволжья). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
- ⁴⁶¹ См.: Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 614.
- ⁴⁶² Сухова О.А. Провинциальное предпринимательство: основные направления деятельности и культурная среда (по материалам Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук: 00.07.02. Пенза, 1998.
- ⁴⁶³ Сухова О.А. Познание истории через единство культуры и социальной истории // Социальные науки: история, теория, методология: Сборник научных статей. Вып. IV. М.: МПУ «СигналЪ», 2002. С.83–91.
- ⁴⁶⁴ См.: Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев: Изд-во Саратовского ун-та. Куйбышевский филиал, 1990.
- ⁴⁶⁵ См., например: Кабытов П.С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX века. Куйбышев, 1988.
- ⁴⁶⁶ Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К, 2001.
- ⁴⁶⁷ Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 148.
- ⁴⁶⁸ См., в частности: Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство России (1861–1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 10.

⁴⁶⁹ Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 г. (По материалам Среднего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук: 00.07.02. Самара, 2007.

⁴⁷⁰ См.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции.

⁴⁷¹ См.: Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. Пг., 1915. С. 66, 114, 137.

⁴⁷² Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 г. (По материалам Среднего Поволжья). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук: 00.07.02. Самара, 2007. С. 5–6.

⁴⁷³ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания... С. 131.

⁴⁷⁴ Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. С. 325–327.

⁴⁷⁵ Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 г. (По материалам Среднего Поволжья): автореф. ... дис. д-ра ист. наук.. Самара, 2007. С. 10–11.

⁴⁷⁶ Здесь автор солидаризируется с концепцией Дж. С. Скотта. См.: Scott J.C. *Everyday Forms of Resistance*// *Everyday Forms of Peasant Resistance* /Ed. Forrest D. Colburn. N. Y., L., 1989. На русском языке фрагментарно опубликована в работе: Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 26–59.

⁴⁷⁷ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания... С. 546–581.

⁴⁷⁸ Сухова О.А. Психология «революционного чина»: к вопросу о мотивации поведения российского крестьянства в годы революции и гражданской войны в России (по материалам Среднего Поволжья) // Падение империи, революция и гражданская война в России / Сост. С.М. Исхаков. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2010. С. 209–225.

⁴⁷⁹ Сухова О.А. «Городские соблазны» и патриархальное сознание: духовная культура российского крестьянства в конце XIX – начале XX веков (по материалам Среднего Поволжья) // Пути России: культура – общество – человек: материалы Международного симпозиума (25–26 января 2008 года) / Под общ. ред. А. М. Никулина. М.: Логос, 2008. С. 340–347; Она же. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX в. // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 2011). М.: РОССПЭН, 2011. С. 355–363; Она же. Гендерные аспекты крестьянского «бунта» в России начала XX века (по материалам Среднего Поволжья) // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (Ярославль, 2011). М.: ИЭА РАН, 2011. С. 173–177 и др.

⁴⁸⁰ Руководитель в проекте РГНФ «Культура повседневности народов Пензенского края в XX веке как фактор формирования исторической памяти», участник проектов РГНФ «Военно-мобилизационные мероприя-

тия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)», «Механизм создания и функционирования колхозно-совхозной системы в СССР по документам Архива Президента Российской Федерации».

⁴⁸¹ При изложении биографических данных В.К. Абрамова использованы: НА НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. О-428; Ученые Мордовского государственного университета : биогр. справ. Саранск, 2001; 2006; Мордовия: энцикл. Саранск, 2003. Т. 1. С. 95; Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 9; Тюлякова О. Владимир Кузьмич Абрамов: «Наш вуз должен стать примером национального возрождения!» // Голос Мордовского университета. 2014. 9 мая. № 8. С. 4.

⁴⁸² См.: Абрамов В.К. Крестьянство Мордовии в годы Гражданской войны. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Горький, 1982.

⁴⁸³ Там же. С. 12–13.

⁴⁸⁴ Там же. С. 13.

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Там же.

⁴⁸⁷ Там же. С. 13–14.

⁴⁸⁸ Там же. С. 14.

⁴⁸⁹ См.: Абрамов В.К. К вопросу об экономическом положении крестьянства Мордовии накануне первой мировой войны. // Вопросы истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1982. Вып. 66. С. 149–150.

⁴⁹⁰ Там же. С. 150.

⁴⁹¹ Там же. С. 158.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Там же. С. 150–152.

⁴⁹⁴ См.: Абрамов В.К. Мордовия в годы первой мировой войны. // Проблемы новейшей истории и этнографии Поволжья и Приуралья. К 80-летию со дня рождения И. А. Ефимова. Саранск, 2009. С. 11–43.

⁴⁹⁵ Там же. С. 12.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Там же. С. 12, 13.

⁴⁹⁸ См.: Абрамов В.К. Крестьянство Мордовии в годы гражданской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1982; Он же. Крестьянство Мордовии и Красная Армия (1918–1920) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982; Он же. Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996..

⁴⁹⁹ См.: Абрамов В.К. Крестьянство Мордовии в годы гражданской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1982. С.18.

⁵⁰⁰ См.: Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1920 гг. М., 2001. с. 35.

⁵⁰¹ См.: Кожурин Ю. Ф. Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003. С. 314.

⁵⁰² См.: Абрамов В.К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996. С. 233.

⁵⁰³ Там же. С. 238.

⁵⁰⁴ Там же. С. 279.

⁵⁰⁵ Там же.

⁵⁰⁶ Там же. С. 286.

⁵⁰⁷ Там же. С. 314–315.

⁵⁰⁸ Там же. С. 340.

⁵⁰⁹ Там же. С. 341.

⁵¹⁰ Там же. С. 342.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же. С. 344.

⁵¹⁴ Там же. С. 349–350.

⁵¹⁵ См.: Репрессии в Мордовии 1930-х гг. и их последствия. Саранск, 2004. С. 3.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Там же. С. 211.

⁵¹⁸ Там же. С. 213.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

⁵²² О Викторе Евгеньевиче Малязеве см.: Я – человек деревни // А мы из Пензы. Декабрь 2011 г. № 1. С. 8–9; Лучшие годы // А мы из Пензы. Июль, 2012. № 2. С. 21–23 и др.

⁵²³ Малязев В.Е. Село Степановка в контексте политической и социально-экономической истории России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Он же. Село Степановка: очерки истории. Пенза, 2003. 269 с. и др.

⁵²⁴ На базе Степановской сельской школы прошло уже 11 конференций, в которых участвовали такие известные ученые с мировым именем, как: профессор Манчестерского университета, кавалер Ордена Британской империи за заслуги в области образования, почетный ректор Московской высшей школы социально-экономических наук Теодор Шанин, профессор Сорбонны, бывший атташе посольства Франции в России Алексис Берелович и др. По итогам работы конференции «Моя Малая Родина» уже опубликовано 8 выпусков ее материалов. См.: Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Моя Малая Родина». Выпуск 8 / под общ. ред. В.Е. Малязева. Степановка; Пенза, 2011. 319 с.

⁵²⁵ См.: Малязев В. Свет добра. Пенза, 2003. 77 с.; Малязев В.Е. Пожар. Рассказы. Пенза, 2004. 145 с.; Малязев В. Наша боль – наша память. Пенза, 2005. 125 с.; Он же. Ах, сенокос, сенокос, сенокос... повести и рассказы. Пенза, 2007. 154 с.; Он же. Третье утро. Рассказы. Пенза, 2009. 156 с.; Он же. Слово сердца моего. Пенза, 2009. 307 с.; Он же. Сны о родном доме. Пенза, 2011. 150 с. и др.

⁵²⁶ Благодарный ученик бережно сохранил и опубликовал к юбилею своего учителя его ранние художественные произведения. См.: П. А. Фролов. Осенние цветы / сост. В.Е. Малязев. Пенза, 2005. 222 с.

⁵²⁷ Малязев В.Е. Ах, сенокос, сенокос, сенокос...: повести и рассказы. Пенза, 2007. С. 3. С.Д. Домников – автор монографии: «Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. 672 с.

⁵²⁸ Малязев В.Е. Ах, сенокос, сенокос, сенокос...: повести и рассказы. Пенза, 2007. С. 10.

⁵²⁹ См.: Тархова А. А. Традиционная культура русской деревни середины XIX–XX вв. (на материалах Пензенской области). Пенза, 2010. 460 с., ил., нот.

⁵³⁰ См.: Тархова Алла. «Реченька – река, крутые берега». История создания и становления фольклорного ансамбля «Реченька» им. заслуженного работника культуры РФ А.Г. Тархова. Пенза, 2008. 300 с., ил., и нот. Об Алле Александровне Тарховой см.: Пензенцы были в восторге! В Пензе прошел IV межрегиональный фестиваль-конкурс «Песни родной стороны» имени заслуженного работника культуры РФ Александра Тархова // А мы из Пензы. Декабрь 2011 г. № 1. С. 56–57. А.А. Тархова ведет на пензенском телевидении очень важную и любимую жителями Пензы и Пензенской области музыкальную передачу «Моя мелодия». Огромной популярностью в регионе пользуются ежегодно проводимые по ее инициативе и благодаря ее организаторским способностям фестивали песни в Пензенской филармонии, в которых участвуют лучшие исполнители передачи «Моя мелодия».

⁵³¹ Тархова А.А. Традиционная культура русской деревни середины XIX–XX вв. (На материалах Пензенской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.

РАЗДЕЛ 2.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

§ 1. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция

15 января 1992 г. на ученом совете Института российской истории РАН от имени аграрной группы выдающимся российским историком-аграрником Виктором Петровичем Даниловым были представлены на рассмотрение три проекта: «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1932 гг.» и «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1937 гг. Среди них особое место занимает первый проект – «Крестьянская революция в России»¹. Его авторами являются В.П. Данилов и один из основателей западного крестьяноведения профессор Манчестерского университета Теодор Шанин.

Впервые идеи проекта были изложены Даниловым в его докладе «Аграрные реформы и аграрная революция в России», прочитанном в Колумбийском университете в ноябре 1991 года и опубликованном в 1992 году². В июне 1992 года концепцию Данилова поддержал Т. Шанин на международной конференции по аграрной истории, состоявшейся в Будапеште. Английский профессор в течение многих лет работал по проблемам истории российского крестьянства, являлся автором таких известных книг в области крестьяноведения и русской революции, как «Неудобный класс» и «Революция как момент истины»³.

Каковы основные положения научной концепции «Крестьянская революция в России»? Главным из них является понимание сущности Великой русской революции как в основе своей революции крестьянской, осуществленной крестьянством в указанных хронологических рамках. Крестьянское движение начала XX века рассматривалось авторами проекта как глубинная основа всех революционных изменений и потрясений, которые произошли в России в первые десятилетия XX века. На основе крестьянской революции разворачивались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 года. Крестьянская революция явилась ответной, защитной реакцией крестьянской России на объектив-

ный, характерный для всех развитых стран, процесс первоначального накопления за счет разорения крестьянства и, в конечном счете, его ликвидации под натиском промышленной цивилизации. Именно в аграрном характере страны следует искать ключ к пониманию современной общественно-политической и социально-экономической ситуации в России.

Таким образом, в интерпретации авторов проекта речь шла не просто о крестьянском движении как постоянном факторе общественно-политической жизни России в пореформенный период, а о крестьянской революции как самостоятельном феномене, имеющем свою собственную логику развития. По мнению Данилова и Шанина, началом этой революции стал 1902 г., поскольку вспыхнувшее тогда в Полтавской и Харьковской губерниях крестьянское движение, распространившееся затем на бывшие районы крепостного права Европейской России, принципиально отличалось от предшествующих крестьянских выступлений. Прежде всего, отличия заключались в масштабах движения, его целях, поведении крестьян. В.П. Данилов считал, что новым явлением в крестьянских выступлениях 1902 г. стал радикализм крестьянских настроений и требований. Именно они свидетельствовали, что на историческую сцену открыто выступил новый крестьянин – крестьянин эпохи революции с революционным лозунгом ликвидации помещичьего землевладения и частной собственности на землю. «Земля и право свободного хозяйствования на ней» – такова главная цель крестьянской революции. Впоследствии, и в годы Первой русской революции, и в 1917 г., и в годы Гражданской войны ее претворение в жизнь было главным содержанием крестьянского движения во всех его формах во всех регионах России.

По мнению авторов проекта, крестьянская революция закончилась в 1922 г. победой, несмотря на разгром крестьянского повстанчества. Такой парадоксальный, на первый взгляд, вывод аргументировался Даниловым фактом принятия большевиками в 1922 г. нового «Земельного кодекса», закрепившего главное завоевание крестьянской революции – ликвидацию помещичьего землевладения, частной собственности на землю и право крестьянина свободно хозяйствовать на земле. В то же время Данилов указывал, что победа крестьянской революции оказалась равносильна поражению, поскольку крестьянство не смогло создать отвечающую его интересам власть. По его мнению, это произошло потому, что «демократические возможности сгорели в огне гражданской войны, поскольку из жесточайшего столкновения насильий выростала государственная диктатура».

В чем научная новизна данного проекта? С одной стороны в том, что впервые в отечественной историографии крестьянское движение выступает в качестве самостоятельной силы, имеющей вполне осознанный характер, что противоречит устоявшемуся в литературе мне-

нию о русском бунте как «бессмысленном и беспощадном», а о крестьянстве как классе политически несамостоятельном, «ведомом» различными партиями.

С другой стороны, научная новизна проекта состоит в том, что он основывается на огромном комплексе архивных источников из центральных и региональных архивов, впервые введенных в научный оборот в ходе осуществления проекта.

Организационной структурой, в рамках которой осуществлялся проект, стала созданная 1 февраля 1993 г. в Москве по инициативе Теодора Шанина небольшая научная организация «Междисциплинарный академический центр социальных исследований», а сокращенно — «Интерцентр», сопрезидентами которого являлись: с английской стороны — Т. Шанин, а с российской стороны — академик РАН, известный социолог Т.И. Заславская. В числе проектов, которые принял «Интерцентр» и включил в свою программу, был и проект «Крестьянская революция в России». Именно поэтому официальным началом работы по проекту стало 1 февраля 1993 года, хотя практически еще до рождения идеи самого проекта в ряде архивов уже велась работа по темам, впоследствии вошедших в его состав. В дальнейшем «Интерцентр» трансформировался в Московскую высшую школу социальных и экономических наук (МВШСЭН), при которой был создан «Центр крестьяноведения и аграрных реформ», возглавлявшийся Даниловым. Под его эгидой осуществлялась основная работа над проектом «Крестьянская революция в России».

В рамках работы над проектом главный упор был сделан на выявление и публикацию источников по истории крестьянской революции в период ее кульминации. В центре внимания оказались события в деревне в 1917–1922 гг. Подобный выбор был не случаен. Он определялся следующими обстоятельствами. Во-первых, фактической неизученностью советскими историками крестьянского повстанчества в годы Гражданской войны на территории Советской России, создавших крайне искаженную и мифологизированную с точки зрения официальной идеологии его картину. Советская историография свела все крестьянские выступления к «контрреволюционным кулацким мятежам», инспирированным «эсерами и агентами белых армий».

Важнейшим толчком к освещению именно этого периода крестьянской революции стала «архивная революция» в России начала 1990-х гг., открывшая исследователям широкий доступ к ранее закрытым документам, в том числе и по истории крестьянского движения в 1917–1922 гг. Данилов и Шанин приняли решение сосредоточить основное внимание участников проекта на работе в центральных и местных архивах, чтобы при освещении ключевых аспектов проекта, прежде всего, «предоставлялось слово документу».

Для работы в архивах руководителями проекта был подобран большой коллектив высококвалифицированных историков и архивистов,

в том числе из регионов России, где была развернута активная работа по сбору документального материала. Постоянными участниками проекта стали С.А. Есиков (Тамбов), Н.С. Тархова и А.Ю. Растеряева (Москва), В.В. Кондрашин и С.И. Мякинников (Пенза). Кроме того, в работе над проектом приняли участие такие историки и архивисты из Москвы и регионов, как: П.С. Кабытов, Л.Г. Протасов, А.Л. Литвин, В.М. Михалева, А.Г. Рыбков и др.

Авторами проекта были определены его основная тематика и методология. Предполагалось подготовить к изданию сборники документов по истории самых крупных крестьянских восстаний в годы Гражданской войны, а затем завершить проект написанием итоговой коллективной монографии.

Главным методологическим принципом работы над проектом стало стремление к объективному, взвешенному и разностороннему подходу при подборке документов к публикации и написании вводных статей по взятым для исследования темам. В.П. Данилов считал, что наука должна «подняться над схваткой», чтобы увидеть народную драму в целом. Каждая из противоборствующих сторон в революции и Гражданской войне имела свою Правду и свою Неправду. Их невозможно совместить и примирить, но можно и нужно понять, принимая столкнувшиеся силы такими, какими они были на самом деле. Данилов писал: «Тогда, в огненные годы революции и гражданской войны, лишь немногие поднимались на такую высоту понимания происшедшего. Одним из них был Максимилиан Волошин. Ему принадлежат слова, которые давно должны были бы стать девизом познания русской революции:

«И здесь и там между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас!
Нет безразличных, правда — с нами!»
А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других»⁴.

Именно девиз «молюсь за тех и за других» стал главным методологическим принципом проекта «Крестьянская революция в России».

Проект осуществлялся с 1993 по 2006 гг. Основным его результатом стало издание пяти сборников документов по истории крестьянского движения на территории Европейской России и в Украине в 1917–1922 гг.⁵ В центральных и региональных архивах участниками проекта были выявлены и опубликованы документы, в том числе ранее не доступные исследователям, о крестьянском движении в Тамбовской

губернии в 1917 г., «антоновщине» (крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.), крестьянском движении в Поволжье в 1919–1921 гг., ситуации на Тихом Доне в 1917–1921 гг., «махновщине» (крестьянском движении на Юге Украины в 1918–1921 гг.). В количественном выражении опубликованные материалы составили 284,5 печатных листов, 2411 основных документов и десятки тысяч вспомогательных, неопубликованных, но использованных авторами при комментировании и написании вводных статей. В силу объективных причин авторам проекта не удалось завершить работу над изданием сборников документов по истории крестьянского движения в Советской России в 1918 г. и «зеленому движению» в годы Гражданской войны на Юге России. Из-за трагической кончины В. П. Данилова не была проведена аналитическая работа по обобщению опубликованного документального материала на монографическом уровне.

Важнейшим результатом проекта «Крестьянская революция в России» стали новые знания о причинах, масштабах, ходе и последствиях крестьянского движения в России и на Украине в 1917–1922 гг. Была доказана единая основа крестьянского повстанчества в рассматриваемый период во всех изученных регионах бывшей Российской империи, которая заключалась в стремлении крестьян защитить свои права на землю и свободное хозяйствование на ней, завоеванные в результате общинной аграрно-крестьянской революции 1917 г., от посягательств со стороны большевиков и противостоявших им режимов. Крестьянские восстания на территории Тамбовской губернии, на Дону, в Поволжье и Украине в 1918–1921 гг. носили антигосударственный характер, были направлены против разорявшей крестьянское хозяйство политики «военного коммунизма» большевиков.

В то же время они не носили контрреволюционный характер, не были направлены против основных завоеваний революции: советской власти и аграрного законодательства большевиков 1917 г. Также изученные крестьянские выступления не могут быть квалифицированы как «кулацкие», поскольку основными их участниками были середняки, и сами они носили общекрестьянский характер.

Документы сборников убедительно свидетельствуют, что крестьянские и казачьи восстания в Тамбовской губернии, на Дону, Поволжье и на Юге Украины в 1918–1921 гг. по своему характеру были стихийным возмущением народных масс антикрестьянской политикой большевиков, а не подготовленными эсерами, анархистами, агентами белых армий. Антибольшевистские партии не вели крестьян и казаков, а шли за ними и вместе с ними, придавая их движению более организованный характер: эсеры в «антоновщине», анархисты в «махновщине» и т. д.

В данном контексте в ходе работы над проектом получены новые знания о причинах победы большевиков в революции и Гражданской

войне. С каждым новым массивом исследованных документов все более вырисовывался стихийный характер крестьянской (и русской в целом) революции, движение которой пытались использовать различные политические силы. Большевики не случайно оказались у власти осенью 1917 г., поскольку именно они приняли и осыятили стихийную революцию разрушения, общинную революцию крестьянских масс. Об этом шла речь в сборнике документов о крестьянском движении в 1917 г. в Тамбовской губернии.

Но столь же не случайно стихия крестьянской революции повернулась против них, как только началось осуществление программных устремлений победивших сил. Документы опубликованных в рамках проекта сборников убедительно показывают, как «военно-коммунистическая» организация общества вызвала практически всеобщее крестьянское восстание в 1919–1921 гг. На материалах изученных регионов раскрываются крайне разрушительные последствия нарочитого разжигания противоречий, имеющихся в крестьянской среде, доведение до антагонизма конфликтов между крестьянством и казачеством. Большевистская идеология «классовой борьбы» и «государственной диктатуры» сыграли роковую роль в судьбе русской революции.

Тем не менее, именно крестьянство обеспечило большевикам победу в Гражданской войне. Парадокс состоял в том, что крестьяне из двух зол, «красных» и «белых», выбрали меньшее — большевиков, поскольку они не посягали на главные завоевания революции, а белые армии несли им угрозу реставрации прежних порядков, и прежде всего помещичьего землевладения. Страх крестьян перед этой угрозой оказался сильнее их ненависти к коммунистам, особенно летом 1919 г. в период успешного наступления белых. Их ответной реакцией стало повстанческое движение против Деникина, показанное в сборнике документов о «махновщине».

Это был завершающий сборник серии «Крестьянская революция в России», подготовленный к печати уже после смерти Данилова мной, Н.С. Тарховой, Т. Шаниным и украинским историком А.Т. Капустян⁶. Повстанческая армия Махно, несмотря на свою вражду с большевиками, героически сражалась с захватившими Украину деникинцами.

Проект «Крестьянская революция в России», как и другие проекты Данилова, оказал позитивное влияние на развитие региональной историографии. Участие в проектах способствовало творческому росту их непосредственных участников, в том числе из российских регионов. В частности, докторские диссертации по темам, обусловленным проблематикой проекта, успешно защитили их активные участники С.А. Есиков (Тамбов) и В.В. Кондрашин (Пенза).

С.А. Есиков в своих публикациях убедительно доказал, что объективной основой крестьянского движения в Тамбовской губернии было

аграрное перенаселение. Именно оно создало почву для крестьянского недовольства и в конечном итоге «общинной революции» 1917 г.⁷ Он подтвердил полученный в ходе работы над сборником документов об «антоновщине» (С.А. Есиков являлся одним из ответственных редакторов и составителей сборника. — В.К.) вывод о том, что в основе крестьянского сопротивления политике большевиков была продовольственная разверстка и другие повинности, связанные с Гражданской войной.

Данный вывод был также подтвержден и проиллюстрирован на новом региональном материале автором этой книги. По инициативе Данилова мне пришлось писать докторскую диссертацию по теме крестьянского движения в Поволжье в 1918–1922 гг. В ней, а также других публикациях, я развил сформулированную в рамках проектов «Крестьянская революция в России», а также «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» идею о том, что большевики победили белых благодаря полученной ими кратковременной поддержке со стороны крестьянства в самые тяжелые моменты Гражданской войны. В частности, я пришел к заключению, что страх крестьян перед угрозой реставрации помещичьего землевладения оказывался сильнее их ненависти к большевистским порядкам.

Изученные мною документы свидетельствуют, что, как правило, крестьяне прифронтовых губерний Европейской России, бывших ранее цитаделью помещичьего землевладения, прекращали свое сопротивление большевикам, когда к их селениям подступали белые армии: в Поволжье — осенью 1918 г. во время наступления казачьей армии Краснова и летом — осенью 1919 г. во время наступления на Москву армии Деникина. Ситуация возвращалась на круги своя после отражения Красной Армией наступления белых. С этого момента борьба крестьян против «военно-коммунистической политики» большевиков возобновлялась с новой силой⁸.

Научный проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» внес несомненный позитивный вклад в развитие отечественной историографии. Благодаря ему в научный оборот введен огромный массив источников, характеризующих поведение крестьянства в эпоху Великой русской революции и Гражданской войны. Его участниками выполнены серьезные исследования о причинах, масштабах, характере и результатах крестьянского движения в рассматриваемый период в ряде его важнейших эпицентров. Что же касается научной концепции проекта, то в дальнейшей разработке и аргументации нуждается дореволюционный период, особенно в части определения хронологических рамок крестьянской революции и ее содержательной стороны в 1907–1916 гг., качественно отличающихся от предшествующего и последующего периодов.

§ 2. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: к итогам российско-французского проекта

Выходом в свет 4-го тома документальной серии «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» закончился один из наиболее крупных международных проектов по истории России последних десятилетий⁹. Он был частью грандиозных с точки зрения объема опубликованных источников и полученных новых знаний по дискуссионным и актуальным проблемам аграрной истории России первой половины XX века научных проектов Института российской истории РАН, организованных выдающимся историком-аграрником В. П. Даниловым¹⁰. Анализу результатов этого проекта и посвящается настоящая статья.

По инициативе Данилова работа над проектом началась в 1993 г. группой историков и архивистов в составе Л.В. Борисовой (ИРИ РАН), В.К. Виноградова, Т.М. Голышкина, А.Я. Николаева (ЦА ФСБ РФ), Е.А. Тюриной и Т.В. Сорокиной (РГАЭ), Л.В. Двойных и Н.С. Тарховой (РГВА). Его идея состояла в введении в научный оборот совершенно нового массового исторического источника, ранее недоступного исследователям, – информационных материалов ВЧК–ОГПУ–НКВД о положении в советской деревни в довоенные годы. В подавляющей своей массе они были сосредоточены в Центральном архиве ФСБ РФ и стали доступны благодаря их рассекречиванию в начале 1990-х гг. в рамках новой идеологической политики руководства России. Кроме того, возможность использования данных источников обеспечивалась доброжелательной и конструктивной позицией руководства архивной службой ФСБ РФ, поддержавшего инициативу Данилова. Для работы над проектом были выделены ее самые квалифицированные сотрудники (В.К. Виноградов, Н.М. Перемышленникова, Т.М. Голышкина и др.). В состав редакционной коллегии документальной серии проекта вошел и руководитель архивной службы В.С. Христофоров, создавший коллективу Данилова в Центральной архиве ФСБ, где выявлялись основные документы по проекту, самые благоприятные условия для работы.

К работе над проектом были привлечены и другие центральные архивы России, где хранились документы советских спецслужб (РГАЭ и РГВА). Их руководство (Е.А. Тюрина и Л.В. Двойных) также поддержало инициативу Данилова, вошло в состав редколлегий соответствующих томов проекта, выделило для работы над ними самых опытных архивистов (Т.В. Сорокину, Н.С. Тархову и др.).

Осуществление проекта стало возможным благодаря участию в нем французских ученых А. Береловича и Н. Верта, поддержавших его идею¹¹. Поэтому он получил статус международного российско-французского научного проекта. Его соруководителем с французской стороны с самого начала работы над проектом и до его завершения, на-

ряду с Даниловым, был Алексис Берелович. Он является вторым главным редактором всех опубликованных томов документальной серии. Берелович не только поддержал саму идею проекта и выразил желание участвовать в нем, но и организовал его финансовую поддержку в трудные для российских историков и архивистов 1990-е гг. через Дом наук о человеке в Париже и другие зарубежные фонды¹². Благодаря этому были подготовлены к печати и опубликованы 3 тома в 4-х книгах сборников документов¹³. Последний 4-й том проекта вышел в свет уже после ухода из жизни Данилова благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда¹⁴. Наряду с французскими учеными в работе над проектом участвовал и шведский историк Л. Самуэльсон¹⁵.

Данный проект – это один из ярких примеров успешного международного сотрудничества историков и архивистов России в области изучения отечественной истории в постперестроечный период.

Об этом свидетельствует объем проделанной работы и ее научные результаты. В период с 1998 по 2012 гг. в рамках проекта «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» было опубликовано 1758 документов объемом 364,92 п.л. В подавляющем большинстве это ранее не публиковавшиеся документы¹⁶.

Научная значимость результатов проекта состоит в комплексном использовании нового вида источников и новых знаниях, полученных в результате их введения в широкий научный оборот.

В 4-х томах документальной серии проекта представлены и охарактеризованы все виды информационных материалов ВЧК–ОГПУ–НКВД, относящиеся к работе советских спецслужб в деревне. Это и первые бюллетени ВЧК, оперативные и информационные сводки и спецдонесения ВЧК–ВОХР–ВНУС общероссийского и губернского уровня периода гражданской войны, и унифицированные госинформсводки, земсводки периода нэпа, и аналитические материалы секретно-политического отдела ОГПУ в трагические годы сталинской «революции сверху» и т. д. Благодаря их публикации и комментированию в научно-справочном разделе сборников показана история становления и развития информационной службы советских спецслужб в рассматриваемый период. Уже это само по себе делает проект научно значимым.

Но еще более значимы полученные в результате его осуществления новые знания о ситуации в советской деревне в обозначенных хронологических рамках. Они специфичны, так как отражают ту часть действительности, которая представляла интерес для спецслужбы с точки зрения ее функций. Поэтому в опубликованных материалах ВЧК–ОГПУ–НКВД на указанную тему используется «ведомственная терминология», отражающая их специфику, а также и саму эпоху: «контрреволюционные кулацко-белогвардейские и бандитские элементы»,

«кулацкая контрреволюция», «вредительская деятельность кулачества», «кулацкий террор», «спецпоселенцы», «изъятие и выселение кулачества», «засоренность колхозов классово-чуждыми элементами», «рвачи», «лодыри», «саботаж хлебоуборки и хлебопоставок» и т.д.

Но данная терминология не меняет фактической сути описываемых явлений, и в этом ценность информационных материалов ВЧК—ОГПУ—НКВД. Они содержат достоверные сведения о наиболее болевых точках в жизни советской деревни. Поэтому они и оказывались в центре внимания спецслужб и оперативно доводились до высшего руководства страны (И.В. Сталина, В.М. Молотова и др.)¹⁷. В значительной степени, опираясь на них, оно принимало решения при выработке и корректировке своей аграрной политики.

Как видно из содержания опубликованных томов проекта, ведомственная специфика почти не отразилась на полноте информации, собранной спецслужбой о повседневной жизни советской деревни в рассматриваемый период. То есть, из поля ее зрения не выпали наиболее важные ее аспекты. В четырех томах содержится очень разная информация. Но она, хотя и с разной полнотой, характеризует все стороны жизни крестьян, делая при этом акцент на наиболее важные события в тот или иной год и период. В результате получилась своеобразная хроника реальной жизни советской деревни в годы Гражданской войны, нэпа, коллективизации, голода 1932—1933 гг. и т. д.

Об этом можно судить хотя бы по заголовкам опубликованных документов: «о восстаниях крестьян», «об экономическом расслоении и политическом состоянии деревни», «о землеустройстве, лесоустройстве», «о низовой сельской кооперации», «о ходе налоговой кампании», «о ходе перевыборов советов», «о ходе хлебозаготовительной кампании», «об операциях по кулачеству», «о настроениях спецпереселенцев» и т. д.

Структурно информация ВЧК—ОГПУ—НКВД представлена исходя из реальных процессов, происходивших в советской деревне и стране в целом в рассматриваемый период. Первый том документальной серии охватывает период с начала гражданской войны и по 1922 г. включительно, второй том — период нэпа и его слома (1923—1929 гг.), третий том — период сталинской «революции сверху» (1930—1934 гг.), четвертый том — период 1935—1939 гг., формирования того колхозно-совхозного строя, который просуществовал в СССР вплоть до его распада.

Все тома сбалансированы с точки зрения отражения событий в советской деревне не только на общероссийском, но и региональном уровнях. Региональная специфика очень полно и всесторонне представлена в сборниках. И это одно из важнейших достоинств проекта.

В вышедших в его рамках сборниках опубликованы наиболее важные директивы ВЧК—ОГПУ—НКВД, распоряжения и отчеты его ру-

ководства (Ф.Э Дзержинского и др.) в ЦК ВКП(б), лично Сталину и другим руководителям государства, относящиеся к советской деревне, за период с 1918 по 1939 г. включительно¹⁸.

В них вполне закономерно доминируют сюжеты, связанные с профессиональной деятельностью спецслужбы: профилактикой и борьбой с «деревенской контрреволюцией» (восстаниями, «бандами», «терроризмом», «антисоветской агитацией» и т. д.).

Опубликованные документы проекта убедительно свидетельствуют, что в рассматриваемый период в советской деревне было неспокойно. Крестьянство активно сопротивлялось политике власти, и степень этого сопротивления была разной в разные годы.

В первом томе показан размах крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны против политики «военного коммунизма», его территория и лозунги. Совершенно новой стала полученная из центрального и региональных архивов ФСБ информация о 106 руководителях крестьянских восстаний против власти большевиков в 1918–1922 гг.¹⁹ В первом томе даны на них биографические справки в именном комментарии. До этого было известно лишь около десятка имен руководителей крупных повстанческих движений (Антонов, Махно, Григорьев и др.).

Концептуальное значение имеет информация в опубликованных в первом томе сводках ВЧК о реакции крестьян на наступление армии Деникина летом 1919 г. и настроениях крестьян после освобождения их селений от власти белых. В это время в прифронтовых губерниях резко ослабевала и даже приостанавливалась борьба крестьян с большевиками. Из лесов возвращались дезертиры и добровольно вступали в Красную Армию, в деревнях создавались отряды самообороны, прекращались восстания. На освобожденной от Деникина территории крестьяне приветствовали Советскую власть, поскольку испытали на себе власть белых и поняли, что она еще хуже, чем власть большевиков, поскольку не только действовала как она в плане реквизиций и мобилизаций, но и ставила под сомнение их право на землю²⁰.

Таким образом, кратковременный союз крестьянства и большевиков в период кульминации вооруженного противостояния Красной и Белой армий в значительной степени predetermined его исход²¹.

Из документов второго тома следует, что в годы нэпа в советской деревне продолжалось противостояние власти и крестьянства, и оно нарастало по мере давления на деревню с середины 1920-х гг. с помощью налогов, хлебозаготовок, коллективизации. Именно в этот период была окончательно отработана методика борьбы власти с крестьянством. Она научилась «умиротворять» деревню силой. На эту тему насыщенные информацией и конкретным статистическим материалом сводки, аналитические доклады и другие документы центральных и региональных органов ОГПУ.

Их ценность в конкретике и полноте информации. Например, за период с 1 января по 1 октября 1925 г. в сельской местности СССР в ходе борьбы с бандитизмом органами ОГПУ было ликвидировано 10352 чел. Из них 8636 чел. было захвачено и арестовано, 985 — убито. Тем не менее, на 1 октября 1925 г. в СССР продолжало действовать 194 банды общей численностью 2435 чел., из них 54 — в Средней Азии численностью 1072 чел.²²

Документы ОГПУ детально показывают обострение социальной обстановки в деревне во второй половине 1920-х гг., показателями которого стали так называемый «кулацкий террор» и рост крестьянских выступлений на почве недовольства налогами и заготовками. Например, во втором томе представлен статистический материал о числе, составе участников выступлений (2853 выступления), фактах и объектах «кулацкого террора», распределении «кулацких группировок» по районам и характеру деятельности за период с 1925 по 1928 г. В эти годы структуры ОГПУ на местах проводили целевые операции против «спекулятивных и антисоветских элементов на хлебном и кожевенном заготовительных рынках СССР». В ходе этих спецопераций были обнаружены и изъяты многочисленные антисоветские листовки. Большинство из них являлись анонимными и содержали призывы против хозяйственных кампаний²³.

Очень важной информацией сборника являются сообщения ОГПУ о популярности в советской деревне периода нэпа идеи крестьянского союза. Выступления под данным лозунгом, требования организации крестсоюзов наблюдались повсеместно и свидетельствовали о росте политической сознательности крестьянства²⁴. Это был опасный симптом для власти. И она решительно пресекала его.

В этом же направлении были и ее действия («профилактика») во второй половине 1920-х гг. и накануне сплошной коллективизации по изъятию из деревни оружия, «бывших белых офицеров», выселению «бывших помещиков»²⁵. Особенно важным для понимания успеха сталинской коллективизации является факт обезоруживания крестьянства. В условиях жесточайшего давления на него в период раскулачивания и принудительных хлебозаготовок начала 1930-х гг. в деревне не осталось оружия, и она не смогла защитить себя так, как это было в годы гражданской войны.

Среди сюжетов на тему главного направления в деятельности спецслужбы в рассматриваемый период особое место занимают события первой половины 1930-х гг. В двух книгах третьего тома показаны масштабы крестьянского сопротивления насильственной коллективизации обрушившихся на советскую деревню репрессий, их последствий. Они подтверждают концептуальное положение В.П. Данилова и современной российской и зарубежной историографии в целом о трагедии советской деревни в период коллективизации и голода 1932—

1933 г., ответственности за страдания миллионов советских граждан сталинского режима.

Прежде всего, в опубликованных документах ОГПУ за указанный период показаны масштабы крестьянского сопротивления коллективизации, которые убедительно доказывают ее антикрестьянский характер²⁶. Например, его интенсивность в 1930 г. можно сравнить с годами гражданской войны. На территории СССР в 1930 г. на почве недовольства политикой государства произошло 13754 массовых крестьянских выступлений. ОГПУ установило иерархию причин этих выступлений: 7382 (53,6%) против коллективизации, 2339 против «изъятия и ущемления АСЭ (антисоветских элементов)» (17%), 1487 против закрытия церквей и снятия колоколов (10,8%), 1220 (8,8%) из-за голода («продовольственных трудностей») ²⁷.

В документах проекта показана активная роль женщин в крестьянском сопротивлении раскулачиванию и коллективизации в 1930 г.²⁸

В сводках ОГПУ за 1930 г. нет информации о привлечении РККА к раскулачиванию. Этот факт подтверждает сделанный в работах Н.С. Тарховой вывод о том, что Красная армия была выведена сталинским режимом из репрессивной политики в деревне в силу наличия в ее составе огромной массы выходцев из деревни²⁹.

В 1931 г. крестьянская борьба против сталинской антикрестьянской политики продолжалась. Только с 1 января по 1 октября 1931 г. произошло 1835 массовых выступлений, в которых участвовало свыше 242,7 тысяч чел. Их причинами были мясо и скотозаготовки, выселения «кулаков», «продзатруднения»³⁰. Так же, как и в 1930 г., в 1931 г. в советской деревне ОГПУ находило повсюду антиколхозные и «анти-советские» листовки, воззвания и прокламации³¹.

Крестьянское противодействие сталинизму в деревне сохранялось и в последующие годы, но в других формах. Например, в 1932 г. ею стало воровство колхозного урожая, на которое сталинское руководство отреагировало законом, названным в народе «о пяти колосках» («Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г.). Он предусматривал 10 лет тюрьмы и расстрел пойманным ворами. По опубликованным в 3-м томе отчетам ОГПУ, на 1 ноября 1932 г. по этому закону в СССР было арестовано 31488 чел., осуждено 6406 чел., в том числе к высшей мере наказания — 437 чел.³² Всего к 1 января 1934 г. за хищения по закону от 7 августа 1932 г. было привлечено к ответственности 250461 чел.

Сопротивление крестьянства политике власти продолжалось и дальше, но в значительно меньших размерах, поскольку открытые выступления после массовых репрессий начала 1930-х гг. были уже невозможны. Речь шла о локальных и единичных группах нелегального и в ряде случаев террористического и повстанческого направлений³³. На-

пример, во второй половине 1930-х гг. органы НКВД регулярно раскрывали «контрреволюционные организации» в деревне. Среди них: «контрреволюционная эсеровская и террористическая организация «Крестьянская партия», «националистические повстанческие организации», контрреволюционные группы церковников» и т. д.³⁴

Постоянными были и факты обнаружения в сельской местности листовок и воззваний «контрреволюционного содержания», в том числе распространяемых на воздушных шарах³⁵. Данные сводок и обзоров НКВД на эту тему, на наш взгляд, не позволяют в полной мере оценить реальность и масштабы деятельности ликвидированных нелегальных организаций в советской деревне, особенно в 1937 г., в период сфальсифицированных показательных процессов. Для этого необходимо специальное исследование. Но факт их существования не вызывает сомнения, поскольку политика сталинского режима не могла не способствовать их появлению.

Данное заключение подтверждается и таким постоянным явлением в советской деревне в 1930-е гг., как терроризм и бандитизм. Эта тема постоянно присутствует в опубликованных в сборниках проекта информационных материалах ОГПУ–НКВД. Убит колхозник одиночками, в окно ранен или убит председатель колхоза или сельсовета – сообщали сводки ОГПУ–НКВД на протяжении всего указанного периода³⁶. Даже в 1938 г. на территории СССР продолжали действовать банды. Например, в горах Чечено-Ингушской АССР насчитывалось в это время 12 бандитских групп³⁷.

В контексте проблемы репрессий в советской деревне в 4-м томе опубликованы документы, указывающие, что в 1937 г. советская деревня также попала под «большой террор». Речь идет не только о показательных процессах в отношении партийного и хозяйственного актива, отраженных в материалах тома³⁸, но и о выполнении приказа по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. о «бывших кулаках». Всего по этому приказу было арестовано и осуждено 584899 человек³⁹. Задания руководства «по бывшим кулакам» были перевыполнены в 3 раза, в том числе по расстрелам в 5 раз⁴⁰. Их вычистили из новостроек, шахт, совхозов и даже с руководящих должностей в колхозах⁴¹.

Таким образом, в 1937 г. массовые репрессии коснулись не только партийно-хозяйственного актива и армии, но сотен тысяч крестьян. Это новые знания, полученные в результате осуществления проекта.

В двух книгах 3-го тома документально и очень точно описаны «кулацкая операция», механизм и детали раскулачивания советской деревни, судьба «кулацкой ссылки». Это поистине уникальный источник материал, впервые введенный в научный оборот. Были опубликованы многочисленные справки, докладные записки регионального и центрального руководства ОГПУ, статистические таблицы особого отдела ОГПУ «о количестве изъятого и выселенного контррево-

люционный элемент» во время «операций по кулачеству», с разбивкой по областям и социальным группам⁴². Благодаря этому теперь известно, что на 10 декабря 1930 г. по второй и третьей категориям в СССР было раскулачено и выселено 135147 семей⁴³. В 1931 г., по справкам секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ, к ним присоединилось еще 219715 семей и 2000 человек «беглых кулаков»⁴⁴. Всего в 1930 и 1931 гг. раскулачиванию и выселению подверглось 381026 семей, или 1803392 чел.⁴⁵

Раскулаченных вывезли в ссылку в 715 эшелонах, состоявших из 37897 вагонов⁴⁶. Их положение было незавидным. Дети, старики и больные умирали, поскольку во время перевозки и обустройства в местах ссылки их не обеспечили в необходимом объеме продовольствием, жильем, медикаментами. Помещенные в 3-м томе документы красноречиво свидетельствуют об этом преступлении сталинского режима⁴⁷.

Они содержат и совершенно новые факты о судьбе раскулаченных и истории кулацкой ссылки в целом. Например, на страницах сборника нашел отражение такой феномен, как побеги спецпереселенцев. Как выяснилось, их масштабы были огромными. В справке отдела по спецпереселенцам Главного управления лагерями ОГПУ «О количестве бежавших, пойманных и числящихся в побегах спецпереселенцев за 1930–1931 гг.» от 15 августа 1933 г. указывалось, что в 1930–1931 гг. из ссылки бежало 65480 чел. Из них было поймано 11856 чел., а 53624 чел. числилось в побегах⁴⁸. В другой сводке № 22/27 Главного управления лагерями ОГПУ о побегах спецпереселенцев, датированной не ранее 1 октября 1931 г., указывалось, что за время с весны 1930 г. по сентябрь 1931 г. из общего числа спецпереселенцев – 1365858 чел., бежало 101650 чел. Из них задержали 26734 чел., а в бегах оставалось 74916 чел.⁴⁹ По уточненным данным, в 1933 г. бежало уже 179252 чел. Поймать удалось лишь 53894 чел., или 31% от общего числа бежавших⁵⁰. В сведениях СПО ОГПУ о бежавших и задержанных спецпереселенцах в период с 1930 по 1934 гг. от 27 апреля 1934 г. приводилась огромная цифра: всего бежало 592200 чел., из которых было задержано только 148130 чел., или 25% от общего числа бежавших⁵¹. Бежавшие «кулаки», как правило, растворялись в городах. Но были и примеры их возвращения в деревню. Более того, ОГПУ информировало Центр о «самовольной организации кулацких поселков» в ряде регионов страны⁵².

В опубликованных четырех томах документальной серии проекта содержится ценнейшая информация о состоянии сельского хозяйства СССР в рассматриваемый период, его проблемах, трудностях, с которыми сталкивалась власть при проведении аграрной политики, различных мероприятий. Хотя они также освещались в информационных материалах спецслужбы сквозь призму своих профессиональных функ-

ций, но собранные в них факты очень точно характеризуют реальное состояние сельского хозяйства страны за два десятилетия. В документах ОГПУ–НКВД описаны ход основных сельскохозяйственных кампаний в СССР и конкретных его районах, начиная с 1922 г. и по 1939 г. включительно, с акцентом на трудности с точки зрения государственных интересов⁵³.

Особую ценность представляют аналитические материалы руководителей советской спецслужбы на тему состояния сельского хозяйства страны. Например, глубокий и всесторонний его анализ содержится в докладной записке Ф.Э. Дзержинского в Политбюро ЦК ВКП(б) «о производительности труда и положении в промышленности и сельском хозяйстве» от 7 июля 1924 г.⁵⁴

В сводках и спецсообщениях ОГПУ–НКВД по данному сюжету в рассматриваемый период присутствовали так называемые «сквозные темы»; посевная, уборочная, хлебозаготовительная кампании⁵⁵. В них фиксировались все их нюансы. Например, в 1935 г. советскую деревню во время уборочной страды охватили «антимашинные и антикомбайновые настроения», негативно повлиявшие на уборку урожая. Колхозники предпочитали вручную убирать хлеб, поскольку не владели новой техникой, или ее использование сопровождалось потерями и задержкой темпов уборки по причине постоянных поломок комбайнов⁵⁶. В данном контексте документальная серия проекта – это своеобразная энциклопедический справочник о сельском хозяйстве СССР в 1920–1930-е гг., поскольку в нем охарактеризованы все наиболее важные его проблемы в указанный период.

Среди сюжетов на тему состояния аграрной экономики страны центральными во все годы были хлебозаготовки. На информирование о них нацеливалась вся работа ОГПУ–НКВД. Из документов проекта хорошо видно, что заготовки «тянули жилы» из крестьян и проводились административно-репрессивными методами⁵⁷. Они вызывали противодействие крестьян, которое подавлялось самым решительным образом⁵⁸. Последствием принудительных хлебозаготовок был голод в советской деревне.

Голод и неурожай – это постоянный сюжет в информационных материалах ВЧК–ОГПУ–НКВД. Советская деревня голодала в 1921–1922 гг., 1924–1925 гг., 1930 г., 1932–1934 гг. и т.д. Пик голода пришелся на 1933 г.⁵⁹ Но мало кто знал до публикации результатов проекта, что в СССР умирали с голоду аж до войны⁶⁰. Например, в январе–феврале 1937 г. в деревне Доньшино Поимского района Куйбышевской от голода умерло 27 чел. Этот факт отражен в спецсообщении УНКВД по Куйбышевской области от 13 марта 1937 г.⁶¹ В колхозах Харьковской области зимой 1937 г. очень тяжелым было положение «патронированных детей»: «одежда изорвана», «питание не налажено» и т. д.⁶² Точно таким же тяжелым был и 1939 г. В сообщениях 2-го

спецотдела НКВД СССР по письмам колхозников за июль 1939 г. приводились следующие высказывания из писем колхозников: «У нас жить сейчас очень плохо, ходи в колхоз каждый день, работай, а хлеба не дают», «За хлебом нужно встать в 3 часа ночи. В огороде все погорело, ни картошки нет, ни огурцов, ни помидор», «А в очереди за хлебом дают насмерть»⁶³.

Таким образом, к войне страна подошла с острым дефицитом продуктов питания в городах, недоеданием и голодом в советской деревне. Эта информация противоречит мифу сталинской пропаганды об успехах довоенного советского сельского хозяйства.

Причины голода коренились в низком уровне сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов, неблагоприятных погодных условиях, приведших к недороду хлебов. Но главной из них была политика государства по безудержной выкачке из деревни ресурсов, не считаясь с интересами крестьян, во имя цели ускоренной индустриализации страны⁶⁴.

Особенно явно она проявилась в голоде 1932–1933 гг., эпицентрами которого стали основные зерновые районы страны. Этот голод также представлен в документах ОГПУ на страницах второй книги 3-го тома⁶⁵. Они и многие другие свидетельствуют об общей трагедии народов СССР в 1933 г., а не о «геноциде голодомором Украины».

На эту тему и такой сюжет в 3-м томе, как переселения крестьян на Украину в 1933–1934 гг. Эти переселения рассматриваются сторонниками идеи о «геноциде голодомором» Украины как дополнительный аргумент («замена» украинцев русскими, белорусами и т. д.). В опубликованных во второй книге тома докладных записках и спецсообщениях СПО ГПУ УССР и СПО СССР об итогах переселения на Украину колхозников из РСФСР и БССР в 1933–1934 гг. указывается, что к весне 1934 г. в УССР прибыло из данных республик всего лишь 43,1 тыс. семей в количестве 219110 чел. Причем, 10282 хозяйств, или 23,5 % от общего числа переселившихся вернулось обратно на историческую родину по причинам бытовой неустроенности⁶⁶.

Научная значимость опубликованных в 3-м и 4-м томах документальной серии информационных материалов ОГПУ–НКВД состоит в том, что они показывают оформление колхозного строя в том виде, в каком он просуществовал до реформ М.С. Горбачева. Из их содержания хорошо видно, что главной проблемой власти во второй половине 1930-х гг. стало нежелание крестьян добросовестно работать в колхозах. Загнанные в них силой они отлынивали от работы, бежали из деревни в город, переключали свое внимание на личное подсобное хозяйство и промыслы. Документы проекта, несмотря на свою специфику и политическую терминологию, фиксируют факт кризисного состояния советского сельского хозяйства накануне войны, малую эффективность мер государства по его преодолению, тяжелое матери-

альное положение крестьянства, жившего в атмосфере страха, негативно в массе своей относящегося к существующему режиму. Таковы были реальные последствия сталинской коллективизации.

Так, например, новым явлением в коллективизированной советской деревне стало нарушение огромным числом колхозников во всех регионах страны Устава сельскохозяйственной артели. В 1935–1939 гг. — это феномен ее повседневной жизни. Он описан в документах НКВД в терминологии «проявление частнособственнических тенденций в колхозах». К числу нарушений Устава сельхозартели они относили следующие факты: сдача земли в аренду; увеличение индивидуальных посевов против установленных норм за счет обобщественной земли, земельных участков, принадлежащих отходникам, и сокрытие их от налогообложения; приобретение лошадей колхозниками в личное пользование в целях обогащения; невыход колхозников на работу в колхозе и т.п. В этом же ряду «неорганизованное отходничество», когда колхозники вопреки запретам колхозного руководства уходили на заработки в совхозы и города⁶⁷.

Колхозники «изобрели» и такой способ меньше работать на колхоз, как система «отработок». О ее распространении в Воронежской области указывалось, например, в спецсообщении НКВД СССР от 5 июля 1938 г. С согласия правления колхоза колхозники 5 дней в неделю должны были работать в колхозе, а 2 дня у себя «дома», «на огородах». Но на практике они работали только «на себя», откладывая накопившуюся часть колхозных работ на неопределенный срок⁶⁸.

Нежелание крестьян работать в колхозе, «нарушения Устава сельхозартели» были вполне закономерной реакцией на аграрную политику государства. Об этом постоянно говорилось в сводках и спецдонесениях НКВД, содержащих крестьянские суждения на эту тему: «в этом году государство заберет весь хлеб нового урожая, и крестьяне будут голодать», «как ни стараются колхозники собирать хлеб, а все равно все разуты и раздетые ходят»⁶⁹. Сотрудники НКВД сообщали в вышестоящие органы о проблемах с распределением доходов в колхозах: искусственное снижение стоимости трудодня, авансирование по уравнительному принципу и т. д. В деревне не работали созданные для поддержки колхозников колхозные кассы взаимопомощи, наблюдались систематические перебои в ее снабжении промтоварами и предметами первой необходимости (керосином, мылом, спичками, солью, сахаром), в сельской кооперации процветали спекуляция, «распределение дефицитных товаров по знакомым»⁷⁰.

Повседневностью постколлективизированной деревни были самоубийства колхозников и сельских активистов, не выдерживавших пресса давления вышестоящего руководства, осознавших неотвратимость сурового наказания за совершенные проступки: «за отказ от бригадирства», «расплавленный подшипник в тракторе» и т. п.⁷¹ 26 августа 1936 г.

НКВД УССР направило Сталину спецсообщение о 60 случаях самоубийств в 49 районах Украины с начала года и по 1 августа. Проведя расследование, оно установило, что самоубийства и покушения на самоубийства произошли в результате «грубого, нечуткого и бездушного отношения со стороны партийно-советского актива», «преследований и травли», «незаконного исключения из колхозов», «необоснованного отстранения от работы» и т. д.⁷²

Очень интересными и новыми фактами стали сообщения НКВД об отношении крестьян к «стахановцам». В 1935–1936 гг. в советской деревне повсеместно получили распространение факты «срыва стахановских методов работы», «противодействия стахановскому движению», «негативного к нему отношения колхозников» (травля, насмешки, избиения). Не только простые колхозники, но и нередко руководство колхозов вело себя неподобающим образом по отношению к стахановцам (не производило расчета «за рекорды» и т. д.)⁷³

Из опубликованных в 3-м и 4-м томах документов ОГПУ–НКВД следует, что колхозная система в СССР находилась в постоянном кризисе, поскольку держалась на силе административно-репрессивного ресурса государства. Это подтверждается таким малоизвестным в литературе фактом, как исполнение на местах решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 апреля 1938 г. о запрещении исключений колхозников из колхозов. Документы НКВД указывали, что в связи с этим решением колхозное начальство переживало настоящую панику, опасаясь, что останется без рабочих рук. Характерна в этом плане, например, реакция бригадира из Мозырского района БССР: «После этих постановлений я своих колхозников в колхозе не удержу, все разбегутся на заработки⁷⁴. То же самое говорили и в других регионах: «Это постановление смазывает авторитет предколхоза, теперь колхозников не заставишь работать»⁷⁵.

В информационных материалах советской спецслужбы, помещенных на страницах документальной серии проекта, отражена и судьба различных категорий сельского населения, за которыми велось постоянное наблюдение. Это — сельский актив (председатели колхозов и т. п.), сельская интеллигенция (учителя), женщины, 25-тысячники, «бывшие красные партизаны», критиковавшие колхозы, молодежь и т. д.

Например, в сборниках проекта показана жизнь единоличников после сплошной коллективизации, ранее не получившая должного освещения в историографии⁷⁶. В спецсообщениях ОГПУ и УНКВД говорилось о самоубийствах и отказах единоличников от земли, вступления в колхоз, планов сева. Постоянным явлением были их сопротивление и «саботаж хлебозаготовок», самоликвидация единоличных хозяйств, уход единоличников из села на производство или в совхозы по этой причине⁷⁷.

Данные источники фиксируют многочисленные «перегибы» и «нарушения революционной законности» в отношении единоличников в рассматриваемый период: незаконные аресты за невыполнение обязательств перед государством, изъятие их имущества, включая предметы домашнего обихода, неправильное начисление налогов (вплоть на трехмесячного поросенка), массовое штрафование и т. д.⁷⁸

В то же время источники ОГПУ–НКВД нередко констатировали факт, что, несмотря на давление власти, многие единоличники жили лучше, чем их односельчане в колхозах, поскольку имели побочные доходы от отходничества и не платили с них налогов. Местные органы власти регулярно вскрывали факты недоучета и укрытия облагаемых объектов единоличников. Выяснялось, например, что доходы с побочных промыслов (особенно кустарных) позволяли им расплачиваться по недоимкам с госпоставок и жить лучше, чем колхозники⁷⁹.

Новую информацию дают сводки ОГПУ и НКВД о поведении сельской молодежи в 1930-е годы. Не все молодые люди ориентировались на предостереженные сталинским режимом возможности успешной карьеры через профессиональное обучение, службу в армии и работу в управленческих структурах колхозов, сельских советов, партии и комсомола⁸⁰. Часть из них занимала критическую позицию по отношению к политике власти, названной в документах ОГПУ–НКВД «антисоветскими проявлениями». На эту тему в сводках СПО ОГПУ и УГБ НКВД информация о ликвидированных в сельских школах и сельских районах «контрреволюционных группах молодежи», члены которых «рисовали свастику», распространяли листовки «за Гитлера», заявляли, что «каждый фашист должен вредить колхозу» и т. д.⁸¹ Данный сюжет, так же как деятельность проходящих в документах ОГПУ–НКВД за 1930-е гг. многочисленных «антисоветских организаций», нуждается в отдельном исследовании. Необходимо определить степень достоверности подобной информации и реальные масштабы этого явления.

Значительный интерес представляют введенные в рамках проекта в научный оборот документы ОГПУ–НКВД о реакции крестьянства на различные политические мероприятия власти, их отношении к лидерам Советского государства. Это совершенно новая информация по важнейшим событиям в истории СССР 1920-х–1930-х гг., ранее не доступная исследователям,

Например, сводки ОГПУ фиксируют положительное отношение крестьян к В.И. Ленину в связи с его болезнью и смертью: «большинство крестьян сожалеет о смерти т. Ленина»⁸². Его преемниками они видели Л.Д. Троцкого, М.И. Калинина и др.⁸³ Среди обсуждаемых лидеров государства нигде не называлось имя Сталина. В первой половине 1920-х гг. в народе он был неизвестен, по сравнению с пере-

численными деятелями. Этот факт очень важен при анализе причин возвышения Сталина и утверждения его диктатуры.

Информационные материалы ОГПУ–НКВД на протяжении 1920–1930-х гг. постоянно отмечали недоверчивое и враждебное отношение значительной части крестьянства к мероприятиям советской власти. Это было характерно не только в годы коллективизации и голода 1932–1933 гг., но и в последующий период. Например, в спецсообщениях УНКВД за 1936 г. указывалось о том, что колхозники не верили, что власть передает землю колхозам в вечное пользование. Для них вручение актов на вечное пользование землей означало оформление «нового крепостного права»⁸⁴. Отсюда зафиксированное УНКВД халатное хранение данных актов в колхозах: «в общих шкафах», «скотных амбарах» и т. д.⁸⁵

Таким же скептическим по документам НКВД была реакция большинства крестьян на сталинскую конституцию. Они видели ее двуличность: «Это все одно вранье»⁸⁶. В деревне говорили: «В проекте новой Конституции записано – кто не работает, тот не ест, а на самом деле у нас наоборот. Вот мы, колхозники, работаем день и ночь, а сидим голодные», «Сталинская конституция – это ничего не говорящий клочок бумаги, ибо ничего не делается, что в ней сказано»⁸⁷.

В этом же ряду безразличное и негативное отношение значительной массы крестьян к выборам в органы советской власти. Им претила демагогия сталинской пропаганды о блоке коммунистов и беспартийных, вызывало раздражение невозможность выдвижения своих кандидатов. Итогом была отмеченная в донесениях ОГПУ–НКВД низкая явка сельских избирателей на выборах, особенно в республиканский и общесоюзный Верховный Совет⁸⁸. «Зачем нам эти выборы, от них нам, колхозникам, жить лучше не будет», «Во время выборов в Верховный Совет СССР мы голосовали как бараны и делали все, что нам говорили, теперь вы опять выставляете кандидатов, которых мы не знаем. Голосовать за них не будем», – говорили крестьяне⁸⁹.

Их недоверие вызвала даже Всесоюзная перепись населения 1937 г. Органы НКВД зафиксировали следующие слухи в советской деревне по этому поводу, исходившие, как они подчеркивали, от «церковников и сектантов»: «Ночью будут ходить по домам и задавать вопросы: «Кто за Христа и кто за Сталина? Тот, кто запишется, что он за Христа, будет после переписи коммунистами расстрелян», «6 января будет проведена Варфоломеевская ночь, все население будет вырезано»⁹⁰.

Региональные управления НКВД СССР фиксировали не утешительную для власти реакцию части сельского населения на советско-германский пакт о ненападении и вступление Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии: «Германия заключила договор с СССР с целью успокоить Советский Союз, чтобы

потом неожиданно напасть войной на СССР», «Может быть, придется винтовки повернуть внутрь страны»⁹¹.

Документы советской спецслужбы, опубликованные в сборниках проекта, характеризуют и многие другие факты из повседневной жизни советской деревни в рассматриваемый период, как известные в историографии, так и совершенно новые. Среди них: массовые паникиды в Винницкой области Украины в январе 1934 г. «по умершим от голода»; религиозные шествия летом 1936 г. в сельских районах СССР «по случаю отсутствия дождя», свидетельствовавшие о сохранении веры в Бога у советских крестьян, несмотря на все гонения власти на церковь в годы коллективизации; многочисленные отказы весной 1937 г. в советской деревне «от новых паспортов с карточками», переселения красноармейцев накануне войны в поселения типа аракчеевских и т. д.⁹²

По вполне понятным причинам в документах ВЧК–ОГПУ–НКВД, представленных в сборниках проекта, не получили должного внимания сюжеты о культурной жизни советской деревни. Но и имеющаяся информация на эту тему крайне интересна. Например, она свидетельствует, что проблемы культуры в деревне стали попадать в поле зрения спецслужб только с середины 1930-х гг. И это вполне закономерно, поскольку именно с этого времени они стали волновать и власть. Органы НКВД вскрыли многочисленные недочеты в работе клубов, изб-читален, красных уголков, многие из которых были грязными, заняты под ссыпку хлеба, кузницу, не отапливались и т. д.⁹³

Предпринятый в настоящей статье анализ результатов российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», на наш взгляд, дает все основания для вывода о большой их научной значимости и успешности проекта в целом. К тому же они указывают на большие перспективы в плане продолжения международного сотрудничества ученых России в изучении национальной истории. И, наконец, самое главное, они свидетельствуют о необходимости продолжения начатой В.П. Даниловым и его коллегами при поддержке руководства архивной службы ФСБ России работы по публикации новых документов из архивов российских спецслужб (например, осуществить фондовую публикацию сводок ВЧК–ОГПУ–НКВД). Только в этом случае возможно создание подлинно научной истории России XX века.

§ 3. Историки-аграрники в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) в рамках российско-британского международного проекта

В 1990–1994 гг. профессором Манчестерского университета Теодором Шаниным в рамках «Интерцентра» Московской высшей школы социальных и экономических наук был организован научный проект по социологическому исследованию российской деревни⁹⁴. Наряду с социологами, в нем приняли активное участие и историки под руководством выдающегося историка-аграрника Виктора Петровича Данилова.

Участие историков в социологических исследованиях жизни тех или иных групп населения — явление необычное. В этом была особенность проекта. Инициатива приглашения к участию в нем историков исходила от его руководителя, профессора Манчестерского университета Теодора Шанина, давно совмещавшего в своей научной деятельности и социологию, и историю. Привлечение историков к участию в социологическом исследовании придало проекту историко-социологический характер, а его научные результаты сделало более аргументированными.

Следует особо подчеркнуть, что участие историков в проекте в решающей степени стало возможным благодаря установившимся прочным творческим и личным отношениям Т. Шанина с В.П. Даниловым. Последнему и было поручено возглавить руководство исторической частью проекта.

Виктор Петрович Данилов стал организационным и мозговым его центром. Почти четыре десятилетия (к тому времени) его занятий историей крестьянства, постоянное общение с коллегами из разных научных центров и учебных заведений страны позволили ему привлечь к участию в исторической части проекта способных исследователей. Среди них были и представители профессуры «в летах», и только еще начинающие путь историка, как, например, О.И. Марискин (Саранск), для которого написанная им в рамках проекта история села Сабанчево стала основой успешно защищенной кандидатской диссертации.

В.П. Данилов не только подобрал исполнителей из числа квалифицированных специалистов, но и совместно с Теодором Шаниным и другими коллегами разработал методику их работы, осуществлял над ней промежуточный и итоговый контроль.

Наряду с субъективным фактором (личная дружба Шанина и Данилова), существовали и объективные причины, способствующие участию историков в проекте, впрочем, так же как, и социологов. Это наступившая в СССР «перестройка», обеспечившая свободу слова в широком смысле, и в прикладном — в области научного творчества. Для историков в отличие от их коллег — социологов в наибольшей

степени «перестройка» проявилась в так называемой «архивной революции», открывшей им большие возможности в плане доступа к ранее закрытым документальным источникам, особенно по истории революции, Гражданской войны и сталинизма. Наконец-то появилась возможность действительно научного осмысления отечественной истории, в том числе в рамках локальной на уровне селений. В данном контексте упускать такой благоприятный случай было неразумно. И историки активно включились в общую работу над проектом.

Главной целью их работы в рамках проекта В.П. Данилов определил воссоздание документальной картины прошлого исследуемых селений – каждого в отдельности и с возможно большей конкретностью, отражающей ключевые моменты истории: перемены эпох реформ и революций, коллективизации и раскулачивания, Гражданской и Великой Отечественной войн, хрущевских реформ.

Историческая часть проекта являлась в своем роде уникальным явлением, поскольку впервые в историографии и российском общественном сознании продолжила существовавшие в первые десятилетия XX века и прерванные впоследствии традиции монографического исследования селений («поселенческие» очерки), выполненного на высоком научном уровне замечательными российскими учеными, представителями историко-социологического направления (А.И. Шингаревым, М. Феноменовым, А. Большаковым, А. Яковлевым, Ф. Крестовым, А. Гагариным, Г. Дементьевым, М. Голубых, Н. Росницким, С. Готовым и другими авторами).

Опираясь на программные установки социологов, была разработана конкретная программа исторической части исследования. Она была призвана показать прошлое обследуемых социологами селений на конкретно-историческом материале, начиная с 1861 г. и обращая основное внимание на ход и последствия реформ 1860-х гг., Столыпинской аграрной реформы, аграрной революции 1917–1918 гг., Гражданской войны, нэпа, коллективизации и раскулачивания, войны 1941–1945 гг., хрущевских реформ, а также на голодные годы (1891–1892, 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947).

Главным критерием хронологических рамок изучения конкретного селения Даниловым определялось состояние источниковой базы по его истории в региональных архивах. Допускалось хронологически более раннее начало исследуемого процесса при сохранности исторических материалов и, наоборот, более позднее его начало, при их отсутствии. При недостатке или полном отсутствии материалов в архивах по взятому для исследования селению рекомендовалось привлекать таковые по мелкому административному району расположения селения (волость, район).

Отправной точкой исторической части исследования являлись основные положения программы изучения селений социологов, вклю-

чавшей в себя вопросы общего состояния и динамики сельской экономики (хозяйственные формы, организация и техника производства, рыночные и вне рыночные связи), вопросы социальной структуры и социальных отношений во всем их объеме, а также вопросы, связанные с составом и развитием семьи и ее бюджета, с институциональной структурой села (община, власть и др.), с его пространственным описанием, с его общественным сознанием и психикой.

Но этим избранная методика исторической части исследования не ограничивалась. Она творчески разрабатывалась и самими его участниками и, прежде всего, Даниловым. При этом принципиальным моментом им и Теодором Шаниным определялся независимый характер исследовательской работы историков и социологов. Сравнительный анализ и обобщение полученных каждой из сторон результатов предполагался на завершающем этапе работы.

В.П. Данилов акцентировал внимание историков в ходе их работы в архивах на выявление и при наличии использование таких документальных источников по истории селений, как материалы земских обследований, сельскохозяйственные переписи 1916, 1917 и 1920 гг., динамические исследования 1920-х годов, бюджетные записи, а также подворные карточки и поселенные списки ежегодных налоговых и демографических переписей 1897, 1920, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. Кроме того, историкам следовало провести тщательный поиск краеведческих материалов (прежде всего в фондах музеев), писем, воспоминаний, дневников и других материалов, исходящих непосредственно из сельской среды.

Историческая часть проекта включала два этапа работы, хронологически охватывающих период с начала 1991 г. и до конца 1992 г. Первый из них состоял в выявлении архивных и опубликованных материалов по каждому селению (или мелкому району его расположения) и передачу наиболее важных из них в создаваемый общий банк данных. Второй этап заключался в написании каждым из участников конкретно-исторического очерка изучаемого им селения. Затем специально созданный Даниловым и Шаниным методический совет вместе с участниками проекта проводил обсуждение авторских текстов и принимал их в законченном виде после исправления с учетом полученных от членов совета критических замечаний.

В ходе первого этапа работы историков по изучению документальных материалов в региональных архивах выявилась серьезная проблема — неравноценный характер сохранившихся источников по взятым для анализа селениям. И эта проблема возникла не по вине историков, а как результат проведенного социологами отбора селений. К сожалению, он осуществлялся по экономико-географическим признакам в очень короткий срок и ориентировался, вполне естественно, на современность. Наличие же в архивах письменных источников по

выбранным селениям не учитывалось. В результате среди обследованных селений оказались и практически не имевшие исторического прошлого (например, село Уткино в Вологодской области).

Другой неожиданностью для историков стало то, что среди отобранных социологами селений не оказалось ни одного, в которых проводились ежегодные динамические переписи крестьянских хозяйств в 1920-х гг., не говоря уже об опубликованных работах по социологии, экономики, истории и т. д. Из общих сельскохозяйственных и поземельных переписей лишь материалы переписей 1916 и 1917 гг. оказались востребованы историками при написании нескольких исторических очерков.

Трудности, связанные с лакунами в сохранившихся документальных материалах, отмечались авторами большей части очерков. Тем не менее историками была проделана сложная и кропотливая работа по изучению множества архивных и опубликованных источников, относящихся не только к изучаемым селениям, но и к административно-территориальным районам их размещения. Профессионализм участников исторической части проекта позволил найти решение возникших проблем, прежде всего, посредством включения в анализ исторических свидетельств уездного, губернского и даже краевого масштаба. В отдельных случаях, как, например, в очерке о прошлом поселка Александровка Завьяловского района Алтайского края, это приводило к тому, что сведения, непосредственно относящиеся к изучаемому селению, оказывались иллюстрациями к сельской истории района, области, края.

В сложившейся ситуации с неполнотой документальных источников по истории селений в региональных архивах и музеях выход был найден и за счет включения в исторические очерки материалов собственно социологического обследования. К расширению источниковой базы с включением параллельного социологического обследования пришлось прибегнуть авторам большей части очерков. Материалы социологов явились существенным дополнением исторической базы очерков, особенно в части, касающейся «предперестроечного» и «перестроечного» времени, документальное наследие которого тогда не было доступно для историков⁹⁵.

Первоначальный план проекта предполагал обследование четырех селений в каждом из шести районов России, что дало бы в сумме 24 исторических очерка. Однако в силу объективных и субъективных причин оказалось сделано 16 очерков, в том числе 4 – по селениям Поволжья, 3 – по селениям Сибири, 3 – по северным селениям, 2 – по тамбовским, 2 – по кубанским, 1 – по ставропольским и 1 – по ростовским (на Дону). Из них 11 очерков впоследствии были опубликованы, в том числе 3 очерка в рамках МВШСЭН в журнале «Крестьяноведение». Все очерки написаны по тем селениям, где работали социологи.

Наиболее удачными среди них стали очерки А.Г. Рыбкова, О.И. Марискина и Т.Е. Ефериной и ряд других авторов⁹⁶.

Содержание написанных историками очерков по истории селений позволяет утверждать о правомерности включения в социологический проект его руководством исторической части. Они гармонично дополнили социологические исследования, придали им большую убедительность и научную ценность. Сравнительный анализ конкретно-исторического материала, выявленного историками в архивах, и материалов по истории селений, полученных непосредственно социологами, свидетельствовал о совместимости информации. В частности, мера взаимоподтверждения документальной информации системы управления (а она преобладает у историков) и словесной информации от опрашиваемого социологами населения оказалась весьма высокой. И та, и другая вполне объективно отразили жизнь отдельного конкретного селения – небольшого соседского мира, тесно связанного и трудовой деятельностью, и социальными, и бытовыми отношениями.

Участники проекта, анализируя его результаты, пришли к очень важному принципиальному выводу о взаимодополняемости очерков. В них показано, что, несмотря на природные, хозяйственные и культурно-бытовые отличия селений на Севере, в Сибири, ЦЧО и Поволжье, начиная с реформ 1860-х гг., при сохранении местной специфики в трудовой деятельности и быте, в них обнаружилось складывающееся единство, прежде всего в социально-экономической сфере. В истории селений, как в капле воды, отразилась вся история российской крестьянства и сельского хозяйства.

Другой важный вывод, по мнению Данилова и участников исторической части проекта, состоял в том, что наиболее реальные сведения о деревенской жизни, начиная с хозяйства и вплоть до культуры и быта, содержат документальные материалы, исходившие непосредственно из крестьянской среды, от мирских сходов, волостных правлений, а после 1917 г. – сельских и волостных советов, правлений колхозов и т. п.

Также историки заключили, что с точки зрения состояния документальной базы по истории селений наиболее полно в региональных архивах оказался представлен советский период. Этому способствовала, как уже отмечалось, начавшаяся в 1990-е гг. «архивная революция» – открытие секретных фондов в местных и центральных архивах, особенно по истории коллективизации и колхозной жизни советской деревни.

Работа историков в социологическом проекте носила экспериментальный характер. Ее опыт свидетельствует о принципиальной возможности и целесообразности их участия в социологических исследованиях, особенно в области изучения сельской жизни⁹⁷.

§ 4. Влияние международных проектов Института российской истории РАН по истории крестьянства России в XX веке на развитие региональной аграрной историографии

В последнее десятилетие региональная историография развивается под несомненным влиянием результатов осуществленных в конце XX—начале XXI в. под руководством В.П. Данилова, Т. Шанина и А. Береловича международных научных проектов по аграрной истории России XX века⁹⁸. Речь идет о таких проектах, организованных под эгидой Института российской истории РАН и Московской высшей школы социальных и политических наук (МВШСЭН), как: «Изучение социальной структуры советского и постсоветского села»; «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.»; «Советская деревня 1920–1930-х годов глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД»; «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.»⁹⁹

В ходе работы над данными проектами коллектива российских и зарубежных ученых (из США, Великобритании, Канады, Франции, Австралии, Южной Кореи, Украины) в широкий научный оборот введен огромный массив ранее недоступных исследователям архивных источников по истории российского крестьянства XX века, в первую очередь первой его половины¹⁰⁰.

В рамках данных проектов на протяжении 1990–2000-х гг. по инициативе Данилова и Шанина на базе МВШСЭН проводились научные мероприятия, оказывающие немалое влияние на региональных историков-аграрников.

Среди них – теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития»¹⁰¹, а также проходивший ежегодно в МВШСЭН международный симпозиум на тему: «Куда идет Россия?»¹⁰².

Кроме того, в рассматриваемый период очевидный позитивный импульс к активизации региональных исследований по аграрной проблематике давали публикации «Центра крестьяноведения и аграрных реформ» МВШСЭН, консультации его сотрудников молодым ученым¹⁰³.

В результате в российских регионах в последнее десятилетие наметилась тенденция изучения истории крестьянства и аграрной политики государства в русле научных традиций и достижений вышеназванных международных проектов по аграрной истории России и связанных с ним исследователей.

Вот лишь некоторые факты, подтверждающие данное заключение.

Прежде всего, участие в проектах способствовало творческому росту их непосредственных участников, в том числе из российских регионов. В частности, докторские диссертации по темам, обусловленным проблематикой проектов, успешно защитили такие их активные участники, как С.А. Есиков (Тамбов), Н.С. Тархова (Москва), В.В. Кондрашин (Пенза)¹⁰⁴.

С.А. Есиков в своих работах дал развернутую характеристику крестьянству Тамбовской губернии в первые десятилетия XX века. Он доказал, что главной причиной крестьянского движения в Тамбовской губернии в годы революционных потрясений было аграрное перенаселение¹⁰⁵. Изучив всесторонне историю крестьянского восстания в губернии под предводительством А.С. Антонова, исследователь пришел к аргументированному выводу, что «антоновщина» стала закономерной реакцией тамбовских крестьян на грабительскую «военно-коммунистическую» политику большевиков.

Эти выводы подтверждены В.В. Кондрашиным в ходе работы над докторской диссертацией по теме крестьянского движения в Поволжье в 1918–1922 гг. Он пришел к заключению, что большевики победили белых благодаря крестьянской поддержке в критические моменты Гражданской войны. Эта поддержка основывалась на страхе крестьян перед угрозой реставрации помещичьего землевладения в случае победы белых. Крестьяне прифронтовых губерний Европейской России прекращали свое сопротивление большевикам, когда к их селениям подступали белые армии. С целью отражения их наступления они шли в Красную армию, создавали отряды самообороны. Но их настроения менялись, как только угроза белой контрреволюции устранялась. С этого момента крестьяне возобновляли свою борьбу против «военно-коммунистической политики» большевиков и продолжали ее до отмены в 1921 г.¹⁰⁶

Подобная ситуация была и на Украине во время наступления белых летом 1919 г. Об этом указывают материалы подготовленного В.В. Кондрашиным совместно с Шаниным и Н.С. Тарховой последнего тома серии «Крестьянская революция в России», посвященного крестьянскому движению на Украине под предводительством Н.И. Махно¹⁰⁷. Повстанческая армия Махно, несмотря на свою вражду с большевиками, героически сражалась с захватившими Украину денкинцами¹⁰⁸.

Благодаря участию в международных проектах, В.В. Кондрашин смог активно работать и над такой проблемой, как голод 1932–1933 гг. в СССР. На материалах Поволжья мне удалось подтвердить основные концептуальные идеи проектов «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД». В частности, он пришел к выводу, что данный голод был организованным голодом, т. е. результатом сталинской политики насильственной коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных хлебозаготовок. Именно сталинская аграрная политика, а не природные катаклизмы, вызвали в стране глубокий кризис сельского хозяйства и массовый голод населения в зерновых районах страны¹⁰⁹.

В начале 2000-х гг. В.В. Кондрашину пришлось неоднократно выступать в СМИ¹¹⁰ и научных изданиях, в том числе за рубежом, против

идеи украинских националистов о «геноциде голодомором» в 1932–1933 гг. украинского народа. В своих публикациях на эту тему он последовательно отстаивал идею, что голод 1932–1933 гг. является общей трагедией всех народов СССР. И эта трагедия должна не разделять, а объединять народы¹¹¹.

В 2002 г. совместно с профессором из университета Мемфис (США) Дианой Пеннер в серии «Американская русистика» им была опубликована монография о голоде 1932–1933 гг. в советской деревне на материалах Поволжья, Дона и Кубани¹¹². После доработки ее опубликовало издательство «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)» в серии «История сталинизма»¹¹³. В своих книгах он стремился на основе использования разнообразных источников показать, почему и как произошла эта трагедия. Проблема рассматривалась в контексте мировой истории голода.

Больших творческих успехов добилась Н.С. Тархова – главный археограф многих документальных изданий указанных международных проектов. В частности, осуществив глубокий и всесторонний анализ документальных материалов сборников серии «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», она подготовила докторскую диссертацию на тему: «Красная армия и коллективизация советской деревни». В ней впервые в историографии выдвинуто положение о том, что в целом Красная армия (за исключением отдельных случаев) оказалась изолирована властью от участия в коллективизации, поскольку по своему составу она была крестьянской. Ее активное использование в крестьянской стране против крестьянства могло иметь для власти непредсказуемые последствия. Именно поэтому семьи красноармейцев были выведены из-под удара репрессий: они получили специальные льготы от государства и т. п.

Благодаря исследованиям Н.С. Тарховой¹¹⁴, выполненным в русле традиций международных проектов, стали более ясны причины успешного проведения в СССР сталинской коллективизации. Во многом ее успех был обусловлен тем обстоятельством, что насилие над крестьянством осуществляли, прежде всего, органы ОГПУ, а не части Красной армии, укомплектованные в большинстве своем выходцами из крестьянской среды.

Другой участник проектов, ведущий историк-аграрник из Саратова А.Г. Рыбков подготовил к печати сборник документов о крестьянском движении в Саратовской губернии в годы гражданской войны¹¹⁵.

Внимания заслуживают работы С.А. Красильникова, также добившегося успехов в своей творческой деятельности благодаря участию в проектах Данилова, Шанина и Береловича. В ходе работы над этими проектами совместно с Даниловым он подготовил к печати серию документальных сборников о спецпереселенцах в Западной Сибири, а затем написал авторскую монографию о крестьянской ссылке в 1930-е годы.

В ней на основе достоверных источников он охарактеризовал основные аспекты этой трагедии советского крестьянства¹¹⁶.

К числу единомышленников и продолжателей идей международных проектов следует отнести и таких историков-аграрников, связанных с научными мероприятиями и коллективом ученых, руководимых Даниловым и Шаниным, как И.Е. Кознова, Д.А. Сафонов, Г.Е. Корнилов¹¹⁷.

Очень важным результатом международных проектов по аграрной истории было то, что участники проектов из регионов дали толчок региональным исследованиям, связанным с тематикой проектов. Под их влиянием, прямым и опосредованным, основные идеи данных проектов апробировались на региональном уровне молодыми, талантливыми исследователями в виде диссертаций, статей и монографических работ.

В частности, в начале 2000-х гг. были успешно защищены кандидатские диссертации по проблематике международных проектов пензенскими исследователями К.А. Коломийцем, Л.В. Лебедевой, Н.И. Мавлюдовым, В.Е. Малязевым, А.А. Тарховой, а также докторская диссертация О. А. Суховой¹¹⁸. Среди них следует особо выделить работы В.Е. Малязева и А.А. Тарховой, О.А. Суховой¹¹⁹.

Так, например, В.Е. Малязев подготовил кандидатскую диссертацию по истории обычного российского села Степановки Бессоновского района Пензенской области. На данный момент она остается фактически единственной научной работой такой тематики, защищенной в России за последние десятилетия.

В кандидатской диссертации А.А. Тарховой дана всесторонняя характеристика традиционной культуры русской деревни на материалах этнографических экспедиций, проведенных ею в селениях Пензенской области на протяжении многих лет.

Одним из ведущих центров изучения истории российского крестьянства в русле методологии и тематики международных проектов стал г. Тамбов. В этом главная заслуга уже упомянутого нами активного участника проекта С.А. Есикова. Под его руководством и благодаря его влиянию тамбовскими исследователями защищены оригинальные диссертации и написаны интересные монографии по аграрной истории Тамбовской губернии конца XIX–первой половины XX в.¹²⁰

В русле традиций международных проектов в последнее десятилетие аграрная наука активно развивается и в других регионах России¹²¹. Например, на общем фоне особенно выделяется уральский регион, где региональные исследования по аграрной истории осуществляются в немалой степени благодаря творческой энергии и научному авторитету Г.Е. Корнилова¹²². Он является учеником одного из самых авторитетных участников международных проектов, сподвижника Данилова, профессора И.Е. Зеленина. По его инициативе на базе Оренбург-

ского государственного педагогического университета ежегодно проводятся крупные международные конференции на тему: «Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: история и современность», в которых принимают участие ведущие историки-аграрники из регионов, в том числе участники международных проектов¹²³.

Больших результатов в изучении истории коллективизации на региональном уровне в лучших традициях указанных международных проектов достиг мордовский историк-аграрник Т.Д. Надькин. Им подготовлена докторская диссертация об особенностях осуществления аграрной политики Советского государства в конце 1920-х–начале 1950-х гг. в Республики Мордовия¹²⁴. На протяжении последнего десятилетия он поддерживал активные связи с Даниловым и другими членами авторского коллектива проектов, всегда получал у них необходимые консультации, а также и другие формы поддержки его исследовательской деятельности (напр., гранты РГНФ).

Позитивное влияние на развитие региональной историографии в последнее десятилетие оказывает один из крупнейших историков-аграрников Поволжья П.С. Кабытов (Самара). Его подвижническая деятельность на ниве исторического образования способствовала защите моей докторской диссертации, а также О.А. Суховой и О.В. Ягова (о кооперации. – В. К.). Она укрепила творческие связи между историками-аграрниками Среднего Поволжья и других регионов России¹²⁵.

Несомненным положительным результатом международных проектов по аграрной истории России стало продолжение научного сотрудничества российских и зарубежных ученых, работавших над ними. Так, например, в период с 2002 по 2005 гг. коллективом российских историков и исследователей Японии в основном из провинции с той и другой стороны был осуществлен научный проект «История российского крестьянства в XX веке»¹²⁶. Он был организован профессором Токийского университета Хироси Окудой. В нем участвовали такие исследователи из России, как С.А. Есиков, Г.Е. Корнилов, Н.С. Тархова, И.Е. Кознова, М.Н. Глумная, В. В. Кондрашин. Все они принимали участие, или были связаны с вышеуказанными международными проектами.

В публикациях участников данного проекта широко представлена позиция японских и российских ученых по многим актуальным проблемам аграрной истории России XX века. Некоторые из них (статьи Х. Окуды, К. Синъити, С.А. Есикова, Н.С. Тарховой, В.В. Кондрашина) написаны в русле тематики международных проектов¹²⁷.

В настоящее время в Японии сложилась собственная оригинальная школа историков и экономистов, активно занимающихся историей российского крестьянства, с большим уважением относящихся к традициям, заложенным руководителями и участниками вышеназванных

международных проектов, поддерживающая научные контакты с российскими коллегами (Х. Окуда, К. Синьити, Т. Судзуки, Н. Кобэ, Н. Хироока, Чой Джаедонг и др.).¹²⁸ Ее организатором и вдохновителем является выше названный мной профессор Хироси Окуда.

В 2006–2007 гг. в контексте проекта «Трагедия советской деревни» В.В. Кондрашиным, С.А. Есиковым и Г.Е. Корниловым был организован и осуществлен совместный научный проект с украинскими историками на тему: «Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР». В результате подготовлен к печати сборник статей участников проекта, установлены творческие связи с украинскими коллегами (профессорами А.Т. Капустян (Кременчуг), В.Ф. Верстюком (Киев) и др.).¹²⁹

Таким образом, несомненно позитивное влияние на развитие региональной науки осуществленных на рубеже XX–XXI вв. международных проектов по аграрной истории России В.П. Данилова. Благодаря им в регионах возникла группа историков-аграрников, придерживающихся общих концептуальных взглядов по ключевым аспектам аграрной истории России, активно работающих в данном направлении. Именно с ними и их последователями связаны перспективы региональных исследований по аграрной проблематике.

§ 5. Японские исследователи аграрной истории России XX века

В период с 2002 по 2005 гг. коллективом японских исследователей и группой российских историков, в основном из провинции с той и другой стороны, на базе Центра международного исследования японской экономики при экономическом факультете Токийского университета осуществлен первый за всю историю научных связей Японии и России проект на тему «История российского крестьянства в XX веке»¹³⁰.

В совместных публикациях участников проекта широко представлена позиция японских ученых по актуальным проблемам аграрной истории России¹³¹. И это не случайно. В Японии давно сложилась собственная школа историков и экономистов, активно занимающихся историей российского крестьянства¹³². Результаты ее научной деятельности весьма солидны и заслуживают внимания научной общественности России¹³³. В первую очередь, заслуживают особого внимания японские исследователи – участники научного проекта «История Российского крестьянства в XX веке», поскольку на протяжении многих лет они активно сотрудничали и продолжают сотрудничать со своими российскими коллегами.

Инициатором этого проекта выступил замечательный знаток русской деревни, прекрасный организатор, замечательный человек и большой друг российских историков-аграрников, профессор экономичес-

кого факультета Токийского университета Хироси Окуда¹³⁴. Им написана фундаментальная монография о коллективизации в Поволжье, в которой убедительно доказан ее насильственный характер, а также показаны негативные последствия для крестьян¹³⁵.

Сферой научных интересов Хироси Окуды является судьба русской общины накануне и в годы насильственной коллективизации. Рассматривая проблему самообложения сельского населения в 1928–1933 гг., он приходит к аргументированному выводу о том, что в годы коллективизации самообложение из добровольной функции общины, направленной на решение первоочередных проблем, превратилось в средство выкачивания налогов для нужд государства, поскольку приобрело обязательный и принудительный характер. Данный факт – свидетельство отмирания общины как органа реального крестьянского самоуправления в годы коллективизации¹³⁶.

Профессор Хироси Окуда поднял в своих работах важнейшую проблему социальной базы сталинизма и по сути дела подвел исследователей к ответу на вопрос: «Почему в крестьянской стране победила антикрестьянская политика насильственной коллективизации на основе раскулачивания и организованного голода?». Она победила потому, что, наряду с другими факторами, опиралась в деревне на многочисленную бюрократию, состоящую, прежде всего, из деревенской молодежи – коммунистов и комсомольцев, отказавшихся от «сохи ради портфеля», порвавших со своим крестьянским прошлым, как говорят историки-аграрники, «раскрестьянившихся».

Вот как об этом написал японский профессор: «деревенские коммунисты и комсомольцы (или вообще деревенская молодежь) не разделяли крестьянских ценностей. Этот исторический фон уже с 1920-х гг. давал возможность власти проявлять антикрестьянский характер, который стал наиболее заметным в период сталинизма. Одновременно увеличение числа деревенских коммунистов как монополистов должности имело «ползучий» характер, отражая углубление антикрестьянского характера процесса – сначала в форме денатурализации деревни, а затем (и все более решительно) изменения социально-экономических отношений в деревне и бюрократизации колхозной жизни»¹³⁷.

В настоящее время профессор Хироси Окуда является лидером японских исследователей истории российского крестьянства в XX веке. Он пользуется огромным уважением его российских и зарубежных коллег. Российские ученые благодарны ему за организованный научный проект по изучению истории крестьянства России, благодаря которому им удалось ближе познакомиться с японской аграрной русистикой, японскими коллегами и их прекрасной страной.

Другим крупным японским знатоком аграрной истории России XX века является Синьити Кадзикава – профессор филологического фа-

культета государственного университета Канадзава¹³⁸. Большое внимание он уделяет проблеме «военного коммунизма», доказывая, что эта политика была закономерным явлением, реакцией большевиков на хозяйственную разруху в стране¹³⁹.

Одной из последних работ Синъити Кадзикава стало изучение обстоятельств перехода Советской власти к новой экономической политике. Он выступает против сложившегося в историографии стереотипа, что переход к нэпу связан с принятой X съездом партии в марте 1921 года резолюцией о замене продразверстки натуральным налогом. По его мнению, натуральный налог вполне вписывался в политику военного коммунизма и не противоречил идее безденежной системы обмена, основанной на продуктообмене. Синъити Кадзикава считает, что не Кронштадтский мятеж и страх большевиков перед крестьянской войной, а в первую очередь критическое положение в сельском хозяйстве, опасность срыва посевной кампании, заставили их отказаться от непосредственного перехода к безденежной системе через введение натурального налога и отменить продовольственную разверстку¹⁴⁰.

В отличие от некоторых российских исследователей профессор Синъити Кадзикава не идеализирует «ленинский нэп», который якобы коренным образом улучшил положение крестьян. Изученные им факты о кампании 1921 г. по сбору продналога и так называемая «кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей» для помощи голодающим свидетельствуют об обратном. Синъити Кадзикава обоснованно заключает: «Вопреки «мифу», будто нэп укреплял союз рабочих и крестьян, отношения большевистской власти с народом, главным образом с крестьянством, были полностью испорчены. Государство большевиков оказалось совершенно бессильным в деле помощи голодающим. Но народная трагедия на этом не закончилась. Одна из самых жестких страниц в истории России — кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей под предлогом помощи голодающим. Занавес новой трагедии поднимается в последние годы ленинского правления»¹⁴¹.

Большую роль в организации вышеназванного российско-японского проекта сыграл профессор политико-экономического факультета университета Васэда Такэо Судзуки. Он сосредоточил свое внимание на исследовании такой важнейшей проблемы, как модернизация России. Такэо Судзуки пришел к аргументированному заключению, что все проекты модернизации страны наталкивались на прочность общинных порядков. Преодоление их оказалось не простым делом и в период Петровских реформ, и на протяжении последующего времени (реформы Александра II, Столыпинская аграрная реформа). В конечном итоге самодержавной российской власти так и не удалось сломить крестьянскую общину¹⁴².

Чой Джаедонг — доктор экономических наук, доцент экономического факультета Кейо университета, бывший научный ассистент экономического факультета Токийского университета в течение многих лет занимается изучением Столыпинской аграрной реформы. Он анализирует такой ее аспект, как крестьянское завещание и наследование. В результате Чой Джаедонг пришел к выводу, что важнейшим мероприятием реформы стала замена семейной собственности личной, индивидуальной собственностью, что способствовало утверждению в деревне рыночных отношений¹⁴³.

Также сферой интересов Чой Джаедонга являются земские противопожарные мероприятия в сельской России начала XX века или борьба с пожарами в деревне¹⁴⁴. Он исследовал такие аспекты проблемы, как противопожарные мероприятия земств, Строительный устав и планирование селений как профилактика пожаров, влияние на них Столыпинской аграрной реформы, сельские пожарные дружины, распространение огнестойкого строительства и огнегасительных материалов, обсадка селений деревьями и т. д. В результате Чой Джаедонг сделал следующий вывод: «противопожарные мероприятия привели лишь к ограниченному успеху, а активное распространение огнегасительных инструментов и постепенное улучшение инфраструктуры путем перестройки и постройки новых домов после пожаров привели к такому результату, что в целом степень ущерба от единичного пожара с течением времени уменьшилась»¹⁴⁵.

Наоко Хироока — внештатный преподаватель факультета иностранных языков Токийского университета иностранных языков — исследует проблему сельского здравоохранения в дореволюционной России. Государство-врач-крестьянин — вот логика ее научно-исследовательской работы¹⁴⁶. Также в поле зрения Наоки Хирооки попала и проблема венерических заболеваний крестьян в нэповской России. На основе разнообразных источников она показывает распространение этих болезней в 1920-е гг. в сельской местности, характеризует меры Советской власти по их искоренению¹⁴⁷. На основе изученных материалов ею делается важный вывод о земской медицине в России в рассматриваемый период: «...несмотря на то что земская политика в области бесплатной медицины и здравоохранения в деревне получила высокую оценку не только зарубежных, но и отечественных специалистов, фактически она находилась на грани своего существования»¹⁴⁸.

Оригинальной темой занимается Дзэндзи Асаока — доктор исторических наук, доцент гуманитарно-социологического отделения Фукусимского государственного университета. Он изучает крестьянскую печать и общественность в нэповской советской деревне¹⁴⁹. На достоверных источниках Дзэндзи Асаока показывает, что в 1920-е гг. сельские корреспонденты стали авторитетными людьми в деревне, поскольку писали в центральные органы печати (прежде всего «Крестьянскую

газету») правду о крестьянских нуждах и настроениях. Сама крестьянская периодика пользовалась поддержкой крестьян. Это отражалось в факте постоянного роста ее подписки в деревне. Ситуация кардинальным образом изменилась с началом сплошной коллективизации, когда селькоры из защитников крестьянских интересов превратились в проводников, агитаторов нового курса партии. Начались бюрократизация селькоровского движения и, как следствие, неприятие его со стороны крестьян. Общим итогом стало падение тиражей крестьянских изданий¹⁵⁰. Вполне аргументирован главный вывод японского исследователя: «Селькоровское движение как средство, связавшее советскую власть с крестьянством и способствовавшее углублению их взаимодействия, преуспело в создании связи с различными слоями сельского населения... Однако нельзя считать, что эта попытка достигла продолжительных успехов... В конечном счете, сущность проблемы заключалась в том, как относиться к общественной и политической деятельности «передового крестьянства», стоявшего на прочных хозяйственных и культурных основаниях. После череды различных экспериментов, осуществленных в период нэпа, большевики признали их общественную деятельность «буржуазной» и стали принимать меры к ее ограничению. Это было началом размычки советской власти с этим слоем крестьянства, приведшим вскоре к размычке с крестьянством в целом»¹⁵¹.

Темой научных интересов профессора экономического факультета публичного университета Кусиро Нориаки Мацуи являются колхозные уставы 1956 г. Он считает, что эти уставы принципиально отличались от предшествовавших уставов, «написанных под копирку», согласно Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1935 г. Во второй половине 1950-х гг. крестьяне впервые получили право самостоятельно разрабатывать свой колхозный устав, внести в него важные с их точки зрения пункты. Нориаки Мацуи основывает свое заключение на архивных материалах Орловской области и Алтайского края¹⁵².

Юка Такэда — кандидат экономических наук, доцент Института экономических исследований государственного университета Хитоцубаси, бывший научный ассистент экономического факультета Токийского университета, занимается изучением материального положения сельского населения России в 1990-е годы. Ею поставлен вопрос: бедность в России — это временная или хроническая болезнь? Чтобы ответить на него, она анализирует положение городских и сельских бедных России в 1990-е гг. и отмечает широкое распространение бедности в сельской местности¹⁵³. В последние годы она акцентировала внимание на структуру занятости современного российского села и развитие личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в условиях экономического роста России¹⁵⁴. Заслуживает большого внимания как иссле-

дователей, так и практических работников вывод Юки Такэды: «...постепенное расширение несельскохозяйственной занятости может уменьшить роль ЛПХ как стратегии выживания в России, но вместе с тем для домохозяйств, у которых есть работающий (либо работающие) в сельскохозяйственном секторе член семьи, роль ЛПХ в выживании пока еще остается большой. Все это значит, что даже при экономическом росте сама занятость в ЛПХ остается социально-культурной традицией (привычкой), глубоко укоренившейся в селе. Следовательно, в случае, если экономическое положение семьи ухудшится, ЛПХ всегда может играть активную роль в выживании для сельских семей»¹⁵⁵.

Важное значение для понимания сложившейся в настоящее время ситуации в сельском хозяйстве России имеют публикации Кооити Нобэ — старшего научного сотрудника Института аграрной политики при Министерстве сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии. Хотя они и не посвящены российскому селу, но содержат ценные выводы, актуальные для понимания возможных перспектив его развития. В частности, Кооити Нобэ анализирует ход и результаты земельной реформы в Армении, одной из наиболее радикальных среди стран СНГ. Эта реформа была направлена на разделение земельных угодий среди крестьян-индивидуалистов. Ее результат, по мнению Кооити Нобэ, крайне негативный. Он проявился в дроблении земельных участков, падении производительности труда, натурализации сельскохозяйственного производства. Земля так и не стала ценностью, поскольку в результате реформы земельный рынок в Армении не сложился¹⁵⁶.

Таковы краткие сведения о японских исследователях — участниках российско-японского проекта «История российского крестьянства в XX веке».

Профессор Хироси Окуда в предисловии ко второму выпуску сборника статей российских и японских исследователей «XX век и сельская Россия» написал: «До сих пор конференции и семинары с участием русских коллег не только углубляли наши представления о значимости вопросов, затронутых каждым из участников, но и расширяли ограниченный кругозор, которому мы, иностранные исследователи, нередко поддаемся. Они способствуют сокращению дистанции между японскими исследователями и ученым миром России в целом. Поэтому хочется высказать пожелание о продолжении русско-японского сотрудничества и в дальнейшем»¹⁵⁷.

§ 6. Историки Украины и России о голоде или «голодоморе» в Советской Украине в 1932–1933 гг.

Особый общественный интерес в последние десятилетия в аграрной истории России XX века вызывает тема голода 1932–1933 гг., получившая в современной зарубежной историографии хлесткое название «Голодомор в Украине»¹⁵⁸. Она получила особый общественный резонанс и политический подтекст в связи с позицией официальных властей Украины. На протяжении последних десятилетий они навязывают мировой общественности идею об исключительном характере голода 1932–1933 гг. на Украине, пытаются приравнять его к холокосту евреев в годы Второй мировой войны. Свою позицию украинская сторона (официальные лица и историки) пытается обосновать ссылкой на якобы существовавший у сталинского руководства замысел с помощью голодомора запугать украинский народ, сломить его стремление к созданию независимого украинского государства. В качестве аргумента, подтверждающего данный факт, украинские политики и историки выдвигают тезис о наибольшей остроте голода на Украине в 1932–1933 гг., по сравнению с другими регионами бывшего СССР, в том числе Российской Федерацией¹⁵⁹. При этом украинская сторона выносит данную проблему на международный уровень и требует от международного сообщества на уровне ООН и Евросоюза принятия специального юридического документа, подтверждающего факт «геноцида голодомором» Украины со стороны сталинского режима в 1932–1933 гг. В настоящее время уже более десяти стран мира на уровне своих высших законодательных органов поддержали данную инициативу руководства Украины (США, Канада, Латвия, Эстония, Польша, Грузия и другие).

На первый взгляд, подобная позиция украинского руководства является логичной, поскольку направлена на осуждение реальных действий сталинского руководства СССР на территории Украины в начале 1930-х годов, приведших к гибели миллионов украинцев и представителей других народов, проживавших тогда в Советской Украине (УССР)¹⁶⁰. Но в действительности она преследует совсем иную цель: с помощью муссирования данной трагедии добиться от мирового сообщества особых преференций для Украины за счет Российской Федерации. В случае признания ООН и Евросоюзом факта «геноцида голодомором» Украины сталинским режимом современная Россия как правопреемница СССР должна будет нести за него юридическую ответственность, аналогичную той, которую взяла на себя Германия за истребление евреев нацистами в годы Второй мировой войны.

Особый акцент ряда политических сил Украины на трагедию 1932–1933 гг. в качестве одного из основных средств идеологического воздействия на население приводит к разжиганию в дружественной стра-

не антироссийских настроений. В сознание ее граждан, особенно молодежи, вольно или невольно внедряется мысль об ответственности за голод 1932–1933 гг. Москвы, Центра, русских.

Российское руководство неоднократно заявляло украинским политикам об опасности и недальновидности разжигания межнациональной розни между братскими славянскими народами с помощью теории «геноцида голодомором». Тезис об исключительности трагедии 1932–1933 гг. на Украине оскорбляет память миллионов граждан бывшего СССР, погибших от голода в России, Казахстане, Белоруссии, Средней Азии и в других регионах страны¹⁶¹.

Тема голода 1932–1933 гг. на Украине впервые приобрела явную антироссийскую направленность в сентябре 1993 г., когда украинские власти впервые широко отметили 60-летие трагедии. Ей была посвящена специальная научная конференция в Киеве, в которой приняли участие президент Украины В. Кучма, лидеры основных политических партий, за исключением коммунистов, не признающих факт голодомора. С российской стороны на конференцию были приглашены ученые Института российской истории РАН (И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин) и ведущий специалист по истории голода 1932–1933 гг. на Северном Кавказе Е.Н. Осколков.

Ни о какой толерантности в ходе выступлений украинских историков и политиков в отношении России и российских коллег речь не шла. Например, Президент Украины Кучма заявил о необходимости для Украины ядерного оружия, чтобы больше никогда «не повторился голод, организованный чужим народом». Лидер «РУХа» («народного движения Украины») П. Грач указывал на необходимость получения компенсации от России за «голодомор» в виде ее отказа от Севастополя («Украина уже заплатила голодомором за все»). На центральной улице Киева Крещатике были установлены плакаты с информацией о «голодоморе» как более страшной трагедии для Украины, чем Вторая мировая война.

Выступления российских участников конференции были посвящены голоду 1932–1933 гг. за пределами Украины (И.Е. Зеленина – голоду в Казахстане, В.В. Кондрашин – голоду в Поволжье, Е.Н. Осколкова – голоду на Дону и Кубани). Но они не изменили общего настроения конференции: обосновать исключительный характер голода на Украине, не взирая ни на какие аргументы оппонентов. Подобная позиция проявилась в публикации материалов конференции. Из текста выступления В.В. Кондрашина был изъят фрагмент, объясняющий причины разной остроты голода в различных регионах СССР.

По итогам конференции участники с российской стороны, шокированные националистическим угаром и явным антинаучным подходом к проблеме ее организаторов, решили выступить в российской печати с резким заявлением. Но этого сделано не было. По предложению

нию заместителя директора Института российской истории РАН В.П. Дмитренко было решено уступить эмоциям и в целях сохранения возможности для дальнейшего диалога с украинскими коллегами изложить свое видение проблемы в главном историческом журнале Российской академии наук «Отечественной истории»¹⁶².

Следующим крупным научным мероприятием, где пришлось вступить в полемику с украинскими коллегами В.В. Кондрашину, была международная конференция в США, организованная в Бостоне в ноябре 1996 г. Американской ассоциацией славистов. В отличие от киевской конференции она прошла в академическом стиле, без политических заявлений и эмоций. И это не удивительно, так как в дискуссии приняли участие западные ученые, уже известные своими трудами среди широкой научной общественности (Д. Пеннер, Д. Энгерман, С. Мерль, С. Максудов). На конференции было доказано существование голода в 1932–1933 гг. не только на Украине, но и в других регионах СССР. Толерантность проявилась в уважительном отношении ее участников к трудам ученых, основанных на разнообразной и достоверной источниковой базе. Подобная ситуация объяснялась отсутствием на конференции политизированной части украинских историков, занимающихся проблемой голода.

Эта политизация в значительной мере обусловливается поддержкой украинской стороны некоторыми западными политиками, международными организациями и научными центрами. В частности, именно по их инициативе в сентябре 2003 г. в Италии, в г. Виченца, Национальным институтом религии и социальных проблем была организована научная конференция, посвященная голоду 1932–1933 гг. на Украине. В ней участвовали ведущие украинские историки, а также историки Италии, Германии, США, Канады и других стран. С российской стороны на конференцию были приглашены Н.А. Ивницкий и В.В. Кондрашин. Украинские историки чувствовали явную поддержку и сочувствие со стороны организаторов конференции. Поэтому в своих выступлениях они безапелляционно настаивали на концепции «геноцида голодомором народа Украины»¹⁶³. В ряде выступлений (например, О. Пахлевской) прозвучали прямые выпады против России. Ей отказывалось право считаться «подлинно европейской и демократической страной», поскольку она все еще не признала факта «геноцида Украины голодомором преступным сталинским режимом».

В выступлении В.В. Кондрашина и блестящем докладе Н.А. Ивницкого была изложена информация о голоде в СССР за пределами Украины¹⁶⁴. Указывалось о необходимости научного подхода к проблеме, основанном на достоверной архивной базе. Но украинские коллеги вновь оказались глухи к подобным призывам. Они настаивали на своей правоте, оперируя фактами о больших жертвах украинцев во

время голода, свидетельства очевидцев, как правило, из числа украинской диаспоры.

В то же время в ходе конференции выяснился очевидный факт: украинские историки и их сторонники на Западе не знали реальной картины голода 1932–1933 гг. в России. Об этом, в частности, было сказано в приватном разговоре В.В. Кондрашину одним из главных идеологов концепции «геноцида голодомором Украины», американским историком Д. Мейсом.

Таким образом, опыт первых совместных научных конференций российских и украинских историков по проблеме голода 1932–1933 гг. в СССР показал, во-первых, крайнюю политизацию проблемы украинскими историками, их конъюнктурность, во-вторых, незнание западной научной общественностью трудов российских ученых на эту тему. Последнее обстоятельство объяснялось недооценкой российскими политиками и историками политической остроты указанной темы. Отсюда малые тиражи добротных трудов по истории голода 1932–1933 гг. в СССР, недостаточно активный интерес российских исследователей к проблеме на уровне регионов.

Ситуация стала кардинально меняться по мере осознания руководством России опасности дальнейшего игнорирования проблемы, ее замалчивания, потакания антироссийским силам на Украине и за ее пределами. Настоящий прорыв был осуществлен в 2008 г., когда по инициативе руководителя Федерального архивного агентства РФ, члена-корреспондента РАН Владимира Петровича Козлова, на базе Российского государственного архива экономики (директор Е.А. Тюрина) был начат крупный международный проект с участием Казахстана и Белоруссии по публикации документов из национальных архивов по истории голода 1932–1933 гг. в СССР. Было решено опубликовать сборник документов, раскрывающих причины, масштабы и последствия этой великой трагедии народов бывшего СССР. В.В. Кондрашину было поручено научное руководство проектом в качестве ответственного редактора и составителя запланированной документальной серии, выросшей по мере выявления огромного массива документов в архивах в трехтомное издание. На данный момент опубликовано четыре книги в трех томах¹⁶⁵.

К сожалению, от участия в работе над сборником отказались украинские коллеги, несмотря на неоднократные предложения российской стороны. В официальном ответе председателя Государственного комитета архивов Украины О.П. Гинзбург руководителю Федерального архивного агентства России Владимиру Петровичу Козлову главной причиной этого называлось отсутствие в предложенной россиянами концепции признания факта «национальной специфики событий 1932–1933 гг.». По мнению украинских ученых, она заключается в «голодоморе» в трех регионах СССР (УССР, Кубанский округ Северо-

Кавказского края, Казахская АССР) и «голоде» в остальных «хлебородных районах СССР». Исходя из этих соображений, О.П. Гинзбург предложила начать работу «не над единым российско-украинским сборником документов, а над общим издательским проектом (издательской серией) «Голод в СССР. 1932–1933», в котором «один том (при необходимости – два тома) будет посвящен голоду в Российской Федерации (в том числе Голодомору в Казахской АССР), второй – Голодомору в УССР, третий – голоду в БССР и т. д.». При этом в данном письме подчеркивалось принципиальное нежелание украинских коллег участвовать в совместной работе с учеными из России и других государств бывшего СССР над общим сборником документов: «Каждый том будет готовить национальная редколлегия и коллектив составителей, согласовывая на межгосударственном уровне только самые общие концептуальные моменты»¹⁶⁶.

В 2008–2009 г. состоялось несколько международных конференций, посвященных голоду 1932–1933 гг. в СССР, в ходе которых состоялся обмен мнений между российскими и украинскими специалистами на данную тему (в 2007–2009 г. в Киеве, Москве, Мельбурне). В отличие от предшествующих встреч украинские коллеги заняли более осторожную позицию, отказавшись от прямых или закамуфлированных выпадов против России, проявляя уже явное стремление к толерантности, сглаживанию наиболее острых вопросов. Например, в октябре 2008 г. на конференции в Конча-Заспе (под Киевом) директор Института национальной памяти Национальной академии наук Украины И. Юхновский, предваряя выступление с докладом В.В. Кондрашина, заявил, что украинская концепция «геноцида голодомором» не направлена против России, и Украина признает факт голода в 1932–1933 гг. в российских регионах¹⁶⁷.

Важным событием в многолетней российско-украинской полемике по рассматриваемой проблеме стала международная научная конференция, прошедшая в марте 2009 г. в Мельбурнском университете¹⁶⁸ Австралия. Она была посвящена истории голода в различных странах мира в XX веке. В ее работе приняли участие ученые из ведущих научных центров и университетов Австралии, Англии, Германии, Италии, Ирландии, США, Канады, Китая, Украины. В.В. Кондрашин представлял на конференции Россию. Организатором конференции был один из самых авторитетных специалистов в мире по проблеме советского голода 1932–1933 гг., профессор Мельбурнского университета Стивен Уиткрофт.

Конференция состояла из двух частей. Первая часть – семинар (рабочая встреча) участников конференции по истории голода в периоды «большого скачка» в Китайской Народной Республике (1959–1961 гг.) и «Великого перелома» в СССР (1932–1933 гг.). Вторая часть – международная конференция на тему «Голод в современном мире», посвя-

ценная голоду в Индии, Юго-Восточной Азии, Западной Европе. Заключительным мероприятием конференции стал круглый стол, где прошла дискуссия по поводу концепции украинских историков о «голодоморе — геноциде» 1932–1933 гг. со стороны сталинского руководства СССР народа Украины. В присутствии представителей украинской и русской общин в Австралии состоялся острый обмен мнениями по указанной проблеме между сторонниками и противниками данной концепции. Идею «геноцида голодомором» защищали С. Кульчицкий (Институт истории Украинской Академии Наук) и Р. Сербин (Университет Монреаля, Канада). Их оппонентами выступили В.В. Кондрашин и профессор Мельбурнского университета Стивен Уиткрофт.

В частности, В.В. Кондрашиным в ходе дискуссии обосновывалась позиция не только словесно, но и с помощью демонстрации слайдов рассекреченных документов из Архива Президента Российской Федерации по проблеме голода 1932–1933 гг. Эти документы были рассекречены и введены в научный оборот в рамках программы Федерального архивного агентства РФ по подготовке к изданию серии документальных сборников «Голод в СССР. 1929–1934 гг.».

Стивен Уиткрофт проинформировал участников дискуссии и аудиторию о реальных жертвах голода в Украине (3–3,5 млн человек, а не 10 млн. по утверждению Президента Украины В. Ющенко). Кроме того, он опроверг утверждения украинских историков о неадекватном поведении одного из создателей концепции «геноцида голодомором» Украины Роберта Конквеста (Стэнфорд, США), в связи с его отказом от этой концепции. С. Уиткрофт рассказал о своих контактах с Конквестом, который вполне осознанно изменил свою позицию после прочтения книги Р. Девиса и С. Уиткрофта «Голодные годы в СССР 1931–1933»¹⁶⁹.

Хотя участники дискуссии и остались при своем мнении, но все-таки был несомненный прогресс, выразившийся в общем стремлении продолжать дискуссию в разных формах, в том числе на уровне совместных публикаций в ведущих национальных научных изданиях. Причем инициатива исходила не только от российской стороны, но и украинской, включая представителей зарубежной украинской диаспоры. В частности, Роман Сербин предложил опубликовать в его журнале «Изучение голодомора» (Монреаль, Канада) статьи российских, украинских и других специалистов по данной теме. Также он согласился с предложением В.В. Кондрашина продолжить дискуссию в рамках очередной сессии Американской ассоциации славистов в Бостоне (США, Гарвардский университет). В ноябре 2009 г. эти предложения были реализованы¹⁷⁰.

Изменение позиции украинских историков и их зарубежных коллег в сторону большего понимания российской позиции, большей толерантности в решающей степени объясняется результатами научной

работы российских ученых, сумевших за последние годы ввести в научный оборот огромный массив достоверных архивных источников по теме голода 1932–1933 гг. в СССР. Теперь уже просто невозможно занимать прежнюю позицию. Об этом было прямо сказано украинскими учеными (С. Кульчицким, Ю. Шаповалом, В. Васильевым) на состоявшихся в Москве и Киеве в ноябре–декабре 2009 г. научных конференциях, организованных Центром украинистики и белорусистики МГУ им. М.В. Ломоносова, Посольством Франции на Украине и другими организациями.

Успешным примером научного сотрудничества украинских коллег с российскими и другими учеными в деле изучения проблемы голода 1932–1933 гг. в СССР стала вышедшая в издательстве «Российская политическая энциклопедия» в 2011 г. под редакцией В.В. Кондрашина книга с характерным названием: «Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР»¹⁷¹.

В ней осуществлена попытка донести до широкой общественности информацию о новейших исследованиях российских и украинских историков голода 1932–1933 гг. в России и на Украине. Главная цель данной публикации – обобщить накопленный российскими и украинскими историками опыт исследования рассматриваемой проблемы в последние десятилетия, сделать его доступным для читателя в России и Украине. В книге помещены статьи ведущих российских и украинских ученых, в последние десятилетия активно занимающихся изучением голода 1932–1933 гг. в СССР на общесоюзном и региональном уровне. Среди авторов с украинской стороны – выдающийся исследователь трагедии 1932–1933 гг. в Украине, наиболее авторитетный в научном мире специалист по данной теме С.В. Кульчицкий, а также его ученик, один из участников фундаментальных документальных публикаций по истории сталинского голода в УССР В.Ю. Васильев. Также по рассматриваемой проблеме в книге помещена статья А.Т. Капустян, которая была самой активной участницей с украинской стороны международного проекта РГНФ–НАНУ «Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР». Особое место в книге занимает статья канадского исследователя украинской трагедии Романа Сербина – главного редактора журнала «Голодомор» (Монреаль), посвященная осмыслению проблемы голода на Украине в контексте идей Рафаэля Лемкина, разработавшего основные положения конвенции ООН по вопросам геноцида.

В указанной публикации читатель может получить полное представление об аргументации концепции «Голодомора – геноцида украинского народа в 1932–1933 гг.», которую поддерживают в данной книге С.В. Кульчицкий, Р. Сербин и А.Т. Капустян. Также они познакомятся с одним из наиболее успешных в современной украинской историографии региональным исследованием проблемы В.Ю. Васильева.

Российские авторы представлены в книге в большинстве своем региональными историками, поскольку именно в регионах в последнее время велась наиболее активная работа по изучению коллективизации и голода 1932–1933 гг. в СССР. Они не разделяют точку зрения украинских коллег о голодоморе – геноциде Украины в 1932–1933 гг. и приводят на этот счет свои аргументы.

О том, кто из участников дискуссии более убедителен в своей позиции, могут судить сами читатели.

Как научный редактор В.В. Кондрашин следующим образом определил научную значимость совместной российско-украинской публикации по острейшей проблеме истории России и Украины: «Главное, на наш взгляд, заключается в самом факте появления этой публикации, которая является одним из свидетельств взаимного желания российских и украинских историков прийти к научному диалогу, сотрудничеству, человеческой дружбе. По нашему глубокому убеждению, в этом залог успеха и совместного продвижения к истинному осмыслению великой трагедии 1932–1933 гг. народов России и Украины»¹⁷².

Важным событием в осмыслении трагедии 1932–1933 гг. в Советской Украине стала публикация в 2013 г. в Киеве по инициативе директора Института национальной памяти Украины, члена-корреспондента Национальной академии наук Украины В.Ф. Солдатенко коллективной монографии «Голод 1933. Украинцы»¹⁷³. Это был первый совместный труд украинских, российских и зарубежных ученых, не разделяющих концепцию геноцида голодомором Украины. Среди его авторов были ведущие специалисты по данной теме – С. Уиткрофт (Австралия), В. Солдатенко, В. Веденеев, В. Васильев (все из Украины), В. Кондрашин, К. Дроздов (оба из России) и т. д. В.В. Кондрашин опубликовал раздел в монографии, посвященный обзору документов из архивов России о трагедии Украины в 1932 – 1933 гг., Е. Дроздов – о голоде в Центрально-Черноземной области, С. Уиткрофт – о людских потерях Украины в результате голода. Книга вызвала большой интерес у специалистов, поэтому было решено издать ее дополнительным тиражом для широкого круга читателей, прежде всего украинцев. Но в связи с «майданом» и последующими событиями эта идея не была реализована. Инициатор создания этой книги В.Ф. Солдатенко был уволен с занимаемой должности новыми властями Украины.

Примечания

¹ О проекте см.: Кондрашин В.В. Крестьянская революция в России: 1902–1922 гг. // Россия – век XX. Итоги и проблемы: материалы межвузовской научной конференции (Пензенск. гос. пед. университет им. В.Г. Белинского). Пенза, 1998. С. 11–12; Он же. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 60-летию университета (гуманитарные науки). Пенза, 1999. С. 30–31.

² Данилов В. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М., 1992. С. 310–321. За пределами Института российской истории РАН В.П. Данилов впервые апробировал идеи своей концепции «Крестьянская революция в России» на состоявшейся в Тамбове 7 апреля 1995 г. на базе Тамбовского государственного технического университета, по инициативе крупнейшего историка-аграрника России С.А. Есикова, научной конференции «Крестьяне и власть» (см.: Крестьяне и власть: тезисы докладов и сообщений научной конференции 7–8 апреля 1995 г. Тамбов, 1995. 112 с.; Крестьяне и власть: материалы конф. Тамбовск. гос. техн. ун-т, Московск. высш. шк. соц. и экон. наук. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.

³ Shanin Teodor. *The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol.2. Russia, 1905-1907. Revolution as a Moment of Truth.* London: The Macmillan Press, 1986; Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907, 1917–1922. М., 1997.

⁴ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Тамбов, 1994. С. 5.

⁵ См.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы / под ред. В. П. Данилова и Т. Шанина. Тамбов, 1994. 334 с.; Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. 792 с.; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.; Махно Нестор. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / под ред. В. Данилова, В. Кондрашина, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.

⁶ См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1919–1921 гг. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. 1000 с.

⁷ Есиков С. А. Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861–1905). Историко-правовое исследование. С.-Петербург: «Нестор», 2007. 190 с.

⁸ См.: Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К, 2001. С. 250–274.

⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935–1939 / под ред. А. Береловича, С. Красильникова, Ю. Мошкова и др. М.: РОССПЭН, 2012. 983 с.

¹⁰ См.: Кондрашин В. В. В. П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественная история. 2012. № 6. С. 37–44.

¹¹ См.: Danilov V., Berelowitch A. Les documents de la VCK–OGPU–NKVD sur la champagne sovietique. 1918–1937 // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. № 3. Juil. – sept. P. 633–682. Werth N. Une Source inedite: Les Svodki de la TCNEKA–OGPU // Revue des Etudes slaves. P., 1994. Vol. XXXV. № 1. P. 17–27.

¹² Проект был поддержан Фондом Джанджакомо Фельтринелли (Италия), Домом наук о человеке, Государственным центром по научным исследованиям (Франция), Франко-российский центр общественных и гуманитарных наук в Москве.

¹³ См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.; Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.

¹⁴ Проект РГНФ № 12-01-16091д.

¹⁵ Проект был поддержан Советом наук Швеции, Институтом по экономической истории Швеции.

¹⁶ В сборниках проекта опубликовано несколько документов из серии «Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931–начало 1933 гг. Новосибирск, 1993», «Исторический архив» (1994. № 4. С. 170).

¹⁷ См. напр.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. С. 223; Т. 3. Кн. 2. С. 641.

¹⁸ Напр.: Докладная записка председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) об экономическом положении от 9 июля 1924 г. // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. С. 223.

¹⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. С. 10–11.

²⁰ Там же. С. 155, 163, 182, 185, 194, 195, 201, 202, 206, 209, 213.

²¹ На эту тему см. подробнее: Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009.

²² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. С. 339.

²³ Там же. С. 1026–1027, 1030, 1031–1037.

²⁴ Там же. С. 1028–1029.

²⁵ Там же. С. 396–397, 924.

²⁶ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 193–197.

²⁷ Там же. Т. 1. С. 18.

²⁸ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 422–426, 532, 544–550.

- ²⁹ См.: Тархова Н.С. Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг. М.: СПб.: Летний сад, 2006.
- ³⁰ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 775, 780–785.
- ³¹ Там же. С. 786–787.
- ³² Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 217.
- ³³ Там же. Т. 4. С. 314.
- ³⁴ Там же. С. 469, 472–473, 483.
- ³⁵ Там же. С. 645.
- ³⁶ Там же. С. 82, 151, 155, 181–182, 645.
- ³⁷ Там же. С. 668.
- ³⁸ Там же. С. 562, 546, 591, 593, 607.
- ³⁹ Там же. С. 575.
- ⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 20–21.
- ⁴¹ Там же. Т. 4. С. 239, 287, 229, 447.
- ⁴² Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 115–118, 140–141, 519–527.
- ⁴³ Там же. С. 533–534.
- ⁴⁴ Там же. С. 683.
- ⁴⁵ Там же. С. 771. 716–717. 774.
- ⁴⁶ Там же. С. 774.
- ⁴⁷ Там же. С. 661–672.
- ⁴⁸ Там же. С. 739.
- ⁴⁹ Там же. С. 772.
- ⁵⁰ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 564.
- ⁵¹ Там же. С. 563.
- ⁵² Там же. С. 568–569.
- ⁵³ Там же. Т. 4. С. 256.
- ⁵⁴ Там же. Т. 2. С. 1023–1024.
- ⁵⁵ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 560–561; Т. 4. С. 197.
- ⁵⁶ Там же. Т. 4. С. 135.
- ⁵⁷ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 543.
- ⁵⁸ Там же. Т. 4. С. 324.
- ⁵⁹ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 303–305, 566–567.
- ⁶⁰ Там же. Т. 4. С. 428.
- ⁶¹ Там же. С. 429.
- ⁶² Там же. С. 396.
- ⁶³ Там же. С. 757, 759, 760, 768, 786.
- ⁶⁴ Там же. С. 804; Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1. 1929 – июль 1932: в 2 кн. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.; 2011; Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. М.; 2012.
- ⁶⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 305–430.
- ⁶⁶ Там же. С. 500, 523, 531, 545, 639.
- ⁶⁷ Там же. Т. 4. С. 123–124, 192, 387, 410, 426, 718.
- ⁶⁸ Там же. С. 644–645.
- ⁶⁹ Там же. С. 455, 664, 665.
- ⁷⁰ Там же. С. 441, 382, 619, 620.

- ⁷¹ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 526–527.
- ⁷² Там же. Т. 4. С. 295–296.
- ⁷³ Там же. С. 185, 194, 195, 433, 434, 459.
- ⁷⁴ Там же. С. 629.
- ⁷⁵ Там же. С. 640.
- ⁷⁶ На эту тему см.: Скорик А. П., Бондарев В. А. К вопросу о классификации индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозной деревне 1930-х годов (на материалах Юга России) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность // Ученые записки. Вып. 7. М., 2012. С. 178–190.
- ⁷⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 4. С. 202, 203.
- ⁷⁸ Там же. С. 443, 829.
- ⁷⁹ Там же. С. 391, 814, 830.
- ⁸⁰ См. на эту тему: Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомолцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 495–527.
- ⁸¹ Там же. С. 70–80, 90–91, 420.
- ⁸² Там же. Т. 2. С. 175.
- ⁸³ Там же. Т. 2. С. С. 188.
- ⁸⁴ Там же. Т. 4. С. 220.
- ⁸⁵ Там же. С. 450.
- ⁸⁶ Там же. С. 177.
- ⁸⁷ Там же. С. 353, 643.
- ⁸⁸ Там же. С. 345, 348, 610, 618, 627.
- ⁸⁹ Там же. С. 619, 631.
- ⁹⁰ Там же. С. 385.
- ⁹¹ Там же. С. 791–803, 805.
- ⁹² Там же. Т. 4. С. 280, 445, 447.
- ⁹³ Там же. С. 235, 245.
- ⁹⁴ О замысле проекта более подробно см.: Фадеева О., Никулин А. Исследования и исследователи: замыслы, проекты, результаты, люди (1999–2001 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С. 111.
- ⁹⁵ См.: Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. Е.М. Ковалев. М.: Аспект Пресс, 1996. 413 с.
- ⁹⁶ См.: Виктор Данилов. Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева [и др.] / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С. 115–141.
- ⁹⁷ См.: Кондрашин В. В. Историко-социологические исследования российских деревень // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 229–240.

⁹⁸ На эту тему защищена кандидатская диссертация аспирантки В.В. Кондрашина Е. Н. Кананеровой. См.: Кананерова Е. Н. Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XX—XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007.

⁹⁹ Об организации проектов и их научных результатах см.: Мякинчиков С.И. Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 1999. М., 1999. С. 299—306; Кондрашин В.В. Историко-социологические исследования российских деревень // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2000. С. 229—240; Тархова Н. С. История крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет // *History of Russian Peasantry in 20th Century (volume 2)*. Токуо, 2004. Р. 118—138; Данилов В.П. Историки в социологическом исследовании российской деревни 1990—1994 гг. // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С. 124, 136—140; Фадеева О., Никулин А. Исследования и исследователи: замыслы, проекты, результаты, люди (1999—2001 гг.) // Там же. С. 111 и др.

¹⁰⁰ См.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы / под ред. В.П. Данилова и Т. Шанина. Тамбов, 1994. 334 с.; Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917—1921 гг.). Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. 792 с.; Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917—1918): документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.; Махно Нестор. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: документы и материалы / под ред. В. Данилова, В. Кондрашина, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. 1918—1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова [В данном составе ответственные редакторы остаются и в последующих томах серии]. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.; Т. 2. 1923—1929. М.: РОССПЭН, 2000. 978 с.; Т. 3. 1930—1934. Кн. 1. 1930—1931 гг. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.; Т. 3. Кн. 2. 1932—1934. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы [В данном составе ответственные редакторы остаются и в последующих томах серии]. М.: РОССПЭН, 1999. 880 с.; Т. 2. Ноябрь 1929—декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.; Т. 3. Конец 1930—1933. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.; Т. 4. 1934—1936. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.; Т. 5. 1937—1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

¹⁰¹ Скотт Дж. С. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии: реферат. Нью-Хэвн; Лондон: Изд-во

Йельского ун-та, 1976 // Отечественная история. 1992. № 5. С. 5–17; Шанин Т. Определяя крестьянство: реферат. Oxford Basil Blackwell // Там же: Oxford Basil Blackwell: 1993. № 2. С. 7–16; Вульф Э. Р. Ф. Крестьяне Нью-Джерси: реферат: Энглвуд Клиффс, 1966 // Там же. 1993. № 6. С. 82–94; Мандра А. Конец крестьянства. Продолжение размышлений о конце крестьянства: Двадцать лет спустя: реферат. Париж, 1984 // Там же. 1994. № 2. С. 33–42; Левин М. Российские крестьяне и советская власть. Исследование коллективизации: реферат. Нью-Йорк; Лондон, 1975 // Там же. 1994. № 4–5. С. 48–59; Редфилд Р. Малое сообщество. Крестьянское общество и культура: реферат. Изд-во Чикагского ун-та, 1960 // Там же. 1994. № 6. С. 7–18; Мерль Ш. Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925–1928 гг.: реферат. Вена, 1981 // Там же. 1995. № 3. С. 104–116; Сиви Р.И. Голод в крестьянских обществах: реферат. Гринвуд пресс, 1986 // Там же. 1995. № 4. С. 5–14; Хантер Г., Ширмер Я. М. Аграрная политика неолыбшевизма и альтернатива. (Гл. 6 из кн.: Yunter H., Szyrmer J.M. Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928–1940: реферат. Princenton, 1992 // Там же. 1995. № 6. С. 145–165; Вебер О. Из мужиков во французы. Модернизация французской деревни. 1870–1914: реферат. Калифорния: Стэнфорд, 1976 // Там же. 1997. № 2. С. 140–148; Воглер И. Миф о семейной ферме: Господство агробизнеса в сельском хозяйстве Соединенных Штатов: реферат. Колорадо; Боулдер, 1981 // Там же. 1998. № 1. С. 119–131; Уиткрофт С. Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.): доклад // Там же. 1998. № 6. С. 95–109.

¹⁰² См. напр.: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Заславской Т.И. и Арутюнян Л.А. М.: Интерцентр, 1994. 320 с.; Там же. М.: Аспект Пресс, 1995. 412 с.; Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. 512 с.; Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1997. 368 с.; Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Логос, 1999. 432 с.; Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: 2000. 451 с.; Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. 352 с.; Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. 408 с.

¹⁰³ См. напр.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / пер. с англ.; сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. 432 с.; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск: ЭКОР, 1995. 280 с.; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. Е.М. Ковалев. М.: Аспект Пресс, 1996. 413 с.; Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. 1996 / Т. Шанин, В.П. Данилов, Дж. Скотт [и др.] / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996. 352 с.; Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. 1997 / Т. Шанин,

Г. Алави, В.П. Данилов [и др.]; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1997. 380 с.; Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. 560 с.; Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 1999 / А.В. Гордон, Т. Шанин, Н. Е. Хитрина и др.; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1999. Вып. 3. 323 с.; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева [и др.]; под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. 592 с.; Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 2005. Вып. 5 / Т. Шанин, А.М. Никулин, В.П. Данилов [и др.]; под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2006. 432 с. и др.

¹⁰⁴ См.: Есиков С. А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2001; Тархова Н. С. Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2006.

¹⁰⁵ Есиков С.А. Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861–1905 гг.). Историко-правовое исследование. СПб.: Нестор, 2007. 190 с.

¹⁰⁶ См.: Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К, 2001. С. 250–274.

¹⁰⁷ См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1919–1921 гг. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. 1000 с.

¹⁰⁸ См. об этом подробнее: Кондрашин В. В. Махновщина: крестьянское движение в Украине в 1918–1921 годах // История российского крестьянства XX века: сб. статей / под ред. Хирози Окуды. Токио: Изд-во Токийского ун-та, 2006. С. 153–192.

¹⁰⁹ См. напр.: Кондрашин В.В. Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки: міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р.: Матеріали. Київ, 1995. С. 123–132; Он же. Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории поволжской деревни // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68–72; Он же. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России: материалы международной конференции. М., 1995. С. 115–123, 378–380; Он же. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 92–99; Он же. Голод 1932–1933 годов в российской деревне: учебное пособие. Пенза, 2003. 366 с.; Он же. Трагедия 1932–1933 гг. в поволжской деревне в памяти народной // Записки краеведов: сборник материалов. Вып. 2. Ч. 2. Пенза, 2004. С. 83–100; Он же. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье в современной российской и зарубежной историографии // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правитель-

стве РМ, 2006. С. 342–347; Он же. Голод 1932–1933 гг. в российской деревне в свидетельствах очевидцев // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. 2005. Вып. 5. М.: МВШСЭН, 2006. С. 183–197 и др.

¹¹⁰ См. напр.: Известия. № 218. 24.11.2006. С. 14; Аргументы и факты. № 47. 2006 г.; Страна.Ru, 15.11.2006. 14:30; ГРТП, «Проблемы, события, люди», эфир 24.11.2006 г. / отв. за выпуск Е. Л. Ковачич.

¹¹¹ См. напр.: Кондрашин В.В. Был ли голод 1932–1933 годов в Украине геноцидом украинского народа? // Проблемы социально-политической и экономической истории России: сборник научных статей. Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2004. С. 53–64; Он же. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». CIRJE Research Report Series. CIRJE-R-2. Токио, 2005. С. 234–264; Он же. La carestia del 1932–33 in Russia e in Ucraina: analisi comparativa (cause, dati, conseguenze) // La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nell 1932–33. Viela, Roma, 2004. P. 45–72. (На итальянском языке); Он же. Голодомор 1932–1933 гг. в России и на Украине: причины, масштабы, последствия // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 232–238; Он же. Голод 1932–1933 годов в России и Украине: трагедия советской деревни // История российского крестьянства XX века: сб. статей / под ред. Хироси Окуды. Токио: Изд-во Токийского ун-та, 2006. С. 481–510. (На японском языке); Он же. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: сравнительный анализ (причины, масштабы, последствия) // Общество и власть XX век / отв. ред. и сост. В.А. Юрченок; НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. Саранск, 2006. С. 112–125.

¹¹² Кондрашин В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002. 432 с. Диана Пеннер является соавтором получившей признание специалистов и у американской общественности книги о трагедии Нового Орлеана в августе 2005 г. в (см.: *Overcoming Katrina: African American Voices from the Crescent City and Beyond* (New York: Palgrave Macmillan Press, 2009).

¹¹³ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 519 с.

¹¹⁴ См.: Тархова Н.С. Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 260 с.

¹¹⁵ Рыбков А.Г. Крестьянское движение в Саратовской губернии: сб. документов и материалов. Саратов, 2003. 88 с.

¹¹⁶ Красильников С. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.; Он же. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с., ил.

¹¹⁷ См.: Кознова И. Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005; Сафонов Д.А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революций: 1855–1922 гг. (на материалах Южного Урала): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Корнилов Г.Е. (отв. ред. и составитель). Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сборник документов и материалов. Т. 1. Оренбург: Оренбургское литературное агентство, 2005. 285 с.

¹¹⁸ См.: Коломиец К.А. Репрессивная политика Советского государства в деревне в 1930-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2005; Лебедева Л. В. Повседневная жизнь российской деревни в 20-е годы XX века: традиции и перемены (на материалах Пензенской губернии): автореф. дисс... канд.ист.наук. Пенза, 2006; Мавлюдов И. Н. Татарская деревня в 1920-е гг.: традиции и новации (по материалам Пензенской и Саратовской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; Маляев В.Е. Село Степановка в контексте социально-экономической и политической истории России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Тархова А.А. Традиционная культура русской деревни середины XIX–XX вв. (на материалах Пензенской области): автореф. дисс... канд.ист.наук. Саранск, 2004. Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007.

¹¹⁹ См.: Маляев В. Е. Указ. соч.; Он же. Ах, сенокос, сенокос, сенокос. Повести и рассказы. Пенза, 2007. 155 с. и др.; Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. 374 с.; Она же. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

¹²⁰ См. напр.: Есикова М.М. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие Советской власти (1918–1928 гг.): автореф... дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Олиферовская И.В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации (1927–1933 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2006; Шадский О.Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918–лето 1920) («предантоновщина»): автореф. дисс... канд.ист.наук. Пенза, 2000, Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX–начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с. и др.

¹²¹ В качестве примеров регионального изучения тем проектов, осуществленных при содействии его участников, можно привести следующие примеры: Еферица Т. В. Факторы социальных рисков и модели социальной поддержки крестьянства (вторая половина XIX–конец XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004; Каунова Н.Е. Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005 и др.

¹²² См. напр.: Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928–1933 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.

¹²³ См. напр.: Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 420 с.; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / гл. ред. Г. Е. Корнилов. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 584 с.; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Секция № 3. История и современность / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 348 с.

¹²⁴ Надькин Т. Д. Аграрная политика Советского государства и крестьянство в конце 1920-х–начале 1950-х гг. (по материалам Мордовии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2007.

¹²⁵ См. напр.: Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. 12–13 мая 2006 г. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2007. 498 с.

¹²⁶ См. об этом: Окуда Хироси. XX век и сельская Россия // Родина. Российский исторический журнал. 2005. № 10. Россия и Япония: от Путятина до Путина. С. 18.

¹²⁷ См.: «XX век и сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. 392 с.

¹²⁸ См.: History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1), Tokyo, 2002. 152 pp.; Newsletter. CIRJE (Center for International Research on the Japanese Economy. February 2002, № 4. P. 13; February 2003, № 5. P. 14; February 2005, № 7. P. 14; History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 2), Tokyo, 2004. 157 pp.

¹²⁹ См.: Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

¹³⁰ О замысле проекта и его результатах см.: Окуда Хироси. XX век и сельская Россия // Родина. Российский исторический журнал. 2005. № 10. Россия и Япония: от Путятина до Путина. С. 18.

¹³¹ См.: XX век и сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке. Вып. 1. Токио, 2005. 392 с.; Куракин А.А. Рецензия на книгу «XX век и сельская Россия» // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 420–428, 431. Основу сборника статей «XX век и сельская Россия» составили доработанные тексты выступлений японских ученых на «Фудзи-конференциях», состоявшихся с участием российских историков в образовательном центре у живописного подножья горы Фудзи в ноябре 2002 г. и ноябре 2003 г.; XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Вып. 2 / под редакцией Хироси Окуды. CIRJE Research Report Series. CIRJE-R-9. Токио, 2012. 275 с. Данный сбор-

ник статей включает материалы международной конференции, состоявшейся 26 ноября 2011 г. в Центре международного сотрудничества для исследования японской экономики (CIRJE) при Высшей школе экономики Токийского университета, приуроченной к 65-летию профессора Токийского университета Хироси Окуды. Автор этой книги также участвовал в конференции.

¹³² Широкою известность в России получили и другие японские исследователи аграрной истории России (см. напр.: Ю. Таниучи. К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 364–372; Кимитака Мацузато. «Общественная сыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 147–216 и др.

¹³³ См.: History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1), Tokyo, 2002. 152 pp.; Newsletter. Cirje (Center for International Research on the Japanese Economy. February 2002, № 4. P. 13; February 2003, № 5. P. 14; February 2005, № 7. P. 14; History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 2), Tokyo, 2004. 157 pp.

¹³⁴ Профессор Х. Окуда в июне 2003 года посетил село Степановку. Он побывал в школьном музее и встретился с последним директором совхоза «Степановский» Б.В. Еркиным (см.: Малая Родина. 2003. № 6. Степановка, 2003. С. 10–11).

¹³⁵ Окуда Хироси. Революция в Поволжье: деревня при режиме Сталина 1929–1934 (на японском языке). Токио, 1996.

¹³⁶ Он же. Самообложение 1928–1933 годов: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины // History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1), Tokyo, 2002. Edited by Hiroshi Okuda. The University of Tokyo, January 2003. Cirje. Discussion paper series. Faculty of economics University of Tokyo. С. 102–122; XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Вып. 1. CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, Токио, 2005. С. 153–191.

¹³⁷ Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 495–527.

¹³⁸ В конце августа 2002 года профессор С. Кадзикава посетил музей села Степановки (см.: Малая Родина. 2003. № 3. Степановка, 2003. С. 16).

¹³⁹ Кадзикава С. О военном коммунизме // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 331–336; Он же. Рецензия: Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. // History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1), Tokyo, 2002. С. 144–149.

¹⁴⁰ Кадзикава С. Что означает переход к нэпу в 1921 году? // XX век и сельская Россия. Вып. 1. С. 87–110.

¹⁴¹ Кадзикава Синъити. Ленинский вариант перехода к нэпу // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября–2 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 88–95.

¹⁴² Такэо Судзуки. Реформы и крестьянская община в дореволюционной России // History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 2), Tokyo, 2004. Edited by Hiroshi Okuda. The University of Tokyo. February 2004. Cirje. Discussion paper series. Faculty of economics University of Tokyo. С. 142–148; Он же. Модернизирующаяся Россия и сельская община // XX век и сельская Россия. Вып. 1. С. 38–43.

¹⁴³ Джаедонг Чой. Личный надел (укрепленный надел в личную собственность домохозяев) в России во время Столыпинской аграрной реформы. History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1), Tokyo, 2002. С. 93–101; Он же. Крестьянское завещание и наследование в период Столыпинской аграрной реформы // XX век и сельская Россия. Вып. 1. С. 44–86.

¹⁴⁴ Джаедонг Чой. Земские противопожарные мероприятия в сельской России начала 20 века // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Выпуск 2. С. 65–109.

¹⁴⁵ Чой Джаедонг. Земские противопожарные мероприятия в сельской России начала 20 века // XX век и сельская Россия. Выпуск 2. С. 109.

¹⁴⁶ Наоко Хироока. Государство – врач – крестьянин: история становления сельского здравоохранения в дореволюционной России // XX век и сельская Россия. Выпуск 2. С. 33–65.

¹⁴⁷ Она же. Борьба с сифилисом и крестьянство в 1920-х годах // XX век и сельская Россия. Выпуск первый. С. 124–130.

¹⁴⁸ Она же. Государство – врач – крестьянин: история становления сельского здравоохранения в дореволюционной России // XX век и сельская Россия. Выпуск 2. С. 64.

¹⁴⁹ Асаока Дзэндзи. Крестьянская печать и общественность в нэповской советской деревне: сельский корреспондент как деревенский актив // XX век и сельская Россия. Вып. 2. С. 110–129.

¹⁵⁰ Дзэндзи Асаока. Селькоровское движение в период нэпа // History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 2), Tokyo, 2004. С. 148–155; Он же. Крестьянская печать и селькоровское движение в период НЭПа // XX век и сельская Россия. Выпуск первый. С. 111–123; Он же. Бухаринский план для корреспондентского движения – массовая добровольная общественность при «диктатуре пролетариата» // Мысль. № 917 (ноябрь 2000); Он же. Преследования селькоров и работа по улучшению низового аппарата в период «оживления советов» // История России. № 63 (октябрь 1998); Он же. Формирование селькоровского движения в СССР – изучение конкретных случаев двух центральных органов – «Бедноты» и «Крестьянской газеты» // Исследование западной истории. № 26 (ноябрь 1997).

¹⁵¹ Он же. Крестьянская печать и общественность в нэповской советской деревне: сельский корреспондент как деревенский актив // XX век и сельская Россия. Вып. 2. С. 125.

¹⁵² Мацуи Нориаки. В поисках уставов колхозов 1956 г. (Заметки исследователя) // *History of the Russian Peasantry in the 20th Century* (volume 1), Токуо, 2002. С. 123–133; XX век и сельская Россия. Вып. 1. С. 314–325.

¹⁵³ Такэда Юка. XX век и сельская Россия. Вып. 1. С. 364–391.

¹⁵⁴ Такэда Юка. Структура занятости на селе и личное подсобное хозяйство в период экономического роста в России // XX век и сельская Россия. Вып. 2. С. 250–274.

¹⁵⁵ Такэда Юка. Структура занятости на селе и личное подсобное хозяйство в период экономического роста в России // XX век и сельская Россия. Вып. 2. С. 270.

¹⁵⁶ Нобэ Коити. Земельная реформа в Армении // *History of the Russian Peasantry in the 20th Century* (volume 1), Токуо, 2002. С. 134–143; Он же. Земельная реформа в Армении 1991–2000 гг. // XX век и сельская Россия. Вып. 1. С. 355–363.

¹⁵⁷ XX век и сельская Россия. Выпуск 2. С. 1.

¹⁵⁸ С докладом на данную тему («Формирование установок толерантного сознания на примере современных международных дискуссий по проблеме голодомора 1932–1933 гг. на Украине») В.В. Кондрашин выступил 15 октября 2009 г. на состоявшейся в Пензе I областной научно-практической конференции «Формирование установок толерантного сознания и проблемы этноконфессионального диалога».

¹⁵⁹ См. Кульчицкий С.В. Почему он нас уничтожал? Киев, 2007.

¹⁶⁰ См.: Кондрашин В.В. Новые документы по истории голода 1932–1933 гг. в СССР // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX–начале XXI в.: материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2009. С. 67–70.

¹⁶¹ См. об этом официальное послание Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Президенту Украины В.А. Ющенко от 18 ноября 2008 г.

¹⁶² См.: Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В. [и др.] О голоде 1932–1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. М.: Институт российской истории РАН, 1994. № 6. С. 256–262.

¹⁶³ См.: *La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nell 1932–33.* Viela, Roma, 2004.

¹⁶⁴ См. Ивницкий Н.А. Трудный путь в науке. Автобиографические заметки. М., 2013. С. 257–258.

¹⁶⁵ См.: Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1 / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2011; Кн. 2 / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2011; Т. 2. Июль 1932 – июль 1933 / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2012; Т. 3. Лето 1933–1934 / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2013.

¹⁶⁶ Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1. С. 15.

¹⁶⁷ Большую помощь оказал российским историкам, приехавшим в Киев на конференции по проблеме голода 1932–1933 гг., советник Посольства России на Украине, бывший однокурсник В.В. Кондрашина по педагогическому институту В.И. Деревянко. Именно он организовал встречу

российских историков (В.В. Кондрашина, В.С. А. Есикова, Г.Е. Корнилова), а также супруги Кондрагина Елены Леонидовны Кондрашиной и супруги Есикова Миланы Михайловны Есиковой с послом Российской Федерации на Украине В.С. Черномырдиным.

¹⁶⁸ См.: Кондрашин В. В. Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX—начале XXI века: сб. статей. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 397–402.

¹⁶⁹ См. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011.

¹⁷⁰ См.: Viktor Kondrashin. Hunger of 1932–1933 – a Tragedy of the Peoples of the USSR // Holodomor studies. Vol. 1. № 2. Universite du Quebec a Monreal, Canada, 2009. P. 16–21.

¹⁷¹ Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011.

¹⁷² Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. С. 7.

¹⁷³ См.: Голод 1933. Украпнцм: Зб. Наук. Праць. К.: ДП «НВЦ «Прморитети», 2013.

РАЗДЕЛ 3. РЕГИОНАЛЬНАЯ АГРАРНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография

История дворянства Российской империи неоднократно привлекала внимание исследователей. Вопросы социально-экономического и политического положения поместного дворянства, его роли в политической системе самодержавия, деятельность корпоративных организаций господствующего сословия, история отдельных дворянских родов, быт и усадебная культура сословия на разных этапах развития исторической науки становились предметом научного интереса исследователей. После изменения общественно-политической конъюнктуры с конца 1980-х гг. и по настоящее время количество исследований по истории дворянства неуклонно росло. Схематично можно выделить следующие направления исследований: работы в рамках социально-экономической истории, посвященные проблемам эволюции крестьянского и помещичьего хозяйства, землевладения и землепользования; исследования, посвященные взаимоотношениям власти и общества, роли дворянства в политической системе самодержавия, общественно-политической деятельности дворянских собраний; работы, освещающие быт, традиции, менталитет и культуру сословия. Итоги реконструкции истории дворянства в ее политической, социальной и культурной целостности подведены в ряде работ современных исследователей¹.

На современном этапе развития отечественной исторической мысли одним из наиболее приоритетных направлений развития является изучение процесса элитообразования Российской империи. В рамках данного направления проводится изучение бюрократии, военной элиты, буржуазии. В работах Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой обозначились новые подходы к изучению социально-сословной стратификации Российской империи; проанализирован правовой статус различных сословий, в том числе дворянства и деятельность региональных сословных корпораций².

При составлении биографий представителей «первенствующего сословия» современные историки уделяют основное внимание роли личности своего «героя» в контексте макроисторических процессов,

абсолютно справедливо вписывая его в парадигму государственной или региональной истории. Однако в большинстве случаев эти работы посвящены представителям высших кругов российского нобилитета, занимающих значительные государственные должности.

Междисциплинарный подход к проблеме исследования элиты подразумевает использование отдельных идей социологии и психологии для исследования менталитета социальных групп и сословий. Поскольку изучение жизненного пути, мировоззрения типичных представителей социальной группы позволяет выявить общие культурные стереотипы, характерные для ее большей части, изучить модели поведения, способы властных инсценировок. На примере изучения биографий отдельных представителей дворянского сословия исследователи пытаются показать базовые модели поведения. Так, например, Г.С. Чувардин, анализируя жизненный и боевой путь барона генерал-майора П.Н. Врангеля приходит к выводу о том, что его мировоззрение отражало общие культурные стереотипы, характерные для большей части российской военной элиты³.

Отметим, что изучение данной проблемы началось еще в 90-е годы XX века, когда возрос интерес к анализу биографических и генеалогических сведений о представителях дворянского сословия. Современный этап развития российской историографии характеризуется всплеском все более возрастающего интереса к личности и деятельности отдельных дворянских лидеров, отказом от многих стереотипов и догматических представлений при оценке их деятельности. В конце XX – начале XXI века резко увеличилось количество работ, посвященных вопросам генеалогии и геральдики⁴.

В различных регионах страны выходят исследования, посвященные судьбе отдельной дворянской семьи в истории России. Авторы этих работ стремятся проследить особенности психологии, менталитета и поведения, показать не только общественный, но и человеческий облик дворянина, оценить вклад представителей дворянского сословия в общественно-политическую жизнь, проследить судьбу отдельной личности⁵. Так например А.В. Тюстин сделал попытку представить историю дворянства Пензенской губернии сквозь призму истории отдельных дворянских родов – Бахметевых, Вырубовых, Бекетовых, Шаховских, Суворовых, Радищевых, Саловых и др. В таком же ключе выдержана и другая работа А.В. Тюстина «Пензенские губернские предводители дворянства». Она представляет собой биобиблиографический справочник, раскрывающий жизненный путь предводителей губернской корпорации дворян⁶. Д.А. Шуваев на примере истории тамбовского дворянского рода Давыдовых попытался показать их вклад в развитие губернии и сословной дворянской корпорации⁷.

Одним из актуальных вопросов, изучаемых современными исследователями, стал вопрос о жизни бывших дворян и других представите-

лей дореволюционных элит в советском государстве. Увидели свет работы, посвященные отдельным дворянским фамилиям, авторы которых пытались экстраполировать жизненные судьбы представителей конкретного рода после 1917 г. на русское дворянство в целом⁸. Используя методы микроистории, авторы данных работ стремятся показать сложные процессы адаптации российского дворянства к изменившимся социальным условиям после 1917 года, выявить причины репрессий, направленных на представителей этого сословия в 1930-х гг. В основном такие исследования базируются на анализе мемуаров и воспоминаний дворянства, что сужает их источниковую базу исследования. Выделились в отдельное направление научного поиска исследования повседневной жизни «бывших» (дворян, бюрократии, духовенства, предпринимателей)⁹. В работе В.А. Иванова рассматривается влияние репрессий на судьбы аристократических семей после 1917 г.¹⁰ Статья Джона Ченнона посвящена жизни и уходу из усадеб в города дворян-помещиков в 1920-е гг.¹¹, работы Мэттью Рэндла – повседневным и бытовым аспектам жизни бывших дворян в советском государстве¹².

Параллельно с историками, судьбы представителей дореволюционных привилегированных слоев изучали специалисты по исторической социологии – С.А. Чуйкина, Е. Фотева, Д. Берто, К. Герасимова, которые на основе методики, предложенной В.Б. Голофаст и Т.З. Протасенко, активно использовали специфический социологический инструментарий, прежде всего – устные опросы живших на тот момент в Санкт-Петербурге потомков российских дворянских фамилий¹³. Исследователи данного направления пытались комплексно изучить и интерпретировать социальные практики и особенности поведения дворянства после революции 1917 года. Результатом стала монография С.А. Чуйкиной¹⁴, в которой рассмотрены проблемы, вставшие перед представителями дворянских семей: выбор между эмиграцией и адаптацией к советским реалиям, передача культурных стереотипов от «дореволюционных» поколений к дворянской молодежи. На основе анализа воспоминаний, живших на момент написания работы потомков петербургских дворянских фамилий, а также ряда рукописных мемуаров из частных архивов, автор попыталась показать особенности образа жизни, быта, самосознания представителей дворянства, пути их приспособления к реалиям послереволюционной эпохи. Однако специфика используемого инструментария ограничила эмпирическую базу работы воспоминаниями дворян 1910-х и более поздних годов рождения.

С.И. Ефремов обратился к наименее исследованной проблеме: положение дворян в советском социуме и условия их быта в качестве маргинальной социальной группы «бывшие люди». Он попытался показать, каким образом аннулирование юридического статуса дворяни-

на, отчуждение собственности в пользу государства, фактическое лимитирование любых возможностей участия в общественно-политической жизни повлияло на дворянское самосознание и идентичность, насколько сильно было воздействие общественной и, прежде всего, политической ситуации на процессы, происходившие в дворянской семье в 1917–1930-е гг.¹⁵ Описывая реакцию представителей дворянства на Октябрьскую революцию, он справедливо отмечает множественность социально-психологических реакций, связывая их с стратификационными различиями. Как и до революции при решении общественно-политических проблем консенсуса и единой линии поведения среди дворянства не было. Для офицерства естественным выбором был путь вооруженного сопротивления. Эмиграция также была недоступна для большинства дворянства, что обуславливалось как экономическими, так и социально-психологическими факторами.

С.И. Ефремов в качестве мотивации дворян, оставшихся в России, выделил такие причины, как нежелание отрыва от родины; желание работать на благо своей страны вне зависимости от правящего режима; вера в недолговечность большевистского режима; активное неприятие самодержавия и симпатии к левым и социал-демократические воззрения. Рассматривая процесс отчуждения дворянской собственности, он справедливо отмечает, что взаимоотношения дворян со своими бывшими крестьянами напрямую зависели от личных связей и степени вовлеченности дворян-помещиков в хозяйственную деятельность и крестьянскую жизнь. Автор пришел к выводу, что, несмотря на существенное изменение социальных условий, установки дворянского воспитания и культуры воспроизводились в социальном поведении, поэтому адаптация дворянской семьи к действительности шла достаточно трудно. Да и власть на практике не доверяла «буржуазным» специалистам, поэтому значительная часть бывших дворян не могла найти работу, соответствующую уровню к своей квалификации и трудоустроиться.

На протяжении веков дворянская усадьба являлась центром экономического и культурного развития окружающих территорий. Ее история и зачастую трагическая судьба волновали как ее современников, так и потомков. Описания усадеб широко представлены в мемуарах, литературных произведениях. Интерес к ней в настоящее время проявляется многообразно: проводятся научные конференции, книжные и художественные выставки, действует Общество изучения русской усадьбы, издаются специальные номера журналов, проводятся усадебные празднества.

Мир дворянской усадьбы как особое культурное явление в России нашел отражение не только в художественных литературных произведениях, но и в трудах отечественных историков, архитекторов, искусствоведов, филологов. Исследованию подверглись различные аспекты

дворянских усадеб: архитектура и устройство помещичьего дома; ведение хозяйства в имениях; культура повседневности дворянства¹⁶. В дореволюционный период внимание исследователей акцентировалось на культурном значении русской усадьбы, эстетике усадебной культуры¹⁷. Особое внимание уделялось дидактическому значению усадьбы как примера для воспитания патриотизма, понимания красоты и поэзии родной природы, любви «к отеческим гробам»¹⁸.

В 1920-х годах специалистами общества изучения русской усадьбы были разработаны основные принципы изучения русской «классической» дворянской усадьбы в историческом, художественном, архитектурном, садово-парковом, бытовом и других направлениях. Предметом изучения специалистов были архитектурные и садово-парковые ансамбли, коллекции предметов изобразительного искусства, библиотечные собрания. Новая волна интереса к изучению темы проявилась в 60–80-е гг. XX века, когда советской наукой были «реабилитированы» архитектурные стили начала XX века. В работах искусствоведов Т.П. Каждан¹⁹, В.Г. Лисовского²⁰, Е.А. Борисовой²¹, В.В. Кириллова²², Е.И. Кириченко²³ памятники архитектуры рассматривались как часть духовной жизни обитателей усадебных комплексов, что характерно и для трудов рубежа XX–XXI вв. Т.П. Каждан²⁴, В.М. Нашекина²⁵ и другие участники воссозданного в 1991–1992 гг. общества изучения русской усадьбы развернули активную деятельность по изучению усадебной тематики, издавая специальные сборники «Русская усадьба», организуя научные конференции, участвуя в создании художественных центров и школ²⁶.

В монографии Т.П. Каждан рассмотрен художественный мир русской усадьбы, взаимодействие в ней разных видов искусства, общественной и культурной жизни²⁷. Совместная работа Е.И. Кириченко и Е.Г. Шеболевой²⁸ знакомит нас с обликом русской провинции на обширном пространстве России, анализируя через призму архитектурно-градостроительного наследия своеобразие русского села, города, усадьбы в разные эпохи. В исследовании М.В. Нашекиной²⁹ усадьба рассмотрена как феномен культуры эпохи символизма, где особое внимание обращено на образ жизни ее обитателей, характерное устройство жилища и сада, а также на наиболее популярные в то время архитектурные образы, воплощенные в усадебных домах и храмах. Возрождение на рубеже XX–XXI веков интереса к усадебной культуре отмечено потребностью исследователей на конкретном материале восполнить пробелы в истории национальной культуры, охарактеризовать «...различные грани социально-хозяйственного и семейного уклада русской действительности»³⁰.

Хозяйственную деятельность и повседневную жизнь помещика, особенности его мировосприятия и поведения позволяют реконструировать исследования, посвященные изучению дворянской усадьбы с точки зрения экономической истории³¹.

Всплеск внимания к различным аспектам дворянской усадебной культуры приходится на 1990-е годы. В этот период появляются работы, основанные на новых подходах к изучению историко-культурных вопросов. В качестве ключевого звена таких исследований выступают понятия «общественно-культурная среда», «культурное пространство», «социокультурный потенциал»³². Большинство исследователей дворянской усадьбы акцентируют свое внимание на исследовании своеобразия усадебного мира, акцентируя внимание на их роли в качестве центров формирования, развития и сохранения доминантных черт отечественной культуры. Каждая усадьба имела свою историю и судьбу, в которых отражались жизнь и характеры их создателей и владельцев. Исследователи отмечают наличие «усадебного мироощущения», которое реализовывалось в индивидуальном и семейном сознании дворянина. Они подчеркивают, что ценностно-смысловую основу дворянской усадьбы составляют «приемы и механизмы социализации личности дворянина, его человеческой способности к социально-культурному взаимодействию»³³.

В исторической науке растет интерес к изучению социальных и культурных аспектов истории повседневности дворянства, в том числе и усадебной культуры, о чем свидетельствуют работы, вышедшие в конце XX – начале XXI вв.³⁴ В них большое внимание уделяется биографии владельцев, образу их жизни, судьбе усадеб в советское время³⁵. Выявлению историко-культурного значения русских дворянских усадеб в Оренбургском Заволжье посвящена кандидатская диссертация Е.В. Мишаниной, психологии и культуре дворянства работа Е.Ю. Дементьевой³⁶. Истории дворянских усадеб Поволжья посвящены многочисленные работы историков и краеведов³⁷. В 2010–2012 гг. в отделе истории и истории культуры Башкортостана ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством д.и.н., профессора М.И. Роднова проводилась работа по научно-исследовательской теме «Мир южноуральской усадьбы». В ходе ее реализации было выпущено два сборника статей, посвященных истории южноуральской усадьбы³⁸.

Работа Т.Ф. Алексушиной «Самарские страницы российского дворянства»³⁹ охватывает несколько слоев жизни «первенствующего» сословия России на примере Самарской губернии: строительство дворянских имений и особняков, быт и нравы дворянства губернии, участие в общественной и деловой жизни города и губернии, а также революционных событиях. В работе опубликованы уникальные фотографии из семейных альбомов дворян, дан полный аннотированный список дворян, приписанных к Самарской губернии. Книга наполнена фактологическим материалом, приводятся архивные сведения, позволяющие прикоснуться к повседневности второй половины XIX – начала XX века. Автор подробно рассказывает об истории построек уездного и начала губернского периодов, показывает процесс заселе-

ния главных Самарских улиц. В работе прослеживаются судьбы самарских губернаторов Б.П. Обухова и Г.С. Аксакова, а также представителей других дворянских родов Самарской губернии.

В статье Д.А. Гранкова раскрывается источниковый потенциал мемуаристики эмигрантов «первой волны» для изучения усадебной культуры⁴⁰. Автор отмечает, что главными мотивами в творчестве эмигрантов при описании усадебной жизни была не только тоска по родной земле, но и стремление к самоидентификации и психологической защищенности авторов воспоминаний.

В качестве недостатка ряда работ можно отметить, что значительная часть как публикаций культурологов, искусствоведов и краеведов, так и кандидатских диссертаций на эту проблематику касается только частных сюжетов. В них изучаются либо история отдельных усадеб и их владельцев, либо они основаны на географическом принципе, позволяющем проследить тенденции развития усадебной культуры на примере конкретного региона.

Слабоизученным сюжетом является образ пореформенной усадьбы в сознании современников. В работах литературоведческого плана рассматривается образ усадьбы в произведениях отдельных поэтов, писателей или в поэзии и прозе отдельных периодов⁴¹. Но по обобщающему образу усадьбы в общественном сознании пореформенной России специальных исследований нет.

В начале XXI века современные историки все чаще обращаются к анализу художественной литературы, рассматривая ее не только как содержательный источник по истории того или иного периода, но и как отражение ментальности⁴². Применение исторических теоретико-методологических подходов к содержанию литературных произведений позволяет увидеть в художественных текстах отражение перемен, происходивших в России в ходе ее модернизации, проанализировать отражение к ним персонажей, автора, общества. Они пытаются проследить изменение социального типа личности и отражение этого процесса в художественной литературе. Отдельные сюжеты темы получили освещение в специальной литературе⁴³. Анализируя роман И.А. Гончарова «Обрыв», Е.В. Алексеева отмечает, что «основная подоплека романа – столкновение традиционного и нового миров», которое коренным образом изменяет характеры как литературных героев, так и их прототипов. Автор отмечает, что писатели XIX – начала XX века в поисках героя времени пытались найти лучшее сочетание черт русского характера – благородного человека, разумного новатора и крепкого хозяина⁴⁴.

Однако предметом глубокого научного исследования в современной историографии образы российских помещиков, купцов, крестьян, сформированные в беллетристике, еще не стали, несмотря на то, что русская художественная литература раскрывает широкую панораму провинциальной и столичной жизни.

В работе польского исследователя Рафала Чахора «Менталитет провинциального дворянства в период общественно-политических изменений второй половины XIX века (на примере литературных произведений)» анализируются художественные произведения И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Автор выделяет три типа дворянской ментальности: пассивный, благородный и бездейственный, гибельный (обреченный), а также рассматривает характерные черты менталитета русского провинциального дворянства на материале избранных произведений. С целью определения сути дворянского менталитета он анализирует нравственные взгляды и чувства, жизненные ориентации, принципы, мотивы и цели поступков дворянства и ее философии жизни. Автор подчеркивает разнообразие менталитета провинциального дворянства и необходимость более подробной характеристики таких его элементов, как подход к образованию и увлечениям, вопрос отношений к семье, крепостничеству и религии⁴⁵. Он справедливо отмечает, что основными недостатками дворянского сословия во второй половине XIX столетия были инерционность мышления, традиционный тип поведения и «глубокая неспособность к решению общественных проблем»⁴⁶.

В статьях и кандидатской диссертации М.В. Смахиной⁴⁷ предпринимается попытка проанализировать изменение моделей социального поведения и представлений дворянства в XIX веке. На основе применения историко-антропологического подхода к анализу художественной литературы 30–40-х гг. XIX – начала XX в. М.В. Смахина пытается выявить отрицательные и положительные черты российского дворянства, религиозную основу мотивации понятий «служба», «долг». Она отмечает, что в литературных произведениях критиковались праздный образ жизни дворянства, отсутствие социальной инициативы, чинопочитание, нелюбовь дворян к народу, непонимание его жизни и нужд⁴⁸.

Путем сравнения декларируемых этических норм и реальных, традиционных моделей поведения, реализуемые на практике помещиками, автор стремится выявить смысл жизни помещиков, идеалы и ценности представителей сословия, показать отношение помещиков к различным видам трудовой деятельности, к сфере отношений с крестьянами. В задачи М.В. Смахиной входит определение преобладающего, среднестатистического социального типа российского помещика. Отметим, что М.В. Смахина провела типологизацию сословия исходя из географического и экономического принципа, не учитывая социально-статусное и профессиональное разделение сословия. На наш взгляд, автор ошибочно считает поместное дворянство сплоченной традиционной социальной группой, обладающей единой ценностной системой. Такой подход, а также использование в качестве источниковой базы в основном мемуарной и художественной литературы не-

гитивно сказался на качестве выводов М.В. Смахтиной, представившей тип среднестатистического помещика – «это развратный человек, вор, сплетник, иногда злоупотребляющий пьянством и объединением, не всегда обладающий хорошими манерами, однако старающийся придерживаться этикета»⁴⁹.

Начиная с 1990 г. в различных регионах страны защищаются кандидатские и докторские диссертации, посвященные деятельности дворянских собраний различных регионов, взаимоотношениям власти и дворянства⁵⁰. Эта тематика и в XXI веке по-прежнему привлекает исследователей⁵¹. Продолжают выходить в свет исторические работы по разнообразным аспектам истории помещичьего хозяйства⁵², повседневной жизни сословия⁵³.

Работы В.В. Морозана посвящены социально-экономическому положению мелкопоместного дворянства. На материалах губерний Центрально-земледельческого района России автор исследует образ жизни мелкопоместных дворян, подчеркивает слабый интерес к государственной жизни, социально-политическим и общественным процессам, что во многом определялось имущественным положением этой группы дворянства. Он отмечает, что среди мелкопоместного дворянства была высока доля инонационального (татарского, башкирского) дворянства. В центре внимания историков по-прежнему остается проблематика отношения дворянства к отмене крепостного права и результатам воздействия Великих реформ на трансформацию сознания помещика⁵⁴.

В конце XX века становится актуальной тема дворянской семьи, трансформации внутрисемейных отношений⁵⁵. Авторы этих работ стремятся проследить жизнь и судьбу личности, особенности психологии и поведения, показать не только общественный, но и человеческий облик дворянина. Появились многочисленные исследования по истории психологии, культурной и бытовой жизни дворянства. В них рассматриваются эволюция экономического, правового, политического статуса, влияние этих характеристик на менталитет, пути адаптации высшего сословия к трансформации российского общества⁵⁶.

В настоящее время, рассматривая дворянство на региональном уровне, современные исследователи все чаще обращаются к исследованию межсословных отношений, особенно акцентируя внимание на том обстоятельстве, что специфика взаимоотношений между: дворянством и крестьянством, крестьянством и купечеством, дворянством и купечеством накладывала отпечаток на характер аграрных отношений в русской деревне и общественно-политические изменения⁵⁷. Нередко авторы, анализируя межсословные взаимоотношения, пытаются найти основы появления различных объединений в современной России⁵⁸.

Новым сюжетом в историографии дворянства стало изучение отдельных национальных групп в среде дворянства Российской импе-

рии – татарского⁵⁹, башкирского⁶⁰, северо-кавказского⁶¹ польско-белорусского⁶², изучение межнациональных отношений в среде дворянства⁶³. Например, работы К.С. Чикаевой посвящены особенностям структуры помещичьего хозяйства Северного Кавказа в 1861–1917 гг. Автор отмечает, что особенности региона наложили отпечаток как на характер формирования дворянского землевладения, которое было крайне неустойчивым, так и на пути его дальнейшего развития⁶⁴.

В коллективной монографии уфимских историков М.И. Роднова, Л.Ф. Тагировой, Г.В. Азаматовой, Ю.М. Абсалямова, А.В. Гайнуллиной⁶⁵ предпринята попытка комплексного анализа исторических источников по помещичьему хозяйству Уфимской и частично Оренбургской губерний начиная с начала XIX века до 1917 г., с начала Генерального межевания и до уничтожения дворянского землевладения. Авторы подробно рассматривают информационные особенности каждого вида документации о землевладении дворянства из коллекций исторического архива Республики Башкортостан: статистической, актовой и делопроизводственной. Достоинством монографии является включение в ее состав публикаций наиболее редких исторических источников по помещичьему хозяйству, читателю представлен своеобразный путеводитель по архивам и опубликованным материалам второй половины XIX – начала XX века. Анализ источников позволил авторам монографии локализовать местоположение дворянских имений Уфимской губернии, способы управления имением и характер организации хозяйств⁶⁶. В работе представлены три очерка, посвященные южноуральской дворянской усадьбе. Очерк, посвященный имению С.Т. Аксакова, – Надеждино, построен на основе анализа литературных произведений С.Т. Аксакова, в которых он в воспроизводит быт провинциального дворянства⁶⁷. Отметим, что использование литературных произведений, а также воспоминаний владельцев усадеб при анализе исторического прошлого является на данном этапе развития усадебной историографии популярным исследовательским приемом. Так, оренбургский историк Е.В. Мишанина проанализировала редкие мемуары Н.А. Рычкова, опубликованные в 1862 г. и переизданные в 2008 г.⁶⁸

Фактически впервые в монографии воспроизводится облик поместий национального дворянства – татарской дворянской усадьбы и башкирского поместья, выявляются их отличительные особенности⁶⁹. Авторы монографии составили полные списки дворян-землевладельцев большинства уездов Уфимской губернии. Подобные указатели представлены также в работах А.В. Чижкова, А.А. Зорина⁷⁰ и В.Н. Никулина, которым опубликованы списки землевладельцев дворян Псковской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний⁷¹.

К сожалению, очень часто исследователи не владеют информацией о достижениях своих коллег в других регионах России по данной проблематике. В результате исследования, представленные ими, недо-

статочны репрезентативны, фрагментарны и повторяют выводы, сделанные ранее в данной области.

Зачастую работы по истории дворянства различных областей России или истории дворянского рода избобилуют фактами, но не вносят ничего нового в изучение проблемы.

Так, например, несмотря на заявленный всероссийский масштаб, научная студенческая конференция «Дворянское наследие в конструировании гражданской идентичности» (Ульяновск, 2013) не вышла за региональный масштаб. В выступлениях и статьях авторов в основном рассматривается роль симбирского дворянства в судьбах губернии⁷², в ряде статей дается общее представление о формах досуга и общественной деятельности сословия. На наш взгляд заявленная в названии сборника трудов конференции проблема является гораздо более глобальной, чем раскрытие отдельных региональных сюжетов и нуждается в комплексном исследовании, что не совсем удалось авторам и редакционной коллегии сборника. Рассмотрение провинциального дворянства требует иного подхода: необходим анализ сложного взаимодействия микро- и макроисторических исследований, учет достижений современной российской и зарубежной исторической науки, а также смежных научных направлений. На современном этапе развития исторической науки приоритетные направления исследования дворянства связаны с изучением системы ценностей сословия, воздействием власти и общества на сознание и поведенческие программы, комплексным изучением быта регионального дворянства, истории сословной и межсословной коммуникации, роли личности в макро- и микроисторических процессах. Недостаточно изучены гендерные различия в психологии и поведении дворянства, судьбы представителей дворянства и их потомков в XX веке.

§ 2. Взаимоотношения дворянских обществ и крестьянской общины на рубеже XIX–XX веков

Участие дворянских корпоративных обществ в местном управлении предусматривалось законодательством и заключалась в особой роли уездных и губернских предводителей дворянства в администрации. С отменой крепостного права правительство оказалось перед необходимостью создания новых форм регулирования отношений между крестьянской общиной и дворянскими корпоративными организациями. В 60–70-х гг. XIX века предводители дворянства стали активными участниками реализации Великих реформ. После ликвидации в 1874 г. института мировых посредников и их съездов уездные предводители возглавили уездные по крестьянским делам присутствия. С введением в 1889 году должности земских начальников, уездные предводители стали председателями в заседаниях их съездов.

В компетенции уездного предводителя находился широкий круг как корпоративных вопросов, так и участия в деятельности местных органов: заседание в уездных присутствиях по крестьянским делам, по воинской повинности, по питейным делам; председательство в уездном земском собрании и наблюдение за народным образованием. В уезде основным направлением деятельности предводителя дворянства был контроль за деятельностью земских начальников и руководство заседаниями уездного съезда, на которых разбирали судебные и административные дела. Земский начальник смотрел за всеми органами крестьянского управления и ревизовал их; в отсутствие уездного исправника или станowego пристава надзирал за действиями волостных старшин и сельских старост, а также мог отдавать приказы им и нижним полицейским чинам, мог дополнять по своему усмотрению список дел, предназначенных к рассмотрению на волостном сходе. Жалобы на должностных лиц крестьянского управления он разрешал собственной властью. Земский начальник рассматривал все приговоры сходов, и если они нарушали интересы общества или его членов, то он передавал их на решение уездного съезда. Он надзирал за состоянием мирских капиталов и утверждал приговоры сходов о расходовании сумм на них, а также смотрел за всеми видами сельских кредитных учреждений. Земский начальник открывал крестьянские избирательные сходы для избрания гласных в уездное земское собрание, утверждал избранных этими сходами председателей и разрешал возникающие при выборах недоразумения. Закон о земских начальниках существенно ограничивал самостоятельность крестьянских сходов. Земский начальник под предлогом заботы о нравственном благосостоянии крестьян мог повлиять на их частную жизнь. Он мог подвергать подведомственных ему лиц крестьянского общественного управления за неисполнение своих распоряжений штрафу или аресту до 3 дней. По гражданским делам ведению земских начальников подлежали дела по спорам и искам до 500 рублей по найму сельских угодий; дела о восстановлении нарушенного владения; дела о погромах полей, лугов и других угодий. Помимо этого земские начальники получили широкие права в отношении волостных судов.

Положение о Земских начальниках критиковалось известными общественными деятелями конца XIX века. Главными его недостатками считалась сословность; смещение в одной и той же должности административных и судебных функций; отсутствие точного обозначения прав и обязанностей новой должности и отсюда ее «индивидуальность», то есть зависимость от личных качеств чиновника ее занимавшего. Противоречило понятию правового порядка допущение применения дисциплинарных взысканий без суда по личному усмотрению земского начальника как в отношении должностных лиц, так и рядовых крестьян.

Поместное дворянство также отмечало недружелюбное отношение общества к земским начальникам. Оно полагало, что «причина этого кроется в министерстве внутренних дел и дискредитации рядом дворян власти института земских начальников»⁷³. По мере уменьшения численности поместного сословия и тех дворян, которые предпочитали жить в своих поместьях, уровень личного состава земских начальников значительно понижался. Часть земских начальников творили произвол по отношению к крестьянству или же «были склонны к бездействию». Введение института земских начальников не могло не вызвать потока корреспонденций в журналы и газеты, в которых публиковались негативные оценки их деятельности. Эта критика была подхвачена и вождями радикальных политических партий и течений. Эта негативная оценка была воспринята советской историографией. В.А. Федоров, например, считал, что введение института земских начальников «явилось одной из наиболее реакционных мер внутривнутриполитического курса самодержавия в 1880-е – начале 1890-х годов. Яркое проявление его продворянской политики»⁷⁴.

И все-таки институт земских начальников состоял не только из «Митрофанушек» и «банды отставных офицериков», но и образованных дворян, стремящихся оказать крестьянам реальную помощь в решении правовых и хозяйственных проблем. На территории Самарской губернии власти изначально столкнулись с проблемой нехватки земских начальников, поэтому их должности были замещены бывшими мировыми судьями, предводителями дворянства, землевладельцами с высшим образовательным цензом. В 1893 году А.Н. Наумов был назначен исполняющим обязанности земского начальника 2 участка Ставропольского уезда. Участок включал в себя четыре огромные волости – Ново-Буянскую, Мусорскую, Ново-Бинарадскую и Старо-Бинарадскую. Население волостей было многонациональным – татары, мордва, русские. «В общей массе все это был народ работающий, – вспоминал А.Н. Наумов, – трезвый, зажиточный, благодаря исключительно благоприятным условиям их землепользования»⁷⁵. «Церковь, школа, семья, сиротство, суд, защита личная и общественная – все это требовало со стороны земского начальника ежечасной заботы, быстрого решения, разумного совета или руководственного подсказа», – вспоминал А.Н. Наумов⁷⁶. Чаще всего правонарушения касались массовых самовольных лесных порубов и потрав лугов. Большинство их было связано с нарушением крестьянами собственности Казенного и Удельного ведомств, которые «вчиняли огромное количество судебно-уголовных дел». Полицейско-фискальная деятельность земских начальников заключалась в наблюдении за мирскими капиталами, контролем за опекой, борьбе с браконьерством. В деле сиротской опеки и защиты особенно тесно переплетались закон и нормы обычного права. Пытаясь упорядочить эту область взаимоотношений, он повсемес-

тно завел регистрационные списки сирот и их опекунов и установил контроль за реализацией общественных приговоров по учету сиротского имущества.

Одной из главных задач земского начальника было упорядочение крестьянского землепользования. А.Н. Наумов отмечал, что «действительными хозяевами деревни были волостные и сельские писаря». Закон и действовавшая на местах практика не совпадали друг с другом. «Выборы на какую-нибудь общественную должность, жеребьевка на пользование землей, земельные переделы, получение в аренду «выморочных душ», волостная земельная тяжба — все это сопровождалось взяточничеством»⁷⁷. Для того чтобы предупредить злоупотребления при отводе земельных участков, он приезжал на сельские сходы и предлагал новую систему распределения участков. Причем за основу бралась система распределения на каждую душу мужского и женского пола, что явно нарушало традиции.

Уже в конце XIX века либеральные представители дворянского сословия считали, что развитие сельского хозяйства зависит от уровня образования крестьян, развития их хозяйственной инициативы и обеспечения свободы личности крестьянина. Помещики отмечали слабое развитие начальных основ нравственности у крестьянства, не понимание ими своих прав и обязанностей. Они призывали посмотреть на крестьянина как на человека. Крестьянская масса была неграмотна, малокультурна, что сдерживало модернизационные процессы в аграрном строе страны. По сути, между имперской властью и деревней лежала огромная пропасть. Да и сама административная политика была крайне противоречивой, не находила отклика и поддержки в крестьянской среде. На земских начальников было возложено попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном «преуспевании» крестьян. Одним из направлений земской деятельности в этот период было содействие развитию народному образованию. Сельские сходы выделяли на образование значительные средства, уездное земство поддерживало их начинания. Сельские общины отводили особые общественные запашки, урожай с которых шел непосредственно на образование специального фонда для сооружения церквей и школ. В конце XIX — начале XX вв. многие земские начальники устраивали народные библиотеки, помогали строительству школ.

Многие либерально настроенные дворянские деятели считали целесообразным установление прочной связи между крестьянством и земством. Они придерживались мнения о необходимости демократизации состава гласных земств, привлечения крепких хозяйственников недворянского происхождения, так как эта мера могла бы способствовать сближению интересов различных сословий, служила перевоспитанию крестьянского населения. Дворянство выступало за создание класса крестьян-собственников, с этой целью в ряде местных комите-

тов предлагалась отмена круговой поруки. На заседаниях уездных местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности велись споры об общинном и подворном землевладении, о необходимости облегчить крестьянам выход из общины. Часть дворянства резко критиковала общинный порядок. В Тамбовском губернском комитете прозвучала яркая речь Л.Е. Баратынского о том, что община препятствует развитию сельского хозяйства⁷⁸. Выступая против общины, за оказание крестьянам содействия в покупке земли, помещики стремились превратить крестьянина в надежного союзника в борьбе за сохранение частной собственности. По мнению одного из дворян-землевладельцев Орловской губернии С.А. Володимерова, «крестьяне должны быть не временными арендаторами, а полномочными собственниками»⁷⁹. Укрепление наделов в собственность крестьян, создание хуторов, облегчение переселения в Сибирь, отмена или изменение размера выкупных платежей, продажа крестьянам земли — все эти меры должны были превратить крестьянина в опору помещика в деревне.

Однако выступая за уравнивание крестьян в правах с другими условиями, отмену телесных наказаний, развитие крестьянского самоуправления, расширение крестьянского представительства в земстве путем создания мелкой земской единицы, дворяне-землевладельцы не забывали и о необходимости укрепления помещичьего хозяйства. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности не имела почти никаких практических результатов, кроме отмены круговой поруки в 1903 г. Однако их работа объективно вела к росту общественного самосознания дворян и земских деятелей.

В «страшную осень» 1905 г. община сильно досадила помещикам, поэтому составленный на I съезде объединенного дворянства аграрный проект предусматривал ее разрушение и создание в деревне крестьянина-собственника, крестьянина нового типа, в дальнейшем союзника дворянства. Кроме того, нападая на крестьянскую общину, дворяне стремились свалить на нее все свои беды. Целью аграрного проекта было уберечь поместное землевладение от дальнейшей мобилизации. Однако и он показался правому большинству съезда недостаточным. Призыв Д.А. Олсуфьева «не унижаясь до принудительного отчуждения, заранее удовлетворить требования крестьян» не был услышан⁸⁰.

Дворянством двигал страх перед всесословностью земства, когда помещик мог оказаться в административном подчинении у крестьянина — волостного старшины. Законопроект о волостном правлении, внесенный в 1908 году правительством в Государственную Думу, мало расширял хозяйственную деятельность волости и не отвечал назревшей потребности в децентрализации уездного земского хозяйства,

поэтому он встретил оппозицию даже со стороны центристских кругов III Государственной Думы. В марте 1908 г. на IV съезде Совета объединенного дворянства помещики также выступили с критикой местной реформы. Они возмущались устранением предводителя дворянства от руководящей роли в уезде, образованием сословного земства в волости и расширением земского избирательного права. Был заслушан подробный доклад Ф.Д. Самарина, в основу которого были положены доклады комиссии, избранной Московском губернском дворянском собрании 8 октября 1907 г. и заключения Постоянного Совета. Дворяне обвинили П.А. Столыпина в желании «разрушить все те общественные единения, которые еще полны жизненности»⁸¹.

При проведении реформ П.А. Столыпин руководствовался положениями об «оскудении земледельческой России», о том, что крестьянство является «самой больной, самой слабой частью» государства, и потому необходимо освободить его от тисков общины⁸². В обществе царило заблуждение массового сознания, что община была создана правительством в своих интересах, и, следовательно, правительство могло ее ограничить, уничтожить. То есть лишь развитие у крестьян инстинкта собственности могло поднять и упрочить благосостояние деревни. Помещики также выступали за уничтожение сословных ограничений крестьян в праве пользования землей. Они от политики сохранения сельской поземельной общины перешли к требованиям разрушить ее и создать класс крестьян-собственников, который должен был стать союзником дворян в борьбе против революционного движения как в деревне, так и в городе.

Община объективно оказалась противопоставлена рациональным основам хозяйствования. Крестьяне объективно не были готовы принять Столыпинскую аграрную реформу, с их точки зрения помещичья земля принадлежала им по праву. Они боролись против частной собственности, всего того, что угрожает уравнительности. «Опасное недовольство» крестьян все больше росло. И ненавистными врагами стали не только помещики, но и хуторяне, которых не любили за расчетливость и мироедство и которым завидовали. В ходе революции крестьянство реально осознало свои возможности, дворянство почувствовало ущербность и ненадежность своих позиций. Власть осознала необходимость изменения взаимоотношений между сословиями, но реально так и не смогла ничего сделать. Драматический исторический опыт наложил прочный отпечаток на сознание как крестьянства, так и дворянства и непосредственным образом повлиял на их поведение в 1917 году.

§ 3. Проблемы изучения и воссоздания дворянских усадеб

На протяжении веков дворянская усадьба являлась центром экономического и культурного развития окружающих территорий. Ее история и зачастую трагическая судьба волновали как ее современников, так и потомков. Описания усадеб широко представлены в мемуарах, литературных произведениях. С усадебной культурой тесно связаны различные виды искусств и народное творчество. Интерес к ней в настоящее время проявляется многообразно: проводятся научные конференции, книжные и художественные выставки, действует Общество изучения русской усадьбы, издаются специальные номера журналов, проводятся усадебные празднества.

Приметы бывших дворянских усадеб за прошедшие десятилетия XX века почти повсеместно изгладились даже в ландшафте. Редкий специалист может различить старые стены в уродливых совхозных постройках, остатки парковых аллей и полян в заросшем лесу. Гигантское количество усадеб, разбросанных когда-то по всем губерниям Отечества, сократилось в десятки тысяч раз. В советское время на их территориях размещались интернаты, хозяйственные постройки, коровники. В редчайших случаях создавались музеи.

Мир дворянской усадьбы как особое культурное явление в России нашел отражение не только в художественных литературных произведениях, но и в трудах отечественных историков, архитекторов, искусствоведов. Исследованию подверглись различные аспекты дворянских усадеб: архитектура и устройство помещичьего дома; ведение хозяйства в имениях; культура повседневности дворянства.

Первые издания с описанием жизни в дворянских усадьбах появились в 1880-е гг., они отличались фрагментарностью и эклектичностью. В их числе — популярная в образованном обществе того времени книга С.М. Любецкого о подмосковных имениях, в которой была дана характеристика быта «московских писателей дедовских и наших времен», описывались не только барские дома, но и «земледелие и сады» на усадебной территории⁸³. В начале XX века в связи с убылью дворянского землевладения, нарастающей конкуренцией со стороны купечества в периодической печати и публицистике, появлялись крайне эмоциональные статьи и заметки, пронизанные идеями о близящейся гибели сословия и разорении дворянских усадеб. В петербургских журналах «Старые годы» (1907—1916), «Столица и усадьба» (1913—1917) публиковались очерки, путевые заметки, мемуары, стихи, большое количество фотографий и рисунков, посвященных тяжелому состоянию русской усадьбы⁸⁴. Внимание исследователей акцентировалось на культурном значении русской усадьбы, эстетике усадебной культуры⁸⁵. Особое внимание уделялось дидактическому значению усадьбы как примера для воспитания патриотизма, понимания красоты и поэзии родной природы, любви «к отеческим гробам»⁸⁶.

В 1922 г. группа подвижников и энтузиастов, поставив своей задачей спасти остатки уже сильно разрушенной архитектурно-парковой культуры, образовала Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ) во главе с искусствоведом В.В. Згурой. Специалистами этого общества были разработаны основные принципы изучения русской «классической» дворянской усадьбы в историческом, художественном, архитектурном, садово-парковом, бытовом и других направлениях. Предметом изучения специалистов были архитектурные и садово-парковые ансамбли, коллекции предметов изобразительного искусства, библиотечные собрания. После закрытия ОИРУ в течение долгих лет деятельность усадьбоведов была сведена к заботам о сохранении тех музейно-усадебных комплексов, которые чудом избежали варварского разрушения. Свертывание работы ОИРУ было обусловлено массовыми арестами его членов в начале 1930-х гг. С этого момента искусствоведческое направление в изучении дворянских усадеб прерывается.

Новая волна интереса к изучению темы проявилась в 60–80-е гг. XX в., когда советской наукой были «реабилитированы» архитектурные стили начала XX века. Именно тогда вышел в свет ряд значительных работ группы искусствоведов: Т.П. Каждан⁸⁷, В.Г. Лисовского⁸⁸, Е.А. Борисовой⁸⁹, В.В. Кириллова⁹⁰, Е.И. Кириченко⁹¹ и др. В них исследователи пытались охарактеризовать памятники архитектуры как часть духовной жизни обитателей усадебных комплексов. Историки архитектуры, авторы книг и статей о садово-парковом искусстве наметили глубокие связи дворянской усадьбы с общекультурными процессами в стране. Вклад в разработку этой проблемы внес Д.С. Лихачев исследованием 1982 г. о садово-парковых стилях, основываясь на материале элитарных усадеб, демонстрируя принадлежность садов и парков определенным стилям в искусстве: «В каждую эпоху мы можем заметить определенные признаки «стиля эпохи», которые в равной мере сказываются в садах и в поэзии, подчиняются эстетическим целям эпохи...»⁹².

В равной мере указанные подходы характерны для трудов рубежа XX–XXI вв. Т.П. Каждан⁹³, В.М. Нашекиной⁹⁴ и других участников воссозданного в 1991–1992 гг. Общества изучения русской усадьбы⁹⁵. Общество развернуло активную деятельность по изучению усадебной тематики, издавая специальные сборники «Русская усадьба», организуя научные конференции, участвуя в создании художественных центров и школ.

В монографии Т.П. Каждан рассмотрен художественный мир русской усадьбы, взаимодействие в ней разных видов искусства, общественной и культурной жизни⁹⁶. Совместная работа Е.И. Кириченко и Е.Г. Шеболевой⁹⁷ знакомит нас с обликом русской провинции на обширном пространстве России, анализируя через призму архитектурно-градостроительного наследия своеобразие русского села, города,

усадебны в разные эпохи. В коллективной монографии «Архитектура русской усадьбы»⁹⁸ представлена эволюция усадебного жилища, типы и жанры усадебных комплексов, теоретические подходы к проблеме. В исследовании М.В. Нашекиной⁹⁹ усадьба рассмотрена как феномен культуры эпохи символизма, где особое внимание обращено на образ жизни ее обитателей, характерное устройство жилища и сада, а также на наиболее популярные в то время архитектурные образы, воплощенные в усадебных домах и храмах. В данных исследованиях облик дворянского поместья рисуется на примере единичных уединенных «гнезд».

Современный этап развития российской историографии характеризуется всплеском все возрастающего интереса к личности и деятельности отдельных дворянских лидеров, отказом от многих стереотипов и догматических представлений при оценке его деятельности. В конце XX – начале XXI века резко увеличилось количество исследований, посвященных вопросам генеалогии и геральдики¹⁰⁰, судьбе отдельной дворянской семьи в истории России¹⁰¹. Авторы этих работ стремятся проследить жизнь и судьбу личности, особенности психологии и поведения, показать не только общественный, но и человеческий облик дворянина. Появились многочисленные исследования по истории психологии, культурной и бытовой жизни дворянства. В них рассматриваются эволюция экономического, правового, политического статуса, влияние этих характеристик на менталитет, пути адаптации высшего сословия к трансформации российского общества¹⁰².

Хозяйственную деятельность и повседневную жизнь помещика, особенности его мировосприятия и поведения позволяют реконструировать исследования, посвященные изучению дворянской усадьбы с точки зрения экономической истории. Во второй половине 60-х годов – первой половине 1980-х гг. объектом внимания историков становится эволюция крестьянского и помещичьего хозяйства, землевладения и землепользования. В этой связи дворянские усадьбы анализировались как объекты хозяйствования. Они ассоциировались с земельной собственностью, поэтому исследователи акцентировали внимание на структуре и размещении дворянского землевладения, методах ведения хозяйств и системах землепользования¹⁰³, проблемах соотношения капиталистического и отработочного способа ведения хозяйства, социальных и экономических итогах проведения в губерниях Столыпинской аграрной реформы, характере и путях развития капитализма, типах аграрной эволюции помещичьего хозяйства¹⁰⁴.

Большинство исследователей дворянской усадьбы акцентируют свое внимание на исследовании своеобразия усадебного мира. Усадьбы это не просто «дворянские гнезда», но и своеобразные центры формирования, развития и сохранения доминантных черт отечественной культуры. Каждая усадьба имела свою историю и судьбу, в которых отра-

жались жизнь и характеры их создателей и владельцев. В исторической науке растет интерес к изучению социальных и культурных аспектов истории повседневности дворянства, в том числе — и усадебной культуры, о чем свидетельствуют работы, вышедшие в конце XX — начале XXI вв.¹⁰⁵ В них большое внимание уделяется биографии владельцев, образу их жизни, судьбе усадеб в советское время.

В последнее время наметился интерес к изучению провинциальных усадеб России, о чем свидетельствуют работы, изданные в отдельных регионах страны. Выявлению историко-культурного значения русских дворянских усадеб в Оренбургском Заволжье посвящена кандидатская диссертация Е.В. Мишаниной, психологии и культуре дворянства работа Е.Ю. Дементьевой¹⁰⁶. Истории дворянских усадеб Поволжья посвящены многочисленные работы историков и краеведов¹⁰⁷.

На современном этапе развития исторической науки приоритетные направления исследования дворянства связаны с изучением системы ценностей сословия, воздействием власти и общества на сознание и поведенческие программы, комплексным изучением быта регионального дворянства. Недостаточно изучены гендерные различия в психологии и поведении дворянства, судьбы представителей дворянства Поволжья и их потомков в XX веке.

Судьба дворянских усадеб неразрывно связана с именами их владельцев. Многие дворянские усадьбы представляли из себя социокультурную среду, формировавшуюся знаниями, стремлениями и вкусами владельца усадьбы, его социальным окружением — родственниками, соседями, друзьями. Неотъемлемыми элементами дворянских имений были усадебные библиотеки и архивы, собрания произведений искусства, театры. Каждая усадьба имела свою историю и судьбу, в которых отражались жизнь и характеры их создателей и владельцев. Вдали от официального общества, помещный дворянин получал возможность проявить свое личностное начало во всех сферах: рационального ведения хозяйства на основе современной ему науки, воспитания детей, выбора форм культурного досуга и занятий любимым делом. Культурные традиции, образ жизни подспудно влияли на формирование системы ценностей, личностных пристрастий и политическое поведение дворянства. Благополучие каждого помещика, всей его семьи зависело, прежде всего, от уровня организации хозяйственной деятельности, умения управлять родовой собственностью. Обладание поместьем и проживание в своем поместье олицетворяли традиционный и нравственно превосходный образ жизни.

Село Аксаково Бугурусланского района Оренбургской области (до революции 1917 г. — Бугурусланский уезд Самарской области) было основано дедом писателя, Степаном Михайловичем Аксаковым в 1767 году (владел им до 1797 г.). По воспоминаниям писателя, «дедушка мой возвратился в Бугуруслан и в двадцати пяти верстах от него купил

землю у помещицы Грязевой по речке Большой Бугуруслан, быстрой, глубокой и многоводной. На сорок верст протяжения, от города Бугуруслана до казенного селения Красный Яр, оба берега его были не заселены: что за угодье, что за приволье было тогда на этих берегах!»¹⁰⁸ Он перевез из Симбирской (ныне Ульяновской) губернии своих крепостных крестьян. К ноябрю у переселенцев были построены избы, и закончен небольшой господский флигель. Затем С.М. Аксаков переезжает на новое место свою семью и следующим летом еще сорок крестьян. Тогда же на реке была построена водяная мельница, сооружена плотина, был достроен господский дом и двор со всеми строениями. После смерти Степана Михайловича имение перешло к Тимофею Степановичу Аксакову (владел им с 1797 по 1832 годы), который заложил каменную церковь во имя иконы Божьей Матери «Знамение». Церковь располагалась напротив барского дома на площади. Этот однокупольный каменный храм с трехъярусной колокольной украшал село и его окрестности. В 1822 году церковь была освящена, и село получило свое новое наименование — Знаменское.

Сергей Тимофеевич Аксаков происходил из старинной, но небогатой дворянской семьи. Отец его Тимофей Степанович Аксаков был провинциальным чиновником. Мать — Мария Николаевна Аксакова, урожденная Зубова, очень образованная для своего времени и социального круга женщина, в юности состоявшая в переписке с известными просветителями Н.И. Новиковым и А.Ф. Аничковым. Детство Аксакова прошло в Уфе и в имении Ново-Аксаково (сейчас — Оренбургская область) среди степной природы.

В 1816 году С.Т. Аксаков женился на дочери Суворовского генерала О.С. Заплатиной (1793—1778) и вернулся в Бугурусланский уезд. В с. Знаменском он вместе с семьей провел 5 лет, здесь родились его дети. В 1826 году после ряда безуспешных своих попыток организовать ведение хозяйства в оренбургском поместье Аксаков вынужден переехать в Москву на постоянное место жительства и вновь поступить на государственную службу.

В 1832 году после смерти отца во владение селом Ново-Аксаковым (Знаменским) вступил брат писателя Аркадий Тимофеевич. Он энергично взялся за реконструкцию усадьбы. С 1862 по 1871 году имение находилось в руках Николая Тимофеевича Аксакова, а потом перешло к племяннику писателя, Сергею Аркадьевичу, который умер в марте 1908 года.

Имение как малая родина занимало значительное место в жизни великого писателя, что емко отобразилось в его творчестве. Впечатления детства, юности и зрелого возраста легли в основу многих его произведений, и в их названия. История написания «Семейной хроники» растянулась почти на полтора десятилетия. С.Т. Аксаков столкнулся с цензурными трудностями особенно в отношении отрывков

«Степан Михайлович Багров» и «Михайла Максимович Куролесов». Но гораздо тягостнее цензурного давления для Аксакова была необходимость сопротивления многих родственников, опасавшихся публичной огласки теневых сторон семейной жизни, каких-либо тайн и неурядиц. Многие из упомянутых лиц были еще живы, многие внутренние конфликты сохраняли еще остроту. В итоге о многих событиях Аксаков был вынужден о многих событиях либо умолчать, либо упомянуть вскользь, намеком.

«Детские годы Багрова-внука» заслуженно считаются одним из лучших произведений, художественно описывающих душевную жизнь ребенка, постепенное по мере взросления изменение его мировосприятия. В качестве приложения к «Детским годам Багрова-внука» Аксаковым была опубликована сказка «Аленький цветочек» (Сказка ключницы Пелагеи). Эта литературная обработка известного сюжета о красавице и чудовище, впоследствии, публикуясь отдельно, стала, наверно, самым популярным и часто издаваемым произведением Аксакова.

В тоже время свой вклад в развитие Поволжья и Приуралья внесли и потомки великого писателя. Григорий Сергеевич Аксаков (1820 с. Знаменское — 1891 г., с. Страхово, Бузулукского уезда (сейчас Борский район Самарской области) выбрал стезю государственного чиновника. 5 декабря 1845 года назначен исполняющим должность оренбургского прокурора. 21 сентября 1846 года переведен исполняющим должность симбирского прокурора. С 5 августа 1850 года Григорий Сергеевич вошел в Комиссию для введения нового общественного управления Санкт-Петербурга. С 23 апреля 1852 года по 20 июня 1853 года был оренбургским вице-губернатором, уйдя с поста по собственному желанию. С 27 ноября 1855 года по 21 сентября 1858 года — вице-губернатор Самары. С 31 июня 1858 года по 11 августа 1859 года занимал пост представителя правительства Оренбургского Дворянского Комитета по устройству быта помещичьих крестьян. С 15 мая по 23 июня 1861 года занимал должность мирового посредника Бузулукского уезда. С 23 июня 1861 года исполняет дела оренбургского губернатора. В 1865 года назначен губернатором вновь образованной Уфимской губернии. С 20 января 1867 года по 8 декабря 1872 года — седьмой гражданский губернатор Самары. С 29 ноября 1870 года избран почетным мировым судьей. В годы губернаторства Аксакова в Самаре был построен Кафедральный собор во имя Христа Спасителя, открыты окружной суд, общественный сад, Алексеевский детский приют для мальчиков (открыт 12 января 1869 года), телеграфное сообщение. 3 февраля 1871 года открыл созданную городскую Думу. 24 мая 1871 года ввел обязательное прививание. 29 августа 1871 года император Александр II удостоил Аксакова своего Высочайшего благоволения за чистоту и благоустройство города.

Член самарской Думы, гласный Самарского губернского земства (с 1874 года). Решением самарского депутатского собрания 30 декабря 1875 года внесен в Родословную книгу самарского дворянства. С 19 июля 1884 года по 24 февраля 1891 года — губернский предводитель самарского дворянства и председатель самарского губернского земского собрания. Во время голода 1873 года и 1880 года лично занимался организацией помощи крестьянам. Крестьяне звали его по имени и отчеству, без боязни шли к нему по различным делам. Должностные сельские и волостные лица в Страхове менялись по жалобе сельчан. Представлен к чину тайного советника, награжден орденами и медалями. Почетный гражданин Самары (9 (16) августа 1873 года). Похоронен в имении в с. Страхово. Со временем могила была потеряна.

Его дочери Ольге Григорьевне Аксаковой (1848–1921 г., умерла и похоронена в с. Языково, Бузулукского уезда, (сейчас — Борский район Самарской области) великий писатель посвятил произведение «Детские годы Багрова-внука» и знаменитую сказку «Аленький цветочек». На титульном листе сказки автор написал: «Внучке моей Ольге Григорьевне Аксаковой». 21 декабря 1854 года Сергей Тимофеевич Аксаков пишет стихотворение «Шестилетней Оле», где обещает порадовать ее необычным подарком. В письме к сыну Ивану от 23 ноября 1856 года Аксаков пишет: «Я теперь занят эпизодом в мою книгу: я пишу сказку, которую в детстве я знал наизусть и рассказывал на потеху всем, со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи. Разумеется, я совершенно забыл о ней, но теперь, роясь в кладовой детских воспоминаний, я нашел во множестве различного хлама кучу обломков этой сказки, а как она войдет в состав «Дедушкиных рассказов», то я принялся реставрировать эту сказку».

О.Г. Аксакова основала кумысолечебный курорт «Аксаково» близ станции Белебей. Имение Аксаковой было в селе Языково. Занималась собиранием семейного архива. Она была среднего роста, плотного телосложения, с вьющимися локонами волос, любила длинные со шлейфом платья, широкие белые или черные шали. Ездил в тарантасе, запряженном парой вороных лошадей, в сопровождении борзых собак. Ее племянник Сергей Сергеевич Аксаков в письме к бузулукскому литературному краеведу П. Филатову вспоминал: «Она была очень доброй, очень демократично настроена, ненавидела пышность, балы, светскую суету и прочее. По железной дороге ездила всегда в третьем классе, очень любила музыку и сама неплохо играла на рояле»¹⁰⁹. В 90-х годах XIX века читатели «Самарской газеты» часто встречали объявление, что на ферме Ольги Аксаковой «постоянно имеется подвоз свежего сливочного масла». Жила Аксакова в двухэтажном доме, где размещались библиотека и архив, о котором стало известно из интервью с ней, опубликованном 30 апреля 1909 года в газете «Вестник Уфы» в связи с 50-летием со дня смерти писателя. Кроме дедовского, хранила

она державинский и тютчевский архивы, доставшиеся ей от Сергея Тимофеевича и дяди Ивана Сергеевича, женатого на дочери поэта Тютчева, Анне Федоровне. Архив для нее был дорог: во время пожара, случившегося в 1914 году в усадьбе, она вынесла в первую очередь его.

После октября 1917 года имение Аксаковой было конфисковано, но сама она оставалась в нем и жила при библиотеке. Оставшуюся у нее часть архива Аксакова передала Самарскому университету, образованному в 1918 году. В 1921 г. О.Г. Аксакова – научный сотрудник Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете. Выполняя его поручение, делала копии с наиболее ценных документов архива. По ходатайству общества ей назначена пенсия.

В июле 1921 г. семейный архив Аксаковых вывезен сотрудником Самарского губернского архива и губернского музея, ассистентом кафедры палеографии Самарского госуниверситета М.Н. Тихомировым (будущим академиком) из имения О.Г. Аксаковой. Аксаковский архив и семейные реликвии, перевезенные в Самару, были переданы в Общество археологии и этнографии. Они составили основной фонд Аксаковской комнаты, хранителем которой был назначен М.Н. Тихомиров, и архива-музея. В конце 1920-х гг. все рукописи и семейные реликвии Аксаковых поступили в Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. В отчете М.Н. Тихомиров подробно перечислил вывезенное имущество: мебель, рукописи, фотографии, портреты, письма.

Архив Аксаковых чрезвычайно обширен и изучен еще в очень малой степени. Дабы ввести в обиход тот комплекс семейных и иных документов, которые сохранились, необходимы усилия многих и многих специалистов. Материалов аксаковского архива огромное количество. Подавляющее большинство из них не только не опубликовано, но и научно не освоено и даже не прочитано толком...¹¹⁰. Другую часть архива и имущество Сергея Аксакова Ольга Григорьевна передала Самарскому губервному дворянскому собранию еще в 1909 году.

В последние годы жизни престарелой Ольге Григорьевне помогали крестьяне. Они приносили ей продукты. Умерла она на 73-м году жизни, в голодном 1921 году. До последних дней с ней находилась служанка Феона Семеновна, которая переехала позже в Борское. Точное место захоронения внучки писателя установить сейчас сложно.

Отметим, что историческое значение необходимости сохранения усадьбы было осознано современниками еще в начале XX века, когда в связи с экономическими трудностями и размахом революционных событий наследники великого писателя задумывались о продаже имения. В 1907 году особая комиссия Крестьянского банка занималась скупкой помещичьих имений в Самарской губернии и перепродажей их крестьянам. В числе ликвидируемых помещичьих имений была и знаменитая Аксаковская вотчина при с. Знаменском Бугурусланского

уезда, которую потомки знаменитого писателя С.Т. Аксакова собирались продать Крестьянскому банку¹¹¹. Однако благодаря настойчивой и целеустремленной деятельности самарского губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова имение было сохранено. На состоявшемся в 1907 г. чрезвычайном губернском дворянском собрании было принято решение о целесообразности приобретения этого имения. Собрание постановило ходатайствовать перед правительством о предоставлении льгот самарскому дворянскому обществу при покупке данного имения¹¹². Связав покупку имения с устройством в нем ремесленной школы с просветительной деятельностью, А.Н. Наумов обратился с ходатайством к императрице Александре Федоровне как к попечителю общества «Попечительство о трудовой помощи». В 1907 году благодаря содействию императрицы усадьба Аксаковых была приобретена. Управляющим усадьбой стал М.Д. Мордвинов, который к 1909 году организовал создание учебно-ремесленную мастерскую им. С.Т. Аксакова. В 1911 году изделия учеников были представлены на Всероссийскую кустарную выставку¹¹³.

Также в 1909 году в Самарской губернии проходили мероприятия, посвященные 50-летию со дня кончины С.Т. Аксакова. В начале 1909 года состоялось экстренное дворянское губернское собрание, которое одобрило программу культурно-сословного торжества. Это мероприятие происходило 30 апреля в день смерти Аксакова. Состоялось торжественное собрание в губернской дворянской зале. Прозвучал ряд речей и докладов, посвященных писателю и его значению для русской культуры. А.Н. Наумов доложил о мероприятиях, предпринятых дворянством губернии для сохранения имения писателя и открытия там образцовой ремесленной школы его имени.

Было озвучено постановление дворянского собрания об основании аксаковского музея, в комнате на верхнем этаже дворянского собрания. Внучка Аксакова — О.Г. Аксакова (26.12.1948—1921) — подарила музею коллекцию 318 писем деда, а С.Г. Аксаков пожертвовал диван, принадлежавший С.Т. Аксакову, шкатулку и принадлежности для рыбалки. По окончании торжества была исполнена музыкальная хоровая ода «Слава Аксакову», сочиненная Я.Я. Карклиным¹¹⁴.

Усадьба Аксаковых в Оренбургской области в советское время постепенно разрушалась, с 1921 по 1928 гг. там располагалась детская колония, затем волостной комитет, затем семилетняя школа и контора МТС. 30 августа 1960 года постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 усадьба, где жил писатель С.Т. Аксаков, была поставлена на государственную охрану как памятник истории. А в 1962 году по инициативе руководителя местного колхоза «Родина» был снесен дом Аксаковых. Оригинальный памятник утратил свое существование, а село утратило свою композиционность. Рядом с фундаментом дома выстроили двухэтажное здание школы из силикатного кирпича,

что исказило облик усадебной территории. В те же годы было построено кирпичное здание клуба. На территории парадного двора Аксаковых, перед зданием школы, был разбит школьный сквер и установлен бюст С.Т. Аксакова. В 1966 году сгорела водяная мельница, разрушены плотина и пруд. В 1968 году на сельской площади, рядом с фундаментом разрушенной церкви, был установлен памятник воинам односельчанам и разбит сквер. Литературная общественность области многие годы поднимала вопрос о восстановлении этих мест.

Начиная с 1991 года, который по решению ЮНЕСКО был объявлен годом Аксакова, началось восстановление памятных мест, связанных и именем писателя. В 1991 г. в Уфе открылся Мемориальный дом-музей писателя, в 2002 открыт Историко-культурный центр «Надеждино», воссоздан Димитриевский храм и усадебный дом писателя, в котором был открыт «Музей семьи Аксаковых»¹¹⁵.

Открытие дома-музея в Оренбургской области состоялось в августе 1998 года. В его интерьерах размещена экспозиция, отражающая жизнь и быт персонажей произведений Сергея Тимофеевича Аксаковского дом восстановлен на месте сохранившегося фундамента. Перед домом хорошо сохранилась круглая акациевая аллея, где аксаковскую бытность находилась беседка, обсаженная дикой виноградной лозой. В 2003 году на территории разрушенной Знаменской церкви производились археологические раскопки. Целью исследований являлось точное установление местонахождения храма и места родовой усыпальницы Аксаковых. В результате научно-исследовательских работ было обнаружено несколько захоронений, среди них погребение М.Н. Аксаковой (матери писателя). В 2007 году на место захоронения родственников Аксаковых были перенесены надгробные плиты с могил матери, отца и младшего брата писателя, которые до того момента находились на территории усадьбы. В 2007 году была осуществлена реконструкция пруда.

В селе Страхово Самарской области в 2011 году у здания полуразрушенной старинной церкви установили памятный крест с надписью «Достойному сыну великого отца и одному из лучших российских губернаторов» на месте предполагаемой могилы Г.С. Аксакова. От села остались только 150-летние сосны, старые дома и несколько жителей. О захоронении вспомнили благодаря вниманию общественности к наследию Аксаковых. Сооружение креста и ограды взял на себя предприниматель Владислав Афанасьев, который устраивает небольшую базу отдыха у пруда. Страхово не являлось родовой вотчиной Аксаковых, но, может быть, сам Григорий Сергеевич, единственный продолжатель рода своего отца, хотел сделать эту усадьбу новым родовым гнездом. Теперь на возрождение этих давнишних планов надеются и «аксаковцы». В Языкове частично воссоздан интерьер усадьбы внучки писателя Ольги Аксаковой, которая жила в языковском имении и умерла здесь в 1921 году, сохранив бесценные семейные реликвии и архи-

вы. Местные краеведы не теряют надежды восстановить здание барской усадьбы, которое сгорело в 1914 году.

Аксаковским обществом ведется активная работа по изучению и приведению в порядок аксаковских мест на территории Самарской, Ульяновской, Оренбургской областей и Башкирии. Разрабатываются туристические маршруты Золотого кольца аксаковского Поволжья, написана песня «Аленький цветочек», издан литературный путеводитель по аксаковским местам Поволжского региона¹¹⁶.

Любители-краеведы сельских районов и городов Поволжья и Приуралья, основываясь на архивных источниках и материалах устной истории, вносят значительный вклад в научную разработку темы, связанной с дворянскими усадьбами. На современном этапе прослеживается тенденция привлечь внимание современников к архитектурным памятникам и усадебной культуре дворянства. Благодаря подвижной деятельности работников музеев, историков, краеведов и деятельности Аксаковского фонда проведена большая работа по возрождению усадеб Ульяновской, Оренбургской, Самарской областей и Башкирии, связанных с жизнью и деятельностью великого русского писателя С.Т. Аксакова и членов его семьи.

§ 4. Новейшие исследования по аграрной истории Поволжья второй половины XIX – начала XX века

Аграрный вопрос в Российской империи входил в число ключевых проблем второй половины XIX–XX веков, которая находилась в центре внимания как государства, так и общества. Полемикой о путях развития аграрного сектора экономики страны пронизана историческая и публицистическая литература. В дискуссиях о путях развития аграрного капитализма принимали участие и лидеры политических партий и течений. Острый характер приняло обсуждение предстоящей реформы в первом российском парламенте. Не оставалось в стороне и российское крестьянство, которое в ходе протестных действий в первые годы XX столетия сформулировало требование о конфискации частновладельческих земель.

Заявленная тема моего доклада на научной конференции, посвященной памяти выдающегося историка-аграрника, доктора исторических наук, профессора К.Ф. Усманова, достаточно широка, поэтому остановимся лишь на некоторых общих вопросах научной разработки аграрной истории Среднего Поволжья. Конечно, эти ограничения носят условный характер. Рассмотрим основные тенденции развития аграрной историографии и современное состояние проблемы.

В развитии аграрной исторической науки можно обнаружить на определенных этапах подъема и спады, которые зависели от социаль-

но-политической ситуации в стране. Если говорить о периоде 1920–1960-х гг., то изучением аграрной истории как в России, так и в Поволжье занимались спорадически, как правило, в очень узких границах истории трех российских революций и гражданской войны. В центре внимания историков находились проблемы изучения крестьянского движения, деятельности большевиков и других политических партий в деревне. В соответствии с марксистско-ленинской методологией авторы намечали неизбежную предопределенность союза беднейшего крестьянства с пролетариатом. В то же время с завидным постоянством говорилось об ухудшении социально-экономического положения крестьянства и углублении социального расслоения деревни.

Ситуация стала меняться в 1950-е гг., когда П.А. Зайончковским и его учениками началось изучение Великих реформ и, прежде всего, реализации реформы 1861 г. Тогда же существенно возрос интерес к изучению аграрной политики правительства, суть которой состояла в отказе от традиционной поддержки (консервации сельской поземельной общины) и создании нового слоя земельных собственников в деревне в лице землеустроенных крестьян – хуторян и отрубников.

В этой связи были защищены кандидатские диссертации по истории реализации Столыпинской аграрной реформы как в отдельных губерниях Поволжья, так и в целом в границах всего региона. Новым было то, что авторы кандидатских диссертаций ввели в научный оборот значительное число делопроизводственной документации и статистического материала. Хотя, как и прежде, традиционные оценки итогов Столыпинской аграрной реформы как «аграрный бонапартизм», «крах» реформы продолжали сохраняться.

Во второй половине 50–60-х гг. определились основные центры, в которых началась разработка проблем аграрной истории. Прежде всего, необходимо отметить роль поволжских историков – И.Д. Кузнецова (Чебоксары) и Е.И. Медведева (Куйбышев). О жизненном пути этих исследователей детально говорится в кандидатских диссертациях Г.В. Балашова и Ю.А. Богомазовой, защищенных в диссертационных советах при Казанском и Самарском государственных университетах. Об их научном вкладе говорилось также и на научных конференциях в 2003 г. в Самаре и в 2005 г. в Чебоксарах. Следует также в качестве центра назвать и столицу республики Башкортостан – Уфу, так как в 19587 г. К.Ф. Усманов издал монографию «Столыпинская аграрная реформа в Башкирии», в которой была дана широкая панорама жизни башкирской деревни в период проведения Столыпинского землеустройства. Отметим также научные труды уральских историков-аграрников Ф.П. Быстрых, Т.Л. Левиной, Л.И. Легошина, Я.Л. Ниренбурга, П.И. Хитрова, которые были опубликованы на рубеже 50–60-х гг. XX столетия.

Особенно активно научная разработка многих проблем аграрной истории велась И.М. Ионенко, М.К. Мухарямовым, Ю.И. Смыковым

(Казань), А.В. Клеянкиным (Саранск). Именно они в 1976 г. поддержали инициативу доктора исторических наук, профессора Е.И. Индову, которая стояла у истоков создания Средневолжского объединения историков-аграрников. В 70-е гг. XX в. изучением аграрной истории стали заниматься представители новой генерации историков. В трудах Г.А. Герасименко (история низовых крестьянских организаций), Ю.И. Смыкова (крестьянство Среднего Поволжья 60–90-е гг. XIX в.), Н.Л. Клейн (экономическое развитие Поволжья), П.С. Кабытова (аграрные отношения в Поволжье в период империализма) в конце 1970-х – начале 1980-х гг. наметились новые подходы к изучению проблем аграрной истории, которые явственно стали проявляться во второй половине 80-х гг.

Отмечу также определенное воздействие на трансформацию концептуальных взглядов историков-аграрников публикации материалов семинаров в журнале «Отечественная история», «Современные концепции аграрного развития», которые были организованы выдающимся российским историком Виктором Петровичем Даниловым и Теодором Шаниным, что во многом позволило преодолеть кризисные явления в методологии и отказаться от традиционных подходов при анализе аграрных отношений.

Убежден также и в том, что это помогло нам преодолеть наши организационные неурядицы. Дело в том, что деятельность аграрного объединения историков Среднего Поволжья во второй половине 1980-х гг. была прервана. Оно было вновь воссоздано на рубеже XX–XXI веков, что придало мощный импульс научной разработке многих проблем аграрной истории. Научные конференции проводились не только в Йошар-Оле, Чебоксарах, Казани, Саранске, но в Ижевске, Оренбурге, Самаре, что является существенным расширением географических границ научной деятельности Средневолжского объединения – это свидетельство активизации нашей работы.

Позитивные результаты в изучении аграрной истории Среднего Поволжья были обусловлены влиянием координации научных исследований нашего аграрного объединения. На рубеже XX–XXI веков успешно защитили докторские диссертации В.В. Кондрашин, А.Т. Иванов, В.А. Юрченков, П.И. Савельев, Ю.Н. Смирнов, Н.Н. Кабытова, Н.Ф. Тагирова, Э.Л. Дубман, М.И. Роднов, Е.П. Барина, Л.М. Артамонова, Е.К. Минеева и др. Назову лишь некоторые публикации, которые отражают современный уровень научных разработок. Были изданы монографии об аграрной эволюции Поволжья во второй половине XIX века (П.И. Савельев)¹¹⁷, крестьянстве Уфимской губернии (М.И. Роднов)¹¹⁸, крестьянских хозяйствах Татарстана в 1920 х гг. (Р.В. Шайдуллин)¹¹⁹, о формировании и функционировании рынка Поволжья (Н.Ф. Тагирова)¹²⁰. Проблемы освоения Поволжья и взаимодействие власти и общества в этом процессе нашли отражение в монографиях Э.Л. Дубмана и Ю.Н. Смирнова¹²¹.

Важное значение уделялось изучению истории помещичьих хозяйств, по истории которых защищена одна докторская и пять кандидатских диссертаций с использованием традиционных и математических методов. Безусловным лидером в этой проблематике является П.И. Савельев. Изучалась также история дворянства Поволжского региона. По этой проблематике защищена одна докторская и четыре кандидатских диссертаций. Новые подходы ярко проявились в Поволжье и при разработке проблемы «Власть и общество» в период войн и социальных катаклизмов в начале XX века и в период гражданской войны.

Историки-аграрники принимали активное участие в создании обобщающих трудов по истории республик и областей Поволжья, в создании энциклопедий и справочных изданий. Пожалуй, новым явлением стало издание «Очерков истории юга-востока России» (авторы Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов, Н.Ф. Тагирова), а также монографий «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период» и «Поволжье – внутренняя окраина России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.)». При этом по отношению к Поволжью (в том числе и к Среднему Поволжью) вводится в научный оборот новое понятие «внутренняя окраина России». Данное понятие как ключевое было предложено П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом во время совещания (2002) в институте «Открытое общество», на котором было принято решение о подготовке серии учебных пособий по истории регионов Российской империи. При этом мы исходили из того, что территория Поволжья окончательно была закреплена под юрисдикцией метрополии в течение второй половины XVI – первой половины XVIII вв., однако социально-экономическое освоение края, формирование на его пространстве постоянного сельского и городского населения, складывание административной системы продолжалось вплоть до начала XX века. В течение всего этого периода большая часть территории региона, прежде всего его юго-восточные окраины, активно осваивались. Одновременно, начиная с конца XVII–XVIII вв., Поволжье становится военным плацдармом для активного продвижения России далее на восток и юго-восток, превращается в базу для дальнейшего территориального продвижения Российской империи. Эти и другие факторы, несомненно, подчеркивают актуальность и научную значимость предложенной Вам дефиниции.

Наконец есть и еще один позитивный итог нашей работы – это значительное расширение научной проблематики, что, несомненно, связано с освоением междисциплинарных методов исследования и в том числе использованием опыта зарубежных историков. В этой связи взаимодействие с западными историками (например, публикация трехтомной антологии «Американская русистика») позволит активнее изучать повседневную жизнь российской деревни.

Один из актуальных вопросов, который всегда находился в центре внимания историков, юристов, социологов, литераторов и представителей других наук – судьба и особенности сельской поземельной общины. Историография общины обширна. Вопрос о необходимости изучения общины был поставлен в 70-е гг. XX века на одном из аграрных симпозиумов в Вологде. В советское время об общине писали В.А. Александров, В.П. Данилов, А.В. Милов, А.М. Анфимов, М.М. Громыко, Н.А. Миненко. Особо хотел бы отметить вклад в изучение сельской поземельной общины П.Н. Зырянова. О необходимости изучения общины конца XIX – начала XX вв. говорил на конференциях в Йошкар-Оле казанский историк И.М. Ионенко. Если мы внимательно посмотрим на литературу по аграрной истории конца 1960–1970-х гг., то мы можем констатировать, что эта проблема активно изучалась историками республик Поволжья (А.С. Патрушев, Н.В. Полин, В.К. Абрамов, Х.Ф. Усманов, А.И. Акманов, Л.Г. Филатов, И.И. Фирстов и др.). Но затем эволюция сельской поземельной общины во второй половине XIX века изучалась sporadически. По нашим данным в Урало-Поволжском регионе в 1990-е гг. защищено лишь три кандидатских диссертации: А.Х. Биккузиной, Т.В. Ефериной и А.В. Бирюковым¹²². Башкирская община на Южном Урале во второй половине XIX в.

Надо отметить, что в данных исследованиях лишь намечены новые подходы к изучению эволюции крестьянской общины. Так, А.В. Бирюков анализирует нормативно-правовую базу функционирования общины, а далее сосредотачивает внимание на земельных, хозяйственных и социальных функциях сельской общины. А.Х. Биккузина помимо традиционных правовых аспектов, отмечает сохранение в башкирской деревне простых, составных и раздельных общин. Весьма важен вывод о том, что в общине к концу XIX в. наметилась тенденция к отказу от норм обычного права, что было вызвано переходом на путь официального законодательства. Эта тенденция обусловлена ростом товарно-денежных отношений. А.Х. Биккузина анализирует также изменения в системе землепользования в связи с реализацией Правил от 10 февраля 1868 г., в ходе которых шло разграничение владений между селениями вотчинников и их арендаторов. Подчеркивается роль сельской общины в регулировании земельных наделов между семьями, распределении сенокосных угодий и в контроле над лесными угодьями. Исследователь отмечает, что регулятивная функция общины более активно проявлялась по отношению ко всем видам сенокосов. Весьма интересен анализ социально-правовой деятельности общины, что позволило сформулировать вывод о том, что к началу XX века нельзя говорить о полном разрушении общинных начал.

В исследовании Т.В. Ефериной помимо анализа историко-правовых аспектов функционирования сельской общины на территории Мордовии отмечено, что к началу XX в. в общинном землепользова-

нии параллельно существовали две тенденции: общинно-передельная и подворная. Передельческий фонд расширялся за счет приобретения земли как единолично, так и товариществами. Другая тенденция (она была характерна для всего многонационального крестьянства региона) ярко проявилась в затухании земельных переделов. Лишь в некоторых общинах переделы земли проводились ежегодно. Но в целом их сроки возросли до 12 и более лет. Исключение составляли сенокосные владения. Т.В. Еферица указывает, что в период проведения Столыпинской земельной реформы основной крестьянской единицей продолжала оставаться община, что было вызвано рядом причин и, прежде всего, сохранением традиций, консерватизмом, тем, что община была гарантом социальной стабильности крестьян.

В той или иной степени проблемы эволюции сельской общины затронуты новейшими исследователями Столыпинской земельной реформы. Как мне кажется, при оценке итогов Столыпинских преобразований некоторые историки следуют за традиционными выводами советских историков, что Столыпинская аграрная реформа потерпела или крах (Р.Р. Батиришин)¹²³, или провал (А.А. Трегуб)¹²⁴, или неуспех (С.В. Максимов)¹²⁵. И все-таки в новейшее время появились исследования, авторы которых отказались от традиционных, догматических подходов. Речь, в частности идет о кандидатской диссертации О.М. Семериковой «Реализация Столыпинской аграрной реформы на Урале (Вятская и Пермская губернии) в 1906–1917 гг.», в которой представлена реальная картина хода реформы в уральской деревне и выявлено общее и особенное в ее реализации.

Встает вопрос: «Почему мы все еще придерживаемся традиционных взглядов? Что это? Инерционность мышления? Или что-то другое?» Судя по всему, исследователи вольно или невольно остаются заложниками старых представлений, суть которых сводится к тому, что любая реформа должна в кратчайшие сроки дать позитивные результаты. Как известно, последний реформатор Российской империи говорил о том, что для переустройства России необходим длительный срок (20 лет). Но реализация реформы шла в сложнейшей социально-политической ситуации, когда у реформатора фактически отсутствовала социальная опора. К тому же, новейшие исследователи Столыпинской аграрной реформы образно говоря «топчутся на одном и том же месте». Они не смогли увидеть те реальные сдвиги, которые произошли в деревне в результате капиталистической модернизации. Внешне деревня продолжала оставаться прежней, но многие хозяйства даже бедняцко-средняцкие зачастую вынужденно стали ориентироваться на рынок. С другой стороны, часто преувеличивают степень и уровень аграрной эволюции. В этой связи я хотел бы сослаться на собственный опыт изучения истории крестьянства.

В докторской диссертации я исследовал проблемы аграрной истории на стыке отечественной истории и истории народного хозяйства,

или, как сейчас говорят, экономической истории. Но меня интересовали и проблемы духовной жизни русского крестьянства особенно в период войн и революций начала XX века. В этой связи я попытался по-новому прочитать уже известные историкам документы и материалы, увидеть в них то, что из-за «профслепоты» не смогли заметить мои предшественники.

Когда говорю о «профессиональной слепоте», то имею в виду, что советские историки, опираясь на марксистско-ленинскую методологию и принцип партийности, во многих документах о крестьянском движении видели только информацию о времени и месте крестьянского выступления, его направленности — против помещика, имперской администрации и т. д. Но они опускали чрезвычайно важные сведения, характеризующие состояние сельской поземельной общины, роль сельского схода в организации выступлений, поведение крестьян и частных владельцев накануне и во время выступления. Словом, новый угол прочтения известных документов дает возможность выяснить сдвиги в настроении крестьян, определить мотивы их выступлений.

Поэтому в центре моего внимания оказался довольно внушительный корпус источников: донесения представителей коронной администрации о крестьянских выступлениях, жалобы помещиков на крестьян. Приговоры сельских сходов, наказания, письма крестьян и солдат действующей армии родным, цензорские отчеты, а также записи крестьянских высказываний, вошедшие в книгу сестры милосердия Софьи Федорченко «Народ на войне», которая была издана в 1917 г. и выдержала несколько изданий.

И вот здесь я для себя сделал несколько открытий: в изученных мною материалах сельская поземельная община представляла несколько иной, чем в полемических сочинениях Ленина и опиравшихся на них трудов советских историков.

Во-первых, удельный вес зажиточного крестьянства в центральных уездах Великороссии был очень невелик: колебался от 4 до 6 процентов. В работах марксистов, стремившихся во что бы то ни стало доказать капитализм в сельском хозяйстве России (и правоту Маркса), карикатурилась степень социальных противоречий, раздиравших общину, преувеличивался накал выступлений бедноты против сельской буржуазии. Это не соответствовало историческим реалиям конца XIX — начала XX вв.: противоречия внутри крестьянства пребывали в стадии эмбриональной, а вся община объединялась заинтересованностью освободиться от цепких остатков феодализма.

Во-вторых, из поля зрения советских историков выпадал факт, что сельская община являла собой организатора выступлений крестьян против помещиков и коронной администрации, а правовой основой для таких радикальных действий служил сельский сход: он в своих приговорах формулировал экономические, а в годы Первой русской революции и политические требования.

В-третьих, в 1905–1907, а также в годы реализации Столыпинской земельной реформы функции общины расширились, существенно изменилось и содержание приговоров сельских сходов. Община стала решать вопросы выхода из нее отдельных домохозяев и укрепления земли в личную собственность, что усилило противодействие ее новой аграрной политике правительства.

В-четвертых, в сельской общине сформировалось демократическое большинство, включавшее радикально настроенных крестьян. Именно оно инициировало многие протестные выступления в период между двумя российскими революциями.

Убежден в том, что те позитивные сдвиги, которые наметились на современном этапе, помогут предпринять реальные шаги по подготовке и изданию многотомной истории крестьянства Среднего Поволжья, о чем неоднократно говорили основатели нашего объединения историков-аграрников Среднего Поволжья.

§ 5. Сельская поземельная община в период реализации Столыпинской аграрной реформы (обзор научной литературы)

Институт сельской поземельной общины включал всю территорию страны, свыше 90 % ее населения. Изучение общины велось крайне неравномерно и во многом зависело от социально-политической ситуации в стране. Так, например, реализация Великих реформ и Столыпинской аграрной реформы обострила интерес к общине¹²⁶. Но после краха Российской империи стал преобладать вал исследований, в которых первенствующее значение отводилось истории революции и классовой борьбе. В данном выступлении я останавлюсь лишь на основных тенденциях в изучении исследуемой проблемы и затрону те концептуальные построения, которые более ярко характеризуют историографическую ситуацию, которая складывалась в тот или иной рассматриваемый период.

Условно можно выделить три периода. В дореволюционный период (1900–1917 гг.) представлены оценочные суждения представителей консервативного, либерального и радикального направлений. Здесь речь идет о трудах А.А. Кауфмана¹²⁷, А.И. Чупрова¹²⁸, А.А. Кофода¹²⁹, В.И. Ленина¹³⁰. Ценные сведения об отношении крестьян к Столыпинской аграрной реформе, оценочные суждения о ее целесообразности и негативное восприятие правительственных нововведений содержится в двухтомном сочинении И.В. Чернышова¹³¹.

Второй период (1917 – середина 1980 гг.), характерен тем, что в нем можно выделить три этапа. На первом этапе до начала 1930-х гг. в историографии сохраняется многоцветье различных оценок, которые присутствуют в трудах С.М. Дубровского, П.Н. Першина, Б.Д. Груцкуса. Но уже в конце 1920-х гг. преобладают оценки, основанные на

теоретических постулатах В.И. Ленина о крахе Столыпинской аграрной реформы, аграрном бонапартизме, проведении реформы в интересах помещиков. Второй этап с 1930-х до середины 1950-х гг. интересен тем, что изучение сельской поземельной общины отходит на второй план, а первостепенное внимание уделяется анализу социально-экономических предпосылок второй русской революции. Можно также констатировать угасание интереса историков к Столыпинской аграрной реформе. Но историческая ситуация стала меняться в начале 1950-х гг., когда вновь возник интерес к данной проблематике¹³². По инерции в названиях диссертаций все еще сохранялись традиционные представления о главенствующей роли классовой борьбы в историческом процессе. Авторы пытались проследить влияние Столыпинской реформы на социально-классовую структуру крестьянства, изменения в землевладении и землепользовании в связи с выходом крестьян из общины и укреплением земли в личную собственность. Наблюдалось единодушие и в оценках реформы как ее краха в поволжских губерниях. К числу характерных особенностей этих исследований следует отнести то, что авторы не выявили степень деформации общины, не смогли установить особенности аграрной эволюции в различных регионах Поволжья. Так как основное внимание в диссертациях уделялось анализу крестьянского движения, сельская поземельная община фактически оказалась вне поля зрения исследователей.

Формирование новых подходов в отечественной историографии стало возможным благодаря дискуссиям конца 1950-х – начала 1960-х гг. о характере и особенностях аграрного строя и многоукладности экономики России. Вопрос о необходимости изучения сельской общины был поставлен в 1970-е гг. на одном из аграрных симпозиумов в Вологде¹³³. В этот период общину изучали С.М. Дубровский, А.М. Анфимов, В.А. Александров, В.П. Данилов, Л.В. Милов, М.М. Громыко, Н.А. Миненко и многие поволжские историки. Так, казанский историк И.М. Ионенко на одной из межрегиональных конференций в Йошкар-Оле призвал историков обратить внимание на особенности эволюции общины в начале XX в. В 1970 – первой половине 1980-х гг. эта проблема нашла отражение в исследованиях А.С. Патрушева, П.С. Кабытова, Н.В. Полина, В.К. Абрамова, И.И. Фирстова и др.

Вторая половина 1980-х гг. органично сохраняет рудименты традиционных представлений, которые сочетаются с новыми подходами в изучении Столыпинской аграрной реформы. В этот период проблематика исследований существенно расширилась, что было связано с выбором путей общественного развития, валом публицистических статей, появившихся в годы перестройки, жгучим интересом к реформаторской деятельности П.А. Столыпина. Появилось большое число исследований, характеризующих причины формирования нового вектора в имперской аграрной политике. Особо выделим фундаментальные

исследования выдающегося историка-аграрника В.Г. Тюкавкина¹³⁴, а также монографию П.Н. Зырянова¹³⁵. Если В.Г. Тюкавкин давал позитивную оценку Столыпинским преобразованиям в деревне, то П.Н. Зырянов полагал, что община в начале XX века сумела в той или иной степени приспособиться к новым условиям. Более того, по мнению историка, община смогла обеспечить в определенной степени подъем в хозяйственной сфере. Но вряд ли можно согласиться с этим суждением, так как изучение аграрной эволюции в Поволжье дает несколько иную картину. Например, в лесной и лесостепной полосах, где существовали сложные общины, наблюдалась консервация патриархальных отношений, землевладение и землепользование представляло мозаику владений разных поселений, неразмежеванных и включенных в один план. В социальной структуре крестьянства более 70 % составляли беднота и середняки, а удельный вес потомственных пауперов доходил до 20 %. Аграрная перенаселенность способствовала сохранению архаики, а потому восприятие новаций, исходящих со стороны коронной администрации и земских учреждений, отличалось от крестьянских воззрений фермеров степных уездов, где общинные связи рушились и формировались характерные черты собственника, ведущего товарное хозяйство. Выделим исследования, в которых принята попытка осветить деятельность последнего реформатора Российской империи П.А. Столыпина¹³⁶, который активно проводил в жизнь Указ 9 ноября 1906 г., закон 14 июня 1910 г. и принял участие в разработке Положения о землеустройстве 1911 г.

Одна из задач, которая приобрела особую остроту в новейший период, состояла в том, чтобы преодолеть избитые штампы и стереотипы в оценке Столыпинской реформы, которые транслировались официальной советской историографией. Так, в 1970–1980-х гг. в работах историков сохранялись такие рудименты, как отрицательное отношение к сельской общине, которая якобы находилась в кризисном состоянии и являлась тормозом в развитии капитализма введении в социальную практику новых агроприемов. Педантировались и такие оценки «консервативность реформы», ее ограниченность, дуализм, а также из работы в работу кочевал ленинский термин «аграрный бонапартизм Столыпина». Например, в обобщающей монографии ленинградских историков говорилось: «Столыпинская реформа, одной рукой открывавшая путь к капитализму в сельском хозяйстве, другой, пытавшаяся его закрыть, преследовавшая цель создать и законсервировать мелкого земельного собственника была очередной реакционной утопией в аграрном вопросе»¹³⁷. Сохранялись и такие оценки – реформа была жизненно необходима, но она потерпела крах. Или видный историк В.С. Дякин поставил такой вопрос «Был ли у Столыпина шанс реформировать страну?»¹³⁸.

Новый вал диссертаций по Столыпинской аграрной реформе приходится на 1990–2000-е гг. Но и в них все еще сохраняются архаичные

представления историков советской эпохи. Причем они органично соседствуют с новыми выводами и наблюдениями. Например, С.В. Максимов пришел к выводу, что реформа не принесла успехов¹³⁹. Заслуживает внимание тезис казанского историка В.И. Люкшина, который считает, что попытка реформаторов «расколоть общину и положить конец господству в аграрном секторе национального производства неэффективных способов ведения хозяйства обернулась еще большим сплочением общинного крестьянства...»¹⁴⁰. Вряд ли с этим можно согласиться. Хуторские и отрубные хозяйства проявляли большую заинтересованность, нежели общинные в интенсификации производства. Скорее научную значимость имеет его вывод о «возрождении и актуализации норм и ценностей общинной этики выживания»¹⁴¹. В работе Р.Р. Батиршина обращено внимание на изучение форм и методов организации местными органами власти мероприятий по реализации реформы, созданию землеустроительных комиссий, организации землеустроительных работ и активизации земств, включившихся в формирование земской инфраструктуры, строительство элеваторов и зерновых складов, проведение агрономических мероприятий, выставок. Он констатирует, что при проведении реформы «без силовых методов власти обойтись явно не могли»¹⁴².

Несколько иначе формулирует выводы об итогах реализации реформы и ее влиянии на общину пензенский историк О.А. Прилуцкая¹⁴³, которая считает реформу объективно обусловленной внутренней политикой самодержавного правительства. Она отмечает зависимость темпов образования хуторских и отрубных хозяйств от уровня развития аграрного капитализма в регионе. И в этом заметна генетическая связь выводов О.А. Прилуцкой с теоретическими построениями автора этих строк¹⁴⁴. Тезис о зависимости результатов реформы от уровня развития капитализма повторил в своей диссертации С.Б. Котляров, отмечая при этом, что общины «мордвы, татар, чувашей отличались от русских большей прочностью и консерватизмом»¹⁴⁵. Несмотря на то, что по мнению автора реформа не достигла своих социальных и политических целей, она создала условия для роста земледельческого производства. А.А. Трегуб полагает, что реформа могла быть реализована без административного нажима. По его мнению, реформатор сделал ставку на социально-экономические преобразования, не требовавшие гражданской активности населения, но отсутствие поддержки со стороны населения негативно сказалось на ходе реформы¹⁴⁶.

В новейший период активно изучалось протестное движение, настроение и социальное поведение народных масс в период Первой мировой войны¹⁴⁷, революционное движение в национальной деревне Поволжья – марийской, мордовской и чувашской – в годы Первой мировой войны (И.Б. Ниманов), общественное сознание и социальное поведение крестьянства (А.А. Казанцев, М.Д. Журавлева).

Несмотря на все многообразие работ, сельская поземельная община периода Столыпинской аграрной реформы все еще остается недостаточно изученной. На наш взгляд, необходимо представить реальную картину социальных протестов крестьян в 1906–1917 гг. и показать роль общины по противодействию Столыпинскому землеустройству. В этой связи заслуживает внимания вопрос о социальном составе общины, на который оказал влияние выход из нее полярных слоев как зажиточных крестьян, так и пауперов, порвавших связь с деревней. По сути дела белым пятном остается и степень деформации общины в связи с мобилизацией солдат в действующую армию. Пока что гендерные аспекты лишь декларируются, но исследований по этой тематике нет. Встает и такая проблема, как анализ влияния притока в Поволжье беженцев и военнопленных, не выявлена степень деградации деревни в годы Первой мировой войны и в связи с этим уровень маргинальности крестьян, призванных в армию.

§ 6. Крестьянские организации 1917 года в трудах отечественных историков

В историографии «аграрного вопроса» способов и методов его решения в российской революции 1917 года сформировались направления, по которым рассматривались формы крестьянского движения «за землю и волю». Проблематика исторических исследований, посвященных деятельности крестьянских организаций в 1917 году, зависела от ряда аспектов: идейно-политической ситуации в обществе, состояние источниковой базы, методологических принципов и методов анализа социальных движений. На разных этапах историографического освоения революционного процесса в России начала XX века приоритеты исследователей определялись не только субъективными, но и объективными факторами. Субъективные обстоятельства – это идеологическое давление властно-директивных структур, профессиональный интерес (специализация) историков, морально-нравственные приоритеты общественной среды. Состояние источниковой базы, ее доступность для исследователей, методика и техника обработки громадного документального наследия – явление объективного характера, непосредственно влияющие на репрезентативность наблюдений и выводов по актуальным, остро дискуссионным вопросам исторической науки.

Магистральная линия развития революции, то есть ее причины, ход и итоги, обросла огромной литературой. Довольно хорошо изучена направленность действий «революционных потоков», важнейшей составляющей которых было крестьянское движение. В связи с этим рассматривались крестьянские организации в качестве координирующих структур аграрной революции в деревне. Выделяя основные эта-

пы изучения заявленной темы, необходимо выделить приоритетные направления исследовательского интереса. В 1920-е годы историки обратили внимание на наличие специфических крестьянских организаций, отличных от рабочих и солдатских, аналогичных по названию. В 1930–1950-е годы явно прослеживается стремление исследователей унифицировать революционные события в городе и деревне, чтобы доказать наличие «союза рабочего класса и беднейшего крестьянства» как движущей силы социалистической революции, действующей под руководством большевиков. В 1960–1980-е годы происходит расширение проблематики исторических исследований: появились работы, посвященные низовым крестьянским исполнительным и земельным комитетам, съездам и советам. В конце XX – начале XXI веков стали рассматриваться взаимоотношения крестьянских организаций с земствами, властными структурами, политическими партиями, анализироваться социально-психологические мотивы поведения сельских жителей в революции.

Специфика исторических трудов 1920–1950-х годов была обусловлена необходимостью выполнения идеологического заказа правящей партии большевиков, стремившейся доказать закономерность и справедливость своей победы в революции. Партийно-советские функционеры, мобилизованные на фронт идеологической борьбы, часто фальсифицировали исторические факты, преувеличивая влияние большевиков и недооценивая организаторской деятельности эсеров среди крестьян.

Исследования профессиональных историков, анализировавших в первое десятилетие советской власти российскую революцию 1917 года, немногочисленны и тематически ограничены. Предметом их изучения была преимущественно аграрная революция¹⁴⁸. Это обусловлено несколькими причинами: распространённостью народных традиций в отечественной историографии; определяющим влиянием крестьянской борьбы за землю на весь ход революционных преобразований в стране; своеобразным негласным разделением направлений исторических изысканий между идеологами новой власти и лояльными, но не ангажированными ее историками. К тому же в это время широкое распространение получила концепция наличия в России в 1917–1918 годов двух революций – пролетарской и крестьянской. В соответствии с нею и распределялись силы: рабочий класс и его авангард, большевистскую партию прославляли агитаторы, пропагандисты и организаторы революционного насилия; крестьянский бунт как ведущую линию социальной революции пытались осмыслить специалисты-историки.

«Великий перелом» рубежа 1920–1930-х годов, положивший начало раскрестьяниванию страны, повлек директивное ограничение исследовательской проблематики. Об изучении всего спектра сложных

взаимоотношений народа и власти периода российской революции в это время не могло быть речи, поскольку сформированная после Октября 1917 года репрессивная политическая система насаждала тоталитарную модель государственного устройства, отстаивая свое существование. При ранжировании идеологических задач советской власти исторической науке отводилось ведущее место в показе авангардной роли партии большевиков при построении нового «социалистического» общества. Политические противники большевиков в революции, а вместе с ними крестьянские организации, за влияние в которых они соперничали, почти не изучались советскими историками, а если упоминались, то как «контрреволюционные»¹⁴⁹. Зарубежные исследователи российской революции 1917 года в условиях «железного занавеса» были отлучены от пополнявшейся источниковой базы проблемы и вынуждены довольствоваться обветшавшими мифами, созданными участниками событий из числа иммигрантов первой волны.

Ужесточение идеологического диктата ВКП(б) с середины 1930-х до середины 1950-х годов привело к резкому сужению источниковой базы исторических исследований революционного процесса 1917 года и намеренному ограничению их проблематики. Вопросы о власти, самоуправлении, деятельности общественных организаций в 1917 году были преданы забвению. Борьба большевиков против идейных противников в революции как главная тема варьировалась при рассмотрении всех событий в центре и на местах¹⁵⁰. Аграрная революция, как самостоятельное явление, в это время не изучалась.

К 40-летию Октябрьской революции были составлены и опубликованы сборники документов и воспоминаний, где превалировали всевозможные постановления, резолюции советов, комитетов, сходов и собраний¹⁵¹. В последующее время эта работа спорадически возобновлялась, но публиковались новые документы редко¹⁵². Факты о революционных событиях на местах подобраны составителями избирательно и представляют собой далеко не полную панораму происходившего. Тематическая и идеологическая заданность опубликованных материалов отнюдь не снижает их ценности. Первоисточники, на основе которых они отбирались, в большинстве своем сохранились, и есть возможность ознакомиться с ними в оригинале.

Ренессанс советской исторической науки 1960–1980-х годов поколебал, но не разрушил основополагающих «ценностей» марксистско-ленинской методологии в изучении российской революции 1917 года. Расширение проблематики исследования, создание обобщающих историографических трудов¹⁵³ способствовало накоплению и классификации событий, составлявших суть революционного процесса. Появились оригинальные работы, в которых рассматривались ранее не изучавшиеся вопросы, что позволило полнее восстановить событийную сторону гибели старого и рождения нового общества в России. В рам-

ках поставленной проблемы следует, прежде всего, выделить работы, в которых изучалась деятельность советов рабочих и солдатских депутатов в 1917 году¹⁵⁴. После выяснения роли и значения большевистских организаций эта тема стала ведущей в исследованиях по истории российского революционизма, что привело к гипертрофированным оценкам значения советов в строительстве новой российской государственности. Значительно меньше внимания уделялось советам крестьянских депутатов¹⁵⁵, поскольку они осудили насильственный захват власти большевиками. Однако анализируя деятельность крестьянских съездов, волостных и сельских исполнительных комитетов, исследователи рассматривали организующую роль советов крестьянских депутатов по оформлению административного управления в деревне после падения самодержавия¹⁵⁶.

Характеризуя рабочее, солдатское, крестьянское движение в русской революции 1917 года, исследователи неизбежно давали оценки деятельности низовых органов самоуправления, организовывавших социальные действия. Внимание историков к ним распределялось пропорционально радикализму решений тех или иных комитетов. Наибольшее количество публикаций посвящено созданным в деревне после февраля 1917 года крестьянским организациям: волостным и сельским исполнительным, земельным, продовольственным комитетам, поощрявшим конфискационные притязания крестьян-общинников по земельному вопросу¹⁵⁷. В то же время структуры земского самоуправления, демократизированные в 1917 году, сначала путем представительства в них «демократических гласных», а затем избранные на основе всеобщих, равных, прямых выборов, в редких случаях рассматривались историками аграрниками¹⁵⁸. Большинство исследователей стремилось доказать «контрреволюционный характер» земств в 1917 году, их неполноценность по сравнению с советами, недееспособность в решении социально-экономических требований крестьян в революции. Лишь во второй половине 1980-х годов появились специальные работы, посвященные анализу деятельности земских учреждений¹⁵⁹.

Систематизация созданных в предыдущие годы комплексной проблемы истории русской революции 1917 года исследований позволила поставить целый ряд новых тем в ее изучении. В 1990-е годы появились оригинальные труды, не только углубляющие и расширяющие общее знание о сути революционных преобразований 1917 года в России, но вносящие значительные коррективы в устоявшиеся оценки исторического значения данного глобального события XX века. После ряда международных и всероссийских конференций историки русской революции 1917 года обозначили перспективные направления в ее изучении, продолжая дискутировать о характере инверсионных процессов в России¹⁶⁰. Расширение международных связей отечественных историков в последнее десятилетие привело к своеобразной

конвергенции взглядов и оценок о сущности российского революционного процесса 1917 года. Отечественные авторы ознакомились с методами исторического анализа зарубежных историков, которые, в свою очередь, получили возможность расширить источниковую базу собственных исследований. Международные дискуссии о характере российского революционного процесса начала XX столетия способствовали расширению проблематики отечественных исследователей. Наряду с традиционными появились новые сюжеты, характеризующие специфику крестьянского движения в 1917 году¹⁶¹.

В условиях кризиса советской государственности и поисков нового пути общественного развития исследователи вновь обратили внимание на особенности российского революционного процесса начала XX столетия. Стал активно изучаться процесс формирования новой властной парадигмы в России 1917 года. Взаимоотношения крестьянских комитетов с властными и самоуправленческими структурами, политическими партиями и советами рассматривались в общем контексте революционных преобразований. Известный исследователь крестьянского самоуправления А.В. Седов обобщил свои наблюдения, анализируя организационные формы, состав, прерогативы и направления деятельности низовых крестьянских комитетов, возникших в сельской местности в марте – апреле 1917 года¹⁶².

Монография А.В. Седова раскрывает способы демократизации сельского самоуправления, выявляет причины коллизий между крестьянами и административными структурами Временного правительства. Анализируя крестьянские представления об основах и сущности «народоправства», автор считает, что в деревне была создана уникальная система действенной самоорганизации общества. В работе представлен порядок избрания волостных и сельских комитетов, рассмотрены источники финансирования их деятельности. А.В. Седов впервые представил процесс организации органа охраны общественного порядка и создания сельской милиции, выявил ее численный и социальный состав. Он показал, как крестьянские комитеты организовали судебную защиту, реорганизовали систему мировых судей, создали специальные комитетские суды. В целом А.В. Седов, раскрывая новые страницы истории сельского самоуправления, представил уникальный, хотя и полностью не реализованный опыт переустройства общественных отношений.

Комплексная проблема взаимоотношения народа и власти, место и роль в этом процессе различных общественных организаций – советов, комитетов, союзов – активно исследуется на современном этапе российского революционного процесса 1917 года. Предметом специального рассмотрения стала аграрная политика Временного правительства, рассматривавшаяся в контексте кризисных ритмов его деятельности¹⁶³. Формы и методы борьбы крестьян за землю, позиции зе-

мельных собственников, организующая роль крестьянских съездов, позиции политических партий по аграрному вопросу дискутируются в современной исторической литературе¹⁶⁴. Детально разработан вопрос о причинах популярности эсеров на выборах в Учредительное собрание¹⁶⁵, что позволило по-новому оценить крестьянские съезды и советы.

Рассматривая региональные модификации российской революции 1917 года, исследователи отметили значительное влияние крестьянских организаций — от низовых комитетов до советов и съездов на государственное строительство¹⁶⁶. Способы самоорганизации общественных сил, формы сословных, социальных, профессиональных, корпоративных организаций, функционировавших в российской провинции 1917 года, непосредственно влияли на государственное строительство. Крестьянские организации, возникшие в ходе революции, отражали традиционные идеи «народоправства». Они противоречили западническим общедемократическим принципам регулирования социальных отношений. Исследования этих вопросов позволило выявить глубинные причины системного кризиса в России, понять механизм влияния народа на власть через инициативные общественные институты¹⁶⁷. Это, в свою очередь, стимулировало появление новых оригинальных работ, рассматривающих социопсихологические аспекты поведения крестьян в условиях социальных катаклизмов¹⁶⁸.

Подводя предварительные итоги изучения крестьянских организаций в 1917 году, отметим, что их значение в российском революционном процессе определяется как фактор самоорганизации сельского общества. Рассмотрен процесс их организации, статуса; охарактеризована деятельность низовых крестьянских комитетов, крестьянских съездов, показаны методы агитационно-пропагандистской работы политических партий в крестьянской среде. Историки проанализировали социально-экономические требования крестьян в революции, оформленные в виде решений волостных исполнительных комитетов, наказов сельских общин, постановлений крестьянских съездов. В новейшей исторической литературе выявлены место и роль крестьянских объединений в государственном строительстве на всех этапах развития революции, их взаимосвязь с советами и комитетами, земствами и думами, политическими партиями и властными структурами. Дальнейшее изучение влияния крестьянского движения в российской революции 1917 года позволит проследить эволюцию взглядов сельских жителей по вопросам «текущего момента» — о земле и способах ее перераспределения, о войне и мире, о власти и государственном устройстве. По-прежнему актуально выявление социопсихологических аспектов массового крестьянского движения, определившего вектор аграрной политики политических партий в борьбе за власть.

§ 7. Общественно-политические функции общины в 1917 году

Община как мирская организация крестьянства переживала возрождение в ходе Российской революции 1917 года. Она приобрела новое качество — выступила организатором общественно-политической жизни деревни. Организационно-хозяйственные функции схода домохозяев перестали быть ведущими на собраниях сельских обществ. С расширением состава сельских сходов они превратились в стихийные или организованные митинги всего населения, где обсуждались актуальные общественно-политические вопросы. Крестьяне по собственной инициативе начали организовывать новые органы самоуправления, которые возрождали преданные забвению под давлением царской администрации общинные нормы и традиции. Они восстановили все звенья сельского самоуправления. На сельские сходы собирались все домохозяева, а не только десятидворники (по 1 делегату от 10 крестьянских дворов), как это сложилось с введением института земских начальников. Сначала крестьянки-солдатки, а затем все женщины получили право участия в сельских собраниях¹⁶⁹. Для осуществления своих требований в революции крестьяне создавали общественные исполнительные комитеты, избиравшиеся на крестьянских сходах и съездах.

Сельские и волостные крестьянские комитеты избирались различными способами. Сельские комитеты крестьяне чаще всего выбирали на сходах первоначально по старым правилам, просто потому, что новые еще не были разработаны¹⁷⁰. Позднее, когда появились новые инструкции по организации власти, а приезжие агитаторы развернули свою пропагандистскую деятельность, в деревне стали использоваться и новые формы социальной организации: применялись всеобщие, равные, прямые выборы, чаще всего открытым голосованием. В волостные крестьянские комитеты выборы проходили путем представительства от определенного числа жителей. В них избирались делегаты от сел и деревень или от сельских комитетов, если они уже были образованы на сходах и собраниях. Комитеты формировались также на волостных съездах из числа делегатов. В марте-апреле 1917 г. в поволжских губерниях собирались чрезвычайные уездные земские собрания, выражавшие поддержку Временному правительству и ставившие задачи принять активное участие в строительстве новой власти на волостном уровне. Однако в связи с тем, что «земства оставались в подавляющем большинстве в старом составе»¹⁷¹, им не удалось в достаточной степени повлиять на состав волостных и сельских исполнительных комитетов.

Выработку правил и инструкций по организации власти на местах считали своей задачей все новые организации. Для этого созывались специальные съезды как общественных комитетов, так и комиссаров

Временного правительства. По инициативе и под руководством преимущественно эсеров и различных земских, кооперативных и других организаций, где они служили, собирались также крестьянские съезды, явившиеся своеобразной формой организации всего крестьянства. На них обязательно разрабатывались нормы крестьянского представительства в структурах местной власти и самоуправления¹⁷².

Временное правительство не смогло предотвратить процесс крестьянского протворчества в области сельского самоуправления, а поэтому попыталось взять его под свой контроль. Провозглашенные им принципы демократизации общественных отношений были ограничены рамками административно-территориальных образований дореволюционного периода. Поручая правительственным комиссарам взять под контроль организацию и деятельность сельского самоуправления, Временное правительство Постановлением от 19 марта 1917 г. признало лишь волостные комитеты, а сельские по-прежнему продолжало считать незаконными. Губернские и уездные комиссары, выполнявшие указания правительства, не могли управлять структурами, которые считали нелегитимными. В результате сельские исполнительные комитеты действовали в интересах избравшего их мира, а не по инструкциям власти. Волостные исполнительные комитеты были включены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их функционирования разрабатывались общественными комитетами, съездами, советами в каждой губернии, а иногда даже уезде самостоятельно.

Самарский уездный Комитет народной власти 18 марта 1917 г. определил следующий порядок выборов сельского самоуправления: «В основание выборов волостных комитетов должен быть положен принцип прямого голосования... В то же время сознавая, что в выборах в волостном селе не может принять участие все население», комиссия рекомендовала избирать «волостные комитеты каждым селом отдельно, на сельском сходе, прямым голосованием. Число делегатов от каждого села в волостной комитет должно соответствовать числу жителей и это число делегатов должно быть назначено на селе». Принимая во внимание, что уже избранные комитеты приступили к работе и переизбрание их на новых началах нежелательно, комиссия признала возможным «считать их временно выбранными правильно. В случае же поступления в комитет жалоб на выборы от населения... волостные комитеты по проверке жалоб должны быть переизбраны на основах, принятых уездным комитетом»¹⁷³.

Первый съезд представителей крестьянских комитетов Самарской губернии разработал «Правила» организации власти в сельской местности. Он рекомендовал сельские комитеты избирать «сельским сходом, в котором участвуют все граждане селения обоюбого пола, достигшие 20-летнего возраста»¹⁷⁴. Таким образом, он не только восстанав-

ливал общинный демократизм, придавленный царским администрированием, но и существенно его расширял за счет наделения избирательными правами женщин и снижения возрастного ценза избирателей. Сложнее было губернскому съезду выработать общую инструкцию по выборам волостных комитетов, т. к. многие из них уже были сформированы в разных уездах и волостях по-разному. Это зависело от местных условий: удаленности от волостного центра, состояния дорог и, следовательно, средств связи, социальной активности населения разных сел, которая, в свою очередь, определялась разнообразными особенностями их экономического развития, национального состава, вероисповедания и даже категории дореформенного состояния крестьян.

В Симбирской губернии на общинных сходах также стали создаваться крестьянские комитеты. Правила по устройству и деятельности сельских и волостных исполнительных комитетов были разработаны в канцелярии губернского Комиссара. 6–7 мая 1917 г. состоялся Симбирский губернский съезд уездных комиссаров и председателей уездных земских собраний, которыми являлись одни и те же лица. Он принял постановление об организации власти в губернии без привлечения общественности. Формирование волостных исполнительных комитетов осуществлялось путем утверждения на волостном собрании предложенных кандидатур, которые сельскими обществами заранее не обсуждались. Уездные съезды, на которых было больше выборных от крестьян, по всем обсуждавшимся вопросам принимали более радикальные решения. В волостных исполнительных комитетах появились новые лица: солдаты-отпускники, выборные от сельских обществ, рабочие мелких предприятий обрабатывающей промышленности, не потерявшие связей с деревней¹⁷⁵.

Строительство сельского самоуправления в Саратовской губернии осуществлялось с привлечением всех общественно-политических сил, объединенных в исполнительные комитеты. 26–29 марта 1917 г. на съезде представителей уездных и городских исполнительных комитетов Саратовской губернии были разработаны их принципы, нормы и функции. В резолюциях съезда подчеркивалась полная автономность исполнительных комитетов «по делам местным» в пределах своего территориального образования. Подчиненность комиссаров, являвшихся по постановлениям съезда должностными лицами, реализующими функции исполнительной власти, предусматривалась снизу доверху от волости до губернии, но осуществлялась она только «по делам общего управления»¹⁷⁶. Волостные и особенно сельские исполнительные комитеты не преминули воспользоваться предоставленными свободами, объявив под давлением крестьянских сходов все земельные дела местными.

В постановлениях съезда исполнительных комитетов была детально разработана структура временной реорганизации земского самоуп-

равления. Она предусматривала избрание «в каждом селении из числа его жителей... сельской управы», в состав которой «входят не менее 3 лиц, а именно: староста и 2 члена управы, избираемые на сельском собрании (сходе). Участниками собрания (схода) являются все жители данной избирательной единицы без различия пола, сословия, вероисповедания и национальности, достигшие 21-летнего возраста, проживающие в данном избирательном округе не менее 3 месяцев... Коренные жители... вернувшиеся с фронта имеют избирательные права безотносительно ко времени проживания в данной местности»¹⁷⁷.

В условиях, когда большинство волостных и сельских комитетов уже сформировалось, существенно изменился порядок организации уездных и губернских крестьянских съездов, на которых утверждались правила их функционирования. Делегатов на съезды стали выбирать непосредственно на сельских сходах и собраниях, давая им наказы по всем злободневным вопросам крестьянской жизни¹⁷⁸. Крестьянскому самоуправлению в наказах отводилась ведущая организационная роль в достижении главной цели аграрного движения — «земли и воли». Крестьянские делегаты, избранные односельчанами, а не кооптированные различными политическими партиями, союзами, группами, требовали полной самостоятельности низовых комитетов не только при решении всех местных дел, но и при определении вопросов общегосударственного значения.

Состав волостных исполнительных комитетов, делегатов уездных и губернских крестьянских съездов был общесословным. Так, в исполнительный комитет Пензенского Совета крестьянских депутатов, избранный учредительным съездом, проходившим 7–10 апреля 1917 г., вошло 16 человек. Из них было 5 служащих (1 агроном, 2 юриста, 2 учителя), 2 студента и 9 крестьян, из которых 5 занимались земледелием, а остальные четверо — кузнец, огородник, солдат, заведующий книжным складом¹⁷⁹. Выходцы из городских сословий правом решающего голоса на крестьянских съездах не обладали, но в исполкомы крестьянских советов они избирались как «крестьяне по происхождению».

Стремление к сословному обособлению низовых крестьянских комитетов означало отступление от демократизации сельского самоуправления. Конечно, выходя за пределы «мира», сельские общества стремились решать актуальные задачи общественной жизни страны. Однако используя политическую конъюнктуру переживаемого момента, некоторые из них рассматривали крестьянские комитеты как органы, через которые можно просто удовлетворить потребительские нужды или свести счёты с односельчанами, не спешащими признавать революционные изменения. Примечателен в этом плане приговор Борисоглебского сельского общества Каймарской волости Казанской губернии и уезда, обсуждавшего 21 мая 1917 г. в числе других «вопрос об однообщественниках, не признающих власти нового Временного пра-

вительства». Сход постановил: «Все, что будем получать через посредство волостного и сельского комитетов, как то: дрова, чай, сахар, муку и прочее... лишить прав на получение тех, кому «не нужны органы нового управления...»¹⁸⁰.

Для выполнения самых общих обязательств по организации управления в сельской местности необходимо было решить вопрос финансирования местного самоуправления. До революции сельское самообложение носило сословную форму мирских сборов и распространялось на надельные крестьянские земли. В ходе преобразования самоуправления крестьяне потребовали распространения таких сборов на всех землевладельцев, промышленников, церковные земли. «Содержание волостных комитетов относится за счет волостных средств. Волостным комитетам предоставляется право с настоящего времени привлечь на равных для всех основаниях к обложению волостными сборами необлагавшиеся ранее этими сборами казенные, удельные, банковские, частновладельческие, монастырские, церковные земли, а также торгово-промышленные предприятия»¹⁸¹. Такая система содержания выводила органы сельского самоуправления из системы местной администрации центральной исполнительной власти. С самого образования сельские и волостные комитеты в условиях финансовой независимости от власти могли претендовать на свободу действий. Они выбирали среди множества общественно-политических структур те, которые заявляли о поддержке крестьянских требований.

Итак, Временному правительству не удалось сформировать четкую систему соподчинения органов местной власти. Фактически низовые комитеты проводили не правительственную, а крестьянскую политику. В Поволжье, где были сильны традиции борьбы крестьян «за землю и волю», обособленность крестьянского самоуправления проявилась уже в ходе его организации на новых началах «народоправства». В российской революции 1917 г. проявилось новое качество крестьянских общественных объединений: постановка и решение вопросов политической организации общества в масштабах всей страны. Сельские сходы и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире. Они не ограничивались выражением своего мнения по названным вопросам, а принимали решения принципиального характера, предусматривавшие практические действия по реализации сложившихся в крестьянской среде политических идеалов. Разумеется, общественно-политическая активность крестьянства была направлена на достижение векового стремления к «земле и воле».

§ 8. Аграрная политика сталинизма в региональной историографии: опыт Мордовии

Аграрная политика сталинизма в регионах бывшего Советского Союза, несмотря на наличие целого ряда серьезных исследований, по настоящее время остается одной из слабоизученных тем историографии. Связано это не только с наличием порой диаметрально противоположных точек зрения и достаточно разработанной системой аргументации каждой из них, но и со слабым освоением в регионах новых методологических подходов, которые смещают интерес в сторону крестьян, непосредственных производителей. В связи с этим представляет интерес эволюция историографического осмысления этих процессов на примере развития региональной историографии одного субъектов России. В качестве примера была избрана Мордовия, в истории которой аграрный вопрос был переплетен с национальным, что порождала определенную специфику. Кроме того, регион находился в центре страны, но в то же время он был глубоко периферийным.

К изучению процессов, происходивших в Мордовии в аграрной сфере в конце 1920-х – 1930-е гг., первыми приступили их непосредственные участники – партийные, советские и хозяйственные работники¹⁸². В современных условиях говорить о научной ценности данных работ достаточно сложно, они скорее выступают как своеобразная форма источников, отражающих не только реалии тех лет, но и психологию, умонастроения своих создателей.

Аграрную политику в Мордовии конца 1920-х – 1930-х гг. одним из первых попытался анализировать С.С. Ивашкин, который обратился к изучению роли рабочего класса в создании и развитии колхозного строя в регионе¹⁸³. В соответствии с существовавшими в конце 1950-х гг. в историографии подходами он акцентировал внимание на социально-экономических отношениях в деревне Мордовии накануне коллективизации, участии рабочих в подготовке условий для массовой коллективизации, начале массового колхозного движения. Он фактически первым описал участие рабочих в проведении сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулачества как класса, отметил роль МТС в проведении сплошной коллективизации. Наконец, он охватил круг проблем, связанных с ролью политотделов в политическом и организационно-хозяйственном укреплении колхозов и деятельностью рабочих как проводников культуры в деревне.

Стоит отметить, что С.С. Ивашкин – историк-архивист, его заслуга во введении в научный оборот существенного фактологического материала. Он дал пищу последующим историкам для размышления, хотя и писал с позиций официальной методологии¹⁸⁴. Историк предложил периодизацию участия рабочего класса в коллективизации сельского хозяйства Мордовии, основные периоды которой были соотнесены им с этапами колхозного строительства:

1. Начало 1928 г. – осень 1929 г., когда рабочие принимали участие в подготовке условий для массовой коллективизации. С.С. Ивашкин писал, характеризуя этот период: «Слаборазвитая местная промышленность, а отсюда и малочисленность местных промышленных рабочих, низкий культурный уровень сельского населения, особенно коренной национальности – мордвы, выразившийся в низком проценте грамотности, являли особенности Мордовии того времени и требовали оказания организационно-практической помощи со стороны центральных промышленных районов страны. Осуществление своей многогранной работы в деревне рабочий класс проводил, в основном, через посылку рабочих бригад»¹⁸⁵.

2. 1930–1932 гг., когда была проведена, в основном, сплошная коллективизация и на ее основе ликвидировано кулачество как класс. Из общей характеристики периода исследователь выводил задачи рабочего класса – повседневное руководство колхозным движением, породившее движение двадцатипятидесятыхников. Он отметил, что «в период, когда началась ломка старых производственных отношений в сельском хозяйстве, классовая борьба приняла наиболее острые формы»¹⁸⁶.

3. 1933–1934 гг., когда кулацкое производство было ликвидировано и заменено производством еще не окрепших колхозов и совхозов, что потребовало мер по их организационно-хозяйственному укреплению. Их реализация привела к тому, что «к концу 1934 года в сельском хозяйстве Мордовии уже безраздельно господствовал социалистический сектор»¹⁸⁷.

Стоит воспроизвести оценку монографии С.С. Ивашкина, высказанную историком и философом Ю.Ф. Кожуриным: «Работа С.С. Ивашкина весьма показательна в плане типичного образца ортодоксальности, верности этатической парадигме исторического исследования, при которой главное внимание уделяется не человеку, его образу и качеству жизни, а народу и государству, где личности отводилось роль винтика государственной машины воспроизводства общественных отношений... Автор не только не затрагивал проблему противоречий общественного развития, но и, как это было принято в советской историографии, априори доказал безусловную верность тезиса о единстве полиэтнического, поликонфессионального народа Советской Мордовии, общества и власти. Поэтому неслучайно в качестве сущности изменений, произошедших в советской деревне Мордовии в результате политики сплошной коллективизации, автором называется достигнутое состояние идейного единства, что соответствовало мессианско-идеократическому содержанию цивилизационного состояния советской системы»¹⁸⁸.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. к теме аграрной политики и коллективизации в Мордовии обратился М.В. Агеев¹⁸⁹. Собственно коллективизации им было посвящено две главы монографии, в кото-

рых она характеризовалась как «великий революционный переворот мордовского крестьянства». Автор в духе времени писал о «борьбе трудящихся Мордовии с хлебозаготовительными трудностями и кулацкой хлебной стачкой», создании предпосылок массовой коллективизации сельского хозяйства, осуществлении сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, развитии МТС и завершении технической реконструкции сельского хозяйства. Им делался вывод о подъеме сельского хозяйства республики на основе победы колхозного строя и росте материального благосостояния колхозной деревни. Судя по структуре книги и некоторым особенностям изложения, на автора оказала существенное воздействие монография М.А. Краева (1954 г.)¹⁹⁰.

Профессор В.К. Абрамов, оценивая работы М.В. Агеева, писал, что «в них исследуется экономическая сторона процесса, они основаны, прежде всего, на официальной статистике и поэтому не создают полного представления о катастрофе и масштабе потерь, понесенных мордовским народом в эти годы»¹⁹¹. Оценка, высказанная в середине 1990-х гг., как нам представляется, не совсем корректна. В начале 1960-х гг. М.В. Агеев не мог опираться на иную статистику, кроме официальной. Да и описывать коллективизацию как катастрофу не мог в силу хотя бы того, что историческая наука тех лет еще не выработала подобных оценок, еще не дошла до них. Гораздо плодотворней была критика Л.Г. Филатова, который указал на отсутствие научно обоснованной периодизации некоторых важнейших этапов коллективизации в Мордовии и необходимость выявления некоторых особенностей этого процесса¹⁹². Имели место и критические высказывания М.В. Дорожкина, которые сегодня интересно сопоставить с высказываниями В.К. Абрамова. М.В. Дорожкин писал: «К сожалению, наша краеведческая литература, описывая более или менее полно ход социалистического переустройства деревни, слабо анализирует социальные последствия победы колхозного строя. В вышедших из печати работах четко не подчеркивается глубоко революционный характер колхозного движения, коренным образом изменившего способ производства, преобразующего экономические основы существования классов; не проводится мысль о том, что осуществление колхозного строительства является важнейшей и самой трудной социально-экономической задачей, которую партия решала после завоевания политической власти»¹⁹³.

В 1968 г. журнал АН СССР «История СССР» опубликовал статью Л.Г. Филатова «О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии»¹⁹⁴, которая стала этапной в процессе исследования процесса коллективизации в Мордовии. Связано это с тем, что автор не просто поставил вопрос об особенностях (это делалось и до него), он попытался выделить их, обосновать фактическим матери-

алом, соотнести с особенностями предыдущего развития региона. Первоначально он писал о наиболее общих проблемах региональной специфики: сравнительно позднее создание национальных органов государственной власти и местной партийной организации, совпадение стадии их организационного оформления с началом коллективизации¹⁹⁵. Далее он увязывал специфику коллективизации с ходом восстановления народного хозяйства после Гражданской войны: «Отрицательно сказались на ходе коллективизации в Мордовии и поздние сроки восстановления народного хозяйства, законченного здесь лишь к 1928 г.»¹⁹⁶. Факторами, влиявшими на ход коллективизации, он назвал степень дифференциации крестьянства и остроту классовых борьбы. Все это в совокупности определило хронологические рамки процесса коллективизации в Мордовии и некоторые его внутренние характеристики. Так, по мнению Л.Г. Филатова, окончательно предпосылки для массовой коллективизации в Мордовии сложились лишь в 1931 г. и коренной перелом произошел здесь не в 1929 г., а осенью 1931 г., когда в колхозы действительно пошли массы середняков, появились районы сплошной коллективизации и развернулось настоящее массовое колхозное строительство¹⁹⁷. В качестве доказательства им приведена динамика колхозного строительства: на 1 декабря 1930 г. процент коллективизации в Мордовии равнялся 9,6 %, 1 января 1931 г. — 10,3 %, 1 мая — 33,8 %, 1 августа — 48,5 %, 1 сентября — 60,8 %¹⁹⁸. Л.Г. Филатов попытался определить специфику процессов выхода из колхозов. По его словам, имело место два отлива из колхозов Мордовии: весной 1930 г. и весной 1932 г. Причем отлив весны 1932 г. был намного меньше первого отлива 1930 г., но все же задержал общий ход колхозного строительства. К сентябрю 1932 г. средний процент коллективизации по Мордовии равнялся 60,2 %, а в некоторых районах упал еще ниже¹⁹⁹. Исследователь отмечал, что отлив из колхозов весной 1930 г. нередко сопровождался распадом многих сельхозартелей. В 1932 г. он главным образом сказался на размерах колхозов, не был столь стремительным и реже приводил к распаду сельхозартелей²⁰⁰. Общий вывод сводился к утверждению: «Дело колхозного строительства неуклонно шло вперед, хотя происходило это более замедленными темпами, чем в среднем по стране и у соседних народов Среднего Поволжья... В конце второй пятилетки социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовии почти полностью завершилось»²⁰¹.

Публикация Л.Г. Филатова породила фактически первую в региональной историографии дискуссию. С критикой выдвинутых им положений выступили М.В. Дорожкин²⁰² и И.А. Яшкин²⁰³. М.В. Дорожкин достаточно жестко заявил, что «статья Л.Г. Филатова, на наш взгляд, не восполняет многие пробелы в историографии, указанная в ней специфика никак не согласуется с историческими фактами»²⁰⁴. Он не уви-

дел специфики в соотношении процессов коллективизации и национально-государственного строительства: «...Переход к новому административному делению — краевому, областному, окружному, районному вместо губернского, уездного и волостного осуществлялся тогда не только в Мордовии, но и в других районах Средней Волги... Мордовская специфика здесь надумана...»²⁰⁵. Аналогичны его размышления по поводу партийного строительства: «Большевистские партийные организации во всех уездах, вошедших в состав Мордовской АССР, возникли не в момент массового колхозного движения, то есть в конце 20-х и в начале 30-х годов, а в 1918—1991 годах. В начале колхозного строительства происходило формирование районных и окружной парторганизаций вместо бывших волостных, уездных и губернских организаций. Эта работа проводилась не только в Мордовском, но и в других вновь созданных округах»²⁰⁶. Поэтому был сделан общий вывод о том, что аргументы подобного плана нельзя принимать всерьез. Серьезно критикует М.В. Дорожкин рассуждения Л.Г. Филатова о кулачестве и классовой борьбе: «Эти рассуждения также, мягко говоря, искусственно построены. Прежде всего, в статье не доказано, действительно ли здесь была высокая кулацкая прослойка и наиболее острая классовая борьба. Приведенная им цифра 189 случаев всех форм кулацких выступлений против колхозов еще ни о чем не говорит. Что это: много или мало? Без сравнений с другими районами невозможно дать на этот вопрос утвердительный ответ. В статье же не делается даже попытка привести на этот счет необходимые данные»²⁰⁷. М.В. Дорожкин считал, что в статье Л.Г. Филатова «искусственно сочиненные схемы расходятся с фактами!»²⁰⁸.

М.В. Дорожкин, рассуждая об особенностях коллективизации в Мордовии, признал только один посыл Л.Г. Филатова относительно сроков ее проведения. Он писал: «Одна из особенностей состояла в том, что здесь темпы коллективизации, особенно мордовской части населения, отставали от Средне-Волжского края и в целом по РСФСР»²⁰⁹. Причем «сравнительно низкие темпы коллективизации Мордовии объясняются не надуманными трудностями, о которых пишет Л.Г. Филатов, а общим социально-культурным отставанием этого района страны, отсутствием на местах достаточных сил для проведения широкой партийно-политической работы в массах, и прежде всего среди мордвы»²¹⁰. М.В. Дорожкин считал, что «отрицательную роль на ход коллективизации Мордовии сыграли и субъективные причины: массовые нарушения принципа добровольности и слабая политико-воспитательная работа среди населения»²¹¹.

Резкой критике М.В. Дорожкин подверг тезис о завершении коллективизации в Мордовии к концу второй пятилетки, т. е. к 1937 г. По его словам, «этот вывод противоречит фактам и установкам Центрального Комитета партии в части того, что надо принимать за мерило

завершения коллективизации»²¹². Он заявил: «Мы можем с полным основанием утверждать, что в Мордовской автономной области была завершена в основном коллективизация в начале 1932 года... В годы второй пятилетки происходил процесс хозяйственного и организационного укрепления колхозов»²¹³. Правда, он признает колебание уровня коллективизации в Мордовии, наличие отливов из колхозов. «Но, — по его словам, — это не меняло существа дела. Во-первых, отливы крестьян из колхозов были временными, и они касались не только Мордовии, но и других районов страны. Во-вторых, временные отливы части крестьян из колхозов не вызывали сокращения у социалистического сектора основных средств производств»²¹⁴.

Существенный вклад в разработку аграрной проблематики 1920–1930-х гг. внес В.С. Тягушев, исследовавший роль местных Советов в проведении коллективизации сельского хозяйства²¹⁵. Он рассмотрел вопросы, связанные с укреплением Советов в деревне и перестройку их работы в период подготовки массового колхозного движения. Он отметил, что к 1927 г. местные органы государственной власти больше занимались административно-финансовыми вопросами и недостаточно вели организационно-хозяйственную и массовую работу. Недостатки и ошибки в их деятельности он в духе господствующих в то время в историографии воззрений объяснял слабой теоретической и политической подготовленностью низовых советских работников, нехваткой подготовленных национальных кадров, засоренностью многих сельских Советов кулацкими элементами. Кроме того, оживлению деятельности местных Советов Мордовии препятствовала их слабая материальная база, а также наличие в селе земельных обществ (куда входили и кулаки) с их широкими хозяйственными полномочиями²¹⁶. В.С. Тягушев считал, что исключительно важное значение в улучшении работы местных Советов Мордовии имела отчетно-перевыборная кампания 1928–1929 гг., которая проходила в условиях острой классовой борьбы. В ее ходе кулацким притязаниям на контроль над Советами, по его мнению, партийные и советские органы Мордовии противопоставили развертывание в деревне широкой массовой работы, в результате которой укрепился бедняцко-средняцкий блок, союз рабочего класса и крестьянства²¹⁷.

В.С. Тягушевым проанализирована роль Советов Мордовии в организации массового колхозного движения в 1929–1932 гг., отметив при этом существование противоречия между бурным ростом колхозов и отставанием органов власти от процесса переустройства деревни. Он выделил причины этого явления, опираясь на опыт историографии тех лет: несоответствие форм и методов работы задачам коллективизации; низкий идейно-теоретический уровень подготовки кадров советского аппарата и его текучесть; слабая партийная прослойка в составе сельских Советов; недооценка значения работы по организации бед-

ноты и слабая опора на нее; попытки ликвидации сельсоветов и передача их прав и функций правлениям колхозов; засоренность некоторых сельских Советов враждебными элементами²¹⁸.

Исследователь обобщил материал по роли местных Советов в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и завершении коллективизации сельского хозяйства. На этом этапе, по словам В.С. Тягушева, «колхоз становится основным объектом деятельности сельсовета и райисполкома»²¹⁹.

Анализ работ В.С. Тягушева показывает, что он испытал сильное воздействие концепции будущего академика РАН Ю.С. Кукушкина, изложенной в его монографиях 1960-х гг.²²⁰. В ряде случаев имеет место совпадение формулировок, аргументации, выводов.

Определенный вклад в изучение аграрного сектора экономики Мордовии в 1930-е гг. на примере совхозов внес А.П. Лебедев²²¹. Он осветил вопросы совхозного строительства, анализировал процесс формирования совхозных кадров, их трудовую и политическую активность. Особо он останавливался на деятельности политотделов совхозов, подчеркивая их роль в укреплении партийных организаций. Стоит отметить, что работы А.П. Лебедева насыщены большим фактологическим материалом, который впервые был введен в научный оборот и позволил позднее по-новому трактовать многие из происходящих на селе процессов.

Работы 1950 – начала 1980-х гг. были написаны в условиях определенной историографической ситуации, когда оценки многих процессов были сильно идеологизированы, о многом невозможно было писать из-за закрытости архивов и идеологической нецелесообразности. Подобные факторы рано или поздно привели бы историческую науку к кризису, что и произошло в середине 1980-х гг. Надо сказать, что историки в регионе ощутили подобные явления и попытались найти выход. Одним из первых исследователей, предпринявшем попытку отойти от традиционных оценок истории Мордовии конца 1920-х – 1930-х гг., стал А.А. Красников, который исследовал структуру, воспроизводство и миграции населения республики²²². На основе изучения и сопоставления различных источников – данных демографических переписей 1926, 1937 и 1939 гг., – сельскохозяйственного налогового учета, материалов регистрации городского населения 1931 г., текущего учета естественного и миграционного движения населения, им впервые была подробно прослежена динамика численности городского и сельского населения Мордовии с 1926 по 1939 гг. А.А. Красников сделал вывод о негативном воздействии коллективизации на демографическую ситуацию в Мордовии. По его данным, в 1929–1930 гг. начался процесс снижения уровня рождаемости, продолжавшийся до 1933–1934 гг. Произошло снижение интенсивности деторождения во всех возрастных группах женщин, в связи с чем снизилась детность

семей и уменьшился средний размер крестьянской семьи. После 1928 г. наблюдалось резкое повышение уровня смертности населения республики. Исследователь писал: «Основное негативное воздействие на динамику воспроизводства населения Мордовии в 30-е гг. оказали два фактора — ухудшение уровня жизни населения, как сельского, так и городского, и взаимосвязанная с этим процессом миграция населения за пределы Мордовии... Эти факторы были в значительной степени следствием насильственной коллективизации, нанесшей сельскому хозяйству Мордовии большой ущерб»²²³.

В 1990 г. профессор Л.Г. Филатов вновь поднял вопрос об особенностях коллективизации в Мордовии²²⁴. Он повторил свой старый тезис об отставании сельского хозяйства Мордовии, приводя примеры малоземелья и аграрной перенаселенности. Среди особенностей он выделил исторически сложившееся внутренне районирование и специализацию в области сельского хозяйства. Причем, по его мнению, «сталинский режим, осуществляя насильственную массовую коллективизацию, пытался игнорировать, а нередко — ломать объективно сложившееся районирование и специализацию в сельском хозяйстве, что вело к его деформации, тормозило сложный и противоречивый ход коллективизации, губило у крестьян устоявшиеся навыки и традиции, а в итоге — усиливало негативный процесс раскрестьянивания»²²⁵. Относительно сроков завершения коллективизации в Мордовии исследователь высказался за август-сентябрь 1935 г.²²⁶.

К середине 1990-х гг. тенденция изменения историографической ситуации усилилась, что было связано не только с постепенным отказом от традиционных подходов советской историографии, но и начавшейся архивной революции. Именно в это время начинается плодотворная деятельность целой плеяды историков, для которых характерны новые подходы истории региона конца 1920 — 1930-х гг.

В 1990-е гг. впервые в историографии стали рассматриваться проблемы налоговой политики и ее воздействие на крестьянское хозяйство (Т.В. Еферица, О.И. Марискин, Т.Д. Надькин)²²⁷. Обращаясь к материалам Среднего Поволжья, исследователи все же оперировали и реалиями Мордовии. Они проанализировали законотворческую деятельность государства в сфере налогообложения, выделили два основных этапа развития налоговой политики:

1. 1923/24—1927/28 гг. — период, когда размер налога занимал наименьшую долю дохода (в среднем от 3,4 % до 7,7 %) и был посилен крестьянскому хозяйству, способствуя его воспроизводству²²⁸;

2. 1929—1935 гг. — период усиления налогового давления на единоличное крестьянское хозяйство, что в конечном счете привело к разрушению многопольной системы полеводства, сокращению поголовья скота, уничтожению экономических мотиваций труда, разрушению экономики крестьянского хозяйства и уничтожению его как такового²²⁹.

Среди методов и средств проведения налоговых сборов исследователями был выделен широкий и разнообразный спектр: от устных порицаний до экспроприации имущества, от лишения избирательных прав до выселения и привлечения к уголовной ответственности. Ими была отмечена основная тенденция развития — ужесточение методов налоговой политики по мере развития коллективизации и ее превращения в инструмент социально-экономического преобразования деревни. Особое внимание исследователи обратили на реакцию крестьянства, недовольство которого возрастало по мере усиления налогового нажима и проведения коллективизации, принимая порой характер вооруженных выступлений, охватывающих широкие слои крестьянства²³⁰.

Проблематика крестьянской общины на территории Мордовии исследовалась В.В. Ефериной²³¹. Осмысливая жизнь общины на достаточно большом промежутке времени, она особо касалась конца 1920 — 1930-е гг. Ей был сделан вывод, что большинство крестьян Мордовии с недоверием отнеслось к колхозам, отдавая предпочтение дедовской общине, наиболее им понятной, проверенной, да и привычной. К тому же новые принципы организации труда, идеологическая окраска шли вразрез с их пониманием жизни. В.В. Ефериная считает, что воспитанным в эпоху уважения крестьянина-домохозяина, частной собственности, им были непонятны и неприемлемы новые принципы коллективного труда. В колхозе на первое место был выдвинут общественный интерес, даже подразумевалось слияние коллективного и личного интересов. Община же представляла пример сочетания этих интересов. По словам исследовательницы, «в той ситуации крестьянину было трудно психологически перестроиться, тем более, что его порой лишали возможности выбора между хутором, общиной и колхозом, когда раскулачивание и лишение избирательных прав стали методами коллективизации. Нужно было отказаться от собственнической идеологии и воспринять идеи коллективизма. Неприятие новых принципов и явилось одним из основных условий противодействия крестьян реформе»²³².

Весьма плодотворно тематику коллективизации в Мордовии в последние годы разрабатывает Т.Д. Надькин²³³. По его мнению, модель крупного хозяйства, насаждавшаяся в Мордовии без реального учета региональных особенностей «означала реанимирование тяглово-податной системы зависимости сельского населения от власти, при этом роль верховного собственника земли стало играть партийно-советское государство»²³⁴. Он считает, что укрупнение сельскохозяйственного производства должно было способствовать решению вопросов аграрного перенаселения региона, слабого материально-технического обеспечения деревни, невысокой урожайности зерновых культур, тесной зависимости сельского хозяйства от природных условий и т. п. Но, по

его словам, «анализ результатов развития сельского хозяйства Мордовии в годы довоенных пятилеток свидетельствует о превалировании негативных последствий сталинской политики в деревне региона, об обострении целого ряда социально-экономических проблем, с которыми столкнулась многонациональная деревня в результате форсированного огосударствления аграрной сферы»²³⁵.

Касаясь хронологических рамок коллективизации в Мордовии, которые вызывали споры, Т.Д. Надькин пришел к выводу о том, что процесс вхождения крестьянских хозяйств в республике в колхозы растянулся вплоть до середины 1930-х гг. Однако, по его мнению, «социалистический» сектор стал фактически основным производителем продукции полеводства уже в конце первой пятилетки²³⁶. При этом, как считает исследователь, из-за созданной системы обязательных государственных поставок, а также остаточного принципа распределения натуральных доходов на трудодни в колхозной деревне, уже с начала коллективизации резко обострилась продовольственная проблема, которая в 1932/33 и 1936/37 гг. перерастала в голод.

Т.Д. Надькин считает, что форсированная коллективизация и планы развития аграрной сферы в условиях фактического отсутствия материальных стимулов к труду оказались трудновыполнимыми без методов принуждения и систематического применения репрессий в отношении крестьянского социума. В качестве примера он рассматривает «раскулачивание», которое на территории Мордовии приняло самые жестокие формы. По его подсчетам, за 1930–1933 гг. было «раскулачено» не менее 8 тыс. крестьянских семей, то есть до 3 % от их общего числа на конец 1920-х гг.²³⁷. По мнению Т.Д. Надькина, «фактически «раскулачивание» сразу стало основным методом вовлечения крестьян-единоличников в создаваемые колхозы. На примере репрессированных односельчан крестьяне видели, что их может ожидать в будущем, если они станут тянуть со вступлением в колхоз. Передаваемые в колхозы от «раскулаченных» средства производства должны были компенсировать недостаток материально-технического обеспечения наспех создаваемых колхозов. В Мордовской АО земля и имущество «раскулаченных» составляли в среднем до половины колхозных фондов»²³⁸. Исследователь считает, что отсутствие объективных предпосылок для перехода к крупному коллективному производству, нежелание большинства крестьянства Мордовии отказаться от единоличного хозяйствования, поощрение руководством страны и руководителями Средне-Волжского края высоких темпов коллективизации привело к тому, что организация колхозов в области приобрела самые уродливые формы²³⁹.

Исследователь считает, что модель взаимоотношений власти с крестьянством в виде «господства и подчинения» не устраивала значительную часть последнего, что поставило деревню в 1930–1931 гг. на

грань Гражданской войны. Он показывает, что по сравнению с другими регионами Среднего Поволжья на территории Мордовии было зафиксировано гораздо больше активных форм крестьянского сопротивления сплошной коллективизации, среди которых особое место занимали массовые выступления в рамках одного или нескольких сел. Сопоставление социально-экономических показателей колхозов Мордовии, Марий-Эл и Чувашии привело исследователя к выводу о том, что последствия модернизации 1930-х гг. были наиболее разрушительными для аграрного сектора Мордовии²⁴⁰.

Исследования Т.Д. Надькина существенно дополняются изысканиями В.С. Каблюка о сельскохозяйственном производстве в условиях модернизации²⁴¹. Коллективизация анализировалась им как процесс модернизации сельского хозяйства. Он обобщил материалы о состоянии производственных отношений во вновь сформированных колхозах, трудности их становления, роль политотделов МТС в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в самый сложный период их существования. Он отметил, что колхозы на начальном этапе их развития в своем большинстве были слабыми в экономическом и организационном отношении. Исследователь выделил комплекс мер, которые положительно повлияли на укрепление колхозной системы:

- пересмотр организации труда и оплаты;
- предоставление колхозам и колхозникам, выполнившим обязательства перед государством и МТС, права торговли излишками выращенной продукции;
- налоговые послабления;
- помощь государства в неурожайные и засушливые годы;
- списание задолженностей по семенным и продовольственным ссудам²⁴².

В.С. Каблюк считает, что в условиях кризиса аграрного производства главным рычагом переустройства сельского хозяйства стали политотделы МТС, которые обладали правом осуществлять не только политические, но и хозяйственные функции. В 1934 г. Обострились взаимоотношения между политотделами МТС и райкомами партии и было принято решение о преобразовании политотделов МТС. В.С. Каблюк считает: «Фактически политотделы были поглощены райкомами партии. Произошла не реорганизация политотделов, а скорее их упразднение как чрезвычайных органов. Но свои основные задачи по укреплению колхозов они выполнили»²⁴³.

Особый интерес представляет исследование В.С. Каблюком процессов модернизации экономических отношений в деревне Мордовии. Он отметил позитивные сдвиги в земледельческом секторе колхозной деревни, выделив важные агротехнические нововведения: паропропашные, многопольные севообороты, повсеместное применение минеральных и органических удобрений, снегозадержание, подкорм-

ка озимых и т. п. Он указал на существенные изменения в зерновом хозяйстве во второй половине 1930-х гг., когда в колхозах Мордовии значительные площади были засеяны сортовыми семенами широко-рядным способом. Касаясь животноводства, исследователь констатировал, что производственные показатели были недостаточно высокими, а зачастую и вовсе неудовлетворительными. Причины этого он видел не только в крайне низком уровне механизации производственных процессов, но и в плохом материальном и моральном стимулировании. Указывает он и на плохую работу МТС, но «без функционирования МТС коллективизация так скоро бы не завершилась, поскольку вся трудоемкая работа выполнялась в основном их силами»²⁴⁴. Общий вывод сводился к утверждению: «Несмотря на серьезные проблемы, возникавшие в процессе производственной деятельности, МТС Мордовии сыграли важную роль в модернизации сельского хозяйства, в развитии колхозного строительства. Благодаря им была осуществлена техническая реконструкция всего сельского хозяйства»²⁴⁵.

Разработка проблем аграрного развития и коллективизации привела региональных исследователей к формулировке весьма противоречивого положения. С одной стороны, коллективизация имела ужасные последствия, с другой – все же имела место модернизация аграрного производства. Снять это противоречие попытался В.А. Юрчёнков²⁴⁶, предложивший увязать аграрную политику с особенностями региона. По его словам, именно своеобразие привело к трансформации аграрной политики, которая стала утрачивать черты унификации²⁴⁷. Определенное воздействие, по его мнению, на аграрную политику оказывали факторы частного порядка:

- неравномерность процессов национально-государственного строительства народов Поволжья;

- слабое развитие промышленности и абсолютное преобладание сельского хозяйства;

- неравномерность обеспечения различных национальностей региона землей, скотом, орудиями сельскохозяйственного производства и т. п.;

- отставание национальных районов в сфере социально-экономического развития и образования;

- особенности формирования и развития национальной советской политической элиты²⁴⁸.

По мнению В.А. Юрчёнкова, государство попыталось учесть специфику региона путем регулирования сроков проведения коллективизации как основы-ядра аграрной политики. Однако в действиях региональных властей преобладал нажим, который привел к массовым крестьянским выступлениям. Причем численность участвовавших в них и число самих выступлений росло²⁴⁹. Исследователь пришел к выводу о том, что в целом процессы коллективизации в регионе не

выходили за рамки общесоюзной динамики. Специфика проявлялась в более сильных «отливах» из колхозов в моменты ослабления государственного давления на деревню²⁵⁰.

Аграрная политика, по мнению В.А. Юрчёнкова, имела кратковременные и долговременные последствия. Кратковременные последствия связаны с голодом 1932–1933 гг., трагедиями сотен крестьянских семей. Причем причины голода следует рассматривать в комплексе политических, социально-экономических и природно-климатических факторов. Долговременные последствия привели к кардинальному изменению социального облика национального крестьянства, существенной трансформации мордовской деревни. Он пишет: «Традиционное крестьянское хозяйство было разрушено. Обратного пути к господству мелкого, единоличного, натурально-потребительского хозяйства уже не было. Фактически с 1933 г. шел поиск путей организационно-хозяйственного укрепления созданной колхозно-совхозной системы через расширение сети МТС и насыщения их разнообразной техникой, внедрение современных способов производства, подготовку сельскохозяйственных кадров; осуществляются попытки налаживания внутриколхозной жизни (разрешение личного подсобного хозяйства, колхозная торговля и т. п.); принимаются меры по повышению культурно-образовательного уровня села»²⁵¹.

В ходе изучения аграрной политики сталинизма в Мордовии, как показал проведенный анализ, исследователями был введен в научный оборот огромный фактологический материал, предложены различные варианты концептуальных подходов, высказаны различающиеся в деталях оценочные суждения. Исключение могут составить лишь резкие оценки в духе западной «ревизионистской» историографии, однако они не меняют фона историографической ситуации. Анализ вышедших работ свидетельствует, что на повестке дня стоит создание обобщающего академического исследования, которое, с одной стороны, суммировало бы достижения и наработки, с другой, позволило бы определить узкие места и наметить перспективу дальнейших изысканий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в книге материал свидетельствует, что историография аграрной истории России XX века — это самостоятельное, динамично развивающееся направление в отечественной исторической науке. И это не случайность, а закономерность. Актуальность аграрной проблематики среди других в отечественной историографии, ее востребованность, высокий научный статус и общественная значимость обусловлены местом крестьянства, аграрной экономики в истории страны, их важнейшим влиянием на все стороны жизни Российского государства на протяжении его тысячелетней истории.

Тема крестьянства всегда волновала историков России, но только в XX века она вышла на первый план, поскольку крестьянство и российская деревня, с одной стороны, своим участием в Великой российской революции начала XX века предопределили ее исход, а с другой — в последующий период стали материалом, главным ресурсом индустриальной модернизации страны. Сама история России XX века — это процесс ее превращения из аграрно-крестьянской в аграрно-индустриальную и индустриально-городскую державу. Отсюда особая значимость для историков изучения этого процесса, всего того, что связано с аграрной историей России в указанный период. Это ключ и к пониманию современных проблем страны, поскольку большинство из них выросло из прежней советской колхозно-крестьянской России, результатов варварских экспериментов над ней власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Именно об этом на протяжении всего XX века и в настоящее время писали и пишут историки-аграрники России. Как это у них получалось и получается, рассказано в данной книге. Ее материалы свидетельствуют о несомненных успехах российских историков-аграрников в изучении актуальных проблем истории крестьянства и сельского хозяйства России в рассматриваемый период. Несколькими поколениями исследователей восстановлена реальная картина ее сложной, противоречивой, драматической и периодами трагической истории в XX веке.

В центре внимания исследователей оказались наиболее ключевые и дискуссионные аспекты проблемы, имеющие не только чисто научное, но и общественно и даже политическое значение. Этим она отличалась и отличается от многих других проблем отечественной истории, занятие которыми представляет чисто академический и культурно-эстетический интерес. Историки-аграрники же связаны с жизнью, реальной исторической практикой, большой политикой, проблемами, волнующими и простых людей и действующую власть, поскольку земля, хлеб, продовольственная безопасность — это основа жизни народа и государства во все времена.

Особенно актуальным это было в XX веке, когда страна пережила революцию, сталинскую коллективизацию, две мировые войны, на костях и крови крестьян, за счет безжалостной эксплуатации советской деревни построила мощный военно-промышленный комплекс — основу национальной безопасности современной России. В представленных в книге очерках о А.М. Анфимове, В.П. Данилове, Н.А. Ивницком и др. рассказано, как историки-аграрники «шестидесятники» и их последователи пытались в своих работах рассказать об этом, и насколько сложно было им писать правду, идти по пути истины. Но они делали это, нередко расплачиваясь карьерой и здоровьем. Их пример, подвижничество служения науки — одно из лучших достижений отечественной историографии. Они заложили основу изучения сложных и трагических страниц в аграрной истории России XX века, в перестроечный и постперестроечный период реализовали многие из своих замыслов, создали труды, ставшие классикой современного российского и зарубежного крестьяноведения, аграрной историографии России.

На страницах этой книги читатель не может не заметить одного из объединяющего всех его героев качества, присущего настоящему ученому с большой буквы, чьи труды вызывают доверие и заслуженно считаются классическими в данной области. Это использование надежных источников, опора на проверенные факты, научная их критика. Все историки-аграрники, о которых шла речь в книге, на протяжении всей своей творческой жизни работали в архивах, добывали там новые знания по изучаемым темам, глубоко и всесторонне изучали источниковую базу. Другое дело, что возможности их в данном направлении были ограничены особенно в советский период, когда идеология довлела над ними и сковывала их творческую активность. При этом следует учитывать, что многие из них искренне верили в «социализм с человеческим лицом», в подавляющем большинстве своем были и остались сторонниками «исторического материализма» и марксизма как метода научного познания. Но они всегда стремились в архив, чтобы взять оттуда все, что было доступно и помогало лучше понять изучаемую проблему. Опора на источник, систематическая и кропотливая работа в архивах — вот их путь к успеху и универсальный путь для любого исследователя, особенно начинающего. И в данной книге об этом сказано на примере конкретных судеб выдающихся и ведущих историков-аграрников России.

Выбор в книге историков-аграрников современного поколения определялся прежде всего научной новизной их работ и преемственностью в темах и подходах с предшествующими поколениями исследователей, их связью с большой академической наукой, признанными коллегами и широкой общественностью публикациями. Кроме того, их особенностью является введение в научный оборот новых, ориги-

нальных источников, ранее не известных специалистам, в том числе обработанных с использованием современных методик и технологий на стыке истории и других гуманитарных и общественных наук. Они позволили раскрыть новые аспекты актуальных и дискуссионных тем и сюжетов в многогранной истории российского крестьянства и сельского хозяйства XX века. Научное осмысление аграрной истории России через надежные источники — неотъемлемая черта современной российской аграрной историографии. По этому пути идет большинство авторитетных историков-аграрников России, в том числе и те, о ком рассказано в этой книге.

Особое внимание в ней уделено международному сотрудничеству российских историков-аграрников, их участию в дискуссиях с коллегами других стран по наиболее дискуссионным проблемам аграрной истории России XX века (коллективизации, голоду 1932–1933 гг. и др.) В наиболее яркой форме успехи российских ученых в данной сфере проявились в результатах международных проектах по аграрной истории России первой половины XX века, организованных выдающимся ученым В.П. Даниловым. На эту тему в книге очерки о проекте «Крестьянская революция в России», «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД» и др. В них показан огромный вклад В.П. Данилова и участников проектов в подлинно научное освещение истории крестьянства России в трагический период революционных потрясений страны, годы нэпа, коллективизации и предвоенные годы. В рамках этих проектов успешно реализовалась идея и концепция «предоставить слово документу», языком достоверного и доступного для критики специалистов источника показать, как это было и почему. Публикация в многотомных документальных сериях международных проектов В.П. Данилова уникальных и ранее секретных документов из центральных архивов России по истории советской деревни — это важнейшее достижение отечественной исторической науки. Их значимость и в благотворном влиянии на развитие исследований аграрно-крестьянской проблематики в российских регионах, о чем рассказано в соответствующем очерке книги.

Россия — огромная земледельческая страна с различными климатическими зонами, регионами со своей экономической специализацией, традициями хозяйствования на земле. Поэтому региональная аграрная историография — это мощный пласт в общей массе исследований по истории крестьянства и сельского хозяйства России в XX веке. Это хорошо видно из содержания книги. В российских регионах сложились самостоятельные и очень сильные школы историков-аграрников, причем не только в региональных отделениях Российской академии наук. О большинстве и наиболее успешных из них с точки зрения концептуальных подходов, разнообразия тем и значимости публикаций представлены очерки на страницах книги. Они персона-

фицированы в личностях наиболее авторитетных исследователей, которые своими работами, идеями и организационно-педагогической деятельностью заложили основы подлинно научного изучения аграрной истории региона. При этом они сохраняли и сохраняют прочные научные связи с ведущими специалистами Российской Академии Наук и историками-аграрниками Москвы. Во взаимодействии историков-аграрников регионов и Центра — залог успеха отечественной аграрной историографии.

В книге показано, что региональный подход в изучении ключевых аспектов аграрной истории России — это не самоизоляция в рамках регионоведения, краеведения и мелкотемья, а наоборот, исследование наиболее значимых в академической науке проблем истории крестьянства и сельского хозяйства страны, но на материалах конкретных российских регионов, с их богатейшими источниками, сосредоточенными в местных архивах. Кроме того, это и возможность использования новых подходов и источников в изучении аграрной истории: устной истории, фольклора, написания истории сел и деревень и т. д. В настоящий момент именно в российских регионах история крестьянства и сельского хозяйства России изучается самым активным образом. Центр аграрных исследований переместился из Москвы в регионы. А это значит, что вековая традиция глубокого и всестороннего изучения одной из самых важных тем в отечественной историографии сохранилась, и у нее есть будущее.

Оно есть и потому, что аграрная история останется интересна всегда, поскольку связанные с ней проблемы никогда не утратят своей актуальности. Споры о Столыпинской аграрной реформе, крестьянской революции, коллективизации, голоде 1932–1933 гг., феномене колхозно-совхозного строя, культуре и быте крестьянства, плюсах и минусах аграрной политике государства не закончились в работах охарактеризованных в этой книге историков. Они лишь сказали о них свое веское слово, основанное на научном подходе и взглядах на проблему с позиций исследователя своего времени. Но это не последнее слово в исторической науке России и не «конец аграрной истории». Это лишь ее важный этап, очередной задел для будущих поколений историков-аграрников.

Примечания

¹ Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008; Кабытов П.С., Баринаева Е.П. Дворянство Поволжья второй половины XIX – начала XX века: историография проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2(99). С. 47–52; Иерусалимский Ю.Ю., Леднева Н.К. Современная отечественная литература о российском дворянстве XIX – начала XX в.: региональный аспект // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. №1. С. 23–28; Милешина Н.А. Повседневная жизнь российского дворянства XVIII – начала XX столетия в оценках советских и современных историков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 84. № 5. С. 200–207.

² Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004; Они же. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.

³ Чувардин Г.С. Барон Петр Николаевич Врангель как представитель российской военной элиты начала XX в. С. 118–131.

⁴ Двоеносова Г. А. Дворянская родословная книга Казанской губернии 1785–1917 гг. Региональные аспекты изучения массового источника: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000; Лобанова Н.Г. К роду отцов своих... Семейная историческая хроника дворянских родов Сосновских, Шишковых, Хирьяковых. Тольятти, 2001; Наумов А.В. Судьбы российского дворянства в XX веке: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.

⁵ Семенов В.Н. Семенов Н.Н. Саратов дворянский. Саратов, 2004; Казанское дворянство. 1895–1917. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001; Кутырева М.А. А.Д. Пазухин. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность. Чебоксары, 2002; Тюстин А.В. Биографический ракурс пензенских уездных предводителей дворянства // Записки краеведов. Вып. 1. Пенза, 2003. С. 97–104; Кабытов П.С., Баринаева Е.П., Селиверстов С.С. Жизнь и судьба Александра Наумова. Самара, 2013 и др.

⁶ Тюстин А.В. Пензенское дворянство. Пенза, 2001; Он же. Пензенские губернские предводители дворянства. Пенза, 2001.

⁷ Шуваев Д.А. Сословная служба тамбовских дворян Давыдовых в XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. История и политология. 2010. Т. 85. № 5. С. 76–80; Он же. Рационализация природопользования в елатомских имениях тамбовских дворян Давыдовых в конце XIX – начале XX столетия // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 85–88.

⁸ Дворянская семья: из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000; Кулешов А.С. Судьба Т.А. Аксаковой в контексте политических процессов XX в. // Вестник МГОУ. Сер. «История и политические науки».

2009. № 4. С. 40–45; Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009; Наумов А.В. Судьбы российского дворянства в XX веке (на материалах трех поколений хвалынской ветви графов Медемов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009; Наумов О.Н. Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008; Хованский С.А. Князя Хованские. М., 2007.

⁹ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.

¹⁰ Иванов В.А. Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х годов: на материалах Северо-Запада РСФСР. СПб., 1997.

¹¹ Channon J. Tsarist Landowners after the Revolution: Former Pomeshchiki in Rural Russia during NEP // *Soviet Studies*. 1987. Vol. 39. № 4. P. 575–598.

¹² Rendle M. Family. Kinship and Revolution: The Russian Nobility. 1917–1924 // *Family and Community History*. 2005. № 1–8. P. 35–47; Rendle M. The Problems of Becoming Soviet: Former Nobles in Soviet Society. 1917–1941 // *European History Quarterly*. 2008. № 1 (38). P. 7–33.

¹³ Берто Д. Трансмиссия социального статуса в экстремальных ситуациях // Судьбы людей: Россия. XX век. М., 1996; Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // *Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России. 1920–1930-е годы*. СПб., 2000; Фотеева Е. Социальная адаптация после 1917 года: жизненный опыт состоятельных семей // *Судьбы людей: Россия. XX век*. М., 1996

¹⁴ Чуйкина С.А. Дворянская память: бывшие в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е годы). СПб., 2006.

¹⁵ Ефремов С. И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 – конец 1930-х гг.): социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Ефремов С.И. Трудовая деятельность бывших дворян в СССР (1920–1930-е гг.) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2011. № 2. С. 141–146.

¹⁶ Гудков А.А. Отечественное усадебоведение XX в. Опыт историографии: автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2006; Биккулов Н.А. Усадьба как объект научного изучения и историография ее истории // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2013. Т. 19. № 2. С. 30–33.

¹⁷ Врангель Н.Н. Старые усадьбы: очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 2000; Шамури Ю.И. Подмосковные. М., 1912; Фомин И. Московский классицизм // *Мир искусства*. 1904. № 7. С. 187–197; *Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба»: Библиографический указатель содержания журналов*. М., 1994. С. 4–6.

¹⁸ Злочевский Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий // *Памятники отечества*. 1992. № 2. С. 80–81.

¹⁹ Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX – начала XX вв. М., 1971.

²⁰ Лисовский В.Г. Особенности русской архитектуры конца XIX – начала XX вв. М., 1976.

²¹ Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX в. М., 1979.

²² Кириллов В.В. Архитектура русского модерна. Опыт формологического анализа. М., 1979.

²³ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910 гг. М., 1982.

²⁴ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.

²⁵ Нашекина М.В. Русская усадьба эпохи символизма // Русская усадьба. Вып. 4(20). М., 1998. С. 315–318.

²⁶ Иванова Л.В. Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. М., 1994. № 1. С. 149–165; Пушкарева И.М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы // Вопросы истории. 1999. № 4. С. 14–29; Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. М., 1997; Архитектура русской усадьбы. М., 1997.

²⁷ Каждан Т.П. Художественный мир... С. 19.

²⁸ Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. М., 1997.

²⁹ Нашекина М.В. Русская усадьба Серебряного века. М., 2007.

³⁰ Стернин Г.Ю. Русская загородная усадьба // Русская усадьба: сб. ОИРУ. 1998. № 4 (20).

³¹ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX – нач. XX вв.). М., 1969; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; Он же. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократических революции в России. Саратов, 1981; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994; Литуев В.Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. Теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М., 1997 и др.

³² Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.

³³ Гехтляр С.Я., Осадчая О.А. Концепт «дворянская усадьба» в русской культуре: место в концептосфере, содержание, структура // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 6(37). С. 18–20; Городнова Л.Е. Смысловой континуум понятия «Усадьба» // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 10. Сер. «Гуманитарные науки». С. 201–206; Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006.

³⁴ Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII–XX вв. М., 2001; Русские провинциаль-

ные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2003; Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003 и др.

³⁵ Холодова Е. Усадьбы Курской губернии. Историко-архитектурные очерки. Курск, 1997; Ларионова М.Б. Дворянская усадьба на среднем Урале (вторая половина XVIII – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006; Оноприенко И.Г. Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50–90-е годы XIX века (на примере Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007; Савинова Е.Н. Сельские усадьбы московских предпринимателей: конец XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. Рассказова Л.В. Русская провинциальная среднедворянская усадьба как социокультурный феномен (на примере усадеб Пензенского края): дис. ... канд. культурологии. Нижний Новгород, 1999; Зайцева Н.В. Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1999 и др.

³⁶ Мишанина Е.В. Поместное дворянство Оренбургского Заволжья: хозяйственная и культурная деятельность середина XVIII – начало XX века. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; Дементьева Е.Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук Самара, 1999; Шевченко Н.Ю. Русская сельская усадьба (1860–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010.

³⁷ Баринаева Е.П. Дворянские усадьбы в начале XX века // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 170–175; Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768 – 1861 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; Александрова С.А. Дворянские усадьбы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011; Милешина Н.А. Провинциальная дворянская усадьба во второй половине XVIII – середине XIX вв. (на материалах Среднего Поволжья) // Мордовский народ в составе российской государственности: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 20 окт. 2011 г. Саранск, 2011. С. 34–39; Она же Управление имением как составляющая повседневной жизни дворянства второй половины XVIII – середины XIX в (на материалах Центрально-европейских и Средневолжских губерний России)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5–2. С. 120–123; Рассказова Л.В. Русская провинциальная среднедворянская усадьба как социокультурный феномен (на примере усадеб Пензенского края): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999; Александрова С.А. Дворянские усадьбы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011; Кригер Л.В. Усадьбы Воронежской области. Воронеж, 2011; Васильева З.В., Кашеева А.А. Три усадьбы: Белкино, Турлики, Бугры. Калининград, 2011 и др.

³⁸ Река времени. 2011 / Отв. Редактор М.И.Роднов. Уфа, 2011; река времени. 2012 / отв. редактор Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012.

³⁹ Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013. 536 с.

⁴⁰ Гранков Д.А. Мемуары эмигрантов как источник по изучению русской усадьбы // Вестник МГОУ. Сер. «История и политические науки». 2012. № 2. С. 7–12.

⁴¹ Ершова Л. В. Лирика И. А. Бунина и русская усадебная культура // Филологические науки. 1999. № 5. С. 33–41; Лебедева Т. А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина. 1920-1953 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2002; Жаплова Т.М. Образ русской усадьбы в поэзии XIX – начала XX века. Оренбург, 2006; Попова О.А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начале XX веков. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.

⁴² Алексеева Е.В. Отражение процессов европеизации российской элиты в отечественной художественной литературе XIX века // Филологический класс. 2013. № 3 (33) С. 100–104; Секиринский С.С. История и литература. В несовпадающих ракурсах? // Отечественная история. 2002. № 1. С. 4; Зверев В.В. Художественная литература как исторический источник (К постановке проблемы) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С. 66–67.

⁴³ Лепешинский И.Ю., Лепешинская Т.А. Отечественная война 1812 года в историографическом романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Омск, 2011; Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в русской художественной культуре XIX – начале XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011.

⁴⁴ Алексеева Е.В. Отражение процессов европеизации российской элиты в отечественной художественной литературе XIX века // Филологический класс. 2013. № 3 (33) С. 104.

⁴⁵ Чахор Р. Менталитет провинциального дворянства в период общественно – политических изменений второй половины XIX века (на примере литературных произведений). Вроцлав, 2013. С. 15–17.

⁴⁶ Там же. С. 182–184.

⁴⁷ Смахтина М.В. Представление о благородных и неблагородных видах деятельности российского дворянства в XIX веке (по литературным произведениям) // Вдохновение Россией: наука, образование, культура как способ развития общества: Забелинские чтения (Кунцевские). 2007. С. 291–294; Она же. Представление о мужской и женской ролях в семье помещиков XIX в.: гендерный аспект (по материалам мемуаров и беллетристики) // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2008. № 5. С. 166–171 и др.

⁴⁸ Смахтина М.В. Воспитание ненависти: образ российского дворянства в произведениях художественной литературы XIX века // Вестник РУДН. Сер. «История России», 2005. № 4. С. 44–52.

⁴⁹ Смахтина М.В. Русское поместное дворянство в 19в.: эволюция этических норм, представлений и практики в социальной и экономической сфере: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁵⁰ Кабытова Е.П. Кризис русского дворянства. Самара, 1997; Еникеев С.А. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999; Кобозева З.М. Дворянство Центрально-Промышленного района в начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995; Савицкий И.В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX вв. (по материалам Олонекской, Вологодской и Архангельской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998; Филатова Т.В. Российское поместное дворянство в начале XX века: организация, деятельность, попытки самоидентификации: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного района России в пореформенный период. М., Белгород, 2002; Чикаева К.С. Дворянство Кубанской области и Ставропольской губернии в конце XIX века – 1917 г.: социальный статус и демографические характеристики: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2001 и др.

⁵¹ Лещенко И. Н. Потомственное дворянство в условиях пореформенной России (на материалах Тверской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Миронова Е.В. Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; Леднева Н.К. Ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010; Хасянов О.Р. Экономическая, общественная и культурная жизнь провинциального дворянства в начале XX века (на материалах Симбирской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009. Он же. Основные направления культурной деятельности Симбирского дворянства в начале XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 178–185 и др.

⁵² Морозан В.В. Мелкопоместное дворянство Центрально-земледельческого района России в XIX веке // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX веков. СПб., 2012. № 9. С. 23–42; Тушканов И.В. Частновладельческое хозяйство Саратовской губернии в пореформенный период (1861–1904 гг.) Волгоград, 2010.

⁵³ Оноприенко И.Г. Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50 – 90-е гг. XIX века: традиции и новации. Белгород, 2010; Милещина Н.А. Дворянские собрания в повседневной жизни высшего сословия второй половины XVIII–XIX столетиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 62–64; Она же. Трансформация патриотического сознания российского дворянства в XVIII–XIX столетиях // Известия СНЦ РАН. 2010. Т. 12. № 2–1. С. 14–21 и др.

⁵⁴ Карпачев М.Д. Дворянство Воронежской губернии об отмене крепостного права // История и историческая память. 2012. № 5. С. 118–142; Селиверстова Н.М. Правовой статус российского дворянства накануне и в период реформ 60–70 х гг. XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2–1(40). С. 166–171; Она же. Крестьянский мир и освобождение деревни глазами помещика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10–2. С. 173–178;

Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002 и др.

⁵⁵ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М., 2009; Милешина Н.А. Феномен повседневности российского дворянства (вторая половина XVIII – середина XIX вв.: отличительные особенности // Актуальные проблемы науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27 сент. 2011 г.: в 6 ч. Тамбов, 2011. Ч. 6. С. 99–101; Рябова И.Ю. Сословные и семейные ценности, быт и традиции московского дворянства второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁵⁶ Шевнина О.Е. Провинциальное дворянство: стереотипы мышления и образ действий (на примере высшего сословия Среднего Поволжья конца 1850-х – 1870-х гг.)//Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.2010. № 4. С. 17–25; Аверичева О.М. Социокультурный облик земских участковых начальников на материалах Орловской губернии//Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2 (52). С. 11–17; Лавицкая М.И. Орловское потомственное дворянство второй половины XIX – начала XX веков. (происхождение, инфраструктура и социально-культурный облик). Орел, 2005.

⁵⁷ Шаповалов В.А., Шаповалова И.В. Российское дворянство и купечество в 60–90-е годы XIX века: проблемы социального партнерства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Выпуск №1 (41). Т. 5. С. 12–20; Барина Е.П. Российское купечество и поместное дворянство в начале XX века: проблемы взаимоотношений// История в лицах, личности в истории: материалы вторых междунар. Усмановских чтений, 17 октября 2013 г.: Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 33–41.

⁵⁸ Горбунова Н.В. Дворянство и казачество: исторические основы сословной самоорганизации и особенности возрождения сословных структур в современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2012. № 4. С. 45–51.

⁵⁹ Азаматова Г.Б. Интеграция национального дворянства в российское общества на примере рода Тевкелеевых. Уфа, 2008.

⁶⁰ Ильясова А.Я. История башкирского дворянства: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010.

⁶¹ Гайдук Т.В. Изменения в социокультурном облике российского дворянства в 1861–1917 гг. (на материалах Северного Кавказа): дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁶² Кириевич Е.И. Польско-белорусское дворянство в Псковской губернии в XIX – начале XX вв. // Псков. 2010. № 33. С. 152–158.

⁶³ Арапов Д.И. Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. 1999. № 3. URL: http://history.machaon.ru/all/number_03/novyearh/nomer3/index.html; Он же. Мусульманское дворянство в Российской империи // Татарский мир. 2005. № 11. <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=733§ion=0&heading>.

⁶⁴ Чикаева К.С. Дворянское землевладение на Северном Кавказе в 1861–1917 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ, 2013. № 93(09). С. 1085–1096; Она же. Дворянское депутатское собрание на Северном Кавказе в XIX веке // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 239–243; Она же. Структура помещичьего хозяйства Северного Кавказа на основе анализа статистических публикаций Дворянского банка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 2.

⁶⁵ Абсалимов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа: ДизайнПресс, 2013. 204 с.

⁶⁶ Уфимские помещики. С. 58–59.

⁶⁷ Там же. С. 140–148.

⁶⁸ Мишанина Е.В. Крепостные порядки в Оренбургской помещичьей дворянской усадьбе (по произведениям С. Аксакова и Н. Рычкова) // Сельское население России в условиях модернизации XIX–XX веков. Оренбург, 2012. С. 212–214.

⁶⁹ Уфимские помещики... С. 149–174.

⁷⁰ Чижков А.В., Зорин А.А. Калужские усадьбы: каталог с картой расположения усадеб. М., 2007.

⁷¹ Никулин В.Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград, 2005.

⁷² См.: например: Львов С.К. Участие симбирского дворянства в подготовке проекта крестьянской оеформы 1861 г. // Дворянское наследие в конструировании гражданской идентичности. Материалы Всероссийской научной студенческой конференции. Ульяновск, 2013 и др.

⁷³ Цетральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 2601. Л. 3.

⁷⁴ Федоров В.А. История России 1861–1917. М., 1990. С. 138.

⁷⁵ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 188.

⁷⁶ Там же. С. 198.

⁷⁷ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 221.

⁷⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. ХLI. Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 22.

⁷⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII. Орловская губерния. СПб., 1903. С. 15.

⁸⁰ Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1910. С. 38.

⁸¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. / сост. Корелин А.П. Т. 1. 1906–1909 гг. М., 2001. С. 565–574, 593–598, 779–8882.

⁸² Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 87, 94, 97.

⁸³ Любецкий С.М. Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гуляния. Характеристика и бытие

московских жителей дедовских и наших времен. Гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события. Очерки земледелия и садов с древнейших времен. Изд. 2. М., 1880.

⁸⁴ Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба»: Библиографический указатель содержания журналов. М., 1994. С. 4–6.

⁸⁵ Врангель Н.Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 2000; Шамурин Ю.И. Подмосковные. М., 1912; Фомин И. Московский классицизм // Мир искусства. 1904. № 7. С. 187–197.

⁸⁶ Злочевский Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий // Памятники отечества. 1992. № 2. С. 80–81.

⁸⁷ Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX – начала XX вв. М., 1971.

⁸⁸ Лисовский В.Г. Особенности русской архитектуры конца XIX – начала XX вв. М., 1976.

⁸⁹ Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX в. М., 1979.

⁹⁰ Кириллов В.В. Архитектура русского модерна. Опыт формологического анализа. М., 1979.

⁹¹ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910 гг. М., 1982.

⁹² Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 8.

⁹³ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.

⁹⁴ Нашекина М.В. Русская усадьба эпохи символизма // Русская усадьба. Вып. 4(20). М., 1998. С. 315–318.

⁹⁵ Иванова Л.В. Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. М., 1994. № 1. С. 149–165; Пушкарева И.М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы // Вопросы истории. 1999. № 4. С. 14–29.

⁹⁶ Каждан Т.П. Художественный мир... С. 19.

⁹⁷ Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. М., 1997.

⁹⁸ Архитектура русской усадьбы. М., 1997.

⁹⁹ Нашекина М.В. Русская усадьба Серебряного века. М., 2007.

¹⁰⁰ Двоеносова Г. А. Дворянская родословная книга Казанской губернии 1785–1917 гг. Региональные аспекты изучения массового источника: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000; Лобанова Н.Г. К роду отцов своих... Семейная историческая хроника дворянских родов Сосновских, Шишковых, Хирьяковых. Тольятти, 2001; Наумов А.В. Судьбы российского дворянства в XX веке: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.

¹⁰¹ Семенов В.Н. Семенов Н.Н. Саратов дворянский. Саратов, 2004; Казанское дворянство. 1895–1917. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001; Кутырева М.А. Пазухин А.Д. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность. Чебоксары, 2002; Тюстин А.В. Биографический ракурс пензенских уездных предводителей дворянства // Записки краеведов. Вып. 1. Пенза, 2003. С. 97–104 и др.

¹⁰² Шевнина О.Е. Провинциальное дворянство: стереотипы мышления и образ действий (на примере высшего сословия Среднего Поволжья кон-

ца 1850–1870-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 17–25; Милешина Н.А. Феномен повседневности российского дворянства (вторая половина XVIII – середина XIX вв.: отличительные особенности // Актуальные проблемы науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27 сент. 2011 г.: в 6 ч. Тамбов, 2011. Ч. 6. С. 99–101.

¹⁰³ Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX вв. Земледелие, землепользование, система ведения хозяйства. М. 1971.; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – нач. XX вв. М., 1974; Водарский В.Я. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX века. М., 1988.

¹⁰⁴ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX – нач. XX вв.). М., 1969; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; Он же. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократических революции в России. Саратов, 1981; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.

¹⁰⁵ Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII – XX вв. М., 2001; Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2003 и др.

¹⁰⁶ Мишанина Е.В. Поместное дворянство Оренбургского Заволжья: хозяйственная и культурная деятельность середина XVIII – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; Дементьева Е.Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.

¹⁰⁷ Баринаева Е.П. Дворянские усадьбы в начале XX века // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 170–175; Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768–1861 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; Александрова С.А. Дворянские усадьбы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011; Милешина Н.А. Провинциальная дворянская усадьба во второй половине XVIII – середине XIX вв. (на материалах Среднего Поволжья) // Мордовский народ в составе российской государственности: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 20 окт. 2011 г. Саранск, 2011. С. 34–39; Она же Управление имением как составляющая повседневной жизни дворянства второй половины XVIII – середины XIX в (на материалах Центрально-европейских и Средневолжских губерний России) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5–2. С. 120–123;

Рассказова Л.В. Русская провинциальная средневладельческая усадьба как социокультурный феномен (на примере усадеб Пензенского края): Дис...к.к.н. Нижний Новгород, 1999; Хасянов О.Р. Экономическая, общественная и культурная жизнь провинциального дворянства в начале XX века на материалах Симбирской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009 и др.

¹⁰⁸ Аксаков С.Т. Семейная хроника // Собр. Соч. Т. 1. С.5.

¹⁰⁹ Аюпов Р. Хозяйка первой башкирской кумысолечебницы: [об О.Г. Аксаковой] // Веч. Уфа. 2010. 24 сентября. С. 5.

¹¹⁰ Кошелев В. А. Аксаковы: мифология рода // Вторые Аксаковские чтения : сб. материалов Всерос. науч. конф. 21–24 сент. 2006 г. / под общ. ред. Л. А. Сапченко ; Ульяновский гос. ун-т. Ульяновск, 2006. С. 17–24.

¹¹¹ Сейчас дом-музей С.Т. Аксакова Оренбургская область, Бугурусланский р-он, с. Аксаково.

¹¹² Филиал ГАОО в г. Бугуруслане. Фонд Аксаковых; ЦГАСО. Ф. 430. Оп.1. Д. 1807; URL: <http://aksakovo.by.ru>.

¹¹³ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 125–127.

¹¹⁴ Там же. С. 173.

¹¹⁵ Подробнее см.: Абсалямов ю.М., Азаматова Г.В., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С.140-148.

¹¹⁶ Аксаковская земля. Уфа, 2013.

¹¹⁷ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1994.

¹¹⁸ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.). Социальная структура. Социальные отношения. Уфа, 2002.

¹¹⁹ Шайдуллин Р.Ф. Крестьянские хозяйства Татарстана в 1920-х годах. Казань, 2007

¹²⁰ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. М., 1999.

¹²¹ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение низового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

¹²² Биккузина А.Х. Башкирская община на Южном Урале во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2004; Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900). Автореф. дисс. канд.ист. наук. Самара, 1999; Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX века – 30-е гг. XX века). Автореф. дисс. канд.ист. наук. Саранск, 1995.

¹²³ Батиршин Р.Р. Реализация Столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии (1906–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.

¹²⁴ Трегуб А.А. Аграрная реформа П.А. Столыпина в Саратовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007.

- ¹²⁵ Максимов С.В. Осуществление Столыпинской аграрной реформы в Поволжье в 1906–1916 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- ¹²⁶ Изгоев А.С. Общинное право: опыт социально-юридического анализа общинного землевладения как института гражданского права. СПб., 1906.
- ¹²⁷ Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915.
- ¹²⁸ Чупров А.И. Социальные последствия разрушения общины // Речи и статьи. Т. 9. СПб., 1914.
- ¹²⁹ Кофод А.А. Русское землеустройство. СПб., 1914.
- ¹³⁰ Ленин В.И. Новая аграрная политика // Полн. собр. соч. Т. 16.
- ¹³¹ Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. По анкетам Вольного экономического общества. Ч. I, II. Пг., 1917.
- ¹³² Климина Г.И. Крестьянское движение в Поволжье в 1902–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952., Кострюкова В.В. Крестьяне Поволжья в 1906–1916 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953., Левачева К.В. Аграрная реформа Столыпина в Самарской губернии. Дисс.к.и. н. Куйбышев, 1949; Косенко М.Я. Аграрная реформа Столыпина в Саратовской губернии. Дисс.к.и.н. Саратов, 1950.
- ¹³³ Кабытов П.С. Новейшие исследования по аграрной истории России // Крестьянство в российских трансформациях. Ижевск, 2010. С. 12.
- ¹³⁴ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- ¹³⁵ Зырянов П.И. Крестьянская община Европейской России. 1907–1919. М., 1992.
- ¹³⁶ Кабытов П.С. П.А. Столыпин последний реформатор Российской империи. М., 2008.
- ¹³⁷ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 357.
- ¹³⁸ Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина. СПб., 2002.
- ¹³⁹ Максимов С.С. Осуществление Столыпинской аграрной реформы в Поволжье. Автореф. дисс.к.и.н. М., 1995.
- ¹⁴⁰ Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX в. Автореф. дисс.к.и.н. Казань, 1995. С.15.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Батиршин Р.Р. Реализация Столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- ¹⁴³ Прилуцкая О.А. Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906–1907 гг. По материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003.
- ¹⁴⁴ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма. Куйбышев, 1982. С.161.
- ¹⁴⁵ Котляров С.Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 13.
- ¹⁴⁶ Трегуб А.А. Аграрная реформа П.А.Столыпина в Саратовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 23.

¹⁴⁷ Кабытов П.С. Новейшие исследования по аграрной истории России // Крестьянство в российских трансформациях. Ижевск, 2010. С. 13–14.

¹⁴⁸ Аграрная революция. Т. 2.: Крестьянское движение в 1917 году. М., 1928; Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 году. М.; Л., 1927; Чаадаева О.Н. Помещики и их организации в 1917 году. М.; Л., 1928; Шестаков А.В. Октябрь в деревне. М., 1925; Он же. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция. 1927. № 5 и др.; Фирсов Н.Н. Крестьянская революция 1917 года (до Октября) и Временное правительство. Казань, 1922; Чернышов Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. Казань, 1926.

¹⁴⁹ Задача идеологической борьбы с противниками большевиков в 1917 году как справа, так и слева были поставлены перед сотрудниками Истпарта и целенаправленно решались на местах: Алексеев В.Н. Два года борьбы. Ульяновск, 1927; Васильев-Южин М.И. Пролетарская революция в Саратове // Советское строительство. М., 1924. № 10–11; Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 году. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. М., 1933; Кураев В.В. Октябрь в Пензе. Пенза, 1927; Троцкий В.В. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. М.; Самара, 1932; Флеер М.Г. Временное правительство в борьбе с аграрной революцией // Красная летопись. 1926. № 2(7). С. 5–15; Ягодкин В. Октябрь на родине Ленина. М.; Самара, 1932.

¹⁵⁰ Ундревич В.С., Карева М.Ф. Пролетарская революция и государственный аппарат (Очерк истории борьбы за госаппарат в 1917–1918 гг.). М., 1935; Арсентьев А. Крестьянские организации перед Октябрем 1917 г. // Борьба классов. 1936. № 11; Шефер А. Органы «самоуправления» царской России. Куйбышев, 1939; Ремезова Т.А. Советы крестьянских депутатов в 1917 году // Исторические записки. 1950. № 2.

¹⁵¹ Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев, 1957; Борьба за власть Советов в Симбирской губернии. Февраль 1917 г. – июнь 1918 г. Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Чувашии. Сборник документов. Чебоксары, 1957; Октябрь в Самаре: Воспоминания. Куйбышев, 1957; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1957; Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Сборник документов и материалов. Пенза, 1957; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. Сборник документов и материалов. Казань, 1958; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1958; Революционное движение в России в апреле 1917 г. Документы и материалы. М., 1958; Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Документы и материалы. М., 1959; Революционное движение в России в августе 1917 г. Документы и материалы. М., 1959; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Документы и материалы. М., 1961; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Документы и материалы. М., 1962; Татария в борьбе за победу пролетарской

революции. Сборник документов и материалов. Казань, 1957; 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. Саратов, 1957; 1917 год в Царицыне. Сборник документов и материалов. Сталинград, 1957; Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1957.

¹⁵² Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. М., 1962; Документы по истории Октября в Татарии. Казань, 1973; За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. Саратов, 1967; За власть Советов. Сборник воспоминаний старых большевиков. Саратов, 1968; Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917. Куйбышев, 1969; Он же. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972; Упрочение Советской власти в Татарии. Сборник документов и материалов. Казань, 1964; Установление Советской власти в Марийском крае. Сборник документов. Йошкар-Ола, 1970; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917–1918. Саратов, 1968.

¹⁵³ Анализ изучения революционных событий 1917 года в Поволжье был представлен в очерках: Ионенко И.М. Об изучении Октябрьской революции в Поолжье и Приуралье // Ученые записки Казанского гос. университета Т. 122. Кн. 2. Казань, 1962; Литвин А.Л. Великий Октябрь в Татарии (Обзор литературы) // Татария в период Великого Октября. Казань, 1970; Кабытова Н.Н., Шестаков В.А. Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975. С. 74–79; Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1984.

¹⁵⁴ Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март-октябрь 1917 г. М., 1967; Артемьев С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в 1917–1918 годах. Чебоксары, 1965; Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 год). Саратов, 1966; Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972; Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов, 1977; Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). Саратов, 1980; Захаров Н.С., Емельянова И.А. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции (По материалам Казанской губернии). Казань, 1967; Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. Казань, 1977; Морозов Б.М. Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1977.

⁸ Ерицян Х.А. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960; Моисеева О.Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М., 1967.

¹⁵⁵ Герасименко Г.А. Возникновение советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Нижнем Поволжье. Саратов, 1966; Гнутов М.А., Чистов Б.М., Афанасьев Б.Н. Установление Советской власти в Симбирской губернии. Ульяновск, 1957; Грачев Е. Страница истории. Борьба за

власть Советов в г. Бугульме и Бугульминском уезде в 1917–1920 гг. Казань, 1965; Дорожкин М.В. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1958; Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября (По материалам Казанской губернии). Казань, 1957; Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958; Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (Октябрь 1917 – март 1918 гг.). Саратов, 1967; Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Семьянинов В.П. Установление Советской власти в средневолжской деревне. Саратов, 1976; Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979. Особое внимание исследователей привлекли крестьянские съезды, выступившие в Поволжье в 1917 году как массовые правотворческие организации. См.: Кабытова Н.Н. Крестьянские съезды Поволжья в советской исторической литературе // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье. С. 58–68.

¹⁵⁶ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов (На материалах Нижнего Поволжья). Саратов, 1974; Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. 1984. Т. 111. С. 100–150; Кабытова Н.Н. Классовая борьба в поволжской деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев, 1984; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975; Курсков Н.А. Некоторые проблемы изучения земельных комитетов 1917 г. в Среднем Поволжье // Историография Великой Октябрьской социалистической революции... в Поволжье. С. 69–74; Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 году, март–октябрь. М., 1981; Медведев Е.М. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970; Седов А.В. Движение крестьян России за массовую организацию новых земельных комитетов в 1917 году. Горький, 1975; Он же. Роль крестьянских комитетов в аграрном движении 1917 года. Горький, 1977; Он же. Борьба крестьянских комитетов за хлеб для деревенской бедноты в 1917 году. Горький, 1981; Он же. Крестьянские комитеты в 1917 году: идея, организация, статус. Саратов, 1990; Он же. Движение революционного крестьянства России за демократическое самоуправление в 1917 году Нижний Новгород, 1991; Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. Гл. V–VII.

¹⁵⁷ Абрамов П.Н. Волостные земства // Исторические записки. М., 1961. Т. 69. С. 27–45; Баранов Е.П. Подготовка реформы местных органов управления и самоуправления в 1917 году // Вестник Московского университета. Право. 1975. № 3. С. 63–68; Сенцов А.А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления в России накануне Октября // Советское государство и право. М., 1984. № 6. С. 108–114.

¹⁵⁸ Итоги и задачи в изучении этой темы представлены в монографии: Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

¹⁵⁹ Россия, 1917 год: выбор исторического пути. («Круглый стол» историков Октября, 22–23 октября 1988 г.). М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Революция и форма: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. 1991. № 2; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: Быт и нравы поведения, мораль. М., 1997; Великий Октябрь и современная Россия. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Нижний Новгород, 1997; Революция в России. Спорное прошлое и неопределенные перспективы («Круглый стол» к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции) // Альтернативы. 1997. № 3.

¹⁶⁰ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; Он же Крестьянская община и кооперация. М., 1997; Кабытова Н.Н. Земство или Советы: российская властная альтернатива // Самарский земский сборник. 1996. Вып. 3.; Лавров В.М. Крестьянский парламент России: всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. М., 1996; Матвеев М.Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997.

¹⁶¹ Седов А.В. Февральская революция в деревне. Нижний Новгород, 1997.

¹⁶² Хитрина Н.Е. Аграрная политика временного правительства в 1917 г. Нижний Новгород, 2001.

¹⁶³ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.

¹⁶⁴ Протасов Л.Г. Люди учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

¹⁶⁵ Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Самарское земство и земельные комитеты в 1917 году // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2002; Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). СПб., 2011.

¹⁶⁶ Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.

¹⁶⁷ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; Сухова А.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.

¹⁶⁸ Седов А.В. Февральская революция в деревне. Нижний Новгород, 1997. С. 31–32.

¹⁶⁹ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. М., 1992. С. 84.

¹⁷⁰ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 886. Л. 16.

¹⁷¹ Кабытова Н.Н. Крестьяне и власть в российской революции 1917 года // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. 2010. С. 199–200.

¹⁷² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.813. Оп. 1. Д. 13. Л. 48.

¹⁷³ ЦГАСО.Ф.820. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

¹⁷⁴ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 31. Л. 7–9.

¹⁷⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4.

¹⁷⁶ Там же. Л. 5–6.

¹⁷⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 983. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–5.

¹⁷⁸ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. Пенза. 1917. 8 июля.

¹⁷⁹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 189.

¹⁸⁰ ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

¹⁸¹ Палькин М. Один из многих. К вопросу колхозного строительства в Мордовской области // Путь Советов. 1930. № 24; Он же. Советское строительство в Мордовской автономной области // Путь Советов. 1931. № 10; Он же. Мордовская автономная область // Советское строительство. 1931. № 7 (60); Он же. Пятилетка Мордовской автономной области. М., 1931; Мордовия к 15-й годовщине Октября. Саранск, 1932; Розенштейн М.А. Пути социалистического переустройства сельского хозяйства Правобережья. М.-Самара, 1930; Шапошников П. Коллективизация в Мордовской автономной области // Революция и национальности. 1931. № 23; Родионов М. Против извращения партийной линии в деревне (Об оппортунистической практике Мордовского обкома ВКП (б) // План. 1934. № 10; Сурдин Н. Организационно-массовая работа Советов МАССР // Власть Советов. 1935. № 15; Уморин Г. Я. Из опыта организации труда в колхозах Мордовии // На аграрном фронте. 1934. № 8; Он же. Растет социалистическая Мордовия // Революция и национальности. 1934. № 1; Утехин М. Ошибки руководства Мордовии // Коммунист. 1934. № 9 и др.

¹⁸² Ивашкин С. С. Участие рабочих в коллективизации сельского хозяйства Мордовской АССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Он же. Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск, 1957; Он же. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1958.

¹⁸³ Абрамов В. К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996. С. 9.

¹⁸⁴ Ивашкин С. С. Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск, 1957. С. 140.

¹⁸⁵ Там же. С. 141.

¹⁸⁶ Там же. С. 142.

¹⁸⁷ Кожурин Ю.Ф. Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003. С. 284–285.

¹⁸⁸ Агеев М. В. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960.

¹⁸⁹ Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

¹⁹⁰ Абрамов В. К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996. С. 8.

¹⁹¹ Филатов Л.Г. Некоторые вопросы историографии и важнейшие этапы коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов по гуманитарным наукам. Саранск, 1967. С. 24.

¹⁹² Дорожкин М.В. Некоторые вопросы историографии колхозного строительства Мордовии // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. Вып. 58. С. 28.

¹⁹³ Филатов Л.Г. О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // История СССР. 1968. № 6.

¹⁹⁴ Там же. С. 114.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. С. 124.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. С. 124–125.

¹⁹⁹ Там же. С. 125.

²⁰⁰ Там же. С. 125–126.

²⁰¹ Дорожкин М. В. Указ. соч.

²⁰² Яшкин И. А. К истории коллективизации сельского хозяйства Мордовии // Расцвет и сближение уровней культуры народов Поволжья. Горький, 1975.

²⁰³ Дорожкин М.В. Указ. соч. С. 18.

²⁰⁴ Там же. С. 19.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. С. 20.

²⁰⁷ Там же. С. 21.

²⁰⁸ Там же. С. 22.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. С. 23.

²¹¹ Там же. С. 24.

²¹² Там же.

²¹³ Там же. С. 25.

²¹⁴ Тягушев В.С. Борьба за укрепление местных Советов Мордовии в период подготовки массовой коллективизации // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1966. Вып. 30; Он же. Местные Советы Мордовии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933–1937) // Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1968. Вып. 34; Он же. Роль местных Советов Мордовии в проведении коллективизации сельского хозяйства (1927–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; Он же. Советы Мордовии в борьбе за массовую коллективизацию // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1972. Ч. 1.

²¹⁵ Тягушев В. С. Роль местных Советов Мордовии в проведении коллективизации сельского хозяйства (1927–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 8.

²¹⁶ Там же. С. 9–10.

²¹⁷ Там же. С. 13.

- ²¹⁸ Там же. С. 22.
- ²¹⁹ См.: Кукушкин Ю.С. Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни 1929—1932 гг. (По материалам РСФСР). М., 1962; Он же. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. 1929—1932 гг. М., 1968.
- ²²⁰ Лебедев А. П. Совхозы Мордовии в 1918—1940 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- ²²¹ Красников А. А. Население Мордовии в 20-30-е гг.: структура, воспроизводство, миграция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
- ²²² Там же. С. 14.
- ²²³ Филатов Л. Г. Коллективизация в Мордовии: проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. Саранск, 1990.
- ²²⁴ Там же. С. 194.
- ²²⁵ Там же. С. 199.
- ²²⁶ Еферица Т. В., Марискин О. И., Надькин Т. Д. Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920—1930-е годы. Саранск, 2000.
- ²²⁷ Там же. С. 64.
- ²²⁸ Там же. С. 65.
- ²²⁹ Там же. С. 66.
- ²³⁰ Еферица Т.В. Община и власть (по материалам Мордовии) // Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир. М., 1995; Она же. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е годы XIX века — 30-е годы XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1997; Она же. К вопросу о традиционных формах самоуправления // 100 лет XVII Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1997.
- ²³¹ Еферица Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е годы XIX века — 30-е годы XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1997. С. 17.
- ²³² Надькин Т.Д. Борьба крестьянства Мордовии против насильственной коллективизации с осени 1929 до весны 1932 года // Вестник Мордовского университета. 1994. № 3; Он же. Коллективизация крестьянских хозяйств в Мордовии в 1931—1932 гг. Второй отлив из колхозов // Экономика Мордовии: история и современность. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1997. Вып. 113; Он же. Первый этап коллективизации крестьянских хозяйств в Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии. Саранск, 1998; Он же. Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002; Он же. Деревня Мордовии в начале 1930-х годов: коллективизация, репрессии, голод. Саранск, 2004; Он же. Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии). Саранск, 2006; Он же. Деревня Мордовии в 1932—1933 гг.: хлебозаготовки, голод и репрессии // Отечественная история. 2006. № 4; Он же. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010.
- ²³³ Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. С. 252.
- ²³⁴ Там же. С. 252—253.

²³⁵ Там же. С. 253.

²³⁶ Там же. С. 254.

²³⁷ Там же. С. 106–107.

²³⁸ Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002. С. 100.

²³⁹ Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. С. 255.

²⁴⁰ Каблюк В. С. Развитие системы машинно-тракторных станций в Мордовии (1933–1941 гг.) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Материалы VII междунар. науч.-практ. конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004; Он же. К вопросу о состоянии производства в колхозной деревне Мордовии 1933–1941 гг. // Наука и инновации в Республике Мордовия. Саранск, 2004; Он же. К вопросу о развитии сети животноводческих колхозно-товарных ферм Мордовии: 1933–1941 гг. // Общество и власть: XX век. Труды НИИГН. Саранск, 2006. Т. 5 (122); Он же. Колхозное животноводство Мордовии в 1930-е гг.: обеспеченность кормовой базой // Наследие М.Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии: материалы республ. научно-практич. конференции. Саранск, 2006. Ч. 2; Он же. Патриархальное крестьянство Мордовии (социокультурный аспект) // Одвий (Молодая сила): сб. науч. ст. аспирантов и докторантов. Саранск, 2007. Вып. 1; Он же. Модернизация сельского хозяйства Мордовии: становление колхозного строя // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. М., 2008. № 24 (55); Он же. Сельскохозяйственное производство в Мордовии в условиях модернизации: 1928–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008.

²⁴¹ Каблюк В.С. Сельскохозяйственное производство в Мордовии в условиях модернизации: 1928–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 15.

²⁴² Там же. С. 16.

²⁴³ Там же. С. 18.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Юрченков В. А. Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: матер. междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2011.

²⁴⁶ Там же. С. 567.

²⁴⁷ Там же. С. 568–570.

²⁴⁸ См.: Юрченков В. А. Материалы ОГПУ об общественно-политической ситуации в Мордовии: 1922–1934 гг. // IV Державинские чтения в Республике Мордовия. Саранск, 2008.

²⁴⁹ Юрченков В. А. Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: матер. междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2011. С. 572.

²⁵⁰ Там же. С. 573.

Научное издание

Кабытова Надежда Николаевна,
Кабытов Петр Серафимович,
Кондрашин Виктор Викторович и др.

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Монография

Публикуется в авторской редакции

Корректоры Т. И. Кузнецова, Л. А. Кнохинова
Художественный редактор Л. В. Крылова
Компьютерная верстка, макет Л. Н. Законовой

Подписано в печать 17.11.2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 30,37. Уч.-изд. л. 30,37. Гарнитура «Newton».
Тираж 200 экз. Заказ №
Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@samsu.ru

Отпечатано по технологии С1Р
в типографии ООО «Медиа-Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru.

